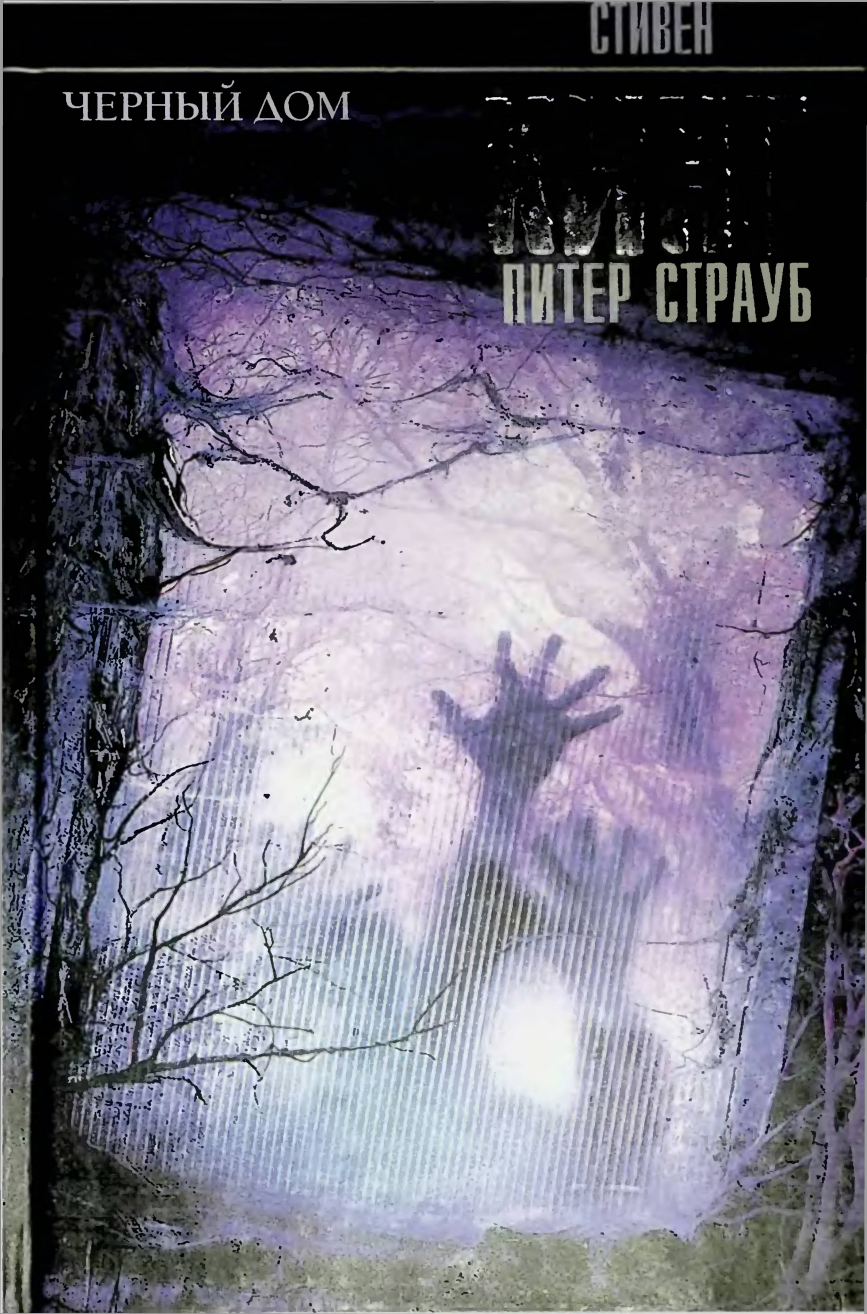
СТИВЕН

ЧЕРНЫЙ ДОМ

ПИТЕР СТРАУБ

СТИВЕН

КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

СТИВЕН

КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

ЧЕРНЫЙ ДОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
and Peter Straub
BLACK HOUSE

Перевод с английского *В. Вебера*

Художник *В. Лебедева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора, E Seafront Corporation и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Черный дом : [роман] / Стивен Кинг, Питер Страуб ; [пер. с англ. В. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 768 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-094135-3

«Черный дом» — уникальный роман в творчестве Стивена Кинга.

Это — продолжение любимого миллионами фанатов во всем мире «Талисмана» и в то же время — связующее звено между «Талисманом» и opus magnum Кинга, циклом «Темная Башня».

И еще — это редкий пример сотрудничества Кинга с другим писателем...

Серия чудовищных убийств потрясла городок Френч-Лэндинг. Начальник местной полиции просит Джека Сойера, детектива в отставке, помочь в расследовании этого дела.

Кто совершил ужасные преступления? Имитатор, подражающий известному серийному убийце? Или на тихий город обрушились неведомые темные силы? Чтобы найти ответ, Джеку Сойеру предстоит воскресить свое прошлое и вновь отправиться в путешествие в Долины...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King and Peter Straub, 2001
© Перевод. В. Вебер, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-094135-3

Посвящается Дейвиду Гернету и Ральфу Вичинанце

Корона золотых кудрей венчает милый лик,
Твой поцелуй — закрыть глаза — как сладок этот миг,
Шагать я смело за тобой готов, забыв себя,
Царица сердца моего, прекрасней нет тебя.

«Канзасцы»

Место и время действия: здесь и сейчас

Часть первая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ КАУЛИ

Глава 1

Здесь и сейчас, как любил говаривать один мой давний приятель, мы пребываем в струящемся настоящем, где обладание даром предвидения отнюдь не гарантирует идеальной видимости. Здесь: примерно в двухстах футах над землей, там, где только орлам и парить, над крайним западом штата Висконсин, где изменчивое русло реки Миссисипи образует его естественную границу. Сейчас: раннее утро пятницы где-то в середине июля, несколько лет от начала нового века и тысячелетия. Неисповедимые пути будущего столь сокрыты от нас, что у слепца, возможно, больше шансов увидеть лежащее впереди. Прямо здесь и сейчас, часом позже шести утра, солнце едва лишь показалось на востоке безоблачного неба, большое, уверенное в себе светло-желтое, плывущее, словно впервые, к будущему, оставляя позади прошлое. Прошлое, которое темнеет, отдаляясь все больше, превращая нас в слепцов.

Внизу солнце касается поверхности реки, золотит легкую рябь. В его свете блестят рельсы железной дороги Берлингтон — Нортен — Санта-Фе, проложенной между берегом реки и задворками ветхих двухэтажных домов, что построены вдоль принадлежащей округу дороги Оо. Дороги, известной больше как Нейлхауз-роуд, самой нижней части славного маленького городка, простирающегося вверх по склону холма на восток. В этот миг жизнь в округе Каули, похоже, затаила дыхание. Недвижный воздух во-

круг нас так чист и сладок, что кажется, будто человек может унюхать редиску, которую кто-то вытащит из земли в километре от него.

Двигаясь навстречу солнцу, мы удаляемся от реки, проплываем над сверкающими железнодорожными рельсами, над задними дворами и крышами домов на Нейлхауз-роуд, над рядом мотоциклов «харлей-дэвидсон», опирающихся на откидные подставки. Эти невзрачные дома построили в начале прошлого столетия для литейщиков, штамповщиков и упаковщиков, работавших на фабрике гвоздей Педерсона. Рабочие, они ведь не станут жаловаться на изъяны арендованных домов? Вот и дома строили подешевле (фабрика гвоздей Педерсона, испытавшая немалые трудности с оборотными средствами в пятидесятых годах, в 1963-м приказала долго жить). Ждущие своих хозяев «харлеи» наводят на мысль, что рабочих заменили байкерские банды. Свирепая внешность владельцев «харлеев» — растрепанные волосы, густые бороды, пивные животы, сережки в ушах у мужчин, черные кожаные жилеты и куртки и далеко не полный набор зубов — вроде бы подтверждает первоначальное предположение. Но, как и многие предположения, это верно только отчасти.

Нынешних жителей Нейлхауз-роуд, коих подозрительные местные прозвали Громобойной пятеркой вскоре после того, как они поселились у реки, не так-то просто подогнать под какую-либо категорию. У всех — высокооплачиваемая работа в «Пивоваренной компании Кингсленда», расположенной за самой южной окраиной города, к востоку от Миссисипи. Если мы взглянем направо, увидим «самую большую в мире шестибаночную упаковку», резервуары-хранилища, раскрашенные в цвета «Светлого кингслендского». Мужчины, живущие на Нейлхауз-роуд, познакомились в кампусе Урбана-Чампейн Иллинойсского университета, где все, кроме одного, готовились защищать дипломы по английской литературе или философии (этот один лежал в хирургическом отделении университетского медицинского центра). Им нравится, что их зовут

Громобойной пятеркой. Они словно видят себя героями комикса. Хотя сами они придумали себе другое название: Гегельянская пена. Эти господа образуют любопытную команду, мы еще познакомимся с ними поближе. А пока у нас есть время лишь на то, чтобы заметить написанные от руки постеры, которые висят на фронтонах нескольких домов, на двух уличных столбах и на паре брошенных зданий. На каждом — одна и та же надпись: «РЫБАК, МОЛИСЬ СВОЕМУ ВОНЮЧЕМУ БОГУ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ПОЙМАЛИ ТЕБЯ ПЕРВЫМИ! ПОМНИ ЭМИ!»

От Нейлхауз-роуд Чейз-стрит резко поднимается по холму, между скособоченными домами с обшарпанными, некрашеными фронтонами цвета тумана: старый отель «Нельсон», где ночуют несколько обедневших жителей города, таверна, обувной магазин, в пыльной витрине которого красуются рабочие сапоги, изготовленные компанией «Ред Уинг», еще нескольких зданий без вывесок, но одинаково сонных и, похоже, пустующих. На всех этих сооружениях лежит отпечаток неудачного воскрешения. Вроде бы их вызволили из темных западных земель, но они все равно остались мертвыми. В определенном смысле с ними все так и произошло. Охряная горизонтальная полоса тянется на высоте десяти футов над тротуаром по фасаду отеля «Нельсон», затем опускается ниже и ниже по двум серым фасадам соседних домов. Полоса — уровень воды в наводнении 1965 года, когда Миссисипи, выйдя из берегов, затопила железную дорогу, Нейлхауз-роуд и едва не захлестнула холм, на который поднимается Чейз-стрит.

В той части, что не пострадала от разбушевавшейся реки, Чейз-стрит выравнивается и расширяется, превращаясь в главную улицу лежащего под нами городка — Френч-Лэндинга. Кинотеатр «Эджинкорт», «Гриль-бар», Первый фермерский банк, «Фотостудия» Сэмюэля Штуца (основной заработок — фотографии выпускников школы, свадебных церемоний и детские портреты) и магазины

(не жалкое подобие — настоящие) обрамляют широкие тротуары: «Аптечный магазин Бентона», «Высококачественные скобяные товары», «Видео на субботний вечер», «Готовая одежда», «Универмаг Шмитта», торгующие электроникой, журналами и поздравительными открытками, игрушками, спортивной одеждой с эмблемами «Брюэрз», «Туинз», «Пэккерз», «Викингз»[1] и Висконсинского университета. Через несколько кварталов улица меняет название на Лайлл-роуд, дома, преимущественно деревянные одноэтажные, стоят уже не вплотную друг к другу, а на приличном расстоянии. Располагаются в них, согласно вывескам, страховые компании и туристические агентства. Далее улица превращается в шоссе, которое ведет на восток мимо «С семи до одиннадцати»[2], «Дома ветеранов зарубежных войн», большого Центра продажи сельскохозяйственной техники, именуемого местными «Гольц». Потом — широкие поля. Если мы, упиваясь чистейшим воздухом, поднимемся еще на сотню футов и посмотрим, что там, за полями, то увидим морены, овраги, поросшие соснами холмы, долины, невидимые с земли, петляющие по ним речки, снова поля и маленькие города. Один из них, Сентралия (всего-то горстка домов!), расположен на пересечении узких шоссе, 35-го и 93-го.

Лежащий под нами Френч-Лэндинг выглядит, будто глубокой ночью его население срочно эвакуировали. Никто не гуляет по тротуарам, никто не вставит ключ в замок решетки, закрывающей фронтон одного из магазинов на Чейз-стрит. Стоянки перед магазинами тоже пустуют, легковушки и пикапы начнут появляться здесь сначала по одному или парой, потом, через час-другой,

---

[1] Речь идет о профессиональных командах: бейсбольных «Милуоки Брюэрз», «Миннесота Туинз», и футбольных «Милуоки Пэккерз», «Миннесота Викингз». — *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] «С семи до одиннадцати» — сеть однотипных продовольственных магазинов (в ассортимент также входит ограниченный набор товаров повседневного спроса и журналов), зачастую работающих круглосуточно.

побольше. Ни единого огонька не светится в окнах коммерческих зданий или жилых домов на прилегающих улицах. Кварталом севернее от Чейз, на Самнер-стрит, стоят четыре однотипных двухэтажных дома из красного кирпича. Если смотреть с запада на восток, первый занимает публичная библиотека Френч-Лэндинга, второй — офисы Патрика Джи Скарды, доктора медицины, местного эскулапа общего профиля, и юридической фирмы «Белл и Холланд», которой заправляют Гарланд Белл и Джулиус Холланд, сыновья основателей, в третьем расположилось похоронное бюро «Хартфилд и сын», уже ставшее филиалом огромной похоронной империи со штаб-квартирой в Сент-Луисе, в четвертом — почтовое отделение Френч-Лэндинга.

Отделенное от них широкой подъездной дорожкой, переходящей в большую автомобильную стоянку, следующее здание расположено на углу Самнер-стрит и Третьей улицы. Оно тоже двухэтажное, из красного кирпича, но более вытянутое, по сравнению с соседями. Во дворе окна второго этажа забраны отродясь не знавшими краски металлическими решетками, из четырех автомобилей на стоянке два — патрульные, с маячками на крышах и буквами ПУФЛ[1] на бортах. Патрульные машины и решетки на окнах кажутся вроде бы неуместными в сельской глубинке. Ну какие здесь могут быть преступления? Конечно же, ничего серьезного, разве что мелкие кражи в магазинах, вождение в нетрезвом виде да иной раз драка в баре.

Словно в доказательство мирной и размеренной жизни маленького городка, красный мини-вэн с надписью на борту «ЛА РИВЬЕРА ГЕРАЛЬД» медленно ползет по Третьей улице, останавливаясь у почтовых ящиков, чтобы водитель успел сунуть дневную газету, запечатанную в синий пластиковый конверт, в серые металлические цилиндры, на которых те же слова, что и на борту. Когда мини-вэн

[1] ПУФЛ — аббревиатура: полицейский участок Френч-Лэндинга.

поворачивает на Самнер-стрит, где ящиков около домов нет, одни щели для почты в дверях, водитель просто бросает пакеты с газетой к входной двери. Синие пакеты остаются у дверей полицейского участка, похоронного бюро, библиотеки, офисного здания. Почтовое отделение газету не получает.

Подумать только, свет горит в окнах первого этажа полицейского участка. Дверь открывается. Из нее выходит высокий, темноволосый молодой человек, в светло-синей форменной рубашке с короткими рукавами и темно-синих брюках, перетянутый кожаным ремнем. Широкий ремень и золотая бляха на груди Бобби Дюлака поблескивают в утреннем свете, и все, что надето на Бобби, включая пистолет калибра 9 мм на бедре, кажется новеньким, с иголочки, как и сам Бобби Дюлак. Он наблюдает, как красный мини-вэн сворачивает на Вторую улицу, хмуро смотрит на газету. Подцепив ее носком черного, до блеска начищенного ботинка, нагибается лишь для того, чтобы прочитать заголовок сквозь синий пластик. Фокус не проходит. Все еще хмурясь, Бобби наклоняется ниже и очень осторожно, прямо-таки нежно, подхватывает газету, вроде как его мать подхватила бы котенка, чтобы перенести его куда-нибудь. Держа газету на вытянутой руке, быстро оглядывает Самнер-стрит, усмехается и ретируется за дверь. Поскольку спектакль, устроенный патрульным Дюлаком, разжег наше любопытство, мы, спускаясь все ниже и ниже, следуем за ним.

Серый коридор ведет мимо закрытой двери и доски объявлений, практически пустой, к двум металлическим лестницам. Одна уходит вниз, к маленькой раздевалке, душевым, тиру. Вторая — наверх, к комнате для допросов и двум рядам камер, которые в это утро пустуют. Откуда-то доносятся звуки радиошоу, пожалуй слишком громкие для столь тихого утра.

Бобби Дюлак открывает дверь и входит (мы — за ним по пятам) в дежурную часть, из которой он только

что выходил, чтобы забрать газету. По правую руку выстроился ряд шкафов для документов, за ним — обшарпанный деревянный стол с аккуратной стопкой набитых папок и транзисторным радиоприемником, источником шума. Приемник настроен на волну местной KDCU-AM[1], рекламный слоган — «Ваш голос в округе Каули», и весельчак ведет «Барсучью хатку»[2], популярную утреннюю программу. Старина Джордж кричит больно уж громко — должно быть, хочет, чтобы его услышали, даже снизив звук до минимума. Этот парень по натуре очень шумный, таким уж уродился.

Посередине стены, аккурат напротив нас, закрытая дверь с панелью из темного стекла. На ней белая надпись «ДЕЙЛ ГИЛБЕРТСОН, НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ». Дейл появится через полчаса, а то и позже.

Два металлических стола стоят под прямым углом друг к другу слева от нас, а за тем, что развернут к нам, сидит Том Лунд, светловолосый полицейский примерно того же возраста, что и его напарник, хоть и не выглядит так, словно лишь пять минут назад сошел с конвейера. Смотрит он на пакет, зажатый между двумя пальцами правой руки Бобби Дюлака.

— Ага. Понятно, — говорит Лунд. — Самая свежая информация.

— А ты думал, Громобойная пятерка нанесла нам визит вежливости? Держи. Не хочу читать эту чертову газетенку.

Не удостоив синий пакет и взглядом, Бобби отправляет утренний выпуск «Ла Ривьера геральд» в полет по широкой дуге над десятью футами деревянного пола, а сам бросается направо и занимает позицию перед деревянным столом еще до того, как Том Лунд ловит брошенный ему «мяч». Бобби смотрит на два имени и кое-какие подробности, написанные мелом на длинной грифельной

[1] AM — указывает на волновой диапазон (средние волны).

[2] Барсук — шутливое прозвище жителей штата Висконсин.

доске, которая висит на стене за столом. Он недоволен, наш Бобби Дюлак, по выражению лица чувствуется, что от злости он готов выпрыгнуть из штанов.

А вот Джордж Рэтбан, толстый и радостный, кричит из студии KDCU: «Дружище, подожди секунду, дай мне записать твои рекомендации! Мы говорим об одной и той же игре? Дружище...»

— Может, Уэнделл образумился и решил дать задний ход, — предполагает Том Лунд.

— Уэнделл, — повторяет Бобби. И кривит ртом, хотя Том видит только его коротко стриженный затылок, и движение губ не находит достойного зрителя.

— Дружище, позволь задать тебе один вопрос, только прошу, ответь честно. Ты действительно видел вчерашнюю игру?

— Я не знал, что Уэнделл — твой большой друг, — цедит Бобби. — Я вообще не знал, что ты бывал так далеко на юге, аж в Ла Ривьере. Я всегда думал, что ты считаешь вечер удавшимся, выпив кувшин пива и выбив больше сотни в «Боулингдроме Ардена». А теперь я вижу, что ты тусуешься с репортерами из университетских городков. Возможно, даже с Висконсинской крысой, этим парнем с KWLA. Смотри не подхвати чего-нибудь от тамошних шлюшек.

Собеседник Рэтбана говорит, что пропустил первый иннинг, поскольку ему пришлось забирать детей после консультации в больнице «Маунт Хеврон», но все остальные он действительно видел.

— Разве я говорил, что Уэнделл Грин — мой друг? — вопрошает Том Лунд. Над левым плечом Бобби он видит первое из имен, написанных на грифельной доске. И не может оторвать от него глаз. — Так уж получилось, что я встретил его после суда над Киндерлингом, и мне не показалось, что он — плохой человек. Наоборот, мне он даже понравился. Я его пожалел. Он хотел взять интервью у Голливуда, а Голливуд дал ему от ворот поворот.

Да, конечно, он видел дополнительные иннинги, говорит несчастный собеседник Рэтбана, которого ведущий явно старается размазать по стенке, поэтому он и знает, что в Поки Риза попали мячом.

— Что же касается Висконсинской крысы, я б его не узнал, если б увидел. А так называемая музыка, которую он выпускает в эфир? Большей дряни слышать мне не доводилось. Я вообще не понимаю, как этому чудику дали свою программу. Да еще на университетской радиостанции! А что ты скажешь насчет нашей удивительной UW-Jla Ривьера, Бобби? Что они говорят о нашем обществе? О, я забыл, тебе нравится это дерьмо.

— Нет, я люблю «311» и «Корн»[1], ноты настолько не в теме, что не сможешь найти разницу между Джонатаном Дэвисом и Ди Ди Рамоном[2]. Впрочем, забудем об этом, лады? — Бобби Дюлак медленно поворачивается к своему напарнику и улыбается. — Хватит цапаться.

— Это я-то цапаюсь? — Том Лунд округляет глаза, изображая оскорбленную невинность. — Неужто я швырнул газету через всю комнату? Нет, вроде бы не швырял.

— Если ты никогда не видел Висконсинскую крысу, откуда тебе известно, как он выглядит?

— Как-то вот я знаю и о необычном цвете его волос, и о торчащем шнобеле. Знаю, что у него черная кожаная куртка, которую он носит не снимая днем и ночью, в дождь и солнце.

Бобби ожидал продолжения.

— Все это в его голосе. По голосу можно многое узнать о человеке. Парень говорит: «Послушай, похоже, будет хороший день», а на самом деле рассказывает тебе историю своей жизни. Хочешь узнать кое-что еще об этом Крысеныше? Он не был у дантиста шесть или семь лет. И его зубы похожи на говно.

---

[1] «311», «Корн» — современные музыкальные группы.

[2] Дэвис Джонатан, Ди Ди (Джонни) Рамон — современные исполнители.

Из уродливого бетонного здания KDCU, что рядом с пивоварней на Пенинсула-драйв, радиоприемник, который Дейл Гилбертсон подарил полицейскому участку задолго до того, как Том Лунд или Бобби Дюлак надели форму, доносит яростный рев Джорджа Рэтбана, рев, от которого в радиусе ста миль завтракающие фермеры улыбаются через стол своим женам, а проезжающие дальнобойщики радостно гогочут.

— Я клянусь, дружище, и это относится к каждому, кто звонит мне в студию, я сердечно тебя люблю, это святая правда, я люблю тебя, как моя мамочка любила свою грядку репы, но иногда вы СВОДИТЕ МЕНЯ С УМА. Ну и ну! Вторая половина одиннадцатого иннинга, два аута! Шесть — семь, «Реды»[1] впереди! Игроки на второй и на третьей базе. Бэттер отбивает мяч в центр. Риз срывается с третьей базы, бежать-то совсем ничего, и он успевает на четвертую базу, успевает! ДАЖЕ СЛЕПОЙ ЗАСЧИТАЛ БЫ ОЧКО!

— Слушай, а я думал, что у него не было ни единого шанса успеть, правда, слушал репортаж по радио, — говорит Том Лунд.

Они дуются друг на друга, и оба это знают.

— Фактически, — вопит самый популярный «голос округа Каули», — фактически, мальчики и девочки, мне не остается ничего другого, как внести следующее предложение. Давайте поменяем всех судей на «Миллер-парк», да чего уж там, во всей Национальной лиге на СЛЕПЦОВ! Что вы об этом думаете, друзья? Я гарантирую, что качество судейства повысится от шестидесяти до семидесяти процентов. ДАЙТЕ ЭТУ РАБОТУ ТЕМ, КТО МОЖЕТ С НЕЙ СПРАВИТЬСЯ, СЛЕПЫМ!

Веселая улыбка растягивает губы Тома Лунда. Ох уж этот Джордж Рэтбан, ну дает.

— Проехали, хорошо? — предлагает Бобби.

---

[1] «Бостон ред сокс» — профессиональная бейсбольная команда.

Все еще улыбаясь, Лунд достает сложенную газету из синего пакета, раскладывает на столе, и тут же улыбка сбегает с лица, оно становится каменным.

— О нет. О черт.

— Что такое?

Лунд стонет и качает головой.

— Господи. Я даже не хочу этого знать. — Бобби сует руки в карманы, потом расправляет плечи, вытаскивает правую руку, закрывает ладонью глаза. — Я слепой, так? Переведите меня в судьи.

Лунд молчит.

— Это заголовок? Заголовок на первой полосе? Неужели все так ужасно? — Бобби убирает руку от глаз, она зависает в воздухе на уровне его груди.

— Похоже, этот Уэнделл не внял здравому смыслу, во всяком случае, не пожелал остановиться. Неужели я только что говорил, что этот ублюдок мне нравится? Просто не могу в это поверить.

— Проснись, — хмыкает Бобби. — Никто не растолковывал тебе, что стражи правопорядка и журналисты обитают по разные стороны баррикад?

Мощный торс Тома Лунда нависает над столом, глубокая морщина, словно шрам, прорезает лоб, щеки багровеют. Он тычет пальцем в Бобби Дюлака.

— Слушай, ты меня достал, Бобби. Сколько ты здесь служишь? Пять месяцев, шесть? Дейл нанял меня четыре года назад, когда он и Голливуд надели наручники на мистера Торнберга Киндерлинга. За последние тридцать лет это был самый громкий процесс в истории округа. Не могу сказать, что все лавры принадлежат мне, но я тоже внес свою лепту. Помог собрать доказательства.

— Только чуть-чуть, — говорит Бобби.

— Я напомнил Дейлу о барменше из «Гриль-бара», Дейл сказал Голливуду, Голливуд побеседовал с девушкой, и она сильно ему помогла. Помогла посадить Киндерлинга в тюрьму. Поэтому не тебе так со мной говорить.

Бобби Дюлак изображает искреннее раскаяние.

— Извини, Том. Я, конечно, не прав, — но думает совсем другое: «Допустим, ты проработал в полиции на пару лет дольше и однажды освежил память Дейла. Таким копом, как я сейчас, тебе вообще никогда не стать. Прошлым вечером ты уже продемонстрировал свой героизм, не так ли?»

За сорок пять минут до полуночи Арман «Нюхач» Сен-Пьер и его дружки из Громобойной пятерки с ревом примчались с Нейлхауз-роуд, ворвались в полицейский участок и потребовали от трех его обитателей, каждый из которых отработал восемнадцатичасовую смену, отчета о результатах расследования, которое занимало их больше всего. «Что, черт побери, вообще делается? Как насчет третьей девочки, а, как насчет Ирмы Френо? Ее уже нашли? Вы тут кого-нибудь ищете или только пускаете слюни? Вам нужна помощь? — орал Нюхач. — Вам нужна помощь? Так сделайте нас полицейскими, и вы получите всю чертову помощь, которая вам нужна, и даже больше». Гигант по прозвищу Мышонок, ухмыляясь, подошел к Бобби Дюлаку и наступал на него огромным пивным брюхом, пока Бобби не уперся спиной в шкаф. Потом он, дыша пивным перегаром и марихуаной, полюбопытствовал, знаком ли Бобби с произведениями такого уважаемого джентльмена, как Жак Деррида[1]. Когда Бобби ответил, что никогда не слышал о таком писателе, Мышонок бросил: «Как же так, Шерлок?» — и отступил в сторону, чтобы вперить взор в имена на грифельной доске. Полчаса спустя Нюхач, Мышонок и их дружки отбыли, недовольные полученными ответами, так и не ставшие копами, но более или менее успокоившись, и Дейл Гилбертсон заявил, что ему тоже пора домой, надо хоть немного поспать, а вот Том должен остаться в участке, на всякий случай. Оба копа ночной

[1] Деррида, Жак (1930—2004) — современный французский философ, идеи которого по стратегии анализа широко используются в литературе, лингвистике, философии, юриспруденции и архитектуре.

смены нашли причины не выходить на работу. Бобби сам вызвался остаться («Нет проблем, шеф»), вот почему мы и в столь раннее утро застали этих двух молодых людей в полицейском участке.

— Покажи, — просит Бобби Дюлак.

Лунд поднимает газету, поворачивает и держит так, чтобы Бобби мог прочитать заголовок: «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ ГУЛЯЕТ ПО ФРЕНЧ-ЛЭНДИНГУ». Таков заголовок статьи в три столбца в верхней левой части первой полосы. Текст набран на светло-синем фоне, черная линейка отделяет его от остальных материалов первой страницы. Подзаголовком, более мелким шрифтом, в одну строку: «Личность психа-убийцы ставит полицию в тупик». Ниже подзаголовка, еще мельче, указано, что статья написана Уэнделлом Грином при содействии редакции.

— Рыбак, — говорит Бобби. — С самого начала твой приятель взъелся на нас. Рыбак, Рыбак, Рыбак. Если я вдруг превращусь в пятидесятифутовую обезьяну и начну крушить дома, ты назовешь меня Кинг-Конгом? — Лунд опускает газету и улыбается. — Ладно, — признает Бобби, — неудачный пример. Допустим, я ограблю пару банков. Назовешь ты меня Джоном Диллинджером?[1]

Улыбка Лунда становится еще шире.

— Говорят, у Диллинджера был такой «инструмент», что его заспиртовали в Смитсоновском институте[2]. Так что...

— Прочти мне первое предложение, — просит Бобби.

---

[1] Диллинджер, Джон (1902—1934) — известный преступник, совершил серию убийств и ограблений банков. Был объявлен ФБР «врагом общества номер один». Несколько раз бежал из-под стражи. 22 июля 1934 г. застрелен в Чикаго агентом ФБР.

[2] Смитсоновский институт — крупный комплекс культурно-просветительских и научных учреждений. Основан на средства, завещанные англичанином Джеймсом Смитсоном по отдельному закону, принятому конгрессом в 1846 г.

Том Лунд поворачивает газету к себе, читает: «Поскольку полиции Френч-Лэндинга никак не удается ухватиться за ниточку, которая может привести к установлению личности убийцы и сексуального маньяка, названного нашим корреспондентом Рыбаком, на улицах этого маленького городка сгущается атмосфера страха, отчаяния и подозрительности и постепенно расползается, охватывая фермы и деревни округа Френч, перекидываясь на округ Каули».

— Только этого нам и не хватает! — восклицает Бобби. — Именно этого. — Он пересекает комнату, встает за спиной Лунда и через его плечо читает всю статью на первой полосе, ухватившись за рукоятку своего «глока», словно собираясь продырявить бумагу парой-тройкой пуль.

«Наши традиции доверия и добрососедства, наша привычка встречать каждого с открытым сердцем и распростертыми объятиями, — пишет Уэнделл Грин, отъявленный лицемер, — медленно, но верно разъедаются этими негативными эмоциями. Страх, отчаяние и подозрительность отравляют души горожан и деревенских жителей, ибо натравливают соседа на соседа, издеваются над нормами поведения, которые впитаны нами с молоком матери.

Двое детей были зверски убиты, а их трупы частично съедены. Теперь исчез третий ребенок. Восьмилетняя Эми Сен-Пьер и семилетний Джонни Иркенхэм стали жертвами страстей чудовища в человеческом облике. Им не узнать ни счастья юности, ни радостей взрослой жизни. Их скорбящие родители никогда не дождутся внуков, которых они бы нежно любили. Родители друзей Эми и Джонни теперь не выпускают своих детей из дома, как и все остальные родители. В результате летние программы для детей свернуты практически во всех городах и муниципальных образованиях округа Френч.

С исчезновением десятилетней Ирмы Френо через семь дней после убийства Эми Сен-Пьер и всего через три

после гибели Джонни Иркенхэма терпение общественности начало иссякать. Как уже сообщал наш корреспондент, во вторник вечером на одной из боковых улочек Грейнджера группа неизвестных жестоко избила Мерлина Граасшаймера, пятидесятидвухлетнего безработного сезонного рабочего без определенного места жительства. Аналогичный случай произошел под самое утро в четверг в парке Лейфа Эрикссона в Ла Ривьере. Элвар Праториус, тридцатишестилетний турист из Швеции, устроившийся там на ночлег, подвергся нападению трех бандитов. К счастью, Граасшаймеру и Праториусу потребовалась лишь первая медицинская помощь, но в дальнейшем никто из нас не гарантирован от более серьезных последствий».

Том Лунд смотрит на абзац, в котором описывается исчезновение Ирмы Френо с Чейз-стрит, и поднимается из-за стола.

Бобби Дюлак какое-то время молча читает, потом не выдерживает:

— Ты должен послушать это дерьмо, Том. Вот как он заканчивает свою говенную статью. «Когда Рыбак ударит вновь? А в том, что он ударит, друзья мои, сомнений нет. И когда начальник полиции Френч-Лэндинга, Дейл Гилбертсон, выполнит наконец свой долг и избавит граждан округа от зверств Рыбака и неизбежных вспышек насилия, вызванных его собственным бездействием?»

Бобби Дюлак тяжелым шагом выходит на середину комнаты. Его лицо налито кровью. Он глубоко вдыхает воздух, затем шумно выдыхает.

— Как тебе это нравится? «Когда Рыбак ударит вновь?» Хорошо бы ему выбрать для удара дряблую задницу Уэнделла Грина.

— Я полностью с тобой согласен, — кивает Том Лунд. — Как можно печатать этого борзописца? «Неизбежные вспышки насилия»! Он намекает людям, что можно самостоятельно разбираться с теми, кто вызывает подозрение!

Бобби целится пальцем в грудь Лунда.

— Я лично намерен поймать этого подонка. Даю слово. Приведу его, живым или мертвым. — И на случай, что Лунд не понял, повторяет: — Лично.

Благоразумно решив не озвучивать первые слова, которые пришли на ум, Том Лунд просто кивает. Палец Бобби по-прежнему нацелен ему в грудь.

— Если тебе нужна помощь, может, стоит поговорить с Голливудом. У Дейла не вышло, но, возможно, тебе повезет больше.

Бобби отмахивается от этого предложения.

— Нет нужды. Дейл и я... и ты, разумеется, мы справимся. Но я лично собираюсь взять этого гада. Гарантирую. — Пауза. — А потом, Голливуд уже ушел на пенсию, когда приехал сюда, или ты забыл?

— Голливуд слишком молод для пенсии, — улыбается Лунд. — В полиции он начал служить практически ребенком. Так что ты в сравнении с ним чуть ли не зародыш.

И под их дружный смех мы выплываем из дежурной части и вновь поднимаемся вверх, чтобы переместиться еще на квартал севернее, на Куин-стрит.

В нескольких кварталах к востоку мы видим под собой приземистое здание, от середины ступицы которого отходят корпуса-радиусы, разделенные лужайками. Тут и там растут высокие дубы и клены. Участок, где расположено здание, занимает целый квартал и окружен живой изгородью, которую, по правде сказать, давно следовало постричь. Разумеется, это какое-то общественное здание. Первая мысль — прогрессивная начальная школа, в которой радиусы — классы без стен, ступица — столовая и административные помещения. Но, спустившись ниже, мы слышим громкий голос Джорджа Рэтбана, доносящийся сразу из нескольких окон. Распахиваются стеклянные двери, и в яркое утро выходит стройная женщина в очках с оправой «кошачий глаз». В одной руке она держит свернутый лист бумаги, в другой — скотч. Поворачивается к двери, разворачивает плакат и ловкими движениями при-

крепляет его скотчем на стеклянной двери. Солнечный свет отражается от кольца с дымчатым топазом размером с лесной орех, надетым на средний палец ее правой руки.

Пока она замирает на мгновение, любуясь своей работой, мы заглядываем через ее плечо, читая надпись на плакате, обрамленную нарисованными воздушными шариками: «СЕГОДНЯ — КЛУБНИЧНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ!!!»

Когда женщина уходит в дом, мы через стеклянную дверь рассматриваем интерьер. У входа стоят два-три складных кресла-каталки. Женщина со светло-каштановыми, забранными вверх волосами, стуча высокими каблучками, проходит по уютному холлу с креслами из светлого дерева и такими же столиками, заваленными журналами, минует то ли пост охранника, то ли регистрационную стойку, за которой никого нет, и исчезает за полированной дверью с табличкой: «УИЛЬЯМ МАКСТОН, ДИРЕКТОР».

Что же это за школа? Почему она открыта в столь ранний час, почему устраивает фестивали в середине июля?

Мы можем назвать ее выпускной школой для тех, кто уже сдал экзамены за все этапы своей жизни, кроме последнего, а к нему они готовятся день за днем под неусыпной заботой Шустрика, мистера Уильяма Макстона, директора. Это «Центр Макстона по уходу за престарелыми», который, в более наивные времена, до косметических изменений, внесенных в середине восьмидесятых, назывался просто «Домом престарелых Макстона». Заведовал им тогда его основатель, Герберт Макстон, отец Шустрика. Будучи человеком порядочным, Герберт пришел бы в ужас, глядя на некоторые проделки единственного продукта его чресл. Шустрик никогда не испытывал желания руководить «семейным зоопарком», как он называл дом престарелых, с тамошними «вставными челюстями», «зомби», «ссыкунами» и «маразматиками». Получив диплом бухгалтера в Висконсинском университете в Ла Ривьере (где также прошел курсы случайных связей, азартных игр и пивных запоев), наш мальчик согласился на предло-

женную ему должность в Мэдисоне, административном центре штата Висконсин, в отделении департамента налогов и сборов лишь для того, чтобы научиться обворовывать государство, не попадаясь. Пять лет в ДНС многому его научили, но последующая карьера консультанта не оправдала ожиданий, поэтому он согласился на уговоры стареющего отца и посвятил себя заботам об инвалидах и маразматиках. А потом с неохотой признал, что бизнес отца пусть и не столь престижный, зато очень прибыльный, поскольку позволял обворовывать как государство, так и клиентов.

Давайте же вплывем в стеклянные двери, пересечем уютный холл (отметив попутно смешанные запахи освежителя воздуха и аммиака, которые господствуют в таких заведениях), минуем дверь в апартаменты директора и выясним, что делает там в такую рань эта интересная молодая женщина.

За полированной дверью находится каморка без единого окна, обстановку которой составляют стол, вешалка и маленькая книжная полка, заваленная компьютерными распечатками, буклетами и флаерами. В дальней стене — открытая дверь. За ней мы видим помещение гораздо больших размеров, стены забраны полированными панелями того же цвета, что и дверь с табличкой, компанию кожаным креслам составляют удобный диван и стеклянный кофейный столик, а также большущий полированный письменный стол, заваленный бумагами.

Наша молодая женщина, ее зовут Ребекка Вайлес, сидит на краешке стола, положив ногу на ногу. Одно колено на другом, голени изящно перекрещиваются, острые носы туфель смотрят один на два часа, другой на двенадцать. Ребекка Вайлес, как мы понимаем, уселась так, чтобы ее лучше видели, чтобы ею восхищались, причем определенно не мы. За «кошачьей» оправой в глазах читаются скепсис и веселье, хотя причина этих эмоций не очень понятна. Мы предполагаем, что она — секретарь Шустрика, и это предположение оправдано только наполовину: небреж-

ность и фамильярность ее поведения говорят о том, что секретарскими обязанностями мисс Вайлес не ограничивается (мы можем даже задаться вопросом, откуда взялось на ее руке это милое кольцо, и, пожалуй, без труда найти правильный ответ).

Мы вплываем в открытую дверь, прослеживаем направление становящегося все более нетерпеливым взгляда Ребекки и видим широкую, обтянутую рубашкой цвета хаки спину ее стоящего на коленях начальника, который головой и плечами всунулся в достаточно большой сейф. На полках мы замечаем регистрационные книги и конверты из плотной бумаги, должно быть набитые деньгами. Несколько купюр выпадают из конвертов, когда Шустрик достает их из сейфа.

— Ты повесила плакат о фестивале? — спрашивает он, не поворачиваясь.

— Да, конечно, — отвечает Ребекка Вайлес. — И какой прекрасный день мы выбрали для нашего праздника. — Слова эти она произносит с отменным ирландским акцентом, хотя из всех экзотических мест бывала только в Атлантик-Сити, куда пару лет назад Шустрик возил ее на пять сказочных дней. Говорить так она научилась по старым фильмам.

— Я ненавижу Клубничный фестиваль, — рычит Шустрик, доставая из сейфа последние конверты. — Весь день здесь будут околачиваться родственники зомби, а они сами так перевозбудятся, что вечером придется колоть им транквилизаторы. И, если хочешь знать правду, я ненавижу воздушные шары. — Он вываливает деньги на ковер и начинает раскладывать в стопки по номиналам.

— А мне вот нравятся простые деревенские праздники, — воркует Ребекка, подтрунивая над боссом. — Я даже не дуюсь из-за того, что в столь прекрасный день мне пришлось прийти на работу ни свет ни заря.

— Знаешь, что еще я ненавижу? Эту чертову музыкальную часть. Поющие зомби и этот тупоумный диджей. Эти гребаные симфонии. Господи, какая мерзость.

— Как я понимаю, — ирландский акцент чудесным образом исчезает из голоса Ребекки, — ты хочешь, чтобы я занялась деньгами до начала фестиваля.

— Пора вновь съездить в Миллер. — Счет на вымышленную фамилию открыт в Провинциальном банке в Миллере, городке, расположенном в сорока милях. На него регулярно кладутся деньги, которые Шустрик уворовывает из средств, оставленных родственниками пациентов на оплату дополнительных товаров и услуг. Шустрик оборачивается с деньгами в руках и снизу вверх смотрит на Ребекку. Руки опускаются. — Слушай, у тебя отличные ноги. С такими ногами ты должна сделать карьеру.

— Я думала, ты никогда не заметишь, — улыбается Ребекка.

Шустрику Макстону сорок два года. У него хорошие зубы, густые волосы, широкое, искреннее лицо и карие глаза, которые всегда немного слезятся. У него двое детей, девятилетний Трей и семилетний Эшли, у которого недавно обнаружили хроническую недостаточность надпочечников, и только лекарства, по прикидкам Шустрика, будут обходиться ему в две тысячи долларов в год. Разумеется, есть у него и жена, Марион, тридцати девяти лет от роду, ростом пять футов и пять дюймов и весом за 190 фунтов[1]. Помимо этого Шустрик задолжал своему букмекеру 13 тысяч долларов, неудачно поставив на «Пивоваров» в игре, которую этим утром так живо комментировал Джордж Рэтбан. И он заметил. Конечно же, заметил выставленные напоказ точеные ножки мисс Вайлес.

— Прежде чем ты поедешь туда, я думаю, нам надо немного поразмяться на диване.

— Поразмяться, это как? — вроде бы наивно спрашивает Ребекка.

— Прыг, прыг, прыг, — отвечает Шустрик, похотливо улыбаясь, как сатир.

[1] Соответственно 165 см и под 87 кг. Одним словом, видная женщина.

— Какой ты у нас романтичный. — Сарказма в голосе Ребекки Шустрик не замечает. Он действительно считает себя романтиком.

Мисс Вайлес соскальзывает с краешка стола, Шустрик поднимается, ногой закрывает сейф. Блестя глазами, шагает к Ребекке, одной рукой обнимает ее за плечи, другой бросает конверты из плотной бумаги на стол. Расстегивает ремень, увлекает Ребекку к дивану.

— Так я смогу его увидеть? — говорит умная Ребекка, которая точно знает, как превратить мозги своего любовника в овсянку...

...и прежде чем Шустрик покажет ей то, что она так хочет увидеть, мы проявим благоразумие и уплывем в холл, который по-прежнему пустует. Коридор слева от регистрационной стойки приводит нас к двум большим, из светлого дерева со стеклянными панелями дверям с надписями соответственно «МАРГАРИТКА» и «КОЛОКОЛЬЧИК». Так называются крылья здания за этими дверями. В глубине серого коридора «Колокольчика» мужчина в мешковатом рабочем комбинезоне роняет пепел сигареты на плитки пола, по которым елозит грязной шваброй. Мы направляемся в «Маргаритку».

Функциональные помещения «Макстона» не столь уютны и комфортабельны, как присутственные. На дверях по обе стороны коридора номерные таблички, под ними в специальные пазы вставлены полоски бумаги с написанными от руки именами и фамилиями пациентов. В глубине коридора, через четыре двери от нас, стоит стол, за которым дремлет мужчина в белом, хотя и не первой свежести халате. Напротив него — двери в мужскую и женскую ванные комнаты. В «Макстоне» раковины установлены только в самых дорогих палатах, расположенных в «Златоцветике», крыле по другую сторону холла. На плитках пола — высохшие грязные разводы: здесь мужчина в мешковатом комбинезоне успел пошуровать шваброй. Серые не только стены, но, похоже, и воздух. Если мы приглядимся, то увидим и паутину, и пятна грязи, и про-

течки. Пахнет дезинфицирующим средством, аммиаком, мочой и чем-то похуже. Как любит говорить одна пожилая дама, занимающая палату в «Колокольчике», если живешь среди старых и слабоумных людей, запах какашек всегда будет с тобой.

Условия жизни в палатах разнятся в соответствии с материальными возможностями пациентов. Поскольку практически все спят, заглянем в некоторые. Вот М10, палата на одного, через две двери от ночного медбрата, в ней живет Элис Уитерс (сейчас она тихонько похрапывает, ей снится, как Фред Астер[1] кружит ее в вальсе по белому мраморному полу). Палата так заставлена мебелью, которую она привезла с собой: кровать, стулья, столики, сундуки, что ей приходится добираться до двери зигзагом. Элис сохранила не только мебель, но и ум, поэтому прибирается сама и в палате царит идеальная чистота. Рядом, в М12, два старых фермера, Торвальдсон и Джесперсон, которые не разговаривают друг с другом уже много лет, спят, разделенные тонкой занавеской, в окружении семейных фотографий и рисунков внуков.

Палата, находящаяся дальше по коридору, М18, являет собой полную противоположность чистенькой, тесной от мебели М10, точно так же, как и проживающий в ней Чарльз Бернсайд совершенно не похож на Элис Уитерс. В М18 нет столиков, сундуков, стульев, золоченых зеркал, ламп, вязаных ковриков и бархатных штор: пустоту скрашивают лишь металлическая кровать, пластиковый стул да комод. На комоде отсутствуют фотографии детей и внуков, стены не украшают детские рисунки. Мистер Бернсайд чистоту особо не жалует, поэтому слой пыли покрывает пол, подоконник, комод. В убранстве М18 личность постояльца никак не сказывается. Более всего палата напо-

[1] Астер, Фред (1899—1987) — настоящее имя Фред Аустерлиц. Танцовщик и актер. Лауреат премии «Оскар». В 1958 г. вел телепередачу «Вечер с Фредом Астером».

минает тюремную камеру. В воздухе стоит ядреный запах экскрементов.

И все-таки мы посетили «Центр» не ради забавности Шустрика Макстона, который мог бы развлечь, и не ради очарования Элис Уитерс. Нас интересует другой человек — Чарльз Бернсайд, Берни.

Глава 2

Прошлое Шустрика мы уже знаем. Элис переехала в «Макстон» из большого дома на Гейл-стрит, старой части Гейл-стрит, где она пережила двух мужей, вырастила пятерых сыновей, научила играть на пианино четыре поколения детей Френч-Лэндинга. Никто из них не стал профессиональным музыкантом, но все помнят ее и любят. В приют Элис прибыла, как и большинство постояльцев, на автомобиле, который вел один из ее сыновей. Она испытывала при этом смешанные чувства. С одной стороны, ей не хотелось жить среди чужих, с другой — она смирилась с неизбежным. В силу своего преклонного возраста она больше не могла жить одна в большом доме. Два ее взрослых сына предлагали ей перебраться к ним, но она и слышать не хотела о том, чтобы добавить им хлопот. Жизнь Элис Уитерс прошла во Френч-Лэндинге, и она не испытывала ни малейшего желания переезжать в другой город. Собственно, она всегда чувствовала, что закончит свой жизненный путь в «Макстоне», приюте не самом роскошном, но и не из худших. И когда Мартин, ее сын, привез мать познакомиться с местом, где ей предстояло провести остаток жизни, она обнаружила, что знакома как минимум с половиной постояльцев.

В отличие от Элис, у Чарльза Бернсайда, высокого, костлявого старика с мясистым носом, который лежит на металлической кровати под простыней, далеко не все в порядке с головой. Не снится ему и Фред Астер. Вены, выступающие на лысом черепе, спускаются к бровям, напоминающим серые мотки спутанной проволоки. Узкие гла-

за смотрят в выходящее на север окно и леса за участком «Макстона». Из всех обитателей крыла «Маргаритка» не спит только Берни. Его глаза поблескивают, губы изогнуты в улыбке, но эти внешние признаки ничего не означают, потому что мозг Чарльза Бернсайда скорее всего пуст, как и его комната. Берни много лет страдает болезнью Альцгеймера, и улыбка, вроде бы связанная с приятными воспоминаниями, на самом деле вызвана удовлетворением одной из основных физиологических потребностей. Если мы не сумели догадаться, что является источником вони в этой комнате, расширяющееся пятно на простыне, которой укрыт Берни, даст на это ясный ответ. Он только что справил большую нужду, от души опорожнил кишечник прямо в кровать, и мы можем лишь констатировать, что он не видит в этом ничего зазорного. Нет, сэр, чувство стыда давно уже ему неведомо.

Но пусть Берни, в отличие от Элис, давно уже не в себе, ему не свойственны типичные симптомы болезни Альцгеймера. Он может день-другой бубнить что-то нечленораздельное над овсянкой, как и прочие зомби Шустрика, но потом вдруг оживает и присоединяется к миру живых. В этом состоянии ему обычно удается добираться до ванной, и он проводит долгие часы то ли куда-то исчезая, то ли бродя по территории, всем и всеми недовольный, злой. Возвращаясь из мира зомби, он всегда хитер, скрытен, груб, упрям, злобен, да еще и ругается, — в общем, в «Макстоне» из всех стариков его, пожалуй, считают самым мерзким. Некоторые из медицинских сестер, санитаров, уборщиков сомневаются, что у Берни болезнь Альцгеймера. Они думают, что он симулирует эту болезнь, чтобы ему сходили с рук все его гадости. Едва ли мы можем винить их за эти подозрения. Если только врачи не ошиблись с диагнозом, Берни, возможно, единственный в мире человек, у которого на такой стадии болезни Альцгеймера бывают длительные периоды ремиссии.

В 1996 году, на семьдесят восьмом году жизни, человек, известный как Чарльз Бернсайд, прибыл в «Мак-

стон» на машине «Скорой помощи» из городской больницы Ла Ривьеры, а не в автомобиле, за рулем которого сидел кто-то из ближайших родственников. А в приемный покой больницы он заявился однажды ранним утром в гордом одиночестве, с двумя тяжелыми чемоданами, набитыми грязной одеждой, и громким голосом потребовал, чтобы ему оказали медицинскую помощь. Говорил он не совсем связно, но его поняли. Утверждал, что долго шел пешком, добираясь до больницы, и теперь хочет, чтобы больница позаботилась о нем. Пройденное им расстояние каждый раз менялось: десять, пятнадцать, а то и двадцать пять миль. То он спал несколько ночей в поле или в придорожном кювете, то не спал. Его общее состояние и идущий от него отвратительный запах говорили о том, что дорога и ночевки под открытым небом заняли у него не меньше недели. Если у него и был бумажник, то во время своего путешествия Бернсайд его потерял. В больнице Ла Ривьеры его помыли, накормили, предоставили койку и попытались понять, с кем имеют дело. Связности в его речи не прибавилось, документов у него не было, но кое-какие факты установить все-таки удалось: в здешних местах Бернсайд долгие годы работал плотником, кровельщиком, штукатуром, как сам по себе, так и в крупных строительных фирмах. Тетя, которая жила в Блэр, предоставила ему комнату.

Значит, он прошагал восемнадцать миль, отделявшие Блэр от Ла Ривьеры? Нет, он отправился в путь откуда-то еще, он не помнил, откуда именно, но место это находилось в десяти милях, нет, в двадцати пяти милях, какой-то город, а жители этого города — отвратительные мерзавцы. Как звали его тетю? Алтея Бернсайд. Ее адрес, номер телефона? Без понятия, он не мог вспомнить. Его тетя работала? Да, была отвратительной мерзавкой. Но она разрешила ему жить в ее доме? Кто? Разрешила что? Чарльз Бернсайд не нуждался в чьих-либо разрешениях, он всегда делал все, что хотел. Тетя выгнала его из своего дома? Что ты такое говоришь, отвратительный мерзавец.

Лечащий врач, дожидаясь результатов необходимых анализов, поставил предварительный диагноз: болезнь Альцгеймера, а сотрудница службы социального обеспечения села на телефон и попыталась найти адрес и телефон Алтеи Бернсайд, проживающей в Блэр. В телефонной компании ей сказали, что такого абонента нет ни в Блэр, ни в Эттрике, ни в Кохране, ни в Спарте, ни в Оналаске, ни в Ардене, ни в Ла Ривьере, ни в одном из городков, расположенных в радиусе сорока пяти миль от больницы. Расширяя зону поисков, сотрудница службы социального обеспечения связалась с департаментами записи актов гражданского состояния, социальной защиты, транспортных средств и налогов и сборов, чтобы получить имеющуюся у них информацию об Алтее и Чарльзе Бернсайд. Из двух Алтей, которые нашлись в компьютерных базах данных, одной принадлежал ресторан в Баттернате, городке, расположенном далеко на севере штата, а вторая была негритянкой, работавшей в детском центре в Милуоки. Ни одна не имела никакого отношения к мужчине, который лежал в городской больнице Ла Ривьеры. Среди Чарльзов Бернсайдов, найденных в результате поиска, не оказалось ни плотников, ни кровельщиков, ни штукатуров. Алтеи, похоже, вообще не существовало. Чарльз, судя по всему, относился к тем редким людям, которые проходят по жизни, не платя налоги, не регистрируясь на избирательных участках для голосования, не обращаясь за карточкой социального страхования, не открывая банковского счета, не поступая на военную службу, без водительского удостоверения, не проведя пару лет на полном государственном обеспечении.

Еще один раунд телефонных звонков привел к тому, что таинственного Чарльза Бернсайда определили подопечным государства и направили в «Центр Макстона по уходу за престарелыми» до того, как для него освободится место в центральной больнице штата в Уайтхолле. «Скорая помощь» привезла Бернсайда в «Макстон», где, под недовольное бурчание Шустрика, его поместили в отдельную

палату. Все расходы, само собой, оплатил местный бюджет. Место в центральной больнице освободилось через шесть недель. Шустрику позвонили, чтобы сообщить об этом, через несколько минут после того, как с утренней почтой он получил чек из банка Депера, выписанный Алтеей Бернсайд, на содержание Чарльза Бернсайда в его центре. Адресом Алтеи Бернсайд значился абонентский ящик в почтовом отделении Депера. Вот Шустрик и ответил сотруднику центральной больницы, что, выполняя свой гражданский долг, готов и дальше на прежних условиях держать мистера Бернсайда в «Центре Макстона». Старик, мол, стал его любимым пациентом. Еще бы, без всяких на то усилий со своей стороны за содержание Бернсайда Шустрик стал получать в два раза больше.

Следующие шесть лет болезнь Альцгеймера неуклонно прогрессировала. Если Чарльз Бернсайд ее и симулировал, то делал это виртуозно. С головой у него становилось все хуже и хуже. Речь все больше теряла связность, без всякого на то повода он вдруг становился злобным и агрессивным, терял память, не мог сам есть, не мог обслужить себя, лишался личностных черт. Умом он постепенно превращался в младенца, оставаясь человеком только внешне. Пуская слюни, он проводил дни напролет в инвалидной коляске. Шустрик печалился, видя, что со дня на день потеряет столь выгодного пациента. А потом, прошлым летом, за год до описываемых событий, вдруг начался обратный процесс. Ожило лицо Берни, он начал произносить какие-то пусть и бессвязные, но звуки. «Аббала! Горг! Маншан! Горг!» Он хотел есть сам, хотел разминать ноги, хотел ходить по «Центру» и знакомиться со своим новым жилищем. Через неделю с его губ уже слетали нормальные слова. По его настоянию ему выдали одежду, он начал пользоваться ванной и туалетом. Набрал вес, у него прибавилось сил, а потом с ним стало твориться что-то уж совсем непонятное. И теперь, часто в один и тот же день, Берни мог предстать сразу в двух ипостасях: страдальцем болезнью Альцгеймера на последней стадии и бодрым, ес-

тественно, для своего возраста, старичком восьмидесяти пяти лет. Берни похож на человека, который съездил в Лурд и вылечился, но уехал, не пройдя полного курса лечения. Для Шустрика чудо есть чудо. А пока этот старый козел жив, какая разница, ходит он на своих двоих или пускает слюни в инвалидной каталке.

Мы приближаемся к кровати. Стараемся не замечать запах. Хотим проследить, что можно узнать по лицу этого незаурядного человека. Лицо это никогда не было красивым, а теперь кожа серая, а щеки впалые. Вздувшиеся синие вены вьются по серому черепу, испещренному почечными бляшками, словно яйцо ржанки. Мясистый нос чуть свернут вправо, усиливая впечатление хитрости и скрытности. Толстые губы изгибаются в неприятной улыбке, улыбке поджигателя, задумавшего превратить в пепел красивый дом. Но, возможно, это просто гримаса.

Перед нами типичный американский волк-одиночка, неуемный скиталец, завсегдатай третьесортных отелей и дешевых закусочных, бесцельно кружащий по стране, собиратель ран и травм, которые потом с нежностью вспоминаются вновь и вновь. Если кто его и интересует, так это собственная персона. Настоящее имя Берни — Карл Бирстоун, и под этим именем он прожил в Чикаго с двадцати пяти до сорока шести лет, ведя тайную войну, в ходе которой творил нехорошие дела ради собственного удовольствия. Карл Бирстоун — самый большой секрет Берни, ибо он не может позволить, чтобы кто-то узнал о его прошлой жизни; ведь его прежнее «я» по-прежнему живет в его теле. Ужасные удовольствия Карла Бирстоуна, его грязные делишки одновременно удовольствия и делишки Берни, поэтому он должен прятать их в темноте, там, где только он один может их найти.

Так в чем же разгадка чуда, которое лицезреет Шустрик? Этот Карл Бирстоун нашел способ выбираться из глубин подсознания Берни и устанавливать контроль над его телом. В конце концов, в человеческой душе бесконечное число комнат, одни огромные, другие — не больше

чулана для щеток, одни закрыты, другие залиты ярким светом. Мы наклоняемся ближе к вздувшимся венам, торчащему носу, кустистым бровям. Мы углубляемся в облако вони, чтобы изучить эти интересные глаза. Они — что черный неон, поблескивают, словно лунный свет на влажном берегу реки. Они светятся нездоровой радостью, такое ощущение, что они не совсем человеческие. Больше сказать о них, пожалуй, нечего.

Губы Берни двигаются, он все еще улыбается, если можно назвать эту гримасу улыбкой, но уже начал что-то шептать. Что же он говорит?

— ...они сабиваются в свои гребаны норы и закывают свои глаза, они вересят в уфасе, мои бетный потеяныя детти... Нет, нет, это им не помогет, не так ли? Ах, эти оганы, да, эти прекасные оганы, што за зрелище, прекасные оганы на косре, как они гокят, как они обухликаются... я вижу дыу, плафя такые яртыя...

Возможно, это слова Карла Бирстоуна, но разобрать его бормотание нелегко. Давайте лучше проследим за взглядом Берни, в надежде, что он подскажет нам, почему так заволновался старик. И возбудился, мы видим это по приподнявшейся над известным местом простыне. Он и Шустрик, похоже, реагируют синхронно, поскольку у обоих «инструмент» принял боевую стойку, но если у Шустрика это произошло стараниями знающей свое дело Ребекки Вайлес, то Берни достаточно увиденного в окне.

Вид из него едва ли сравнится с прелестями мисс Вайлес. Голова Чарльза Бернсайда чуть приподнята над подушкой, он смотрит на лужайку, по периметру которой растут клены, за которыми начинается густой лес с раскидистыми дубами. Среди них, правда, белеет несколько берез. По высоте дубов и породам деревьев мы знаем, что это — остатки лесов, которые не в столь далекие времена покрывали эту часть страны. Как и все древние леса, те, что находятся к северу и востоку от «Центра Макстона», могут многое рассказать, если бы кто-нибудь услышал их голос. Под их зелеными кронами время и умиротво-

ренность обнимаются с кровопролитием и смертью. Невидимое глазу насилие не прекращается ни на мгновение. Усыпанная прошлогодней листвой, земля скрывает миллионы и миллионы разбросанных костей, лежащих послойно. Все, что растет и расцветает, кормится тем, что гниет. Одни миры вращаются внутри других, великие вселенные сосуществуют друг с другом, и каждая несет изобилие и катастрофу своим ничего не подозревающим соседям.

Чем Берни так увлекли эти леса? Что, увиденное в них, возбудило его? Или, учитывая, что тело Берни сейчас не принадлежит ему, о чем думает Карл Бирстоун, прячущийся за глазами Чарльза Бернсайда?

Берни шепчет: «Лизы в лизьих нодах, крызы в крызиных нодах, гиены воют на путой шелудок, аха, охо, бедны, бедны мои друга, кто, кто дат вам ковавую пишу...»

Больше нам тут, похоже, делать нечего.

Пусть Берни бормочет и дальше... с нас достаточно. Пора нам глотнуть свежего воздуха. Так что летим на север, над лесом. Лисы в лисьих норах и крысы в крысиных норах могут выть, это правда, но вы ведь никогда не слышали о том, что в Западном Висконсине обитают голодные гиены. Гиены всегда голодны. И никто никогда их не жалеет. Трудно, знаете ли, жалеть существо, которое кружит вокруг добычи других хищников, ждет, пока те насытятся, чтобы подобрать остатки мертвечины. Улетаем сквозь крышу!

В полутора-двух милях к востоку от «Макстона», где вдоль шоссе номер 35 растет густой лес, есть узкая проселочная дорога. Лес тянется вдоль шоссе еще на сотню ярдов, а потом уступает место поселку на две улицы, построенному тридцать лет назад. Баскетбольные кольца и качели ждут во дворах. На подъездных дорожках к домам на Шуберт и Гейл-стрит — двух- и трехколесные велосипеды, самокаты, автомобили. Детям, которые ими пользуются, снятся сладости, щенки, круговые пробежки в

бейсбольных матчах, путешествия по неведанным местам и многое другое, не менее интересное. Спят и их встревоженные родители, которым этим утром предстоит прочитать статью Уэнделла Грина на первой полосе «Геральда».

Но нас сейчас больше интересует уходящая в лес проселочная дорога, пожалуй, даже не дорога — одна полоса. Даже с высоты можно сказать, что дорога эта частная и в последнее время не используется. Она петляет по лесу, а в трех четвертях мили от шоссе номер 35 исчезает. С высоты нашего полета — дорога эта — тонкая линия, проведенная твердым карандашом, требуется орлиный глаз, чтобы разглядеть ее. Но кто-то затратил немалые усилия, чтобы прочертить эту линию на карте леса. Пришлось вырубить и вывезти деревья, выкорчевать пни. Если это делал один человек, такая работа потребовала многие месяцы тяжелого физического труда. Результат этих немалых усилий и есть дорога, скрытая от посторонних глаз. Если внимание на мгновение рассеивается, она исчезает из виду и ее надо снова искать. На ум приходят мысли о гномах и их рудных жилах, о тропе, ведущей к золотому кладу, спрятанному драконом, о сокровищах, путь к которым заколдован. Нет, конечно, рудные жилы гномов, золотые клады драконов, заколдованные сокровища — это все детские игры, но, спустившись ниже, мы видим у начала дороги потрепанный временем щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», доказательство того, что дорога что-то да охраняет, пусть и частную собственность.

Полюбовавшись на щит-указатель, мы перемещаемся к глухому концу дороги. Несмотря на тень под деревьями, возникает ощущение, что мы видим впереди что-то более темное в сравнении с окружающим лесом. Аха, охо, повторяем мы про себя бессвязное бормотание Берни, что же это перед нами? Стена? Оставив позади поворот, понимаем, что треугольник темноты, практически полностью скрытый сверху кронами деревьев, — островерхая крыша. И только вблизи становится ясно, что перед нами трех-

этажный деревянный дом, чуть скособочившийся, с просевшим крыльцом. Дом этот определенно давно уже стоит пустой, даже внешне он отличается от других домов. Сразу чувствуется, что новым жильцам он будет не рад. Второй щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» на накренившемся столбе только подтверждает наши догадки.

Островерхая крыша прикрывает только центральную секцию дома. Слева двухэтажная пристройка уходит в леса. Справа к дому примыкают вроде бы большие сараи. Странное впечатление производит этот дом. Должно быть, у архитектора отсутствовало чувство симметрии. Непонятно, что он пытался выразить своей постройкой, но дом и не хочет, чтобы кто-то получал ответ на этот вопрос. От кирпичей и досок веет монолитной неуязвимостью, несмотря на то, что время и погода нанесли дому заметный урон. Очевидно, дом строили в поисках уединения, может, даже изоляции, и он по-прежнему отвечает этим требованиям.

Самое странное, с того места, откуда мы смотрим на дом, он вроде бы окрашен черным. Не только доски, но каждый квадратный дюйм наружных поверхностей: крыльцо, нащельники, карнизы, сливы, даже рамы. Черный дом, от фундамента до конька. Такого просто не может быть. В этом добросердечном, гостеприимном уголке мира даже самый безумный строитель-мизантроп не стал бы превращать собственный дом в его темную тень. Мы плывем чуть выше уровня земли, вдоль узкой проселочной дороги, в направлении дома...

Когда оказываемся достаточно близко, чтобы все как следует разглядеть, когда от близости к этому странному дому становится даже не по себе, мы понимаем, что мизантропия может зайти дальше, чем мы предполагали. Дом темно-серой чернотой напоминает свинец, навевает мысли о грозовых облаках, бушующем море, корпусах потерпевших крушение кораблей. В этой черноте нет места жизни.

Можно не сомневаться, что лишь считаные взрослые из соседнего поселка и очень мало кто из Френч-Лэндинга и окрестных городков съезжали с шоссе номер 35 на узкую проселочную дорогу. Очень немногие замечали запретительный знак-указатель, а уж о существовании черного дома не знают и они. С той же уверенностью мы можем сказать, что дети, конечно же, обследовали проселочную дорогу, некоторые доходили и до черного дома. Видели там недоступное глазам их родителей и сломя голову бежали обратно к шоссе.

Этот черный дом столь же неуместен в Висконсине, как небоскреб или замок, обнесенный рвом с водой. Более того, этот дом в любом уголке мира покажется аномалией, за исключением разве что парка развлечений с табличкой у двери: «Особняк призраков» или «Дворец ужасов». Впрочем, и там он не стал бы приманкой для посетителей, наоборот, через неделю разорил бы устроителей парка. И при этом черный дом странным образом напоминает нам безликие здания той части Чейз-стрит, что спускается к берегу реки и Нейлхауз-роуд. Обшарпанный отель «Нельсон», таверна, обувной магазин, соседние дома, отмеченные горизонтальной полосой, проведенной жирным грифелем реки, дышат той же жуткой, внушающей суеверный страх, похожей на кошмарный сон полуреальностью, которой окутан черный дом.

В этот момент нашего повествования, да и потом тоже, нам следует помнить, что привкус этой полуреальности, когда не знаешь, то ли все происходит наяву, то ли тебе снится сон, характерен для пограничных территорий. Его можно уловить при переходе из чего-то одного во что-то другое, независимо от того, сколь существенна или несущественна граница. Пограничные территории отличны от всего остального, на то они и Пограничье.

Скажем, вы в первый раз едете по сельской части округа Оустлер в вашем родном штате, чтобы навестить подругу, которая недавно развелась, и, по вашему мнению,

совершенно напрасно, покинула ваш маленький городок и переселилась в соседний округ Орелост. На пассажирском сиденье рядом с вами корзинка для пикника, в которой две бутылки превосходного белого бордо обложены контейнерами с самыми разными деликатесами, накрыта картой соответствующей территории. Вы, возможно, не знаете точного местоположения дома вашей подруги, но находитесь на правильном пути и быстро сокращаете разделяющее вас расстояние.

Постепенно ландшафт меняется. Дорога вдруг поворачивает вправо, словно объезжая некое невидимое вам препятствие, потом начинает петлять, превращаясь в серпантин необъяснимых поворотов, с каждой ее стороны деревья подступают все ближе к асфальту, за их искривленными стволами дома становятся все меньше, отступая от дороги. Впереди трехногая собака вылезает из-под изгороди и с лаем бросается на переднее правое колесо. Старуха в молодежной соломенной шляпке и вроде бы в саване устроилась на диване-качелях на крыльце и провожает вас недобрым взглядом красных глаз. Еще через два дома девочка в грязном розовом платье и короне из фольги бросает блестящую, увенчанную звездой волшебную палочку в костер из горящих покрышек. Потом появляется прямоугольный щит-указатель, закрепленный на высоком столбе: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ ОРЕЛОСТ». Скоро деревья отступают от асфальтового полотна, дорога выпрямляется. Избавившись от необъяснимой тревоги, вы нажимаете на педаль газа и торопитесь к подруге, встреча с которой после этого маленького приключения становится еще более желанной.

Пограничье не подчиняется привычным правилам, там все искажено. Абсурдное, непредсказуемое, беззаконное укореняется в Пограничье и пышно расцветает. Главный признак Пограничья — соскальзывание в иррациональное. И, любуясь дивными красотами природы, мы одновременно пересекали естественное Пограничье, очерченное великой рекой, а также малыми реками, ши-

рокими моренами, утесами из песчаника, долинами, которые остаются невидимыми, как черный дом, пока не взглянешь на них под нужным углом или не столкнешься лицом к лицу.

Вам приходилось видеть разъяренного старика в потрепанной одежде, который катит по улицам города пустую тележку из супермаркета и ругает на чем свет стоит цены на мясо? Иногда на нем бейсболка, иногда глаза закрывают солнцезащитные очки с одним треснувшим стеклом.

Вам приходилось в испуге стоять в дверях своего дома и наблюдать, как мужчина с солдатской выправкой и зигзагообразным шрамом на щеке разгоняет пьяную толпу, чтобы обнаружить, что посреди на земле лежит юноша с разбитой головой и вывернутыми карманами? Вы видели злость и жалость на лице этого человека?

То признаки соскальзывания.

Еще один лежит под нами на окраине Френч-Лэндинга, и, несмотря на весь ужас, который он вызывает, у нас нет выбора, кроме как лицезреть его. Нашим свидетельствованием мы окажем ему честь, насколько это для нас возможно; представ пред нашими глазами, предложив себя нашим молчаливым взглядам, признак этот отблагодарит нас сторицей.

Мы снова поднимаемся на высоту парения орла, и под нами, словно топографическая карта, распростерся округ Френч. Утренние солнечные лучи, уже куда более яркие, освещают зеленые прямоугольники полей, отражаются от громоотводов на крышах амбаров. Озерцами света сверкают редкие легковые автомобили, катящие мимо полей в город. Коровы тыкаются мордами в ворота загонов, торопя хозяев вывести их на встречу с доильной установкой.

Достаточно удалившись от черного дома, который явил нам прекрасный пример соскальзывания, мы плывем на восток, пересекаем прямую как стрела Одиннадцатую ули-

цу и попадаем в переходную зону разбросанных домов и частных фирм, миновав которую шоссе номер 35 вырывается в чистое поле. «С семи до одиннадцати» проплывает мимо, Дом ветеранов зарубежных войн, где государственный флаг поднимется на флагштоке еще через сорок пять минут. В одном из жилых домов, чуть отстоящем от дороги, женщина, которую зовут Ванда Киндерлинг, жена Торнберга Киндерлинга, злобного и неумного, отбывающего пожизненное заключение в калифорнийской тюрьме, просыпается, смотрит, сколько водки осталось в бутылке на столике у кровати, и решает, что завтрак можно отложить еще на час. Чуть дальше сверкающие тракторы, выстроившиеся стройными рядами, как солдаты почетного караула, словно отдают честь огромному административному куполу из стали и стекла. Это владения Теда Гольца, «Центр продажи сельскохозяйственной техники», обслуживающий весь округ Френч, куда вскоре явится на работу Фред Маршалл, добропорядочный встревоженный муж и отец. С ним нам предстоит познакомиться в самом скором времени.

За радующим глаз стеклянным куполом и асфальтовым морем стоянки «Гольца» на полмили тянется каменистое поле, которое давно уже не знало плуга, и растут на нем только сорняки. По полю проходит отходящая от шоссе заросшая травой дорога, упирающаяся вроде бы в груду бревен, наваленных между сараем и древней бензоколонкой. Туда нам и надо. Мы скользим над землей. Груда бревен при ближайшем рассмотрении превращается в наклонившееся, обветшалое здание, которое грозит обрушиться при первом порыве ветра. Старый жестяной рекламный щит «Кока-колы» привалился к стене, изрешеченный пулями. На земле — пустые пивные банки и окурки сигарет с фильтром. Изнутри доносится мерное громкое гудение многочисленных мух. Нам хочется подняться в чистый воздух и ретироваться. Дурных впечатлений нам хватило и около черного дома. Там — гнилое место, но это... еще хуже.

Еще один признак соскальзывания состоит вот в чем: это ощущение, что общая ситуация или стала, или в самом ближайшем времени станет хуже.

В полуразрушенном, напоминающем вагон здании, которое мы видим перед собой, раньше находилось плохо управляемое и отличающееся крайней антисанитарией предприятие общественного питания. Называлось оно «Закусим у Эда». Там за всегда грязным прилавком высился огромный, весом 350 фунтов, Эд Гилбертсон, предлагавший немногочисленной клиентуре, в основном местным подросткам, приезжающим на велосипедах, жирные, пережаренные гамбургеры, сандвичи с майонезом, копченой колбасой и отпечатками своих больших пальцев и стаканчики мороженого. Давно уже ушедший в мир иной, Эд приходился одним из многочисленных дядьев Дейлу Гилбертсону, нынешнему шефу полиции Френч-Лэндинга, и был одной из достопримечательностей города. Его поварской фартук цветом не сильно отличался от сажи, состояние рук и ногтей повергло бы в шок любого заезжего санитарного инспектора, кастрюли и сковороды, вылизывая, чистили исключительно кошки. Под прилавком стояли бачки с мороженым, тающим от жара гриля. Над головой висели клейкие ленты, практически полностью залепленные тысячами мушиных трупиков. Пусть с неохотой, но приходится признавать, что долгие десятилетия в этой точке общепита микробы вольготно жили и множились на полу, прилавке, гриле, колонизировали самого Эда, лопаточку, которой он переворачивал жарящиеся гамбургеры, вилку, которой цеплял их, ложку, которой набирал мороженое, отвратительную еду, которую готовил, и, наконец, попадали во рты и желудки детей, которые все это съедали, а случалось, и мамаш.

Хоть это покажется странным и необъяснимым, но ни один человек не умер, закусив у Эда. После того как хозяин заведения скончался от сердечного приступа, залезши на стул, чтобы наконец повесить над прилавком

десяток новых липких лент, ловушек для мух, ни у кого не хватило духу снести этот рассадник антисанитарии. Последние двадцать пять лет гниющая лачуга служила прибежищем романтичных парочек и использовалась стайками подростков, решивших впервые в истории, пусть не человечества, а страны, как, во всяком случае, им казалось, познакомиться с дарами Бахуса.

Жужжание мух, доносящееся изнутри, подсказывает нам, что на этот раз в лачуге мы не найдем ни парочку истомленных молодых любовников, ни отключившихся от выпитого подростков. Жужжание мух, конечно же неслышное с шоссе, указывает, что нам предстоит увидеть более неприятное, едва ли не запредельное, зрелище. Мы даже можем сказать, что зрелище, более свойственное другому, отличному от нашего миру, а потому заведение Эда в каком-то смысле может считаться порталом.

Мы входим. Солнечный свет проникает сквозь многочисленные щели в восточной стене и прохудившейся крыше, желтые полоски лежат на грязном полу, подсвечивая какие-то перья, пыль, песок, многочисленные следы животных и людей. Старые, протертые до дыр, изъеденные молью армейские одеяла кучей свалены у стены слева от нас, пустые банки из-под пива и окурки сигарет с фильтром валяются вокруг керосиновой лампы с треснутым фонарем. Солнечный свет мягко гладит цепочку следов, которые ведут к тому, что осталось от прилавка Эда, и за него, туда, где раньше стояли раковина, плита, полки. Там следы исчезают. По взбитой пыли на полу можно судить, что за прилавком шла нешуточная борьба, а у дальней стены мы видим совсем не истертое армейское одеяло, как нам бы того хотелось. Что-то лежит у стены, частично на грязном полу, частично в луже темной, липкой жидкости. Ошалевшие от радости мухи вьются над ней, садятся на нее. Чуть дальше, в углу, дворняга с рыжевато-коричневой шерстью яростно рвет зубами мясо и кость, выступающие из белого предмета, который пес держит передними лапами. Белый предмет — кроссовка. Точнее, кроссовка моде-

ли «Нью баланс». Еще точнее, детская кроссовка модели «Нью баланс», пятого размера.

Нам хочется воспользоваться нашей способностью летать и убраться отсюда к чертовой матери. Нам хочется вылететь через крышу и подняться в синее небо, но мы не можем, мы должны засвидетельствовать случившееся. Мерзкий пес жует отрезанную детскую ступню, прилагая все силы, чтобы вытащить ее из кроссовки «Нью баланс». Держит ее передними лапами, вцепившись в ногу зубами, тащит. Тащит, тащит. Но шнурки кроссовки крепко завязаны — дворняге не повезло.

Теперь становится понятным, что у стены, лицом вверх, лежит детское тело, верхняя половина — отдельно, нижняя — в луже темной, липкой жидкости. Одна рука бессильно вытянулась по грязному полу, вторая откинута на стену. Пальцы сжаты. Светлые, цвета соломы волосы откинуты с лица. Глаза и рот выражают легкое удивление. Это особенность строения лица, ничего больше. При жизни, когда девочка спала, ее лицо всегда выражало легкое удивление. Синяки и пятна грязи темнеют на скулах, висках, шее. Белая футболка с эмблемой «Милуокских пивоваров» в грязи и засохшей крови закрывает ее тело от шеи до пупка. Нижняя половина тела, бледная, как дым, за исключением мест, покрытых запекшейся кровью, лежит в темной луже, над которой в экстазе вьются мухи. Бледная, тоненькая левая нога целая, она заканчивается белой, запятнанной кровью кроссовкой «Нью баланс». Шнурки завязаны, мысок смотрит в потолок. А там, где должна быть вторая нога, — пустота, потому что от правого бедра остался вызывающий тошноту обрубок.

Мы видим перед собой третью жертву Рыбака — десятилетнюю Ирму Френо. Волны шока, распространившиеся по округу вчерашним днем после ее исчезновения прямо с тротуара у видеомагазина, значительно усилятся после того, как чуть позже Дейл Гилбертсон наткнется на тело.

Рыбак похитил девочку на Чейз-стрит и доставил (мы не можем сказать как) сюда, миновав Чейз-стрит и Лайлл-

роуд, проехав мимо «С семи до одиннадцати» и Дома ВЗВ, мимо дома, где кипит от злости и пьет Ванда Киндерлинг, мимо сверкающего стеклом, напоминающего космический корабль административного блока в «Гольце», через границу между городом и сельской местностью.

Через дверь рядом с пробитым пулями щитом «Кока-колы» Рыбак протащил ее живой. Она, должно быть, сопротивлялась, она, должно быть, кричала. Рыбак прижал ее к дальней стене и заглушил крики ударами в лицо. Вероятнее всего, задушил. Уложил тело на полу, одну руку откинул, вторую прислонил к стене. Раздел от пояса. Снял трусики, джинсы, все, что было на Ирме, когда он ее похищал. Оставил только белые кроссовки «Нью баланс». А потом Рыбак отрезал ее правую ногу. Каким-то длинным, с тяжелым лезвием ножом, обойдясь без топора или пилы. Резал плоть и кость, пока не отделил ногу от тела. И двумя или тремя ударами чуть выше лодыжки отхватил стопу. Отшвырнул, вместе с белой кроссовкой. Стопа Ирмы Рыбака не интересовала — ему требовалась только ее нога.

Вот тут, друзья мои, мы столкнулись с истинным соскальзыванием в иррациональное.

Маленькое, безжизненное тело Ирмы Френо расплющено, словно пытается вжаться в наполовину сгнившие половицы. Жужжат пьяные от крови мухи. Дворняга все пытается вытащить свою вкусную добычу из кроссовки. Если бы нам удалось вернуть к жизни простодушного Эда Гилбертсона и поставить рядом с собой, он бы упал на колени и заплакал. Мы с другой стороны...

Мы здесь не для того, чтобы плакать. В отличие от Эда, который бы в ужасе смотрел на растерзанную девочку, отказываясь верить своим глазам. Что-то страшное и таинственное побывало в этой лачуге, и везде мы видим и чувствуем его следы. Мы прибыли сюда, чтобы наблюдать, фиксировать, сохранять впечатления, последовательные

образы[1], остающиеся за этим неведомым, как хвост — за кометой. Следы говорят за чудовище, а потому оно словно рядом, а потому оно окружает нас. Увиденное нами несет в себе что-то безмерно важное, и эта важность смиряет нас. Покорность — наша самая лучшая, самая оптимальная первая реакция. Без нее мы можем упустить главное, страшная тайна ускользнет от нас, мы пойдем дальше, слепые и глухие, невежественные, как свиньи. Не стоит нам превращаться в свиней. Мы должны отдать должное этой сцене: жужжащие мухи, собака, рвущая стопу, бедное, бледное тельце, безмерность произошедшего с Ирмой Френо... признание собственной ничтожности. В сравнении со всем этим мы — клок дыма.

Толстый шмель залетает в пустую оконную раму в задней стене, в шести футах от тела Ирмы, и по кругу медленно облетает ту часть лачуги, где лежит Ирма. Подвешенный на пребывающих в непрерывном движении крыльях, шмель выглядит слишком тяжелым для того, чтобы летать, однако летит, вроде бы не прилагая к этому никаких усилий, неспешно кружит над залитым кровью полом. Мухи, дворняга и Ирма не обращают на него внимания.

Для нас, однако, шмель, который продолжает удовлетворенно жужжать, паря над камерой ужасов в дальней части лачуги, более не является приятным отвлечением, он встроился в окружающую нас таинственность. Он стал неотъемлемой частью упомянутой выше сцены, тоже требует от нас смирения и по-своему объясняет случившееся. Мощное, густое жужжание его крыльев, кажется, является эпицентром более высокого звукового фона, создаваемого жадными мухами. Как солист с микрофоном, стоящий впереди хора, шмель контролирует этот фон. Звук набирает силу, концентрируется. Когда шмель попадает в солнечный луч, проникший в лачугу через щель в восточной стене, полоски его туловища блестят черным и золотым,

[1] Последовательный образ — сохранение зрительного образа после исчезновения самого предмета (*психол.*).

крылышки начинают напоминать лопасти вентилятора, насекомое превращается в удивительное, плывущее по воздуху чудо природы. Убитая девочка распростерта на залитых кровью половицах. Наше смирение, наше чувство ничтожности, наше осознание значимости всего того, что мы видим, позволяет ощутить силы, которые нам не дано понять, силы гигантских масштабов, которые всегда присутствуют и всегда действуют, но открываются простым смертным лишь в такие знаковые моменты.

Нам оказана честь, но честь эта — невыносимо тяжелая ноша. Говорящий шмель, завершая очередной круг, возвращается к окну и улетает в другой мир, и мы следуем за ним, в окно, к солнцу и воздушным высотам.

Запахи говна и мочи в «Центре Макстона по уходу за престарелыми»; едва уловимое ощущение соскальзывания в заброшенном доме к северу от шоссе номер 35; жужжание мух и запах крови в лачуге, где раньше находилась забегаловка «Закусим у Эда». Брр! Фу! Есть ли во Френч-Лэндинге хоть одно спокойное, тихое местечко? Где видимое глазом является именно тем, что есть на самом деле?

Ответ короток: нет. На всех дорогах и тропах, ведущих во Френч-Лэндинг, следует поставить знаки-указатели: «БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! ИДЕТ СОСКАЛЬЗЫВАНИЕ! ВХОДЯЩИЙ СИЛЬНО РИСКУЕТ, ВОЗМОЖНО, И ЖИЗНЬЮ!»

Здесь действует магия Рыбака. Она пусть временно, но исключает такие понятия, как тихое, спокойное, милое. Но мы можем найти островок относительного спокойствия, потому что нам надо передохнуть. Мы, возможно, не сможем убежать от соскальзывания, но нам по силам отправиться туда, где никто не срет прямо в постели и не заливает кровью пол (во всяком случае, пока).

Пусть шмель летит своим путем, а мы — своим, и наш ведет на юго-запад, опять над лесами, дарящими жизнь и кислород, ведь нет другого такого воздуха, как над лесом, во всяком случае в этом мире, а потом вновь возвращаемся к людям.

Эта часть города называется Либертивилль. Так окрестил ее городской совет Френч-Лэндинга в 1976 году. Вы не поверите, но толстопузый Эд Гилбертсон, этот король хот-догов, в середине прошлого столетия избирался членом городского совета. Странные то были времена, воистину странные. Хотя все-таки не столь странные, как эти, рыбные дни Френч-Лэндинга, склизкие дни соскальзывания в иррациональное.

Улицы Либертивилля носят названия, которые взрослым кажутся очень красочными, тогда как дети их не понимают.

Некоторые из них даже окрестили эту часть города Древневилль. Мы спускаемся вниз, сквозь сладкий утренний воздух (уже заметно потеплело, удачный выдался денек для Клубничного фестиваля). Молча плывем над Камелот-стрит до перекрестка с Авалон, следуем по Авалон до Мейд-Мариан-уэй. А уж Мейд-Мариан-уэй приводит нас, что неудивительно, к Робин-Гуд-лейн.

Здесь, в номере 16 (милый, уютный домик, в котором может жить только добропорядочная, трудолюбивая семья, непрерывно поднимающаяся по ступенькам благосостояния), на кухне открыто окно. Из него тянет запахами кофе и гренок, удивительного сочетания, которое напрочь отрицает само существование соскальзывания (да только мы знаем, что оно существует, мы видели дворнягу, пытающуюся вытащить детскую ногу из кроссовки, как ребенок вытаскивает сосиску из хот-дога), и летим на запахи. Как это здорово — быть невидимыми! Наблюдать в нашем божественном молчании. Если бы только наши божественные глаза не видели столько ужаса! Но не будем о грустном. Мы уже на кухне, хорошо это или плохо, но пора заниматься делом. Не будем попусту тратить время, в здешних краях таких не жалуют.

На кухне дома номер 16 мы видим Фреда Маршалла, чья фотография красуется на стенде «Продавец месяца» в демонстрационном зале «Центра продажи сельскохозяйственной техники» округа Френч. Фред также три года из

четырех признавался «Продавцом года» (два года назад Тед Гольц признал лучшим Отто Эйсмана, чтобы потеснить его монополию), и на работе он — само радушие и обаяние, без труда предугадывает желания клиента. Вы желаете, чтобы вас быстро и качественно обслужили? Господа, позвольте представить вам Фреда Маршалла.

Только сейчас располагающая к себе улыбка стерта с лица, а волосы, для работы столь аккуратно причесанные, этим утром еще не встретились с расческой. На нем шорты «Найк» и футболка с обрезанными рукавами, а не выглаженные брюки цвета хаки и спортивная рубашка. На столике у плиты лежит утренний номер «Ла Ривьера геральд», раскрытый на внутренних страницах.

В последнее время у Фреда появились проблемы... вернее, проблемы появились у его жены, Джуди. Но ведь все то, что ее, одновременно и его (так говорил священник, связавший их узами брака), и статья, которую Фред читает стоя, не поднимает ему настроения. Скорее наоборот. Это продолжение статьи с первой полосы, и, разумеется, ее автор — известный всем грязекопатель Уэнделл Грин, пишущий на этот раз, само собой, о «Рыбаке, который по-прежнему гуляет по Френч-Лэндингу».

Продолжение посвящено главным образом двум первым убийствам; читая, Фред сгибает и разгибает сначала правую ногу, потом левую, готовя мышцы бедер к утренней пробежке. Утренняя пробежка — какое уж тут соскальзывание? Что может быть лучше? Разве что-нибудь может испортить такое удачное начало прекрасного висконсинского дня?

Выходит, что может. Например, это:

«У Джонни Иркенхэма были самые обычные мечты, сообщает нам его убитый горем отец («Убитый горем отец, — повторяет про себя Фред Маршалл и думает о сыне, спящем наверху. — Господи, спаси меня от роли убитого горем отца», — молит он, не подозревая, как скоро он окажется именно в этой самой роли). — Джонни хотел стать астронавтом. — На мгновение на измученном

лице вспыхивает улыбка. — Когда не помогал тушить пожары пожарной команде Френч-Лэндинга и не боролся с преступностью вместе с Американской лигой справедливости.

Эти невинные мечты оборвал кошмар, которого мы не можем себе и представить («Но ты, я уверен, пытался», — думает Фред, приподнимаясь на пальцах и вновь опускаясь на пятки). В начале этой недели его расчлененное тело нашел Спенсер Ховдал, проживающий в Сентралии. Ховдал, сотрудник кредитного отдела Первого фермерского банка, обследовал заброшенную ферму, расположенную на территории Френч-Лэндинга и принадлежащую Джону Эллисону из соседнего округа. Надо было определить, следует ли начинать судебный процесс по отчуждению собственности за долги. «Я вообще не хотел туда ехать, — рассказал Ховдал Вашему корреспонденту. — Если я что-то и ненавижу, так это отчуждение собственности должников (Фред достаточно хорошо знает Спенса Ховдала, чтобы усомниться, что тот ненавидит забирать собственность за долги). И еще больше пожалел, что приехал, после того, как заглянул в курятник. Я бы и не заглянул, если бы не назойливое жужжание пчел. Пчелы — моя страсть, вот я и полюбопытствовал, а чего они жужжат. Господи, как же Ты наказал меня. Навек отбил охоту любопытствовать».

В курятнике он нашел тело семилетнего Джона Уэсли Иркенхэма. Расчлененное тело, фрагменты которого свисали с полусгнивших стропил курятника на цепях. Хотя начальник полиции не подтвердил и не опроверг эту информацию, надежные источники в полиции Ла Ривьера сообщили, что на бедрах, торсе и ягодицах обнаружены следы укусов...»

Этого Фреду хватает с лихвой. Он складывает газету и отодвигает к «Мистеру Кофе»[1]. Господи, во времена его детства такого в газетах не печатали. И почему, скажи-

[1] «Мистер Кофе» — товарный знак популярных кофеварок, выпускаемых фирмой «Норт американ системс».

те на милость, Рыбак? Зачем нужно присваивать звонкое прозвище каждому монстру, превращать его в «Психа месяца»?

Разумеется, ничего такого не случалось, когда он был таким же мальчишкой, как Тайлер, но принцип... этот чертов принцип...

Фред больше не приподнимается на пальцах, он твердит себе, что нужно поговорить с Тайлером. Это будет непростой разговор, похлеще доверительной беседы, почему его штучка иногда твердеет, но без этого не обойтись. «Дружеская порука, — скажет сыну Фред. — Круг друзей. Ты должен все время быть с друзьями, Тай. Пока никаких прогулок в одиночку, идет?»

Однако мысль, что Тая могут убить, кажется Фреду абсурдной. Это уже из области телевизионной документалистики или фильма Уэса Крейвена. Под названием «Крик-4: Рыбак». Кстати, а не было ли такого фильма? Человек в непромокаемом рыбацком плаще шляется по округе и убивает детей гарпуном. Может, не таких маленьких детей, как Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэм. Господи, мир разваливается прямо на глазах.

Фрагменты тела, подвешенные на цепях в курятнике, — эта картинка теперь будет преследовать его. Неужели такое может быть? Здесь, прямо здесь и сейчас, в стране Тома Сойера и Бекки Тэтчер?

Ладно, хватит об этом. Пора на пробежку.

«А может, сегодняшней газете стоит затеряться, — думает Фред, берет газету, складывает ее до формата книги в обложке (но часть заголовка остается на виду: «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ Г...»). — Может, газета сама по себе... ну, в общем, каким-то образом сразу угодила в мусорный контейнер за домом».

Да, хорошая идея. Потому что Джуди последнее время стала какая-то странная, а статьи Уэнделла Грина о Рыбаке, от которых волосы встают дыбом, не способствуют восстановлению душевного равновесия («Бедра и торс со следами укусов, — думает Фред, направляясь к двери

погруженного в утреннюю тишину дома, — и раз уж мы коснулись этой темы, официант, попросите их отрезать для меня сочный кусок ягодицы»). Она просто не может оторвать глаз от этих статей, она никак их не комментирует, но Фреду не нравятся ее бегающие глаза и другие вдруг появившиеся навязчивые привычки: например, она то и дело касается языком верхней губы... а еще, в последние два-три дня он видел, как она поглаживала языком желобок верхней губы, практически доставая до носа. Он бы не поверил, что такое возможно, если бы не наблюдал этот «подвиг» прошлым вечером, во время телевизионного информационного выпуска «Местное время». Она ложится спать все раньше и раньше и иногда говорит во сне... произносит какие-то странные, тягучие слова, вроде бы и не английские. Иногда, когда Фред обращается к ней, не реагирует, просто смотрит в никуда, широко раскрыв глаза, шевеля губами, крепко сцепив руки. Так крепко, что на них появляются царапины, хотя ногти она стрижет коротко.

Тай тоже заметил странности в поведении матери. В субботу, когда отец и сын сидели за ленчем, Джуди ушла наверх, теперь она частенько спала и днем, мальчик неожиданно спросил:

— Что-то не так с мамой?

— Тай, с мамой все...

— Не все! Томми Эрбтер говорит, что у нее поехала крыша.

Он едва не перегнулся через тарелки с томатным супом и сандвичем с сыром, чтобы ударить сына. Своего единственного ребенка! Милого, доброго Тая, который тревожился из-за матери. «Господи, помоги ему», — подумал Фред.

Выйдя за дверь, уже на бетонной дорожке, ведущей к улице, Фред ускоряет шаг, набирая полную грудь воздуха и тут же выдыхая его, вентилируя легкие. Обычно для него это лучшее время дня (не считая того, когда он и Джуди занимаются любовью, но теперь это случается

крайне редко). Ему нравится представлять себе, что эта дорожка может вывести его куда угодно. Он стартует в Либертивилле, части Френч-Лэндинга, а финишировать может в Нью-Йорке... Сан-Франциско... Бомбее... на горных перевалах Непала. Каждый шаг за дверью собственного дома приглашает его в большой мир (может, во Вселенную), интуитивно Фред Маршалл чувствует, что так оно и есть. Он продает тракторы «Джон Дир» и культиваторы «Кейс», все так, но при этом он не лишен воображения. Когда он и Джуди учились в Висконсинском университете в Мэдисоне, первые свидания проходили в кафетерии, расположенном рядом с кампусом. Назывался кафетерий «Шоколадный контрабас», и бал там правили эспрессо, джаз и поэзия. Поэтому не будет сильным преувеличением утверждение, что они влюбились друг в друга под сердитые пьяные голоса, читающие стихи Аллена Гинсберга[1] или Гэри Снайдера[2] в микрофон дешевой, но очень уж громкой звуковой системы «Шоколадного контрабаса».

Еще один глубокий вдох, Фред переходит на бег. Вниз по Робин-Гуд-лейн к Мейд-Мариан-уэй, где машет рукой Деку Первису. Дек в халате и шлепанцах как раз поднимает с крыльца утреннюю дозу обреченности, прописанную Уэнделлом Грином. Потом Том сворачивает на Авалон, прибавляет скорость, показывая пятки ясному утру.

Но он не может обогнать свои тревоги.

«Джуди, Джуди, Джуди», — думает он голосом Кэри Гранта (их маленькая семейная шутка, которая уж давно как упрятана в дальний ящик).

Галиматья, слетающая с губ, когда она спит. Метающийся из стороны в сторону взгляд. И опять же тот случай (всего-то прошло три дня), когда он шел за ней

---

[1] Гинсберг, Аллен (1926—1997) — поэт, один из лидеров поколения битников 50-х гг. и контркультуры 60-х. Лауреат национальной книжной премии (1972).

[2] Снайдер, Гэри (р. 1930) — поэт, представитель поколения битников.

на кухню и не нашел ее там... А появилась она у него за спиной, спустившись по лестнице. Как она это проделала, не имело особого значения в сравнении с вопросом: зачем? Она, конечно же, тихонько поднялась по лестнице черного хода, а потом с грохотом сбежала по основной лестнице (именно так и поступила, по-другому просто быть не могло). Постоянные странные похлопывания и эти движения языком. Фред знает, что все это означает: Джуди ведет себя как женщина, которую обуял ужас. Только началось все это до убийства Эми Сен-Пьер, то есть причина ужаса — не Рыбак, точнее, не только Рыбак.

И есть еще нюанс. Двумя неделями раньше Фред сказал бы любому, что его жене незнакомо чувство страха. И пусть роста в ней всего пять футов и два дюйма («Ой, да она у тебя просто Дюймовочка», — высказала свое мнение его бабушка, когда он познакомил Джуди со своими родственниками), у Джуди сердце льва, викинга. Это не чушь, не гипербола, не образное выражение, это чистая правда. И контраст между тем, что он всегда знал, и тем, что видит теперь, пугает Фреда больше всего.

С Авалона он направляется на Камелот, минует перекресток, не притормозив, не посмотрев, не едет ли кто справа или слева, бежит быстрее, чем обычно, не трусцой, а прямо-таки как спринтер. Вспоминает одно происшествие, имевшее место быть примерно через месяц после того, как они начали встречаться.

Как обычно, они поехали в «Шоколадный контрабас», только не вечером, а в три часа дня, чтобы послушать джаз-квартет, который им очень нравился. Как теперь вспоминает Фред, квартет они особо не слушали, он главным образом говорил Джуди, как ему не нравится сельскохозяйственный колледж (Му-у, как называли его сноbы, выбравшие будущей профессией научно-технические специальности или искусство), в котором ему приходится учиться, а также пусть невысказанное, но твердое желание семьи видеть его после получения диплома на семейной

ферме во Френч-Лэндинге. Мысль о том, что всю жизнь ему придется пахать в одной упряжке со старшим братом Филом, вгоняла Фреда в депрессию.

«А что же ты хочешь?» — спросила тогда Джуди, взяв его за руку. Они сидели за столом, горела свеча, квартет играл «Я буду там ради тебя».

«Не знаю, — ответил он, — но вот что я тебе скажу, Джуди. Мне следовало учиться в колледже менеджмента, а не в Му-у. С продажами у меня дела бы пошли куда лучше, чем с севом».

«Так почему тебе не перейти?»

«Потому что моя семья считает...»

«Твоей семье не придется жить за тебя, Фред... это твоя жизнь».

«Разговор-то был ни о чем», — думает он, вспоминая. Зато на обратном пути произошло событие, которое продолжает изумлять его и теперь, тринадцать лет спустя.

Они по-прежнему обсуждали его и их общее будущее («Я согласна стать женой фермера, — сказала тогда Джуди, — но лишь при условии, что мой муж действительно хочет стать фермером»). Увлеклись разговором. Шли и шли, позволив выбирать дорогу ногам, а не голове. А потом, на перекрестке Стейт и Горхэм-стрит визг тормозов и грохот металла прервали их разговор. Фред и Джуди оглянулись и увидели, что «додж»-пикап «поцеловался» бампером со стареньким «фордом»-универсалом.

Из «форда», который явно проскочил знак «стоп» на выезде из Горхэм-стрит без остановки, вылезал мужчина средних лет в старомодном коричневом костюме. Выглядел он очень испуганным, и, как подумал Фред, не без причины. К нему приближался водитель пикапа, молодой и здоровый парень (особенно Фреду запомнился живот, нависающий над джинсами), с монтировкой в руке. «Ах ты, гребаный козел! — кричал Молодой и Сильный. — Посмотри, что ты сделал с моим пикапом! Это пикап моего отца, гребаный козел!»

Старомодный Костюм пятился, широко раскрыв глаза, подняв руки. Фред, наблюдая за ними (они с Джуди стояли перед витриной магазина «Скобяные товары Рикмана»), думал: «Нет, мистер, это плохая идея. Нельзя уходить от такого парня, как этот, надо идти к нему, пусть он и чертовски зол. А так вы его провоцируете... неужели вы не понимаете, что провоцируете его?» Его зачаровало происходящее на перекрестке, и он даже не заметил, что больше не держит Джуди за руку. Он слушал бормотание все пятящегося Старомодного Костюма. Тот лепетал, что это его вина... не посмотрел... задумался... страховка... Фермерский банк... нарисовать схему... вызвать полицию...

И все это время Молодой и Сильный надвигался, похлопывая монтировкой по ладони левой руки, ничего не слушая. Какая страховка, какая компенсация, если Старомодный Костюм до смерти напугал его, когда спокойно ехал, никому не мешал и слушал Джонни Пейчека. Молодой и Сильный намеревался рассчитаться за испуг... да и запах страха и беззащитности, идущий от Старомодного Костюма, все больше превращал его в зверя. Классический случай кролика и овчарки. Как только пятиться кролику будет некуда... И вот мистер Старомодный Костюм уперся спиной в свой «универсал», монтировка начала подниматься.

Но успела только подняться — не опустилась, не пролила кровь. Потому что Джуди Делуа, миниатюрная, как Дюймовочка, уже стояла между ними, бесстрашно глядя в лицо Молодому и Сильному.

Фред моргнул, гадая, каким образом она столь быстро там очутилась (через много лет у него возникнет тот же вопрос, когда он последует за ней на кухню, чтобы услышать, как она сбегает с лестницы позади него). А тогда? Тогда Джуди ударила Молодого и Сильного по руке! Шлепнула сильно и звонко, так, что на массивном бицепсе, чуть пониже рукава поношенной синей футболки, отпечаталась вся ее ладошка. Фред все это видел, но просто не мог поверить своим глазам.

«Прекрати! — заорала Джуди прямо в удивленное лицо Молодого и Сильного. — Опусти эту штуковину, немедленно! Ты что, совсем одурел? Хочешь сесть в тюрьму из-за помятой железяки, которую тебе поменяют за семьсот долларов? Опусти эту штуковину! Ты слышишь меня, здоровяк? Опусти... эту... ШТУКОВИНУ!»

На мгновение Фреду показалось, что Молодой и Сильный таки опустит монтировку, но аккурат на голову его красивой миниатюрной подруги. Но Джуди не отступила, продолжала смотреть в глаза парня с монтировкой, который возвышался над ней на добрый фут, а весом превосходил на сотню фунтов. И уж она точно не источала запаха страха, ее язык не скользил по верхней губе или губному желобку, сверкающие глаза смотрели прямо, а не бегали из стороны в сторону.

И мгновение спустя Молодой и Сильный опустил монтировку.

Фред даже не подозревал о том, что на тротуаре собралась толпа, пока не услышал спонтанные аплодисменты трех десятков зевак. Присоединился к ним и он, испытывая невероятную гордость за Джуди. И тут впервые на лице девушки отразилось некоторое недоумение. Словно она сама не понимала, как оказалась в такой ситуации. Но с места не сдвинулась. Более того, ухватив мистера Старомодный Костюм, подтащила к себе, буквально заставила их обменяться рукопожатиями. А когда прибыли копы, Молодой и Сильный и мистер Старомодный Костюм сидели бок о бок на каменном бордюре и изучали страховые полисы. Инцидент был исчерпан.

Фред и Джуди, держась за руки, направились к кампусу. Два квартала Фред молчал. Восторгался ею? Скорее всего да. Наконец сказал: «Это было потрясающе».

Она смущенно посмотрела на него, мило улыбнулась. «Нет, — возразила Джуди. — Если ты хочешь как-то охарактеризовать мое поведение, считай, что это гражданский поступок. Я же видела, что этот парень вот-вот посадит

себя в тюрьму. Мне этого не хотелось. А второй мог получить серьезные увечья».

Но произнесла она эти слова после короткой паузы, словно оправдываясь, и Фред впервые понял, что, кроме смелости, у нее и неколебимое сердце викинга. Она встала на сторону Молодого и Сильного, потому что... ну, потому что второй человек перепугался.

«Ты не подумала, чем это может закончиться, а? — спросил он ее. Потрясенный увиденным, он тогда еще не сообразил, что должен испытывать стыд: в конце концов, его подруга совершила некое действо, тогда как он остался стоять столбом, хотя законы Голливуда требовали обратного. — Ты не боялась, что в состоянии аффекта этот парень может врезать монтировкой тебе?»

Джуди отвела глаза. «Мне это и в голову не приходило», — ответила она.

Камелот в конце концов добирается до Чейз-стрит, откуда в такие ясные дни, как этот, видна Миссисипи, но Фред так далеко не бегает. У Либерти-Хейтс поворачивает и возвращается тем же маршрутом, в мокрой от пота футболке. Обычно пробежка поднимает ему настроение, но не сегодня, во всяком случае, пока не подняла. Бесстрашная Джуди перекрестка Стейт и Горхэм-стрит так не похожа на Джуди, которая сейчас живет в его доме, с бегающими глазками, иногда бормочущую что-то бессвязное, спящую днем, царапающую руки ногтями, что Фред даже переговорил об этом с Пэтом Скардой. Вчера, когда док заглянул в «Гольц», чтобы посмотреть самоходные газонокосилки.

Фред показал ему пару, «Дир» и «Хонду», осведомился о здоровье близких, потом спросил (он надеялся, ненавязчиво): «Эй, док, скажите мне... как по-вашему, может человек сразу сойти с ума? Безо всякого предупреждения, раз — и готово?»

Скарда пристально глянул на него, что не очень понравилось Фреду.

«Вы говорите о подростке или взрослом, Фред?»

«Ну, я говорю вообще, так сказать, в принципе. — Громкий смех, прозвучавший неубедительно даже для его собственных ушей, судя по выражению лица Пэта Скарды, не убедил того, что вопрос чисто теоретический. — Не о реальном человеке. Но раз вы так ставите вопрос, давайте считать, что речь идет о взрослом».

Скарда на мгновение задумался, потом покачал головой: «В медицине есть всего несколько абсолютных истин, в психиатрии и того меньше. Так вот, должен сказать вам, по моему разумению, вероятность того, что человек может в один миг сойти с ума, как вы говорите, «раз — и готово», ничтожно мала. Это может быть достаточно быстрым процессом, но все-таки процессом. Мы слышим, как люди говорят: «Такой-то вдруг свихнулся», — но это лишь слова. Расстройства психической деятельности, неврозы или психозы, растянуты во времени, и есть признаки, по которым можно судить об их появлении. Как себя чувствует ваша мама, Фред?»

«Мама? О, нормально. С ней все в порядке».

«А Джуди?»

Ему потребовалась секунда, чтобы изобразить улыбку, зато получилась она во все тридцать два зуба.

«Джуди? И у нее все в порядке, док. Разумеется, в порядке. Как всегда, цветет и пахнет».

Само собой. Как всегда, цветет и пахнет. За исключением нескольких признаков.

«Может, все пройдет, — думает он. Старые, добрые эндорфины[1] наконец-то сделают свое дело, и все сразу покажется не таким уж страшным. Оптимизм — нормальное состояние для Фреда, который не верит в соскальзывание в иррациональное. На губах появляется легкая улыбка, первая за день. — Может, все пройдет. Может, то,

[1] Эндорфины — химические вещества, вырабатываемые мозгом и отвечающие за хорошее настроение.

что с ней происходит, уйдет так же быстро, как и пришло. Может, это что-то вроде месячных».

Господи, как же хочется, чтоб все образовалось. И еще надо думать о Тае. Он должен поговорить с Таем о дружеской поруке, поскольку, пусть Фред и не верит гипотезе Уэнделла Грина о том, что по какой-то неведомой причине в округе Каули объявился призрак Альберта Фиша[1], знаменитого людоеда, жившего в начале прошлого века, которым до сих пор пугают детей, кто-то здесь определенно объявился и этот кто-то убил маленьких девочку и мальчика и сотворил что-то невыразимое словами (если только ты — не Уэнделл Грин) с их телами.

«На бедрах, торсе и ягодицах следы укусов», — думает Фред и бежит быстрее, хотя уже начало колоть в боку. Слова эти крутятся и крутятся в голове, но он не верит, что все эти ужасы могут коснуться его сына, не понимает, как они могли вызвать странности в поведении Джуди, тем более что они появились, когда Эми Сен-Пьер была еще жива, Джонни Иркенхэм тоже, и они оба весело играли во дворах своих домов.

Может, все так. Может — нет... но оставим Фреда и его тревоги, хорошо? Выскользнем из его головы и обгоним его на пути к дому 16 по Робин-Гуд-лейн... отправимся прямиком к источнику его тревог.

Окно супружеской спальни на втором этаже открыто, сетка от мошкары, конечно же, не помеха, так что мы влетаем в спальню с ветерком и первыми звуками просыпающегося дня.

Звуки просыпающегося Френч-Лэндинга не будят Джуди Маршалл. Отнюдь. Она лежит без сна с трех часов ночи, выискивая в тенях не пойми что, убегая от снов,

---

[1] Фиш — от англ. Fish — рыба. Соответственно Fisherman — Рыбак (Fisherman еще и святой Петр, но, думаю, до такого кощунства не докатился бы и Уэнделл Грин).

слишком ужасных, чтобы вспоминать их. Однако кое-что помнит, хоть ей этого ой как не хочется.

— Опять видела глаз, — сообщает она пустой комнате. Ее язык вываливается изо рта, и раз уж Фред не наблюдает за ней (она знает, что он наблюдает, она одержима, но не глупа), не просто дотрагивается языком до губного желобка, но часто-часто проходится по нему языком, совсем как собака, которая облизывается, вычистив миску. — Красный глаз. Его глаз. Глаз Короля.

Она смотрит на тени, отбрасываемые растущими у дома деревьями. Они пляшут по потолку, образуя причудливые тела и лица, лица и тела.

— Глаз Короля, — повторяет Джуди и теперь смотрит на свои сцепленные руки с впившимися в кожу ногтями. — Аббала! Лисы в лисьих норах! Аббала-дун, Алый Король! Крысы в крысиных норах! Аббала Маншан! Король в своей башне, ест хлеб и мед! Разрушители в подземелье делают ему деньги!

Она мотает головой из стороны в сторону. О, эти голоса, они приходят из темноты, а иногда, просыпаясь, она видит перед собой то, что ей только что снилось, огромную Темную Башню, возвышающуюся на поле из роз. Поле крови. Затем начинается говорильня, на разных языках, заявления, слова, которые она не понимает и уж тем более не контролирует, смесь английского и белиберды.

— Плестись, плестись, плестись, — говорит она. — Малыши плетутся на сбитых в кровь ножках... о господи, неужели это никогда не закончится?

Язык вновь вылезает изо рта и облизывает желобок. В голове грохочет: «Аббала, Аббала-дун, Кан-та Аббала...»

Эти ужасные незнакомые слова, эти ужасные образы Башни и горячих пещер под ней, пещер, по которым устало тащатся дети на кровоточащих ножках. Ее голова заполнена ими, и есть только один способ заставить их остановиться, один способ обрести покой.

Джуди Маршалл садится. На столике у кровати лампа, последний роман Джона Гришэма, маленький блок-

нот (подарок Тая на день рождения, на каждой странице заголовок: «ВОТ ЕЩЕ ИДЕЯ, КОТОРАЯ У МЕНЯ ВОЗНИКЛА!») и шариковая ручка с надписью «ЛА РИВЬЕРА ШЕРАТОН» на корпусе.

Джуди хватает блокнот и пишет: «Нет Аббалы нет Аббалы-дуна нет Башни нет Разрушителей нет Алого Короля все это сны все это мои сны».

Этого достаточно, но ручки — это ведь дороги неведомо куда, и прежде чем Джуди удается оторвать ручку от страницы подарочного блокнота, она записывает еще пару строк: «Черный дом дверь к Аббале вход в ад Шеол Маншан все эти миры и души...»

Хватит! Боже милостивый, хватит! И самое ужасное: а вдруг все это начнет обретать смысл?

Джуди бросает ручку на стол, та катится и замирает у подставки лампы. Потом вырывает листок из блокнота, сминает, засовывает в рот. Яростно жует, не разрывает, но хотя бы превращает в кашицу, проглатывает. На мгновение бумажный комок застревает в горле, но наконец проскальзывает вниз по пищеводу. Джуди, обессиленная, откидывается на подушку. Лицо бледное и потное, глаза полны слез, но в тенях на потолке она больше не видит лиц, лиц плетущихся детей, или крыс в крысиных норах, или лис в лисьих норах, или глаза Короля, Аббала, Аббала-дун! Теперь это снова тени деревьев. Она — Джуди Делуа Маршалл, жена Фреда, мать Тая. Это Либертивилль, это Френч-Лэндинг, это Висконсин, это Америка, это Северное полушарие, это мир, и нет никакого другого мира, кроме этого. Пусть так будет.

Господи, пусть так будет.

Джуди закрывает глаза, и когда она наконец погружается в сон, мы пересекаем спальню, направляясь к двери. Но прежде чем добираемся до нее, Джуди произносит еще две фразы... произносит в тот самый момент, когда пересекает границу между бодрствованием и сном:

— Бернсайд — не твое имя. Где твоя нора?

Дверь в спальню заперта, поэтому мы пользуемся замочной скважиной, просачиваемся, как выдох. Продвига-

емся по коридору мимо фотографий родственников Джуди и Фреда, мимо одной фотографии на семейной ферме Маршаллов, где Фред и Джуди провели ужасный, но, к счастью, короткий период времени вскоре после свадьбы. Хотите добрый совет? Не заговаривайте с Джуди Маршалл о брате Фреда, Филе. Не заводите ее, как всенепременно сказал бы Джордж Рэтбан.

В двери в конце коридора замочной скважины нет, поэтому мы проползаем под дверью, как телеграмма, и сразу понимаем, что попали в комнату мальчика. Об этом нам говорят смешанные запахи грязных спортивных носков и крема для ног. Она маленькая, эта комната, но кажется больше, чем спальня Джуди и Фреда, потому что в ней нет тревожной ауры. На стенах фотографии Шакила О'Нила, Джереми Барница, «Милуокских оленей»[1] и... идола Тайлера Маршалла — Марка Макгуайра. Макгуайр играет за «Сент-Луис Кардинал», «Кардиналы» — это соперники, но, черт побери, «Милуокские пивовары» ни на что особо не претендуют. О «Пивную команду» вытирают ноги в Американской лиге, о «Кардиналов» — в Национальной[2]. Но Макгуайр... он — герой, не так ли? Сильный, скромный и может отбить бейсбольный мяч на целую милю. Даже отец Тайлера, который болеет только за висконсинские команды, согласен с тем, что Макгуайр — это уникум. «Величайший бэттер в истории игры» — так он охарактеризовал Макгуайра после сезона, в котором тот сделал семьдесят круговых пробежек. Тайлер тогда был совсем маленьким, но эти слова запомнил.

Также на стене в комнате маленького мальчика, которому скоро суждено стать четвертой жертвой Рыбака (ведь мы уже знаем, на его счету три жертвы), на самом почетном месте, за изножьем, висит рекламный плакат

---

[1] «Милуокские олени» — профессиональная баскетбольная команда.

[2] Профессиональные бейсбольные команды США объединены в две лиги: Американскую и Национальную.

туристического агентства, где изображен огромный темный замок, высящийся над чуть затянутым туманом лугом. Вдоль нижнего среза плаката, приклеенного к стене скотчем (мама Тая не разрешает портить стены кнопками), надпись: «ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ОЛД СОД» — большими зелеными буквами. Тай давно уже подумывает о том, чтобы отрезать надпись. Он держит плакат на стене не потому, что ему нравится Ирландия. Для него этот плакат символизирует что-то другое, что-то Совсем Иное. Словно фотография какого-то прекрасного, волшебного королевства, где по лесам бродят единороги, а в пещерах живут драконы. Ирландия тут ни при чем; как и Гарри Поттер, этот замок — из королевства Совсем Иного. Его Тайлер Маршалл видит прежде всего — и когда просыпается по утрам, и когда засыпает по вечерам. И вполне этим доволен.

Он свернулся калачиком на боку, в одних трусах, человечек со спутанными светлыми волосами и большим пальцем, застывшим у самого рта, может, в каком-то дюйме. Ему что-то снится: мы видим, как глазные яблоки двигаются под закрытыми веками. Его губы шевелятся... он что-то шепчет... Аббала? Он шепчет слово своей матери? Нет, конечно, но...

Мы наклоняемся ниже, но, прежде чем нам удается что-то услышать, таймер включает красный радиоприемник со встроенными в него часами, и мгновенно комнату заполняет голос Джорджа Рэтбана, вырывая Тайлера из сна:

— Друзья, вы должны послушать меня, пусть я и говорил вам об этом много раз. Если вы не бывали в мебельных магазинах братьев Хенрайд во Френч-Лэндинге и Сентралии, значит, вы не знаете, что такое мебель. Вот уж где вы увидите колониальный стиль во всей его красе. И не только. Гостинные гарнитуры, столовые, спальни, знаменитые фирмы, продукции которых вы можете доверять. «Лей-зи-бой», «Бретон вудз», «Музхед». ДАЖЕ СЛЕ-

ПОЙ СМОЖЕТ УВИДЕТЬ, ЧТО «БРАТЬЯ ХЕНРАЙД» ОЗНАЧАЕТ КАЧЕСТВО!

Тай Маршалл смеется еще до того, как открывает глаза. Он любит Джорджа Рэтбана, Джордж — парень что надо.

И тут же, не делая паузы после рекламы, Джордж продолжает:

— Вы уже подготовились к «Пивному конкурсу», не так ли? Отправили мне открытки с именем, адресом и el telefono?[1] Надеюсь, что да, поскольку срок истек в полночь. Кто не успел... тот опоздал. Очень сожалею.

Тай закрывает глаза и трижды произносит одно слово: «Дерьмо, дерьмо, дерьмо». Он, конечно же, забыл и надеяться может только на отца, который знает о забывчивости сына и мог отправить открытку на участие в конкурсе за него.

— Первый приз? — вещает Джордж. — ЕДИНСТВЕННЫЙ шанс для вас или кого-то из ваших лучших друзей стать бэтбоем или бэттерл[2] на всех играх с Цинциннати. ЕДИНСТВЕННЫЙ шанс получить биту с автографом Ричи Секссона, кусок ДЕРЕВА, в который упрятана МОЛНИЯ! Не говоря уже о пятидесяти местах около первой базы, рядом со мной, Джорджем Рэтбаном, выездным колледжем бейсбольных знаний округа Каули. НО ЗАЧЕМ Я ВАМ ВСЕ ЭТО ГОВОРЮ? Если вы не отправили открытку, то уже опоздали. Дело закрыто, игра закончена, застегивайте молнию на ширинке! О, я знаю, почему вспомнил об этом — чтобы вы в следующую пятницу настроились на мою волну в надежде услышать, как я называю в прямом эфире ВАШУ ФАМИЛИЮ!

Тай стонет. Шансов услышать свою фамилию у него практически нет. А если остались, то благодарить за это можно только отца. В бэтбои его особо не тянет. Невели-

---

[1] El telefono — телефон (*исп.*).

[2] Бэтбой, бэттерл — мальчик (девочка), подносящий мячи в бейсбольном матче.

ка радость бегать в тяжелой амуниции «Пивоваров» перед забитыми до отказа трибунами «Миллер-парка». Но вот стать обладателем биты с автографом Ричи Секссона, куска дерева с молнией внутри... здорово, не так ли?

Тайлер скатывается с кровати, нюхает подмышки футболки, которую носил днем раньше, бросает на стул, берет из ящика комода другую. Отец иногда спрашивает его, чего он ставит будильник на столь ранний час, все-таки летние каникулы, и Тайлер никак не может убедить его: в жизни важен каждый день, особенно те, что наполнены теплом, солнечным светом и беззаботностью. У него в голове словно звучит тихий голос, внушающий, что нельзя терять ни минуты, потому что время коротко.

Следующая фраза Джорджа Рэтбана смахивает с Тайлера последние остатки сна, совсем как ведро холодной воды.

— Эй, жители Каули, хотите поговорить о Рыбаке?

Тайлер замирает, уже в футболке, с кроссовкой в руках, странный, неприятный холодок бежит по его спине, потом рукам. Рыбак. Какой-то псих, убивающий детей... и поедающий их? Да, он слышал эти разговоры от ребят постарше на бейсбольном поле и в Центре развлечений Френч-Лэндинга, но кто мог пойти на такое? Людоедство, это же надо!

Джордж вдруг понижает голос:

— А теперь я поделюсь с вами маленькой тайной, поэтому внимательно слушайте дядю Джорджа. — Тайлер сидит на кровати, внимательно слушает, как его и просили. Так странно, что Джордж Рэтбан коснулся темы, столь далекой от спорта, но Тайлер ему доверяет. Разве два года назад Джордж не предсказал, что «Милуокские олени» как минимум войдут в восьмерку лучших, тогда как все утверждали, что они вылетят из плей-офф на первом этапе. Да, предсказал. Дело закрыто, игра сделана, застегивай молнию на ширинке.

Голос Джорджа становится еще тише, падает до шепота:

— Настоящий Рыбак, мальчики и девочки, Альберт Фиш, мертв уже добрых семьдесят шесть лет и, насколько мне известно, никогда не заходил западнее Нью-Джерси. Более того, он, должно быть, болел за ЧЕРТОВЫХ ЯНКИ![1] ПОЭТОМУ РАССЛАБЬСЯ, ОКРУГ КАУЛИ! ПРОСТО УСПОКОЙСЯ!

Тайлер расслабляется, улыбается, начинает надевать кроссовки. Успокоиться — это правильно. День только начался, солнце яркое, да, мама в последнее время немного ку-ку, но у нее это пройдет.

На этой оптимистичной ноте мы и отбываем — погостили, и будя, как сказал бы Джордж Рэтбан. А раз уж мы вспомнили о Джордже, вездесущем утреннем голосе округа Каули, почему бы нам не поискать его? Не самая плохая идея. Реализуем ее незамедлительно.

Глава 3

Мы вылетаем из окна Тайлера, оставляем за собой Либертивилль, по диагонали держим курс на юго-запад, не парим, а быстро машем крылышками, потому что летим по делу. Направляемся к отблеску лучей утреннего солнца на поверхности Отца вод, к самой большой в мире шестибаночной упаковке. Между ней и находящейся в ведомстве округа дорогой Оо (мы можем называть ее Нейлхауз-роуд, потому что уже практически стали почетными горожанами Френч-Лэндинга) высится радиобашня, сигнальный маяк на вершине сейчас не виден в ярком свете июльского дня. Вдыхаем ароматы травы, деревьев, согревающейся земли, но по мере приближения к башне их перебивает дрожжевой запах пива.

Рядом с радиобашней, в промышленной зоне, занимающей восточную часть Пенинсула-драйв, стоит небольшое, сложенное из блоков здание. К нему примыка-

[1] «Нью-йоркские янки» — профессиональная бейсбольная команда.

ет автостоянка, где едва хватает места для полудюжины автомобилей и разъездного мини-вэна, старенького «форд эконолайна», выкрашенного в розовый цвет. Когда вторая половина дня начнет переходить в вечер, длинные тени резервуаров с пивом лягут на щит, установленный на лужайке против стоянки, потом на здание и, наконец, на стоянку. На щите надпись: «KDCU-AM — ВАШ ГОЛОС В ОКРУГЕ КАУЛИ». Поперек — другая, нанесенная розовым, почти в тон мини-вэну, спреем: «Трой любет Марианн! Да!» Чуть позже Хоуви Соул, член У-команды, так называют себя сотрудники радиостанции, сотрет ее, возможно, во время передачи Раша Лимбо, которая принимается на спутниковую антенну и полностью автоматизирована, но пока она красуется на щите, говоря нам о том, как проявляется любовь в одноэтажной Америке. Видите, мы все-таки нашли и что-то хорошее.

Аккурат в момент нашего прибытия из боковой двери здания радиостанции выходит худощавый мужчина в «докерсах»[1] цвета хаки, белой рубашке из египетского хлопка, застегнутой на все пуговицы, без галстука, и в темно-бордовых подтяжках (они такие же тонкие, эти подтяжки, как и он сам, и слишком модные, чтобы называть их помочами; помочи — это вульгарная часть мужского туалета, их могут носить только такие люди, как Шустрик Макстон и Сонни Хартфилд из похоронного бюро). На голове этого серебряноволосого мужчины очень крутая соломенная «федора», старинная, но прекрасно сохранившаяся. Большие «авиационные» солнцезащитные очки закрывают глаза. Он останавливается возле газона, слева от двери, под громкоговорителем, из которого доносится прогноз погоды на текущий день: на KDCU идет выпуск местных новостей. Далее — последняя информация с Чикагской биржи сельскохозяйственной продукции, а потому за микрофон мужчине садиться только через десять минут.

[1] «Докерсы» — широкие брюки.

Мы с растущим недоумением наблюдаем, как он достает пачку сигарет «Американ спиритс», прикуривает от золотой зажигалки. Конечно же, этот мужчина в подтяжках, «докерсах» и «федоре» не может быть Джорджем Рэтбаном. Мысленно мы нарисовали себе совсем другого Джорджа, никоим образом не похожего на этого. Мы вообразили мужчину с огромным животом, нависающим над ремнем клетчатых брюк (жареные колбаски, они свое берут), кирпично-красным лицом (а за это уже спасибо пиву, не говоря об истошных криках у микрофона) и мощной шеей (в иной таким голосовым связкам просто не уместиться). Воображаемый нами, да и всем округом Каули, Джордж Рэтбан — пучеглазый, широкозадый, с растрепанными волосами, с кожаными легкими. Если он курит, то, конечно, сигары, ездит на «шевроле», голосует за республиканцев и в любой момент может стать жертвой сердечного приступа. Язык у него без костей, предрассудков — выше крыши, да еще повышенный холестерин.

Этот мужчина — не тот мужчина. Этот двигается с грациозностью танцора. Этот — ледяной чай в жаркий день, хладнокровный, как король пик.

Ларчик открывается просто. Дело в том, что Джорджа Рэтбана не существует вовсе. Он — хобби, выдумка, всего лишь один из ликов этого худощавого мужчины. Сотрудникам KDCU известно его настоящее имя, и они считают себя участниками разыгрываемого спектакля (один из его атрибутов — фирменная фраза насчет слепого), но, право, не знают и половины того, что связано с этим человеком. Если говорить точно, знают только треть, потому что мужчина в «докерсах» и соломенной «федоре» на самом деле объединяет в себе четырех людей.

В любом случае Джордж Рэтбан — спаситель KDCU, последней еще живой станции диапазона AM на рынке, захваченном эфэмовскими[1] хищниками. Пять дней в неделю он ведет утреннюю передачу, которая пользуется бе-

[1] FM — коротковолновый диапазон.

шеной популярностью, а следовательно, привлекает спонсоров. Поэтому У-команда души в нем не чает.

Над его головой громкоговоритель выплевывает: «...нет никаких ниточек, согласно словам начальника полиции Дейла Гилбертсона, который назвал Уэнделла Грина, репортера «Геральд», заезжим паникером, больше интересующимся тиражом газеты, чем нашим стремлением навести порядок во Френч-Лэндинге.

А пока в Ардене пожар в доме унес жизни пожилого фермера и его жены. Хорст П. Лепплемайер и его жена, Гертруда, восьмидесяти двух лет...»

— Хорст П. Лепплемайер, — повторяет худощавый мужчина, с удовольствием затягиваясь сигаретой. — Сможешь повторить десять раз или как?

За его спиной справа вновь открывается дверь, и хотя курильщик стоит под громкоговорителем, он слышит этот звук. Глаза за «авиационными» солнцезащитными очками мертвы от рождения, поэтому слух у худощавого мужчины обострен.

У вновь прибывшего бледное, одутловатое лицо, он щурится на солнце, как новорожденная бабочка, которую плуг вытащил на поверхность земли и выковырял из кокона. Голова у него гладко выбрита, если не считать гребня посередине (как у индейца племени могаук), на затылке плавно переходящего в косичку, которая начинается чуть повыше шеи и доходит до лопаток. Гребень ярко-красный, косичка — цвета электрик. Серьга в одном ухе, вроде бы молния, подозрительно напоминает знаки различия частей СС нацистской Германии. На нем черная порванная футболка с надписью «СНИВЕЛЛИНГ ШИТС-97: МЫ ХОРОШО ПОДГОТОВИЛИСЬ К ЭТОМУ ТУРНЕ». В одной руке этот колоритный тип держит футляр с си-ди[1].

— Привет, Моррис, — здоровается с ним худощавый мужчина в «федоре», не поворачиваясь.

---

[1] Си-ди — от английского CD, лазерный диск

У Морриса от удивления приоткрывается рот, и в этом состоянии он становится похож на милого еврейского мальчика, каковым он, собственно, и является. Моррис Розен проходит на радиостанции летнюю практику. Его направили сюда от Ошкошского филиала Висконсинского университета. «Господи, как же мне нравится бесплатная рабочая сила!» — заявил как-то по этому поводу Том Уиггинс, управляющий радиостанцией, довольно потирая руки. Никто так придирчиво не следит за расходами компании, как это делает Том Уиггинс на KDCU. Он — словно дракон, восседающий на груде золота (хотя на счетах KDCU не просматривалось такой груды; повторим, диапазон AM практически вымер, просто чудо, что эта радиостанция до сих пор находится на плаву).

Выражение удивления на лице Морриса — будет справедливо назвать это удивлением смущения — сменяется улыбкой.

— Вау, мистер Лайден! Ну вы и даете! Какие же у вас уши!

Тут он хмурится. Даже если мистер Лайден, который стоял под тявкающим громкоговорителем, не следует это забывать, и услышал, что кто-то вышел из здания, каким образом ему удалось узнать, кто именно появился у него за спиной?

— Как вы узнали, что это я? — спрашивает он.

— По утрам здесь только двое пахнут марихуаной, — объясняет Генри Лайден. — Один из них после косячка полощет рот «Скоуп»[1], второй, это ты, обходится без оного.

— Вау. — В голосе Морриса слышится уважение. — Да у вас нюх как у собаки.

— Именно так, — соглашается Генри. Продолжает мягко и задумчиво: — Это трудная работа, но кто-то должен ее делать. Так вот, насчет твоих утренних свиданий с

[1] «Скоуп» — зубной эликсир, выпускаемый фирмой «Проктер энд Гэмбл».

ароматной травкой. Позволь мне поделиться с тобой одним индейским афоризмом.

— Да, конечно. — Это первый долгий разговор Морриса с Генри Лайденом, и он на все сто процентов соответствует образу, который ему нарисовали. На все сто и даже больше. И уже совсем не трудно поверить, что он может быть другим... полностью перевоплощаться, как Брюс Уэйн. Но... все это так необычно.

— То, чем мы занимаемся в детстве, становится привычкой. — Все тот же мягкий голос, не имеющий ничего общего с голосом Джорджа Рэтбана. — Это мой тебе совет, Моррис.

— Да, абсолютно, — отвечает Моррис. Он понятия не имеет, о чем толкует мистер Лайден. Но медленно, застенчиво протягивает руку с футляром с си-ди. На мгновение, пока Генри не пытается взять футляр, Моррис чувствует острую обиду. Ему вдруг снова семь лет, и он пытается произвести впечатление на своего вечно занятого отца картиной, которую рисовал в своей комнате всю вторую половину дня. Потом думает: «Он же слепой, дубовая твоя башка. Он может унюхать марихуану в твоем дыхании, и уши у него, возможно, как у летучей мыши, но откуда он может знать, что у тебя в руке гребаный си-ди?»

Осторожно, словно пугаясь собственной смелости, Моррис берет Генри за запястье. Чувствует, как тот вздрагивает, но потом позволяет подвести его к пластмассовой коробочке.

— А, си-ди, — говорит Генри. — И что там записано?

— Вы должны поставить седьмой трек в вашу вечернюю программу, — отвечает Моррис. — Пожалуйста.

Впервые на лице Генри отражается тревога. Он затягивается сигаретой, бросает ее (даже не посмотрев... естественно, ха-ха) в наполненное песком пластиковое ведро у двери.

— О какой программе ты говоришь? — спрашивает он.

Вместо прямого ответа Моррис губами издает быстрые чавкающие звуки, изображая маленького, но прожор-

ливого грызуна, поедающего что-то вкусное. Хуже того, дополняет их фирменной фразой Висконсинской крысы, которую молодежь возраста Морриса знает так же хорошо, как их родители, — вопль Джорджа Рэтбана «Даже слепой»: «Жуй это, ешь, запивай, оно все-е-е равно выйдет из одного и того же места!»

С имитацией у Морриса не очень, но вопроса, кого он имитирует, не возникает: одну-единственную Висконсинскую крысу, чья вечерняя программа на KWLA-FM известна на весь округ Каули (скорее следовало бы сказать «пользуется дурной славой во всем округе Каули»). KWLA — крошечная студенческая радиостанция, работающая в FM-диапазоне, пятнышко на полотне висконсинского радиоэфира, но аудитория Крысы огромна.

Но если кто-то узнает, что обожаемый всеми, болеющий за «Пивную команду», голосующий за республиканцев, вещающий в AM-диапазоне Джордж Рэтбан одновременно и Висконсинская крыса, который однажды в прямом эфире вывалил содержимое кишечника на си-ди «Бэкстрит бойз», могут быть неприятности. И очень серьезные, которые, вполне возможно, выйдут за пределы висконсинского радиомирка.

— С чего ты вдруг решил, Моррис, что Висконсинская крыса — это я? — спрашивает Генри. — Я же практически не знаю человека, о котором ты говоришь? Кто вбил тебе в голову такую странную идею?

— Информированный источник, — уклончиво отвечает Моррис.

Он не собирается выдавать Хоуви Соула, даже если ему будут вырывать ногти раскаленными щипцами. Да и Хоуви выяснил это случайно: как-то зашел в сортир после Генри и увидел, что тот выронил бумажник из заднего кармана, пока сидел на троне. Казалось бы, человек со столь обостренными органами чувств не мог не заметить падения бумажника на пол, но, возможно, Генри в тот момент крепко о чем-то задумался: человеку, столь занятому работой, как Генри, есть о чем подумать. В любом случае в

бумажнике Генри лежал пропуск KWLA (в бумажник Хоуви, по его словам, заглянул из чистого любопытства), и в строке «Фамилия» кто-то поставил «оттиск крысы». Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки.

— Я никогда в жизни не переступал порога KWLA, — говорит Генри, и это абсолютная правда. Передачу Висконсинской крысы (среди прочих) он делает дома, потом посылает пленку через абонентский ящик, который арендует на имя Джо Страммера в почтовом отделении в центре города. Пропуск с «оттиском крысы», скорее, приглашение от менеджмента KWLA, которым он еще ни разу не воспользовался... Но пропуск сохранил.

— Ты тоже стал чьим-то информированным источником, Моррис?

— Что?

— Ты кому-нибудь говорил, что я — Висконсинская крыса?

— Нет! Конечно же нет! — Как нам известно, люди всегда так говорят. К счастью для Генри, в данном случае это правда. По крайней мере пока, день ведь только начался.

— И не скажешь, не так ли? Потому что слухи имеют одну особенность: они укореняются. Совсем как плохие привычки, — бормочет Генри, создавая дымовую завесу.

— Я умею держать рот на замке, — гордо заявляет Моррис.

— Я на это надеюсь. Потому что, если ты будешь распространять слухи, мне придется тебя убить.

«Распространять слухи, — думает Моррис. — О-го-го, да за кого он меня держит?»

— Конечно же, убить, как же иначе. — Моррис смеется.

— И съесть, — добавляет Генри. Он не смеется, даже не улыбается.

— Да, да. — Моррис продолжает смеяться, но теперь даже для его собственных ушей смех звучит очень уж неестественно. — Словно вы — Ганнибал Лектер.

— Словно я — Рыбак, — отвечает Генри, и «авиационные» очки медленно поворачиваются к Моррису. Солнечные лучи отражаются в них, и на мгновение они превращаются в языки пламени. Моррис непроизвольно, даже не подозревая об этом, отступает на шаг. — Альберту Фишу нравится начинать с задницы, ты это знал?

— Н...

— Именно так. Он говорит, что кусок юной задницы так же хорош, как телячья вырезка. Его собственные слова. Из письма матери одной из жертв.

— Ни фига себе. — Голос у Морриса — как у человека, готового шлепнуться в обморок, как у откормленного маленького поросенка, не пускающего в свой дом большого голодного волка. — Но мне нет нужды особо волноваться. Ведь вы — не Рыбак.

— Не Рыбак? С чего ты так решил?

— Ну, прежде всего вы — слепой.

Генри молчит, только смотрит на Морриса, которому с каждым мгновением становится все тревожнее, сверкающими на солнце очками. И Моррис думает: «А слепой ли он? Для слепого он слишком хорошо ориентируется... Как он меня вычислил, стоило мне выйти из двери. Это очень подозрительно».

— Я буду молчать, — обещает он. — Честное слово.

— Именно это мне и нужно, — ровным голосом отвечает Генри. — А теперь, раз уж с этим нам все ясно, что ты мне принес? — Он держит в руке си-ди, но, с облегчением замечает Моррис, держал бы иначе, если б мог разглядеть.

— Ну, это группа из Расина. «Грязная сперма». И они сделали новую аранжировку «Куда ушла наша любовь?» старой песни «Супримз». Только резко взвинтили темп. Получилось чертовски весело. Совсем другой ритм.

— «Грязная сперма», — повторяет Генри. — Не они раньше назывались «Клитор Джейн Виатт»?

Моррис смотрит на Генри с обожанием, которое может быстро перерасти в любовь.

— Ведущий гитарист «Грязной спермы» в свое время собрал «КДВ». Потом он и бас-гитара поругались, не сошлись насчет Дина Киссинджера и Генри Ачесона, и Акки Дакки, этот гитарист, ушел, чтобы организовать «Грязную сперму».

— «Куда ушла наша любовь», — мурлычет Генри, потом отдает си-ди. Словно увидев, как вытягивается лицо Морриса, добавляет: — Никто не должен видеть меня с этим диском, понимаешь? Сунь его в мой шкафчик.

Лицо Морриса тут же расплывается в широкой улыбке.

— Конечно! Будет сделано, мистер Лайден.

— И чтоб никто тебя при этом не видел. Особенно Хоуви Соул. Хоуви обожает совать нос в чужие дела. Не стоит следовать его примеру.

— Никогда! — Все еще улыбаясь, довольный тем, как все закончилось, Моррис берется за ручку двери.

— Моррис...

— Да?

— Раз уж ты знаешь мой секрет, может, тебе лучше называть меня Генри.

— Генри! Да! — Для Морриса Розена это лучшее утро за все лето.

Можете поверить.

— И вот что еще...

— Да? Генри? — Моррис решается представить себе день, когда они станут Хэнком и Морри.

— Насчет Крысы держи рот на замке.

— Я уже обещал...

— Да, и я тебе верю. Но искушение подкрадывается исподволь, Моррис. Искушение подкрадывается, как вор в ночи или как киллер, выслеживающий жертву. Если ты поддашься искушению, я об этом узнаю. Я это учую на твоей коже, как дешевый одеколон. Ты мне веришь?

— Э... да. — Потом, когда у него появилось время все хорошенько обдумать и взвесить, Моррис придет к выводу, что угроза Лайдена — чушь собачья, но сейчас он ему верит. Верит. Словно его загипнотизировали.

— Очень хорошо. А теперь иди. Скажи, чтобы подготовили рекламные ролики «Лучших скобяных товаров», «Салона «шевроле» Заглата» и «Мистера Вкусные Ребрышки».

— Понял.

— Что же касается вчерашней игры...

— Страйк-аут Уикмена в восьмом иннинге? Вот козел. Так подвел «Брюэров».

— Нет. Я думаю, нам нужна круговая пробежка Марка Лоретты в пятом. Лоретте не часто удается так ловко попасть по мячу, а болельщики его любят. Не могу понять почему. Даже слепому ясно, что игрок он так себе. И удар слабоват, и скорость не та. Положи си-ди в мой шкафчик, и я обязательно его передам, если увижу Крысу. Я уверен, что он прокрутит диск.

— Трек...

— ...семь, семь, божественные ритмы. Я не забуду, и он тоже. А теперь иди.

Моррис бросает на Генри еще один благодарный взгляд и исчезает за дверью. Генри Лайден, он же Джордж Рэтбан, он же Висконсинская крыса, он же Генри Шейк (мы познакомимся с ним, но не сейчас, позже), закуривает новую сигарету, глубоко затягивается. У него нет времени, чтобы докурить ее до конца, сельскохозяйственные биржевые новости уже в эфире (свинина дорожает, пшеница дешевеет, кукурузу отрывают с руками), но ему необходима пара затяжек, чтобы успокоиться. Генри предстоит долгий-долгий день, который должен закончиться концертом на Клубничном фестивале в «Центре Макстона по уходу за престарелыми», доме антикварных ужасов. Господи, убереги меня от когтей Уильяма Шустрика Макстона, часто думает он. Выбирая между перспективой жить в ЦМ и сгореть, облившись бензином, он всякий раз отдает предпочтение самосожжению. А потом, если он совсем не выдохнется, к нему заедет его друг и они смогут приступить к чтению «Холодного дома», как уже давно собирались. Это будет настоящий подарок.

Сколь долго, думает он, Моррис Розен сможет держать язык за зубами? Генри полагает, что сумеет это выяснить. Он слишком любит Крысу и сдаст ее лишь в случае крайней необходимости. Это бесспорно.

— Дин Киссинджер, — бормочет он. — Генри Ачесон. Акки Дакки. Спаси нас, Господи.

Он еще раз затягивается, бросает сигарету в ведро с песком. Пора идти в студию, пора воссоздать в эфире вчерашнюю круговую пробежку Марка Лоретты, пора отвечать на звонки фанатов спорта из округа Каули.

А нам пора улетать. Колокол лютеранской церкви возвещает, что висконсинское время — семь утра.

Во Фрэнч-Лэндинге жизнь набирает ход. В этой части света люди не привыкли залеживаться в кроватях, и мы должны поспешить, чтобы всюду успеть. Скоро начнут происходить разные события, и происходить быстро. Пока мы выдерживаем нужный темп, до прибытия в конечный пункт нам остается только одна остановка.

Мы поднимаемся в теплое небо, на мгновение зависаем рядом с радиобашней KDCU (мы так близко, что слышим, как включается и отключается невидимый на солнце сигнальный фонарь, до нас доносится низкий, но немного зловещий гул электричества), смотрим на север, определяемся с нашим местоположением. В восьми милях выше по течению реки расположен город Грейт-Блафф, названный так по высящемуся там действительно огромному известняковому утесу[1]. Место это, по слухам, нехорошее, потому что в 1888 году вождь индейского племени фокс (по имени Дальний Взор) собрал всех своих воинов, шаманов, женщин, детей и велел им прыгать с утеса, дабы избежать ужасной судьбы, которая привиделась ему во сне. И индейцы его племени, как и последователи Джима Джонса, подчинились.

[1] Утес по-английски bluff, Great Bluff — Великий Утес.

Но так далеко вверх по течению мы забираться не будем, призраков нам хватает и во Френч-Лэндинге. Вместо этого вновь летим над Нейлхауз-роуд («харлеев» нет: Громобойная пятерка во главе с Нюхачом Сен-Пьером отправилась на работу на пивоваренный завод), над Куин-стрит и «Центром Макстона» (Берни еще там, по-прежнему смотрит в окно... брр-р) к Блафф-стрит. Здесь практически сельская местность. Даже теперь, в двадцать первом веке, маленькие городки округа Каули удивительно быстро переходят в леса и поля.

Герман-стрит, по левую руку от Блафф, уже не город, но еще и не лес с полями. Здесь, на краю большого, в полмили, луга, еще не открытого застройщиками (такие есть и в округе Каули), в крепком кирпичном доме живут Дейл Гилбертсон, его жена Сара и шестилетний сын Дэвид.

Задерживаться мы не можем, поэтому лишь ненадолго вплывем в окно кухни. В конце концов, оно открыто, и для нас есть место на столике у плиты, между «Сайлексом» и тостером. Гилбертсон сидит за кухонным столиком, читает газету и ложку за ложкой, не чувствуя вкуса, отправляет в рот «Спешл-кей»[1] (он забыл и про сахар, и про нарезанный банан, расстроившись из-за очередной статьи Уэнделла Грина на первой полосе «Геральд»). В это утро Дейл, без сомнения, самый несчастный человек во всем Френч-Лэндинге. Вскоре мы познакомимся с его соперником за этот титул, но пока побудем с Дейлом.

«Рыбак, — с тоской думает он, и его рассуждения по этому поводу сродни мыслям Бобби Дюлака и Тома Лунда. — Ну почему ты, паршивый бумагомарака, не нашел ему более современного прозвища? Не обозвал, скажем, Терминатором? Ведь звучит неплохо».

Да только Дейл знает почему. Слишком уж очевидны, слишком сильны параллели между Альбертом Фишем, тво-

[1] «Спешл-кей» — сухой завтрак в виде хлопьев из риса, пшеницы и обезжиренных зародышей пшеничного зерна с витаминными и минеральными добавками, выпускаемый фирмой «Келлогг».

ривший свое черное дело в Нью-Йорке, и подонком, что зверствует во Френч-Лэндинге. Фиш душил своих жертв, и Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэма тоже задушили. Фиш обедал своими жертвами, и мальчиком и девочкой тоже отобедали. И Фиш, и этот гад похвалялись, что им особо по вкусу мо... в общем, определенная часть тела.

Дейл смотрит на залитый молоком сухой завтрак, бросает ложку, отодвигает тарелку.

И письма. Невозможно забыть эти письма.

Дейл смотрит на свой «дипломат», приникший к ножке стула, как верный пес. Папка там, и она притягивает его, как стреляющий болью зуб притягивает язык. Может, ему все-таки удастся *не притронуться к письмам, пока он* находится в своем доме, где *играет в мяч с сыном и занимается* любовью с женой... но вот не думать о них... это совсем другое дело, как принято говорить в здешних краях.

Альберт Фиш написал длинное, с отвратительными подробностями письмо матери Грейс Бидд, убийство которой и привело к тому, что старый людоед оказался на электрическом стуле («С каким восторгом я жду, чтобы через меня пропустили электрический ток! — вроде бы заявлял Фиш своим тюремщикам. — Это единственное, чего я не испытал в жизни»). Рыбак тоже отправил аналогичные письма, одно — Элен Иркенхэм, второе — отцу Эми, отвратительному (но, по оценке Дейла, истинно скорбящему) Арману «Нюхачу» Сен-Пьеру. Дейлу хотелось бы верить, что письма эти написаны каким-нибудь шутником, не имеющим отношения к убийствам, но оба содержат информацию, которую скрыли от прессы, сведения, которые мог знать только убийца.

Дейл наконец уступает искушению (как понял бы его Генри Лайден) и берется за «дипломат». Открывает его и кладет пухлую папку на место, где совсем недавно стояла тарелка с сухим завтраком, залитым молоком. Ставит «дипломат» на пол, у ножки стула, открывает папку, маркированную: СЕН-ПЬЕР/ИРКЕНХЭМ. Никаких тебе Рыбаков. Перекладывает рвущие души школьные фотографии

двух улыбающихся детей, отчеты медицинских экспертов, слишком ужасные, чтобы их читать, фотографии с мест преступления, слишком ужасные, чтобы на них смотреть (но он должен на них смотреть, смотреть снова и снова: окровавленные цепи, мухи, застывшие глаза). Тут же различные показания, самое длинное — Спенсера Ховдала, который нашел маленького Иркенхэма и на очень короткое время даже попал в подозреваемые.

Далее ксерокопии трех писем. Одно послали Джорджу и Элен Иркенхэм (пусть адресовалось оно только Элен, разве в этом суть). Второе — Арману «Нюхачу» Сен-Пьеру (так и значилось на конверте: имя, прозвище и фамилия). А третье — матери Грейс Бадд, жительнице Нью-Йорка, которое та получила вскоре после убийства дочери поздней весной 1928 года.

Дейл выкладывает их перед собой, одно к другому.

«Грейс сидела на моем колене и целовала меня. Я решил ее съесть». Так написал Фиш миссис Бадд.

«Эми сидела на моем колене и обнимала меня. Я решил ее съесть». Это фраза из письма, полученного Нюхачом Сен-Пьером, и не стоило удивляться, что этот человек угрожал сжечь полицейский участок Френч-Лэндинга дотла. Дейл не любил этого сукина сына, но признавал, что на его месте, возможно, повел бы себя точно так же.

«Я пошел наверх и разделся. Я знал: если я этого не сделаю, то забрызгаю одежду кровью». От Фиша — миссис Бадд.

«Я обошел курятник и разделся. Я знал: если я этого не сделаю, то забрызгаю одежду кровью». От неизвестного — миссис Иркенхэм. Вопрос: как могла мать, получив такое письмо, остаться в здравом уме? Возможно ли такое? Дейл полагал, что нет. Элен связно отвечала на вопросы, даже предлагала чай, когда он заезжал к Иркенхэмам в последний раз, но ее остекленевшие глаза красноречиво говорили, что всеми действиями управляет автопилот.

Три письма — два новых, одно написанное почти семьдесят пять лет назад. И все три так похожи. Письмо

Сен-Пьеру и Иркенхэм написаны от руки, согласно заключению экспертов полицейского управления, левшой. Бумага — обычная писчая, белая, какая продается в любом канцелярском магазине, лежит во всех почтовых отделениях. Написаны письма шариковой ручкой, вероятно «Bic». Те еще улики.

От Фиша — миссис Бадд, в далеком двадцать восьмом: «Я не трахнул ее, хотя мог, если б захотел. Она умерла девственницей».

От неизвестного — Нюхачу Сент-Пьеру: «Я НЕ трахнул ее, хотя мог, если б захотел. Она умерла ДЕВСТВЕННИЦЕЙ».

От неизвестного — Элен Иркенхэм: «Вас, возможно, это успокоит. Я НЕ трахнул его, хотя мог, если бы захотел. Он умер ДЕВСТВЕННИКОМ».

С этим делом самому Дейлу не справиться, и он это понимает, но надеется, что все-таки не круглый дурак. Автор писем, хоть и не подписывает их фамилией давно умершего людоеда, хочет, чтобы его с ним отождествляли. Он сделал для этого все, разве что не оставлял мертвых рыбин на месте преступлений.

Горестно вздохнув, Дейл убирает письма в папку, папку — в «дипломат».

— Дейл? Дорогой? — сонный голос Сары с верхней лестничной площадки.

Дейл подпрыгивает от неожиданности, как человек, застигнутый за непотребным занятием, и защелкивает «дипломат».

— Я на кухне, — отвечает он. О Дейве можно не беспокоиться. Он спит как убитый до половины восьмого.

— Идешь позже?

— Да. — Он часто приходит на работу позже, зато задерживается до семи, восьми, а то и до девяти вечера. Уэнделл Грин об этом не упоминал... во всяком случае, пока. До этого ему дела нет, все внимание людоедам.

— Сможешь полить цветы перед уходом? А то земля очень сухая.

— Конечно. — Дейл любит поливать цветы Сары. И потом, когда у него в руке садовый шланг, на ум часто приходят дельные мысли.

Наверху пауза... но он не слышит шарканья шлепанцев, возвращающихся в спальню. Он ждет.

— Ты в порядке, дорогой? — наконец доносится сверху.

— Да, — отвечает он, надеясь, что голос звучит достаточно искренне.

— Ночью ты просто метался по кровати.

— Не волнуйся, я в норме.

— Знаешь, что спросил у меня Дэви, когда вчера вечером я мыла ему голову?

Дейл закатывает глаза. Он ненавидит разговоры на расстоянии. А вот Сара их, похоже, обожает. Он встает, вновь наполняет чашку кофе.

— Нет, так что?

— Он спросил: «Теперь папа останется без работы?»

Дейл не доносит чашку до рта.

— И что ты ответила?

— Ответила, что нет. Само собой.

— Тогда ты ответила правильно.

Он ждет, но продолжения не следует. Добавив ему еще толику волнений: теперь надо думать, как отразятся его неурядицы на работе на хрупкой психике Дэви, Сара ретируется в их спальню и скорее всего дальше, в душ.

Дейл возвращается к столу, маленькими глотками пьет кофе, потом прикладывает руку ко лбу, закрывает глаза. В этот момент мы видим, какой он испуганный и несчастный. Дейлу сорок два года, вредных привычек у него нет, но в резком ярком солнечном свете, бьющем в окно, через которое проникли в кухню и мы, он выглядит больным шестидесятилетним стариком.

Он, естественно, беспокоится за свою должность, понимает, что в следующем году, на очередных выборах, его прокатят, если убийца Эми и Джонни будет и дальше творить свои черные дела. Его тревожит и Дэви... хотя Дэви не

главная его забота. Как и Фред Маршалл, он не представляет, что Рыбак может похитить их единственного сына. Нет, куда больше его волнует судьба других детей Френч-Лэндинга, а также детей Сентралии и Ардена.

Но главный его страх вызван тем, что этот сукин сын ему просто не по зубам. И он убьет третьего ребенка, четвертого, а может, одиннадцатого и двенадцатого.

Видит Бог, он затребовал помощь. И получил ее... в какой-то степени. К делу приписали двух детективов из полицейского управления штата, к расследованию подключился агент ФБР из Мэдисона (правда, неофициально, поскольку это дело подпадает под юрисдикцию полиции). Но даже в помощи со стороны Дейлу видится что-то сюрреалистическое. Возможно, дело в странном совпадении фамилий. Агента ФБР зовут Джон П. Реддинг. Детективов из центрального управления — Перри Браун и Джеффри Блэк. То есть в его команде появились Покрасневший, Коричневый и Черный. Цветной отряд, как называет их Сара. Все трое ясно дают понять, что их дело — только помощь, во всяком случае пока. Ясно дают понять, что на капитанском мостике лишь он, Дейл Гилбертсон.

«Господи, как же мне хочется, чтобы Джек помог мне в этом деле, — думает Дейл. — Я бы тут же сделал его полицейским, как в старых добрых вестернах».

Когда Джек впервые появился во Френч-Лэндинге, почти четыре года назад, Дейл не знал, как ему относиться к человеку, которого его подчиненные сразу же окрестили Голливудом. Но к тому времени, когда они вышли на Торнберга Киндерлинга, да, безобидного, неприметного Торнберга Киндерлинга, вот кто никак не тянул на убийцу, он уже точно знал, с кем имеет дело. Этот парень был лучшим детективом, с которым ему доводилось общаться, детективом от бога.

Единственным детективом от бога, вот что ты имел в виду.

Да, все так. Единственным. И хотя они разделили славу поровну (по настоянию пришельца из Лос-Анджелеса),

именно мастерство Джека позволило выйти на преступника. Он действовал, как знаменитые книжные детективы... Эркюль Пуаро, Эллери Куин, словно был одним из них. Разве что не полагался только на дедукцию, не ходил, постукивая себя по виску, не говорил о «маленьких серых клетках». Он...

— Он слушает, — бормочет Дейл и встает. Направляется к двери черного хода, потом возвращается за «дипломатом». Чтобы положить его на заднее сиденье своей патрульной машины до полива цветов. Не хочет, чтобы ужасные фотографии находились в доме дольше необходимого.

Он слушает.

Как слушал Дженну Мэссенгейл, барменшу из «Грильбара». Дейл понятия не имел, почему Джек проводил столько времени с этой маленькой шлюшкой. Ему даже приходила мысль, что мистер Лос-Анджелес старается затащить ее в постель, чтобы по возвращении домой рассказать друзьям с Родео-драйв, что он отведал сладенького в Висконсине, где воздух свежий, а ноги длинные и сильные. Но Джек тратил время на другое. Он слушал, и в конце концов она поделилась с ним тем, что он ожидал услышать.

«Да, сэр, люди становятся такими забавными, когда выпьют, — рассказывала Дженна. — Есть тут один парень, который после пары стаканчиков начинает зажимать себе ноздри...» И она показала, что делает этот парень: зажала ноздри между большим и указательным пальцами, развернув руку ладонью к собеседнику.

Джек, по-прежнему улыбаясь, маленькими глотками пил газировку.

«И всегда выворачивая ладонь? Вот так?» — Он повторил движения руки официантки.

Дженна улыбалась, уже влюбившись в детектива: «Именно так, красавчик... ты все схватываешь на лету».

Джек: «Иногда случается. И как зовут этого парня, дорогая?»

Дженна: «Киндерлинг. Торнберг Киндерлинг. Только после стаканчика-другого, начав зажимать нос, он просит, чтобы все звали его Торни».

Джек (все улыбаясь): «Он пьет джин «Бомбей», не так ли, дорогая? С одним кубиком льда и капелькой горькой настойки?»

Дженна со сползающей с лица улыбкой, в изумлении, словно столкнулась с экстрасенсом, читающим мысли: «Как вы это узнали?»

Как он это узнал, особого значения не имеет, потому что слова Дженны становятся последним элементом картинки-головоломки. Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки.

И в итоге Джек улетел в Лос-Анджелес с арестованным Торнбергом Киндерлингом, безобидным, очкастым, проживающим в Сентралии агентом страховой компании, клиентами которой были окрестные фермеры, страховавшие в ней свое имущество, с Торнбергом Киндерлингом, который, казалось бы, не мог шугануть и гусыню, не сказал бы «говно» даже с набитым им ртом, в жаркий день постеснялся бы попросить стакан воды в незнакомом доме, но убил двух проституток в Городе ангелов. Торни никого не душил, пользовался ножом фирмы «Бак», который купил, это позже выяснил Дейл, в магазине «Спортивные товары Лафэма», расположенном рядом с баром «Сэнд», главным злачным заведением Сентралии.

К тому времени вину Киндерлинга уже удалось доказать проведенным анализом ДНК, но Джека обрадовало известие о том, что установлено место приобретения орудия убийства. Он лично позвонил Дейлу, чтобы поблагодарить его. Дейла, который не бывал западнее Денвера, этот звонок вежливости тронул до глубины души. В ходе расследования Джек не раз и не два говорил, что любых доказательств вины может оказаться недостаточно, если у преступника черные душа и сердце, а именно с таким в лице Торни Киндерлинга они и столкнулись. Он, разумеется, пытался симулировать безумие, и Дейл — он очень

надеялся, что его вызовут в качестве свидетеля, — радовался, как ребенок, узнав, что присяжные ему не поверили и приговорили к пожизненному заключению без права досрочного освобождения.

Но как он и Джек сумели этого добиться? Что послужило главной причиной? Умение Джека слушать. Вот и все. Слушать барменшу, которая привыкла к тому, что мужчина смотрит на ее грудь, тогда как слова если и влетают в одно ухо, то лишь для того, чтобы тут же вылететь из другого. А кого слушал Джек Голливуд до долгих бесед с Дженной Мэссенгейл? Похоже, какую-то проститутку с Сансет-Стрип[1]... а скорее далеко не одну. («Как бы их всех обозвать? — рассеянно думает Дейл, вытаскивая из гаража поливочный шланг. — Выводок ночных бабочек? Бригада постельных тружениц?») Никто из них не сумел опознать Торнберга Киндерлинга, потому что Торнберг, приезжавший в Лос-Анджелес, разительно отличался от Торнберга, колесившего по фермам округа Каули и Миннесоты. Лос-анджелесский Торнберг носил парик, контактные линзы вместо очков, маленькие усики.

— Но самый удачный ход — темный тональный крем, — говорил Джек. — Благодаря этому Торнберг легко сходил за местного жителя.

— Учась в средней школе Френч-Лэндинга, он все четыре года занимался в драматическом кружке, — мрачно ответил ему Дейл. — Я узнавал. Поверишь ли, этот подонок играл Дон Жуана.

Именно усилия по изменению внешности стали причиной того, что присяжные не поверили в безумие подсудимого. А вот про привычку зажимать ноздри двумя пальцами, выворачивая ладонь, Торни забыл. Наверное, потому, что проделывал это неосознанно. Автоматически.

---

[1] Сансет-Стрип — распространенное название центрального участка бульвара Сансет в Голливуде, вдоль которого расположены фешенебельные отели, рестораны, сувенирные магазины, театральные агентства и ночные клубы.

Какая-то проститутка запомнила эту особенность, упомянула вскользь, Дейл в этом не сомневался, точно так же, как Дженна Мэссенгейл, но Джек услышал.

Потому что слушал.

«Позвонил, чтобы поблагодарить, что удалось выяснить, откуда взялся нож, потом, чтобы сообщить о решении присяжных, — думает Дейл, — но второй раз он еще что-то хотел. И я знал, что именно. Даже до того, как он открыл рот».

Потому что, пусть он и не детектив от бога, как его друг из Золотого штата, Дейл все же заметил, как поразил молодого человека Западный Висконсин. Джек влюбился в округ Каули, и Дейл поставил бы немалую сумму на то, что имела место быть классическая любовь с первого взгляда. Именно об этом, несомненно, говорило лицо Джека, когда они ездили из Френч-Лэндинга в Сентралию, из Сентралии в Арден, из Ардена в Миллер. На нем отражались радость и благоговейный восторг. Дейлу Джек напоминал человека, который приехал в новые для себя края, чтобы обнаружить, что вернулся домой.

— Слушай, до чего же мне здесь нравится, — как-то сказал он Дейлу, когда они ехали в старом патрульном «каприсе»[1] Дейла, где постоянно что-то ломалось, даже клаксон. — Ты хоть понимаешь, до чего здорово здесь жить, Дейл? Должно быть, это один из самых прекрасных уголков мира.

Дейл, живший в округе Каули с рождения, не собирался с ним спорить.

И в конце их второго телефонного разговора о Торнберге Киндерлинге Джек напомнил Дейлу, что однажды просил (не так чтобы совсем серьезно, но и не в шутку) дать ему знать, если неподалеку от одного из городков будет продаваться небольшой дом. И по тону Джека Дейл понял, что шутки кончились.

---

[1] «Шевроле-каприс» — популярная модель, одна из модификаций которой использовалась в качестве патрульных автомобилей.

— Так ты у меня в долгу, — бормочет Дейл, закидывая на плечо свернутый шланг. — Ты у меня в долгу, паршивец.

Разумеется, он уже просил Джека неофициально помочь ему в поисках Рыбака, но Джек отказался... чуть ли не со страхом. «Я на пенсии, — отрезал он. — Если ты не знаешь, что сие означает, Дейл, мы можем вместе заглянуть в словарь».

Но это нелепо, не так ли? Разумеется, нелепо. Как может уйти на пенсию человек, не достигший тридцати пяти лет? Особенно тот, кто знает свое дело гораздо лучше других.

— Ты у меня в долгу, парень, — повторяет он, направляясь к крану. Небо над головой безоблачное, лужайка, не знающая недостатка в воде, зеленая, никаких признаков соскальзывания здесь, на Герман-стрит, казалось бы, нет и в помине. Но, возможно, все-таки есть, возможно, мы их чувствуем. Слышим какой-то неприятный звук вроде гула, который вызывал ток высокого напряжения в стальных фермах башни KDCU.

Мы, однако, провели здесь слишком много времени. Пора вновь махать крылышками на пути к конечной точке нашего маршрута. Мы знаем еще далеко не все, но нам известно о трех важных моментах: первое, Френч-Лэндинг — город, которому грозит чудовищная беда; второе, лишь несколько людей (собственно, только Джуди Маршалл и Чарльз Бернсайд) знают на каком-то подсознательном уровне, что город столкнулся с чем-то похуже действующего в одиночку педофила-убийцы; третье, мы не встретили ни одного человека, способного осознать силу соскальзывания, берущую в оборот тихий город на берегу реки Тома и Гека. Все люди, с кем мы познакомились, по-своему такие же слепцы, как Генри Лайден. То же самое можно сказать и о тех, с кем мы еще не встречались: Нюхаче Сен-Пьере, Уэнделле Грине и Цветном отряде.

Мы жаждем найти героя. И пока его не нашли (на дворе, в конце концов, двадцать первый век, время не

д'Артаньяна и Джека Обри, а Джорджа Буша и «Грязной спермы»), мы, возможно, найдем человека, который проявил себя героем. Давайте отыщем нашего давнего друга, с которым расстались в тысяче с хвостиком миль восточнее, на берегу Атлантического океана. Прошли годы, и он, конечно, уже не тот мальчик, каким был раньше. Он забыл многое, что случилось с ним в те дни, большую часть взрослой жизни прожил в состоянии амнезии. Но он — единственная надежда Френч-Лэндинга, поэтому мы взмахиваем крылами и летим на восток, над лесами, полями, пологими холмами.

В основном под нами сельскохозяйственные угодья: кукурузные поля, тучные луга, желтые прямоугольники люцерны. Узкие пыльные дороги ведут к белым домам фермеров, рядом с которыми — высокие сараи, зернохранилища, силосные, из бетонных колец, башни, длинные металлические ангары для сельскохозяйственной техники. Мужчины в джинсовых куртках деловито идут по дорожкам от домов к хозяйственным постройкам. Нам уже знаком сладкий аромат утреннего воздуха. Здесь к нему добавляются запахи масла, дрожжей, земли, роста и гниения, усиливающиеся по мере того, как солнце поднимается выше, а свет становится ярче.

Под нами шоссе номер 93 пересекает шоссе номер 35 в центре маленькой Сентралии. Пустующая стоянка за баром «Сэнд» ожидает шумного прибытия Громобойной пятерки, которая обычно проводит здесь вторую половину субботы, вечера и ночи, наслаждаясь бильярдом, гамбургерами и амброзией, созданию которой они посвятили свои неординарные жизни, лучшему продукту «Пивоваренной компании Кингсленда», пиву, которое долгое время может нести свою пенистую корону, не уступая в этом любому другому сорту, изготовленному что в специальной минипивоварне, что в бельгийском монастыре, «Кингслендским пивом». Если Нюхач Сен-Пьер, Мышонок и иже с ними говорят, что это лучшее пиво в мире, с чего нам сомневаться в их словах? Они не только знают о пиве гора-

здо больше нас, но и вложили в создание «Кингслендского эля» все свои знания, опыт, силы и вдохновение, чтобы сделать этот сорт эталоном пивоваренного искусства. Собственно, они и приехали во Френч-Лэндинг, потому что пивоваренная компания, которую они выбирали очень тщательно, выразила согласие работать с ними.

Попробовать «Кингслендское пиво» хочется, но с этим искушением мы справляемся: все-таки половина восьмого утра, в это время пьют только фруктовый сок, кофе и молоко (за исключением Ванды Киндерлинг и ей подобных, но Ванда полагает, что пиво, даже «Кингслендское пиво», — диетическая замена водки «Аристократ»), опять же мы ищем нашего давнего друга, показавшего себя настоящим героем до того, как мы расстались с ним на берегу Атлантического океана. Мы не собираемся терять время, мы летим по неотложному делу прямо здесь и сейчас. Миля за милей остаются позади, мы движемся вдоль шоссе номер 93. Поля прижимаются к дороге, холмы становятся выше.

При всей нашей спешке мы, очевидно, должны знать, где находимся.

Глава 4

Тремя годами раньше наш давний друг ехал по этому участку шоссе номер 93 на пассажирском сиденье старого «каприса» Дейла Гилбертсона. Его сердце выскакивало из груди, горло перехватывало, рот пересох, и все потому, что Дейл, на которого Джек произвел неизгладимое впечатление лишь тем, что справлялся со своей работой, вез его к сельскому дому, окруженному пятью акрами земли, принадлежащими умершему отцу. «Это милое местечко» стоило совсем ничего, потому что кузены Дейла им не интересовались, а для остальных оно не представляло никакой ценности. Дейл держался за дом и участок из сентиментальности, но тоже не видел особого смысла сохранять их за собой. Второй дом представлял собой только обузу,

на поддержание его в пристойном состоянии уходило много времени. В принципе, работа по дому Дейлу нравилась, но он не возражал против того, чтобы переложить ее на другие плечи. Дейл по-прежнему восторгался нашим другом, поэтому желание Джека поселиться в доме его отца не вызывало у него внутреннего отторжения. Наоборот, он счел сие за честь.

Что же касается пассажира «каприса», он просто не мог оторвать глаз от окружающей природы, не видел ничего, кроме лесов, полей и холмов, так что не замечал трепетного отношения Дейла, которое в иной ситуации смутило бы его. Будь они в другом месте, наш друг привел бы Дейла в тихий бар, купил ему пива и сказал: «Слушай, я знаю, что сделанное мной произвело на тебя впечатление, Дейл, но я всего лишь такой же коп, как и ты. И все. Честно говоря, я гораздо более удачлив, чем того заслуживаю». (Вот тут он говорил чистую правду. После нашего расставания удача постоянно благоволила к нему, и он уже не садился играть в карты и не делал ставки на спортивные события. Когда все время выигрываешь, выигрыши приобретают привкус прокисшего грейпфрутового сока.) Но в «каприсе», едва они выехали за пределы Сентралии, его захлестнула буря эмоций, а потому он практически не воспринимал преклонения Дейла. Эта короткая поездка к дому, в котором он никогда не был, обернулась давно лелеемым, но все откладывавшимся путешествием домой. Все, что он видел вокруг, приобретало глубокий смысл. Все казалось священным. Он знал, что купит этот дом, независимо от его состояния и стоимости. Цена просто не имела значения. Он собирался его купить, и точка. Впрочем, в одном обожание Дейла не осталось незамеченным: Джек понял, что придется приложить немало усилий, чтобы его почитатель не запросил слишком мизерную сумму. Но сейчас он боролся со слезами, которые так и норовили навернуться на глаза.

С высоты мы можем видеть ледниковые долины, прорезающие территорию справа от шоссе номер 93, как от-

печатки пальцев великана. Он же видел только узкие дороги, уходящие от шоссе и теряющиеся в переплетении солнечного света и теней. Каждая дорога говорила: «Уже близко». Шоссе указывало: «Вам сюда». Глядя вниз, мы видим придорожную площадку для парковки автомобилей, две бензоколонки и длинную серую крышу с выцветшей на солнце надписью «МАГАЗИН РОЯ». Когда Джек посмотрел направо, то увидел деревянные ступени лестницы, широкое, приглашающее крыльцо, дверь в магазин. Создалось ощущение, что он уже сотни раз поднимался по этим ступеням и заходил в торговый зал, чтобы купить хлеб, молоко, пиво, мясо, рукавицы, отвертку, коробку гвоздей, всякие хозяйственные мелочи, сваленные на полках. Он уже знал, что придется бывать в этом магазине очень и очень часто.

В пятидесяти ярдах от стоянки синевато-серая серебристая извилистая лента Тамарака пересекла шоссе, держа курс в «Норвэй-Вэлли». Когда автомобиль Дейла проезжал по металлическому, тронутому ржавчиной мосту, мост сказал: «Приехали!» — обращаясь к мужчине в неброской, но дорогой одежде, сидевшему на пассажирском сиденье «каприса». А мужчина, который ничего не смыслил в сельском хозяйстве, видел пахотные земли только через иллюминатор самолета, летевшего на высоте сорок тысяч футов, и не мог отличить пшеницы от кукурузы, почувствовал, как сладостно заныло сердце. По другую сторону моста стоял указатель с надписью «Норвэй-Вэлли-роуд».

— Приехали. — Дейл включил правый поворотник и свернул с шоссе.

А наш друг прикрыл рот рукой, словно боялся, что Дейл услышит звуки, которые издавало его сердце.

Тут и там по обочинам росли и кивали тяжелыми головками полевые цветы, одни высокие и яркие, другие прячущиеся в густой зелени травы.

— Когда я еду по этой дороге, у меня всегда поднимается настроение, — улыбнулся Дейл.

— Неудивительно, — удается вымолвить нашему другу.

Большей части сказанного Дейлом не удалось прорваться сквозь ураган эмоций, бушевавший в голове и теле нашего друга. «Это старая ферма Лундов, кузенов моей матери. Вот тут стояла школа на один класс, которую давно снесли. В ней преподавала моя прабабушка. Это дом Дуэйна Апдала, слава богу, он нам не родственник». Бу-бу-бу. Бу-бу-бу. Вновь они переехали Тамарак, поблескивающая сине-серая вода смеялась и кричала: «А вот и мы!» Они обогнули поворот, полевых цветов, льнущих к автомобилю, прибавилось. Растущие среди них тигровые лилии тянулись к нашему другу. Новый шквал эмоций, не ураган, поспокойнее, но не менее сильный, выдавил-таки слезы.

Тигровые лилии. Что с того? Вроде бы тигровые лилии ничего для него не значили. Он имитировал зевок, чтобы вытереть глаза, надеясь, что Дейл ничего не заметил.

— А вот и мы! — воскликнул Дейл, если он и заметил слезы, то не стал комментировать, и свернул на длинную подъездную дорожку, в цветах и траве, которая вроде бы вела на большущий луг. За лугом виднелись прямоугольники полей, уходящие к заросшему лесом склону холма.

— Дом отца увидишь через секунду, — продолжил Дейл. — Луг продается вместе с домом, примыкающее к нему поле принадлежит моим кузенам Рэнди и Кенту.

Белый двухэтажный фермерский дом открылся нашему другу, лишь когда они миновали половину последнего поворота подъездной дорожки, и он молчал, пока Дейл не остановил «каприс» перед домом, не заглушил двигатель и они вместе не вылезли из кабины. Дом стоял перед ними, крепкий, свежевыкрашенный, ухоженный, очень компактный, на краю зеленого луга, усыпанного цветами.

— Боже мой, Дейл, — выдохнул наш друг, — это же рай.

Здесь мы и найдем участника наших прежних странствий, в юности знакомого с мальчиком, которого звали Морган Слоут, и с другим, откликавшимся на короткое имя — Волк. В этом крепком, уютном, подновленном

белом доме мы найдем нашего давнего друга, того, кто в юности пересек страну от океана до океана в поисках одной очень нужной вещи — великого талисмана. Кто, несмотря на все трудности и преграды, нашел его и мудро им воспользовался. Кто вел себя как герой и совершил несколько чудес. Кто ничего этого не помнит. В этом доме мы, наконец, встретим бывшего лейтенанта отдела расследования убийств полиции Лос-Анджелеса, Джека Сойера, завтракающего под аккомпанемент голоса Джорджа Рэтбана с радиостанции KDCU.

Наш Джек. Джеки-бой, как называла его мать, уже ушедшая от нас Лили Кавано Сойер.

Он следовал за Дейлом по пустому дому: первый этаж, второй, снова первый, подвал; как положено, восхищался новыми печью и нагревателем воды, которые Гилбертсон установил за год до смерти отца, качеством ремонта, выполненного Дейлом, блеском навощенных деревянных полов, толщиной изоляции на чердаке, крепостью окон, многими мелочами, на которые обращал его внимание Дейл.

— Да, я тут много чего сделал, — рассказывал Дейл. — Дом требовал внимания, но я люблю работать руками. Потому для меня это превратилось в хобби. Когда удавалось выкроить время, по уик-эндам и не только, я приезжал сюда на несколько часов и возился. Не знаю, может, мне казалось, что так я поддерживаю связь с отцом. Он был хорошим человеком, мой отец. Хотел, чтобы я стал фермером, как он, но, узнав, что я хочу пойти в полицию, сразу поддержал меня. Знаешь, что он сказал? «Если у тебя не лежит душа к фермерству, лучше этим не заниматься. Будешь чувствовать себя мулом с утра и до вечера. Твоя мать и я растили тебя не для того, чтобы ты превратился в мула».

— А что думала она? — спросил Джек.

— Моя мать происходила из фермерской семьи. Фермерами были многие поколения ее предков. Она думала, что, возможно, мне понравится роль мула. Умерла она на четыре года раньше отца и к тому времени уже привыкла, что я — коп. Давай выйдем через дверь кухни и взглянем на луг, не возражаешь?

Когда они вышли за дверь и смотрели на луг, Джек спросил Дейла, сколько он хочет за этот дом. Дейл, давно ожидавший этого вопроса, сбросил пять тысяч с максимальной цены, которую он и Сара, по их прикидкам, могли получить за него. А разве могло быть иначе? Он хотел, чтобы Джек Сойер купил дом, в котором сам вырос, хотел, чтобы тот проводил рядом хотя бы пару недель в году. Если он и мог продать этот дом, то только Джеку.

— Ты серьезно? — спросил Джек.

— По-моему, это справедливая цена, — в некотором смущении ответил Дейл.

— Для тебя — нет, — покачал головой Джек. — Я не позволю тебе продать дом за бесценок только потому, что ты хорошо ко мне относишься. Поднимай цену, а не то я ухожу.

— Вы, самовлюбленные горожане, умеете торговаться. Ладно, пусть будет на три тысячи больше.

— На пять, — возразил Джек. — Или я дом не беру.

— Согласен. Но ты разбиваешь мне сердце.

— Надеюсь, больше мне не придется покупать дома у норвежской деревенщины вроде тебя.

Дом он купил, отправив деньги из Лос-Анджелеса, подписями на документах они обменялись по факсу. Дейл ничего не знал о прошлом Джека Сойера, но понимал, что жалованье полицейского офицера не является единственным источником его доходов. Две недели спустя Джек появился в округе Каули, договорился о подключении дома к телефонной линии, перевел на себя счета за электричество, скупил полмагазина Роя, побывал в Ардене и Ла Ривьере, где приобрел новую кровать, постельное белье, столовые приборы, посуду, кастрюли, сковородки,

набор французских ножей, микроволновую печь, телевизор с огромным экраном, стереосистему, стоившую, по расчетам Дейла, приглашенного в дом на стаканчик виски, никак не меньше его годового оклада. Среди покупок Джека были и такие, что сильно удивили Дейла. Он понятия не имел, что их можно приобрести в округе Френч штата Висконсин. Да кому здесь мог потребоваться штопор ценой шестьдесят пять долларов, называемый «Мастер вин»? Кто же этот парень? В какой семье он воспитывался?

Дейл заметил пакет с незнакомым ему названием магазина, наполненный лазерными дисками по пятнадцать-шестнадцать долларов за штуку. За си-ди в этом же пакете Джек выложил порядка двухсот долларов. Ему открылась еще одна сторона увлечений Джека Сойера. Он, видать, сильно любил музыку. Заинтригованный, Дейл наклонился, вытащил несколько компактов. Клиффорд Браун, Лестер Янг, Томми Фланаган, Пол Десмонд.

— Никогда о таких не слышал, — признался он. — Это что, джаз?

— Ты совершенно прав, — кивнул Джек. — Слушай, если я попрошу тебя помочь мне с расстановкой мебели, картинами? Через месяц-другой я много чего сюда привезу.

— Конечно. — Тут Дейла осенило. — Слушай, тебя надо познакомить с моим дядей Генри! Он — твой сосед, живет в четверти мили дальше по дороге. Муж моей тети Роды, сестры отца, которая умерла три года назад. Генри — энциклопедия странной музыки.

Джек никоим образом не мог согласиться с утверждением, что джаз — странная музыка. С другой стороны, возможно, она казалась странной для ушей Дейла.

— Я не думал, что фермерам хватало времени, чтобы слушать музыку.

Дейл расхохотался:

— Генри — не фермер. Генри... — Улыбаясь во весь рот, Дейл раскинул руки с растопыренными пальцами, подбирая нужное слово. — Он — фермер наоборот. Когда

ты вернешься, я вас познакомлю. Ты просто влюбишься в него.

Шестью неделями позже Джек вернулся, чтобы встретить трейлер с вещами и сказать грузчикам, куда ставить мебель и все остальное. Еще через несколько дней, распаковав большинство ящиков, он позвонил Дейлу и спросил, остается ли в силе его обещание помочь. Часы показывали пять вечера, день выдался таким скучным, что Том Лунд заснул за столом, и Дейл поехал в Норвэй-Вэлли, не переодевшись в гражданское.

Джек пожал ему руку, пригласил в дом. Дейл переступил порог и остолбенел, не в силах двинуться дальше. Прошло две или три секунды, прежде чем он понял, что остолбенел от шока и шок этот самый что ни на есть радостный. Старый дом совершенно преобразился, словно Джек обманул его, открыв знакомую дверь в совершенно другой дом. Гостиная, кухня ничем не напоминали ему ни обстановку, знакомую с детства, ни голые стены последнего времени. По дому словно прошлась волшебная палочка, и он, так казалось Дейлу, превратился в нечто, никогда им не виданное, виллу на Ривьере, квартиру на Парк-авеню (Дейл не бывал ни в Нью-Йорке, ни на юге Франции). Потом до него дошло, что Джек не трансформировал старый дом, просто увидел в нем нечто недоступное его глазам. Кожаные диваны и кресла, яркие ковры, широкие столы, настольные лампы прибыли из другого мира, но идеальным образом встроились в этот дом, будто специально для него и создавались. Все, что он видел перед собой, приглашало войти, и Дейл обнаружил, что вновь может двигаться.

— Вау! — воскликнул он. — Похоже, дом попал в хорошие руки.

— Я рад, что тебе тут нравится, — улыбнулся Джек. — Должен признаться, мне тоже. Результат получился даже лучше, чем я ожидал.

— А чего ты меня позвал? Тут уже все на месте.

— Нам надо развесить картины, — ответил Джек. — Вот тогда все будет на месте.

Дейл решил, что Джек ведет речь о семейных фотографиях[1]. Он не понимал, какая нужна помощь для того, чтобы развесить по стенам несколько рамок, но раз уж Джек позвал его, почему не помочь? Опять же фотографии могли многое рассказать ему о семье Джека, которая очень его интересовала. Однако Джек повел его к плоским деревянным ящикам, которые стояли на кухне, прислоненные к разделочному столику. У Дейла вновь возникло ощущение, что он перенесся в другой, незнакомый ему мир. Ящики эти явно изготавливались вручную. И служили для того, чтобы в очень серьезных передрягах содержимое оставалось в целости и сохранности. Высота некоторых достигала пяти, а то и шести футов при одинаковой ширине. Понятно, что находились в них не фотографии ма и па. Им с Джеком стоило немало усилий вытащить гвозди и отделить от ящиков крышки. Дейл пожалел, что не заехал домой переодеться. Форма взмокла от пота, когда они вытащили из пяти ящиков пять тяжелых прямоугольных предметов, завернутых в несколько слоев ткани. А ведь многих ящиков поменьше они еще не касались.

Часом позже они вынесли пустые ящики в подвал и поднялись наверх, выпить пива. Затем срезали ткань, и глазам Дейла открылись картины, которые он мог, пожалуй, охарактеризовать как современное искусство. Он не мог понять, что изображено на многих, хотя в большинстве своем они ему понравились, особенно два пейзажа. Он явно никогда не слышал об этих художниках, но понимал, что их фамилии наверняка знают люди, которые живут в больших городах и ходят в музеи и галереи. Это искусство, все эти образы, большие и маленькие, которые теперь смотрели на Дейла, поражали его. Он действитель-

[1] Английское слово picture среди прочего означает и картину, и фотографию. Неудивительно, что Джек и Дейл толкуют это слово по-разному, поскольку для Дейла место картинам — в музее.

но вошел в другой мир, в котором не находил ни одного знакомого ориентира. А потом вспомнил, что он и Джек Сойер намереваются развесить картины по стенам дома его родителей. И тут же на душе его стало легко и покойно. Разве соседние миры не могут пересекаться? Разве этот соседний мир принадлежит не Джеку?

— Ладно. Жаль, что Генри, дядя, о котором я тебе говорил, что живет чуть дальше по дороге, не сможет увидеть эти картины. Генри оценил бы их по достоинству.

— А почему он не сможет их увидеть? Я приглашу его в гости.

— Я тебе не говорил? — спросил Дейл. — Генри слепой.

Картины переместились на стены гостиной, поднялись по лестнице, заняли спальни. Пару небольших картин Джек разместил в большой ванной на втором этаже и маленькой — на первом. У Дейла начали болеть руки от тяжелых рам, которые ему приходилось держать, пока Джек намечал места, куда следовало вбивать гвозди. После первых трех картин он снял галстук и закатал рукава, чувствуя, как пот течет по лицу и шее. Расстегнул промокший насквозь воротник. А вот Джек выглядел так, словно размышлял об обеденном меню, а не занимался тяжелым физическим трудом.

— Так ты у нас коллекционер? — спросил Дейл. — Много потребовалось времени, чтобы собрать все эти картины?

— Я слишком мало знаю, чтобы считаться коллекционером, — ответил Джек. — В основном это картины, которые мой отец купил в пятидесятых и шестидесятых годах. Кое-что приобретала и моя мать, если видела картину, берущую за душу. Скажем, вот этот маленький пейзаж Фэрфилда Портера, с крыльцом, лужайкой и цветами.

Маленький пейзаж Фэрфилда Портера — Дейл понял, что так звали художника, — приглянулся ему, как только Джек достал его из ящика. Такую картину он бы повесил и в своей гостиной. С такого крыльца мог бы сойти на

зеленую лужайку. Странно, подумал Дейл, а ведь если бы он повесил эту картину в своей гостиной, большинство людей, которые заходили туда, ее бы просто не заметили.

Джек что-то сказал насчет того, как он рад, что наконец-то удалось забрать картины из хранилища.

— Так их дали тебе твои отец и мать? — спросил Дейл.

— Я унаследовал их после смерти матери, — ответил Джек. — Мой отец умер, когда я был еще ребенком.

— О черт, извини. — Дейл рывком выскочил из мира, в который приглашал его мистер Фэрфилд Портер. — Это ужасно — потерять отца таким молодым. — Он решил, что Джек объяснил, чем обусловлена аура самодостаточности и отстраненности, которая всегда окружала его. Но за секунду до того, как Джек ответил ему, сказал себе, что все это бред. Он понятия не имел, почему человек становится таким, как Джек Сойер.

— Да, — кивнул Джек. — К счастью, мать оказалась крепче.

Дейл обеими руками ухватился за возможность узнать побольше.

— А чем занимались твои старики? Ты из Калифорнии?

— Родился и вырос в Лос-Анджелесе. Мои родители работали в шоу-бизнесе, но не ставь это им в минус. Они были великими людьми.

Джек не пригласил Дейла остаться на ужин, чем неприятно его удивил. Им потребовалось полтора часа, чтобы повесить остальные картины. Джек Сойер оставался дружелюбным и добродушным, но Дейл не зря много лет служил копом и, конечно же, почувствовал, что раскрывать душу его приятель не собирается. Да, дверь чуть-чуть приоткрылась, но тут же захлопнулась. А характеристика «великие люди» сразу вывела родителей Джека за пределы досягаемости. Когда мужчины вновь прервались, чтобы выпить пива, Дейл заметил два пакета из продовольственного магазина Сентралии, лежащие рядом с микроволновой печью. Время близилось к восьми вечера, тогда

как в округе Френч ужинать привыкли в шесть. Джек мог решить, что Дейл приехал к нему после того, как поел, но полицейская форма убеждала в обратном.

Он попытался завести разговор о самом сложном расследовании, в котором ему доводилось участвовать. Из ближайшего пакета чуть высовывались две упаковки со стейками. У Дейла урчало в животе. Но Джек тему не поддержал.

— Дело Торнберга Киндерлинга ничем не отличалось от других, которыми я занимался в Лос-Анджелесе. И я очень благодарен тебе за помощь.

Дейл все понял. Еще одна запертая дверь. Джек не хотел сближаться ни на йоту. Не хотел вдаваться в прошлое.

Они допили пиво, повесили последние картины. После приезда Дейла они говорили на разные темы, но в границах, которые устанавливал Джек Сойер. Дейл не сомневался, что его вопрос о родителях Джека сократил вечер, но не мог понять почему. Что скрывал этот человек? И от кого? После завершения работы Джек тепло поблагодарил его и проводил до автомобиля, похоронив надежды на то, что они часок-другой посидят за столом. Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки, как говаривает неподражаемый Джордж Рэтбан. Когда они вышли в ночь, благоухающую ароматами полевых цветов и травы, под миллионы звезд, усеявших небо, Джек удовлетворенно вздохнул:

— Я надеюсь, ты знаешь, как я тебе благодарен. Честно говоря, так жаль, что надо возвращаться в Лос-Анджелес. До чего же тут красиво.

Когда Дейл возвращался во Френч-Лэндинг по пустынному шоссе номер 93, никто не догонял его, никто не ехал навстречу, он подумал: а не звалась ли сфера шоубизнеса, в которой работали родители Джека, порнобизнесом? Может, папаша снимал, а мамаша играла главную роль? Люди, которые делали порнофильмы, наверняка загребали кучу денег, особенно если в съемках участвовала вся семья. Но, не проехав и десятой части мили, Дейл

признал, спасибо Фэрфилду Портеру, что эти мысли — досужая выдумка, не имеющая ничего общего с действительностью. Ни одна женщина, зарабатывающая на жизнь тем, что трахается с незнакомцами на съемочной площадке, не стала бы тратить живые деньги на такую картину.

Давайте войдем на кухню Джека Сойера. На обеденном столе лежит нераскрытый утренний номер «Геральд». Чугунная сковородка с брошенным на нее куском сливочного масла разогревается на ближней левой горелке газовой плиты. Высокий, поджарый, задумавшийся о своем мужчина в линялой футболке с буквами ЮКУ[1] на груди, джинсах и итальянских туфлях цвета черной патоки со сбивалкой в руке склонился над стальной миской, превращая в однородную массу белки и желтки большого количества яиц.

Глядя, как он хмурится, устремив взгляд поверх сверкающей миски, мы отмечаем, что красавец мальчик, которого мы в последний раз видели в комнате на четвертом этаже заброшенного отеля в Нью-Хэмпшире, превратился в мужчину, привлекательная внешность которого лишь малая часть его достоинств. А что достоинств у Джека Сойера много, ясно с первого взгляда. Даже если он чем-то озабочен. И пусть его окружает некая таинственность, в нем чувствуется удивительная уверенность в себе, умение принимать решения и исполнять их. Глядя на него, сразу понимаешь: Джек — один из тех людей, к которым приходят те, кто чувствует, что им угрожают, их унижают или оскорбляют. Ум, решительность, надежность так впечатались в черты его лица, что замечаются раньше красоты. Этот мужчина не останавливается, чтобы полюбоваться своим отражением в зеркале: тщеславие ему чуждо. Понятно, почему он считался восходящей звездой управления полиции Лос-Анджелеса, почему его личное дело распухало от благодарностей, почему именно его отбирали для специальных программ и тренировочных циклов ФБР,

[1] ЮКУ — Южно-Калифорнийский университет.

разработанных, чтобы ускорить подъем восходящих звезд (по мнению коллег и начальников Джека, к сорока годам он бы стал полицейским комиссаром мегаполиса масштаба Сан-Диего или Сиэтла, а десятью или пятнадцатью годами позже, если б ничего не случилось, Сан-Франциско или Нью-Йорка).

Отметим, что его возраст столь же незаметен, как и красота: у него вид человека, прожившего не одну жизнь до начала этой, побывавшего в таких местах и навидавшегося такого, что большинство людей не сможет себе даже представить. Неудивительно, что Дейл Гилбертсон восхищается им, неудивительно, что хочет заручиться поддержкой Джека. На его месте мы стремились бы к тому же, но нам повезло бы ничуть не больше. Джек на пенсии, он вышел из игры, очень жаль, чертовски сожалею и все такое, но человек должен смешать белок и желток, если хочет съесть омлет, как сказал Джон Уэйн Дину Мартину в «Рио-Браво».

— И как моя мама твердила мне, — Джек вдруг озвучивает свои мысли, — как она говорила: «Солнышко мое, когда герцог говорил, все внимательно слушали, потому что иначе он начинал махать топором». Да, так она и сказала, именно этими словами. — Он молчит, потом добавляет: — Одним прекрасным утром в Беверли-Хиллз... — и, наконец, замечает, что делает.

Мы видим перед собой на редкость одинокого мужчину. Одиночество так давно живет с Джеком Сойером, что он воспринимает его как должное, смирившись с тем, что по-другому и быть не может. Но одиночество — не самое худшее, что может выпасть на долю человека. Вспомним, к примеру, церебральный паралич или болезнь Лу Герига. Одиночество — часть программы, заложенной в человека, ничего больше. Даже Дейл заметил эту особенность характера своего друга, а ведь, несмотря на многие достоинства начальника полиции Френч-Лэндинга, нельзя сказать, что он силен в психологии.

Джек смотрит на часы над плитой и видит, что до отъезда во Френч-Лэндинг, где он должен забрать Генри Лай-

дена по окончании утренней радиопрограммы, еще сорок пять минут. Это хорошо, времени у него достаточно, он сможет использовать его с толком, твердя себе: «Все хорошо, со мной все в порядке, чему я очень, очень рад».

Когда Джек проснулся этим утром, тихий голос в его голове объявил: «Я — копписмен»[1].

«Черта с два», — подумал он и предложил голосу оставить его в покое. Тихий голос может катиться ко всем чертям. Он завязал со службой в полиции, перестал расследовать убийства...

...огни карусели отражались от лысого черепа чернокожего мертвеца, который лежал на пирсе Санта-Моники[2]...

Нет. Туда не надо... Потому что... потому что не надо, вот и все.

Джеку вообще не следовало появляться в Санта-Монике. В Санта-Монике хватало своих копов. Насколько он знал, толковых, компетентных копов, пусть и не полностью соответствовавших стандартам, установленным нашим замечательным другом, восходящей звездой, самым молодым лейтенантом отдела расследования убийств УПЛА[3]. На их территорию восходящая звезда забрела только по одной причине: она только что вдрызг разругалась с очень милой, во всяком случае достаточно милой, жительницей Малибу, мисс Брук Крир, сценаристкой, труд которой высоко ценился ее коллегами, специализирующейся в жанре авантюрно-романтической комедии, остроумной, обаятельной, красивой. Именно поэтому Джек мчался по живописному отрезку Прибрежной автострады в районе каньона Малибу в непривычно мрачном настроении.

---

[1] Автор вводит неологизм — coppiceman, образованный из двух слов, означающих одно и то же, — полицейский: cop policeman.

[2] Муниципальный пирс — одна из достопримечательностей Санта-Моники, где снимались многие голливудские фильмы.

[3] УПЛА — управление полиции Лос-Анджелеса.

Миновав очередной поворот на въезде в Санта-Монику, он увидел яркое колесо Ферриса[1], вращающееся над морем огней и нарядной толпой на пирсе. Блеск, веселье, беззаботность зрелища захватили и увлекли его. Импульсивно Джек припарковал автомобиль и двинулся навстречу огням, радостно сверкающим в темноте. В последний раз он бывал на пирсе Санта-Моники шестилетним мальчиком. Тогда, ухватившись за руку Лили Кавано Сойер, он тянул ее за собой, как собака — хозяина.

Конечно же, то, что произошло потом, иначе как случайностью не назовешь. Говорить о совпадении просто бессмысленно. Совпадение обычно связывает два ранее независимых фрагмента некоего большего события. Здесь ничего не связывалось, не было и большего события.

Он подошел к аляповато украшенному входу на пирс и тут заметил, что колесо Ферриса не вращается. Круг стационарных фонарей освещал пустые кабины. В это мгновение гигантское сооружение выглядело злобным инопланетянином, тщательно замаскировавшимся и выбирающим момент, чтобы причинить как можно больше вреда. Джек буквально слышал, как пришелец что-то мурлычет себе под нос. «Ну конечно, — подумал он, — колесо Ферриса, готовое наброситься на людей... возьми себя в руки. Ссора потрясла тебя сильнее, чем ты хотел бы себе в этом признаться». А потом посмотрел вниз и понял, что пирс действительно окутывает аура зла: он подоспел аккурат под самое начало расследования убийства.

Среди огней у колеса Ферриса поблескивали и «маячки» патрульных машин полиции Санта-Моники. На пирсе четверо полицейских в форме сдерживали толпу зевак, на-

[1] Колесо Ферриса — колесо обозрения, названное в честь сконструировавшего его американского инженера Джорджа Ферриса. (Первое колесо Ферриса появилось на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г.)

пиравших на ленту, которой обнесли место преступления у ярко освещенной карусели. Джек сказал себе, что ему тут делать нечего. Он тут лишний. Кроме того, карусель вызывала у него какие-то смутные, неприятные чувства. Беспокоила его еще больше, чем остановившееся колесо Ферриса. От одного вида карусели его всегда бросало в дрожь, не так ли? Эти карликовые разрисованные лошади, застывшие, с оскаленными зубами, со стальными прутьями, пронзающими их чрево — садистский кич.

«Уходи, — сказал себе Джек. — Тебя бортанула подружка, вот и настроение хуже некуда».

А насчет карусели...

Резко опустившийся ментальный свинцовый занавес оборвал дискуссию о каруселях. С ощущением, будто его подталкивают изнутри, Джек ступил на пирс, двинулся сквозь толпу, едва отдавая себе отчет, что в своей карьере никогда не вел себя столь непрофессионально.

Протолкнувшись в первый ряд, нырнул под оградительную ленту и сунул свой жетон под нос молоденькому копу, который попытался остановить его. Где-то неподалеку гитарист заиграл блюзовую мелодию, название которой Джек почти вспомнил. Оно уже поднялось на поверхность, но сорвалось, опять нырнув в глубины памяти. Молоденький коп одарил его недоуменным взглядом и отошел к детективу, стоявшему вместе с другими над трупом, на который Джеку смотреть абсолютно не хотелось. Музыка раздражала его. Сильно раздражала. Если точнее, просто выводила из себя. Понятное дело, реагировал он неадекватно, подумаешь, музыка, но какой идиот решил, что расследование убийства должно сопровождаться саундтреком?

Разрисованная лошадь вздыбилась и замерла, залитая ярким светом.

У Джека скрутило живот, в груди что-то яростное и настойчивое, нечто такое, чего не следовало замечать ни при каких обстоятельствах, изготовилось и раскинуло руки. Или распростерло крылья. Это ужасное нечто же-

лало вырваться на свободу и заявить о себе. Джек испугался, что его сейчас вырвет. Как только приступ тошноты прошел, туман, окутавший сознание, на какие-то мгновения рассеялся.

Добровольно, не торопясь, он ступил в безумие и теперь пребывал в нем. Другого объяснения он не находил. К нему, с написанными на лице изумлением и яростью, направлялся детектив Анджело Леоне, до перевода в Санта-Монику служивший в одном полицейском управлении с Джеком. Там он прославился жадностью, страстью к насилию, продажностью, презрением к гражданским, независимо от цвета кожи, расы, богатства и социального положения, но, будем справедливыми, также бесстрашием и абсолютной преданностью всем полицейским офицерам, которые придерживались тех же взглядов на службу, которые проделывали то же, что и он, которым, как и ему, все сходило с рук. Презрение, испытываемое Анджело Леоне к Джеку Сойеру, который исповедовал совсем иное отношение к службе, ничуть не уступало зависти, вызываемой у Леоне успехами молодого коллеги. До встречи с пещерным человеком оставалось несколько секунд. И вместо того, чтобы думать, как объяснить пещерному человеку свое появление на пирсе, Джек ломал голову над каруселями и гитарами, размышлял о том, как сходят с ума. Он ничего не мог объяснить. Никакого объяснения и быть не могло. Какой-то внутренний порыв вытолкал его на пирс, но едва ли Джек мог говорить с Анджело Леоне о внутренних позывах. Не смог бы он предложить внятного объяснения и своему капитану, если бы Леоне написал жалобу.

«Ну, видите ли, получилось так, будто кто-то еще дергал меня за ниточки и по пирсу шел другой человек...»

Первые слова Анджело уберегли его от беды.

— Только не говори мне, что ты здесь по делу, маленький честолюбивый сопляк.

Поскольку на службе Леоне не раз и не два нарушал закон, над ним постоянно висела угроза официального расследования. Стратегическое отступление на заранее

заготовленные позиции, переход в другое полицейское управление не спасало от археологических раскопок, которые мог провести отдел внутренней безопасности, если бы пресса не оставила высшим чинам другого выхода. Каждые десять или двадцать лет благожелатели, предатели, сосунки, озлобленные штатские и копы, слишком глупые, чтобы следовать главной заповеди полиции: один за всех, все — за одного, — вставляли бомбу в коллективный анус прессы, от взрыва которой разлетались многие головы. Поэтому Леоне, за которым числилось много грехов, сразу пришла на ум мысль, что козырной туз отдела расследования убийств УПЛА собирает на него досье.

Как Джек и предполагал, сбивчивые слова о том, что его просто потянуло на место преступления, как пожарного, проходящего мимо пожара, только усилили подозрения Леоне.

— Ладно, ты оказался здесь случайно. Отлично. А теперь послушай меня. Если в течение ближайших шести месяцев я вдруг услышу твое имя в связи с тем, что может мне не понравиться, ты будешь до конца своих дней писать через трубочку. Так что проваливай и не мешай мне заниматься делом.

— Я ухожу, Анджело.

Напарник Леоне уже направлялся к ним через залитый светом пирс. Леоне скорчил гримасу и жестом дал понять, что ему тут делать нечего. Не собираясь этого делать, не думая об этом, Джек случайно позволил взгляду скользнуть мимо детектива на труп, лежащий рядом с каруселью. Набравшее еще большую силу, ужасное существо в его груди взмахнуло крыльями, руками, когтистыми лапами, всем, чем можно, в яростной попытке вырваться наружу.

Крылья, руки, лапы рвали легкие Джека. Когти скребли по стенкам желудка.

Существовало неписаное правило, которое ни при каких обстоятельствах не мог нарушить детектив, работаю-

щий в отделе расследования убийств, тем более лейтенант этого отдела: не блевать при виде трупа. Джек изо все сил пытался сохранить честь мундира. Желчь уже стояла в горле, и он закрыл глаза. Мерзкая, вонючая тварь все рвалась и рвалась.

Огни отражались от лысого черепа чернокожего мертвеца, лежавшего рядом с каруселью...

Не ты. Нет, не ты. Стучись, сколько хочешь, ты не можешь войти.

Крылья, руки, когтистые лапы опустились: существо впало в дрему. Не переступив запретную черту, Джек вновь смог открыть глаза. Он не знал, сколько прошло времени. Морщинистый лоб, мрачные глаза, хищный рот Анджело с расстояния в шесть дюймов перекрывали все поле зрения.

— Что ты здесь делаешь? Оцениваешь нашу работу?

— Мне бы хотелось, чтобы этот идиот убрал гитару в футляр.

На лице Анджело отобразилось удивление.

— Гитару? Я не слышу никакой гитары.

Тут Джек понял, что не слышит и он.

Разве любой здравомыслящий человек не попытается выбросить из головы подобный эпизод? Выбрасывают же мусор. Он ни на что не годится, использовать его невозможно, так чего держаться за него? Инцидент на пирсе ничего не значил. Ни с чем не был связан, ни к чему не вел. Не мог иметь никаких последствий. После того как любовница дала ему от ворот поворот, Джек стал сам не свой, и временное помрачение рассудка привело к тому, что он забрел на место преступления, находящееся на чужой территории. Произошла досадная ошибка, ничего больше.

Но через пятьдесят шесть дней и одиннадцать часов звездный мальчик вошел в кабинет своего капитана, положил на стол жетон и пистолет и объявил изумленному начальнику о немедленном уходе в отставку. Ничего не зная о его стычке с детективом Леоне на пирсе Санта-Моники,

капитан, естественно, не поинтересовался, какое влияние оказали на решение лейтенанта остановившаяся карусель и чернокожий мертвец. Но даже если бы поинтересовался, Джек ответил бы, что ровным счетом никакого.

«Не ходи туда», — советует он себе, и ему удается последовать собственному совету. Нет, он видит несколько «снимков», словно при вспышках стробоскопа. Голова деревянного вздыбленного пони, перекошенное от злобы лицо Анджело Леоне, объект, занимающий центральную позицию, с какой стороны ни посмотри, который он особенно не хочет видеть... и в тот момент, когда возникает очередная вспышка, Джек отсылает эти видения прочь. Он чувствует себя практикующим магом. Он действительно маг, добрый маг. Он прекрасно знает, что его подвиги в изгнании видений являются самозащитой, и если мотивы, побуждающие его использовать защитную магию, неясны, сама необходимость защиты сомнений не вызывает. Если хочешь сделать омлет, надо смешать белки и желтки, таково мнение непререкаемого авторитета, герцога Уэйна.

Джеку Сойеру есть о чем подумать и без неуместных замечаний сонного голоса, который произнес слово «полисмен» на детский манер. Этот голос он бы тоже отправил куда подальше с помощью магии, но не получается, голоса отказываются затихать, жужжат, словно рассерженные осы.

Как ни посмотри, он не очень-то владеет ситуацией, наш Джек. Он смотрит на часы, потом на яйца, которые выглядят как-то не так, пусть он и не может сказать, с чего такое ощущение. Не может понять, какие он должен делать выводы из вида яиц. Яйца ни о чем ему не говорят. Периферийным зрением он ухватывает заголовок на первой полосе «Ла Ривьер геральд». Большие буквы разом срываются с бумаги и плывут к нему. «РЫБАК ПОПРЕЖНЕМУ ГУЛЯЕТ ПО...» Нет, этого достаточно. Он отворачивается от ужасных слов, которые возвращают его к Рыбаку. Как насчет «ПО СТЕЙТЕН-АЙЛЕНДУ» или

«ПО БРУКЛИНУ», где настоящий Альберт Фиш настиг двух из своих жертв?

От всего этого его мутит. Двое детей мертвы, Ирма Френо пропала и скорее всего тоже мертва и частично съедена, лунатик, который косит под Альберта Фиша... Дейл буквально насильно заставил его все это выслушать. Подробности проникают в его тело, как яд. Чем больше он узнает — а для человека, который действительно старался держаться подальше от этого дела, Джек узнал на удивление много, — тем выше концентрация яда в крови, тем более искаженным становится его восприятие действительности. Он поселился в Норвэй-Вэлли, чтобы убежать от мира, который вдруг стал хрупким и подвижным, словно под внешним давлением потерял прочность. В его последний месяц в Лос-Анджелесе давление это стало невыносимым. Какие-то странные тени мелькали в темных окнах и между домами, грозя обрести форму. В выходные не отпускало ощущение, что он нахлебался грязной воды из посудомоечной машины, отчего дышалось с трудом и приходилось все время бороться с тошнотой. Вот и работал он практически без отдыха, успешно завершая одно расследование за другим (по выставленному им самим диагнозу, вина за его состояние лежала на работе, но едва ли мы можем винить капитана за то, что он изумился, когда его лучший детектив так внезапно попросился в отставку).

Он укрылся в забытом Богом уголке Америки, в этом убежище, в этом раю, примыкающем к желтому лугу, как можно дальше от мира угроз и безумия, почти в двадцати милях от Френч-Лэндинга, достаточно далеко от Норвэй-Вэлли-роуд. Однако все попытки отгородиться провалились. Но он по-прежнему пытался уйти от поднявшейся бури, отстоять свое право на уединение. Потому что, уступив видениям и голосам, донимавшим его, он бы признал, что мир, от которого удрал три года назад, все-таки вышел на его след и наконец настиг.

В Калифорнии трудности работы сокрушили его; теперь все беды Западного Висконсина он должен держать

на расстоянии вытянутой руки. Иногда, глубокой ночью, он просыпается от эха сладенького, отравленного голоска: «Больше никаких копписменов, не буду, слишком близко, слишком близко». О том, что близко, Джек Сойер не хочет и думать, это доказывает, что он должен избегать дальнейшего отравления.

Плохие новости для Дейла, он это знает и сожалеет о своей невозможности как принять участие в расследовании, так и объяснить причину отказа своему другу. На карту поставлено будущее Дейла, двух мнений тут быть не может. Он — хороший начальник полиции, более чем хороший для Френч-Лэндинга, но он недооценил игру и подставился под удар. Выражая уважение к местной власти, присланные центральным полицейским управлением детективы Браун и Блэк, низко поклонившись, отступили в сторону, позволив Дейлу Гилбертсону, который думал, что они оказывают ему честь, самолично затянуть петлю на шее. Плохо, конечно, но Дейл только сейчас понял, что стоит на опускаемом люке с черным мешком на голове. Если Рыбак убьет еще одного ребенка... Ну, Джек Сойер выражает глубочайшее сожаление. Прямо сейчас сотворить чудо он не может, извините. Голова Джека занята более важными вопросами.

Красными перышками, например. Такими маленькими. Маленькие красные перышки как занимали мысли Джека, так и занимают, несмотря на попытки избавиться от них с помощью магии. А появились они за месяц до убийств. Однажды утром, когда он вышел из спальни и спускался по лестнице, чтобы приготовить завтрак, одно-единственное красное перышко, меньше пальчика младенца, вроде бы выплыло из скошенного потолка над верхними ступенями и спланировало вниз. За ним последовали еще два или три. Овальная секция штукатурки напротив словно моргнула и открылась, как глаз, и из этого глаза перышки так и посыпались, будто их с силой выдуло из какой-то трубы. Перышковая дробь, перышковый ураган обрушился на его грудь, поднятые руки, голову.

Но это...

Этого никогда не случалось.

Случилось что-то другое, и ему потребовались минута или две, чтобы сообразить, что к чему. Какой-то нейрон в мозгу дал сбой. Какой-то рецептор захватил не ту химическую молекулу, а может, лишнюю. В результате по проводящим путям прошел не тот сигнал, на который зрительные центры отреагировали созданием иллюзии. По существу, эта иллюзия практически ничем не отличалась от галлюцинации, а галлюцинации — обычное дело для алкоголиков, наркоманов и сумасшедших, особенно параноидальных шизофреников, с которыми Джеку приходилось часто иметь дело на том отрезке его жизни, когда он был копписменом. Джек не подпадал ни под одну из этих категорий, включая последнюю. Знал, что он не параноидальный шизофреник и вообще не сумасшедший. Если вы думали, что Джек Сойер — псих, значит, это у вас не все дома. Он абсолютно, как минимум на 99 процентов, верил в здравость своего рассудка.

Поскольку он не галлюцинировал, летящие в него перышки были не чем иным, как иллюзией. Любое другое объяснение включало реальность, а перышки не имели никакого отношения к реальности. В каком, скажите на милость, мире мы живем, если такое может с нами случиться?

Пронзительный крик Джорджа Рэтбана ворвался в его мысли: «Мне больно это говорить, честное слово, потому что я люблю нашу дорогую «Пивную команду», вы знаете, что люблю, но бывают моменты, когда любовь должна сжать зубы и взглянуть правде в лицо... например, признать убогость наших питчеров. Бад Селиг, о, Б-А-А-Д, это я пытаюсь докричаться до Хьюстона. Пожалуйста, вернись! Даже слепому удалось бы больше страйков, чем нашим КРИВОРУКИМ, ТУПОГОЛОВЫМ НЕУДАЧНИКАМ».

Старина Генри! Он настолько перевоплощался в Джорджа Рэтбана, что казалось, ты видишь пот, выступающий на рубашке у него под мышками. Но лучшим из перево-

площений Генри, по мнению Джека, был образ уверенного в себе, не терпящего возражений хиппаря Генри Шейка («Аравийский Шейк, Шейк, Шейк»), который, если пришлось бы к слову, мог рассказать, какого цвета носки надел Лестер Янг в день записи «Чистильщика обуви» или «Леди, будьте паинькой», а также описать интерьеры двух десятков знаменитых, но в большинстве своем давно уже закрывшихся джаз-клубов.

«...и прежде чем мы услышим очень мелодичную, очень красивую, очень простую музыку, которую однажды в воскресенье «Трио Билла Эванса» нашептывало слушателям в «Виллидж Авангард», проявим уважение к третьему, внутреннему глазу. Давайте почтим третий глаз, глаз воображения. Вторая половина жаркого июньского дня в Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк. По залитой солнцем Южной Седьмой авеню неспешно заходим в тень шатра «Авангарда», открываем белую дверь и по длинной узкой лестнице спускаемся в просторную подземную пещеру. Музыканты выходят на сцену. Билл Эванс садится за рояль и кивает аудитории. Скотт Лафаро обнимает контрабас. Пол Мотиан берет в руки палочки. Эванс наклоняет голову, чуть в сторону, чуть вниз, его пальцы касаются клавиатуры. Для тех из нас, кто удостоен чести быть там, такого больше не повторится.

«Мое глупое сердце», исполняется «Трио Билла Эванса» в «Виллидж Авангард» 29 июня 1961 года. Я, Генри Шейк, «Аравийский Шейк, Шейк, Шейк», принимаю вас у себя в гостях».

Улыбаясь, Джек выливает взбитые белки и желтки на сковородку, дважды цепляет вилкой кашицу там, где она не кажется ему однородной, уменьшает огонь. Вспоминает, что забыл сварить кофе. Бог с ним, с кофе. Кофе ему ни к чему, он прекрасно обойдется апельсиновым соком. Взгляд на тостер подсказывает, что он не поджарил себе и гренок. А нужен ли ему гренок? Нельзя ли обойтись без гренка? Учитывая масло, учитывая холестерин, который вот-вот проникнет в артерии. Омлет — блюдо рис-

кованное, и у него есть веские подозрения, что он разбил слишком много яиц. Теперь Джек не может вспомнить, а с чего он вдруг решил приготовить на завтрак омлет. Он редко ест омлеты. Собственно, и яйца покупает из чувства долга, чтобы заполнить два ряда углублений в верхней части дверцы холодильника. Если бы людям не полагалось покупать яйца, проектировщики холодильников не позаботились бы о том, чтобы предусмотреть для них особое место.

Он подсовывает лопаточку под края затвердевающей, но еще жидкой кашицы, наклоняет сковородку, чтобы яичный слой стал еще более равномерным, добавляет нарезанные грибы и лук-шалот, накидывает одну половину омлета на другую. Вот так. Отлично. Смотрится хорошо. У него еще сорок минут свободы. Несмотря ни на что, он, похоже, все делает как должно. Держит ситуацию под контролем.

Лежащая на кухонном столе сложенная «Ла Ривьер геральд» опять попадается на глаза Джека. Он забыл про газету. Но газета про него не забыла и требует своей доли внимания. «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ ГУЛЯЕТ ПО...» и так далее. ПО АРКТИЧЕСКОМУ КРУГУ — прекрасное продолжение, но нет, Джек подходит к столу и видит, что Рыбак остается сугубо местной проблемой. Из-под заголовка выскакивают имя и фамилия автора статьи, Уэнделл Грин, и застревают в глазу, словно соринка. Уэнделл Грин, вездесущий, пронырливый паразит, постоянная головная боль. Прочитав два абзаца, Джек стонет и закрывает рукой глаза.

Я — слепой, назначьте меня судьей!

У Уэнделла Грина уверенность лучшего спортсмена маленького городка, который никогда не бывал за его пределами. Высокий, широкоплечий, с копной рыжеватых волос и талией сенатора, Грин мотается по барам, судам, спортивным аренам Ла Ривьеры и окрестностей, излучая хорошо отрепетированное обаяние. Уэнделл Грин — репортер, который знает, как положено вести себя репор-

теру, журналист, придерживающийся проверенных временем методов работы, «золотое перо» «Геральд».

При их первой встрече «золотое перо» произвел на Джека впечатление третьесортного пустозвона, и с той поры у него не было оснований изменить свое мнение. Он не доверяет Уэнделлу Грину. По мнению Джека, общительность репортера скрывает его безграничное вероломство. Грин — хвастун, позирующий перед зеркалом, но коварный хвастун, а такие типы идут на все ради достижения своих целей.

После ареста Торнберга Киндерлинга Грин попросил дать ему интервью. Джек отказал, как и отклонил три приглашения побеседовать после переезда на Норвэй-Вэлли-роуд. Отказы не удержали репортера от «случайных» встреч.

Через день после обнаружения тела Эми Сен-Пьер Джек вышел из прачечной на Чейз-стрит с коробкой свежевыстиранных и выглаженных рубашек под мышкой и уже направился к своему автомобилю, когда чья-то рука коснулась его локтя. Обернувшись, он увидел лучащуюся весельем публичную маску Уэнделла Грина.

— Привет, привет, Голли... — Недобрая ухмылка. — Я хотел сказать, лейтенант Сойер. Я так рад, что наскочил на вас. Вот, значит, где вам стирают рубашки? Справляются?

— Если не обращать внимания на пуговицы.

— Понятно. Занятный вы человек, лейтенант. Подскажу вам один адресок. «Заслуживающие доверия», на Третьей улице в Ла Ривьере. Они свое название оправдывают. О пуговицах и думать забудете. Если хотите, чтобы ваши рубашки выстирали и отгладили как надо, идите к китайцам. Хозяина зовут Ли Сам. Воспользуйтесь их услугами, лейтенант.

— Я больше не лейтенант, Уэнделл. Зовите меня Джек или мистер Сойер. Зовите Голливудом, мне без разницы. А теперь...

Он продолжил путь к автомобилю, но Уэнделл Грин пристроился рядом.

— Может, скажете несколько слов, лейтенант? Извините, Джек? Чиф Гилбертсон — ваш близкий друг, я знаю, и в этой трагической истории, маленькая девочка, расчлененка, прочие ужасы, можете вы предложить нам свой опыт, принять участие, познакомить нас со своими мыслями?

— Вы хотите знать мои мысли?

— Все, что вы пожелаете мне сказать, дружище.

Безотчетная злоба, вдруг охватившая Джека, побудила его положить руку на плечо Грину и дать ему дельный совет:

— Уэнделл, дружище, наведите справки о парне, которого звали Альберт Фиш. Из двадцатых годов прошлого столетия.

— Фиш?

— Фиш. Из респектабельной семьи нью-йоркских уоспов[1]. Потрясающее дело. Полюбопытствуйте.

До этого момента Джек смутно помнил преступления, совершенные странным мистером Альбертом Фишем. Его давно уже затмили другие, жившие ближе к концу двадцатого века маньяки: Тед Банди, Джон Уэйн Гейси и Джеффри Дамер, не говоря уже о таком экзотическом фрукте, как Эдмунд Эмиль Кемпер Третий, который, совершив восемь убийств, обезглавил свою мать, голову поставил на каминную доску и использовал ее вместо мишени для дротиков, какими играют в дартс. (На вопрос, почему он это сделал, Эдмунд Третий ответил: «Ей там самое место».) Однако именно давно всеми забытый Альберт Фиш

[1] От английской аббревиатуры WASP — White Anglo-Saxon Protestant, белый протестант англосаксонского происхождения, т.е. представитель этнической и социальной группы, считающейся коренными американцами, поскольку их предки появились на территории современных Соединенных Штатов в числе первых поселенцев.

вдруг выплыл из памяти Джека и нырнул в открытые уши Уэнделла Грина.

Что на него нашло? Что ж, хороший вопрос, не так ли?

Ой, омлет! Джек хватает из буфета тарелку, достает из ящика нож и вилку, подскакивает к плите, выключает горелку, перекладывает содержимое сковороды на тарелку и вновь садится за стол. Открывает «Геральд» на пятой странице и читает, что Милли Куби в общевисконсинском конкурсе по спеллингу[1] едва не стала третьей, но в слове «опопанакс» ошиблась, назвав вместо второго «а» — «и». В общем, не такая уж серьезная ошибка, ее вполне мог пропустить корректор в местной газете. Можно ли ожидать от ребенка, чтобы он правильно произнес по буквам такое слово, как «опопанакс»?

Джек отправляет в рот уже третий кусочек омлета, прежде чем неприятные ощущения на языке и нёбе отвлекают его от чудовищной несправедливости, совершенной по отношению к Милли Куби. По вкусу омлет напоминает наполовину сгоревший мусор. Он выплевывает еду и видит кусок серой кашицы и зеленый, наполовину пережеванный лук. Несъеденная часть завтрака выглядит не более аппетитной. Он не приготовил омлет — испортил его.

Его голова падает на грудь, он стонет. Дрожь, словно оборвавшийся электрический провод, бродит по телу, высекая искры, от которых сжимается горло, легкие, пульсируют внутренние органы. «Опопанакс, — думает он. — Я разваливаюсь на части. Прямо здесь и сейчас. Забудь, что я это говорил. Дикий опопанакс схватил меня своими когтями, потряс меня своими опопанакскими лапами, собирается бросить меня в бурлящую реку Опопанакс, где я должен встретить своего опопанакса».

— Что со мной происходит? — вопрошает он вслух. Визгливые нотки в голосе пугают его.

---

[1] Спеллинг — произношение слов по буквам. Популярные в США конкурсы, потому что в английском языке произношение и написание слов сильно отличаются.

Опопанакские слезы жгут его опопанакские глаза, он стонет опопанакским стоном, сбрасывает испорченный омлет в мусорный контейнер, моет тарелку и решает, что ему пора возвращаться в мир здравомыслия. Безо всяких опопанаксов. Каждый делает ошибки. Джек смотрит на дверь холодильника, стараясь вспомнить, осталась у него пара яиц или нет. Конечно же, осталась. Яиц было много, девять или десять, они заполняли весь верхний ряд на двери. Не мог он перевести их все. Одно-два наверняка остались.

Джек берется за край дверцы. И тут же видит свет, отражающийся на лысом черепе чернокожего мертвеца.

Не ты.

Персона, к которой обращаются, отсутствует; персона, к которой обращаются, вовсе и не персона.

Нет, нет, не ты.

Дверь распахивается под давлением его пальцев; лампочка освещает лежащие на полках продукты. Джек Сойер бросает взгляд на два ряда углублений для яиц. Вроде бы пусто. Но более пристальное рассмотрение позволяет обнаружить в самом конце нижнего ряда что-то маленькое, яйцеобразное, окрашенное в светлый, нежный оттенок синего: ностальгически синего, возможно, синеву утреннего неба, которое видел маленький мальчик, лежащий на квадратном акре травы за роскошным особняком на Роксбери-драйв в Беверли-Хиллз, Калифорния. Кто бы ни владел этим поместьем, в одном сомнений быть не могло: этот человек работал в шоу-бизнесе.

Джек знает название этого оттенка синего, спасибо длительному изучению различных оттенков цветов в компании Клер Эвинруд, доктора медицины, очаровательного онколога, в тот период, когда они обдумывали ремонт бунгало в Голливуд-Хиллз, в котором вместе жили. Клер, доктор Эвинруд, наметила этот цвет для их спальни; он, недавно вернувшийся с курсов усовершенствования для самых-самых в Куантико, штат Виргиния, и только что произведенный в лейтенанты, не согласился с ее выбо-

ром, высказавшись в том смысле, что оттенок чересчур холодный.

«Джек, ты когда-нибудь видел настоящее яйцо малиновки? — поинтересовалась доктор Эвинруд. — Ты можешь представить себе, какое оно красивое?» — Серые глаза доктора Эвинруд широко раскрылись, словно она мысленно взялась за скальпель.

Джек двумя пальцами залезает в выемку и вынимает из нее маленький яйцеобразный предмет того же цвета, что и яйцо малиновки. Насколько он может судить, это яйцо малиновки. Настоящее, цитируя доктора Эвинруд, яйцо малиновки, снесенное малиновкой, которую иногда называют красногрудкой. Он кладет яйцо на ладонь левой руки. Там оно и лежит, светло-синее, размером с орех пекан. Способность мыслить, кажется, покидает его. Что, черт побери, он наделал, купил яйцо малиновки? Извините, нет, причинно-следственная связь здесь не срабатывает, опопанакс вышел из строя, «Магазин Роя» яйцами малиновки не торгует.

Медленно, неуклюже, словно зомби, Джек переставляет ноги по кухонному полу и добирается до раковины. Выставляет перед собой левую руку, и когда она оказывается над сливным отверстием в центре раковины, сбрасывает с ладони яйцо малиновки. Оно летит вниз, в мусороперерабатывающую машину. Правая рука включает ее, вызывая привычный шум. Рычание, скрежет, чудовище наслаждается легкой закуской. Г-р-р-р. Оборвавшийся электрический провод по-прежнему болтается внутри его, высекая искры в тех органах, к которым прикасается, но он превратился в зомби, а потому слабо реагирует на внутренние сотрясения. Так или иначе, при всестороннем рассмотрении в данный момент Джеку Сойеру больше всего хочется...

Когда красные, красные...

По какой-то причине он давно, очень давно не звонил матери. Не может вспомнить, почему не звонил, но чувствует, что пора. Даже со всеми этими малиновками, несущими синие яйца. Голос Лили Кавано Сойер, коро-

левы би-фильмов, когда-то единственный его компаньон в заполненной восторгом, необыкновенной, напрочь забытой комнате отеля в Нью-Хэмпшире, является тем самым голосом, который в настоящий момент ему просто необходимо услышать. Лили Кавано — единственный человек в мире, кому он может рассказать о своей нелепой ситуации. И хотя где-то Джек осознает, что переступает границу рационального и, таким образом, заостряет вопрос о собственном психическом здоровье, он подходит к разделочному столику, берет сотовый телефон и набирает номер красивого особняка на Роксбери-драйв, Беверли-Хиллз, штат Калифорния.

Телефон в его прежнем доме звонит пять раз, шесть раз, семь. Наконец раздается мужской голос, злой, слегка пьяный, сонный:

— Кимберли... уж не знаю, чего ты звонишь... но, ради твоего же блага... надеюсь, что дело действительно важное.

Нажатием кнопки Джек обрывает связь. О боже, о дьявол! О, черт побери! В Беверли-Хиллз, в Уэствуде, в Хэнкок-парке, короче, в тех краях, куда он позвонил, сейчас пять утра. Он забыл, что его мать умерла. О, черт побери, о дьявол, о господи, как такое могло случиться?

Горе Джека, затачивавшее острие, вновь поднимается, чтобы ударить его, словно впервые, поразить в самое сердце. Одновременно мысль о том, что он, пусть и на секунду, мог забыть о смерти матери, вдруг, бог знает почему, кажется ему невероятно забавной. Каким же нелепым можно быть? Не зная, то ли он сейчас заплачет, то ли расхохочется, Джек чувствует, что голова у него идет кругом, и опирается на разделочный столик.

Вертлявый индюк, вспоминает он слова матери. Так стала называть Лили недавно умершего партнера ее покойного мужа после того, как ее дотошные бухгалтеры выяснили, что этот партнер, Морган Слоут, присваивал себе три четверти доходов от обширных активов компании «Сойер и Слоут». Каждый год после смерти Фила Сойера в результате так называемого несчастного случая на охоте

Слоут крал миллионы долларов, многие миллионы у семьи прежнего партнера. Лили восстановила справедливость, а потом продала свою половину компании новым партнерам, обеспечив сыну полное финансовое благополучие, не говоря уже о приличном ежегодном доходе, который приносил частный фонд Джека. Лили награждала Слоута и более хлесткими, в сравнении с вертлявым индюком, прозвищами, но именно это шепчет ее голос в его внутреннее ухо.

«В мае, — убеждает себя Джек, — он, должно быть, нашел яйцо малиновки, когда гулял по лугу, и положил его в холодильник. Чтобы не разбилось. Потому что в конце концов оно очень уж нежного оттенка синего, прекрасного синего, как характеризовала этот оттенок доктор Эвинруд. И яйцо так долго лежало в холодильнике, что он про него забыл. Отсюда, теперь он это прекрасно понимает, и иллюзия: посыпавшиеся на него красные перышки!

Для всего находится причина, даже если докопаться до нее не так уж и просто; успокойся, расслабься, перестань вести себя как вертлявый индюк, и причина, возможно, выплывет на поверхность».

Джек наклоняется над раковиной и, чтобы освежиться внешне и внутренне, набирает холодной воды в сложенные лодочкой ладони и выплескивает ее на лицо. На мгновение очищающий шок смывает и испорченный омлет, и бессмысленный телефонный звонок, и стробоскопические видения. Пора надевать коньки и отправляться в путь. Через двадцать пять минут лучший друг Джека Сойера и единственный человек, которому он полностью доверяет, выйдет из блочного здания KDCU-AM и, прикурив от золотой зажигалки, направится по дорожке к Пенинсула-драйв. Обостренные органы чувств подскажут ему, где ждет пикап Джека Сойера, точным движением руки Генри Лайден найдет ручку, откроет дверцу и влезет в кабину. Легкость, с какой ориентируется в окружающем его мире этот слепой, иной раз кажется фантастической. Такого зрелища нельзя пропустить.

Джек его и не пропускает, потому что, несмотря на трудности, которые ему пришлось преодолевать все утро, поездка обошлась без происшествий, разве что красота окружающей природы не столь радовала его. В 7.55 пикап Джека остановился на Пенинсула-драйв, напротив дорожки, тянущейся к зданию KDCU-AM, за пять минут до выхода его друга в солнечный свет. Генри всегда благотворно действовал на него. Одного вида Генри хватало, чтобы у Джека поднималось настроение. Конечно же, Джек не был первым в истории цивилизации мужчиной (или женщиной), кто под влиянием стресса на мгновение терял связь с реальностью и забывал, что его (или ее) мать закончила земной путь и отбыла в высшие сферы. Придавленным стрессом смертным свойственно обращаться к матерям за утешением и поддержкой. Этот посыл закодирован в нашей ДНК. Услышав эту историю, Генри посмеется и посоветует не сходить с ума.

С другой стороны, стоит ли посвящать Генри в столь абсурдную историю? То же относится и к яйцу малиновки, тем более что Джек не рассказывал Генри об иллюзии обрушившегося на него перышкового урагана и ему не хочется вновь пережевывать эту несуразицу. Живи настоящим; не тормоши прошлое, спокойно лежащее в своей могиле; держи хвост пистолетом и обходи грязные лужи. Не обращайся к друзьям за психотерапией.

Он включает радио, нажимает кнопку KWTA-FM, университетской радиостанции в Ла Ривьере, родном доме Висконсинской крысы и Генри Шейка, Шейка, Шейка. От музыки, раздавшейся из скрытых динамиков, волосы на руках встают дыбом: Гленн Гулд, сверкая широко раскрытым внутренним глазом, наяривает что-то из Баха, Джек только не может сказать, что именно. Но Гленн Гулд, но Бах, это точно. Возможно, одну из фуг.

С футляром для си-ди в руке Генри Лайден выскальзывает из скромной двери в боковой стене здания радиостанции, выходит в солнечный свет и без малейшего колебания начинает неспешно шагать по выложенной плитами

дорожке, четко прикладываясь резиновыми подошвами замшевых темно-коричневых туфель к середине каждой последующей плиты.

Генри... Генри — это нечто.

Сегодня, отмечает Джек, Генри в наряде владельца малазийского тикового леса, красивая рубашка без воротника, поблескивающие на солнце узкие подтяжки, дорогая соломенная «федора». Если бы Джек не стал своим в жизни Генри, он бы не знал, что стабильно изысканная безупречность одежды Генри обусловлена тщательной, учитывающей все мелочи, системой, с давних пор разработанной и внедренной в огромной комнате, служащей ему гардеробом, Родой Гилберстон Лайден, умершей женой Генри. Все его вещи были разложены соответственно сезону, стилю, цвету. Постепенно Генри запомнил, где что находится. А потому, пусть и слепой от рождения, неспособный определить, что к чему подходит, а что нет, Генри всегда одет со вкусом и в тон.

Из кармана рубашки Генри достает золотую зажигалку и желтую пачку «Американ спиритс», прикуривает, выпускает облачко дыма, которое солнце сразу окрашивает в цвет молока, при этом не сбиваясь с шага.

Розовые кривоватые буквы крика души: «ТРОЙ ЛЮБЕТ МАРИАННН! ДА!» поперек щита с названием радиостанции на лужайке предполагают, что: 1) Трой проводит много времени, слушая KDCU-AM, и 2) Марианн тоже любит его. Порадуемся за Троя, порадуемся за Марианн. Джек аплодирует проявлению любви, пусть даже выраженному розовым спреем, и желает влюбленным счастья и удачи. В голову приходит мысль о том, что в данный момент, если бы он и мог сказать кому-нибудь «люблю», то только Генри Лайдену. Не в том смысле, в каком «Трой любет Марианн» или наоборот, но он все равно «любет» Генри, в чем теперь у него не остается ни малейших сомнений.

Плиты дорожки выводят Генри к каменному бордюру. Его пальцы сжимаются на металлической ручке, он

открывает дверцу, забирается в кабину, садится на пассажирское сиденье. Чуть наклоняет голову, прислушиваясь. Поблескивают темные стекла его «авиационных» очков.

— Как тебе это удается? — спрашивает Джек. — Сегодня помогала музыка, но ведь музыка тебе не нужна.

— Мне это удается, потому что у меня абсолютный, абсолютный нюх. В этом меня сегодня еще раз убедил наш покуривающий травку практикант, Моррис Розен. Моррис думает, что я — Господь Бог, но мозги у него, похоже, варят, раз он додумался, что Джордж Рэтбан и Висконсинская крыса — один и тот же человек. Я надеюсь, что юноша будет держать рот на замке.

— Я тоже, — соглашается Джек, — но я не позволю тебе увильнуть от ответа. Как тебе всегда удается так ловко открывать дверь? Не шарить по дверце в поисках ручки, а сразу хвататься за нее?

Генри вздыхает:

— Ручка говорит мне, где находится. Элементарно. Мне остается лишь слушать.

— Ручка издает звук?

— Не такой, как твоя созданная по последнему слову техники радиосистема или концертный рояль, на котором исполняются «Вариации Гольдберга», разумеется, нет. Больше похоже на вибрацию. Звук звука. Звук внутри звука. Разве Даниэль Баренбойм не великий пианист? Ты только послушай его — звенит каждая нота. Хочется поцеловать крышку его «Стейнвея». Ты только представь себе, какие у него мышцы кистей.

— Это Баренбойм?

— Да, а кто же еще? — Генри медленно поворачивает голову к Джеку. Саркастическая улыбка изгибает уголки его рта. — Ага. Понятно. Ты, должно быть, вообразил, что слушаешь Глена Гулда.

— Ничего я не воображал.

— Пожалуйста.

— Может, и подумал, а не Гулд ли это, но...

— Нет, нет, нет. Даже и не пытайся. Твой голос все равно тебя выдает. В каждом слове слышатся пронзительные нотки. Это так трогательно. Мы собираемся ехать в Норвэй-Вэлли или ты и дальше будешь сидеть и лгать мне? По пути домой я хочу тебе кое-что рассказать.

Он протягивает Джеку футляр с си-ди.

— Позволь мне избавить тебя от необходимости лгать. Этот компакт дал мне любитель марихуаны. «Грязная сперма» исполняет один из хитов «Супримз». Лично меня от такого мутит, но для Висконсинской крысы, возможно, очень даже подойдет. Настрой на трек семь.

Пианист более не извлекает из рояля звуков а-ля Гленн Гулд, и вообще музыка уже не столь яростная. У Джека отпадает необходимость лгать, и он вставляет си-ди в щель под радиоприемником. Нажимает одну кнопку, потом вторую. Неистовый грохот, крики безумцев вырываются из динамиков. Джек откидывается на спинку сиденья.

— Господи, Генри. — Джек протягивает руку, чтобы уменьшить звук.

— Не смей трогать этот диск, — останавливает его Генри. — Если от этого дерьма у тебя не кровоточат уши, значит, оно не выполняет своей функции.

«Уши», Джек это знает, на джазовом жаргоне — способность понимать, как создается музыка, звуковыми волнами распространяющаяся по воздуху. Музыкант с хорошими ушами запоминает песни и аранжировки, которые его просят исполнить, на лету схватывает или заранее знает гармонию темы и без труда следует вариациям или импровизациям играющих вместе с ним. Независимо от того, умеет он читать ноты или нет, музыкант с великими ушами заучивает мелодии и аранжировки после первого же прослушивания, интуитивно улавливает гармонию и немедленно идентифицирует ключевые моменты, обозначаемые клаксонами такси, колокольчиками лифтов, мяукающими кошками. Для таких людей мир — множество индивидуальных звуков, и Генри Лай-

ден один из них. Насколько известно Джеку, уши Генри достойны золотой олимпийской медали, им просто нет равных.

Именно уши Генри позволили ему узнать величайшую тайну Джека, догадаться, что его мать, Лили Кавано Сойер, та самая Лили Кавано. Вскоре после того, как Дейл познакомил их, Генри и Джек на удивление быстро сдружились. Каждый помогал скрасить одиночество другого, так что два или три вечера в неделю они проводили вместе, обедали, слушали музыку, говорили на самые разные темы, благо оба много чего знали. Джек то приезжал к Генри и оставался у него, то забирал Генри и вез к себе. По прошествии шести или семи месяцев Джек спросил, не хотел бы Генри проводить час-полтора, слушая, как он, Джек, читает книгу, нравящуюся им обоим. Генри ответил: «Дорогой, какая прекрасная идея. Как насчет того, чтобы начать с триллеров?» Они начали с Честера Хаймса[1] и Чарльза Уиллфорда[2], перешли на современные романы, затем прошлись по творчеству Сидни Перелмана[3] и Джеймса Тербера[4] и, наконец, решились штурмовать литератур-

[1] Хаймс, Честер (1909—1984) — чернокожий, как нынче говорят, афроамериканец. В 1928 г. получил двадцать лет тюрьмы за вооруженное ограбление. В тюрьме начал писать. Первые романы, слишком черные и агрессивные, в Америке 40-х годов популярностью не пользовались. Уехав в Париж, стал писать триллеры, которые принесли ему бешеный успех. Умер в Испании.

[2] Уиллфорд, Чарльз (1919—1988) — американец, профессиональный военный, непосредственный участник боевых действий Второй мировой, награжден орденами и медалями многих стран. Впервые опубликовался в 1949 г., еще находясь на действительной службе. Автор шестнадцати романов, но популярность ему принесли триллеры, объединенные общим героем, Хоуком Мосли, первый из которых, «Майамский блюз», появился в 1984 г.

[3] Перелман, Сидни Джозеф (1904—1979) — американец, писатель-юморист, драматург.

[4] Тербер, Джеймс Гровер (1894—1961) — американец, эссеист, карикатурист, автор коротких рассказов и басен.

ные бастионы, воздвигнутые Фордом Мэдоксом Фордом[1] и Владимиром Набоковым (был еще Марсель Пруст, оба это понимали, но Марсель Пруст мог подождать; в ближайшее время они намеревались взяться за «Холодный дом»).

Как-то вечером, после того как Джек закончил читать намеченный на этот день отрывок из «Хорошего солдата» Форда, Генри откашлялся.

— Дейл говорил, что твои родители работали в индустрии развлечений. В шоу-бизнесе.

— Совершенно верно.

— Я не хочу совать нос в чужие дела, но ты не будешь возражать, если я задам несколько вопросов? Захочешь ответить — можешь ограничиться «да» или «нет».

— А в чем дело, Генри? — спросил уже встревожившийся Джек.

— Хочу проверить одну свою догадку.

— Ладно. Спрашивай.

— Спасибо. Твои родители работали в разных сферах шоу-бизнеса?

— Да.

— Один занимался менеджментом, другой — непосредственно выступал?

— Да.

— Твоя мать была актрисой?

— Д-да.

— Можно сказать, знаменитой актрисой. Она не получила признания, которого заслуживала, но в пятидесятых

---

[1] Форд, Мэдокс Форд (1873—1939) — англичанин, настоящее имя Форд Германн Хуффер. Писатель и издатель. Первый роман опубликовал в 1892 г. Два романа написал в соавторстве с Джозефом Конрадом. Активный сторонник военных методов передела мира, ставший убежденным пацифистом после того, как напрямую столкнулся с реалиями войны. Под псевдонимом Форд Мэдокс Форд стал писать с 1919 г. Автор восьмидесяти книг. Упомянутый ниже роман «Хороший солдат» (1915) считается его лучшим произведением.

и в середине шестидесятых снялась во множестве фильмов, а в конце своей карьеры получила «Оскара» за женскую роль второго плана.

— Генри, — только и смог вымолвить Джек, — как ты...

— Помолчи. Я хочу полностью насладиться этим моментом. Твоя мать — Лили Кавано. Это прекрасно. Лили Кавано так и не удалось полностью раскрыть свой талант. Но всякий раз своими ролями она возвышала всех этих девушек и женщин, решительных официанток, дам с пистолетом в сумочке. Прекрасная, остроумная, естественная, она словно сживалась с персонажем, который играла. Она была в сто раз лучше тех, кому доставались главные роли.

— Генри...

— Некоторые из этих фильмов отличали отменные саундтреки. К примеру, «Потерянное лето» Джонни Мандела. Его, правда, уже не посмотришь.

— Генри, как ты...

— Ты сам сказал мне, откуда еще я мог все это узнать? Интонациями своего голоса, как же еще? Все твои предложения отличает особый ритм.

— Ритм?

— Будь уверен. Внутренний ритм, присущий только тебе. И пока ты читал мне «Хорошего солдата», я пытался вспомнить: а почему этот ритм кажется мне знакомым, где я его мог слышать? Ответ никак не давался в руки, но два дня назад меня осенило: Лили Кавано. Ты не можешь винить меня за то, что мне захотелось проверить правильность моей догадки, не так ли?

— Винить тебя? — переспросил Джек. — Я слишком потрясен, чтобы кого-то винить. Дай мне пару минут.

— Твой секрет в полной безопасности. Ты, конечно же, не хочешь, чтобы люди, глядя на тебя, говорили: «Эй, это же сын Лили Кавано». Мне представляется, здравая мысль.

У Генри Лайдена были великие уши, это точно.

Пока пикап едет по Френч-Лэндингу, шум, заполняющий кабину, не позволяет продолжать разговор. «Грязная сперма» прожигает дыру в марципановом центре песни «Куда ушла наша любовь» и в процессе творит немыслимые злодеяния в отношении таких милых, таких домашних «Супримз». Генри, который говорил, что его мутит от таких извращений, сидит, уперевшись коленями в приборный щиток, сложив руки под подбородком, лыбясь от удовольствия.

Напротив «Универмага Шмитта» четверо подростков на велосипедах съезжают с тротуара на мостовую, в двадцати футах от движущегося пикапа. Джек жмет на педаль тормоза, мальчишки на мгновение останавливаются, потом выстраиваются в линию вдоль тротуара, ожидая, пока пикап проедет мимо. Джек отпускает педаль тормоза. Генри выпрямляется, проверяет свои датчики — органы чувств, принимает прежнюю позу. Генри беспокоиться не о чем. Мальчишки, однако, не понимают, как им реагировать на рев, который с приближением пикапа становится все громче. Они смотрят на лобовое стекло с недоумением, смешанным с отвращением, как их прадедушки когда-то смотрели на сиамских близнецов или человека-аллигатора в шоу уродов на ярмарке. Все знают, что водители пикапов слушают музыку только двух видов: хеви-метал или кантри. Выходит, за рулем этого сидит какой-то выродок?

Когда Джек проезжает мимо мальчиков, первый, крупный, полноватый, со злобным лицом школьного хулигана, поднимает руку с выставленным третьим пальцем. Выражением лица двое следующих копируют своих прадедушек в душный вечер 1921 года. Стоят, словно идиоты, разинув рты. Четвертый мальчик, со светлыми волосами, выбивающимися из-под бейсболки с эмблемой «Пивоваров», с блестящими глазами, самый приятный из всех, смотрит Джеку прямо в глаза и, наконец, одаривает его застенчивой улыбкой. Это Тай Маршалл, на пути, пусть он этого еще и не знает, в ничейную землю.

Мальчики остаются позади. В зеркале заднего обзора Джек видит, как они, налегая на педали, мчатся по улице. Задира — первым, самый маленький и симпатичный — последним, его отставание от остальных все увеличивается.

— Независимые эксперты только что высказались о творчестве «Грязной спермы», — говорит Джек. — Четверо мальчиков на велосипедах. — Поскольку он сам себя не слышит, то думает, что его слова не долетели до ушей Генри.

Генри, однако, все слышит, потому что задает вопрос, который растворяется в том, что «Грязная сперма» полагает музыкой. Джек, однако, отвечает, догадываясь, о чем в такой ситуации может спрашивать Генри: «Мнение одного резко отрицательное, еще двоих — скорее отрицательное, чем положительное, последнего — ближе к положительному».

Неистовое разрушение марципана завершается на Одиннадцатой улице. В кабине словно рассеялся туман, ветровое стекло будто вымыли на ходу, воздух становится чище, цвета — ярче.

— Интересно, — мурлычет Генри, наклонившись, точно попадает пальцем в кнопку «EJECT», достает лазерный диск, кладет в футляр. — Познавательная запись, не так ли? Дикую, эгоцентричную ярость нельзя отметать с порога. Моррис Розен не ошибся. Для Висконсинской крысы это идеальная музыка.

— Слушай, по-моему, они думают, что смогут переплюнуть Гленна Миллера.

— Кстати, о Миллере. Ты никогда не догадаешься, какие у меня сегодня планы. Я даю концерт! Шустрик Макстон, вернее, его правая рука, Ребекка Вайлес, которая, я уверен, столь же великолепна, как и ее голос, наняла меня диджеем на танцы, завершающие в «Макстоне» Клубничный фестиваль. Ну, не меня, конечно, а моего давнего, многими забытого двойника, Симфонического Стэна, знатока больших оркестров.

— Тебя подвезти?

— Нет. Дивная мисс Вайлес позаботится обо мне, предоставит комфортабельное заднее сиденье для моего проигрывателя, а багажник — для динамиков и коробок с пластинками. Но все равно спасибо.

— Симфонический Стэн?

— Сногсшибательный, неистовый реликт эры больших оркестров, само собой, в «зуте»[1], и при этом обаятельнейший джентльмен. Для обитателей «Макстона» возвращение к лучшему периоду их жизни будет ни с чем не сравнимой радостью.

— У тебя действительно есть костюм «зут»?

Ответом стало повернувшееся к нему нарочито бесстрастное лицо Генри.

— Извини. Не знаю, что на меня нашло. Чтобы сменить тему, скажу, что твои, вернее, Джорджа Рэтбана утренние слова о Рыбаке скорее всего принесут немало пользы. Я выслушал их с радостью.

Генри открывает рот, и громовой голос Джорджа Рэтбана наполняет кабину пикапа: «Настоящий Рыбак, мальчики и девочки, Альберт Фиш, мертв уже добрых семьдесят шесть лет».

Просто не верится, что голосовые связки Генри Лайдена, уместившиеся в его изящной шее, могут издавать звуки, свойственные этому разъяренному толстяку. Далее Генри продолжает уже собственным голосом:

— Я надеюсь, что от них будет толк. Прочитав в утренней газете очередной опус твоего дружка Уэнделла Грина, я решил, что Джордж должен как-то отреагировать.

Генри Лайден обожает говорить: «Я читаю, я прочитал, я видел, я смотрел». Он знает, что эти фразы ставят в тупик его собеседников. А Уэнделла Грина назвал друж-

---

[1] «Зут» — костюм, состоящий из длинного пиджака, мешковатых брюк и широкополой шляпы. Был в моде в 1930—1940 гг., особенно среди латиноамериканской и негритянской молодежи больших городов. Носивших их называли зутерами.

ком Джека не без причины: только ему Джек признался, что посоветовал репортеру ознакомиться с преступлениями Альберта Фиша. Теперь Джек жалеет, что признался. Склизкий Уэнделл Грин ему не дружок.

— Раз уж ты посодействовал прессе, — продолжает Генри, — мог бы подумать о том, чтобы помочь нашим парням в синем. Прости меня, Джек, но ты сам открыл дверь, и я говорю об этом в первый и последний раз. В конце концов, Дейл — мой племянник.

— Я не могу поверить, что слышу от тебя такие слова, — отвечает Джек.

— Знаешь, я сейчас что думаю, то и говорю. Дейл мой племянник, помнишь? Твой опыт очень бы ему пригодился, и он полагает, что ты у него в долгу. Тебе не приходило в голову, что ты можешь помочь ему сохранить за собой его работу? Или если ты действительно любишь Френч-Лэндинг и Норвэй-Вэлли, то должен уделить местным жителям толику своего времени и таланта?

— А у тебя, Генри, не возникала мысль, что я на пенсии? — сквозь зубы цедит Джек. — И мне совершенно, ну совершенно не хочется расследовать убийства?

— Разумеется, возникала, — отвечает Генри. — Но... опять я надеюсь, что меня простишь, Джек... ты уже здесь, человек с навыками и способностями, которые дадут сто очков вперед как Дейлу, так, пожалуй, и всем остальным, и я не могу не задаться вопросом: какие проблемы, что тебя останавливает?

— Ничего меня не останавливает, — чеканит Джек. — Я — гражданское лицо.

— Ты — босс. Мы можем дослушать Баренбойма. — Генри пробегает пальцами по панели радиоприемника и нажимает кнопку.

Следующие пятнадцать минут в кабине пикапа слышен только концертный рояль «Стейнвей», на котором исполняются «Вариации Гольдберга» в театре «Колон» в Буэнос-Айресе. Прекрасная музыка, думает Джек, и только полный невежда мог решить, что играет Гленн Гулд.

Человек, способный на такую ошибку, конечно же, не может услышать похожего на вибрацию звука, который издает дверная ручка в автомобиле производства корпорации «Дженерал моторс».

Когда они сворачивают с шоссе номер 93 на Норвэй-Вэлли-роуд, Генри нарушает молчание:

— Хватит дуться. Не следовало мне обвинять тебя в наличии каких-то проблем, потому что на самом деле проблема у меня.

— У тебя? — Джек удивленно смотрит на него. Жизненный опыт тут же подсказывает, что Генри намерен обратиться к нему с просьбой провести неофициальное расследование. — Какая у тебя может быть проблема? Носки лежат в беспорядке? Или... у тебя неприятности с одной из радиостанций?

— С этим я бы справился. — Генри замолкает, пауза затягивается. — Дело в другом. Я чувствую, что у меня едет крыша. Думаю, что схожу с ума.

— Да перестань. — Джек ослабляет давление на педаль газа, и скорость падает вдвое. Генри видел перышковый ураган? Разумеется, нет. Генри ничего не может видеть. А его перышковый ураган — всего лишь иллюзия.

Генри вибрирует, как камертон. По-прежнему «смотрит» на ветровое стекло.

— Скажи мне, что происходит, — просит Джек. — Я начинаю волноваться за тебя.

Генри приоткрывает рот, в щелку как раз может проскочить облатка, какие дают на причастии, и — закрывает. Его всего трясет.

— Гм-м. Выходит труднее, чем я думал. — И куда только подевался его голос, всегда суховатый, размеренный, истинный голос Генри Лайдена.

Пикап уже не едет — ползет. Джек собирается что-то сказать, но в последний момент решает, что молчание — золото.

— Я слышу мою жену, — вырывается у Генри. — Ночью, когда лежу в кровати. В три, четыре утра. Рода шагает

по кухне, потом поднимается по лестнице. Должно быть, схожу с ума.

— Как часто это случалось?

— Сколько раз? Точно не знаю. Три или четыре.

— Ты вставал? Звал ее по имени?

Голос Генри по-прежнему дрожит.

— И вставал, и звал. Поскольку не сомневался, что слышал ее. Ее шаги, ее походку. Рода шесть лет как умерла. Забавно, не правда ли? Я бы подумал, что очень забавно, если бы не опасался за свою психику.

— Ты позвал ее по имени, — уточняет Джек. — Вылез из кровати и спустился вниз.

— Как лунатик, как сумасшедший. «Рода? Это ты, Рода?» Прошлой ночью я обошел весь дом. «Рода? Рода?» Можно подумать, что ожидал ее ответа. — Генри не обращает внимания на слезы, которые вытекают из-под больших «авиационных» очков. — И я ожидал его, вот в чем проблема.

— В доме никого не было, — продолжает набирать информацию Джек. — Все на месте. Ничего не исчезло, не оказалось на другой полке или столике.

— Насколько я видел, нет. Все где и должно быть. Там, где я и оставлял. — Он поднимает руку, вытирает лицо.

По правую сторону остается подъездная дорожка к дому Джека.

— Я скажу тебе, что думаю. — Джек представляет себе, как Генри бродит по темному дому. — Шесть лет назад на тебя обрушилось страшное горе, как случается, когда умирает горячо любимый тобой человек. Самые разные чувства охватывали тебя: злость, боль, смирение с неизбежным, многие, многие другие. Ты вроде бы пережил смерть Роды, но тебе по-прежнему недостает ее. Ты вроде бы приспособился к жизни вдовца, неплохо обходишься без жены, которую любил, но на самом деле тебе очень ее не хватает.

— Конечно, твои слова утешают, — отвечает Генри. — Но не объясняют.

— Не прерывай. Случается странное и необъяснимое. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Твой разум восстает. Искажает действительность, выдает неверную информацию. Кто знает почему? Но так происходит.

— Другими словами, ты тоже свихнулся. Я чувствую, что у нас одна судьба.

— Я говорю о том, что у людей бывают иллюзии, галлюцинации, как ни назови. Именно это с тобой и произошло. Волноваться не о чем. Ладно, вот твоя подъездная дорожка. И твой дом.

Он сворачивает на заросшую травой подъездную дорожку, ведущую к белому крестьянскому дому, в котором Генри и Рода Лайден прожили пятнадцать счастливых лет между свадьбой и днем, когда у Роды обнаружили рак печени. Первые два года после ее смерти Генри каждый вечер ходил по дому, везде зажигал свет.

— Галлюцинации? Когда ты видел последнюю?

— Галлюцинации не такая уж редкость, — отвечает Джек. — Особенно для людей, которые мало спят, как ты. — И как я, мысленно добавляет он. — Я ничего не выдумываю, Генри. Такое раз или два случалось и со мной. Один раз точно.

— Галлюцинации. — Тон Генри меняется. — Фантастика.

— Подумай об этом. Мы живем в рациональном мире. Все здесь происходит по какой-то причине, а причины всегда рациональны.

Речь может идти или о химических веществах, вырабатываемых мозгом, или о совпадении. Не будь мы здравомыслящими существами, не смогли бы соображать, что к чему, а потому не знали бы, что происходит.

— Даже слепой может это видеть, — кивает Генри. — Благодарю. С такими словами можно жить. — Он вылезает из кабины, закрывает дверцу. Отходит, возвращается, наклоняется к окну. — Ты хочешь начать сегодня «Холодный дом»? Я должен вернуться в половине девятого, не позже.

— Я подъеду к девяти.

— Динь-дон, — говорит на прощание Генри, вновь поворачивается, поднимается на крыльцо и исчезает в доме, который, само собой, не заперт. В здешних краях двери запирают только родители, да и то в самое последнее время.

Джек разворачивает пикап, выезжает на Норвэй-Вэлли-роуд. Он чувствует, что одним выстрелом убил двух зайцев: помогая Генри, помог и себе. Как здорово, что все образовалось.

Сворачивая на свою длинную подъездную дорожку, он слышит дребезжание, доносящееся из пепельницы под приборным щитком. Во второй раз слышит его на последнем повороте, за которым открывается его дом. По звуку чувствуется, дребезжит что-то маленькое. Пуговица или монетка. Джек подкатывает к дому, выключает двигатель, открывает дверцу. Потом, словно вспомнив о дребезжании, протягивает руку, выдвигает пепельницу.

И обмирает, увидев в ней миниатюрное яйцо малиновки, размером с миндальное драже M&M.

Миниатюрное яйцо такое синее, что это увидел бы даже слепой.

Трясущимися пальцами Джек достает яйцо из пепельницы. Не отрывая от него взгляда, вылезает из кабины и захлопывает дверцу. Все еще глядя на яйцо, вспоминает, что надо дышать. Рука дергается, пальцы разжимаются; яйцо падает на траву. Джек поднимает ногу и с силой впечатывает каблук в синюю точку. Не оглядываясь, кладет в карман ключи от пикапа и направляется к своему дому, назвать который крепостью уже не поворачивается язык.

Часть вторая

ПОХИЩЕНИЕ ТАЙЛЕРА МАРШАЛЛА

Глава 5

В утреннем облете «Центра Макстона по уходу за престарелыми» краем глаза мы заметили уборщика... Помните его? В мешковатом комбинезоне? С толстым брюхом? С сигаретой во рту, несмотря на таблички с надписями: «НЕ КУРИТЬ! РАБОТАЮТ ЛЕГКИЕ!» — встречающиеся в коридорах через каждые двадцать футов? Со шваброй, напоминающей кладбище мертвых пауков? Нет? Не извиняйтесь. Не заметить Пита Уэкслера — пара пустяков. Неприметный подросток, с трудом окончивший среднюю школу Френч-Лэндинга, неприметный молодой мужчина, теперь столь же неприметный мужчина средних лет. Его единственное хобби — тайком и побольнее ущипнуть кого-нибудь из ветхих стариков, заполняющих его дни жалобами, глупыми вопросами, запахами мочи и газов. Хуже всего те, у кого болезнь Альцгеймера. Говорят, что он иной раз гасит окурок об их костлявые спины или задницы. Нравится ему слышать их крики боли. Эта маленькая пытка приносит, считает он, двойную пользу: будит их и радует его. Помогает коротать дни. Хоть какое-то да развлечение. Тем более что они все равно никому ничего не могут сказать.

О боже, самый мерзкий из них тащится по коридору «Маргаритки». Челюсть Чарльза Бернсайда отвисла, задница голая. Пит прекрасно видит тощие, измазанные в дерьме ягодицы. Шоколадные пятна и на бедрах, аж до

колен. Он идет в туалет, только поздновато. Некая коричневая лошадка, назовем ее Утренний Гром, уже вырвалась из конюшни и, безусловно, наскакалась по простыням Берни.

«Слава богу, мыть их — не моя работа, — думает Пит и ухмыляется, не убирая сигареты изо рта. — С этим к Батчу».

Но стол, стоящий в коридоре, где живут «мальчики и девочки» Шустрика Макстона, в данный момент пустует. Батчу Йерксе не повезло: не удастся ему полюбоваться проплывающей мимо голой задницей Берни. Батч, должно быть, вышел покурить, хотя Пит сотню раз говорил этому идиоту, что таблички «НЕ КУРИТЬ» ровным счетом ничего не значат: Шустрику Макстону глубоко наплевать, кто и где курит (без разницы ему и что служит пепельницей). Таблички висят лишь для того, чтобы бесконечные проверяющие видели, что «Центр» полностью соответствует действующим на территории штата законам.

Ухмылка Пита становится шире, и в этот момент он очень похож на своего сына, Эбби, приятеля Тайлера Маршалла (кстати, именно Эбби Уэкслер показал палец проезжающим Джеку и Генри). Пит задается вопросом, а не найти ли ему Батча и сказать, что тому пора помыть М18, а заодно, разумеется, тамошнего жильца, или не мешать Батчу самому узнать, что Берни в очередной раз обделался. Возможно, Берни вернется в М18 и даст волю пальцам, размазывая говно по всей комнате. Это, конечно, хорошо, но не менее приятно посмотреть, как вытянется лицо Батча, когда он, Пит, скажет ему...

— Пит...

О нет. Откуда только взялась эта сука? Красивая, конечно, сука, но сука есть сука. Пит не двигается с места, не смотрит на нее, в надежде, что она уйдет, если он ее проигнорирует.

Напрасная надежда.

— Пит.

Он поворачивается. Видит перед собой Ребекку Вайлес, нынешнюю секретаршу большого босса. Сегодня она в светло-красном платье, возможно, в честь Клубничного фестиваля, и в черных туфельках на высоких каблуках, возможно, в честь своих отличных бедер. Пит представляет себе, как эти бедра охватывают его, а туфельки оказываются где-то над поясницей, потом видит картонную коробку, которую она держит в руках. Похоже, для него нашлась работа. Замечает Пит и поблескивающее кольцо у нее на пальце, с каким-то драгоценным камнем размером с яйцо малиновки, но цветом куда бледнее. Он задумывается, и не в первый раз, что должна сделать женщина, чтобы заработать такое кольцо.

Она стоит, постукивая ножкой по полу, не мешая ему смотреть. За его спиной Чарльз Бернсайд продолжает медленно продвигаться к мужской комнате. Глядя на этого дряхлого старика с костлявыми ногами и растрепанными волосами, можно подумать, что дни, когда в нем бурлила жизнь, остались в прошлом. Но впечатление обманчиво. Более чем обманчиво.

— Миз Вайлес? — наконец выдавливает из себя Уэкслер.

— Актовый зал, Пит. Одна нога здесь — другая там. И сколько раз тебе говорили, что нельзя курить в помещении, где живут пациенты.

Прежде чем он успевает ответить, она разворачивается и, сексуально покачивая бедрами, идет к актовому залу «Макстона», где во второй половине дня должны состояться танцы, венчающие Клубничный фестиваль!

Со вздохом Пит прислоняет швабру к стене и следует за ней.

Чарльз Бернсайд остается один в коридоре крыла «Маргаритка». Пустота в его глазах исчезает, теперь они светятся блестящим, но смертоносным умом. И выглядит он сейчас куда моложе. Сруший в постель Берни исчез. Его место занял Карл Бирстоун, с дьявольской жестокостью убивавший детей в Чикаго.

Карл... и что-то еще. Что-то — не человек.

Он... оно... улыбается.

На столе стопка бумаг, прижатая круглым камнем размером с кофейную чашку. На камне надпись черными буквами: «ЛЮБИМЫЙ КАМЕНЬ БАТЧА».

Берни хватает любимый камень Батча Йерксы и быстрым шагом, все еще улыбаясь, направляется в мужскую комнату.

В актовом зале вдоль стен расставлены столы, накрытые красными бумажными скатертями. Позже Питу предстоит поставить на них маленькие красные настольные лампы (с питанием от батареек, никаких свечей для стариков). Стены украшают приклеенные скотчем большие картонные клубничины, некоторые заметно потрепанные: их вешают и снимают каждый июль с тех пор, как Герберт Макстон открыл свое заведение в конце шестидесятых годов. Центр актового зала, устланного линолеумом, пустует.

Во второй половине дня и в начале вечера старики и старушки, которые еще передвигаются на своих двоих и имеют желание потанцевать, «оттянутся» здесь под музыку больших оркестров тридцатых и сороковых, прижимаясь друг к другу в медленном танце, а некоторые даже подрыгают ножками (три года назад Ирвинг Кристи получил микроинфаркт, попрыгав под «Не сиди под яблоней с другим»). О да, на танцах, завершающих Клубничный фестиваль, всегда происходит что-то интересное.

Ребекка сама сдвинула три деревянных поддона и накрыла их белой материей, создав основу для подиума Симфоническому Стэну. В углу стоит сверкающий хромом микрофон с большой круглой головкой, реликт тридцатых годов, прямиком из клуба «Коттон». Микрофон — один из самых дорогих экспонатов коллекции Генри Лайдена. К стене прислонен длинный картонный футляр, в котором микрофон прибыл днем раньше. На подиуме, под балкой, украшенной белым и красным

крепом и картонными клубничинами, — стремянка. Увидев ее, Пит злится. Ребекка Вайлес побывала в его чулане. Вездесущая сука! Если она украла щепотку-другую его травки, клянусь Богом...

Ребекка кладет коробку на подиум, шумно выдыхает, выпрямляется. Откидывает прядь шелковистых каштановых волос с раскрасневшейся щеки. Еще утро, так что день обещает быть очень жарким. Для округа Каули в июле это обычное дело. Проветрите ваше нижнее белье и удвойте количество дезодоранта — таков на подобный случай совет Джорджа Рэтбана.

— Я уж думала, что ты никогда не придешь, — говорит Ребекка.

— Я здесь. — Голос у Пита недовольный. — Похоже, ты отлично справляешься и без меня. — Он подходит к подиуму, наклоняется и смотрит на коробку, на которой, как и на микрофоне, печать: «СОБСТВЕННОСТЬ ГЕНРИ ЛАЙДЕНА». В коробке маленький прожектор с накрученным на него шнуром и круглый розовый светофильтр, предназначенный, чтобы окрашивать луч в клубничный цвет.

— Что это за дерьмо?

Ребекка дарит ему ослепительную улыбку-предупреждение. Даже для довольно туповатого Пита смысл этой улыбки понятен: приятель, если не хочешь неприятностей, попридержи язык.

— Свет, — отвечает Ребекка. — С-В-Е-Т. Должен висеть вон там, на том крюке. К-Р-Ю-К-Е. На этом настаивает диджей. Говорит, что ему это необходимо для создания должного настроя. Н-А-С...

— А что случилось с Уини Эриксоном? — бурчит Пит. — Уини обходился без этого дерьма. Два часа проигрывал эти чертовы пластинки, несколько раз прикладывался к фляжке, потом ставил точку.

— Он переехал, — в голосе Ребекки безразличие, — кажется, в Расин.

— Ну... — Пит поднимает голову, изучает балку, увитую гирляндами красного и белого крепа. — Я не вижу крюка, миз Вайлес.

— Иисус на велосипеде. — Она взбирается на стремянку. — Вот. Или ты слепой.

Питу, определенно не слепому, редко удается полюбоваться таким зрелищем. Поскольку стоит он на полу, а она — на пятой ступеньке, то отлично видит ее бедра, красные кружева трусиков, аппетитные ягодицы.

Она смотрит на него, замечает вытаращенные глаза, прослеживает за взглядом. Выражение ее лица смягчается. Как мудро заметила ее дорогая мама, некоторым мужчинам одного вида трусиков достаточно, чтобы превратиться в круглых дураков.

— Пит. Земля — Питу.

— Что? — Он вскидывает голову выше, рот открыт, на нижней губе капелька слюны.

— В моем белье никакого крюка нет, я в этом абсолютно уверена. Но если ты посмотришь наверх... на мою руку, а не задницу...

Он смотрит наверх, по-прежнему с мечтательным выражением лица, и видит, как палец с красным ногтем (в день Клубничного фестиваля другого цвета Ребекка не признает) постукивает по поблескивающему среди крепа крюку.

— Крюк, — говорит Ребекка. — Прикрепи фильтр к прожектору, повесь прожектор на крюк. Свет станет нежно-розовым, как и просил диджей. Ты меня понял?

— Э... да...

— Тогда поднимайся.

Она спускается со стремянки, решив, что Пит Уэкслер уже налюбовался ее ногами. Пит, у которого уже все встало, вынимает из коробки прожектор и фильтр. Когда он поднимается на стремянку, его ширинка оказывается на уровне лица Ребекки. Она видит, как раздулись штаны Пита, и с трудом подавляет улыбку. Мужчины — дураки, это точно. Некоторые из них милые дураки, но дураки все.

Просто одни дураки могут позволить себе кольца, путешествия, поздние ужины в ночных заведениях Милуоки, а другие — нет.

Так что некоторых дураков можно убедить лишь повесить прожектор, большего проку от них не будет.

— Эй, парни, подождите, — кричит Тай Маршалл. — Эбби! Ронни! Ти-Джи! Подождите!

Обернувшись, Эбби Уэкслер, которого Джек про себя назвал Задирой, откликается: «Догоняй нас, копуша!»

— Да! — вторит ему Ронни Мецгер. — Догоняй нас, кошупа! — Ронни, которому предстоит провести много времени в кабинете логопеда, тоже оглядывается и едва не врезается в счетчик на стоянке, лишь в последний момент успевая вывернуть руль. А потом они мчатся дальше, занимая весь тротуар (Господи, помоги пешеходу, который встретится им на пути), словно убегают от мотающихся за их спинами теней.

Тайлер прикидывает, удастся ли ему догнать их, изо всех сил давя на педали, но приходит к выводу, что слишком устали ноги. Его отец и мать говорят, что со временем он не будет от них отставать, просто пока он еще маленький, но Тай в этом сомневается. Есть у него сомнения и насчет Эбби, Ронни и Ти-Джи. Стоит ли ему вообще догонять их? Если бы Джуди Маршалл узнала об этих сомнениях, встала бы и зааплодировала: последние два года она задавалась вопросом: когда же ее умный и сообразительный сын перестанет якшаться с этими ничтожествами?

— Пососите у эльфа, — бросает им вслед Тай. Это ругательство он услышал на канале фантастики, в мини-сериале «Десятое королевство». Да и особого смысла догонять их нет. Он же знает, что найдет их на автостоянке магазина «С семи до одиннадцати», где они будут есть «слурпи» и обмениваться картами «Магия». Это еще одна причина недовольства Тая своими друзьями. Он бы предпочел обмениваться открытками с фотографиями бейсболистов. Но Эбби, Ронни и Ти-Джи не интересуются «Кардиналами»,

«Индейцами», «Красными носками» или «Пивоварами». Эбби докатился до того, что обозвал бейсбол игрой для геев. Такое высказывание Тай полагает скорее глупым (а автора можно только пожалеть), чем оскорбительным.

Он медленно катит велосипед по тротуару, восстанавливая дыхание. Вот и перекресток Чейз и Куин-стрит. Эбби называет Куин-стрит Гомик-стрит[1]. Разумеется. Неудивительно. Но это еще не самое страшное. Тайлер любит сюрпризы, любит узнавать, видеть что-то новенькое. Эбби Уэкслер — нет. Так что кардинально разной реакции на музыку, доносившуюся из кабины проезжающего пикапа, следовало ожидать.

Тайлер останавливается на углу, смотрит на Куин-стрит. С обеих сторон зеленые изгороди. Над той, что по правую руку, видны красные крыши связанных между собой зданий. Дом престарелых. За главными воротами выставлен какой-то щит. Из любопытства Тайлер садится на велосипед и медленно едет по тротуару, чтобы посмотреть, что написано на щите. Длинные ветви, вылезающие из изгороди, цепляются за руль.

На щите нарисована огромная клубничина. Под ней надпись: «СЕГОДНЯ КЛУБНИЧНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ!» «Что такое Клубничный фестиваль? — думает Тай. — Вечеринка для стариков?» Это вопрос, но не слишком интересный. Постояв у ворот несколько секунд, он разворачивает велосипед, чтобы вернуться на Чейз-стрит.

Чарльз Бернсайд входит в мужскую комнату крыла «Маргаритка», по-прежнему улыбаясь и сжимая в руке любимый камень Батча. Справа от него — ряд раковин с зеркалами над ними. Зеркала металлические, какие можно найти в туалетах баров и салунов низкого пошиба. В одном Берни видит собственное улыбающееся отражение. В другом, ближе к окну, — маленького мальчика в фут-

[1] Английское слово queer (гомосексуалист) отличается от слова queen (королева) только одной буквой.

болке «Милуокских пивоваров». Мальчик стоит, оседлав свой велосипед, напротив ворот, смотрит на щит, извещающий о Клубничном фестивале.

Берни начинает пускать слюни. Они не ползут по подбородку, как у немощного старика. Берни пускает слюни, как злой волк из сказки, они пузырятся в уголках рта и стекают по подбородку белой пеной. Рассеянно он стирает их одной крючковатой рукой, сбрасывает на пол, не отрывая взгляда от зеркала. Мальчик в зеркале — не один из бедных, заблудившихся в лесу крошек, на которых точит зубы волк. Тай Маршалл прожил во Френч-Лэндинге всю жизнь, он тут все знает... но может заблудиться. Очень даже легко. А потом очутится в некой комнате. В некой камере. Или потащится к странному горизонту на обожженных, кровоточащих ножках.

Особенно если все будет как хочется Берни. Ему надо спешить, но, как мы уже заметили, Чарльз Бернсайд, при определенных обстоятельствах, может двигаться очень быстро.

— Горг, — говорит он зеркалу. Произносит это ничего не означающее слово ясно и четко. — Давай, Горг.

И, не дожидаясь, что за этим последует, он и так знает, поворачивается и направляется к ряду из четырех туалетных кабинок. Входит во вторую слева и закрывает за собой дверь.

Тайлер только успел оседлать свой велосипед, как за изгородью, в десяти футах от щита с надписью «Клубничный фестиваль», что-то зашуршало. Большая ворона продирается сквозь ветки и выходит на тротуар Куин-стрит. Смотрит на мальчика умным, блестящим глазом. Останавливается, расставив черные лапки, открывает клюв, говорит: «Горг!»

Тайлер, глядя на ворону, начинает улыбаться. Он не уверен, что слышал голос вороны, но уже готов порадоваться (в свои десять лет он всегда готов порадоваться, сталкиваясь с неведомым).

— Что? Ты что-то сказала?

Ворона взмахивает крыльями, склоняет голову набок.

— Горг! Тай!

Мальчик смеется. Она произнесла его имя! Ворона знает, как его зовут!

Он слезает с велосипеда, ставит его на подставку, приближается к вороне на пару шагов. Об Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэме он, к сожалению, не вспоминает.

Он думает, что ворона улетит, если он подойдет к ней, но она лишь взмахивает крыльями и бочком движется к тенистой зеленой изгороди.

— Ты произнесла мое имя?

— Горг! Тай! Аббала!

На мгновение улыбка Тая гаснет. Последнее слово ему знакомо, и ассоциации оно вызывает, прямо скажем, неприятные. По этой причине ему вспоминается мать. Потом ворона вновь произносит его имя. Безо всяких сомнений — Тай.

Еще один шаг к изгороди. Ворона отвечает тем же, забираясь под зелень. На улице ни души. Эта часть Френч-Лэндинга дремлет под утренним солнцем. Тай шагает следом, навстречу своей судьбе, и содрогаются все миры.

Эбби, Ронни и Ти-Джи вразвалочку выходят из магазина «С семи до одиннадцати», где тряпкоголовый продавец только что выдал им по черничному мороженому (тряпкоголовый — одно из словечек, которые Эбби почерпнул у отца). У каждого также по две колоды карт «Магия».

Эбби, его губы уже измазаны синим, поворачивается к Ти-Джи:

— Съезди за копушей.

На лице Ти-Джи читается обида.

— Почему я?

— Потому что Ронни купил карты, недоумок. Давай, живо.

— А на черта он нам, Эбби? — спрашивает Ронни. Он привалился спиной к стойке для велосипедов, лижет холодный, сладкий брусок льда.

— Потому что я так говорю, — отрезает Эбби. Дело в том, что по пятницам у Тайлера Маршалла всегда есть

деньги. Собственно, деньги у него есть практически каждый день. У его родителей их куры не клюют. Эбби, которого в одиночку воспитывает (если это можно назвать воспитанием) отец, уборщик в доме престарелых, из-за этого подсознательно ненавидит Тайлера. До первых унижений остается совсем ничего, а затем последуют и первые избиения. Но сейчас ему нужны лишь карты «Магия», еще по колоде на каждого. А то, что Тайлер «Магию» не жалует, никого не должно волновать.

Но сначала они должны доставить этого маленького копушу сюда. Или маленького кошупу, как назвал его Ронни, у которого вечно каша во рту. С другой стороны, слово получилось забавное. Эбби решает, что его следует взять на вооружение. Кошупа. Хорошее слово. Позволяет одновременно посмеяться и над Таем, и над Ронни. Два по цене одного.

— Шевелись, Ти-Джи. Если не хочешь получить индейский ожог.

Ти-Джи не хочет. Индейские ожоги Эбби чертовски болезненны. Он театрально вздыхает, выкатывает велосипед из стойки, садится на него и катит вниз по холму, одна рука на руле, вторая — с мороженым. Он рассчитывает сразу увидеть Тая, возможно, катящего велосипед, потому что он... так... ус-с-с-тал, но Тая на Чейз-стрит нет.

Куда же он подевался?

Ти-Джи сильнее нажимает на педали.

В мужском туалете мы теперь смотрим на ряд кабинок. Дверь второй слева закрыта. В трех остальных — распахнуты. Поблескивают хромированные петли. Под второй дверью мы видим лодыжки со вздутыми, старческими венами над грязными шлепанцами.

Раздается громкий крик. Голос мужской, молодой, грубый, требующий, злой.

— Аббала! Аббала-дун! Маншан горг!

Внезапно спускается вода. Не только из того бачка, что за закрытой дверью. Из *всех* бачков. И во всех писсуарах на противоположной стене хромированные ручки

синхронно поворачиваются. Вода бежит по изогнутым фаянсовым поверхностям.

Когда наш взгляд возвращается от писсуаров к кабинкам, мы видим, что грязных шлепанцев и всунутых в них ног уже нет. И впервые слышим звук соскальзывания, тяжелый вздох, какой вырывается из легких человека, проснувшегося в два часа ночи от жуткого кошмара.

Дамы и господа, Чарльз Бернсайд покинул здание.

Ворона забралась под зеленую изгородь. Но по-прежнему смотрит на Тая блестящим, влекущим взглядом. Тай шагает к ней, чувствуя, что его загипнотизировали.

— Назови еще раз мое имя, — выдыхает он. — Назови еще раз мое имя и можешь идти.

— Тай! — соглашается ворона и исчезает за изгородью. Еще мгновение Тай различает что-то черное среди зелени, потом остается одна зелень.

— Святая ворона! — вырывается у Тая. Тут он понимает, что сказал, и смеется. Неужели это произошло наяву? Произошло, не так ли?

Он наклоняется к тому месту, где ворона проскользнула под изгородью, надеясь подобрать перышко в качестве сувенира, и в это мгновение из зелени высовывается белая костлявая рука и безошибочно ухватывает его за горло. Тай успевает только пискнуть, и его уже протаскивают сквозь изгородь. Пружинистые ветки срывают с него одну кроссовку. С другой стороны раздается торжествующий крик, возможно: «Мальчик», — а потом удар, возможно, звук обрушивающегося на голову мальчика любимого камня. А потом тишина, нарушаемая только далеким стрекотом газонокосилки и близким жужжанием пчелы.

Пчела летает над цветами по другую сторону зеленой изгороди, на территории «Центра Макстона». Смотреть там не на что, кроме как на зеленую траву да столы, за которые престарелые жильцы «Центра» в полдень соберутся на пикник Клубничного фестиваля.

Тайлер Маршалл исчез.

Ти-Джи Ренникер останавливается на углу Чейз и Куин-стрит. Его мороженое роняет капли темно-синего сока на запястье, но он этого не замечает. Потому что на Куин-стрит, неподалеку от перекрестка, видит велосипед Тая, стоящий на подставке, но не самого Тая.

Медленно (у него нехорошее предчувствие) Ти-Джи едет к велосипеду. В какой-то момент замечает, что мороженое практически растаяло. Швыряет его в ливневую канаву.

Велосипед Тая, все точно. Красный «Швинн» с изогнутыми ручками и зеленой эмблемой «Милуокских оленей» на раме. Велосипед и...

У изгороди, отделяющей мир стариков от мира нормальных людей, реальных людей, Ти-Джи видит лежащую на боку кроссовку «рибок». Вокруг разбросаны зеленые листья. Из кроссовки торчит перышко.

Мальчик смотрит на кроссовку округлившимися глазами. Ти-Джи, возможно, не так умен, как Тайлер, но все-таки умнее Эбби Уэкслера, и ему нетрудно представить себе, как Тайлера протаскивали сквозь зеленую изгородь. И остались от него только велосипед... и одна кроссовка... одна одиноко лежащая на боку кроссовка...

— Тай? — зовет он. — Ты что, шутишь? Если да, то немедленно прекрати. Иначе я скажу Эбби, и ты получишь от него такой индейский ожог, что мало не покажется.

Нет ответа. Это не шутка Тая. Ти-Джи нутром чувствует, что дело куда серьезнее.

Внезапно в голове взрываются мысли об Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэме. Он слышит (или ему кажется, что слышит) шаги за изгородью: Рыбак, позаботившись об обеде, вернулся за десертом!

Ти-Джи пытается закричать и не может. Горло будто стянуло узлом. Но руки-ноги шевелятся, поэтому он вцепляется в руль и изо всех сил жмет на педали, съезжает с тротуара на мостовую, стремясь увеличить расстояние между собой и изгородью. Соскочив с каменного бордюра (переднее колесо прокатывается по остаткам мороженого), он мчится к Чейз-стрит, согнувшись над рулем, словно

профессиональный гонщик, оставляя за собой темную полосу на мостовой. Она выглядит как кровь. Где-то рядом каркает ворона. Словно смеется.

Дом 16 по Робин-Гуд-лейн: мы здесь уже бывали. Заглядываем в окно кухни и видим Джуди Маршалл, которая спит на кресле-качалке в углу. На ее коленях книга, роман Джона Гришэма, которую мы в последний раз видели на столике у кровати. Рядом с креслом на полу стоит недопитая чашка с холодным кофе. Джуди прочитала не больше десяти страниц. Будьте уверены, Джуди вогнала в сон не книга мистера Гришэма. Прошлая ночь выдалась тяжелой, да и предыдущие тоже. Прошло уже два месяца с тех пор, как ей удавалось спать два часа кряду. Фред знает, что с его женой что-то не так, но и представить себе не может, как далеко все зашло. Если бы представил, перепугался куда сильнее. Скоро, помоги ему Господи, ему представится возможность лицезреть истинную картину ее душевного состояния.

Джуди начинает громко стонать, мотает головой из стороны в сторону. С ее губ вновь слетают бессмысленные слова. Большинство просто невозможно разобрать, но два мы улавливаем: «аббала» и «горг».

Внезапно она открывает глаза. В золотистом свете, которым наполняет кухню утреннее солнце, они у нее яркой, насыщенной синевы.

— Тай! — ахает она, и ее ноги конвульсивно дергаются. Она смотрит на часы над плитой: двенадцать минут десятого. В голове у нее все перемешалось, как часто случается, если человек засыпает очень глубоко, но спит недолго и пробуждается как от толчка. Сон, вроде бы даже и не кошмар, тянется за ней и в реальный мир: мужчины в соломенных шляпах, надвинутых на лоб, чтобы скрыть лица, вышагивают на длинных ногах в ботинках с круглыми мысками. Какой-то город... Милуоки? Чикаго?., на фоне зловещего оранжевого неба. Саундтрек сна — «Кинг Портер Штомп» в исполнении оркестра Бенни Гудмана. Эту мелодию всегда слушал ее отец, пропустив пару ста-

канчиков. От сна остаются ощущения ужаса и горя: что-то страшное уже случилось, но худшее еще впереди.

Облегчения, которое обычно испытывают люди, пробудившись от дурного сна, нет и в помине, облегчения, которое испытывала она сама, когда была молодой и... и...

— И психически нормальной, — говорит она хриплым спросонья голосом. — «Кинг Портер Штомп». Для нее эта мелодия всегда звучала как музыка из старых мультфильмов, где мыши в белых перчатках с невероятной скоростью забегали в норы и выбегали из них. Однажды, когда отец танцевал с ней под эту мелодию, она почувствовала, как что-то твердое уперлось в нее. Что-то твердое в его штанах. После этого, когда он ставил на проигрыватель пластинку с танцевальной музыкой, она старалась поскорее выйти из гостиной, а то и из дома.

— Хватит, — хрипит она. Это голос вороны, и она понимает, что видела ворону во сне. Конечно, видела. Эта ворона — Горг.

— Горг означает смерть, — говорит она и, не осознавая этого, облизывает верхнюю губу. Ее язык вылезает все дальше, теплый, мягкий, успокаивающий. — Там горг означает смерть. Там, в...

Слово, которое она не произносит, — Запределье. Прежде чем успевает его произнести, видит на кухонном столе то, чего там не было раньше. Это плетеная корзинка с крышкой. Из нее доносится низкий, усыпляющий звук.

У Джуди начинает сосать под ложечкой. Страх заползает в сердце. Она знает, что это за корзинка. В таких рыбаки носят свой улов.

В эти дни по Френч-Лэндингу бродит рыбак. Плохой рыбак.

— Тай? — зовет она, но, конечно же, ей не отвечают. В доме никого нет, кроме нее. Фред на работе, Тай гуляет. Само собой. Середина июля, разгар летних каникул, и Тай катается по городу на велосипеде, занимается всем тем, чем положено заниматься мальчишкам в бесконечный летний день. И он не один. Фред наказал ему дер-

жаться с друзьями, пока Рыбака не поймали, по крайней мере пока не поймали. И она сказала ему то же самое. Джуди не питает особой любви к Эбби Уэкслеру (так же, как и к юным Мецгеру и Ренникеру), но сейчас главное — безопасность. Тай, конечно, в такой компании не станет умнее, но по крайней мере...

— По крайней мере будет в безопасности, — все тот же голос вороны Горг. Однако плетеная рыбацкая корзина, появившаяся на кухонном столе, пока она спала, вроде бы говорит об обратном, отрицает всю концепцию безопасности. Откуда она взялась? И что на ней белеет?

— Записка, — говорит она и встает. Как лунатик, пересекает небольшой участок пола между креслом-качалкой и столом. Записка — сложенный листок бумаги. Поперек надпись: «Сладкая Джуди Синеглазка». В колледже так звал ее один ухажер, до того, как она познакомилась с Фредом. Она попросила не называть ее так, эта слащавость раздражала, но он забывал (как она подозревала, сознательно), и она с ним рассталась. И теперь это глупое прозвище вновь насмехалось над ней.

Джуди, не отрывая глаз от записки, открывает кран холодной воды, складывает ладони лодочкой, наполняет их водой, пьет. Несколько капель падают на «Сладкую Джуди Синеглазку», размазывают ее имя. Написано перьевой ручкой? Чудеса, да и только! Кто сейчас пишет перьевыми ручками?

Она тянется к записке, отдергивает руку. Звук, доносящийся из корзины, становится громче. Какое-то гудение. Это...

— Это мухи, — говорит она. Вода смягчила горло, и голос уже не такой хриплый, но Джуди кажется, что она по-прежнему говорит, как ворона Горг. — Ты знаешь, как гудят мухи.

Возьми записку.

Не хочу.

Да, но тебе НУЖНО ее взять! Бери! Куда подевалась твоя СИЛА ВОЛИ, трусишка ты эдакая!

Хороший вопрос. Чертовски хороший вопрос. Язык Джуди облизывает верхнюю губу и губной желобок. Она берет записку, разворачивает ее.

Извините, почка только одна. Вторую я поджарил и съел. Вкуснятина необыкновенная.

Рыбак.

Нервы в пальцах, ладонях, запястьях и предплечьях Джуди Маршалл внезапно отключаются. Лицо бледнеет настолько, что на щеках становятся видны кровеносные сосуды. Записка выпадает из пальцев и планирует на пол. Вновь и вновь выкрикивая имя сына, она откидывает крышку рыбацкой корзины.

Внутри блестящие красные «колбаски» кишок, по которым ползают мухи. Морщинистые легкие, насос размером с кулак, который служил ребенку сердцем. Лиловый шматок печени и... одна почка. Внутренности кишат мухами, и весь мир — горг, горг, горг.

В солнечной тишине кухни Джуди Маршалл начинает выть, и это вой безумия, вырвавшегося из клетки безумия, в которое погрузился ее рассудок.

Батч Йеркса собирался быстренько выкурить сигарету и вернуться на рабочее место: в день Клубничного фестиваля всегда полно дел (отметим, что добросердечный Батч, в отличие от Пита Уэкслера, не питает ненависти к этому празднику). Но тут из крыла «Колокольчик» вышла Петра Инглиш, они разговорились о мотоциклах, и двадцать минут пролетели как один миг.

Он говорит Петре, что ему пора, она говорит, что нужно во всем видеть светлую сторону, а темную стараться не замечать. Батч проскальзывает в дверь, за которой его ждет неприятный сюрприз. Чарльз Бернсайд, вот дрянь, стоит рядом со столом Батча и держит в руке камень, который Батч использует как пресс-папье (его сын сделал его прошлым летом, в лагере, во всяком случае надпись,

и Батч думает, что это круто). Батч ничего не имеет против пациентов «Центра», он бы отчитал Пита Уэкслера, если б узнал, как тот тушит окурки, насчет того, чтобы заложить — речи нет, но он не любит, когда трогают его вещи. Особенно этот старик, который более чем мерзок, когда ему отшибает остатки ума. Как сейчас. Батч это видит по глазам старика. Настоящий Берни Бернсайд вернулся, возможно, в честь Клубничного фестиваля.

Что же касается клубники, то Берни, похоже, ею уже полакомился. На губах и в уголках рта алые следы.

Но на алое Батч и не смотрит. На Берни и другие пятна. Коричневые.

— Не хочешь убрать с него руку, Чарльз? — спрашивает он.

— Убрать с чего? — любопытствует Берни и добавляет: — Подтиральщик.

Батч не хочет говорить: «С моего любимого камня». Звучит глупо.

— С моего пресс-папье.

Берни смотрит на камень, который только что положил на стол (на нем были кровь и волосы, когда он выходил из туалетной кабинки, но раковины и нужны для того, чтобы смывать грязь). Опускает руку.

— Вымой меня, болван. Я обделался.

— Это я вижу. Но сначала скажи, не растащил ли ты свое дерьмо по всей кухне. Я знаю, ты там был, поэтому не ври.

— Ходил мыть руки, — отвечает Берни и показывает руки. Они шишковатые, но розовые и чистые. Даже под ногтями нет грязи. Он точно их вымыл. Потом добавляет: — Дрочило.

— Пошли со мной в ванную, — говорит Батч. — Дрочило-подтиральщик вымоет тебя.

Берни фыркает, но идет с готовностью.

— Приготовился к танцам? — спрашивает Батч, чтобы что-то сказать. — Начистил ботинки, большой мальчик?

Берни, который может иногда удивить, если вдруг приходит в себя, улыбается, показывая редкие желтые зубы. Они вымазаны красным, как и губы.

— Да, сэр, я готов поплясать.

Хотя лицо Эбби остается бесстрастным, рассказ Ти-Джи о брошенных велосипеде и кроссовке Тайлера Маршалла он слушает с все возрастающей тревогой. А вот на лице Ронни — просто страх.

— Что будем делать, Эбби? — спрашивает Ти-Джи, доложив о результатах своей поездки. Он только-только восстановил дыхание после того, как буквально взлетел на холм, где находится магазин «С семи до одиннадцати».

— В каком смысле — что будем делать? — переспрашивает Эбби. — То же, что и всегда. Поедем вниз, посмотрим, не найдем ли бутылок, которые можно сдать. Потом в парк, меняться картами «Магия».

— Но... но... что, если...

— Закрой пасть, — обрывает его Эбби. Он знает, что собрался сказать Ти-Джи, и не хочет этого слышать. Его отец говорит, что бросать шапку на кровать — кликать беду, и Эбби никогда этого не делает. Если уж беду можно накликать брошенной на кровать шапкой, то к чему может привести упоминание психа-убийцы?

Но тут этот идиот Ронни Мецгер все равно поминает его... пусть и по-своему:

— Но, Эбби, а вдруг это Бырак? Что, если Тайлера схватил...

— Заткнись, твою мать! — кричит Эбби и поднимает кулак, чтобы ударить недоумка.

В этот момент тряпкоголовый, продавец в тюрбане, выскакивает из магазина, как чертик из шкатулки.

— Ругаться идите в другое место! А не то я вызову полицию!

Эбби медленно выезжает со стоянки, поворачивает в сторону, противоположную Гомик-стрит (бормочет себе

под нос: «Паршивый ниггер», — тоже словечки отца, хотя продавец — выходец из Азии), оба мальчика следуют за ним. Миновав квартал, Эбби останавливается и поворачивается к ним. Лицо каменеет, плечи расправляются.

— Он уехал один полчаса тому назад, — отчеканивает он.

— Что? — спрашивает Ти-Джи.

— Кто уехал? — спрашивает Ронни.

— Тай Маршалл. Если кто-нибудь спросит, он уехал полчаса назад. Когда мы были... м-м-м... — Эбби пытается вспомнить недалекое прошлое, для него это сложно, сказывается отсутствие практики. В обычной ситуации Эбби Уэкслер обходится исключительно настоящим.

— Когда мы разглядывали витрины «Универмага»? — спрашивает Ти-Джи, в надежде, что удастся избежать индейского ожога Эбби.

Эбби в упор смотрит на него, потом улыбается. У Ти-Джи сразу улучшается настроение. В недоумении только Ронни Мецгер. С бейсбольной битой в руках или на коньках Ронни — король. В остальное время соображает не очень.

— Совершенно верно, — кивает Эбби. — Мы разглядывали витрину «Шмитта», мимо проехал этот пикап, из кабины которого доносилась дерьмовая панковская музыка, а потом Тай сказал, что он уезжает.

— И куда он хотел поехать? — спрашивает Ти-Джи.

Эбби неумен, но хитер и осторожен. Он интуитивно чувствует, что лучшая история — короткая, меньше шансов, что тебя поймают на противоречиях.

— Он нам не говорил. Просто сказал, что уезжает.

— Он никуда не хотел ехать, — говорит Ронни. — Просто отстал, потому что он... — Замолкает, чтобы правильно выстроить слоги в слове, и на этот раз ему это удается: — ...копуша.

— Вот этого не надо, — качает головой Эбби. — Что, если... что, если этот парень добрался до него, кретин? Ты хочешь, чтобы люди говорили, будто все произошло,

потому что он не смог ехать с одной скоростью с нами? Что он погиб, потому что мы оставили его одного? Ты хочешь, чтобы люди говорили, что мы виноваты?

— Да ладно, — отмахивается Ронни. — Ты же не думаешь, что Бырак... Рыбак схватил Тая, не так ли?

— Я не знаю, и мне без разницы. Даже хорошо, что его нет. Он мне уже порядком надоел.

— Ага, — вроде бы Ронни такое объяснение устроило. «Какой же кретин, — думает Эбби. — Полнейший, законченный кретин». Если вы в это не верите, подумайте, с чего это Ронни, который силен, как лошадь, терпит индейские ожоги Эбби. Конечно, придет день, когда Ронни больше не станет терпеть и от души вмажет Эбби, но последнего это не волнует. С попытками заглянуть в будущее у него дело обстоит еще хуже, чем с прошлым.

— Ронни, — продолжает Эбби.

— Что?

— Где мы были, когда Тайлер уехал?

— Э... У витрины «Универмага Шмитта»?

— Точно. И куда он поехал?

— Он не сказал.

Эбби видит, что эта версия уже стала для Ронни истиной, и поворачивается к Ти-Джи:

— Ты понял?

— Понял.

— Тогда поехали.

Они едут. Кретин чуть обгоняет Эбби и Ти-Джи, когда они сворачивают на обсаженную деревьями улицу, и Эбби этому не мешает. Подъезжает чуть ближе к Ти-Джи и спрашивает:

— Что ты там еще видел? Кого-нибудь? Человека?

Ти-Джи мотает головой.

— Только его велосипед и кроссовку. — Он замолкает, вспоминая. — Еще там валялись листья. С зеленой изгороди. И вроде бы перо. Воронье перо.

Эбби его не слушает. Он ищет ответ на другой вопрос: неужели Рыбак в это утро так близко подобрался к нему?

Настолько близко, что утащил одного из его друзей. Кровожадной его части мысль эта нравится, приятно представить себе, как монстр убивает Тая Маршалла, который в последнее время все больше раздражал его, и готовит из него ленч. Но другая его часть — детская, в ужасе (эта часть обычно берет верх поздним вечером, когда он лежит без сна в кровати, глядя на тени, обретающие страшные формы и надвигающиеся). Есть в нем и еще одна часть — взрослого, которая интуитивно и незамедлительно принимает меры, дабы избежать внимания властей, на случай, если исчезновение Тайлера поставит на уши весь город.

Но самое главное, как и Дейл Гилбертсон, и отец Тая, Фред, Эбби Уэкслер не верит, что такое может случиться. Просто не может заставить себя поверить, что Тайлера больше нет. Даже после Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэма, которого порезали на куски, развесив их в старом курятнике. То дети, о которых Эбби слышал в вечерних новостях, выдумки из Телеландии. Он не знал Эми или Джонни, поэтому они могли умереть, как всегда умирают люди в кино или на телевидении. Тай — другое дело. Тай только что был рядом. Он говорил с Эбби. Эбби говорил с ним. По разумению Эбби, сие равносильно бессмертию. Если Рыбак смог добраться до Тая, он может добраться до кого угодно. Включая его самого. А вот в это, как Дейл и Фред, он поверить просто не может. В глубине сердца он свято верит, что на планете Эбби все прекрасно, нет там ни Рыбака, ни его злодеяний.

— Эбби, ты думаешь... — подает голос Ти-Джи.

— Нет, — уверенно отвечает Эбби. — Он появится. Поехали в парк. Бутылками займемся позже.

Фред Маршалл оставил пиджак спортивного покроя и галстук в кабинете, закатал рукава и помогает Роду Тисбюри распаковать новенькую почвофрезу компании «Хилер». В ряду моделей компании — это новинка, и смотрится почвофреза прекрасно.

— Я ждал такую машину двадцать лет, — говорит Род. Ловко подсовывает лом под крышку большого ящика, и одна из стенок падает на бетонный пол ангара предпродажной подготовки и технического обслуживания. Род — главный механик «Гольца», и в этом ангаре он — король. — Она подойдет и фермеру с небольшим участком земли, и городскому садовнику. Если к осени ты не сможешь продать дюжину этих красоток, значит, ты плохо работаешь.

— К концу августа я продам двадцать, — уверенно отвечает Фред. При виде этого зеленого чуда техники все тревоги забылись. Она не только вспахивает землю, к ней прилагаются еще приспособления, которые мгновенно навешиваются на каркас. Ему хочется запустить почвофрезу, послушать, как она работает. Двухцилиндровый двигатель радует глаз.

— Фред?

Он нетерпеливо оборачивается. Ина Гейтскилл, секретарь Теда Гольца и регистратор Центра.

— Что?

— Тебе звонят по первой линии. — Она указывает на настенный телефонный аппарат, где мигают лампочки. В стоящем в ангаре грохоте — пневматические отвертки сражаются с винтами старого трактора «Кейз» — никакие звонки, разумеется, не слышны.

— Может, ты запишешь сообщение, Ина? Я помогаю Роду оживить этого зверя и...

— Я думаю, тебе лучше поговорить. Звонит Энид Первис. Твоя соседка?

Поначалу Фред не понимает, о ком речь. Но память продавца, которая автоматически складирует имена и фамилии, приходит на помощь. Энид Первис. Жена Дека. Угол Робин-Гуд-лейн и Мейд-Мариан-уэй. Он видел Дека этим утром. Они помахали друг другу.

Одновременно он замечает, что глаза у Ины слишком большие, а вот рот вдруг стал маленьким. На лице написана тревога.

— В чем дело? — спрашивает Фред. — Ина, в чем дело?

— Я не знаю, — потом, с неохотой: — Что-то насчет твоей жены.

— Лучше поговорите с ней, босс, — говорит Род, но Фред уже бежит по измазанному маслом полу к телефонному аппарату.

Домой он приезжает через десять минут после отъезда из «Гольца». Со стоянки для сотрудников он вылетел пулей, веером, словно подросток, заполучивший автомобиль отца, выбросив гравий из-под задних колес. Его до смерти напугало спокойное изложение событий Энид Первис, ее попытки показать, что она не видит в случившемся ничего тревожного.

Прогуливая Потси, она проходила мимо дома Маршаллов, когда услышала крик Джуди. Не один крик — два. Разумеется, Энид поступила, как и положено соседке: подошла к двери. Постучала, приподняла крышку щели для почты, позвала. Если бы ей не ответили, она бы позвонила в полицию. Даже не стала бы возвращаться домой. Зашла бы в дом Плотски, которые живут напротив Маршаллов, и позвонила бы оттуда. Но...

— Я в порядке, — ответила Джуди, а потом расхохоталась. Визгливо и пронзительно. Смех встревожил Энид еще больше, чем крики. — Все это сон. Даже Тай — сон.

— Ты не порезалась, дорогая? — спросила Энид через щель для почты. — Ты не упала?

— Плетеной рыбацкой корзины не было, — отозвалась Джуди. — Она мне тоже приснилась. — И тут, после заминки, Энид призналась Фреду, Джуди начала плакать. Эти звуки, долетавшие сквозь щель для почты, бередили душу. Даже собака заскулила.

Энид спросила, не может ли она войти и посмотреть, не поранилась ли Джуди.

— Уходи, — прокричала Джуди и вдруг, не прекращая плакать, истерически рассмеялась. — Ты тоже сон. Весь этот мир — сон. — Затем что-то разбилось, кофейная

чашка или кувшин для воды, упавшее на пол. А может, брошенное в стену.

— Я не позвонила в полицию, потому что с ней вроде бы все в порядке. — Фред стоял у стены, с трубкой у одного уха, зажимая второе рукой. Грохот ангара, который всегда так ему нравился, просто сводил с ума. — Во всяком случае, физически. Но, Фред... я думаю, тебе лучше съездить домой и посмотреть, как она.

Все недавние странности Джуди вихрем пронеслись в голове. Вместе со словами Пэта Скарды: «Мы слышим, как люди говорят: «Такой-то вдруг свихнулся», — но это лишь слова. Расстройства психической деятельности, неврозы или психозы, растянуты во времени, и есть признаки, по которым можно судить...»

А разве он не видел эти признаки?

Видел и ничего не предпринимал.

Фред оставляет автомобиль, «форд эксплорер», на подъездной дорожке и спешит к двери, выкрикивая имя жены. Ответа нет. Даже когда он переступает порог, с такой силой толкнув дверь, что латунная крышка, прикрывавшая щель для почты, жалобно звякает, ему никто не отвечает. Кондиционированный воздух дома слишком холодит кожу, и он понимает, что весь в поту.

— Джуди? Джуд?

По-прежнему нет ответа. Он спешит по холлу на кухню, где обычно находил ее, если возвращался домой днем.

Кухня залита солнечным светом и пуста. Кухонный и разделочные столики чистые, все блестит, две кофейные чашки лежат на сушке, подмигивая солнцу чисто вымытыми боками. Солнце блестит и на осколках стекла в углу. Фред видит лепесток на одном из осколков и догадывается, что разбилась ваза с подоконника.

— Джуди? — вновь зовет он. Чувствует, как кровь пульсирует на шее и в висках.

Она не отвечает ему, но он слышит, как сверху доносится пение.

— Спи, моя крошка...

Фред узнает песню, но не испытывает облегчения, наоборот, у него все холодеет внутри. Эту песню она пела маленькому Таю. Колыбельная Тая. Она уже много лет ее не пела.

Он возвращается в холл и видит то, что поначалу упустил: репродукция картины Эндрю Уайетта[1] «Мир Кристины» снята с крючка и приставлена к батарее. Обои под картиной содраны до гипсокартона, листами которого обшиты стены. Фред бледный как мел, он знает, почему Джуди это сделала. Это не интуиция и не дедукция. Скорее телепатия, свойственная супругам, много лет живущим вместе.

Наверху Джуди все поет колыбельную.

Фред взлетает по лестнице, выкрикивая ее имя.

В верхнем коридоре разгром. Здесь они устроили галерею своего прошлого: Фред и Джуди около «Мэдисон шуз», блюз-клуба, куда они иногда заходили, если в «Шоколадном контрабасе» не было ничего интересного; Фред и Джуди, танцующие на свадьбе в окружении радостных родственников; Джуди в палате для рожениц, измученная, но улыбающаяся, держащая на руках крошечного, запеленатого Тая; семейная ферма Маршаллов, при взгляде на которую Джуди всегда фыркала; многое другое.

Большинство забранных в рамочки фотографий аккуратно сняты с гвоздей и поставлены у стены. Некоторые, например фотография фермы, брошены на пол. Осколки стекла разлетелись по всему коридору. Она содрала обои там, где их прикрывали фотографии. А фотографией Джуди и Тая в палате родильного отделения исковыряла даже гипсокартон. На некоторых царапинах запеклись капельки крови.

— Джуди! Джуди!

Дверь комнаты Тайлера открыта. Фред бежит к ней, осколки стекла хрустят под ботинками.

---

[1] Уайетт, Эндрю (1917—2009) — художник-реалист, иллюстратор, один из самых популярных в США.

Джуди поет.

— Джуди! Дж...

Он застывает в дверном проеме, лишившись дара речи.

Комната Тая перевернута вверх дном, словно здесь, как в детективном фильме, искали что-то очень важное. Ящики выдвинуты из комода, лежат где попало, их содержимое разбросано. Повсюду летняя одежда: джинсы, футболки, трусы, белые носки. Дверь стенного шкафа распахнута, и большая часть одежды скинута с вешалок; та же телепатия подсказывает, что она срывала рубашки и брюки, чтобы посмотреть, нет ли под ними Тая. Пиджак единственного костюма Тая наброшен на ручку шкафа. Постеры содраны со стен. Марк Макгуайр разорван пополам. Обои она нигде не тронула, кроме одного места. Но уж там постаралась. За прямоугольником, который занимал постер с замком («ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ОЛД СОД»), обои полностью содраны. И на гипсокартоне опять следы крови.

Джуди Маршалл сидит на кровати сына, на голом матрасе. Простыня, одеяло, подушка сброшены в угол. Кровать отодвинута от стены. Голова упала на грудь. Лица не видно, его закрывают волосы, но она в шортах, и он замечает пятна и потеки крови на загорелых бедрах. Руки под коленями, и Фред этому рад. Пока есть такая возможность, не хочется смотреть, как она поранила себя. Сердце Фреда выскакивает из груди, кровь переполнена адреналином, во рту горечь.

Она вновь начинает петь колыбельную, и к нему возвращается дар речи.

— Нет, Джуди, нет. — Он идет к ней, как по минному полю, стараясь не наступать на разбросанные вещи, а ведь еще вчера, когда заходил к сыну, чтобы поцеловать его перед сном, отметил царящий в комнате образцовый порядок. — Перестань, сладенькая, все хорошо.

О чудо, она замолкает. Поднимает голову, и у него перехватывает дыхание, когда он видит стоящий в ее глазах ужас. Больше, чем ужас. В них — пустота, словно все,

что находилось за ними, соскользнуло в сторону, оставив вместо себя черную дыру.

— Тай ушел, — говорит она. — Я посмотрела за всеми фотографиями и постерами... Я была уверена, что он за этим постером, если он мог где-то быть, то только там...

Она указывает на стену, на которой висел ирландский замок, и он видит, что четыре ногтя левой руки частично или полностью вырваны. У него конвульсивно сжимается желудок. Пальцы выглядят так, словно она окунала их в красные чернила. «Если бы это были чернила, — думает Фред. — Если бы чернила».

— ...но, разумеется, это всего лишь картинка. Они все — картинки. Теперь я это вижу. — Пауза. — Аббала! Маншан! Аббала-горг, Аббала-дун! — Высовывается язык, невероятной длины язык, и доходит до носа. Фред это видит, но не может поверить своим глазам. Он словно пришел в кино на фильм ужасов, где-то на середине сеанса обнаружил, что фильм обернулся реальностью, и теперь не знает, что ему делать. А что он, собственно, должен делать? Что положено делать, открыв для себя, что женщина, которую ты любишь, сошла с ума, во всяком случае на какое-то время потеряла связь с реальностью... что положено делать? Что?

Но он ее любит, влюбился чуть ли не с первой их встречи, окончательно и бесповоротно, и никогда не жалел об этом, так что сейчас им движет любовь. Он садится рядом с ней на кровать, обнимает, прижимает к себе. Чувствует, как она дрожит. Вибрирует, словно натянутая струна.

— Я тебя люблю, — говорит он, удивляясь собственному голосу. Несмотря на замешательство и страх, которые переполняют его, голос спокойный. — Я тебя люблю, и все будет хорошо.

Она смотрит на него, и что-то возвращается в ее глаза. Фред не может сказать, что это разум (как бы ему этого ни хотелось), но что-то заполняет бездонную пустоту. Она знает, где она и кто с ней. На мгновение он читает в

ее глазах благодарность. Потом ее лицо перекашивает от горя, она начинает плакать. Рыдать. В рыданиях — невыносимое чувство потери.

— Тай ушел, — говорит Джуди. — Горг зачаровал его, и аббала взял к себе. Аббала-дун! — Слезы текут по щекам. Когда она поднимает руки, чтобы вытереть их, пальцы оставляют на щеках кровавые потеки.

И пусть он уверен, что Тайлер в полном порядке (сегодня никаких предчувствий у Фреда не было, если не считать его прогноза по продаже почвофрез компании «Хилер»), от этих потеков по его телу пробегает дрожь. И причина — не состояние Джуди, а ее слова: «Тай ушел». Тай с друзьями. Вчера вечером сказал Фреду, что он, Ронни, Ти-Джи и этот несимпатичный ему Эбби Уэкслер договорились провести день вместе. А если будет неинтересно, он обещал вернуться сразу домой. Все вроде бы предусмотрено, однако... а как насчет материнской интуиции?

«Ну, — думает он, — если она есть, то на «Фокс нетуорк»[1].

Он поднимает Джуди на руки и вновь приходит в ужас: какая легкая. «С тех пор как я поднимал ее последний раз, она похудела на двадцать фунтов, — думает он. — Как минимум на десять. Как я мог этого не заметить?» Но он знает как. Во-первых, увлеченность работой. Во-вторых, упорное нежелание признать, что с Джуди не все в порядке. «Ладно, — думает он, вынося Джуди из комнаты Тая (она уже подняла руки и обняла его за шею), — хоть со вторым у меня уже полная ясность». В это он верит, хотя по-прежнему думает, что сын его в полной безопасности.

Джуди, поднявшись наверх, не заглянула в их спальню, так что она — оазис порядка и здравомыслия. Должно

[1] «Фокс нетуорк» — общенациональная телекомпания киностудии «XX век — Фокс». Создана в 1986 г. (прежнее название «Фокс бродкастинг компани»). Одна из наиболее динамично развивающихся телекомпаний, аудитория которой постоянно увеличивается!

быть, чувствует это и Джуди. Устало вздыхает, руки падают с шеи мужа. Язык показывается изо рта, но лишь для того, чтобы облизать верхнюю губу. Фред наклоняется и укладывает ее на кровать. Она поднимает руки, смотрит на них:

— Я... порезалась... поцарапалась...

— Да, — отвечает он. — Сейчас что-нибудь сделаем.

— Как?..

Он садится рядом. Ее голова утопает в мягких подушках, веки закрываются. Он думает, что по-прежнему видит в глазах Джуди ужасающую пустоту. И надеется, что ошибается.

— Ты что-нибудь помнишь? — мягко спрашивает он.

— Нет... я упала?

Фред отвечает, что нет. Вновь начинает думать. Пусть с трудом, но начинает:

— Сладенькая, что такое горг? Что такое аббала? Это человек?

— Не... знаю... Тай...

— У Тая все хорошо.

— Нет...

— Да, — настаивает он. Возможно, настаивает за двух людей, находящихся в этой со вкусом обставленной спальне. — Сладенькая, ты полежи. Мне надо кое-что сделать.

Ее глаза закрываются. Он думает, что она сейчас заснет, но Джуди пытается разлепить веки.

— Полежи, — говорит он. — Не вставай и не ходи по дому. Ты уже находилась. До смерти перепугала Энид Первис. Ты обещаешь?

— Обещаю... — Веки падают.

Фред идет в примыкающую к спальне ванную, прислушиваясь к движениям за спиной. Вроде бы у Джуди не осталось сил, чтобы шевельнуть пальцем, но сумасшедшие такие хитрые. Если Фред все еще может убедить себя, что с Тайлером ничего не случилось, то насчет психического состояния Джуди он больше не обманывается. Может, она и не совсем обезумела, но крыша у нее точно поехала. «Поехала временно», — поправляет он себя, открывая аптечку.

Достает пузырек «меркурохрома», потом просматривает лекарства, продающиеся по рецептам, которые лежат на верхней полочке. Их не так уж много. Берет крайнюю слева коробочку. «Соната», куплено в «Аптеке Френч-Лэндинга», одна капсула перед сном, не больше четырех вечеров подряд, выписано Патриком Джи Скардой, доктором медицины.

В зеркале аптечки Фред не видит всю кровать, только изножье... и одну ступню Джуди. Она по-прежнему на кровати. Хорошо, хорошо. Он выдавливает из облатки капсулу «Сонаты», вытряхивает из стакана зубные щетки: не может он идти вниз за чистым стаканом, не может так надолго оставить ее одну.

Наполняет стакан водой, возвращается в спальню со стаканом, капсулой «Сонаты», пузырьком «меркурохрома». Глаза Джуди закрыты. Дышит она так тихо, что он кладет ей руку на грудь, чтобы убедиться, что она вообще дышит.

Он смотрит на капсулу снотворного, колеблется, потом все-таки трясет ее за плечо:

— Джуди! Джуди! Чуть-чуть проснись, сладенькая. Прими лекарство и спи дальше, идет?

Даже не реагирует, даже ничего не бормочет в ответ, так что Фред кладет капсулу «Сонаты» на столик у кровати. Необходимости в снотворном нет. У него даже появляется надежда на лучшее. Очень уж быстро и глубоко она заснула. Словно прорвался какой-то нарыв, излился гной, оставив ее слабой и обессиленной. Возможно, проснувшись, она будет чувствовать себя не в пример лучше. Стоит ли на это рассчитывать? Фред не знает, но уверен, что она не просто провалилась в сон. Все беды Джуди начались с бессонницы, которая стала хронической. Хотя тревожные симптомы стали проявляться у нее только в последние два месяца: разговоры с собой, эти странные и неприятные облизывания не только верхней губы, но и губного желобка, она жаловалась на расстройство сна с января. Отсюда и «Соната». И вот она, наконец, выру-

билась. Поэтому можно предположить, что, выспавшись, она вновь станет нормальной. А может, тревоги за сына в это лето Рыбака спровоцировали кризис? Может — да, может — нет... во всяком случае, у Фреда есть время подумать, как быть дальше, и его надо использовать с толком. Одно у него не вызывает сомнений: если Тай будет здесь, когда его мать проснется, Тай увидит куда более счастливую мать. Следовательно, необходимо как можно быстрее найти Тая.

Первая мысль — позвонить его приятелям. Это не сложно, их телефоны четким почерком Джуди написаны на листке, приклеенном к холодильнику, вместе с телефонами пожарной команды, полицейского участка (тут же и домашний номер Дейла Гилбертсона, он — друг семьи) и службы спасения Френч-Лэндинга. Но Фред тут же понимает, что эта идея — не из лучших. Мать Эбби мертва, а отец — отвратительный тип, Фред встречался с ним лишь однажды, но ему этого хватило. Фред не сторонник, как его жена, считать другого никчемностью («Кем ты считаешь себя? — как-то спросил он ее. — Королевой?»), но в части Пита Уэкслера она попала в точку. Он наверняка не знает, где сегодня мальчики, да и ему все равно.

Миссис Мецгер и Эллен Ренникер могут знать, но он сам был мальчишкой на летних каникулах: весь мир перед тобой, и можно пойти в две тысячи мест... Фред сомневается, что получит полезную информацию. Есть шанс, что мальчики заглянули на ленч (сейчас самое время) к Мецгерам или Ренникерам, но вероятность слишком мала, чтобы из-за этого пугать обеих женщин. Потому что они сразу подумают об убийце, в этом нет никаких сомнений, как и в том, что Бог создал маленьких рыбок... и рыбаков, чтобы ловить их.

Вновь присев рядом с женой, Фред испытывает первый укол тревоги за сына, но разом отметает его. Сейчас не время впадать в панику. Он должен помнить, что психическое нездоровье жены и безопасность сына нигде, за исключением ее больного воображения, не реальны. Его

задача — всеми силами доказывать, что ее страхи беспочвенны.

Фред смотрит на часы, которые стоят на тумбочке с его стороны кровати. Четверть двенадцатого. «Как летит время, когда дел невпроворот», — думает он. Рядом Джуди то ли всхлипывает, то ли стонет во сне. Звук тихий, короткий, очень женственный, но Фред все равно подскакивает. Как она напугала его, когда он увидел ее в комнате Тая! Он до сих пор испуган.

Тай и его друзья могут куда-нибудь заехать на ленч. Джуди говорит, что они часто заезжают, потому что у Мецгеров особой еды нет, а миссис Ренникер обычно угощает их загадочным блюдом из макарон и какого-то серого мяса. Джуди дает им суп «Кэмпбелл»[1] и сандвичи с копченой колбасой, которые они любят. Но у Тая достаточно денег, чтобы накормить их всех в «Макдоналдсе» в маленьком торговом центре на северной окраине Френч-Лэндинга или в ресторане «Соннис Круизинг», где дешевые комплексные обеды. Тай никогда не отказывается угощать друзей. Он — щедрый мальчик.

— Я подожду до ленча, — бормочет он, не осознавая, что думает вслух. Впрочем, Джуди на его слова не реагирует. Сон слишком глубокий. — А потом...

Что потом? Он не знает.

Идет вниз, включает «Мистера Кофе», звонит на работу. Просит Ину передать Теду Гольцу, что пробудет дома остаток дня — Джуди заболела. Грипп, говорит он Ине. Ее рвет и все такое. Он перечисляет тех, кто должен прийти к нему сегодня, и просит Ину переадресовать их Отто Эйсману. Отто будет рад такому наплыву клиентов.

Пока он говорит с Иной, в голову приходит идея, которую он и осуществляет, закончив разговор. Предлог для звонка Мецгерам и Ренникерам найден. Но у Мецгеров ему отвечает автоответчик, и он кладет трубку, не оста-

---

[1] «Кэмпбелл» — компания по производству пищевых продуктов, одна из крупнейших в США.

вив сообщения. Зато голос Эллен Ренникер слышит после второго гудка. Беззаботно и непринужденно, все-таки он классный продавец, Фред просит ее попросить Тая, если мальчики приедут на ленч, позвонить домой. Он хочет кое-что сказать сыну. По голосу определенно чувствуется, что сообщение хорошее. Эллен обещает, но добавляет, что Ти-Джи уехал с четырьмя или пятью долларами, которые просто жгли ему карман, и она сомневается, что увидит его до ужина.

Фред поднимается наверх, заглядывает в спальню. Джуди лежит, как он ее и оставил, и Фред полагает сие добрым знаком.

Нет, ничего доброго или хорошего в этом нет.

Казалось бы, ему можно успокоиться, вроде бы ситуация стабилизировалась, но страх только усиливается. Он, конечно, твердит себе, что Тай с друзьями, но толку от этого больше нет. Залитый солнцем, молчаливый дом давит на него. Куда могли поехать мальчики? Есть хотя бы одно место...

Разумеется, есть. Где они могут купить карты «Магия». Этой глупой, непонятной игры, которая им так нравится.

Фред спускается вниз, хватает телефонный справочник, находит нужный номер, звонит в магазин «С семи до одиннадцати». Как и большинство жителей Френч-Лэндинга, Фред бывает там четыре или пять раз в неделю, покупает какую-нибудь мелочь, газировку, апельсиновый сок. Он сразу узнает индийский акцент продавца. Тут же вспоминает его имя и фамилию: Раджан Патель. Классный продавец должен держать в голове тысячи имен. Это очень помогает в жизни. Когда Фред обращается к индусу: «Мистер Патель», — тот сразу же проникается к собеседнику самыми теплыми чувствами, всячески старается помочь. К сожалению, возможности у него невелики. Множество мальчиков побывало в магазине. Они покупали карты «Магия», «покемонов», открытки с фотографиями бейсболистов. Некоторые обменивались этими открытками на улице. Он вспоминает, что трое мальчиков приехали на

велосипедах. Купили мороженое и карты «Магия», потом, выйдя из магазина, о чем-то начали спорить (о ругательстве Раджан Патель не упоминает, хотя иначе он бы эту троицу и не запомнил). А потом они уехали.

Фред пьет кофе, хотя не помнит, когда он его себе наливал. Щупальца страха все глубже проникают в его рассудок. Трое мальчиков. Трое.

«Это ничего не значит, ты ведь знаешь, не так ли?» — говорит он себе. Он, безусловно, знает и одновременно не знает. Он не может поверить, что безумие Джуди передалось ему, как простуда. Но дело в том... ну... он просто не может избавиться от тревоги.

Он просит Пателя описать мальчиков, и не удивляется, когда тот не может. Он припоминает, что один был толстым, но уверенности нет. «Извините, их приходит так много», — говорит он. Фред отвечает, что понимает. Он действительно понимает, но одно только понимание не может его успокоить.

Трое мальчиков. Не четверо — трое.

Время ленча, но Фред не голоден. Пугающее молчание сгущается. Щупальца страха сжимаются все сильнее.

Не четверо — трое.

Если Патель видел приятелей Тая, то толстяк, конечно же, Эбби Уэкслер. Вопрос в том, кто остальные двое? Кто по глупости уехал один?

Тай ушел. Горг зачаровал его, и аббала взял к себе.

Бред какой-то, несомненно... однако по коже Фреда бегут мурашки. Он со стуком ставит на стол кофейную чашку. Надо убрать разбитое стекло, вот что он должен сделать. Это его следующий шаг, тут двух мнений быть не может.

Актуальный следующий шаг, логичный следующий шаг, внутренний голос нашептывает ему, когда он поднимается по лестнице, но он с ходу отвергает эту мысль. Он уверен, что у копов раскалился телефон от звонков бьющихся в истерике родителей, у которых ребенок отлучился хоть на час. Когда он в последний раз видел Дейла

Гилбертсона, на том просто лица не было, и он не хочет добавлять ему проблем, вместо того чтобы помогать найти решение. Однако...

Не четверо — трое.

Он берет совок и щетку в чулане, примыкающем к комнате-прачечной, и начитает сметать осколки стекла. Покончив с этим, заглядывает к Джуди (похоже, ее сон стал только глубже) и идет в комнату Тая. Тай наверняка очень расстроился бы, увидев, во что превратилась его комната. Он бы подумал, что его мать совсем свихнулась.

«Волноваться об этом тебе не нужно, — шепчет внутренний голос. — Он свою комнату не увидит, ни сегодня вечером, ни вообще. Горг зачаровал его, и аббала взял к себе».

— Хватит, — говорит себе Фред. — Перестань трястись как осиновый лист.

Но дом слишком пустой, слишком молчаливый, и Фред Маршалл напуган.

На приведение комнаты Тайлера в порядок уходит больше времени, чем предполагал Фред. Его жена пронеслась по ней как ураган. И откуда в такой маленькой женщине взялось столько силы? Или это сила безумства? Возможно, но Джуди не нуждается в силе безумства. Если она принимает решение, остановить ее просто невозможно.

Уборка занимает практически два часа, и единственным свидетельством разгрома, учиненного Джуди, остается прямоугольник содранных обоев на том месте, где висел постер с замком. Сидя на застланной кровати Тая, Фред чувствует, что его взгляд так и притягивается к этому месту, белому пятну гипсокартона, напоминающему торчащую сломанную кость. Он смыл следы крови, но что можно сделать с царапинами, оставленными ее ногтями?

«Я знаю что, — думает он. — Знаю, что можно сделать».

Комод Тая красного дерева, завещан Джуди кем-то из ее родственников. Передвигать его — работа не для одного

человека, но Фред, учитывая обстоятельства, об этом не думает. Он подсовывает под комод коврик, чтобы не царапать пол, потом тащит через комнату. Поставленный у дальней стены, комод практически полностью закрывает содранный прямоугольник обоев. Без белого пятна Фред чувствует себя лучше. Тай не пришел на ленч, но Фред его и не ждал. Он появится самое позднее к четырем. Пообедает дома. Другого не может быть.

Фред идет в большую спальню, массируя поясницу. Джуди лежит в той же позе, и он вновь озабоченно прикладывает руку к ее груди. Дыхание медленное, но ровное. Это хорошо. Он ложится рядом, поднимает руку, чтобы ослабить галстук, смеется, нащупав расстегнутый воротник. Пиджак и галстук остались в «Гольце». Да, день выдался просто безумный. И какое-то время приятно побыть в обеспеченной системой кондиционирования прохладе, массируя натруженную спину. Передвигать массивный комод — работа не из легких, но он рад, что взялся за нее. Конечно, уснуть не сможет, тревоги не дадут. И вообще, нет у него привычки спать днем.

С такими мыслями Фред и засыпает.

Рядом с ним, во сне, Джуди начинает бормотать. Горг... аббала... Алый Король. И женское имя.

Имя это — Софи.

Глава 6

В дежурной части полицейского участка Френч-Лэндинга звонит телефон. Бобби берет трубку:

— Слушаю, полицейский участок. Дежурный Дюлак. Чем я могу вам помочь?

— Привет, Бобби. Это Дэнни Щеда.

Бобби разом становится не по себе. Дэнни Щеда — его фамилию часто произносят как Чита — один из четырнадцати штатных РП. Сейчас его смена, а потому заведенный порядок требует, чтобы он связывался с участком по радио. В конце концов, РП — радиофицированный

патрульный. Единственное исключение из правила — Рыбак. Дейл разрешил патрульным звонить по телефону, если они думают, что передаваемая информация связана с маньяком-убийцей. Слишком много людей слушают полицейскую волну, в том числе и Уэнделл «Сучье Вымя» Грин.

— Дэнни, что случилось?

— Может, и ничего, а может, что-то нехорошее. В багажнике моего автомобиля велосипед и кроссовка. Я нашел их на Куин-стрит. Около «Центра Макстона по уходу за престарелыми».

Бобби подвигает блокнот, начинает записывать. Охватившее его предчувствие беды нарастает.

— Велосипед в полном порядке, — продолжает Дэнни. — Стоял на подставке. Но в сочетании с кроссовкой...

— Да, да, я тебя понимаю, Дэнни, но не следует прикасаться к уликам, свидетельствующим о совершении преступления.

«Пожалуйста, Господи, не допусти, чтобы эти улики свидетельствовали о преступлении, — думает Бобби Дюлак. — Пожалуйста, Господи, не допусти гибели еще одного ребенка».

Мать Ирмы Френо только что приходила к Дейлу. Криков и истерик не было, но вышла она из кабинета начальника полиции вся в слезах, бледная как смерть. Они еще не могут утверждать, что маленькая девочка стала третьей жертвой Рыбака, но...

— Бобби, мне пришлось, — говорит Дэнни. — В машине я один, говорить об этом по рации не хотел, поэтому должен был найти телефон. Если бы я оставил велосипед на тротуаре, к нему прикоснулся бы кто-то еще. Украл. Велосипед хороший, трехскоростной «Швинн». Лучше, чем у моего сына, скажу я тебе.

— Где ты сейчас?

— У магазина «С семи до одиннадцати», на холме на 35-м. Местоположение велосипеда и кроссовки я от-

метил мелом. Работал в перчатках, кроссовку положил в мешочек для вещественных доказательств. — Голос Дэнни звучит все тревожнее. Бобби понимает, что тот сейчас чувствует, знает, как тяжело дался Дэнни этот выбор. Выезжать на смену в одиночку — удовольствие маленькое, но большего числа полицейских (с полным рабочим днем и занятых частично) бюджет Френч-Лэндинга не позволяет. Если, конечно, ситуация с Рыбаком не выйдет из-под контроля. В этом случае отцы города, безусловно, найдут возможность перераспределить бюджетные средства.

«Может, она уже вышла из-под контроля», — думает Бобби.

— Ладно, Дэнни. Я тебя понимаю.

«Поймет его Дейл или нет — это совсем другая история», — думает он.

Дэнни понижает голос:

— Никого не будет волновать, что я нарушил некоторые правила, не так ли? Я хочу сказать, если мы поймаем подозреваемого. И дело пойдет в суд.

— Я думаю, это решать Дейлу. — И тут же Бобби осеняет: все звонки по этому телефонному аппарату автоматически записываются. Бобби тут же решает, что звукозаписывающая аппаратура вышла из строя и в два часа дня не работала.

— И знаешь, что я тебе еще скажу? — говорит Дэнни. — Самое главное? Я не хотел, чтобы люди это видели. Увидев велосипед, который стоит сам по себе, не надо быть гребаным Шерлоком Холмсом, чтобы прийти к конкретному выводу. А люди слишком близко подошли к панической черте, особенно после этой чертовой безответственной статьи в утренней газете. Поэтому я и не хотел звонить из «Макстона».

— Я сейчас переключу тебя на Дейла. Тебе лучше поговорить с ним.

— Все равно деваться некуда, — грустно ответствует Дэнни.

В кабинете Дейла Гилбертсона на доске объявлений увеличенные фотографии Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэма. Он боится, что скоро к ним добавится третья — Ирмы Френо. Под двумя фотографиями за столом сидит сам Дейл и курит «Мальборо 100». Работает вентилятор. Дейл надеется, что он разгонит дым. Сара убьет его, если узнает, что он вновь начал курить, но, святой Боже, должен же он как-то снимать стресс.

Разговор с Тэнзи Френо вышел коротким и непродуктивным. Тэнзи — алкоголичка, завсегдатай бара «Сэнд», во время разговора от нее сильно пахло кофейным бренди, запах, похоже, шел не только изо рта, но и изо всех пор (еще один повод для того, чтобы включить вентилятор). От выпитого она едва держалась на ногах, но Дейл нисколько не возражал. Потому что спиртное ее успокоило. В ее мертвых глазах не мелькало ни искорки, кофейный бренди погасил все до последней, но она была спокойна. До такой степени, что перед уходом сказала: «Спасибо за помощь, сэр».

Бывший муж Тэнзи, отец Ирмы, живет у восточной границы штата, в Грин-Бэй («Грин-Бэй — дьявольский город», — говаривал отец Дейла, одному Богу известно почему), работает в гараже и, по словам Тэнзи, частенько бывает в барах вроде «Пробежка по краю» и «Пятидесятиярдная линия». До утра оставалась надежда, что Ричард «Увалень» Френо похитил дочь. Но электронное письмо из полицейского участка Грин-Бэй ее развеяло. Увалень Френо живет с женщиной, у которой двое своих детей, а в день исчезновения Ирмы вообще сидел в тюрьме, куда угодил за драку в баре. Тела еще не нашли, Тэнзи не получила письма от Рыбака, но...

Дверь открывается. Всовывается голова Бобби Дюлака. Дейл тушит сигарету о внутреннюю поверхность корзины для мусора, обжигаясь при этом искрами.

— Господи, Бобби, ты не знаешь, что надо стучаться?

— Извините, чиф. — Бобби смотрит на струйку дыма, поднимающуюся из корзины для мусора, без удивления

или интереса. — Звонит Дэнни Щеда. Я думаю, вам лучше поговорить с ним.

— О чем? — Но он знает. По телефону коп может звонить только по одной причине.

Бобби повторяет, не без сочувствия:

— Я думаю, вам лучше поговорить с ним.

Автомобиль, посланный Ребеккой Вайлес, привозит Генри в «Центр Макстона по уходу за престарелыми» в половине четвертого, за пятьдесят минут до начала танцев, венчающих Клубничный фестиваль. Идея в том, чтобы старички нагуляли аппетит на танцплощадке, а потом направились в украшенную в честь праздника столовую на поздний (половина восьмого по меркам «Макстона» — поздновато) обед. С вином для тех, кто его пьет.

Недовольного Пита Уэкслера Ребекка Вайлес отослала на переноску дерьма диджея (слепого загружальщика пластинок). Упомянутое дерьмо состоит из двух динамиков (очень больших), одного проигрывателя (легкого, но неудобного в переноске), одного усилителя (очень тяжелого), проводов (они все перепутаны, но это проблема слепого загружальщика пластинок) и четырех коробок с пластинками, которые вышли из моды сто лет тому назад. Пит предполагает, что слепой загружальщик пластинок за всю жизнь и не слышал про си-ди.

Последний предмет — мешок с вешалкой, на которой висит костюм. Пит заглянул в мешок и знает, что костюм белый.

— Повесьте его туда, пожалуйста, — говорит Генри, с удивительной точностью указывая на кладовую, которая выделена под его гардеробную.

— Хорошо, — отвечает Пит. — А что в мешке, уж извините, что спрашиваю.

Генри улыбается. По шуршанию пластика и скрипу молнии он точно знает, что Пит уже заглядывал в мешок.

— В этом мешке, друг мой, Симфонический Стэн, знаток больших оркестров, который ждет, чтобы я вытащил его оттуда и оживил.

— Ага. — Пит не знает, ответили ему или нет. Уверен он лишь в том, что пластинки такие же тяжелые, как усилитель. Кто-то должен поставить в известность слепого загружальщика пластинок, что появились си-ди, которые и вытеснили из жизни винил.

— Вы задали мне вопрос, позвольте и мне задать вам.

— Будьте любезны, — отвечает Пит.

— Похоже, во второй половине дня в «Центре Макстона по уходу за престарелыми» побывала полиция, — говорит слепой загружальщик пластинок. — Сейчас они уже отбыли, но еще были здесь, когда я приехал. Что случилось? Я надеюсь, никого из стариков не ограбили и не убили?

Пит останавливается под большой картонной клубничиной, держа в руках мешок с костюмом, и в изумлении таращится на слепого загружальщика пластинок:

— Как вы узнали, что тут побывали копы?

Генри касается пальцем носа, чуть наклоняет голову, отвечает хриплым, заговорщическим шепотом:

— Я унюхал что-то синее.

На лице Пита недоумение, он думает, задавать или нет новые вопросы, решает, что не стоит. Идет к кладовой, которая послужит Генри комнатой для переодевания.

— Они держались очень скрытно, но, думаю, искали еще одного пропавшего ребенка.

От любопытства на лице Генри не остается и следа.

— Господи, — выдыхает он.

— Они приехали и уехали очень быстро. Здесь никаких детей нет, мистер... Лайден?

— Лайден, — подтверждает Генри.

— Ребенок в таком месте выделялся бы, как роза среди пырея, если вы понимаете, о чем я.

Генри не считает, что между стариками и пыреем есть какая-то аналогия, но, конечно же, понимает мысль мистера Уэкслера.

— А с чего они решили?..

— Кто-то что-то нашел на тротуаре, — отвечает Пит. Указывает в окно, потом до него доходит, что слепой не видит его жеста. Опускает руку. — Если ребенка и похитили, кто-то, должно быть, подъехал на автомобиле и похитил его. Здесь похитителей нет, это я вам ответственно заявляю. — Пит смеется, представив себе, как какой-нибудь макстонский старикашка похищает ребенка, достаточно большого для того, чтобы в одиночку разъезжать по городу на велосипеде. Да скорее такой ребеночек переломит старикашку о колено, как сухую палку.

— Да, — соглашается Генри, — это маловероятно, не так ли?

— Но я полагаю, копы должны расставить все точки над t и перечеркнуть все i. — Он выдерживает паузу. — Это моя шутка.

Генри вежливо улыбается, думая, что для некоторых людей болезнь Альцгеймера — значительный шаг вперед.

— Когда вы будете вешать мешок, вас не затруднит встряхнуть его, мистер Уэкслер? Для того, чтобы разгладить появившиеся складки.

— Хорошо. Вы хотите, чтобы я достал костюм из мешка?

— Благодарю, в этом нет необходимости.

Пит идет в кладовую, вешает мешок, чуть встряхивает, хотя и не понимает, как можно таким способом разгладить появившиеся складки.

Когда он возвращается в актовый зал, слепой загружальщик пластинок... мистер Лайден, Симфонический Стэн, как ни назови... уже разматывает провода и с удивительной точностью и быстротой, Питу даже становится как-то не по себе, втыкает штекеры в соответствующие гнезда.

Бедному Фреду Маршаллу снится жуткий кошмар. Осознание, что это сон, вроде бы должно снять страх, но не снимает. Он в лодке с веслами вместе с Джуди, на озере. Джуди сидит на носу. Они ловят рыбу. Во всяком случае, он ловит; Джуди просто держит удилище. Лицо ее бесстрастно. Кожа восковая. В глазах застыла боль. Он пытается разговорить ее, заходит то с одной, то с другой стороны. Бесполезно. Она, к месту будет сказано, не клюет ни на какие приманки. Он видит, что ее пустые глаза не отрываются от плетеной рыбацкой корзины, которая стоит между ними на дне лодки. Сквозь плетеные стенки сочится и сочится кровь.

«Ничего страшного, это же рыбья кровь», — пытается успокоить он ее, но она не отвечает. Да и у Фреда нет уверенности, что кровь — рыбья. Он думает о том, что должен откинуть крышку, заглянуть в корзину, чтобы убедиться, что в ней рыба, но тут удилище дергается с огромной силой. Если бы не его быстрая реакция, оно бы точно вырвалось из рук. Он подцепил крупную рыбину!

Фред накручивает леску на катушку, рыба на другом конце лески борется за каждый фут. Наконец подтащив ее к лодке, вспоминает, что у него нет сачка. «И черт с ним, — думает он. — Обойдемся». Тянет удилище назад и вверх, рискуя порвать леску, и рыба, здоровенная форель, выскакивает из воды и, поблескивая чешуей, летит по широкой дуге. Приземляется на дне лодки рядом с плетеной корзиной и начинает биться. Одновременно хрипя от удушья. Фред никогда не слышал, чтобы рыбы так хрипели. Он наклоняется ниже и в ужасе видит, что у форели лицо Тая. Его сын каким-то образом обратился в форель и теперь умирает на дне лодки. Задыхается.

Фред хватает его, чтобы вытащить крючок и бросить в воду, пока еще есть время, но хрипящая рыбина выскальзывает из пальцев, оставляя на них слизь и чешуйки. Да и крючок вытащить проблематично. Тай-рыба заглотну-

ла его целиком, и острие торчит из жабр, там, где человеческое лицо переходит в рыбье туловище. Хрипы Тая становятся громче, отчаяннее, ужаснее...

Фред с криком просыпается, садится, чувствуя, что хрипы вырываются из его собственного горла. На мгновение не может понять, где находится, мы можем сказать, соскальзывает в иррациональное, потом осознает, что он в собственной спальне, сидит на своей половине кровати, которую делит с Джуди.

Он замечает, что свет померк, потому что солнце ушло на другую сторону дома. «Боже мой, — думает он, — сколько же я спал? Как я мог...»

О, это еще не все. Отвратительные хрипы задыхающегося человека по-прежнему слышны. Они даже громче. Они могут разбудить Джуди, испугать ее...

Но Джуди на кровати нет.

— Джуд? Джуди?

Она сидит в углу. Глаза огромные и пустые, как и во сне. Изо рта торчит комок смятой бумаги. Шея неестественно раздута, напоминает Фреду сосиску, брошенную в кипяток и вот-вот готовую разорвать оболочку.

«В горле тоже бумага, — думает он. — Господи, она сейчас задохнется».

Фред перекатывается по кровати, скатывается с нее, приземляясь на руки и колени. Тянется к Джуди. Она не пытается отпрянуть. Спасибо и на этом. И хотя задыхается, глаза остаются пустыми. В них абсолютно ничего нет. Черная дыра.

Фред вытаскивает бумажный комок из ее рта. За ним — второй. Фред сует пальцы между ее зубами, ухватывается за него двумя пальцами правой руки (думая: «Пожалуйста, Джуди, не кусай меня, пожалуйста, не кусай»), вытаскивает. Дальше — третий, в самой глубине рта. Ему удается ухватиться за него и вытащить. Он видит слова «ЕЩЕ ИДЕЯ» и понимает, что Джуди набила рот и горло

страницами блокнота, который Тай подарил ей на день рождения.

Она по-прежнему хрипит. Кожа сереет.

Фред хватает ее за предплечья, рывком поднимает. Она не сопротивляется, но, как только он ослабляет хватку, ее колени подгибаются и Джуди соскальзывает на пол. Она превратилась в тряпичную куклу. Хрипы продолжаются. Сосиска-шея...

— Помоги мне, Джуди! Помоги мне, сука!

Он не отдает себе отчета в том, что говорит. Рывком поднимает Джуди, совсем как удилище во сне, и переворачивает головой вниз. Прижимает к себе, руки под грудью, промежность упирается в зад, очень сексуальная поза, если б жена не погибала от удушья.

Он упирается большим пальцем, отставленным, как у человека, пытающегося остановить попутку, между грудями Джуди, давит и отпускает, давит и отпускает. Еще два бумажных комка вываливаются изо рта, за ними — струйка блевотины, в основном желчь, потому что за последние двенадцать часов Джуди выпила три чашки кофе и съела один пончик с клюквой.

Она хрипит, кашляет, потом начинает дышать более или менее ровно.

Он опускает ее на кровать... бросает на кровать. Поясница болит, что неудивительно: сначала комод Тая, теперь вот это.

— Что это ты надумала? — кричит он. — Скажи, ради бога, что это ты надумала?

Понимает, что занес руку над лицом Джуди, чтобы ударить ее. Какая-то его часть очень хочет ударить ее. Он ее любит, но в этот момент и ненавидит. Каких только бед он не напредставлял себе за время их совместной жизни: у Джуди обнаружен рак, Джуди парализовало в результате автоаварии, Джуди завела любовника и потребовала развода, но ему и в голову не приходило, что Джуди может сойти с ума.

— Что это ты надумала?

Она смотрит на него без страха... вообще без всякого выражения. Ее глаза мертвы. Фред опускает руку, думая: «Я бы отрубил себе руку до того, как ударил бы тебя. Я могу злиться на тебя, злюсь на тебя, но отрубил бы себе руку до того, как ударил».

Джуди перекатывается на живот, утыкается лицом в покрывало, волосы рассыпаются вокруг головы, как нимб.

— Джуди?

Нет ответа. Она просто лежит.

Фред смотрит на нее, затем распрямляет один из смятых листков, которыми она пыталась задушить себя. На нем много слов. Горг, аббала, илили, маншан, баз, лам, опопанакс — эти ему ничего не говорят. Другие: «ишак», подтиральщик, черный, красный, Чикаго и Тай — обычные слова, но они никак и ничем не связаны. Вдоль одного края листка печатными буквами: «ЕСЛИ ВЫ ЗАСУНУЛИ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА В БАНКУ, КАК ВЫ СМОЖЕТЕ ВЫТАЩИТЬ ЕГО ОТТУДА?» Вдоль другого, как в телеграмме без знаков препинания: «ЧЕРНЫЙ ДОМ АЛЫЙ КОРОЛЬ ЧЕРНЫЙ ДОМ АЛЫЙ КОРОЛЬ ЧЕРНЫЙ».

«Если ты тратишь время, разглядывая эту белиберду, ты такой же псих, как и она, — думает Фред. — Ты не можешь тратить времени...»

Он смотрит на часы, которые стоят на тумбочке с его стороны кровати, и не может поверить своим глазам: семнадцать минут пятого. Смотрит на наручные часы и видит, что так и есть.

Понимая, что это глупо, сознавая, что даже во сне услышал бы, как сын заходит в дом, Фред в два прыжка подскакивает к двери.

— Тай! — кричит он. — Эй, Тай! ТАЙЛЕР!

Напрасно ожидая ответа, Фред понимает, что его жизнь кардинальным образом переменилась, и, возможно, навсегда. Люди говорят, что такое может случиться в мгновение ока, до того, как ты начинаешь что-нибудь соображать, говорят, но ты им не веришь. А потом убеждаешься на собственной шкуре, что это правда.

Пойти в комнату Тая? Проверить?

Тая там нет, Фред это знает, но все равно идет. Комната пуста, как он и ожидал. И с передвинутым комодом выглядит какой-то не такой, более зловещей, что ли.

«Джуди. Ты оставил ее одну, идиот. Она вновь может набить рот бумагой. Они же хитрые, сумасшедшие, такие хитрые...»

Фред бросается в спальню и с облегчением обнаруживает, что Джуди лежит, как он ее и оставил, лицом вниз, с разметавшимися волосами. Он открывает для себя, что тревога, связанная с безумием жены, ничто в сравнении с опасениями за жизнь пропавшего сына.

«Он вернется домой к четырем, самое позднее». Так он думал. Не вернулся. Фред подходит к кровати, садится в изножье у жены. Снимает трубку, набирает номер. Короткий номер, всего три цифры.

— Слушаю, полицейский участок. Дежурный Дюлак. Вы позвонили по номеру экстренной помощи[1], что у вас стряслось?

— Дежурный Дюлак, это Фред Маршалл. Я бы хотел поговорить с Дейлом, если он на месте. — Фред уверен, что Дейл на месте. Он работает допоздна после того, как...

Продолжение он отталкивает от себя, но в голове все сильнее ревет ветер.

— Да, мистер Маршалл, он здесь, но у него совещание, и я не думаю, что смогу...

— Соедините меня с ним.

— Мистер Маршалл, вы меня не слышите. У него два парня из Висконсинского полицейского управления и один из ФБР. Если вы скажете мне...

Фред зажмуривается. Это любопытно, не так ли? Очень даже любопытно. Он звонит по телефону 911, а идиот на другом конце провода, похоже, об этом забыл. Почему? Да

---

[1] 911 — номер службы экстренной помощи, по которому можно вызвать полицию, пожарных, «Скорую помощь». В маленьких городках это один из телефонов полицейского участка.

потому, что говорит с человеком, которого знает. Со стариной Фредом Маршаллом, у которого год тому покупал мини-трактор «Дир». Должно быть, думает, что Маршалл звонит по номеру 911, чтобы не искать номер полицейского участка. Поскольку Бобби просто не может знать, что нужна экстренная помощь.

Фред вспоминает, что еще этим утром вел себя точно так же... был другим Фредом Маршаллом, абсолютно уверенным в том, что Рыбак не сможет добраться до его сына. Нигде и никогда.

Тай ушел. Горг зачаровал его, и аббала взял к себе.

— Эй? Мистер Маршалл? Вы еще...

— Слушай сюда, — говорит Фред, не открывая глаз. Из «Гольца» он бы разговаривал с Бобби иначе, но «Гольц» очень уж далеко. «Гольц» — в звездной системе Опопанакс, на планете Аббала. — Слушай меня внимательно. Запиши, если в этом есть необходимость. Моя жена сошла с ума, а мой сын пропал. Ты понял? Жена обезумела. Сын пропал. А теперь соедини меня с чифом.

Но Бобби Дюлак не соединяет, во всяком случае не сразу. Он переваривает информацию. Более дипломатичный полицейский (скажем, Джек Сойер в свои лучшие дни) оставил бы свои догадки при себе, но Бобби не может. Он должен поделиться своей догадкой.

— Мистер Маршалл? У вашего сына велосипед «Швинн», не так ли? Красный, с тремя передачами? На пластине под номерной знак наклейка... «БИГ-МАК»?

Фред не может ответить. Несколько секунд он не может даже дышать. В голове гудит ветер. Он уже набрал силу урагана.

Горг зачаровал его... аббала взял к себе.

Наконец, когда Фред уже чувствует, что сейчас задохнется, дыхательные пути освобождаются, он набирает полную грудь воздуха и орет благим матом: «СОЕДИНИ МЕНЯ С ЧИФОМ ГИЛБЕРТСОНОМ! НЕМЕДЛЕННО, НЕГОДЯЙ!»

И пусть от его крика дрожат стены, женщина, лежащая на покрывале рядом с ним, не шевелится. В трубке раздается щелчок, потом пауза, достаточно короткая, но он успевает увидеть перед собой и белый прямоугольник на стене в комнате сына, и раздувшуюся шею своей безумной жены, и кровь, сочащуюся из плетеной рыбацкой корзины, которая ему приснилась. Поясницу пронзает острая боль, но Фред ей даже рад. Телеграмма из реального мира.

Потом в трубке слышится голос Дейла, Дейл спрашивает, что случилось, и Фред Маршалл начинает плакать.

Глава 7

Господь, возможно, знает, где Генри Лайден нашел этот удивительный костюм, но мы, конечно же, нет. В магазине маскарадных костюмов? Нет, для маскарадной одежды он слишком элегантен, вещь эта настоящая — не имитация. Широкие лацканы спускаются на дюйм ниже талии, раздвоенные фалды достигают лодыжек, брюки широкие, со складками на поясе, высокие, чуть ли не до солнечного сплетения, уходящие под белоснежную жилетку. На ногах Генри белые, на пуговицах, короткие гетры, служащие украшением и естественным продолжением белых кожаных туфель. На шее — жесткий, высокий воротник, острые кончики которого торчат из-под широкого, белого атласного галстука-бабочки, идеально завязанного. В «зуте», безусловно, есть что-то от парадного наряда дипломата, но вульгарность перевешивает чопорность, так что фрачные фалды и жилетка просто придают костюму особый шик, каким славились афроамериканские музыканты и другие представители шоу-бизнеса.

Сопровождает Генри в актовый зал и мрачный Пит Уэкслер, толкая перед собой тележку, нагруженную коробками с пластинками, Ребекка Вайлес смутно вспоминает, что в каком-то отрывке из старого фильма видела

в таком костюме Дюка Эллингтона... или Кэба Коллоуэя? Перед ее мысленным взором возникает приподнятая бровь, сверкающая улыбка, обаятельное лицо человека, стоящего перед оркестром, но больше ничего (будь мистер Эллингтон или мистер Коллоуэй живы, они бы поведали Ребекке, что костюм Генри, безусловно, сшит одним из четырех портных, которые жили и работали в черных кварталах Нью-Йорка, Вашингтона, округ Колумбия, Филадельфии и Лос-Анджелеса, непревзойденных мастеров 30-х и 40-х годов, увы, уже умерших, как и их знаменитые клиенты. Генри Лайден точно знает, какой именно портной сшил его костюм и как он попал к нему, но при общении с такими людьми, как Ребекка Вайлес, Генри предпочитает озвучивать только ту информацию, которая уже известна). В коридоре, ведущем в актовый зал, белый костюм словно светится изнутри, усиливая черноту больших очков Генри в бамбуковой оправе, украшенной синими сапфирами.

Существует ли специальный магазин, продающий наряды великих музыкантов 30-х? Какой-то музей получил это сокровище и продал на аукционе? Ребекка более не может сдерживать любопытство.

— Мистер Лайден, где вы взяли такой необыкновенный костюм?

У них за спиной Пит Уэкслер вроде бы бормочет себе под нос, но достаточно громко, что за такими костюмами должны гоняться люди, этническая принадлежность которых начинается словом на букву «н».

Генри игнорирует реплику Пита и улыбается:

— Надо знать, где искать, ничего больше.

— Полагаю, вы никогда не слышали о си-ди, — говорит Пит. — Их появление — большой технический прорыв.

— Заткнись и тряси не сильно пластинки, — осаживает его мисс Вайлес. — Мы почти пришли.

— Ребекка, дорогая моя, позвольте мне, — вмешивается Генри. — Мистер Уэкслер имеет полное право выска-

зать такое предположение. В конце концов, он не может знать, что в моей коллекции почти три тысячи компакт-дисков. А если человека, которому первоначально принадлежал этот костюм, называли ниггером, то я бы гордился, если б меня называли так же. Это была бы огромная честь. Я бы хотел, чтобы меня ею удостоили.

Генри останавливается. Ребекка и Пит следуют его примеру, каждый по-своему шокирован использованием запретного слова.

— И мы должны уважать тех, кто помогает нам в выполнении наших обязанностей, — продолжает Генри. — Я попросил мистера Уэкслера встряхнуть мой костюм, и он, по доброте души, выполнил мою просьбу.

— Да, — бурчит Пит. — Плюс к этому повесил ваш прожектор и расставил проигрыватель, динамики и прочее дерьмо по указанным вами местам.

— Премного вам благодарен, мистер Уэкслер. — Генри кланяется. — Я высоко ценю вашу столь необходимую мне помощь.

— Да ладно, — отмахивается Пит. — Я лишь выполняю свою работу, знаете ли. Но если вам что-то потребуется после того, как вы закончите, я помогу.

Пита Уэкслера приручили, не показывая ему ни трусиков, ни задницы. Ребекку это поражает. Слепой Генри или нет, но Ребекка понимает, что за двадцать шесть прожитых ею лет она впервые встречает столь неординарного человека. Бог с ней, с одеждой... откуда вообще берутся такие люди?

— Вы действительно думаете, что сегодня с тротуара за этими окнами пропал мальчик?

— Что? — спрашивает Ребекка.

— Похоже на то, — отвечает Пит.

— Что? — повторяет Ребекка, уже обращаясь к Питу Уэкслеру, не к Генри. — Что ты такое говоришь?

— Он меня спросил, я ему ответил, — пожимает плечами Пит. — Ничего больше.

Сверкая глазами, Ребекка шагает к нему.

— Это случилось на нашем тротуаре? Еще один ребенок, перед нашим зданием? И ты ничего не сказал ни мне, ни мистеру Макстону?

— Нечего было говорить, — защищается Пит.

— Может, вы сможете рассказать нам обоим, что в действительности произошло, — предлагает Генри.

— Конечно. Произошло то, что я вышел на улицу покурить, понимаете? — Уэкслер говорит правду, но не всю. Оказавшись перед выбором, пройти десять ярдов по коридору «Маргаритки» до мужской комнаты и бросить окурок в унитаз или пройти десять ярдов до входной двери и растереть его об асфальт автостоянки, Пит, само собой, остановился на втором варианте. — Я вышел за дверь и все увидел. Патрульная машина стояла у тротуара. Я подошел к зеленой изгороди, и там этот коп, молодой парень, его фамилия, кажется, Чита, загружал велосипед, вроде бы подростковый велосипед, в багажник. И что-то еще, точно я не разглядел, но что-то маленькое. А потом достал из бардачка мелок и сделал на тротуаре отметины.

— Ты с ним говорил? — спрашивает Ребекка. — Ты спросил, что он тут делает?

— Миз Вайлес, я говорю с копами, лишь когда этого не избежать, вы понимаете, о чем я? Чита, он даже меня не видел. И потом, он бы все равно ничего не сказал. У него было такое лицо... Я надеюсь, что успею добежать до сортира до того, как наложу в штаны, вот какое.

— Значит, он просто уехал?

— Именно так. А через двадцать минут появились два других копа.

Ребекка вскидывает руки, закрывает глаза, прижимает пальчики ко лбу, предоставляя Питу Уэкслеру великолепную возможность, которую он, естественно, не упускает, полюбоваться ее грудью, туго обтянутой блузкой. Зрелище, возможно, не столь волнительное, как ее зад у него над головой, но тоже ничего. Для отца Эбби вид буферов Ребекки Вайлес, обтянутых тонкой материей, что костер в холодную ночь. Для ее изящной фигурки они очень

даже большие, и знаете что? Когда руки поднимаются, с ними поднимаются и буфера! Да если бы он знал, что она устроит такое шоу, сразу же рассказал бы о Чите и велосипеде.

— Ладно, хорошо. — Пальцы перемещаются на виски, руки поднимаются еще на дюйм-другой, она задумчиво хмурится, на мгновение напоминая статую на постаменте.

«Гип-гип-ура, — думает Пит. — Во всем есть светлая сторона. Если завтра с нашего тротуара утащат еще какого-нибудь маленького засранца, я буду только за».

— Ладно, ладно, ладно, — продолжает Ребекка, открывает глаза, опускает руки. Пит Уэкслер смотрит куда-то за ее плечо, лицо у него — маска бесстрастности, и она сразу понимает, что к чему. Святой Боже, ну и дикарь. — Все не так плохо, как я думала. Во-первых, ты видел лишь полисмена, укладывающего в багажник велосипед. Может, его украли. Может, его взял без спроса другой мальчик, а потом бросил и убежал. Коп мог разыскивать этот велосипед. Или мальчика, который ехал на этом велосипеде, сбила машина. Но даже если произошло самое страшное, не думаю, что нам это может повредить. «Макстон» не несет ответственности за происходящее вне его территории.

Она поворачивается к Генри, на лице которого написано, что он хотел бы находиться в сотне миль отсюда.

— Извините, я знаю, что мои слова звучат очень уж хладнокровно. Из-за этой истории с Рыбаком я расстроена не меньше других, учитывая, что двое детей погибли и еще одна девочка пропала. Мы все так расстроены, что соображаем с трудом. Но ужасно не хотелось бы, чтобы нас втянули в это дело, понимаете?

— Я прекрасно все вижу, — отвечает Генри. — Будучи одним из тех слепых, на которых постоянно ссылается Джордж Рэтбан.

— Ха! — вырывается у Пита Уэкслера.

— И вы со мной согласны, не так ли?

— Я — джентльмен и соглашаюсь со всеми. Я соглашаюсь с Питом в том, что наш местный монстр мог похитить еще одного ребенка. Патрульный Чита, или как его там, вроде бы выглядел слишком озабоченным, так что речь не могла идти о похищенном велосипеде. И я соглашаюсь с вами, что «Макстон» нельзя винить за случившееся.

— Верно, — кивает Ребекка.

— Если только здесь нет человека, имеющего отношение к убийствам этих детей.

— Но это невозможно! — восклицает Ребекка. — Большинство находящихся у нас мужчин не могут вспомнить даже собственного имени.

— Десятилетняя девочка сможет справиться с любым из этих доходяг, — поддакивает Пит. — Даже те, кто не страдает старческой болезнью[1], ходят в собственном... вы понимаете.

— Вы забываете про персонал, — говорит Генри.

— Что? — Ребекка на мгновение теряет дар речи. — Да перестаньте... Это безответственное заявление.

— Ваша правда. Возможно. Но, если все это будет продолжаться, никто не может быть вне подозрений. Таково мое мнение.

По спине Пита Уэкслера вдруг пробегает холодок: если городские копы начнут допрашивать пациентов «Макстона», его «развлечения» могут вытащить на свет божий и Уэнделл Грин устроит себе еще один праздник. И тут ему приходит в голову блестящая идея, которую он сразу же озвучивает, в надежде произвести впечатление на миз Вайлес:

— Знаете что? Копы должны поговорить с этим парнем из Калифорнии, знаменитым детективом, который прищучил Киндерлинга два или три года назад. Он, кажется, живет где-то неподалеку. Нам нужен такой ас. Нашим

[1] Пит имеет в виду болезнь Альцгеймера, которой страдает значительный процент пожилых белых американцев.

копам Рыбак не по зубам. А этот парень, он, возможно, с ним справится.

— Как к месту вы это сказали, — поворачивается к нему Генри. — Я с вами полностью согласен. Пора Джеку Сойеру браться за дело. Я переговорю с ним еще раз.

— Вы его знаете? — спрашивает Ребекка.

— О да, — кивает Генри. — Знаю. Но мне тоже пора браться за дело, не правда ли?

— Еще есть несколько минут. Пока все на улице.

Ребекка выводит его из коридора в актовый зал, и втроем они пересекают его, направляясь к возвышению. Микрофон Генри поблескивает перед столом, на котором стоят динамики и проигрыватель.

— Места тут много, — говорит Генри с пугающей Ребекку точностью.

— Неужели вы это чувствуете?

— Безусловно, — отвечает Генри. — Мы, должно быть, близко.

— Все перед вами. Вам нужна помощь?

Генри выставляет ногу, постукивает по полу импровизированной сцены. Проводит рукой по торцу стола, находит микрофон.

— На данный момент нет, дорогая. — И поднимается на возвышение. Касаясь рукой стола, огибает его, находит проигрыватель. — Все отлично. Пит, вас не затруднит поставить коробки с пластинками на стол? Ту, что сверху, вот сюда, следующую — справа от нее.

— Каков он, ваш друг Джек? — спрашивает Ребекка.

— Дитя шторма. Котик, но с острыми когтями. Должен сказать, иной раз с ним очень нелегко.

Через раскрытые окна доносится шум толпы, гул разговоров прорезывает детские крики и песни, исполняемые под аккомпанемент дребезжащего старого рояля. Пит уже положил на стол коробки с пластинками.

— Я, пожалуй, пойду, потому что Шустрик, наверно, уже ищет меня. После того как они придут сюда, предстоит большая уборка.

Пит выходит, катя перед собой тележку. Ребекка спрашивает, чем она может помочь.

— Верхний свет включен, не так ли? Пожалуйста, погасите его и подождите, пока появится первая волна. Потом включите розовый прожектор и готовьтесь к тому, что сердце выскочит у вас из груди.

— Вы хотите, чтобы я выключила свет.

— Вы все поймете.

Ребекка идет к двери, выключает верхний свет и, как и обещал Генри, все понимает. Мягкий дневной свет, вливающийся в окна, заменяет слепящий глаз электрический. Актовый зал словно плывет в туманной дымке. «Розовый луч будет здесь к месту», — думает Ребекка.

На лужайке заканчивается прелюдия к танцам. Старички и старушки доедают клубничные пирожные и допивают газировку за столиками, а господин в соломенной шляпе и красных подтяжках, играющий на рояле, с последними громкими аккордами «Сердца и души» закрывает крышку клавиатуры и встает под аплодисменты. Внуки, которым никак не хотелось (а что делать?) идти на этот фестиваль, теперь шныряют между столами и инвалидными креслами, избегая взглядов родителей и надеясь заполучить последний воздушный шарик у женщины в клоунском наряде и огненно-рыжем парике, которая их раздает.

Элис Уитерс аплодирует пианисту: сорок лет тому назад под ее руководством он из-под палки постигал азы игры на рояле, зато теперь польза очевидна: он может заработать несколько баксов в свободное от основной работы (продает спортивные костюмы и бейсболки на Чейз-стрит) время. Чарльз Бернсайд, отмытый добросердечным Батчем Йерксой, в белой рубашке и грязных широченных штанах стоит чуть в стороне от толпы под большим дубом, не аплодирует — недовольно фыркает. Расстегнутый воротник оголяет морщинистую шею. Время от времени он вытирает рот рукой или ковыряет иззубренным ногтем в зубах, но не двигается. Выглядит так, будто его выса-

дили на обочине дороги, да там и оставили. Если кто-то из расшалившихся внуков приближается к Берни, его тут же уносит в сторону, словно отталкивает неким силовым полем.

Между Элис и Берни три четверти резидентов «Макстона» доедают пирожные за столами, тяжело ходят, опираясь на палочки, сидят в креслах-каталках, зевают, дремлют, смеются, пердят, вытирают свежие пятна, оставленные клубникой на одежде, смотрят на родственников, на свои дрожащие руки, в никуда. Полдюжины тех, кто дальше всех ушел от реальности, сидят в конических ярко-красных или ярко-синих шляпах, символизирующих праздничное веселье. Женщины с кухни уже ходят между столами с большими мусорными мешками из черного пластика, потому что очень скоро им нужно возвращаться на рабочие места и готовить картофельный салат, картофельное пюре, тушенный в сметане картофель, тушеную фасоль, салат с «Джелло»[1], салат с маршмэллоу[2], салат со взбитыми сливками плюс, разумеется, большой клубничный торт!

Бесспорный и наследственный суверен этого королевства Шустрик Макстон, который в данный момент очень уж похож на скунса, забившегося в грязную нору, последние девяносто минут только улыбался и пожимал руки, и теперь сыт по горло и первым, и вторым.

— Пит, — рычит он, — где тебя так долго носило? Начинай складывать стулья. И помоги мне загнать всех этих в актовый зал. Пора в путь. Фургоны катятся на запад.

Пит занимает исходную позицию, а Шустрик дважды громко хлопает в ладоши, потом вскидывает руки.

---

[1] «Джелло» — желе, приготавливаемое из порошка-полуфабриката.

[2] Маршмэллоу — суфле из кукурузного сиропа, сахара, пищевого крахмала, декстрозы, желатина и других компонентов.

— Слушайте все, — кричит он во весь голос. — Какой, однако, чудесный день подарил нам Господь для нашего замечательного праздника. Лучше просто быть не может!

Конечно же, с ним соглашаются.

— А теперь, друзья мои, вот о чем я вас попрошу. Покажите, что вы довольны и погодой, и праздником, и помощью наших добровольцев и сотрудников.

Ему отвечают громкими аплодисментами.

— Отлично! Знаете что? Как сказал бы Джордж Рэтбан, даже слепой может видеть, как здорово мы проводим время. Я это вижу, но наша программа еще не исчерпана. У нас в гостях величайший диджей, о котором вы только слышали, знаменитый Симфонический Стэн, знаток больших оркестров, он готов открыть свое шоу в актовом зале, танцы и музыка до праздничного обеда, и он обошелся нам очень дешево... только не повторяйте ему мои слова! Итак, друзья и родственники, вам пора попрощаться и позволить вашим близким насладиться музыкой и танцами. А музыка нас ждет неповторимая. Думаю, я тоже закружусь в танце с какой-нибудь очаровательной дамой.

Серьезно, друзья мои, нам пора надевать туфли для танцев. Пожалуйста, поцелуйте папу или маму, бабушку или дедушку, попрощайтесь, и по пути к воротам вы, возможно, что-нибудь пожертвуете нам на расходы. Для этого на рояле стоит корзинка. Десять долларов, пять, сколько можете пожертвовать, чтобы помочь нам и дальше устраивать вашим близким такие вот праздники. Мы делаем это из любви, но половина ее — ваша любовь.

И за удивительно короткий промежуток времени (Шустрика Макстона такой темп не удивляет, он понимает, что редко кто хочет задерживаться в доме престарелых дольше положенного) родственники успевают обнять и поцеловать своих стариков, собрать малышню и ретироваться на автостоянку. Большинство не забывает по пути подойти к роялю, на котором стоит корзинка для пожертвований.

Едва родственники потянулись к своим автомобилям, Пит Уэкслер и сам Шустрик начинают загонять стариков в дом. Если Шустрик вежлив, хотя бы на словах: «Разве вы не понимаете, миссис Сиверсон, как мы хотим, чтобы вы получили удовольствие от музыки?» — то Пит, конечно же, погрубее: «Давай, старина, пора тебе шевелить копытами». Но оба не забывают про то, чтобы подтолкнуть, кого надо, где-то тихонько, а где и не очень, направляют инвалидные кресла в нужную сторону.

Находящаяся в актовом зале Ребекка Вайлес наблюдает, как некоторые из жильцов «Макстона» развивают опасную для их здоровья скорость. Генри Лайден застыл за коробками с пластинками. Его костюм мерцает, голова — темный силуэт на фоне окна. Не имеющий времени пялиться на грудь Ребекки Пит Уэкслер заводит Элмера Джесперсона в актовый зал и тут же бросается на поиски Торвальда Торвальдсона, главного врага Элмера, делящего с ним комнату М12. Элис Уитерс входит сама и, сложив руки под подбородком, ждет, когда же зазвучит музыка. Высокий, костлявый, с провалившимися щеками, Чарльз Бернсайд появляется следом и быстро отходит в сторону. Когда взгляд его пустых глаз останавливается на Ребекке, по ее телу пробегает дрожь. Следующий брошенный на нее взгляд принадлежит Шустрику Макстону, который толкает инвалидное кресло с Флорой Флорстад. К взгляду добавляется веселая улыбка. Время — деньги, оно конечно, но и деньги — это деньги, так что пора начинать шоу. Первая волна, говорил ей Генри... так это же и есть первая волна, не так ли? Она смотрит на своего гостя, думает, как спросить, и уже получает ответ, потому что Генри дает ей отмашку: пора.

Ребекка включает розовый прожектор, и голоса практически всех находящихся в актовом зале, даже тех, кто давно уже ни на что не реагирует, сливаются в едином: «А-а-а-х». Костюм, рубашка, гетры Генри Лайдена сверкают в световом конусе, а он сам подплывает к микрофону с вращающейся на ладони правой руки двенадцатидюймо-

вой пластинкой. Его зубы блестят, так же как и густые серебряные волосы, сапфиры в оправе черных очков хитро подмигивают. Генри словно уже танцует... только он и не Генри вовсе; ни в коем разе, Рене, как нравится кричать Джорджу Рэтбану. Костюм, гетры, зачесанные назад волосы, очки, даже дивный конус розового света — всего лишь сценические декорации. Самая удивительная трансформация происходит с Генри, фантастически многоликим человеком. Перевоплощаясь в Джорджа Рэтбана, он становится Джорджем на все сто процентов. То же можно сказать и о Висконсинской крысе, и о Генри Шейке. Прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как он доставал Симфонического Стэна из шкафа, тогда он поразил всех на музыкальном фестивале в Мэдисоне, но костюм по-прежнему сидит на нем как влитой, он создан для этого костюма. Они являют собой единое целое и, кажется, вместе перенеслись в настоящее из уже достаточно далекого прошлого.

Вращающаяся на его ладони пластинка напоминает береговой сигнальный шар.

Любую свою программу Симфонический Стэн начинает одной и той же пластинкой — «В настроении». И хоть он не презирает Гленна Миллера, как некоторые фанаты джаза, за долгие годы мелодия эта ему изрядно поднадоела. Но она всегда выполняет порученное ей дело. Даже если у слушающих нет выбора, кроме как танцевать одной ногой в могиле, а другой на банановой кожуре, они танцуют. Кроме того, он знает, что Гленн Миллер, после того как его призвали в армию, рассказал аранжировщику Билли Мэю о своих планах «вернуться с этой войны героем», и ведь сдержал слово, не правда ли?

Генри наклоняется к микрофону, небрежным жестом ставит вращающуюся пластинку на проигрыватель. Аплодисменты толпы сливаются с восторженным: «О-о-ох».

— Добро пожаловать, добро пожаловать, достопочтенные поклонники и поклонницы джаза, — приветствует собравшихся Генри. Его слова вырываются из динамиков

бархатным голосом радиокомментатора 1938 или 1939 годов, голосом ведущих программы в дансингах и ночных клубах от Бостона до Каталины. Такого голоса нынче уже не услышать. — Скажите мне, дамы и господа, как, по-вашему, можно ли представить себе лучшую затравку, чем музыка Гленна Миллера? Смелее, братья и сестры, я хочу услышать ваше: «Не-е-е-ет».

Из резидентов «Макстона» (некоторые уже на танцплощадке, другие — вокруг на инвалидных креслах) исторгается коллективный шепот, не крик, конечно, скорее шелест осеннего ветра в голых ветвях. Симфонический Стэн хищно скалит зубы, вскидывает руки, а потом вдруг взмывает в воздух и делает полный оборот, словно танцор, вдохновленный Чиком Уэббом. Фалды распростерты, как крылья, сверкающие ноги взлетают и приземляются и взлетают вновь. На ладонях у него уже две пластинки, одна таинственно исчезает, вторая ложится на проигрыватель, где ее ждет игла.

— А теперь, дорогие мои поклонники и поклонницы джаза, прошу любить и жаловать Сентиментального джентльмена, мистера Томми Дорси. Давайте послушаем, как Дик Хаймс, краса и гордость Буэнос-Айреса, задает музыкальный вопрос: «Как мне узнать тебя». Фрэнк Синатра еще пешком ходит под стол, братья и сестры, но жизнь все равно хороша, как выдержанное вино.

Ребекка Вайлес не может поверить тому, что видит. Этот парень вытащил на танцплощадку практически всех, даже сидящих в инвалидных креслах, они тоже танцуют, пусть и не вставая с кресел. Облаченный в экзотический наряд, Симфонический Стэн, Генри Лайден, напоминает она себе, великолепен, второго, как он, просто нет. Он... словно пользуется машиной времени и создает вокруг себя подлинную атмосферу далекого прошлого. Он говорит и показывает старикам то, что они хотят слышать и видеть. Он вернул их к жизни, вытряхнул из них те остатки юности, о существовании которых они, возможно, и не подозревали. Что же касается Симфонического Стэна, то вы-

глядит он как элегантный дервиш, на ум Ребекке приходят определения: обходительный, изысканный, учтивый, сексуальный, изящный, которые одновременно, возможно, применимы только к нему. А что он вытворяет с пластинками! Как ему это удается?

Она не осознает, что отбивает туфелькой ритм и раскачивается в такт музыке, пока Генри не ставит пластинку Арти Шоу «Начало начал». Тут она просто начинает танцевать. Никогда раньше актовый зал не видел столько скользящих в танце стариков. Элис Уитерс сияет в объятиях обычно мрачного Торвальда Торвальдсона. Ада Мейерхофф и «Том-Том» Ботчер кружат вокруг друг друга на инвалидных креслах, наслаждаясь божественным звучанием кларнета Арти Шоу. Ребекка растрогана до слез, улыбается, поднимает руки, кружится, и тут ее подхватывает и умело ведет в танце брат-близнец Том-Тома, восьмидесятишестилетний Херми Ботчер, бывший учитель географии и К17, ранее считавшийся сухарем. В фокстроте вытаскивает ее на середину танцплощадки.

— Не могу допустить, чтобы такая красавица танцевала одна, — говорит Херми.

— Херми, я готова пойти за вами куда угодно, — отвечает она.

— Давайте подойдем поближе к сцене. Я хочу получше разглядеть этого парня в его модном наряде. Говорят, он слеп, как летучая мышь, но я в это не верю.

Его рука крепко охватывает ее талию, бедра четко следуют ритму Арти Шоу, они приближаются к возвышению, на котором Симфонический Стэн вращает на ладони очередную пластинку в ожидании окончания этой. Ребекка может поклясться, что Стэн/Генри не только чувствует ее присутствие, но даже подмигивает ей! Но такого не может быть... не так ли?

Симфонический Стэн элегантным движением убирает пластинку Шоу, укладывает новую на проигрыватель.

— А теперь, когда мы как следует поразмялись, давайте попрыгаем с Вуди Эрманом и «Диким корнем». Эта

мелодия посвящается дамам, в особенности даме, благоухающей «Калуксом».

Ребекка смеется:

— О дорогой!

Генри/Стэн унюхал и узнал аромат ее духов!

Не испугавшись темпа, заданного «Диким корнем», Херми Ботчер отступает на шаг, поднимает руку, закручивает Ребекку. Потом ловит в объятия и кружит в другую сторону. В танце они приближаются к другому краю эстрады, где, глядя на Симфонического Стэна, стоят Элис Уитерс и мистер Торвальдсон.

— Должно быть, он имел в виду вас, — говорит Херми, — потому что духи у вас потрясающие.

— Где вы так научились танцевать? — спрашивает Ребекка.

— Мой брат и я выросли в городе. Учились танцевать перед музыкальным автоматом в «Аллуэттсе», в Ардене. — Ребекка знает «Аллуэттс», на Главной улице Ардена, но музыкальный автомат исчез оттуда аккурат в то время, когда Джонни Матис вылетел из чартов. — Если вам нужен хороший танцор, ищите городского мальчика. Том-Том, он всегда танцевал лучше всех. Даже сейчас, в своем кресле, он никогда не собьется с ритма.

— Мистер Стэн, эй, мистер Стэн? — Элис Уитерс вскидывает голову, у рта складывает ладони рупором. — Вы принимаете заявки?

Тут же раздается суровый, скрипучий мужской голос:

— Я пришел сюда первым, старуха.

Неприкрытая грубость заставляет Ребекку остановиться. Правая нога Херми мягко опускается на ее левую, тут же соскальзывает, травмируя не сильнее, чем поцелуй. Возвышаясь над Элис, Чарльз Бернсайд смотрит на Торвальда Торвальдсона. Торвальдсон отступает на шаг и дергает Элис за руку.

— Разумеется, дорогая моя. — Стэн наклоняется к Элис. — Скажите мне, как вас зовут и что бы вы хотели услышать.

— Я — Элис Уитерс, и...

— Я пришел сюда первым, — громко повторяет Берни.

Ребекка смотрит на Херми, тот качает головой, предлагая ей не вмешиваться. Пусть и городской мальчик, он напуган не меньше Торвальда Торвальдсона.

— «Лунный свет», пожалуйста. Бенни Гудмана.

— Моя очередь, старая задница. Я хочу услышать «Кошмар леди Магоуэн» в исполнении Вуди Эрмана.

Херми наклоняется к ушку Ребекки:

— Никто не любит этого человека, но он всегда добивается своего.

— На этот раз у него не получится, — отвечает Ребекка. — Мистер Бернсайд, я хочу, чтобы вы...

Симфонический Стэн прерывает ее взмахом руки. Поворачивается к обладателю неприятного голоса.

— Ничего не выйдет, мистер. Песня называется «Сон леди Магоуэн», но сегодня я не взял с собой эту пластинку.

— Ладно, приятель, тогда «Мне не терпится начать» Банни Беригэна.

— О, как мне нравится эта песня, — восклицает Элис Уитерс. — Да, поставьте «Мне не терпится начать».

— С удовольствием, — говорит Симфонический Стэн нормальным голосом Генри Лайдена, снимает с проигрывателя одну пластинку, ставит другую, из первой коробки, но когда поворачивается к микрофону, видно, что настроение у него заметно испортилось. — Я летал по миру на самолете, я готовил революцию в Испании. Мне не терпится начать. Посвящается очаровательной Элис и Тому, кто бродит в ночи.

— Ты всего лишь обезьяна на шестке, — бросает Берни.

Из динамиков льется музыка. Ребекка похлопывает Херми по плечу и направляется к Чарльзу Бернсайду. Сталкиваться с ним ей не доводилось, но она всегда испытывала к нему отвращение. Теперь же он ее достал. И по голосу это чувствуется.

— Мистер Бернсайд, вы должны немедленно извиниться перед Элис и нашим гостем. Вы — грубиян и нахал, поэтому, извинившись, вы отправитесь в свою комнату, где вам самое место.

Ее слова результата не приносят. Плечи Берни поникли, на лице глупая улыбка, пустой взгляд устремлен в никуда. Похоже, он не может вспомнить собственного имени, какой там Банни Беригэн. В любом случае Элис Уитерс уже танцует, а Симфонический Стэн переместился к другому концу сцены и стоит в конусе розового света, глубоко задумавшись. Пожилые пары кружатся по площадке. Херми Ботчер жестами предлагает ей последовать их примеру.

— Я очень сожалею, что так вышло, — говорит она Стэну/Генри.

— Вам нет нужды извиняться. «Мне не терпится начать» была любимой мелодией моей жены. В последние несколько дней я много о ней думал. Вот эта просьба, можно сказать, и застала меня врасплох. — Он пробегает пальцами по волосам, вскидывает руки, вновь входя в роль.

Ребекка решает оставить его в покое. Собственно, она решает оставить в покое всех. Сославшись на дела, извиняется перед Херми и, лавируя среди танцующих, направляется к выходу из актового зала. Каким-то образом Берни добрался до коридора раньше. Подволакивая ноги, опустив голову, он держит курс на крыло «Маргаритка».

— Мистер Бернсайд, — говорит она, — вы можете дурить всех, но я хочу, чтобы вы знали, что меня вам не обмануть.

Старик поворачивается. Сначала перемещается одна ступня, потом колено, негнущаяся талия, вторая ступня, наконец, костлявое тело. Голова Бернсайда висит на тонкой шее, демонстрируя Ребекке лысину, испещренную коричневыми бляшками. Длинный нос торчит, как руль яхты. С той же медлительностью голова под-

нимается, открывая мутные глаза и полураскрытый рот. Потом глаза вдруг загораются злобой, губы хищно растягиваются.

Не отдавая себе отчета, Ребекка в испуге отступает на шаг. А губы Берни растягиваются все сильнее, в крайне неприятной ухмылке. Ребекке хочется убежать, но она злится, что выкажет страх перед этим немощным стариком, а потому остается на месте.

— Леди Магоуэн приснился плохой, очень плохой сон, — сообщает ей Берни. Говорит он медленно, словно накачанный снотворным, в полусне. — И леди Софи приснился кошмар. Только ей — куда более страшный. — Он хихикает. — Король был в своем казначействе. Подсчитывал свои богатства. Это видела Софи, когда засыпала. — Хихиканье становится визгливым, он произносит еще два слова, вроде бы «мистер Манчинг». Потом нижняя челюсть вновь отпадает, Ребекка видит желтые, неровные зубы, меняется и лицо. Черты заостряются, в глаза вдруг возвращается разум. — Вы знаете мистера Манчана? Мистера Манчана и его маленького друга Горга? Вы знаете, что случилось в Чикаго?

— Прекратите немедленно, мистер Бернсайд.

— А что вы знаете о Фрице Хаармане? Его еще звали Вампир, Вампир, Вампир Ганновера, да, да, да. У всех, всех, всех бывают кошмары, ха, ха, ха, хо, хо.

— Перестаньте так говорить! — кричит Ребекка. — Вам меня не обмануть!

Но разум, блеснув в глазах Бернсайда, уходит. Они вновь мутные.

— Бам-бам, Берн-Берн.

— Ладно, обед в семь, если вы захотите есть, — говорит Ребекка. — Идите к себе и поспите.

Берни бросает на нее тупой взгляд, медленно начинает отворачиваться от нее, останавливается.

— Вы можете записать. Фриц Хаарман. В Ганновере. — Губы вдруг изгибаются в озорной улыбке. — Когда король придет сюда, мы, возможно, потанцуем.

— Нет, благодарю. — Ребекка в ужасе отворачивается и, стуча высокими каблучками, спешит по коридору, чувствуя на себе неприятный взгляд Бернсайда.

Сумочка Ребекки лежит на ее столе в приемной кабинета Шустрика. Прежде чем войти в кабинет, она вырывает листок из блокнота, записывает: Фриц Хаарман (?), Ганновер (?) и сует листок в среднее отделение сумочки. Возможно, это ничего не значащие слова, но кто знает? Она в ярости, потому что позволила Бернсайду напугать себя, и, если найдет способ использовать эту чепуху против него, приложит все силы, чтобы вышибить мерзкого старика из «Макстона».

— Детка, это ты? — спрашивает из кабинета Шустрик.

— Нет, это леди Магоуэн и ее гребаный кошмар. — Она входит в кабинет и видит, что Шустрик сидит за столом и радостно пересчитывает купюры, брошенные сыновьями и дочерьми его клиентов в корзину для пожертвований.

— Моя маленькая Бекки какая-то взъерошенная, — говорит он. — Что случилось? Один из наших зомби оттоптал тебе ногу?

— Не зови меня Бекки.

— Эй, эй, выше голову. Ты не поверишь, сколько денег вытряс сегодня из родственничков твой сладкоголосый бойфренд. Сто двадцать шесть баксов! Нигде и никем не учтенных! Ладно, так что случилось?

— Чарльз Бернсайд напугал меня, вот что. Ему самое место в психиатрической клинике!

— Ты шутишь? Этот зомби — просто золотое дно. Пока Чарльз Бернсайд способен дышать, для него всегда найдется место в моем сердце. — Улыбаясь, он потрясает в воздухе купюрами. — А если у тебя есть место в моем сердце, сладенькая, тебе всегда найдется место в «Макстоне».

Вспомнив слова Бернсайда: «Король был в своем казначействе. Подсчитывал свои богатства», — она почувст-

вовала, будто ее вываляли в грязи. Если бы Шустрик не улыбался столь радостно, полагает Ребекка, она могла бы принять его за того пациента, которого он так любит. «У всех, всех, всех бывают кошмары, ха, ха, ха, хо, хо». Достаточно точное описание Френч-Лэндинга во времена Рыбака. Странно, но можно подумать, что Шустрик, точно так же, как и старина Берни, не замечает этих убийств. Ребекка ни разу не слышала, чтобы в разговоре он коснулся преступлений Рыбака, кроме того случая, когда пробурчал, что никому не может сказать о предстоящей рыбалке, пока Дейл Гилбертсон не оторвет от стула свою толстую задницу и не займется делом.

Глава 8

Два телефонных звонка и личная проблема, в существовании которой он никому бы не признался, сообща вытащили Джека Сойера из кокона Норвэй-Вэлли и направили в сторону Френч-Лэндинга, Самнер-стрит и полицейского участка. Первым позвонил Генри из кафетерия «Макстона» во время одного из коротких перерывов шоу Симфонического Стэна и настоял, чтобы Джек выслушал его. Похоже, этим днем неподалеку от «Макстона» похитили еще одного ребенка. И причины, по которым, не раскрывая их, Джек ранее воздерживался от участия в расследовании, больше не могли считаться существенными. Рыбак довел счет своих жертв до четырех, поскольку едва ли Джек мог надеяться на то, что в самом скором времени Ирма Френо вернется домой, не так ли? Убито четверо детей!

— Нет, — ответил Генри на вопрос Джека, — я не слышал об этом по радио. Мальчика похитили этим утром.

— Нет, я узнал об этом от уборщика «Макстона», — ответил Генри на вопрос Джека. — Он видел, как чем-то озабоченный коп брал стоявший на тротуаре велосипед и укладывал в багажник патрульной машины.

— Кого именно похитили, я не знаю, — ответил Генри на вопрос Джека, — но в том, что Рыбак увеличил число своих жертв, сомнений нет. К вечеру Дейл установит личность несчастного, а завтра утром об этом напишут газеты. И вот тогда весь округ встанет на уши. Неужели ты не понимаешь? Одного известия о том, что ты взялся за дело, хватит, чтобы успокоить людей. Ты больше не можешь позволить себе такой роскоши, как пенсия. Ты должен включиться в расследование.

Джек ответил Генри, что тот делает скоропалительные выводы, и предложил поговорить об этом позже.

Через сорок пять минут позвонил Дейл Гилбертсон сообщить, что этим утром десятилетний Тайлер Маршалл исчез с тротуара у «Центра Макстона по уходу за престарелыми», и отец Тайлера, Фред Маршалл, в настоящий момент находится в полицейском участке, настаивая на встрече с Джеком Сойером. Фред — отличный парень, примерный семьянин, добрый друг Дейла, но в данный момент он на грани срыва. Судя по всему, у его жены, Джуди, еще до появления Рыбака возникли нелады с психикой, и исчезновение Тайлера привело к тому, что у нее окончательно поехала крыша. Она бормотала что-то бессвязное, поранила себя, чуть не разнесла весь дом.

— Я хорошо знаю Джуди Маршалл, — продолжил Дейл. — Красавица, просто красавица, такая миниатюрная, но с твердым характером, всегда здравомыслящая, уравновешенная, вот уж никогда бы не подумал, что она может сойти с ума. Похоже, она знала о похищении Тайлера до того, как нашелся его велосипед. Во второй половине дня ей стало так плохо, что Фреду пришлось позвонить доктору Скарде, и ее отвезли в Лютеранскую окружную больницу в Ардене, где поместили в отделение Д, для душевнобольных. Так что ты можешь себе представить, в каком сейчас состоянии Фред. Он настаивает на разговоре с тобой. «На вас у меня надежды нет», — сказал он мне.

Если ты не приедешь сюда, — продолжил Дейл, — Фред Маршалл намерен приехать к тебе домой, и он при-

едет. Я не могу удержать его на поводке и не собираюсь сажать в камеру только из-за того, чтобы не допустить вашей встречи. А самое главное, ты нужен всем нам, Джек.

Хорошо, — продолжил Дейл, — я знаю, что ты ничего не можешь пообещать. Но ты знаешь, что требует от тебя твой долг.

Хватило бы этих двух телефонных звонков для того, чтобы усадить его в пикап и направить к Самнер-стрит? Джек полагает, что да, с тем чтобы исключить третий фактор, секретный, несущественный, который не стоит принимать во внимание. Потому что он ровным счетом ничего не значит. Нервный срыв, паническая атака, вполне объяснимая, учитывая обстоятельства. Такое может случиться с каждым. Ему хотелось выбраться из дома, так что с того? Никто не смог бы обвинить его в бегстве. Он ехал навстречу опасности, а не убегал от нее, хотя ему и хотелось убежать, убежать от темной волны преступлений Рыбака. Но он и не собирался включаться в расследование. Друг Дейла и отец пропавшего ребенка, этот Фред Маршалл, настаивал на разговоре с ним, что ж, этот разговор состоится. Если полчаса с ушедшим на пенсию детективом могли помочь Фреду Маршаллу справиться с возникшими у него проблемами, что ж, ушедший на пенсию детектив готов выделить ему эти полчаса.

Все остальное — сугубо личное. Иллюзии и яйца малиновки не выходили у него из головы, но оставались сугубо личной проблемой. И конечно же, имели вполне рациональное объяснение, которое со временем обязательно удастся найти. Ни один здравомыслящий человек не мог воспринимать такое серьезно: странности эти — что летняя гроза, что появлялась и исчезала. Проезжая главный перекресток Сентралии, он автоматически (коп всегда остается копом) заметил ряд «харлеев», выстроившихся на стоянке перед баром «Сэнд», и вот тут дневные неурядицы предстали перед ним в ином свете. Стало совершенно ясно, почему он не смог, точнее, не захотел открывать дверцу холодильника. Пренеприятные сюрпризы

заставляли семь раз отмерять, прежде чем резать. В гостиной перегорела лампочка, а когда он подошел к комоду, в ящике которого лежало полдюжины новых галогеновых ламп, выяснилось, что он не может выдвинуть этот ящик. Более того, он не мог выдвинуть ни один ящик, открыть ни одну дверь шкафчика или кладовой. Это лишало его возможности заварить чай, переодеться, приготовить ленч, короче, он мог только пролистывать книги да смотреть телевизор. Крышка ящика для почты вроде бы скрывала пирамиду маленьких синих яиц, вот он и решил, что корреспонденция подождет до следующего дня. Все равно там лишь счета, журналы да реклама.

«Не стоит впадать в крайности, — говорит себе Джек. — Я мог открыть любую дверцу, выдвинуть любой ящик, но не хотел этого делать. Я не боялся, что яйца малиновки покатятся из холодильника или кладовой... просто мне не хотелось найти хотя бы одно из них. Покажите мне психиатра, который скажет, что это невроз, и я покажу вам идиота, который ничего не понимает в психиатрии. Все копы-ветераны говорили мне, что работа в отделе расследования убийц действует на голову. Черт, потому-то прежде всего я и уволился!

А какие были варианты, оставаться на службе, пока не суну в рот пистолет? Ты — умный парень, Генри Лайден, и я тебя люблю, но есть что-то такое, чего понять тебе НЕ ДАНО!»

Ладно, он ехал на Самнер-стрит. Все требовали от него что-то сделать, вот он и идет навстречу пожеланиям общественности. Поздоровается с Дейлом, с другими копами, с Фредом Маршаллом, добропорядочным гражданином, у которого пропал сын, успокоит его словами о том, что делается все необходимое, что ФБР работает рука об руку с полицией, а в Бюро, как известно, лучшие в мире следователи. Обычная жвачка. Главную свою задачу Джек видел в том, чтобы погладить Фреда Маршалла по шерстке, успокоить, словно испуганное животное. Тем самым Джек выполнит свой долг перед общественным мнением,

почему-то полагавшим, что он перед обществом в долгу. Потом он сможет вернуться к уединенной жизни, которую заслужил. Если Дейлу это не понравится, он может прыгнуть в Миссисипи с высокого берега. Если Генри это не понравится, Джек откажется читать ему «Холодный дом» и заставит слушать Лоренса Уэлка[1], Вона Монро[2] или что-нибудь не менее мучительное. Плохой «диксиленд». Много лет назад кто-то дал Джеку компакт-диск «Фэтс Манассас». Тридцать секунд «Фэтс», и Генри точно запросит пощады.

Образ просящего пощады Генри действует столь благотворно, что Джек уже точно знает, что колебания, которые он испытывал, подходя к ящикам или дверцам, всего лишь временное нежелание выдвигать и открывать их, а не устойчивая фобия. Даже когда его занимали другие мысли (то есть постоянно), пепельница, выдвигающаяся из-под приборного щитка, насмехалась и не давала ему покоя с того самого момента, как он сел за руль. Маленький прямоугольник передней панели пепельницы источал что-то мрачное, угрожающее.

Он боится, что за передней панелью перекатывается миниатюрное синее яйцо малиновки?

Разумеется, нет. Ничего за ней нет, кроме воздуха и черного пластика.

---

[1] Уэлк, Лоренс (1903—1992) — дирижер, известный популяризатор так называемой «музыки под шампанское». Начинал музыкальную карьеру, играя на аккордеоне на сельских вечеринках. В семнадцать лет создал свой первый ансамбль танцевальной музыки, с которым успешно выступал по радио. В 1955—1982 гг. вел программу на ТВ. Обычно начинал выступление с громкой команды оркестру: «И-раз, и-два». Написал две автобиографические книги: «Тшудэсно, тшудэсно» (Уэлк говорил с польским акцентом) и «И-раз, и-два».

[2] Монро, Вон (1911—1973) — певец, руководитель оркестра (40-е — начало 50-х), киноактер, сыгравший многие ведущие роли в музыкальных вестернах. Начинал в Висконсине на сельских вечеринках.

В таком случае он может выдвинуть пепельницу.

Мимо окон пикапа проплывают дома на окраине Френч-Лэндинга. Джек находится практически в том самом месте, где закончился трек «Грязной спермы». Очевидно, он может открыть пепельницу. Нет ничего проще. Суешь под нее пальцы и тянешь на себя. Предельно простое движение. Он протягивает руку. Перед самым соприкасанием с панелью отдергивает. Капли пота скатываются по лбу и оседают в бровях.

— Невелика задача, — говорит он вслух. — У тебя возникли какие-то трудности, Джеки-бой?

Он вновь протягивает руку к пепельнице. Вдруг осознает, что уделяет нижнему торцу приборного щитка больше внимания, чем дороге, вскидывает глаза, уменьшает скорость вдвое. Отказывается остановиться. Это всего лишь пепельница. Его пальцы находят переднюю панель, потом выемку за ней. Джек вновь смотрит на дорогу. И с решительностью медсестры, сдирающей полоску пластыря с волосатого живота пациента, дергает пепельницу на себя. Прикуриватель, который он, не сознавая, что делает, отсоединил утром, когда пикап стоял на подъездной дорожке, подпрыгивает на три дюйма. От неожиданности Джеку кажется, что это вовсе и не прикуриватель. А черно-серебристое яйцо.

Он сворачивает с асфальта, пикап трясет на бугристой, заросшей травой обочине, впереди — телеграфный столб. Прикуриватель с громким металлическим стуком, издать который не под силу никакому яйцу, падает на дно пепельницы. Телеграфный столб все ближе, практически полностью заполняет ветровое стекло. Джек давит на педаль тормоза, и пикап резко останавливается, исторгая дребезжание из выдвинутой до отказа пепельницы. Не уменьши Джек скорость вдвое, прежде чем выдвинул пепельницу, он бы прямиком въехал в телеграфный столб, который сейчас стоит в четырех футах от капота пикапа.

— Дерьмо собачье, — бормочет он, откидываясь на спинку сиденья. — Не зря говорят, что курение убивает.

Шутка не из тех, что может вызвать смех, так что пару секунд он сидит, глядя на проезжающие по Лайлл-роуд редкие автомобили. Когда сердцебиение сокращается почти до нормального, Джек напоминает себе, что он таки выдвинул пепельницу.

Светловолосый Том Лунд, конечно же, ждал его приезда. Как только Джек проходит мимо трех велосипедов, стоящих рядом с дверью, и переступает порог полицейского участка, молодой полицейский поднимается из-за стола и спешит ему навстречу, сказать, что Дейл и Фред Маршалл в кабинете Дейла и он тотчас же отведет его к ним. Они, безусловно, будут рады его видеть.

— Я тоже, лейтенант Сойер, — добавляет Лунд. — Я просто должен это сказать. Я думаю, нам очень нужны ваши знания и опыт.

— Зови меня Джек. Я уже не лейтенант. Я даже не коп. — Джек встречался с Томом Лундом во время расследования преступлений Киндерлинга, и ему еще тогда понравились его энергичность и преданность делу. Влюбленный в работу, форму, жетон, уважающий своего начальника и боготворящий Джека, Лунд проводил сотни часов на телефоне, в архивах, в патрульном автомобиле, проверяя и перепроверяя зачастую противоречивые данные, касающиеся висконсинского продавца фермерскими страховыми полисами и двух девушек, работавших на Сансет-Стрип. И при этом Том ни на минуту не терял энтузиазма куортербека[1] школьной команды, выходящего на первую игру.

Теперь он таким не выглядит, отмечает Джек. Под глазами темные мешки, черты лица заострились. Причина — не только бессонница и усталость. У него глаза человека, испытавшего сильнейший шок. Рыбак украл у Тома Лунда молодость.

---

[1] Куортербек — в американском футболе — разыгрывающий, ключевой игрок команды.

— Посмотрим, что я смогу сделать. — Джек уже обещает больше, чем намеревался.

— Любая ваша помощь придется как нельзя кстати! — восклицает Лунд. В его глазах благоговение, он поворачивается и ведет Джека к кабинету Гилбертсона. «Я пришел не для того, чтобы становиться вашим спасителем», — думает Джек.

Эта мысль вызывает острый укол вины.

Лунд стучит, открывает дверь, объявляет о прибытии Джека, приглашает его войти, а сам исчезает, как призрак, не замеченный двумя мужчинами, которые поднимаются с кресел и смотрят на своего гостя, один — с благодарностью, второй — с благодарностью, но больше — с последней надеждой, такой искренней, но Джеку становится даже не по себе.

Фред заговаривает, едва Дейл успевает представить их друг другу:

— Спасибо, что согласились приехать, огромное вам спасибо. Все, что в моих... — Он протягивает правую руку. На лице — буря эмоций. Его рука по-хозяйски сжимает руку Джека, словно хищник, настигший добычу. Несколько раз пожимает. Глаза наполняются слезами. — Я не могу... — Маршалл отдергивает руку, вытирает со щек слезы. Глаза у него такие затравленные. — Господи, я так рад, что вы здесь, мистер Сойер. Или мне звать вас лейтенантом?

— Лучше всего — Джек. Расскажите, что сегодня произошло?

Дейл указывает на пустующий стул; трое мужчин садятся; Джек узнает печальную, но достаточно простую историю Фреда, Джуди и Тайлера. Какое-то время говорит только Фред. По его версии, энергичная, отважная женщина, верная жена и любящая мать постепенно менялась прямо на глазах, все больше и больше отклоняясь от нормы, но ее невежественный, глупый, эгоистичный муж ничего не желал замечать. Она бормочет какие-то непонятные слова, пишет на отдельных листках что-то

лишенное смысла, засовывает листки в рот, пытается их проглотить. Она предвидит грядущую трагедию и сходит с ума. Похоже на бред, но эгоистичный муж думает, что это правда. Он думает, что это правда, поскольку после первого разговора с Дейлом эти мысли не выходят у него из головы, и пусть все это похоже на бред, логика здесь определенно просматривается. Иначе случившееся не объяснишь. Вот он и думает, что его жена начала терять рассудок, потому что знала о появлении Рыбака. Он полагает, что такое вполне возможно. К примеру, храбрая жена знала, что их прекрасный, удивительный сын станет жертвой Рыбака даже до того, как глупый, эгоистичный муж, который ушел, как обычно, на работу, рассказал ей о велосипеде. Сей факт доказывает его правоту. Прекрасный маленький мальчик уехал с тремя друзьями, но только трое друзей вернулись, а патрульный Дэнни Щеда нашел «Швинн», велосипед его маленького сына, и одну кроссовку на тротуаре около «Центра Макстона».

— Дэнни Чита? — переспрашивает Джек, который, как и Фред Маршалл, начинает думать, что история эта не только тревожная, но и загадочная.

— Щеда, — уточняет Дейл и излагает свою, более короткую версию. По Дейлу Гилбертсону выходит, что мальчик едет на велосипеде и исчезает, возможно, в результате похищения, с тротуара у «Макстона». Это все, что известно Дейлу, и он надеется, что Джек Сойер сможет заполнить пробелы, которыми зияет его версия.

Джек Сойер, на которого смотрят оба сидящих в комнате мужчины, пользуется паузой, чтобы упорядочить три мысли, которые одновременно возникают у него в голове. Первая скорее не мысль, а реакция, в которой скрыта мысль: с того момента, как Фред Маршалл сжал его руку, Джек понял, что ему нравится этот человек, хотя, отправляясь в полицейский участок, не предполагал такого развития событий. Фред Маршалл — идеальный житель маленького американского городка. Если украсить его

портретом рекламу агентства, продающего недвижимость в округе Френч, можно заполучить немало новых клиентов среди жителей Милуоки и Чикаго, желающих приобрести домик в деревне. Дружелюбное, красивое лицо и поджарая фигура бегуна Маршалла говорят об ответственности, добропорядочности, хороших манерах, умении ладить с соседями, скромности и великодушии. Чем больше Фред Маршалл обвиняет себя в глупости и эгоизме, тем сильнее он нравится Джеку. И чем больше ему нравится Фред, тем острее он чувствует его боль, и желание помочь ему растет с каждой минутой. Джек приехал в полицейский участок, думая, что будет реагировать на просьбу друга Дейла как полисмен, но за последние годы его полицейские рефлексы от бездействия в значительной степени заржавели. Он реагирует просто как человек. Копы, как прекрасно знает Джек, редко видят в штатских ответственных граждан, а на первых этапах расследования — никогда (кстати, скрытая мысль: Фред Маршалл, такой уж он человек, не может заподозрить того, с кем поддерживает добрые отношения).

Вторая мысль Джека свойственна и копу, и гражданину. Стараясь ее упорядочить, он озвучивает третью, результат заржавевших, но не утраченных полицейских рефлексов:

— Велосипеды, которые я видел у двери, принадлежат друзьям Тайлера? Сейчас их кто-нибудь допрашивает?

— Бобби Дюлак, — отвечает Дейл. — Я говорил с ними, когда они пришли, но ничего путного не добился. По их словам, они вместе были на Чейз-стрит, а потом Тайлер уехал от них. Они заявляют, что ничего не видели. Может, и не видели.

— Но ты думаешь, что-то им известно.

— Безусловно. Я не знаю, насколько важна эта информация, но нам придется отослать их домой до того, как родители поднимут шум.

— Кто они, как их зовут?

Пальцы Фреда Маршалла сжимаются на рукоятке невидимой бейсбольной биты.

— Эбби Уэкслер, Ти-Джи Ренникер и Ронни Мецгер. С ними Тай болтается все лето. — Последняя фраза выдает его отношение к друзьям Тая.

— Похоже, вы не считаете их достойной компанией для своего сына.

— Не считаю. — Фред разрывается между желанием сказать правду и стремлением избежать обвинений в субъективности. — Если уж вы так ставите вопрос. Эбби — мелкий хулиган, а остальные двое... отстают в умственном развитии. Я надеюсь... я надеялся... что Тай это поймет и будет проводить свободное время с теми, что более или менее... вы понимаете...

— Соответствуют его уровню.

— Точно. Беда в том, что мой сын мелковат для своего возраста, а Эбби Уэкслер... э...

— Крупный и высокий для его возраста, — говорит Джек. — Идеальная ситуация для хулигана.

— Вы так говорите, будто знаете Эбби Уэкслера.

— Нет, но я видел его этим утром. С двумя другими мальчиками и вашим сыном.

Дейл выпрямляется на стуле, а Фред Маршалл роняет невидимую биту.

— Когда? — спрашивает Дейл.

— Когда? — одновременно спрашивает Фред Маршалл.

— На Чейз-стрит, в десять минут девятого. Я заехал за Генри Лайденом и вез его домой. Мальчишки на велосипедах выехали на мостовую прямо перед нами. Я хорошо разглядел вашего сына, мистер Маршалл. Чудесный мальчик.

Широко раскрывшиеся глаза Фреда Маршалла ясно указывают на то, что он увидел проблеск надежды. Дейл расслабляется.

— Тем самым ты подтверждаешь их слова. Это случилось до того, как Тай уехал от них. Если уехал.

— Или они уехали, оставив его, — вставляет отец Тая. — Они ездят быстрее, чем он, и иногда... дразнили его.

— Разгоняясь и оставляя его позади, — добавляет Джек. Мрачный кивок Фреда Маршалла доказывает, что ребенок делился своими обидами с любящим отцом. Джек помнит злобное, враждебное лицо, выставленный палец Эбби Уэкслера и задается вопросом: мог ли мальчик защитить себя от выходок этого гаденыша? Дейл почувствовал ложь в показаниях мальчиков, но с чего им лгать? Каковы бы ни были причины, инициатор, конечно же, Эбби Уэкслер. Остальные двое лишь исполняли приказ.

На мгновение отставив в сторону третью из своих мыслей, Джек говорит:

— Я хочу побеседовать с мальчиками до того, как ты отправишь их по домам. Где они?

— В комнате для допросов, на втором этаже. — Дейл показывает вверх. — Том тебя отведет.

С серыми стенами, серым металлическим столом, единственным окном, узким, как амбразура в крепостной стене, комната на втором этаже спроектирована так, чтобы скука или отчаяние помогали добывать признания. И Джек, переступивший порог вместе с Томом Лундом, чувствует, что ее атмосфера действует и на допрашиваемых, и на ведущего допрос. Бобби Дюлак перестает постукивать карандашом по столу, встает.

— Да здравствует Голливуд! Дейл сказал, что вы приедете к нам. Хотите допросить этих хулиганов, лейтенант?

— Возможно.

Двое из трех хулиганов, сидящих у дальнего края стола, с тревогой смотрят на Джека, опасаясь, что он отправит их в камеру. Слова «допросить» и «лейтенант» действуют словно холодный ветер из Канады. Эбби Уэкслер щурится, глядя на Джека, всем своим видом пытаясь показать, что его так просто не возьмешь. Ронни Мецгер ерзает на стуле, глаза у него большие, как плошки. Третий мальчик, Ти-Джи Ренникер, положил голову на скрещенные руки и вроде бы спит.

— Разбудите его, — бросает Джек. — Мне надо вам кое-что сказать, и я хочу, чтобы вы все слышали меня.

На самом деле сказать ему нечего, просто необходимо привлечь к себе внимание мальчиков. Он уже знает, что Дейл прав. Если они не лгут, то определенно что-то скрывают. Поэтому его внезапное появление так их напугало. Если бы он беседовал с ними первым, то разделил бы мальчишек и допросил по отдельности, но Бобби Дюлак допустил ошибку, и теперь ему приходится довольствоваться тем, что есть. Говорить он будет со всеми сразу и попытается сыграть на их страхе. Запугивать мальчишек не собирается, но постарается, чтобы у них учащенно забилось сердце, а уж потом сможет разделить их. Джек не считает зазорным врать, чтобы добыть ценную информацию.

Ронни Мецгер толкает Ти-Джи в плечо:

— Просыпайся, волбан... болван.

Спящий мальчик стонет, отрывает голову от рук, потягивается. Смотрит на Джека, моргает, сглатывает, выпрямляется.

— Добро пожаловать в мир бодрствующих. Я хочу представиться и объяснить, почему я здесь. Меня зовут Джек Сойер, я — лейтенант отдела расследования убийств управления полиции Лос-Анджелеса. У меня прекрасный послужной список и куча благодарностей и медалей. Если я иду по следу плохиша, то дело обычно заканчивается арестом. Три года назад я, проводя расследование, приехал сюда из Лос-Анджелеса. Двумя неделями позже мужчина, которого звали Торнберг Киндерлинг, отправился в Лос-Анджелес в кандалах. Поскольку я знаю этот район и работал в тесном контакте с местной полицией, УПЛА попросило меня помочь в расследовании убийств, совершенных Рыбаком. — Он искоса смотрит на Бобби Дюлака, ожидая увидеть, что тот усмехается, слушая эту галиматью, но Бобби сидит с каменным лицом. — Ваш друг Тайлер Маршалл был с вами до того, как исчез этим утром. Стал ли он добычей Рыбака? Мне не хочется в это верить, но я думаю, что да. Возможно, мы сможем спасти Тайлера, возможно, и нет, но, если я собираюсь остановить Рыбака, мне нужно, чтобы вы рассказали о том, что вам из-

вестно, в мельчайших подробностях. Вы должны быть со мной предельно откровенны, потому что вас обвинят в препятствовании отправлению правосудия, если вы солжете или что-то утаите. Препятствование отправлению правосудия — очень, очень серьезное преступление. Давайте поинтересуемся у Дюлака, каково минимальное наказание за это преступление в штате Висконсин.

— Пять лет, будьте уверены, — без запинки отвечает Бобби Дюлак.

Эбби Уэкслер прикусывает изнутри щеку. Ронни Мецгер отводит глаза и принимается изучать стол. Ти-Джи Ренникер разглядывает узкое окно.

Джек садится рядом с Бобби Дюлаком.

— Так уж получилось, что я тот самый водитель пикапа, которому этим утром один из вас показал палец. Не могу сказать, что меня радует новая встреча с вами.

Две головы поворачиваются к Эбби, который отчаянно щурится, стараясь найти решение новой проблемы.

— Я не показывал. — Он принимает решение все отрицать. — Может, вы подумали, что я показывал, но на самом деле этого не было.

— Ты уже лжешь, а мы еще и не начинали говорить о Тайлере Маршалле. Я даю тебе последний шанс. Скажи мне правду.

Эбби фыркает:

— Я не привык говорить с теми, кого я не знаю.

— Встань, — говорит Джек.

Эбби смотрит на Ронни, на Ти-Джи, но его друзья отводят глаза. Отодвигает стул, встает.

— Дюлак, — тон становится приказным, — выведи его за дверь и подержи там.

Бобби Дюлак прекрасно справляется с ролью. Медленно поднимается, идет к Эбби, не сводя с него глаз. Напоминает пантеру на пути к вкусному ужину. Эбби Уэкслер отскакивает, выставляет перед собой руки:

— Нет, нет... беру свои слова назад... я показал палец, идет?

— Слишком поздно. — Джек неумолим. Он наблюдает, как Бобби хватает мальчика за локоть и тащит к двери. Покрасневший, потный, Эбби упирается изо всех сил, но рука Дюлака неумолимо тащит его к двери. Эбби что-то кричит, из глаз брызгают слезы, но Бобби Дюлак уже открывает дверь и выводит его в пустынный коридор второго этажа. Дверь закрывается, отсекая вопль страха.

У оставшихся мальчиков лица цветом напоминают скисшее молоко, они не в силах шевельнуться.

— Не волнуйтесь, — говорит Джек. — Ничего с ним не случится. Через пятнадцать-двадцать минут вы все разъедетесь по домам. Я просто подумал, что нет смысла говорить с тем, кто с порога начинает врать. Запомните: даже плохой коп знает, когда ему лгут, а я один из лучших копов. И вот что мы сейчас сделаем. Вы расскажете мне о том, как прошло это утро, что делал Тайлер, как получилось, что он остался один, куда вы потом поехали, что делали, кого видели. — Он откидывается на спинку стула, кладет руки на стол. — Я вас слушаю.

Ронни и Ти-Джи переглядываются. Ти-Джи сует в рот указательный палец правой руки, начинает покусывать ноготь.

— Эбби показал вам палец, — говорит Ронни.

— Я знаю. Дальше?

— Тай сказал, что хочет куда-то поехать.

— Где вы тогда были?

— Э... рядом с «Увенимагом».

— «Универмагом», — поправляет его Ти-Джи. — Универмаг, садовая твоя голова, не увенимаг.

— И?

— И Тайлер сказал... — Ронни смотрит на Ти-Джи. — Тайлер сказал, что хочет куда-то поехать.

— И куда он поехал, на запад или на восток?

Мальчики смотрят на него так, словно он вдруг перешел на иностранный язык. Вопрос ставит их в тупик.

— К реке или от реки?

Они вновь переглядываются. Этот вопрос задан на английском, но точного ответа у них нет.

— Я не знаю, — первым отвечает Ронни.

— Как насчет тебя, Ти-Джи? Ты знаешь?

Ти-Джи мотает головой.

— Хорошо. Это честно. Вы не знаете, потому что не видели, как он уехал? И он, конечно же, не говорил вам, что хочет куда-то поехать, не так ли? Готов поспорить, все это придумал Эбби.

Ти-Джи сжимается в комок, а Ронни в изумлении таращится на Джека. Еще бы, первая встреча с Шерлоком Холмсом.

— Помните, как я проехал мимо вас на пикапе? — Оба кивают. — Тайлер тогда был с вами. — Опять кивки. — Вы уже съехали с тротуара у «Универмага Шмитта» и направлялись на восток по Чейз-стрит, от реки. Я видел вас в зеркале заднего обзора. Эбби изо всех сил жал на педали. Вы двое могли поспеть за ним. Тайлер меньше вас, и он сразу же отстал. Так что я знаю, что один он никуда не уезжал. Он просто не мог угнаться за вами.

— Он отстал, отстал, — верещит Мецгер, — и Бырак выскочил и схватил его. — Из его глаз льются слезы.

Джек наклоняется вперед:

— Ты видел, как это случилось? Кто-нибудь из вас видел?

— Н-е-е-е-т, — рыдает Ронни.

Ти-Джи медленно качает головой.

— Вы не видели, как кто-нибудь говорил с Таем, не видели, как рядом останавливался автомобиль, как Тай заходил в магазин, или еще что-нибудь?

Мальчики что-то бормочут, их голоса накладываются друг на друга, но Джеку ясно, что они ничего не видели.

— Когда вы поняли, что его нет?

Ти-Джи открывает рот, потом закрывает. Говорит Ронни:

— Когда ели мороженое.

Ти-Джи согласно кивает.

Еще два вопроса позволяют выяснить, что мороженое они купили в магазине «С семи до одиннадцати», как и карты «Магия», и буквально через пару минут заметили отсутствие Тайлера Маршалла.

— Эбби сказал, что Тай может купить нам еще по колоде карт «Магия», — добавляет Ронни.

Они подошли к главному. Каким бы ни был их секрет, связан он с тем, что произошло после того, как они вышли из магазина и заметили отсутствие Тайлера. И секрет этот принадлежит Ти-Джи. Мальчик разве что не потел кровью, тогда как воспоминания о мороженом и картах «Магия» значительно успокоили его друга. Но есть еще вопрос, который Джек хочет задать им обоим.

— Итак, Эбби захотел найти Тая. Вы все сели на велосипеды и отправились на поиски или Эбби послал одного из вас?

— Что? — переспрашивает Ронни. Ти-Джи опускает голову, скрещивает руки на затылке, словно защищаясь от удара. — Тайлер куда-то уехал, — добавляет Ронни. — Мы его не искали. Поехали в парк. Меняться картами «Магия».

— Понятно, — кивает Джек. — Ронни, благодарю тебя. Ты мне очень помог. Выйди из комнаты и подожди в коридоре с Эбби и патрульным Дюлаком. А я хочу поговорить с Ти-Джи. Больше пяти минут наш разговор не займет.

— Я могу идти? — Джек кивает, Ронни осторожно поднимается. Когда он добирается до двери, Ти-Джи вдруг вскрикивает. Он откидывается на спинку стула, сжимается в комок, смотрит на Джека блестящими круглыми глазами.

— Ти-Джи, — говорит Джек, — волноваться тебе не о чем, обещаю. — Теперь он наедине с мальчиком, который доказал, что что-то знает, устало заснув в комнате для допросов, и Джек прежде всего хочет отпустить ему грехи. Он уже догадывается о секрете Ти-Джи, и секрет этот — пшик, пользы от него никакой. — Что бы ты мне

ни сказал, арестовывать тебя я не собираюсь. Это я тебе точно обещаю. Тебе ничего не грозит, сынок. Более того, я рад, что ты и твои друзья приехали и помогли нам разобраться, что к чему.

В том же духе он говорит еще три или четыре минуты, в течение которых Ти-Джи Ренникер, только что приговоренный к смерти и уже стоявший перед расстрельной командой, понимает, что его помиловали и скоро он увидит и друзей, и родных. Кровь постепенно приливает к лицу, взгляд уже не такой запуганный.

— Скажи мне, что сделал Эбби, — добавляет Джек. — Это останется между нами. Я никому не скажу. Честное слово. Я тебя не выдам.

— Он хотел, чтобы Тай купил нам еще по колоде карт «Магия», — отвечает Ти-Джи, нащупывая путь по незнакомой территории. — Если бы Тай был с нами, он бы купил. Эбби умеет добиваться своего. Вот... вот он и велел мне поехать вниз и привезти копушу, а не то я получил бы индейский ожог.

— И ты сел на велосипед и поехал обратно по Чейз-стрит.

— Да. Смотрел, но Тайлера нигде не видел. Я думал, что увижу, понимаете? Потому что куда он мог деться?

— И?.. — Джек чувствует, что секрет вот-вот откроется.

— И я все равно не увидел его. Добрался до Куин-стрит, на которой расположен дом для стариков за густой зеленой изгородью. Вот там я и заметил велосипед. На тротуаре рядом с изгородью. Рядом лежала его кроссовка. И листья из изгороди.

Вот он, бесполезный секрет. Может, не такой уж бесполезный. Достаточно точно установлено время исчезновения мальчика: четверть девятого, может, восемь двадцать. Велосипед простоял на тротуаре рядом с кроссовкой практически четыре часа, прежде чем их обнаружил Дэнни Щеда. «Центр Макстона» занимает весь квартал по Куин-стрит, и до начала Клубничного фестиваля по этой улице, возможно, никто не проходил и не проезжал.

Ти-Джи рассказывает о своих страхах: если Рыбак утянул Тая в изгородь, он мог вернуться и за ним! В ответ на последний вопрос Джека мальчик говорит:

— Эбби велел нам говорить, что Тай уехал от нас у «Универмага», чтобы люди не винили нас, что мы его бросили. На случай, что его убили. Но Тая не убили, правда? Таких, как Тай, не убивают.

— Я на это надеюсь, — отвечает Джек.

— И я. — Ти-Джи вытирает ладонью нос.

— Ну, тебе пора домой. — Джек поднимается.

Ти-Джи тоже встает, направляется к двери.

— Ой! Я вспомнил!

— Что?

— Я видел на тротуаре перья.

Пол под ногами Джека наклоняется сначала влево, потом вправо, словно палуба корабля. Он удерживает равновесие, схватившись за спинку стула.

— Правда? — Берет себя в руки, прежде чем посмотреть на мальчика. — Какие перья?

— Черные. Большие. Похоже, вороньи. Одно лежало рядом с велосипедом, второе — в кроссовке.

— Это любопытно. — Джек выигрывает время, чтобы прийти в себя после встряски, вызванной неожиданным упоминанием перьев Ти-Джи Ренникером. До чего же нелепая реакция. На мгновение ему показалось, что он вот-вот грохнется в обморок. Его перышки были иллюзией, перышками нереальных малиновок, не существовавших в действительности. Джек твердит и твердит себе об этом, и наконец ему удается совладать с нервами, но нам следует помнить, что до конца этого дня и большую часть следующего слово «перья» плавает в его голове, иной раз выскакивая на поверхность со сверканием молнии и раскатами грома.

— Странно это, — говорит Ти-Джи. — Каким образом перо могло попасть в его кроссовку?

— Может, принес ветер. — Джек сознательно игнорирует отсутствие ветра в этот день. Убедившись, что пол под

его ногами выровнялся, знаком руки предлагает Ти-Джи открыть дверь в коридор, идет за ним.

Эбби Уэкслер отлепляется от стены. Он стоит рядом с Бобби Дюлаком. Бобби по-прежнему напоминает мраморную глыбу. Ронни Мецгер отступает на шаг.

— Мы можем отпустить мальчиков, — говорит Джек. — Они выполнили свой долг.

— И что сказал вам Ти-Джи? — мрачно спрашивает Эбби.

— Он ясно дал понять, что вы ничего не знаете об исчезновении вашего друга, — отвечает Джек.

Эбби расслабляется, но сердито зыркает по сторонам. Последний взгляд достается Джеку, который в недоумении изгибает бровь.

— Я не плакал, — говорит Эбби. — Я испугался, но не плакал.

— Ты испугался, понятное дело, — кивает Джек. — В следующий раз не лги мне. У тебя был шанс помочь полиции, но ты его упустил.

Эбби пожимает плечами:

— Может, и так, но палец я показывал не вам, а этой дурацкой музыке.

— Мне она тоже не нравилась. На том, чтобы прослушать ее, настоял мой пассажир. Вы знаете, кто он? — Эбби недоверчиво смотрит на Джека, и тот сам отвечает на свой вопрос: — Джордж Рэтбан.

С тем же успехом он мог сказать «Супермен» или «Арнольд Шварценеггер». От подозрительности Эбби не остается и следа, лицо трансформируется. Теперь на нем написан благоговейный восторг.

— Вы знаете Джорджа Рэтбана?

— Он — один из моих самых близких друзей, — отвечает Джек, не добавляя, что и остальные его лучшие друзья, в принципе, тоже Джордж Рэтбан.

— Круто, — вырывается у Эбби.

— Круто, — доносится голос Ти-Джи.

— Джордж — крутой парень, — кивает Джек. — Я передам ему, что вы это знаете. А теперь вниз и на велосипеды.

В восторге от того, что они краем глаза смогли увидеть самого Джорджа Рэтбана, мальчишки седлают велосипеды, крутят педалями по Самнер-стрит, сворачивают на Вторую.

— Удачная выдумка, насчет Джорджа Рэтбана, — говорит Бобби Дюлак. — Они уехали счастливыми.

— Это не выдумка.

Бобби застывает как вкопанный:

— Джордж Рэтбан — ваш друг?

— Да, — кивает Джек. — Но иногда он совершенно несносен.

Дейл и Фред Маршалл сразу поворачиваются к Джеку, когда тот входит в кабинет. Во взгляде Дейла — жажда новой информации, Фреда Маршалла — надежда.

— Ну? — спрашивает Дейл.

(перья)

— Ты не ошибся, они кое-что скрывали, но ничего особенного.

Фред Маршалл тяжело откидывается на спинку стула, часть надежды на счастливый исход выходит из него, как воздух из проколотого колеса.

— Вскоре после того, как они вышли из магазина «С семи до одиннадцати», Уэкслер отправил Ти-Джи за вашим сыном, — рассказывает Джек. — Доехав до Куин-стрит, Ти-Джи увидел на тротуаре велосипед и кроссовку. Разумеется, они сразу же подумали о Рыбаке. Эбби Уэкслер смекнул, что вину за похищение Тайлера могут возложить и на них, все-таки они его бросили, и придумал версию, которую вы слышали, будто Тайлер уехал от них, а не наоборот.

— Если вы видели всех четверых примерно в восемь десять, значит, Тайлер исчез буквально через не-

сколько минут. Что же делал этот псих, прятался за изгородью?

— Возможно, что и прятался, — кивает Джек. — Твои люди проверили изгородь?

(перья)

— Детективы полицейского управления тщательно осмотрели и саму изгородь, и землю под ней. Нашли только листья и грязь.

Фред Маршалл вскакивает и с силой врезает кулаком по столу:

— Мой сын пропал за четыре часа до того, как кто-то заметил велосипед. Сейчас уже половина восьмого вечера! Его нет уже целый день! Чего я здесь сижу? Мне надо ездить по городу, искать его!

— Все ищут твоего сына, Фред, — отвечает ему Дейл. — Мои парни, детективы из полицейского управления, даже ФБР.

— Я на них не надеюсь, — качает головой Фред. — Они до сих пор не могут найти Ирму Френо, не так ли? Как они найдут моего сына? Насколько я понимаю, у меня только один шанс. — Он поворачивается к Джеку, его глаза ярко вспыхивают. — Этот шанс — вы, лейтенант. Вы мне поможете?

Третья и наиболее тревожная мысль, которая утаивалась до сих пор, обусловленная опытом полицейского, заставляет его сказать:

— Я бы хотел поговорить с вашей женой. Полагаю, вы намереваетесь навестить ее завтра. Не будете возражать, если я поеду с вами?

Дейл моргает:

— Может, нам следует это обсудить? Ты думаешь, от этого будет толк?

— Возможно, — отвечает Джек.

— Ей наверняка станет полегче, если она увидит вас, — уверенно заявляет Фред. — Вы ведь живете в Норвэй-Вэлли? Это по пути в Арден. Я могу заехать за вами около девяти.

— Увидимся в девять, — отвечает Джек, игнорируя взгляд друга, красноречиво говорящий, что он считает эту поездку ненужной, и внутренний голос, нашептывающий: *(перья)*.

— Потрясающе! — восклицает Генри Лайден. — Не знаю, благодарить тебя или поздравлять. Пожалуй, уместно и первое, и второе. Мне представляется, что ты рад, что все так обернулось.

— Не говори глупостей. Я поехал туда только для того, чтобы отец мальчика не приезжал ко мне домой.

— Это не единственная причина.

— Ты прав. Я немного нервничал. И решил, что смена обстановки пойдет мне на пользу.

— Но была также и другая причина.

— Генри, ты по самые яйца в свином навозе, ты это знаешь? Ты думаешь, что я так поступил из чувства гражданского долга, или из сострадания, или из альтруизма, или чего-то там еще, но это не так. Мне не хочется этого говорить, но у меня далеко не такое доброе сердце и не столь развитое чувство ответственности, как тебе кажется.

— По самые яйца в свином навозе? Ты попал в десятку. Я не то что по яйца в свином навозе, а по грудь, а то и по подбородок, и не только сейчас, но большую часть моей жизни.

— Приятно слышать, что ты это признаешь.

— Однако ты неправильно меня понял. Ты прав, я думаю, что ты хороший, порядочный человек. Я не просто так думаю, я это знаю. Ты скромный, сострадательный, честный, ответственный... каким бы ты сам себя ни считал. Но я-то говорю не об этом.

— Тогда о чем?

— Другая причина, по которой ты решил поехать в полицейский участок, связана с той проблемой, тревогой, заботой, как ни назови, которая донимает тебя последнюю пару недель. Все это время ты ходишь как в воду опущенный.

— Ха! — вырывается у Джека.

— Эта проблема, этот твой секрет, отнимает у тебя половину времени и внимания, ты существуешь только наполовину. Сладенький, неужели ты думаешь, что я не замечаю, когда ты встревожен или поглощен своими мыслями? Я, возможно, слепой, но уж это я вижу.

— Хорошо. Положим, в последнее время что-то меня тяготило. Но при чем здесь моя поездка в полицейский участок?

— Варианта два. Или ты поехал, чтобы схлестнуться с тем, что тяготило тебя, или ты от этого убегал.

Джек молчит.

— Отсюда предположение: эта проблема должна иметь отношение к полицейскому периоду твоей жизни. Возможно, связана с каким-то давним делом. Может, преступник, которого ты засадил за решетку, недавно освободился и теперь грозится убить тебя. А может, дело совсем в другом: выяснилось, что у тебя рак печени и жить тебе осталось три месяца.

— У меня нет рака печени, и, насколько мне известно, никто из освободившихся преступников не собирается меня убивать. Все мои дела, во всяком случае большинство, спокойно хранятся в архиве УПЛА. Разумеется, кое-что меня в последнее время тревожило, и мне следовало ожидать, что ты это заметишь. Но я не хотел, ну, грузить тебя этой проблемой, пока не разобрался с ней сам.

— Скажи мне только одно. Ты собираешься схлестнуться с ней или убежать от нее?

— На этот вопрос ответа нет.

— Это мы еще поглядим. Еда наконец готова? Я умираю, просто умираю с голоду. Ты слишком медленно готовишь. Я бы уже десять минут как все закончил.

— Придержи лошадей, — отвечает Джек. — Осталось немного. Все дело в твоей идиотской кухне.

— Самая рациональная кухня в Америке. Может, и во всем мире.

Быстро ретировавшись из полицейского участка, чтобы избежать бесполезного разговора с Дейлом, Джек вдруг решил позвонить Генри с предложением приготовить обед для них обоих. Пара хороших стейков, бутылка доброго вина, жареные грибы, овощной салат. Все необходимое он мог купить во Френч-Лэндинге. Раньше Джек три или четыре раза готовил обед для Генри, а один раз Генри приготовил несъедобный обед (домоправительница взяла все баночки с травами и приправами, чтобы помыть их, а потом поставила не на те места). В половине девятого он подъехал к просторному белому дому Генри, поприветствовал хозяина и с продуктами и «Холодным домом» прошел в кухню. Положил книгу на дальний край стола, открыл бутылку вина, налил по стакану хозяину и себе и принялся за готовку. Но поначалу несколько минут привыкал к особенностям кухни Генри, в которой все лежало не по видам, сковородки — со сковородками, кастрюли — с кастрюлями, а по назначению, в соответствии с блюдами, для которых требовались те или иные кухонные принадлежности. Если Генри хотел пожарить форель и картофель, от него требовалось лишь открыть определенный шкафчик и воспользоваться всем, что там лежало. Кухонные принадлежности делились на четыре основные группы (мясо, рыба, птица и овощи), с многочисленными подгруппами и подподгруппами в каждой категории. Эта система классификации сбивала Джека с толку, и иной раз ему приходилось заглядывать в несколько ящиков, прежде чем он находил нужную сковородку или лопаточку. Пока Джек рубит овощи, Генри накрывает на стол, ставит тарелки и столовые приборы и садится, чтобы расспросить своего отягощенного заботами друга.

Наконец стейки перемещаются на тарелки, к ним присоединяются грибы, а середину стола занимает большая деревянная салатница. Генри заявляет, что еда отменная, пригубливает вино.

— Раз уж ты не хочешь говорить о том, что тебя тяготит, расскажи, что произошло в полицейском участке.

Я полагаю, сомнений в том, что похищен еще один ребенок, уже нет.

— К сожалению, практически нет. Это мальчик, Тайлер Маршалл. Его отец — Фред Маршалл, он работает в «Гольце». Ты его знаешь?

— Прошло уже много лет с тех пор, как я покупал у него комбайн, — отвечает Генри.

— Прежде всего меня приятно удивило, что Фред Маршалл — очень хороший человек, — продолжает Джек и во всех подробностях рассказывает о том, как он провел время в полицейском участке, опустив лишь один момент, свою третью, невысказанную мысль.

— Ты действительно сказал, что хочешь навестить жену Маршалла? В отделении для психических больных Лютеранской больницы?

— Да, — кивает Джек. — Я еду туда завтра.

— Не понимаю. — Генри ест, придавливая стейк ножом, накалывая на вилку, отрезая узкую полоску и отправляя ее в рот. — Почему ты захотел повидаться с матерью?

— Потому что думаю, что она так или иначе задействована в этом.

— Да перестань. Мать мальчика?

— Я не говорю, что она — Рыбак, потому что, конечно же, это не так. Но, по словам ее мужа, поведение Джуди Маршалл начало меняться до того, как исчезла Эми Сен-Пьер. Ей становилось все хуже по мере того, как убивали детей, а в день исчезновения сына она окончательно свихнулась. И Фреду пришлось отправить ее в больницу.

— Ты не считаешь, что у нее был отличный повод для того, чтобы свихнуться?

— Она свихнулась до того, как ей сказали об исчезновении сына. Ее муж думает, что она — эспер! Он говорит, что она заранее знала об убийствах, о появлении Рыбака. И знала о том, что случилось с сыном до обнаружения велосипеда. Когда Фред Маршалл пришел домой, она уже ободрала стены и несла какой-то бред. Совершенно не контролировала себя.

— Известно множество случаев, когда матери внезапно узнают об опасности или травме, угрожающих их детям. Телепатическая связь. Наука, естественно, это отрицает, но такое случается.

— Я не верю в сверхъестественные способности и не верю в совпадения.

— Тогда о чем ты говоришь?

— Джуди Маршалл что-то знает, и то, что ей известно, очень важно. Фред не может этого понять, он слишком заклинен на происходящем, Дейл — тоже. Ты бы слышал, как Фред о ней говорил.

— Что же она может знать?

— Я думаю, она знает, она знает Рыбака. Я думаю, это достаточно близкий ей человек. Кем бы он ни был, она знает его имя, и это сводит ее с ума.

Генри хмурится и, пользуясь привычным приемом, отправляет в рот кусок стейка.

— Так ты едешь в больницу, чтобы убедить ее сказать правду.

— Да. В принципе.

В кухне повисает загадочная тишина. Генри неторопливо пережевывает мясо, потом запивает его каберне.

— Как прошло твое шоу? Все нормально?

— Как по маслу. Это милое старичье так и рвалось на танцплощадку, даже в инвалидных креслах. Только один старик мне очень не понравился. Нагрубил женщине, которую зовут Элис, попросил меня завести «Кошмар леди Магоуэн», такой мелодии не существует, возможно, ты знаешь.

— Есть «Сон леди Магоуэн». Вуди Эрман.

— Молодец. Но главное, ужасный голос у этого старика. Словно из ада. Так или иначе, но пластинки Вуди Эрмана у меня не было, тогда он попросил «Мне не терпится начать» Банни Беригэна. Так уж вышло, что это была любимая мелодия Роды. С учетом моих галлюцинаций меня словно ударило обухом по голове. Не знаю почему.

Несколько минут они молча ели.

— И что все это значит, Генри? — спрашивает Джек.

Генри склоняет голову набок, прислушиваясь к внутреннему голосу. Хмурится, кладет вилку на стол. Внутренний голос продолжает требовать внимания. Он поправляет черные очки и поворачивается к Джеку:

— Что бы ты ни говорил, ты по-прежнему думаешь как коп.

Джек чувствует, что эти слова — не комплимент.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Копы все видят несколько в ином свете, чем те, кто не служит в полиции. Когда коп смотрит на человека, он сразу задается вопросом, в чем тот виновен. Мысль о возможной невиновности просто не приходит ему в голову. Для копа, который отслужил десять или больше лет, все, кроме копов, виновны. Только большинство еще не успели поймать.

Генри точно описал жизненное кредо десятков людей, с которыми когда-то работал Джек.

— Генри, откуда ты это знаешь?

— Я могу это видеть в их глазах, — отвечает Генри. — Так полисмены воспринимают мир. Ты — полисмен.

— Я — копписмен, — вырывается у Джека. Устыдившись, он краснеет. — Извини, эта глупая фраза вертелась у меня в голове и вдруг выскочила наружу.

— Почему бы нам не помыть посуду и не приняться за «Холодный дом»?

После того как тарелки установлены в сушку, Джек берет книгу с дальнего края стола и идет за Генри в гостиную, по пути, как обычно, бросив взгляд в студию своего друга. Дверь с большой стеклянной панелью ведет в комнатку со звуконепроницаемыми стенами, заставленную электронным оборудованием: микрофон и проигрыватель вернулись из «Макстона» и теперь стоят перед вращающимся стулом Генри. Под рукой и музыкальный центр для лазерных дисков, и пленочный магнитофон, и пульт для микширования. Большое окно выходит на

кухню. Когда Генри проектировал студию, Рода потребовала прорубить это окно, потому что хотела видеть, как он работает. Все провода скрыты от глаз. Аккуратностью и порядком студия напоминает капитанскую каюту на корабле.

— Похоже, ты собирался поработать этим вечером, — замечает Джек.

— Я хотел закончить две программы Генри Шейка, и я готовлю праздничный салют в честь дня рождения Лестера Янга и Чарли Паркера.

— Они родились в один день?

— Практически. Двадцать седьмого и двадцать девятого августа. Что скажешь, зажигать свет или нет?

— Пожалуй, зажги.

Генри Лайден зажигает две лампы у окна, Джек Сойер садится в большое кресло у камина, включает торшер и наблюдает, как Генри садится на удобный диван, зажигает два торшера по его сторонам. Ровный свет наполняет длинную комнату, кресло Джека стоит в наиболее освещенном месте.

— «Холодный дом», Чарльз Диккенс, — объявляет он. Откашливается. — Ну что, Генри, поехали?

— «Лондон. Михайлова сессия[1] близится к завершению... — читает он и уходит в мир грязи и сажи. Грязные собаки, грязные лошади, грязные люди, день без света. Скоро он добирается до второго абзаца. — Туман везде. Туман в верховьях Темзы, где он плывет над зелеными островками и лугами; туман в низовьях, где он клубится среди леса мачт и над отбросами большого (и грязного) города. Туман на Эссекских болотах, туман на Кентских высотах. Туман заползает в камбузы угольных бригов; туман лежит на верфях и плывет сквозь снасти больших кораблей; туман оседает на бортах барж и маленьких суденышек».

[1] Михайлова сессия — осенняя, октябрь—декабрь, сессия Высокого суда правосудия, начинается в Михайлов день (29 сентября).

Голос смолкает, действительность смешивается с вымыслом. Атмосфера удивительно напоминает Френч-Лэндинг, Самнер-стрит и Чейз-стрит, свет в окнах гостиницы «Дуб», Громобойную пятерку с Нейлхауз-роуд, серый склон, поднимающийся от реки, Куин-стрит и зеленую изгородь «Макстона», маленькие дома, рассыпанные вдоль шоссе... Все упомянутое задушено невидимым туманом, который накрывает своим пологом и потрепанный временем и непогодой щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», и бар «Сэнд», после чего ползет дальше, по холмам и долинам.

— Извини, — говорит Джек. — Задумался...

— Я тоже, — отвечает Генри. — Продолжай.

Джек, понятия не имеющий о существовании за щитом «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» черного дома, в который со временем ему придется войти, сосредоточивается на «Холодном доме». За окнами темнеет, свет ламп становится ярче. Дело Джарндайса и Джарндайса плетется по судам, ускоряемое или замедляемое стараниями адвокатов Чиззла, Миззла и Дриззла; леди Дедлок оставляет сэра Лейсестера Дедлока одного в их огромном поместье с обветшалой часовней, застывшей рекой и «дорожкой призрака»; Эстер Саммерсон начинает рассказ от первого лица. Наши друзья решают, что в честь появления Эстер недурно и выпить, раз уж ее рассказ затягивается. Генри поднимается с дивана, идет на кухню, возвращается с двумя низкими широкими стаканами, на треть наполненными виски «Болвени дабл-вуд», и стаканом чистой воды для чтеца. Пара глотков, несколько слов одобрения, и Джек вновь читает. Эстер, Эстер, Эстер. За розовыми очками, через которые она смотрит на мир, история набирает ход, увлекая и чтеца, и слушателя.

Дочитав очередную главу, Джек закрывает книгу и зевает. Генри встает и потягивается. Они идут к двери, Генри выходит вместе с Джеком под бескрайнее, усыпанное звездами небо.

— Хочу задать тебе один вопрос, — нарушает тишину Генри.

— Валяй.

— Попав в полицейский участок, ты действительно почувствовал себя копом? Тебе казалось, что ты им прикидываешься?

— Знаешь, меня самого это удивило, — отвечает Джек. — Едва переступив порог, я снова стал копом.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что твои слова означают, что ты бежишь навстречу своему таинственному секрету, а не от него.

Качая головой и улыбаясь, сознательно не отвечая Генри, Джек садится за руль и уже из кабины прощается с хозяином. Двигатель кашляет и заводится, вспыхивают фары, Джек едет домой.

Глава 9

Не столь уж много часов спустя Джек вышагивает по пустынному парку развлечений под серым осенним небом. Оставляет позади лоток по продаже хот-догов, тир, павильон игровых автоматов. Прошел дождь, но в воздухе пахнет новым. Неподалеку кто-то играет на гитаре. Вроде бы мелодия веселая, но Джека она пугает. Нечего ему тут делать. Это старое место, опасное место. Он проходит мимо русских горок. Перед аттракционом щит: «СПИДИ ОПОПАНАКС ОТКРОЕТСЯ В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ[1] 1982 ГОДА — ТОГДА И УВИДИМСЯ».

«Опопанакс», — думает Джек, только он более не Джек; теперь он Джеки. Точнее, Джеки-бой, и он и его

---

[1] День поминовения — официальный нерабочий день, отмечаемый в память о погибших во всех войнах США. В большинстве штатов отмечается 30 мая, в южных штатах — 26 апреля, 10 мая или 30 июня.

мать бегут. От кого? От Слоута, разумеется. От пугающе опасного дяди Моргана.

«Спиди, — думает Джек, и, словно получив его телепатический сигнал, густой, чуть глотающий слова голос начинает петь: — «Малиновка вдаль / Улетает, звеня, / Нет голоса в мире чудесней... / И нет больше слез, / Где мерцание звезд / Подпевает в такт ее песне...»

«Нет, — думает Джек. — Я не хочу тебя видеть. Я не хочу слышать твою песню. Ты не можешь быть здесь, ты умер. Умер на пирсе Санта-Моники. Старый лысый чернокожий мужчина, лежащий под застывшими лошадками карусели».

Да нет же. Когда возвращается логика полицейского, она пробирается и в сны. Ему не требуется много времени, чтобы понять, что это не Санта-Моника: слишком холодно и слишком далеко в прошлом. Это земля прошлого, в которую Джеки и королева би-фильмов убежали из Калифорнии. И бежали не останавливаясь, пока не добрались до другого побережья, до места, куда Лили Кавано Сойер...

Нет, я не думаю об этом, я никогда не думаю об этом.

...пришла, чтобы умереть.

«Проснись, немедленно проснись, соня!»

Голос его давнего друга.

Друга, как бы не так. Это он указал мне путь, на котором меня ждало столько преград, он встал между мной и Ричардом, моим настоящим другом. Из-за него я едва не погиб, едва не сошел с ума.

«Просыпайся, просыпайся, вылезай из кровати!»

Просыпайся-просыпайся. Пора взглянуть в лицо страшному опопанаксу. Пора вернуться в не такое уж милое прошлое.

— Нет, — шепчет Джек, и дорожка тут же заканчивается. Впереди карусель, вроде той, что была на пирсе Санта-Моники, вроде той, которую он видел... ну, в прошлом. Это гибрид, плод воображения, не существующий ни здесь, ни там. Но вот о человеке, который с гитарой на ко-

ленях сидит под одной из застывших лошадок, такого сказать нельзя. Джеки-бой всегда и везде узнал бы это лицо, и его сердце вновь переполняется любовью. Он борется с ней, но это борьба, в которой очень немногие могли бы выйти победителями, и уж конечно, не те, кто внезапно вернулся в далекое детство.

— Спиди! — кричит он.

Старик смотрит на него, и его коричневое лицо расплывается в улыбке.

— Странник Джек! Как мне недоставало тебя, сынок.

— Мне тоже, — говорит Джек. — Я больше не странствую. Осел в Висконсине. Это... — Он указывает на волшебным образом вернувшееся тело мальчика, футболку и джинсы. — Это сон.

— Может, да, а может, и нет. Во всяком случае, тебе предстоят новые странствия, Джек. Я уже не один день пытаюсь тебе это сообщить.

— О чем ты?

Улыбка Спиди по центру остается лукавой, по краям — раздраженной.

— Не морочь мне голову, Джеки. Посылал тебе перышки, не так ли? Посылал тебе яйцо малиновки. И не одно.

— Почему люди не могут оставить меня в покое? — спрашивает Джек. Голос его подозрительно дрожит. В нем уже слышатся близкие слезы. — Ты... Генри... Дейл.

— Прекрати, — сурово осекает его Спиди. — Для сюсюканья времени больше нет. Игра пошла жесткая. Или нет?

— Спиди...

— У тебя твоя работа, у меня — моя. Одна и та же, между прочим. Так что не вздумай хныкать при мне, Джек, не заставляй меня вправлять тебе мозги. Ты — копписмен, каким всегда и был.

— Я вышел на...

— Хрена с два! Он уже убил детей, и это плохо. Он будет убивать и дальше, если ты ему позволишь, это еще

хуже. Но тот, кто сейчас у него... — Спиди наклоняется вперед, черные глаза сверкают на темном лице. — Мальчика нужно вернуть, и как можно скорее. Если ты не сможешь привести его назад, тебе придется убить его, хотя мне не хочется даже думать об этом. Потому что он — Разрушитель. И очень могущественный. И ему, возможно, понадобится лишь еще один, чтобы разрушить ее.

— Понадобится кому? — спрашивает Джек.

— Алому Королю.

Спиди смотрит на него, потом отвечает строкой из песни: «...И нет больше слез, / Где мерцание звезд / Подпевает в такт ее песне...»

— Спиди, я не могу!

Рука резко проходится по струнам. Спиди бросает на двенадцатилетнего Джека такой ледяной взгляд, что холод пробирает мальчика до костей. Когда Спиди Паркер вновь начинает говорить, в голосе явственнее чувствуется южный акцент. И презрение.

— Принимайся за дело, слышишь меня? Хватит хныкать и канючить! Подбери силу воли там, где ты ее оставил, и принимайся за дело!

Джек отступает на шаг. Тяжелая рука ложится ему на плечо, и он думает: «Это дядя Морган. Он или преподобный Гарденер. На дворе 1981 год, и я должен снова...»

Но то мысль мальчика, а сон-то — мужчины. Джек Сойер, каким он стал теперь, не желает повторять отчаянный путь мальчика. «Нет, никогда. Не хочу. Эти лица и эти места — в прошлом. Мне крепко досталось, и я не хочу нарываться на то же самое из-за нескольких воображаемых перышек, нескольких воображаемых яиц, одного дурного сна. Найди себе другого мальчика, Спиди. Этот уже вырос».

Он поворачивается, готовый к схватке, но никого нет. Лишь на земле, словно сдохший пони, лежит велосипед мальчика. Под номерным знаком за сиденьем надпись: «БИГ МАК». Вокруг разбросаны блестящие вороньи пе-

рья. И теперь Джек слышит другой голос, холодный и скрипучий, отвратительный и, безусловно, злобный. Он знает, что голос этот принадлежит тому, кто касался его плеча.

— И правильно, подтиральщик. Держись в стороне. Перейдешь мне дорогу, и я развешу твои внутренности от Расина до Ла Ривьеры.

В земле перед велосипедом появляется дыра. Расширяется, как открывающийся глаз. Продолжает расширяться, и Джек бросается к ней. Это путь назад. Это выход. Презрительный голос не отстает.

— Все так, дрочило. Беги! Беги от аббала! Беги от короля! Беги, спасай свою жалкую, гребаную жизнь! — Голос переходит в смех, и смех этот преследует Джека Сойера в соединяющей миры темноте.

Много позже Джек, голый, стоит у окна спальни, почесывает зад и наблюдает, как на востоке светлеет небо. Он не спит с четырех утра. Не может вспомнить большую часть сна (его оборонительные укрепления, возможно, сильно потрепало, но они не рухнули), однако одно ему совершенно очевидно: труп на пирсе Санта-Моники напомнил ему человека, которого он когда-то знал, вот и вывел его из равновесия до такой степени, что пришлось оставить службу в полиции.

— Ничего этого никогда не было, — говорит он нарочито спокойным голосом нарождающемуся дню. — В переходном возрасте у меня был нервный срыв, вызванный стрессом. Моя мать думала, что она умирает от рака, схватила меня, и мы помчались на Восточное побережье. Бежали до самого Нью-Хэмпшира. Она думала, что возвращается умирать в Самое Счастливое Место. Потом выяснилось, что болезнь — плод воображения, результат творческого кризиса, но откуда ребенок мог об этом знать? Я переживал. Мне снились сны.

Джек вздыхает:

— Мне приснилось, что я спас жизнь своей матери.

Звонит телефон, резкий, пронзительный звук разрывает темноту комнату.

Джек Сойер кричит.

— Я вас разбудил, — говорит Фред Маршалл, и Джек тут же понимает, что тот не спал всю ночь, сидя в одиночестве, потеряв и жену, и сына. Должно быть, перелистывал семейные альбомы, сидя перед включенным телевизором. Знал, что сыплет соль на раны, но ничего не мог с собой поделать.

— Нет, — отвечает Джек, — по правде говоря...

Он замолкает. Телефон стоит на столике у кровати, рядом с ним — блокнот. В блокноте — запись. Должно быть, сделанная Джеком, поскольку в доме он один (элементарно, Ватсон), да вот почерк не его. В какой-то момент, во сне, он написал пару строк почерком матери.

Башня. Балки. Если балки рушатся, Джеки-бой, если балки рушатся — башня падает.

И все. Есть только бедный Фред Маршалл, который на собственной шкуре убедился, сколь быстро может меняться к худшему безмятежная, залитая солнечным светом жизнь на Среднем Западе. Джек пытается что-то из себя выдавить, скорее всего не очень связное, потому что его мысли сосредоточены на этой подделке, сработанной подсознанием, но Фред, похоже, его и не слушает, что-то бормочет и бормочет, на одной ноте, без пауз, переходя от предложения к предложению, изливает и изливает душу. И даже Джек, который сам никак не может прийти в себя, понимает, что Фред Маршалл из дома №16 по Робин-Гуд-лейн уже на пределе и вот-вот сломается. Если ситуация в самом ближайшем времени не изменится для него к лучшему, ему скорее всего не придется навещать жену в отделении Д в Лютеранской окружной больнице: им выделят семейную палату.

Джек понимает, что речь идет о предстоящей поездке к Джуди. Больше не пытается прервать Фреда, только слушает, хмуро глядя на запись в блокноте, которую сам и сделал. Башня и балки. Какие балки? Потолочные балки? Опорные балки? Выше стропила, плотники?

— ...знаю что собирался заехать за вами в девять но доктор Спайглман это ее лечащий врач Спайглман его фамилия он сказал что у нее выдалась очень плохая ночь с криками воплями бросанием на стену поэтому они дали ей какой-то новый препарат он называется Памизен или Патизон я не записал Спайглман позвонил пятнадцать минут назад даже интересно спят ли они когда-нибудь и сказал что мы можем увидеться с ней в четыре часа к четырем ее состояние стабилизируется и мы сможем поговорить с ней так что я думаю что заеду за вами в три а если у вас...

— Три меня устроит, — ровным голосом вставляет Джек.

— ...другие планы я конечно пойму но мог бы заехать только не подумайте будто всё дело в том что я не хочу ехать один...

— Я буду вас ждать, — вставляет Джек. — Мы поедем на моем пикапе.

— ...я вот думал услышать что-нибудь о Тае или того кто его похитил может требование о выкупе но позвонил только Спайглман он лечащий врач моей жены в...

— Фред, я намерен найти вашего сына.

Джек в ужасе от смелости своего заявления, от самоубийственной уверенности, которую слышит в собственном голосе, но определенного результата его слова достигают сразу: поток мертвых слов на другом конце провода обрывается. В трубке устанавливается благостная тишина.

Наконец Джек слышит дрожащий шепот Фреда:

— О, сэр. Если бы я только мог в это поверить.

— Я прошу вас попытаться, — отвечает Джек. — И возможно, по ходу мы сможем вернуть рассудок вашей жене.

«Возможно, они оба в одном месте», — думает он, но этих слов не произносит.

С другого конца провода доносятся всхлипы. Фред Маршалл заплакал.

— Фред.

— Да?

— Вы приезжаете ко мне в три часа дня.

— Да. — Опять всхлипывание. Джек понимает, каким пустым кажется сейчас Фреду Маршаллу его дом, и ему искренне жаль своего собеседника.

— Я живу в Норвэй-Вэлли. Проедете мимо «Магазина Роя», через Тамарак...

— Я знаю, куда ехать. — В голосе Фреда слышится нотка раздражения. Джек этому только рад.

— Хорошо. Увидимся.

— Будьте уверены. — В голосе слышится жалкое подобие, тень интонаций Фреда-продавца, и у Джека щемит сердце.

— В котором часу?

— В т-три? — Потом куда более уверенно: — В три.

— Совершенно верно. Поедем на моем пикапе. На обратном пути, может, поужинаем в «Кухне Греты». До свидания, Фред.

— До свидания, сэр. И спасибо вам.

Джек кладет трубку. Вновь смотрит на собственноручную запись, сделанную почерком матери, и думает, как это можно охарактеризовать, пользуясь полицейской терминологией? Самоподделка? Фыркает, сминает листок, начинает одеваться. Решает выпить стакан сока, а потом прогуляться час-другой. Чтобы выветрить из головы все дурные сны. Вместе с заунывным, на одной ноте, голосом Фреда Маршалла. Потом, после душа, он может позвонить, а может и не звонить, Дейлу Гилбертсону, чтобы узнать, появилось ли в расследовании что-нибудь новое. Если он действительно хочет влезть в это дело, работы предстоит куча... побеседовать с родителями детей... осмотреть дом для престарелых, рядом с которым исчез младший Маршалл...

Весь в этих мыслях (приятных, кстати, мыслях, хотя, скажи ему кто-нибудь об этом, он бы начал яростно отрицать), Джек чуть не спотыкается о коробку, стоящую на коврике у его входной двери. Там Бак Эвиц оставляет посылки, если приносит их с собой, но до половины седьмого еще далеко, Эвиц приедет на своем маленьком синем мини-вэне только часа через два.

Джек наклоняется и осторожно поднимает посылку. Размером она с коробку для обуви, обернута в плотную коричневую бумагу, которая удерживается на месте не клейкой лентой, а большими блямбами красного пластилина. Кроме того, коробка перевязана шпагатом с большущим детским узлом. В верхнем правом углу марки, десять или двенадцать, с изображениями различных птиц (малиновок нет, не без облегчения отмечает Джек). С марками что-то не так, но поначалу Джек не может понять, что именно. Тем более что его внимание сосредоточено на адресе, который уж точно не такой, каким должен быть. Ни номера дома, ни почтового индекса, ни аббревиатуры БДПВСМ[1]. Нет и фамилии. Весь адрес состоит из одного и единственного слова, нацарапанного большими заглавными буквами:

ДЖЕКИ

Глядя на перекошенные буквы, Джек представляет себе руку, сжимающую в кулаке маркер «Шарпи»; прищуренные глаза; кончик языка, высунутый изо рта какого-то лунатика. Сердцебиение учащается вдвое.

— Мне это не нравится, — выдыхает он. — Мне это совершенно не нравится.

И разумеется, на то есть веские причины, копписменские причины, не говоря уж об остальном. Перед ним коробка из-под обуви, он это точно знает, пусть ее и скрывает оберточная бумага, а психи обожают класть

[1] БДПВСМ — бесплатная доставка почты в сельскую местность. Почтовая услуга, введенная конгрессом на постоянной основе в 1896 г.

бомбы в коробки из-под обуви. Надо быть сумасшедшим, чтобы вскрыть ее, но он догадывается, что вскроет при любом раскладе. Если коробка разорвет его на куски, по меньшей мере ему не придется участвовать в поисках Рыбака.

Джек поднимает коробку, подносит к уху, прислушивается, не тикает ли чего внутри, хотя полностью отдает себе отчет в том, что бомбы с часовым механизмом принадлежат прошлому, как и мультфильмы Бетти Буп[1]. Ничего не слышит, но понимает: что-то не так с марками. Это вообще не марки. Кто-то аккуратно вырезал передние боковинки пакетиков с сахаром, какие лежат во всех кафетериях, и прилепил скотчем на обернутую бумагой коробку из-под обуви. Невеселый смешок слетает с губ Джека. Какой-то псих прислал ему эту посылку. Псих, которому легче добраться до пакетиков с сахаром, чем до марок. Но как посылка попала сюда? Кто оставил ее здесь (вместе с непогашенными псевдомарками), пока он видел тревожные сны? И кто в этой части мира мог знать его как Джеки? Дни, когда он был Джеки, давно и безвозвратно ушли.

«Нет, не ушли, Странник Джек, — шепчет голос. — Никуда они не ушли. Так что хватит кукситься, и принимайся за дело, парень. Для начала посмотри, что в коробке».

Решительно игнорируя внутренний голос, который убеждает его воздержаться от глупостей, Джек развязывает шпагат, ногтем большого пальца отлепляет красный пластилин. Кто нынче пользуется пластилином, если хочет запечатать посылку? Оберточную бумагу он откладывает в сторону. Она тоже может пригодиться экспертам.

---

[1] Бетти Буп — персонаж короткометражных мультфильмов 1920—1930 гг., кокетливая дамочка с огромными удивленными глазами и обычно с некоторым непорядком в туалете. Стала первым мультперсонажем, запрещенным американской киноцензурой.

Коробка не из-под туфель, а из-под кроссовок. Если точнее, кроссовок «Нью баланс». Размер 5. Детский размер. И вот тут сердце Джека начинает биться втрое быстрее обычного. Он чувствует, как на лбу выступают капельки пота. Горло и сфинктер сжимаются. Это тоже знакомо. Такое всегда случается с копписменом, которому предстоит увидеть что-то ужасное. Джек в этом не сомневается, знает он и кто отправитель посылки.

«Это мой последний шанс выйти из игры, — думает он. — Потом останется только одно — гнать лошадей... уж не знаю куда».

Но он понимает, что это ложь. К полудню Дейл ждет его в полицейском участке на Самнер-стрит, в три часа Фред Маршалл приедет к нему домой, и они вместе отправятся в психиатрическое отделение окружной больницы на свидание с его сошедшей с ума женой. Рубикон уже перейден. Джек не может сказать, как и когда это произошло, но он уже вновь впрягся в полицейскую телегу. И если у Генри Лайдена хватит наглости поздравить его с этим, Джек вряд ли удержится от того, чтобы не дать хорошего пинка этой слепой заднице.

Голос из его сна нашептывает ему, пробиваясь из подсознания: «Я развешу твои внутренности от Расина до Ла Ривьеры». Джека эта угроза волнует не больше, чем псевдомарки на оберточной бумаге и с трудом написанные буквы его давнишнего прозвища. Ему приходилось иметь дело с психами. Не говоря уже про угрозы.

Он садится на ступеньки, коробку ставит на колени. Над северным полем серый свет. Банни Ботчер, сын Том-Тома, неделю назад выкосил его второй раз за лето, и теперь легкий туман висит над травой, едва доходящей до щиколоток. Над полем небо только начинает светлеть. Его бесцветье еще не замарано ни единым белым пятнышком облаков. Где-то кричит птица. Джек набирает полную грудь воздуха и думает: «Если я умру здесь и сейчас, это не самый худший вариант. Далеко не самый худший».

Затем, очень осторожно, он снимает крышку и откладывает в сторону. Ничего не взрывается. Но впечатление такое, будто кто-то наполнил коробку из-под кроссовок «Нью баланс» ночью. Тут до Джека доходит, что в коробке — вороньи перья, и по его рукам бегут мурашки.

Он протягивает к ним руки, замирает. Касаться этих перьев ему не хочется, как нет у него желания касаться полуразложившегося трупа умершего от черной оспы, но под перьями что-то лежит. Он это видит. Взять перчатки? Они в стенном шкафу холла...

— На хрен перчатки, — говорит Джек и выворачивает содержимое коробки на оберточную бумагу, которая лежит рядом с ним на крыльце. Поток перьев колышется, хотя утренний ветерок отсутствует напрочь. Потом на бумагу со стуком падает какой-то предмет. А мгновение спустя в нос Джеку ударяет неприятный запах, словно вонь протухшей колбасы.

Кто-то прислал мистеру Сойеру с Норвэй-Вэлли-роуд запятнанную кровью детскую кроссовку. Кто-то обглодал и саму кроссовку, и то, что находилось в ней. Он видит когда-то белую, а теперь скорее бурую материю: остатки носка. А в носке — лохмотья кожи. Это не просто детская кроссовка «Нью баланс». Это детская кроссовка «Нью баланс» со стопой ребенка внутри, со щиколоткой, обглоданной каким-то животным.

«Посылка от него, — думает Джек. — От Рыбака».

Рыбак дразнит его. Говорит: «Если хочешь, пожалуйста, залезай. Вода что надо, Джеки-бой, отличная вода».

Джек встает. Сердце бьется часто-часто, удары набегают один на другой, так что их и не сосчитать. Капли пота на лбу налились и уже катятся вниз, по щекам, словно слезы, губы, кисти, стопы онемели... однако он приказывает себе успокоиться. В Лос-Анджелесе, у опор мостов и в путепроводах под автомагистралями, ему доводилось видеть кое-что и похуже. Это не первая в его практике отрезанная конечность. Однажды, в 1997-м, он и его напарник Кирби Тесье нашли яйцо, лежащее на бачке в туалетной кабинке

публичной библиотеки в Калвер-Сити. И выглядело оно совсем как несвежее сваренное куриное яйцо. Вот Джек и приказывает себе успокоиться.

Встает и спускается по ступенькам крыльца. Проходит мимо капота своего «доджа рама» цвета темного бургундского с установленной в кабине стереосистемой высшего класса; проходит мимо кормушки для птиц, которую они с Дейлом поставили на краю северного поля через месяц или два, как Джек переехал в этот лучший во вселенной дом. Он говорит себе, что это вещественные доказательства, ничего больше. Еще одна часть петли палача, которую Рыбак затянет на собственной шее. Он говорит себе, что присланный ему «подарок» надо воспринимать не как часть тела ребенка, не как часть тела маленькой Ирмы, а как «Вещественное доказательство А». Он чувствует, что от росы становятся мокрыми его голые щиколотки и брючины, знает, что долгая прогулка по мокрой траве безвозвратно испортит его туфли от «Гуччи», которые обошлись в пятьсот долларов. Что с того? Он достаточно богат, чтобы не обращать внимания на такие мелочи; будь у него такое желание, в его шкафах стояло бы столько же пар обуви, сколько у Имельды Маркос. Главное в том, что он спокоен. Кто-то прислал ему коробку из-под обуви с человеческой ногой внутри, под покровом ночи положил на крыльцо, но он спокоен. Это вещественное доказательство, ничего больше. А он? Он — копписмен. Вещественные доказательства — его хлеб и вода. Ему нужно только немного проветриться, очистить нос от запаха протухшей колбасы, который поднялся из коробки...

К горлу подкатывает тошнота, он ускоряет шаг. Рассудок чувствует нарастание напряжения («Мой спокойный рассудок», — говорит он себе). Что-то готовится сломаться... или измениться... или измениться в обратную сторону.

Он уже бежит, наращивая расстояние от обглоданной и окровавленной кроссовки, лежащей на крыльце его идеального дома, от собственного ужаса. Но чувство нараста-

ющего напряжения, приближения критического момента остается с ним. Перед мысленным взором начинают возникать лица, каждое в сопровождении саундтрека. Лица и голоса, которые он игнорировал двадцать, а то и больше лет. Раньше, если возникали эти лица или звучали эти голоса, он убеждал себя, что все это ложь, просто когда-то давно он был маленьким мальчиком, который подхватил невроз матери, как простуду, и выдумал сказочку, захватывающую сказочку, главным героем которой стал спасающий любимого мамика Джек. В действительности ничего этого не было, и к шестнадцати годам он все забыл. Но тогда он был спокоен. Так же, как спокоен сейчас, сломя голову несясь по северному полю, оставляя за собой темный след и облачка перепуганных бабочек, но проделывая все это в абсолютном спокойствии.

Узкое лицо, узкие глаза под сдвинутой набок белой бумажной шапкой: «Если сможешь прикатывать мне бочонок с пивом, когда он мне понадобится, работа твоя». Смоуки Апдайк из Оутли, штат Нью-Йорк, где люди пили пиво, а потом ели стаканы. Оутли, где что-то водилось в тоннеле неподалеку от городка и где Смоуки держал его в плену. Пока...

Пронзительный взгляд, фальшивая улыбка, ослепительно-белый костюм: «Я встречал тебя раньше, Джек... где? Скажи мне. Исповедуйся». Гарденер, проповедник из Индианы, которого также звали Осмонд. Осмонд — в каком-то другом мире.

Широкое волосатое лицо и испуганные глаза мальчика, который не был мальчиком: «Это плохое место, Джеки, Волк знает». И точно, место оказалось очень плохим. Они запихнули его в ящик, запихнули Волка в ящик, а потом убили его. Волк умер от болезни, название которой — Америка.

— Волк! — кричит бегущий по полю человек. — Волк, Господи, мне так жаль!

Лица и голоса, все эти лица и голоса, возникающие перед глазами, звучащие в ушах, требующие, чтобы их ви-

дели и слышали, наполняют его ощущением приближающегося кризиса, все его защитные укрепления грозят не выдержать напора, как волнорез не выдерживает напора приливной волны, скрываясь под ней.

Тошнота вновь подкатывает к горлу, во рту вкус крепкого вина. Вновь Нью-Хэмпшир, вновь парк развлечений. Вновь он и Спиди стоят у карусели, рядом с застывшими лошадками («У всех лошадок есть имена, ты это знаешь, Джек?»), Спиди держит в руке бутылку вина и говорит, что это волшебный сок, один глоток, и ты уже там, ты перепрыгнул...

— Нет! — кричит Джек, зная, что уже поздно. — Я не хочу туда!

Мир сдвигается, и он уже стоит на четвереньках в густой траве, с закрытыми глазами. Ему нет нужды открывать их: более насыщенные, сильные запахи, которые он чувствует носом, рассказывают обо всем, что ему хочется знать. Запахи и осознание, что он пришел домой после долгих лет, в течение которых только и делал, что стремился предотвратить (во всяком случае, максимально отдалить) этот момент.

Это Джек Сойер, дамы и господа, стоит на четвереньках на просторном поле сочной травы, под утренним небом, не знающим смога. Он плачет. Он понимает, что произошло, и он плачет. Его сердце разрывается от страха и радости.

Двадцати лет, за которые Джек Сойер превратился из мальчика в мужчину, как не бывало, и он вновь наконец-то в Долинах.

Голос давнего друга Ричарда, иной раз его называли Рациональный Ричард, спасает Джека. Теперешнего Ричарда, возглавляющего собственную юридическую фирму («Слоут и партнеры, лтд.»), а не Ричарда, каким тот был, когда Джек знал его лучше всего, на Сибрук-Айленде, в Южной Каролине, тараторящего без умолку, быстроногого, с копной волос, худого, как утренняя

тень. Нынешний Ричард, специалист по корпоративному праву, сильно раздался в талии и пробежкам предпочитает удобное кресло. Опять же, он придавил свое воображение (которое на Сибрук-Айленде просто не знало удержу), как жужжащую на оконном стекле муху. Джек иногда думал, что с годами Ричард Слоут больше терял, чем находил, но кое-что прибавилось (возможно, из-за юридической школы): напыщенные, глуповатые интонации, особенно раздражающие в разговоре по телефону. Теперь они стали звуковой визитной карточкой Ричарда. Интонации эти слышны с первой фразы и до последнего слова.

Стоя на четвереньках среди зеленого моря, которое в другой реальности является его собственным северным полем, вдыхая новые запахи, которые он так хорошо помнит и о которых, сам того не осознавая, мечтал, Джек слышит голос Ричарда, раздающийся в его голове. Какое облегчение приносят эти слова! Он знает, что его подсознание всего лишь имитирует голос Ричарда, но все равно приятно. Будь Ричард здесь, думает Джек, он бы обнял давнего друга и сказал: «Говори без остановки, Ричи-бой. Что хочешь, только говори».

Рациональный Ричард говорит: «Ты понимаешь, что все это тебе снится, Джек, не так ли? Все это чушь... Стресс, который ты испытал, открыв эту посылку, двух мнений быть не может... Чушь... Без сомнения, ты потерял сознание, что, в свою очередь... привело к сну, который ты сейчас видишь».

По-прежнему на четвереньках, с закрытыми глазами, с волосами, упавшими на лоб, Джек отвечает: «Другими словами, это, как мы говорили...»

«Правильно! Мы это называли... ха-ха... «Сибрук-айлендской галиматьей». Но Сибрук-Айленд в далеком прошлом, Джек, вот я и предлагаю тебе открыть глаза, подняться и напомнить себе, что ты должен сам лично увидеть, есть ли вокруг что-то неординарное... Чушь!.. Нет и в помине».

— Вроде бы нет, — бормочет Джек. Встает, открывает глаза.

Он с самого первого взгляда видит, что есть, но держит в голове самодовольный (я выгляжу на тридцать пять, но на самом деле мне шестьдесят) голос, прикрываясь им, как щитом. Так он может поддерживать равновесие, балансируя между реальным миром и, возможно, потерей рассудка.

Над его головой — бесконечно глубокое, невероятно чистое темно-синее небо; в этом мире Банни Ботчер не косил траву. Более того, в той стороне, откуда он пришел, нет никакого дома, только живописный старый амбар и стоящая рядом с ним ветряная мельница.

«А где летающие люди?» — думает Джек, оглядывая небо, потом мотает головой. Нет тут летающих людей, нет двухголовых попугаев, нет вервольфов. Все это сибрук-айлендская галиматья, невроз, который он подцепил от матери и которым на какое-то время даже заразил Ричарда. Это просто... чушь... белиберда.

Он с этим соглашается, осознавая, что настоящая чушь — не верить тому, что вокруг него. Запаху травы, теперь сильному и сладковатому, смешанному с запахами клевера и земли. Непрерывному стрекоту цикад, живущих своей бездумной цикадьей жизнью. Порхающим над травой белым бабочкам. Чистейшей синеве неба, на фоне которого не тянутся электрические или телефонные провода, которое не испещряют белые полосы, идущие за реактивными самолетами.

Что поражает Джека, так это ровность травяного покрова. За исключением маленького пятачка, который он примял, плюхнувшись на четвереньки, везде трава стоит стеной. Нет тропы, ведущей от края поля к примятому пятачку. Он словно упал с неба. Это, разумеется, невозможно, еще один образчик сибрук-айлендской галиматьи, но...

— Впрочем, в каком-то смысле я упал с неба. — Голос Джека на удивление ровен. — Я прибыл из Висконсина. Я перескочил сюда.

Конечно же, Ричард начинает громко протестовать, перемежая свои аргументы выкриками: «Чушь! Ерунда!» — но Джек его не слушает. Это всего лишь старина Рациональный Ричард, приводящий в его голове свои рациональные аргументы. Ричарду однажды уже пришлось это пережить и вернуться обратно с более или менее нетронутым рассудком... но тогда ему было двенадцать. В ту осень им обоим было по двенадцать, а когда тебе двенадцать, тело и рассудок более эластичны.

Джек медленно поворачивается вокруг своей оси, но видит только широкие поля (туман над ними быстро превращается в легкую дымку по мере того, как день набирает силу) и сине-серые леса за ними. Наконец, в поле зрения попадает проселочная дорога, примерно в миле к юго-западу. За дорогой — горизонт, а вот на горизонте или даже чуть за ним идеальное синее небо чуть замарано дымом.

«Не дровяная печь, — думает Джек, — все-таки июль, но, возможно, маленький заводик. Или...»

Он слышит свисток, не один — три, доносящиеся издалека. Его сердце вдруг заполняет всю грудь, уголки рта раздвигаются в улыбке.

— Клянусь Богом, там Миссисипи, — говорит он, и, кажется, трава вокруг согласно кивает. — Там Миссисипи, или как она здесь называется. А свистки, друзья и соседи...

Еще два свистка разрывают тишину летнего дня. Едва слышные, но расстояние велико, и вблизи они наверняка очень даже громкие. Джек это знает.

— Это же речной пароход. Чертовски большой. Возможно, с гребными колесами.

Джек направляется к дороге, говоря себе, что все это сон, не веря этому, но использует эту мысль, как акробат использует балансировочный шест. Пройдя сотню ярдов или около того, он оборачивается. Темная линия пролегла на ровном ковре пола, начинаясь от того места, где он приземлился на четвереньки, и заканчиваясь у его ног. Протоптанная им тропа. Единственная на поле тропа. На краю

поля, чуть левее и сзади, стоят амбар и ветряная мельница. «Это мои дом и гараж, — думает Джек. — Во всяком случае, в мире «шевроле», войны на Ближнем Востоке и «Шоу Опры Уинфри».

Он шагает дальше, дорога все ближе, и тут он замечает, что на юго-западе отнюдь не один только дымок. Идет оттуда и какая-то вибрация. От нее голова буквально раскалывается от боли. Но боль не постоянная, зависит от направления, в котором он смотрит. Если он поворачивается лицом на юг, неприятная пульсация уменьшается. На восток — пропадает вовсе. На север — почти пропадает. А если продолжает поворачиваться, боль возрастает до максимума. Еще сильнее, чем в тот момент, когда он заметил ее. Та же история, что и с мухой, жужжание которой, стоит ее заметить, становится все сильнее.

Джек еще раз медленно поворачивается на триста шестьдесят градусов. Юг — вибрация снижается. Восток — пропадает вовсе. Север — начинает возрастать. Запад — значительно усиливается. Юго-запад — максимум. Бух, бух, бух. Черная, отвратительная вибрация, словно в голове работает отбойный молоток, запах, как древний дым...

— Нет, нет, нет, не дым, — говорит Джек. Он стоит чуть ли не по грудь в летней траве, брюки намокли, белые бабочки вьются над головой, образуя нимб, глаза широко раскрыты, щеки белее белого. В этот момент он вновь выглядит на двенадцать. Непонятно. Как ему удалось превратиться в самого себя, только более молодого (и возможно, лучшего). — Не дым, пахнет, как...

Опять к горлу подкатывает тошнота. Потому что это запах не тот, что можно унюхать носом. Запах наполовину сгнившей отрубленной ноги Ирмы Френо.

— Я улавливаю запах Рыбака, — шепчет Джек, зная, что говорит не про запах. Он понимает, что за вибрацию он почувствовал, пусть она и исчезла. — Я улавливаю запах Рыбака. Или его, или... не знаю кого.

Он снова шагает, через сотню ярдов останавливается. В голове больше ничего не пульсирует. Пульсации ушли, не попрощавшись. И хорошо.

Джек практически добирается до дороги, которая соединяет здешние Арден и Сентралию с Френч-Лэндингом, когда слышит какие-то нерегулярные глухие удары.

Поворачивается налево, вскрикивает от удивления и неожиданности. Три огромных длинноухих коричневых существа пробегают мимо него, высоко выпрыгивая из травы, скрываясь в ней, вновь выпрыгивая. Они похожи на кроликов, скрещенных с кенгуру. Их выпуклые глаза словно приклеены к мордочкам. Они пересекают дорогу (ноги у них в белой шерстке, а не в коричневой), поднимая фонтанчики пыли.

— Господи! — Джек и смеется, и плачет. Ударяет себя по лбу ребром ладони. — Кто это, Ричи-бой? Можешь сказать?

Ричи, конечно же, может. Говорит Джеку, что увиденное им — очень уж живая, но... ха-ха... галлюцинация.

— Разумеется, — соглашается Джек. — Гигантские кролики. Отведи меня в ближайшее отделение «Анонимных алкоголиков». — Он выходит на дорогу, оглядывается на юго-запад. На дымовую шапку. Там жители боятся теней, приходящих с вечером? Боятся наступления ночи? Боятся существа, которое забирает их детей? Им нужен копписмен? Разумеется, нужен. Разумеется, они...

Что-то лежит на дороге. Джек наклоняется и подбирает бейсболку с эмблемой «Милуокских пивоваров», которой не место в мире гигантских кроликов. Но бейсболка настоящая. А судя по пластмассовой полоске с дырочками, позволяющей менять размер, это детская бейсболка. Джек заглядывает внутрь, зная, что он там найдет, и находит надпись на белой бирке: «ТАЙ МАРШАЛЛ». Бейсболка не такая мокрая, как джинсы Джека, но и не сухая. Похоже, думает он, она лежит на обочине дороги со вчерашнего дня. Логично предположить, что похититель

Тая перетащил его сюда, но Джек в это не верит. Однако остаточная вибрация вызывает другую мысль, другой образ: Рыбак, упрятав Тая в надежное место, шагает по этой проселочной дороге. Под мышкой у него коробка из-под обуви, обернутая бумагой, с приклеенными липкой лентой псевдомарками. На голове — бейсболка Тая, на самой макушке, потому что Рыбаку она мала. Однако он не хочет увеличивать размер, хотя для этого и есть специальная пластмассовая полоска. Не хочет, чтобы бейсболку Тая приняли за бейсболку взрослого мужчины. Потому что он дразнит Джека, приглашает Джека войти в игру.

— Схватил мальчика в нашем мире, — бормочет Джек. — Перенес в этот мир. Опутал по рукам и ногам, как паук опутывает муху. Он жив? Мертв? Думаю, жив. Не знаю почему. Может, потому, что мне хочется в это верить. Оставим это. Потом отправился туда, где оставил Ирму. Взял ее ногу и притащил мне. Пронес по этому миру, затем перенесся в мой мир, чтобы положить ногу на моем крыльце. По пути, возможно, потерял бейсболку. Она упала с его головы?

Джек так не думает. Джек думает, что этот козел, эта мразь, этот меняющий миры, как перчатки, мешок дерьма специально оставил бейсболку на обочине. Знал, что Джек найдет ее, если забредет на эту дорогу.

Прижимая бейсболку к груди, совсем как болельщик на стадионе в «Миллер-парке», выказывающий уважение к флагу во время исполнения национального гимна, Джек закрывает глаза и сосредоточивается. Ему легче, чем он ожидал, кое-какие навыки, похоже, не забываются: как чистить апельсин, как ездить на велосипеде, как переноситься из мира в мир.

«Такому мальчику, как ты, дешевое вино все равно ни к чему», — говорит его давний друг Спиди Паркер, и в голосе слышится смех. При этом Джека вдруг начинает качать, голова идет кругом. А мгновением позже сзади доносится шум приближающегося автомобиля.

Он отступает в сторону, одновременно открывая глаза. Видит асфальт... это Норвэй-Вэлли-роуд, но...

Громкий автомобильный гудок режет слух, пыльный старый «форд» проскакивает мимо, зеркало со стороны пассажирского сиденья и нос Джека Сойера разделяют какие-то девять дюймов. Его обдает волной теплого воздуха, с едким привкусом продуктов сгорания углеводородного горючего, до него доносится голос какого-то деревенского парня: «...прочь с дороги, говнюк...»

— Терпеть не могу, когда меня обзывает говнюком выпускник какого-то мухосранского коровьего колледжа, — говорит Джек голосом Рационального Ричарда и добавляет его фирменное: «Ха-ха!» Но сердце выскакивает у него из груди. Черт, он появился в этом мире чуть ли не перед передним бампером «форда» этого парня.

«Пожалуйста, Джек, давай без глупостей, — просит его Ричард. — Тебе это все приснилось».

Но Джек знает, что это не так. И хотя в изумлении оглядывается, в глубине сердца изумления нет и в помине. Во-первых, бейсболка у него в руках, бейсболка «Пивоваров», в которой пропал Тай Маршалл. И во-вторых, мост через Тамарак аккурат за следующим подъемом. В другом мире, где мимо пробегают гигантские кролики, он отшагал не больше мили. В этом мире — по меньшей мере четыре.

«Так обстояло дело и раньше, — думает он. — Когда Джеки было шесть. Когда люди жили в Калифорнии и нигде больше».

Но это не так. Что-то не так.

Джек стоит на обочине дороги, которая несколько секунд назад была проселочной, а теперь асфальтированная, стоит, уставившись на бейсболку Тая Маршалла и пытаясь точно определиться, что не так и почему не так, зная, что, возможно, ему больше не удастся перенестись в другой мир. Все это было очень давно, а кроме того, с тринадцати лет он всеми силами старался похоронить в глубинах памяти эти странные воспоминания детства.

Другими словами, большую часть жизни. Человек не может, положив столь много времени, чтобы все позабыть, потом щелкнуть пальцами и ожидать...

Джек щелкает пальцами. Говорит теплому летнему утру: «Что случилось, когда Джеки было шесть? — и отвечает на собственный вопрос: — Когда Джеки было шесть, папа играл на трубе».

Но что сие означает?

— Не папа, — внезапно добавляет Джек. — Не мой папа. Декстер Гордон. И композиция называлась «Папа играет на трубе». А может, альбом. Пластинка. — Он стоит, качает головой, потом кивает. — Мелодии. Папины мелодии. «Папа играет на трубе». — И воспоминания становятся куда более полными. Музыка Декстера Гордона доносится из динамиков стереосистемы высшего класса. Джеки Сойер за диваном, играет с игрушечным лондонским такси. Машинка такая тяжелая, что кажется, будто это вовсе и не игрушка. Его отец и отец Ричарда разговаривают. Фил Сойер и Морган Слоут.

«Вообрази, каким бы этот парень был здесь», — сказал дядя Морган, и вот тут Джек Сойер впервые заглянул в Долины. Когда Джеки было шесть, Джеки узнал слово. А...

— Когда Джеки исполнилось двенадцать, Джеки действительно отправился туда, — говорит он.

«Нелепо! — ревет сын Моргана. — Совершенно... ха-ха!.. Нелепо. Сейчас ты мне скажешь, что по небу и впрямь летали люди!»

Прежде чем Джек успевает что-либо сказать ментальному двойнику своего друга, подъезжает другой автомобиль. Останавливается. Из окна подозрительно (это всего лишь привычное ей выражение лица, ничего больше) выглядывает Элвена Мортон, домоправительница Генри Лайдена:

— И что, во имя богов, ты тут делаешь, Джек Сойер?

Он одаривает ее улыбкой:

— Что-то не спалось, миссис Мортон. Решил прогуляться, чтобы прочистить мозги.

— И ты всегда ходишь по росе, когда тебе хочется прочистить мозги? — спрашивает она, косясь на его джинсы, мокрые по колено и даже чуть выше. — Помогает?

— Похоже, я крепко задумался.

— Должно быть. Садись, я тебя подвезу. Если, конечно, мозги у тебя уже прочистились.

Джек не может не улыбнуться. Женщина она хорошая. Напоминает умершую мать (когда нетерпеливый сын спрашивал ее, что на обед и когда они будут есть, Лили Кавано, случалось, отвечала: «Жареные голубки с луком, пудинг из ветра под соусом из воздуха на десерт, а получишь ты все через полчаса после того как».

— Полагаю, насколько возможно, мозги у меня сегодня уже прочистились. — Он обходит спереди старую коричневую «тойоту» миссис Мортон. На пассажирском сиденье лежит пакет из плотной бумаги, откуда торчат листья салата. Джек передвигает пакет на середину, садится.

— Я не знаю, удается ли ранней птичке склюнуть червячка, — она трогает «тойоту» с места, — но ранний покупатель берет в магазине Роя лучшую зелень. Это я точно знаю. Опять же, я хотела попасть туда до бездельников.

— Бездельников, миссис Мортон?

Подозрительности в ее взгляде прибавляется, она чуть склоняет голову, правый уголок рта опускается, будто она съела что-то горькое.

— Усаживаются за прилавком для ленча и говорят о Рыбаке. Кем он может быть, откуда, шведом, поляком, ирландцем и, разумеется, что они с ним сделают, если поймают. А его давно бы поймали, не будь в начальниках полиции тупоголовый Дейл Гилбертсон. Так они говорят. Легко руководить, сидя за стойкой, с чашкой кофе в одной руке и сигаретой в другой. Так я, во всяком случае, думаю. Потому что половина из них получает пособие по безработице, но об этом они не заикаются. Мой отец, бывало, говорил: «Покажи мне человека, которому неохота заготавливать сено в июле, и я покажу тебе человека, который круглый год не ударяет пальцем о палец».

Джек устраивается на переднем сиденье, упирается коленями в бардачок и наблюдает, как дорога утекает под колеса. До поворота к его дому они доедут очень скоро. Брючины уже начали высыхать, и на душе у него удивительно легко. Компания Элвены Мортон приятна тем, что нет нужды поддерживать разговор, потому что Элвена рада сама говорить за двоих. Еще одно выражение Лили приходит на ум. Об очень разговорчивых (вроде дяди Моргана) она говаривала: «У него язык подвешен за середину, а оба конца работают».

Он улыбается, поднимает руку, чтобы скрыть улыбку от миссис Мортон. Она может спросить, что он услышал забавного. И как на это отвечать? Что, по его разумению, язык у нее подвешен за середину? Забавно и то, как его захлестывает поток мыслей и воспоминаний. Неужели только вчера он пытался позвонить матери, забыв, что она умерла? Такое ощущение, что происходило это в другой жизни. Может, тогда и была другая жизнь? Видит Бог, он уже не тот человек, который на рассвете этого самого дня перекинул ноги через край кровати с ощущением обреченности. Энергия так и бурлит в нем, впервые с того дня... с тех пор, как Дейл привез его по этой самой дороге и показал маленький, уютный дом, который принадлежал отцу Дейла.

Элвена Мортон тем временем все говорит и говорит:

— Должна признаться, я использую любой предлог, чтобы выйти из дома, когда он начинает день с Бешеного Монгола.

Бешеный Монгол, по терминологии миссис Мортон, — Висконсинская крыса. Джек понимающе кивает, не подозревая, что вскорости ему предстоит встретиться с человеком, прозвище которого — Бешеный Мадьяр. Жизнь полна совпадений.

— В Бешеного Монгола он всегда превращается рано утром, и я не раз и не два говорила ему: «Генри, если уж ты должен так кричать и говорить такие гадости и крутить эту ужасную музыку, детей, которые ее играют, нельзя

подпускать к губной гармошке, а уж тем более к электрогитарам, почему это надо делать утром, если ты знаешь, что потом у тебя будет испорчен весь день?» И действительно, в четырех случаях из пяти, изобразив Бешеного Монгола, он вторую половину дня лежит в спальне с мешочком льда на лбу. В такие дни ленч он пропускает. На следующий день ужина я иногда не нахожу, я всегда оставляю его в определенном месте в холодильнике, если только он не говорит, что будет готовить сам. Но даже в этих случаях, думаю, он просто отправляет его в мусоропровод.

Джек хмыкает. Это все, что от него требуется. Ее слова проплывают над ним, и он думает о том, как положит кроссовку в пластиковый пакет с герметизирующей полоской, взяв ее каминными щипцами. Когда он привезет кроссовку с ногой в полицейский участок, начнется основная работа. Он думает, что надо посмотреть, нет ли в коробке чего-то еще, проверить оберточную бумагу. Он хочет повнимательнее приглядеться к вырезкам из пакетиков с сахаром. Может, рядом с какой-нибудь птичкой обнаружится название ресторана или кафе. Это маленькая зацепка, но...

— И он говорит: «Миссис Эм, я ничего не могу с собой поделать. Иногда просыпаюсь Крысой. И хотя потом мне за это приходится расплачиваться, в тот момент я счастлив. Абсолютно счастлив». Я тогда его спрашиваю: «Какое может быть счастье в музыке о детях, которые хотят убивать своих родителей, есть человеческие эмбрионы и заниматься сексом с животными?» В одной песне так и поется, Джек, я слышала это своими ушами. На это он мне отвечает... Тпр-ру. Приехали.

Они действительно у подъездной дорожки, ведущей к дому Генри. В четверти мили дальше виднеется крыша дома Джека. Его пикап, стоящий у крыльца, поблескивает на солнце. Самого крыльца он не видит; не видит и лежащего на досках ужасного «подарка». Крыльцо ждет не дождется, когда с него уберут эту гадость.

— Я могу довезти тебя до дома, — говорит миссис Мортон. — И чего я остановилась?

Джек, думая о кроссовке и запахе тухлой колбасы, улыбается, качает головой и открывает дверцу:

— Пожалуй, мне надо еще немного пройтись. Благо есть о чем подумать.

Она вновь очень подозрительно на него смотрит. И Джек думает, что подозрительность эту следует толковать как любовь. Она знает, что благодаря Джеку жизнь для Генри расцвела новыми красками, и готова любить его только за это. Ему хочется на это надеяться. Он вдруг отмечает, что она ни разу не упомянула про бейсболку, которую он держит в руках, но, с другой стороны, к чему миссис Мортон упоминать о ней? В этой части мира у каждого мужчины их как минимум четыре.

Он шагает по дороге с растрепанными волосами (дни, когда он стригся в «Чез-Чез» на Родео-драйв, остались в далеком прошлом, это округ Каули, так что он пользуется услугами старика Херба Роупера, парикмахерская которого расположена на Чейз-стрит), походка у него легкая, как у мальчика. Миссис Мортон выглядывает из окна и кричит вслед: «Переодень джинсы, Джек! Как только вернешься домой! Не должны они сохнуть на тебе! Вот так начинается артрит!»

Он поднимает руку, не оборачиваясь:

— Обязательно!

Пять минут спустя он сворачивает на подъездную дорожку к своему дому. Страх и депрессия, по крайней мере временно, исчезли бесследно. Экстаз тоже, и это хорошо. Негоже кописмену начинать расследование в состоянии экстаза.

При виде коробки, и оберточной бумаги, и перьев, и кроссовки со ступней, не следует об этом забывать, мысли Джека возвращаются к миссис Мортон, цитирующей великого Генри Лайдена: «Я ничего не могу с собой поделать. Иногда просыпаюсь Крысой. И хотя потом мне за

это приходится расплачиваться, в тот момент я счастлив. Абсолютно счастлив».

Абсолютно счастлив. Будучи детективом, Джек испытывал это чувство иной раз при обследовании места преступления, чаще при допросе свидетеля, который знал больше, чем хотел сказать... и каким-то образом Джек Сойер практически всегда мог это уловить. Он подозревает, что плотники испытывают такое же счастье, когда работа особенно спорится, скульпторы — когда им удается высечь особенно удачный нос или подбородок, архитекторы — когда линии, кажется, сами ложатся на ватман. Единственная проблема, что кто-то во Френч-Лэндинге (может, и в соседних городках, но Джек ставит на Френч-Лэндинг) ликует от счастья, убивая детей и поедая их маленькие тельца.

Кто-то во Френч-Лэндинге все чаще и чаще просыпается Рыбаком.

Джек входит в дом через черный ход. Останавливается на кухне, чтобы взять коробку больших пакетов с герметизирующей полоской, пару мешков для мусора, совок и щетку. Открывает морозилку и ссыпает половину кубиков в один из мешков для мусора. По мнению Джека Сойера, нога Ирмы Френо достигла крайней стадии разложения, так что пора останавливать процесс.

Он ныряет в кабинет, берет блокнот, черный маркер и шариковую ручку. В гостиной останавливает свой выбор на коротких каминных щипцах. К тому времени, когда выходит на крыльцо, он уже лейтенант Джек Сойер.

«Я — КОППИСМЕН, — думает он, улыбаясь. — Защитник американского образа жизни, друг избитых, покалеченных и мертвых».

Потом, когда его взгляд падает на лежащую на досках кроссовку, окруженную облаком вони, улыбка с лица сходит. Он чувствует ту же безмерную жалость, которую испытали мы, увидев тельце Ирмы в заброшенной забе-

галовке. Он делает все, чтобы должным образом почтить отрубленную ногу, точно так же, как мы должным образом почтили убитого ребенка. Он думает обо всех вскрытиях, на которых ему пришлось присутствовать, о том, что за грубыми шутками медицинских экспертов обычно стоит печаль и жалость о безвременно ушедших из жизни.

— Ирма, это ты? — тихо говорит он. — Если да, помоги мне. Поговори со мной. Сейчас мертвые должны помочь живым. — Не отдавая себе отчета, Джек целует пальцы и посылает воздушный поцелуй кроссовке. «Я хотел бы убить человека... или нелюдь... который сотворил такое. Содрать с него кожу. Посмотреть, как он навалит в штаны от страха, а потом отправить его в мир иной в собственном дерьме».

Но это недостойные мысли, и он отметает их.

Первый пакет предназначен для кроссовки с остатками ноги. Каминными щипцами он опускает кроссовку в пакет. Защепляет герметизирующую полоску. Маркирует пакет датой. Шариковой ручкой заносит в блокнот описание вещественного доказательства. Пакет отправляется в мешок для мусора, в который насыпан лед.

Второй пакет для бейсболки. Тут каминные щипцы не нужны. Он уже держал ее в руках. Джек опускает бейсболку в пакет. Защепляет герметизирующую полоску. Маркером ставит дату, заносит в блокнот описание.

Третий пакет для коричневой оберточной бумаги. Минуту-другую Джек держит ее щипцами перед собой, внимательно рассматривая псевдомарки с птичками. «ИЗГОТОВЛЕНО "ДОМИНО"», — напечатано под каждой картинкой, но это все. Названия ресторана или кафе нет. В пакет. Герметизирующая полоска защеплена. Дата проставлена. Описание вещественного доказательства в блокноте.

Джек сметает перья и отправляет их в четвертый пакет. Часть перьев осталась в коробке. Каминными щипцами Джек берется за коробку, переворачивает ее над совком, и сердце затрепыхалось в груди, как кулак ударяет по левой половине. Что-то написано на дне коробки. Тем же

маркером «Шарпи», такими же перекошенными буквами. И тот, кто писал, знал, кому пишет. Не внешнему Джеку Сойеру, каким его видят в этом мире. В этом случае он, Рыбак, без сомнения, назвал бы Джека Голливудом.

Послание адресовано внутреннему, никому не видимому Джеку Сойеру и ребенку, который вырос в Джека «Голливуда» Сойера.

Загляни в «Закусим у Эда», копписмен твой друг,
Рыбак.

— Твой друг. — бормочет Джек. — Да, — поднимает коробку щипцами и кладет ее во второй мешок для мусора. Потом складывает горкой вещественные доказательства. Выглядят они прозаично, точно так же, как и другие вещественные доказательства, которые смотрели на него со страниц криминальных журналов.

Он идет в дом и набирает номер Генри. Боится, что попадет на миссис Мортон, но нет, трубку, слава богу, берет Генри. Похоже, он уже больше не Крыса, хотя трансформация еще не закончена: в трубке слышен грохот электрических гитар.

Генри знает, где находится «Закусим у Эда», но не понимает, с чего Джеку понадобилось это место.

— Там же все развалилось и сгнило. Эд Гилбертсон давно как умер, и во Френч-Лэндинге есть люди, которые этому несказанно рады. Одним рассадником микробов стало меньше. Просто удивительно, как удалось избежать эпидемии. Вроде бы департаменту здравоохранения следовало давно закрыть эту забегаловку, но Эд знал нужных людей. Того же Дейла Гилбертсона.

— Они родственники? — спрашивает Джек.

— Конечно, твою мать. — Обычно Генри так не выражается, но Джек понимает, что Висконсинская крыса еще живет в голове его друга. Джек не раз и не два слышал, как Генри вдруг начинал говорить голосом Джорджа Рэтбана, а вместо прощания часто бросал через плечо: «Динг-

донг» или «Айви-дайви». Так всегда говорил Шейк, Шейк, Шейк, выходя в эфир.

— Где это? — спрашивает Джек.

— Трудно сказать. — В голосе слышится резкость. — Рядом с центром по продаже сельскохозяйственной техники... «Гольцем». Насколько я помню, там очень длинная подъездная дорожка. Если на шоссе и был указатель поворота, то его давно уже нет. Когда Эд Гилбертсон продал свой последний набитый микробами хот-дог, ты, наверное, ходил в первый класс, Джек. А в чем дело?

Джек знает, что его намерения противоречат сложившейся криминалистической практике: посторонних не приглашают на место преступления, особенно на место убийства... но ведь и само расследование далеко от нормы. Одно из вещественных доказательств он добыл в параллельном мире, какая уж тут норма? Разумеется, он может и сам найти эту давно закрывшуюся забегаловку, кто-нибудь в «Гольце» укажет ему дорогу. Но...

— Рыбак только что прислал мне одну из кроссовок Ирмы Френо, — отвечает Джек. — Вместе со стопой.

Генри шумно вдыхает.

— Генри? Ты в порядке?

— Да. — Голос ровный, но понятно, что Генри потрясен. — Как это ужасно для девочки и ее матери. — Пауза. — И для тебя. Для Дейла. — Еще пауза. — Для города.

— Да.

— Джек, ты хочешь, чтобы я отвез тебя в это место?

Джек знает, что Генри может это сделать. Для него это пустяк. Айви-дайви. Собственно, для этого он Генри и позвонил.

— Да.

— Ты поставил в известность полицию?

— Нет.

«Он спросит меня почему, и что я ему скажу? Потому что не хочу, чтобы Бобби Дюлак, Том Лунд да и остальные топтались там, мешая собственные запахи с запахом преступника, пока я не попытаюсь учуять его? Что никому

из них, включая Дейла, я не могу доверить осмотр места преступления, потому что боюсь, что они поведут себя как слон в посудной лавке?»

Но Генри не спрашивает.

— Я буду стоять в конце подъездной дорожки. Скажи только, когда мне надо там быть.

Джек прикидывает, что еще ему нужно проделать с вещественными доказательствами, последняя операция — запереть все в ящике под кузовом пикапа. Напоминает себе, что нужно взять сотовый телефон, хотя обычно он стоит на зарядном устройстве в кабинете. Он намерен позвонить в полицию, как только обнаружит останки Ирмы и проведет первичный осмотр места преступления. А уж потом за дело могут браться Дейл и его парни. Тогда, если будет на то их желание, пусть приводят хоть школьный оркестр. Он смотрит на часы. Почти восемь. Неужели так поздно? В другом мире расстояния короче, это он помнит. Но бежит ли время быстрее? Или он просто потерял ему счет?

— В восемь пятнадцать. Когда мы приедем к «Закусим у Эда», ты будешь сидеть в кабине, как пай-мальчик, пока я не скажу, что можно вылезать.

— Я понял, mon capitaine.

— Динг-донг. — Джек кладет трубку на рычаг и возвращается на крыльцо.

События развиваются не так, как рассчитывает Джек. Ему не удается первым осмотреть место преступления и уловить запах убийцы. Более того, ко второй половине дня обстановка во Френч-Лэндинге, и без того напряженная, едва не выходит из-под контроля. И хотя задействованы многие факторы, главной причиной последней эскалации напряженности станет Бешеный Мадьяр.

В этой кличке есть доля добродушного юмора, свойственного маленьким городкам, где щупленького банковского клерка называют Большим Джо, а близорукого владельца книжного магазина, который без очков не видит

дальше собственного носа, — Орлиным Глазом. Арнольд Храбовски, с его пятью футами и шестью дюймами роста и ста пятьюдесятью фунтами веса, — самый маленький в команде Дейла Гилбертсона. Дебби Андерсон и Пэм Стивенс потяжелее и повыше (Дебби с ее шестью футами и одним дюймом может есть крутые яйца с макушки Арнольда Храбовски). Бешеный Мадьяр — очень мирное существо, он продолжает извиняться, выписывая квитанцию за штраф, хотя Дейл неоднократно говорил ему, что делать этого не следует. Известно, что допрос он начинал с фразы: «Извините меня, но мне хотелось бы знать...» Поэтому Дейл практически не использует его в дежурной части или в центре города, где все его знают и относятся без должного уважения. Он ездит по начальным школам округа, где проводит «Полицейские уроки», на которых рассказывает о месте полиции в жизни общества. Малыши, которые понятия не имеют о том, что перед ними Бешеный Мадьяр, его обожают. Когда он выступает в средней школе, рассказывая о последствиях, к которым приводит употребление наркотиков, выпивка и превышение скорости, ученики дремлют или обмениваются записками. Однако все как один признают, что его приземистый, с хищными обводами «понтиак», с надписью «ПРОСТО СКАЖИ НЕТ» на каждом борту, купленный на федеральные деньги в рамках программы борьбы с распространением наркотиков в школах, это круто. В общем и целом, патрульный Храбовски — что рыбный сандвич без майонеза, сухой и пресный.

Но в семидесятые годы, позвольте отметить, он был запасным питчером в «Сент-Луисских кардиналах», а потом в «Канзасских королях», играл очень неплохо, и звали его тогда Эл Храбовски. Он не выходил, а выскакивал на поле, а перед первым броском (обычно в девятом иннинге, когда на всех базах стояли игроки и решалась игра) отворачивался от кэтчера, наклонял голову, сжимал кулаки, набирал полную грудь воздуху, настраиваясь на игру. Потом поворачивался и начинал бросать, да так, что многие

мячи пролетали впритирку с подбородком бэттера. Тогда его и прозвали Бешеным Мадьяром, и даже слепой мог видеть, что он — лучший из запасных питчеров в обеих профессиональных лигах. Конечно же, прозвище прилипло к нему. Несколько лет назад он даже попытался отрастить грозные длинные усы, какие носил, когда играл в бейсбол. Но если усы Эла Храбовски нагоняли столько же страха, что и боевой окрас зулусов, то усы Арнольда лишь вызывали смешки (какую еще реакцию можно ожидать от грозных усов, прилепленных к лицу безобидного бухгалтера), и ему пришлось их сбрить.

Живущий во Френч-Лэндинге Бешеный Мадьяр — хороший человек. Он старается, как может, и при обычных обстоятельствах этого старания вполне достаточно. Но обычные дни Френч-Лэндинга в прошлом, наступили страшные дни, аббала-опопанакские дни, и Бешеный Мадьяр — аккурат из тех полицейских, каких Джек боится больше всего. А в это утро, сам того не желая, Арнольд Храбовски изменил и без того плохую ситуацию к худшему.

Рыбак позвонил по линии 911 утром, в десять минут девятого, в тот самый момент, когда Джек дописывал в блокноте последние слова, а Генри шел по подъездной дорожке, с наслаждением вдыхая запахи летнего утра, хоть Джек и основательно испортил ему настроение. В отличие от некоторых полицейских (к примеру, Бобби Дюлака) Бешеный Мадьяр в точности следует инструкции, которая лежит рядом с телефонным аппаратом линии 911.

АРНОЛЬД ХРАБОВСКИ. Аллё, это полицейский участок Френч-Лэндинга. Говорит патрульный Храбовски. Вы позвонили по номеру 911. У вас произошло что-то чрезвычайное?

(Нечленораздельные звуки... откашливание?)

А.Х. Аллё? Патрульный Храбовски на линии 911. У вас...

ЗВОНЯЩИЙ. Привет, подтиральщик.

А.Х. Кто это? У вас произошло что-то чрезвычайное?

З. Чрезвычайное произошло у вас. Не у меня. У вас.

А.Х. Кто говорит, пожалуйста?

З. Твой самый жуткий кошмар.

А.Х. Сэр, могу я попросить вас назвать ваши имя и фамилию?

З. Аббала. Аббала-дун (*статические помехи).*

А.Х. Сэр, я не...

З. Я — Рыбак.

(пауза)

З. Что с тобой? Перепугался? Так и должно быть.

А.Х. Сэр... э... сэр. Ложный звонок по линии 911 — уголовно наказуемое...

З. Кнуты в аду и цепи в Шеоле[1].

А.Х. Сэр, если бы вы назвали ваше имя...

С. Имя мне — легион. Мне несть числа. Я — крыса под твердью вселенной. Так сказал Роберт Фрост[2] (*звонящий смеется).*

А.Х. Сэр, если вы подождете, я могу подозвать к телефону начальника полиции...

З. Заткнись и слушай, подтиральщик. Пленка крутится? Я на это надеюсь. Я мог бы сломать ваш магнитофон, если б мне этого хотелось, но не хочется.

А.Х. Сэр, я...

З. Поцелуй меня в зад, обезьяна. Я оставил вам одну, и мне надоело ждать, когда вы ее наконец найдете. Загляните в «Закусим у Эда». Она уже немного разложилась, но свеженькой была о-о-очень вкусной.

А.Х. Где вы? Кто вы? Если это шутка...

З. Копписмену передай от меня привет.

---

[1] Шеол — от Sheol — преисподняя (*др.-евр. рел.).*

[2] Фрост, Роберт (1874—1963) — патриарх американской поэзии, один из наиболее читаемых поэтов своей страны.

Когда Бешеный Мадьяр снимал трубку, его пульс, шестьдесят восемь ударов в минуту, находился далеко от верхнего предела нормы. Когда в 8.12 разговор заканчивается, сердце Арнольда Храбовски колотится как бешеное. Лицо цветом сравнивается с мелом. По ходу разговора он взглянул на окошко определителя номера и записал его, но рука так дрожала, что последняя цифра сползла на две строчки ниже первой. Когда Рыбак обрывает связь и Храбовски слышит гудки отбоя, он так растерян, что пытается перезвонить по высветившемуся номеру, забыв, что связь по линии 911 односторонняя. Его пальцы утыкаются в гладкую переднюю панель телефонного аппарата, и он, выругавшись, бросает трубку на рычаг. Выглядит он так, словно кто-то только что укусил его.

Храбовски хватает трубку черного телефонного аппарата, который стоит рядом с 911-м. Начинает набирать номер, но пальцы не слушаются, он одновременно нажимает на две кнопки. Снова с его губ срывается ругательство, и Том Лунд, проходя мимо с чашкой кофе, спрашивает:

— Что у тебя стряслось, Арни?

— Позови Дейла! — вопит Бешеный Мадьяр. От неожиданности Том дергается, и кофе выплескивается на руку. — Немедленно позови его сюда!

— Да что там у...

— НЕМЕДЛЕННО, черт побери!

Том еще пару секунд смотрит на Храбовски, изумленно вскинув брови, потом идет в кабинет Дейла, чтобы сказать, что Бешеный Мадьяр, похоже, рехнулся.

Дейл Гилбертсон выходит из кабинета со своей чашкой кофе. Под глазами черные мешки, морщины в уголках рта глубже, чем несколько дней назад.

— Арни? В чем...

— Прокрутите последнюю запись, — прерывает его Арнольд Храбовски. — Я думаю, это был... аллё! — рявкает он, садясь за стол дежурного и рассыпая лежащие на нем бумаги. — Аллё, кто говорит?

Слушает.

— Это полиция, кто же еще. Патрульный Храбовски, ПУФЛ. А теперь говорите. Кто вы?

Дейл тем временем надел наушники и со все возрастающим ужасом слушает запись последнего звонка по линии 911. «Святой Боже», — думает он. Его первое побуждение, самое первое, позвонить Джеку Сойеру и попросить о помощи. Умолять о помощи, как умоляет о ней маленький мальчик, которому защемило палец дверью. Потом Дейл берет себя в руки, это его работа, нравится ему или нет, но он должен ее выполнять. Кроме того, Джек уехал в Арден с Фредом Маршаллом, чтобы повидаться с сошедшей с ума женой Фреда. По крайней мере, собирался.

Копы тем временем собираются у стола дежурного: Лунд, Щеда, Стивенс. Глянув на них, Дейл видит круглые глаза и недоумевающие лица. А те, кто сейчас на улицах города? Те, кто не на вахте? Они ничем не лучше. Не лучше, за исключением разве что Бобби Дюлака. Его охватывает не только ужас, но и отчаяние. Это же кошмар. Грузовик без тормозов катится вниз по склону на заполненную детьми школьную игровую площадку.

Он сдергивает наушники, чуть поранив ухо, но боли не чувствует.

— Откуда звонили? — спрашивает он Храбовски. Бешеный Мадьяр положил трубку на рычаг и теперь сидит как истукан. Дейл хватает его за плечо, встряхивает. — Откуда звонили?

— Из «С семи до одиннадцати», — отвечает Бешеный Мадьяр, и Дейл слышит, как ахает Дэнни Щеда. Недалеко от того места, где исчез Тай Маршалл. — Я только что говорил с мистером Раджаном Пателем, дневным продавцом. По номеру он определил, что звонили из телефона-автомата, что снаружи.

— Он видел, кто звонил?

— Нет. Был в кладовой, принимал груз пива.

— Ты уверен, что звонил не Патель?

— Да. У него индийский акцент. А этот тип, что позвонил по 911... Дейл, вы его слышали. Так говорит каждый.

— Что происходит? — спрашивает Пэм Стивенс. Она догадывается, они все догадываются. Вопрос лишь в подробностях. — Что случилось?

Поскольку это самый быстрый способ убедить их, что действовать надо без промедления, Дейл прокручивает пленку, на этот раз через динамик.

— Я еду к «Закусим у Эда», — объявляет он в наступившей тишине. — Том, ты со мной.

— Да, сэр! — отвечает Том Лунд. Его буквально трясет от волнения.

— За мной следуют четыре патрульные машины. — Большая часть мозга Дейла не функционирует, превратилась в лед, но инструкции он помнит. «С инструкциями и организацией работы полицейского участка у меня все в порядке, — думает он. — А вот с поимкой маньяка-убийцы ничего не выходит». — Поедете парами. Дэнни, ты и Пэм на первой машине. Выедете через пять минут после нас. Пять минут по часам, без мигалки и сирены. Чем дольше никто ни о чем не узнает, тем для всех будет лучше.

Дэнни Щеда и Пэм Стивенс переглядываются, смотрят на Дейла. Дейл сверлит взглядом Бешеного Мадьяра Храбовски. Определяет еще три пары, последняя — Дит Джесперсон и Бобби Дюлак. Бобби — единственный, кто ему там нужен. Остальные — только на тот случай, если, не дай бог, придется сдерживать толпу. Все должны ехать с пятиминутным интервалом.

— Позвольте поехать и мне, босс, — молит Арни Храбовски. — Можно?

Дейл открывает рот, чтобы сказать, что Арни ему нужен в полицейском участке, но встречается взглядом с умоляющими карими глазами. И пусть у него забот полон рот, он не может не отреагировать на то, что видит в них. Для Арни большая часть полицейской службы — топтание на тротуаре, когда парад проходит мимо. «Хорош парад», — думает он.

— Вот что я тебе скажу, Арни. Когда оповестишь всех остальных, позвони Дебби. Если уговоришь ее приехать в участок, отправляйся к «Эду».

Арнольд радостно кивает, и губы Дейла едва не расходятся в улыбке. Он понимает, что к половине десятого Дебби будет в участке, даже если Бешеному Мадьяру придется тащить ее за волосы.

— А с кем мне ехать, Дейл?

— Приезжай один, — отвечает Дейл. — На своем «понтиаке», который тебе выделили для борьбы с распространением наркотиков. Но, Арни, если ты уедешь до того, как в участке появится твоя сменщица, завтра ты будешь искать новую работу.

— О, не беспокойтесь, — отвечает Храбовски, и от волнения, Мадьяр или нет, говорит со шведским акцентом. Что неудивительно, поскольку Сентралию, где он вырос, раньше называли Шведским голосом.

— Пошли, Том, — говорит Дейл. — Возьмем только...

— Э... босс?

— Что, Арни? — Подразумевая: «Что еще?»

— Позвонить мне детективам из полицейского управления, Брауну и Блэку?

Дэнни Щеда и Пэм Стивенс фыркают. Том улыбается. Дейл — нет. Его сердце, которое уже в подвале, опускается еще ниже. «Под подвал, дамы и господа, напрасные надежды слева, утраченные иллюзии — справа. Последняя остановка, все выходят».

Перри Браун и Джефф Блэк. Он про них забыл, смех, да и только. Браун и Блэк, которые теперь-то точно отнимут у него руководство расследованием.

— Они в мотеле «Парадиз», — продолжает Бешеный Мадьяр, — хотя фэбээровец вернулся в Милуоки.

— Я...

— И округ, — не унимается Мадьяр. — Не забывайте про него. Вы хотите, чтобы я позвонил медицинским и техническим экспертам? — На вооружении технических экспертов мини-вэн «форд эконолайн», в котором есть

все, от быстро застывающего пластика для изготовления слепка протектора до видеостудии. Полицейскому участку Френч-Лэндинга такое богатство и не снилось.

Дейл стоит, наклонив голову, уставившись в пол. Они отнимут у него руководство расследованием. С каждым словом Храбовски он это понимает все отчетливее. И внезапно ему хочется держать все нити в собственных руках. Несмотря на ненависть и страх, которые вызывает у него это дело. Рыбак — монстр, но он не окружной монстр, не монстр штата, не монстр Федерального бюро расследований. Рыбак — монстр Френч-Лэндинга, монстр Дейла Гилбертсона, и он хочет разобраться с ним сам по причинам, не имеющим ничего общего с личным престижем и даже с шансами сохранить за собой должность. Он хочет поймать Рыбака, потому что этот монстр покусился на все, во что Дейл верит и что ценит в жизни. Скажи он об этом вслух, его скорее всего не поймут, но это правда. Внезапно он начинает злиться на Джека. Если бы Джек раньше вошел в игру, возможно...

Если бы мысли были лошадьми, нищие ездили бы верхом. Он должен известить округ, хотя бы для того, чтобы на место преступления прибыл медицинский эксперт, и должен поставить в известность полицейское управление штата в лице детективов Брауна и Блэка. Но лишь после того, как он сам увидит, что там, на поле за «Гольцем». И что оставил после себя Рыбак. Не раньше.

И возможно, ему удастся взять след мерзавца.

— Обеспечь прибытие всех наших машин с пятиминутным интервалом, как я и говорил, — приказывает он. — Потом посади Дебби в кресло дежурного. Пусть она позвонит детективам из полицейского управления и в округ. — От одного взгляда на недоумевающее лицо Арнольда Храбовски Дейлу хочется кричать, но каким-то чудом ему удается сдержаться. — Мне нужно время, чтобы спокойно разобраться, что к чему.

— Ага, — кивает Арни, а потом повторяет, когда до него доходит смысл слов Дейла: — Ага.

— И больше никому не говори ни о телефонном звонке Рыбака, ни о нашей реакции. Никому. Иначе начнется паника. Ты понимаешь?

— Конечно, босс, — отвечает Мадьяр.

Дейл смотрит на часы. Восемь двадцать шесть.

— Пошли, Том. Нам пора. Время не ждет.

Бешеный Мадьяр никогда не проявлял такой прыти, и все идет как по маслу. Даже Дебби Андерсон соглашается подежурить в полицейском участке. И при этом он не может забыть голос в телефонной трубке. Грубый, скрипучий, практически без акцента, голос этот принадлежал человеку, всю жизнь прожившему в этих краях. Голос как голос, а не выходил из головы. Бешеного Мадьяра не задело, что говоривший обозвал его подтиральщиком. Субботним вечером в баре могли обозвать и похуже. Не дают покоя другие слова. «Кнуты в аду и цепи в преисподней. Имя мне — легион». Понятно почему. И аббала. Что такое аббала? Арнольд Храбовски не знает. Ему только известно, что от одного этого слова по коже бегут мурашки. Словно это слово из тайной книги, которой пользуются, чтобы вызвать демона.

Когда он не находит места от тревоги, есть только один человек, который может унять ее: его жена. Он знает, что Дейл приказал никому ничего не говорить, он понимает логику приказа Дейла, но, разумеется, чиф говорил не про Полу. Они женаты двадцать лет, и Пола — его вторая половина.

Поэтому (чтобы снять тревогу и успокоиться, а не для того, чтобы посплетничать) Бешеный Мадьяр совершает роковую ошибку, доверившись жене. Он звонит Поле и рассказывает, что не прошло и получаса, как он говорил с Рыбаком. Да, именно так, с Рыбаком! Рассказывает о том, что тело Ирмы Френо лежит в развалинах забегаловки «Закусим у Эда», куда уже поехали Дейл и Том Лунд. Она спрашивает, все ли с ним в порядке. Голос ее дрожит от благоговейного трепета и волнения, и Бешеному Ма-

дьяру это нравится, потому он сам трепещет и волнуется. Они говорят еще несколько минут, и когда Арнольд кладет трубку на рычаг, настроение у него заметно поднимается. Ужас, который вызвал этот грубый, скрипучий голос, уже не столь силен.

Пола Храбовски — сама скромность, кто-кто, а уж она знает, как хранить секрет. Только две лучшие подруги узнают от нее о теле в развалинах «Закусим у Эда». Она заставляет обеих поклясться, что они никому ничего не скажут. Обе клянутся, поэтому часом позже, еще до того, как Дебби Андерсон ставит в известность детективов управления полиции Висконсина, медицинского и технических экспертов, всему городу известно, что полиция нашла в развалинах «Закусим у Эда» полдюжины зверски убитых детей.

Может, и больше.

Глава 10

Когда патрульный автомобиль (за рулем сидит Том Лунд) сворачивает на Третью улицу и берет курс на Чейз-стрит (маячки на крыше потушены, сирена молчит), Дейл достает бумажник и начинает рыться среди хлама, который там хранится: визиток, которые кто-то ему давал, фотографий собак, сложенных листков бумаги. На одном находит то, что нужно.

— Чем занимаетесь, босс? — спрашивает Том.

— Не твое дело. Веди машину.

Дейл хватает с консоли телефон, корчит гримасу, ладонью стирает с микрофона сахарную пудру с чьего-то пончика, набирает номер сотового телефона Джека. Начинает улыбаться, когда слышит голос после четвертого гудка, но улыбка тут же исчезает, а брови в недоумении сдвигаются к переносице. Голос знакомый, вроде бы он должен его узнать, но...

— Аллё? Говорите, пожалуйста, кем бы вы ни были, или покойтесь с миром.

Тут Дейл понимает, с кем говорит. Он понял бы сразу, если б был дома или в кабинете, но не в такой обстановке и стрессовой ситуации...

— Генри? — вырывается у него. — Дядя Генри, это ты?

Они как раз въезжают на мост через Тамарак, когда в кармане брюк Джека звонит сотовый телефон. Он достает телефон и постукивает им по тыльной стороне ладони Генри.

— Поговори. Сотовые телефоны вызывают рак мозга.

— Мне, значит, можно ими пользоваться, а тебе — нет.

— Вот-вот.

— Именно за это я тебя и люблю, Джек. — Генри небрежно откидывает мембрану. — Аллё? — И после паузы: — Говорите, пожалуйста, кем бы вы ни были, или покойтесь с миром. — Джек бросает на него короткий взгляд, снова смотрит на дорогу. Они подъезжают к магазину Роя, где ранних покупателей ждет лучшая зелень. — Да, Дейл. Это действительно твой достопочтенный... — Генри слушает, одновременно чуть хмурясь и улыбаясь. — Я в кабине пикапа Джека, рядом с Джеком. Джордж Рэтбан этим утром не работает, потому что KDCU ведет прямую трансляцию с Летнего марафона в Ла Ри...

Он слушает вновь, потом говорит:

— Если это «Нокиа», а по ощущениям и звуку скорее всего так оно и есть, сеть скорее цифровая, чем аналоговая. Подожди. — Он поворачивается к Джеку: — Твой телефон. Это «Нокиа»?

— Да, но какая...

— В цифровой сети вроде бы сложнее подслушать разговор, — объясняет Генри, потом добавляет в трубку: — Сеть цифровая, соединяю вас. Уверен, Джек тебе все объяснит. — Генри передает ему телефон, складывает руки на коленях и смотрит в окно, словно наслаждаясь красотами природы. «Может, и наслаждается, — думает Джек. — Может, у него локаторы, как у летучей мыши».

Он съезжает на обочину шоссе номер 93. Джек не любит сотовые телефоны вообще, эти рабские браслеты двадцать первого века, и просто терпеть не может одновременно говорить и вести автомобиль. А кроме того, Ирма Френо все равно никуда не уйдет.

— Дейл? — спрашивает он.

— Где ты? — отвечает Дейл вопросом, и Джек сразу понимает, что Рыбак тоже не сидел сложа руки. «Только бы он больше никого не убил, — думает он. — Пожалуйста, господи. Только не это». — Почему Генри с тобой? Фред Маршалл тоже с вами?

Джек начинает рассказывать ему об изменении их планов, но Дейл прерывает его:

— Уж не знаю, что ты сейчас делаешь, но я хочу, чтобы ты немедленно приехал в то место, которое называлось «Закусим у Эда», около «Гольца». Генри покажет тебе дорогу. Рыбак позвонил в полицейский участок, Джек. По линии 911. Сказал нам, что тело Ирмы Френо там. Имени не называл, говорил «она», «ее», но мы и так все поняли.

Дейл еще не бормочет, но близок к этому. Джек подмечает сие, как хороший клиницист подмечает в пациенте симптомы болезни.

— Ты мне нужен, Джек. Я...

— Мы туда и едем, — ровным, спокойным голосом отвечает Джек, хотя они никуда не едут, стоят на обочине, а мимо них по шоссе номер 93 проносятся редкие машины.

— Что?

Надеясь, что Дейл и Генри не ошиблись в оценке технологических достоинств цифрового стандарта сотовой связи, Джек рассказывает начальнику полиции Френч-Лэндинга о полученной утром посылке, понимая, что Генри, который по-прежнему смотрит в окно, ловит каждое слово. Говорит Дейлу, что бейсболка Тая Маршалла лежала на коробке из-под обуви, заполненной перьями, а стопа Ирмы — в коробке.

— Свят... — У Дейла перехватывает дыхание. — Святое дерьмо.

— Скажи мне, что ты сделал, — просит Джек, и Дейл рассказывает. Вроде бы реакция адекватная, но Джеку не нравится роль, отведенная Арнольду Храбовски. Бешеный Мадьяр всегда производил на Джека впечатление человека, который просто не способен вести себя как настоящий коп, как бы ни старался. В Лос-Анджелесе от таких избавлялись при первой возможности.

— Дейл, а как насчет телефона в «С семи до одиннадцати»?

— Это телефон-автомат, — отвечает Дейл, словно разговаривает с ребенком.

— Да, но на нем могут быть отпечатки пальцев. Я хочу сказать, на нем множество отпечатков, но экспертиза может выявить самые свежие. Легко. Он мог надеть перчатки, а мог и не надеть. Если он звонит и пишет не только родителям, значит, перешел в Фазу два. Ему уже мало убивать. Он хочет поиграть с тобой. Может, даже хочет, чтобы его поймали и остановили.

— Телефон. Свежие отпечатки пальцев на трубке. — По голосу чувствуется, что Дейл клянет себя за столь явный промах, и сердце Джека переполняет жалость. — Джек, я с этим не справлюсь. Я в растерянности.

Джек прекрасно понимает, что сейчас не время корить Дейла за растерянность. Есть дела поважнее.

— Кого ты можешь послать к телефону?

— Полагаю, Дита Джесперсона и Бобби Дюлака.

«Бобби, — думает Джек, — слишком хорош, чтобы надолго оставлять его у магазина «С семи до одиннадцати».

— Пусть они опечатают телефон желтой лентой и поговорят с продавцом. А потом приезжают к нам.

— Хорошо. — Дейл мнется, но задает вопрос. В голосе слышится признание полного поражения, отчего Джеку становится грустно. — Что-нибудь еще?

— Ты сообщил в полицейское управление штата? В округ? Фэбээровец в курсе? Который мнит себя суперагентом.

Дейл фыркает:

— Э... в общем, я решил уведомить их чуть позже.

— Хорошо, — отвечает Джек, и удовлетворенность в его голосе заставляет Генри отвлечься от красот природы и, вскинув брови, повернуться к своему другу.

Давайте поднимемся вновь, на крыльях орлов, как сказал бы преподобный Лэнс Ховдал, лютеранский пастор Френч-Лэндинга, и полетим вдоль черной ленты шоссе номер 93, по направлению к городу. Мы достигаем шоссе номер 35 и поворачиваем направо. Справа от нас — заброшенная, прорубленная в лесу дорога, которая ведет не к золотому кладу дракона и не к секретным копям гномов, но к черному дому, неприятному во всех отношениях. Чуть дальше мы видим футуристический купол «Гольца» (во всяком случае, он выглядел футуристическим в семидесятых). Все наши ориентиры на месте, включая заросший травой проселок, который уходит от шоссе влево. Он-то и ведет к полуразрушенному дворцу обжорства Эда Гилбертсона.

Позвольте нам устроиться на телефонном проводе, который протянут над землей поперек проселка. Он так и гудит под нашими птичьими лапками: подруга Полы Храбовски, Миртл Харрингтон, рассказывает о теле (или телах), лежащем под прогнившей крышей «Закусим у Эда», Ричи Бамстиду, который, в свою очередь, передаст эту информацию Нюхачу Сен-Пьеру, скорбящему отцу и духовному лидеру Громобойной пятерки. Гул голосов в телефонном проводе, наверное, не должен нас радовать, но радует. К сплетням мы, безусловно, относимся отрицательно, но как возбуждающе действуют они на человеческие души!

И вот с запада появляется патрульная машина. Том Лунд за рулем, Дейл Гилбертсон — рядом с ним. А с вос-

тока — темно-красный, цвета бургундского, пикап Джека. Джек взмахом руки предлагает Дейлу ехать первым, следует за ним. Мы взмахиваем крылышками, поднимаемся над ними, потом обгоняем. Приземляемся на ржавую бензоколонку «Эссо», чтобы следить за дальнейшим развитием событий.

Джек медленно едет по проселку к развалюхе, окруженной высокими сорняками и золотарником. Он ищет на траве свежие следы, но видит только те, что оставлены колесами патрульной машины Дейла и Тома, которая движется впереди.

— Кроме нас, здесь никого нет, — сообщает он Генри.

— Да, но надолго ли?

«Надолго не получится», — ответил бы Джек, если б счел нужным. Вместо ответа он останавливает пикап рядом с машиной Дейла и вылезает из кабины. Генри опускает стекло, выполняя приказ, остается на месте.

«*Закусим у Эда*» когда-то представляло собой простое деревянное здание размером с товарный вагон «Берлингтон нортерн» с плоской крышей. У южного торца в одном из трех окошек продавалось мягкое мороженое. В северном клиент получал мало радующий глаз хот-дог или *еще менее аппетитные* на вид жареную рыбу с чипсами. Середину занимал маленький ресторанчик: раздаточный прилавок и высокие, обтянутые красным кожзаменителем стулья. Теперь южная часть рухнула, возможно под тяжестью снега. Все окна разбиты. На стенах граффити: Такой-то хрен собачий, мы трахали Пэтти Джарвиз, пока она не завопила, ТРОЙ ЛЮБЕТ МАРИАНН, — но не так много, как ожидал Джек. Все стулья, кроме одного, вырваны с корнем. В траве стрекочут цикады. Стрекочут громко, но все же не так, чтобы заглушить жужжание мух, доносящееся изнутри. Мух ужасно много, словно они проводят мушиный конгресс. И...

— Ты чувствуешь запах? — спрашивает Дейл.

Джек кивает. Разумеется, чувствует. С этим запахом он уже познакомился ранним утром, только здесь куда сильнее. Потому что его источник — большая часть тела Ирмы. Куда большая, чем ступня в коробке из-под обуви.

Том Лунд достает носовой платок и протирает широкое, печальное лицо. Уже тепло, но не так, чтобы на его щеках и лбу выступило столько пота. И кожа у него восковая.

— Патрульный Лунд, — окликает его Джек.

— А! — Том подпрыгивает и нервно поворачивается на голос.

— Возможно, тебе надо проблеваться. Если чувствуешь, что надо, сделай это вон там. — Джек показывает еще на один проселок, более заросший в сравнении с тем, по которому они приехали. Вроде бы он тянется к «Гольцу».

— Я сейчас приду в норму, — отвечает Том.

— Я знаю, что придешь. Но если тебе нужно опорожнить желудок, сделай это так, чтобы твоя блевотина не выплеснулась на вещественные доказательства.

— Я хочу, чтобы ты протянул желтую ленту вокруг всего дома, — говорит Дейл своему подчиненному. — Джек? На пару слов.

Дейл кладет руку на плечо Джека и увлекает его к пикапу. Хотя Джеку есть о чем подумать, он отмечает, какая сильная эта рука. И дрожи в ней нет. Пока, во всяком случае, нет.

— В чем дело? — нетерпеливо спрашивает Джек, когда они останавливаются рядом с дверцей со стороны пассажирского сиденья. — Мы же хотим все осмотреть до того, как сюда сбежится весь мир, не так ли? В этом весь смысл, или я тебя...

— Ты должен взять ногу, Джек, — говорит Дейл. Добавляет: — Привет, дядя Генри. Отлично выглядишь.

— Спасибо, — отвечает Генри.

— О чем ты говоришь? Эта нога — вещественное доказательство.

Дейл кивает:

— Вот я и думаю, что это вещественное доказательство должно быть найдено здесь. Если, конечно, у тебя нет желания двадцать четыре часа отвечать на вопросы в Мэдисоне.

Джек открывает рот, чтобы предложить Дейлу не тратить попусту тот минимальный запас времени, который у них есть, и... закрывает. До него внезапно доходит, как могут истолковать появление у него ноги Ирмы умники из низшей лиги, вроде детективов Брауна и Блэка. Может, даже умник из высшей лиги, агент ФБР Джон Реддинг. Блестящий коп внезапно выходит на пенсию совершенно молодым и покупает дом в буколическом городке Френч-Лэндинг в Висконсине. Денег у него полно, с источником благосостояния, скажем так, не все ясно. И вдруг в этих самых местах начинает орудовать маньяк-убийца.

Может, у блестящего копа поехала крыша. Может, он — что те пожарные, которым так нравился огонь, что они сами устраивали поджоги. Конечно же, Цветной отряд Дейла обязательно задастся вопросом, почему Рыбак отправил именно молодому пенсионеру Джеку часть тела жертвы. «И бейсболку, — думает Джек. — Не забывай про бейсболку Тая».

Он сразу понимает, что почувствовал Дейл, когда Джек сказал ему о необходимости оградить телефон у магазина «С семи до одиннадцати». Само собой.

— Никакого, — отвечает он. — Ты прав. — Он смотрит на Тома Лунда, трудолюбиво обтягивающего развалины желтой лентой с надписью: «ПОЛИЦЕЙСКАЯ ЗОНА. ВХОД ВОСПРЕЩЕН». — А как насчет него?

— Том будет держать рот на замке, — говорит Дейл, и Джек принимает решение поверить ему. Он бы не поверил, будь на месте Лунда Мадьяр.

— Я у тебя в долгу, — говорит он.

— Да, — соглашается Генри с пассажирского сиденья. — Даже слепой видит, что он у тебя в долгу.

— Замолчи, дядя Генри, — добродушно бросает Дейл.

— Да, mon capitaine.

— Как насчет бейсболки? — спрашивает Джек.

— Если мы найдем что-нибудь еще, оставшееся от Тая Маршалла... — У Дейла срывается голос, он сглатывает. — Или самого Тая, мы ее оставим. Если нет, какое-то время подержишь у себя.

— Я думаю, ты только что избавил меня от очень неприятных объяснений, — говорит Джек и ведет Дейла к кузову. Откидывает крышку ящика из нержавеющей стали, который не стал запирать, отъезжая от дома, достает один из мешков для мусора. Из мешка доносится плеск воды и стук еще не растаявших кубиков льда. — В следующий раз, когда будешь чувствовать себя круглым дураком, вспоминай обо мне.

Дейл пропускает его слова мимо ушей.

— Господи. — Он смотрит на герметично закрытый пакет, который Джек только что достал из мешка. Капельки воды поблескивают на прозрачных стенках.

— Ну и запах! — Голос Генри дрожит от сострадания и печали. — Несчастный ребенок!

— Ты чувствуешь запах даже через пластик? — спрашивает Джек.

— Конечно. Он идет и оттуда. — Генри указывает на полуразрушенное здание, вытаскивает сигареты. — Если б знал, привез бы баночку «Викс»[1].

В любом случае нет необходимости проносить пакет мимо Тома Лунда. Последний скрылся за домом, продолжая разматывать желтую ленту.

— Иди внутрь, — тихим голосом инструктирует Дейл Джека. — Посмотри, что к чему, и разберись с тем, что в

[1] «Викс» — ароматическая мазь, использующаяся как средство от простуды.

пакете... если найдешь... ты понимаешь... ее. Я хочу поговорить с Томом.

Джек переступает порог (двери давно нет) и входит в густейшую вонь. Снаружи Дейл инструктирует Тома. Ему велено отослать Пэм Стивенс и Дэнни Щеду, как только те прибудут, к съезду с шоссе, где они должны встать стеной и никого не пропускать.

Во второй половине дня в «Закусим у Эда», должно быть, светлее, но сейчас всюду лежит тень, рассекаемая только солнечными лучами, проникающими сквозь стены. В них лениво плывут мириады пылинок. Джек идет осторожно, жалея о том, что не взял ручной фонарик, но не хочет возвращаться за ним (фонарик наверняка есть в патрульной машине), не разобравшись с ногой. На пыли, покрывающей пол, человеческие следы, мусор, серые перья. Следы мужчины. Поверх них — множество собачьих следов. Слева Джек видит аккуратную кучку дерьма. Обходит остатки перевернутого газового гриля и, продвигаясь по следам, огибает грязный прилавок. Тем временем к развалюхе подкатывает вторая патрульная машина. Здесь, в полумраке, мухи гудят очень уж громко, а запах... запах...

Джек выуживает из кармана платок и прикладывает к носу, проходя на кухню. Здесь собачьи следы множатся, а человеческие полностью исчезают. Джек мрачно думает о траве, которую он примял на поле другого мира, пятачке, к которому не вели следы.

У дальней стены, в луже высохшей крови, лежат останки тела Ирмы Френо. К счастью, волосы скрывают лицо. Над ней ржавый кусок железа, который когда-то служил тепловым отражателем для чана с кипящим маслом, где обжаривался картофель. На нем — два слова, написанные, Джек в этом уверен, черным маркером «Шарпи»:

Привет, мальчики.

— Твою мать, — выдыхает Дейл Гилбертсон за спиной Джека, и тот чуть не вскрикивает.

За пределами «Закусим у Эда» напряжение стремительно нарастает.

На полпути к шоссе Дэнни и Пэм (увидев вблизи развалины закусочной и нюхнув идущий от них запах, они даже обрадовались, что их отправили организовывать КПП) едва не сталкиваются лоб в лоб со старым, ржавым пикапом «интернешнл харверстер», который несется по проселку со скоростью сорок миль в час. К счастью, Пэм бросает патрульную машину вправо, а водитель пикапа Тедди Ранкелман сворачивает влево. Автомобили замирают в траве по обе стороны проселка. Ржавый передний бампер пикапа приминает молодую березу.

Пэм и Дэнни выскакивают из патрульной машины с гулко бьющимися сердцами, с впрыснутой в кровь немалой дозой адреналина. Четверка, вывалившаяся из пикапа, напоминает клоунов бродячего цирка. Миссис Мортон сразу узнала бы в них завсегдатаев магазина Роя. Бездельников, как она их называет.

— Что это вы здесь делаете? — ревет Дэнни Щеда. Его рука падает на рукоятку пистолета, потом с неохотой опускается ниже. У него раскалывается голова.

У всех четверых (полицейские по фамилии знают только Ранкелмана, хотя лица остальных им тоже знакомы) широко раскрытые, округлившиеся от возбуждения глаза.

— Скольких вы нашли? — выкрикивает один из них. Пэм отчетливо видит брызги слюны, вылетающие изо рта в утренний воздух, без лицезрения которых вполне можно бы и обойтись. — Скольких убил этот мерзавец?

Пэм и Дэнни недовольно переглядываются. Но прежде чем кто-то из них успевает ответить, на проселке появляется «шевроле белэйр»[1] еще с четырьмя или пятью муж-

[1] «Шевроле белэйр» — одна из основных моделей отделения «шевроле» компании «Дженерал моторс». В 1965—1969 и 1971 — 1974 гг. принадлежала к числу автомобилей самого массового спроса в США.

чинами. Нет, среди них одна женщина. Они тоже вываливаются из кабины, словно клоуны.

— Черт, я хочу проехать туда и увидеть все своими глазами! — кричит Тедди Ранкелман так радостно, словно в закусочной его ждет захватывающее зрелище, и Дэнни понимает, что ситуация выходит из-под контроля. Если эти дураки доберутся до конца проселка, Дейл проделает новую дырку ему в заднице и посыплет ее солью.

— ВСЕМ СТОЯТЬ НА МЕСТЕ! — ревет он и выхватывает из кобуры пистолет. Ему это не нравится, они же обычные люди, не преступники, но зато все взгляды прикованы к нему.

— Это место преступления, — добавляет Пэм ровным голосом. Все что-то бормочут и переглядываются: подтверждаются их худшие опасения. Она подходит к водителю «шевроле»: — Кто вы, сэр? Один из Сакнессамов? Вы похожи на Сакнессама.

— Фредди, — признает он.

— Значит, так, Фредди Сакнессам, сейчас вы сядете за руль, все, кто приехал с вами, последуют вашему примеру, и задним ходом убираетесь отсюда к чертовой матери.

— Но... — начинает женщина. Пэм думает, что она из Сангеров, этой дурацкой семейки.

— В машину и вон отсюда, — отрезает Пэм.

— А ты едешь следом, — говорит Дэнни Тедди Ранкелману. Ему остается лишь надеяться, что больше на проселок никто не съехал. Иначе получится караван пятящихся автомобилей. Он не знает, как эти уроды узнали о звонке Рыбака, да ему сейчас это и без разницы. — А не то пойдете под суд за препятствование полицейскому расследованию. Можете получить по пять лет. — Он понятия не имеет, есть ли в уголовном кодексе такая статья, но слова действуют эффективнее, чем вид пистолета.

«Шевроле» уже пятится, задний бампер мотается из стороны в сторону, как собачий хвост. Пикап Ранкелмана следует за ним, двое мужчин стоят в кузове и смотрят

поверх кабины, стараясь увидеть хотя бы крышу закусочной. Патрульная машина едет последней, гонит старую легковушку и старый пикап, словно овчарка — овец, на крыше пульсируют «маячки». Пэм то и дело нажимает на педаль тормоза, а с ее губ сплошным потоком срываются слова, которым мама ее явно не учила.

— И ты этим ртом целуешь детей перед тем, как отправить их спать? — спрашивает Дэнни, в голосе слышится восхищение.

— Заткнись, — отвечает она. — У тебя есть аспирин?

— Я как раз собирался задать тебе тот же вопрос.

До шоссе они добираются вовремя. Еще три автомобиля приближаются со стороны Френч-Лэндинга, два — от Сентралии и Ардена. Сирена оглашает прогревающийся воздух. Еще одна патрульная машина, третья, которой приказано не поднимать шума, обгоняет зевак, едущих из Френч-Лэндинга.

— О боже. — Дэнни чуть не плачет. — О боже, боже, боже. Сюда, похоже, скоро съедется весь город, а, я готов поспорить, в полицейском управлении еще ничего не знают. Они выпрыгнут из штанов от злости. И отыграются на Дейле.

— Все будет нормально, — возражает Пэм. — Успокойся. Мы припаркуемся поперек съезда. И убери в кобуру этот чертов пистолет.

— Да, мама. — Он убирает пистолет, когда Пэм выруливает на шоссе, проезжает чуть вперед, пропуская на проселок третью патрульную машину, потом задним ходом перегораживает съезд и нажимает на педаль тормоза. — Да, возможно, мы успели вовремя.

— Разумеется, успели.

На душе становится полегче. Они забыли про старую дорогу, которая соединяет «Закусим у Эда» и «Гольц». Но многие жители города о ней помнят. Например, Нюхач Сен-Пьер и его парни. И хотя Уэнделл Грин ничего о ней не знает, такие проныры, как он, всегда отыщут обходной путь. Их ведет инстинкт.

Глава 11

Толчок к началу путешествия Нюхача дала Миртл Харрингтон, очаровательная супруга Майкла Харрингтона, пошептавшись по телефону с Ричи Бамстидом (в которого она по уши влюблена, хоть он и был женат на одной из ее лучших подруг, Глэд). Последняя скоропостижно скончалась от сердечного приступа у себя на кухне в возрасте тридцати одного года. Ричи Бамстид сыт по горло и запеканками из макарон с рыбой, и разговорами шепотом, которыми постоянно потчевала его Миртл, но на этот раз ее шепот не вызывает у него отрицательных эмоций. Ведь он работает водителем грузовика в «Пивоваренной компании Кингсленда» и знаком с Нюхачом Сен-Пьером и его парнями, пусть и не может считать себя их близким другом.

Поначалу Ричи думал, что Громобойная пятерка — банда хулиганов. За это говорили их длинные, взлохмаченные волосы, растрепанные бороды и привычка носиться по улицам городка на «харлеях». Но как-то раз он встал в очередь в кассу за одним из них, его звали Мышонок. Последний взглянул на него сверху вниз и сказал что-то забавное о любви к работе, никоим образом не увеличивающей зарплату, с чего и начался разговор, от которого голова Ричи Бамстида пошла кругом. Через два дня, въехав на территорию компании по окончании смены, он увидел Нюхача Сен-Пьера и еще одного бородача, его звали Док, о чем-то болтающих во дворе. Поставил грузовик на стоянку, подошел к ним и втянулся в другой разговор, который поразил его не меньше первого. Эти парни, Нюхач, Мышонок, Док, Сонни и Кайзер Билл выглядят как байкеры, умеющие только ломать и крушить, но уж никак не могут пожаловаться на недостаток ума. Нюхач, как выяснилось, главный пивовар отдела специальных проектов, остальные работают под его началом. Все учились в колледже. Всем хотелось варить отменное пиво и хорошо проводить время, и у Ричи даже возникло желание

купить мотоцикл и войти в их круг, но вторая половина и вечер субботы, проведенные в баре «Сэнд», показали, что хорошо провести время — понятие многовариантное: что одному счастье, другому — смерть. Не хватило у него сил, чтобы выпить два графина «кингслендского», достойно сыграть в бильярд, выпить еще два графина, обсуждая влияние Шервуда Андерсона и Гертруды Стайн на творчество молодого Хемингуэя, перейти на другие, не менее серьезные темы, уговаривая очередные два графина, выйти из бара с достаточно ясной головой, чтобы поездить по окрестным городкам, подцепить двух многоопытных мэдисонских ночных бабочек, покурить высококачественной травки, — в общем, развлекаться до рассвета. Нельзя не уважать людей, которые могут подобным образом проводить свободное время и при этом сохранять высокооплачиваемую работу.

Так что Ричи счел своим долгом сообщить Нюхачу, что полиция в конце концов установила местонахождение тела Ирмы Френо. Миртл, конечно, предупредила, что это тайна, которую Ричи должен унести с собой в могилу, но он не сомневается, что после него она позвонит еще четырем или пяти своим друзьям и знакомым. Эти люди, конечно же, поделятся новостью со своими приятелями, так что в самом ближайшем будущем половина Френч-Лэндинга ринется по шоссе номер 35, чтобы попасть в эпицентр событий. Нюхач в отличие от большинства остальных имел на это полное право.

Отделавшись наконец от Миртл Харрингтон, Ричи Бамстид тут же находит в справочнике телефон Нюхача Сен-Пьера и звонит ему.

— Ричи, я надеюсь, ты не несешь пургу, — рычит Сен-Пьер. — Ты говоришь, он сам позвонил?.. Разговаривал с этим говнюком, который учит детей не баловаться с наркотиками, Бешеным Мадьяром?.. И где находится тело?.. Твою мать, туда же сбежится весь город. Спасибо, Ричи, большое тебе спасибо. Я у тебя в долгу. — Прежде чем трубка ложится на рычаг, Ричи слышит отборную ругань.

В маленьком доме на Нейлхауз-роуд Нюхач Сен-Пьер смахивает слезы в бороду, осторожно отодвигает телефон на несколько дюймов и поворачивается к Медведице, своей постоянной подруге, матери Эми, которую зовут Сюзан Осгуд. Она смотрит на него из-под шапки густых светлых волос, ногтем отметив в книге строку, которую читала.

— Ирма Френо, — говорит он. — Я должен идти.

— Иди, — кивает Медведица. — Возьми сотовый и позвони мне, как только сможешь.

— Да. — Он снимает сотовый телефон с зарядного устройства и засовывает в передний карман джинсов. Вместо того чтобы идти к двери, загребает в кулак темно-русую бороду и рассеянно проходится по ней пальцами. Застывает, как монумент, туман заволакивает глаза. — Рыбак позвонил по линии 911. Можно себе такое представить? Сами они найти девочку не смогли, им потребовалась его помощь.

— Послушай меня. — Медведица поднимается и, в мгновение ока преодолев разделяющее их расстояние, прижимается компактным телом к его массивному животу, и Нюхач вдыхает идущие от нее свежие, успокаивающие ароматы мыла и свежего хлеба. — Когда ты и парни приедете туда, тебе придется контролировать их. Значит, ты должен держать себя в руках, Нюхач. Как бы ты ни злился, ты не должен выйти из себя и драться.

— Полагаю, ты думаешь, что мне не следует ехать.

— Ты должен. Я только не хочу, чтобы ты попал в тюрьму.

— Эй, я — пивовар, не драчун.

— Помни о том, что я тебе сказала. — Она похлопывает его по спине. — Ты им позвонишь?

— С улицы. — Нюхач идет к двери, наклоняется, чтобы поднять шлем, выходит. Капли пота стекают по лбу и скрываются в бороде. Два широких шага, и он уже у мотоцикла. Одну руку кладет на седло, другой вытирает пот и ревет: «ГРЕБАНЫЙ РЫБАК СКАЗАЛ ГРЕБАНО-

МУ КОПУ-МУДЬЯРУ, ГДЕ НАЙТИ ТЕЛО ИРМЫ ФРЕНО. КТО ЕДЕТ СО МНОЙ?»

С обеих сторон Нейлхауз-роуд из окон высовываются волосатые, бородатые головы, раздаются громкие крики: «Подожди! Срань господня! Без меня не уезжай!» Несколько секунд, и из четырех дверей выскакивают четверо мужчин в кожаных куртках, джинсах и сапогах. Нюхач просто не может не улыбнуться: он любит этих парней, но иногда они напоминают ему персонажей комиксов. Еще до того, как они подбегают к нему, рассказывает о Ричи Бамстиде и звонке по линии 911, а когда заканчивает, Мышонок, Док, Сонни и Кайзер Билл сидят на байках и ждут сигнала.

— Но есть условия, — продолжает Нюхач. — Два. Мы едем туда ради Эми, Ирмы Френо и Джонни Иркенхэма, не ради себя. Мы хотим, чтобы все было справедливо, мы никому не будем разбивать головы, если только они этого не попросят. Ясно?

Остальные что-то бурчат, четыре косматых бороды опускаются и поднимаются, показывая, что Нюхача поняли.

— И второе. Если мы разобьем чью-то голову, это должна быть голова Рыбака. Потому что нас слишком долго кормили дерьмом, и я чертовски уверен, что пришла наша очередь выследить этого гребаного мерзавца, который убил мою малышку... — У Нюхача перехватывает дыхание, и он поднимает кулак, прежде чем продолжить. — ...и бросил тело другой малышки в развалюхе на шоссе номер 35. Потому что я сделаю все, чтобы его гребаная голова попала мне в руки, а вот после головы я займусь его ГРЕБАНОЙ задницей.

Его парни, его команда, его самые близкие друзья вскидывают руки и согласно ревут. Пять мотоциклов оживают.

— Мы глянем на эти развалины с шоссе, а потом подъедем туда по дороге, начинающейся от «Гольца»! — кричит Нюхач. Его мотоцикл срывается с места и мчится к Чейз-стрит. Остальные — за ним.

Без единой остановки они проскакивают центр города: Нюхач впереди, Мышонок и Сонни у него на хвосте, Док и Кайзер чуть позади и правее. От рева моторов дрожат витрины в «Универмаге Шмитта», трепещут постеры на щитах у кинотеатра «Эджинкорт». Нависая над рулем своего «харлея», Нюхач напоминает Кинг-Конга, собравшегося разнести только что открывшийся в джунглях спортивный зал. Как только они оставляют позади магазин «С семи до одиннадцати», Кайзер и Док подтягиваются к Сонни и Мышонку, и четверка занимает всю ширину дороги. Водители, едущие по шоссе номер 35 на запад, увидев несущиеся на них мотоциклы, сворачивают на обочину. Так же поступают и те, кто видит их в зеркале заднего обзора. Да еще машут им.

Около Сентралии Нюхач обгоняет уже вдвое больше автомобилей, чем обычно встречается на этом шоссе утром выходного дня. Ситуация даже хуже, чем он предполагал: Дейлу Гилбертсону придется поставить не меньше двух копов, чтобы не допустить съезда автомобилей с шоссе номер 35, но два копа смогут сдержать не больше десяти или двенадцати человек, жаждущих поглазеть, именно поглазеть на злодейства Рыбака. Всей полиции Френч-Лэндинга не хватит, чтобы остановить любопытных, которые будут рваться к полуразрушенной закусочной. Нюхач ругается, живо представив себе, как он теряет контроль над собой, превращая зевак Френч-Лэндинга в стадо овец. А он не может позволить себе потерять контроль над собой, если рассчитывает на содействие Дейла Гилбертсона и его подчиненных.

Нюхач ведет своих орлов на обгон старой, потрепанной дорогами красной «тойоты», когда его вдруг осеняет столь великолепная идея, что он даже забывает вселить ужас в водителя колымаги, посмотрев ему в глаза и гаркнув: «Я варю «Кингслендский эль», лучшее пиво в мире, тупой недоносок». За утро он проделывал это дважды. Водители, заслужившие такое обращение, или

не обладали должными навыками вождения, или сидели за рулем автомобиля, место которому на свалке, а не на дороге. Каждый изо всей силы жал на педаль газа и застывал, не в силах пошевельнуться, доставляя Нюхачу безмерное удовольствие. Идея, благодаря которой водителю красной «тойоты» несказанно повезло, поражала своей простотой. Лучший способ добиться содействия — предложить свое. Теперь Нюхач знает, как завоевать расположение Дейла Гилбертсона: надо помочь ему разобраться с зеваками.

Идея правильная, но Нюхач не подозревает, что помешать ее реализации может мужчина, сидящий за рулем красной «тойоты», которую только что обогнал он сам и его команда. Уэнделл Грин заработал вселяющий ужас окрик Нюхача по двум пунктам. Его маленький автомобиль выглядел очень даже ничего, когда сошел с конвейера, но теперь на нем уже столько вмятин и царапин, что действительно впору на свалку. И ездит Грин нагло, полагая сие «крутизной». Проскакивает на желтый свет, внезапно меняет полосы движения, пугает едущего впереди водителя, опасно сближаясь с ним. И разумеется, по поводу и без оного жмет на клаксон. Уэнделл — серьезная угроза на дороге. В такой манере вождения в полной мере проявляется его характер: наплевательское отношение к другим, бездумность, завышенная самооценка. Сейчас он едет даже хуже, чем обычно, потому что, хоть и пытается обогнать всех, кто движется в том же направлении, его внимание сосредоточено главным образом на карманном кассетном диктофоне, который он держит у рта, и золотых словах, которые его золотой голос переносит на магнитный носитель (Уэнделл часто сожалеет о близорукости руководства местных радиостанций, отдающих эфирное время таким дуракам, как Джордж Рэтбан и Генри Шейк, тогда как им следовало выйти на новый уровень вещания, организовав ему ежедневную часовую передачу для обзора текущих событий). Ах, уникальная

комбинация слов и голоса Уэнделла: такие красноречие и убедительность и не снились Эдуарду Р. Марроу[1] даже в его лучшие дни.

А говорит он следующее: «Этим утром я присоединился к целому каравану шокированных, скорбящих и просто любопытных, объединенных стремлением совершить паломничество по живописному шоссе номер 35. Не в первый раз ваш корреспондент потрясен, потрясен до глубины души разительным контрастом между красотой природы округа Каули и чудовищностью преступлений морального урода, живущего среди нас. Новый абзац.

Новость распространялась как степной пожар. Сосед звонил соседу, друг — другу. Как выяснилось, ранним утром в полицейский участок Френч-Лэндинга позвонили по линии 911 и сообщили о том, что изуродованное тело маленькой Ирмы Френо лежит в развалинах бывшего кафе «Закусим у Эда». И кто позвонил? Может, добропорядочный гражданин, считающий своим долгом известить полицию о страшной находке? Нет, дамы и господа, отнюдь...»

Дамы и господа, это репортаж с линии огня, это новости, которые пишутся в процессе совершения события. В такой ситуации опытному журналисту не может не прийти в голову мысль о Пулитцеровской премии. О звонке в полицию Уэнделл Грин узнал от своего парикмахера, Роя Рояла, которого поставила в известность жена, Тилли Роял. Последней позвонила Миртл Харрингтон. И Уэнделл оправдал доверие своих читателей: схватил диктофон и фотоаппарат и запрыгнул в свою колымагу, даже не поставив в известность редакцию «Геральд». Все равно фотограф ему ни к чему: все фотографии он мог сделать старым, но надежным «Никон F2A», который лежал на пассажирском сиденье. Непрерывное полотно слов и фо-

[1] Марроу, Эдуард Роско (1908—1965) — журналист. Прославился радиорепортажами с театров военных действий. В 50-е и 60-е годы вел программы на радио и телевидении.

тоснимков... объективный анализ самого отвратительного преступления нового века... глубокое проникновение в сущность зла... исполненный сострадания групповой портрет маленького американского городка... беспощадная критика неспособности полиции ответить на вызов, брошенный преступником...

Об этом думает Уэнделл Грин, надиктовывая абзац за абзацем в кассетник, который держит у рта. Поэтому неудивительно, что он не слышит рева мотоциклов, не замечает приближения Громобойной пятерки. Обдумывая особенно звонкую фразу, он бросает взгляд в боковое стекло и в ужасе видит буквально в двух футах от себя Нюхача Сен-Пьера, несущегося на ревущем «харлее». Похоже, он что-то поет, если судить по шевелящимся губам.

Поет?

Что?

Нет, нет, быть такого не может. Нюхач Сен-Пьер скорее ругается, как моряк в портовом баре. Уэнделл, который всего лишь следовал заведенным с сотворения мира правилам своей второй древнейшей профессии, заглянул в дом номер 1 по Нейлхауз-роуд и справился у горюющего отца, какие тот испытывал чувства, узнав, что монстр в образе человеческом убил и частично съел его дочь? Нюхач схватил журналиста за шею, обрушил на него поток ругательств и проревел, что оторвет мистеру Грину голову, если тот еще раз попадется ему на глаза, а образовавшееся отверстие оприходует как женский половой орган.

Именно эта угроза и заставляет Уэнделла запаниковать. Он бросает взгляд в зеркало заднего обзора и видит соратников Нюхача, заполонивших дорогу, как армия гуннов. В его воображении они размахивают черепами на веревках из человеческой кожи и кричат, что они сделают с его шеей после того, как оторвут голову. Все замечательные мысли, которые он намеревался озвучить, сохранить для потомков на пленке своего незаменимого кассетного

диктофона, испаряются как дым вместе с грезами о Пулитцеровской премии. Болезненно сжимается желудок, из пор широкого, мгновенно налившегося кровью лица выступает пот. Левая рука дрожит на руле, правая трясет диктофон, как кастаньету. Его первое и единственное желание — свернуться в комок под приборным щитком и притвориться человеческим эмбрионом. Накатывающий на него рев все нарастает, он чувствует, как сердце выпрыгивает из груди, словно вытащенная на берег рыба. Уэнделл верещит от страха. Рев угрожает снести с петель дверцы его «тойоты».

Но мотоциклисты проскакивают мимо, не удостоив его и взгляда, и мчатся дальше. Уэнделл Грин отирает с лица пот. Медленно, с огромным трудом убеждает тело распрямиться. Сердце более не пытается выскочить из груди. Мир по другую сторону ветрового стекла, только что съежившийся до размеров мухи, обретает нормальные пропорции. Самоуважение распирает его, как гелий — воздушный шар. «Большинство его знакомых съехали бы с дороги в кювет, — думает он. — Большинство обделалось бы. А Уэнделл Грин? Чуть притормозил, ничего больше. Проявил себя джентльменом, позволил этим говнюкам из Громобойной пятерки обогнать его. Когда имеешь дело с Нюхачом и его обезьянами, оставаться джентльменом — оптимальный вариант». Он жмет на педаль газа, не теряя из виду уносящихся байкеров.

В правой руке диктофон, в котором по-прежнему крутится пленка. Уэнделл подносит его ко рту, облизывает губы и обнаруживает, что сказать ему нечего: он все позабыл. Пустая пленка перематывается с бобины на бобину. «Черт», — вырывается у него, и он нажимает кнопку «OFF». Легкость слога, плавность речи исчезли, но беда не в этом. Последняя фраза, он это помнит, являлась ключевой для, как минимум, пяти или шести статей, отталкивающихся от Рыбака и охватывающих... что? Эти статьи и должны были принести ему Пулитцеровскую премию, точно, но о чем он собирался писать? Часть мозга, что

готовила эту информацию, пуста. Нюхач Сен-Пьер и его гунны убили величайшую идею, которая когда-либо посещала Уэнделла Грина, и теперь Уэнделл не знает, сможет ли он ее оживить.

Что вообще делают здесь эти байкеры?

Вопрос подразумевает ответ: какой-то поганый доброжелатель подумал, что Нюхач должен знать о звонке Рыбака по линии 911, и теперь эти выродки, как и он, несутся к развалинам «Закусим у Эда». К счастью, там должно собраться множество людей, и Уэнделл рассчитывает избежать встречи со своей Немезидой. Чтобы не рисковать, он держится от байкеров на расстоянии, используя в качестве прикрытия два автомобиля.

Машин становится больше, скорости снижаются; впереди байкеры выстраиваются в колонну по одному и едут вдоль цепочки автомобилей, ползущих к съезду на проселок, который ведет к «Закусим у Эда». Держась в семидесяти или восьмидесяти ярдах позади, Уэнделл видит двух копов, мужчину и женщину, которые пытаются заставить водителей проезжать мимо, не останавливаясь. Всякий раз, когда новый автомобиль останавливается у съезда, они машут руками, их губы шевелятся. Смысл жестов и слов Уэнделлу ясен: валите отсюда. Тех, кто не понял, призвана убедить патрульная машина, стоящая поперек съезда. Весь этот спектакль Уэнделла не волнует: пресса автоматически получает доступ на такие представления. Журналисты — полномочные представители широкой общественности и имеют полное право проходить в запретные для этой самой общественности места. В данном случае полномочным представителем выступает Уэнделл Грин, самый знаменитый журналист Западного Висконсина.

Продвинувшись еще на тридцать ярдов, он видит, что копы, охраняющие съезд с шоссе, — Дэнни Щеда и Пэм Стивенс, и уже не столь уверен, что ему удастся пробиться к развалинам закусочной. Пару дней назад на просьбу поделиться имеющейся у них информацией и Щеда, и Сти-

венс послали его куда подальше. Пэм Стивенс известная сучка, профессиональная мужененавистница. Иначе с чего женщине, которую природа ничем не обделила, подаваться в полицейские? Стивенс тут же завернет его... да еще получит от этого огромное удовольствие. Уэнделл понимает, что добираться до «Закусим у Эда» придется тайком. Представляет себя ползущим по заросшему бурьяном полю, и его передергивает.

Но по крайней мере ему удастся лицезреть стычку копов с Нюхачом и его командой. Байкеры, не снижая скорости, минуют еще полдюжины автомобилей, Уэнделл предполагает, что они задумали, резко свернув направо, пронестись мимо двух дундуков в синем и патрульной машины, словно тех и не существует. «И что в этом случае предпримут копы? — спрашивает себя Уэнделл. — Достанут оружие и попытаются показать, кто в доме хозяин? Дадут предупредительный выстрел в воздух, а потом начнут стрелять по ногам?»

К полнейшему изумлению Уэнделла, Нюхач и остальные и не думают менять курса. Едут себе и едут, мимо стоящих на шоссе автомобилей, мимо Щеды и Стивенс, мимо патрульной машины. Даже не притормаживают, чтобы взглянуть на полуразрушенную закусочную, автомобиль начальника полиции, пикап (Уэнделл мгновенно его узнает), людей, стоящих на вытоптанной траве, двое из них — Дейл Гилбертсон и Голливуд Джек Сойер, лос-анджелесский наглец (что там делает третий мужчина, в белоснежной шляпе, черных очках и щегольской жилетке, Уэнделл не понимает. Этот тип словно попал туда из какого-то фильма Хэмфри Богарта). Нет, они едут дальше, не поворачивая упрятанных в шлемы голов, словно цель их поездки — Сентралия, а точнее — бар «Сэнд», завсегдатаями которого они являются. Они едут дальше, вся пятерка, безразличные к происходящему, как стая диких собак. Вырвавшись на пустое шоссе, сразу перестраиваются: четверка в ряд следом за Нюхачом, занимая всю ширину дороги. Затем все как один выписывают широ-

кую дугу U-образного поворота, оставляя за собой пять шлейфов пыли и гравия, вновь перестраиваются в колонну один-два-два, и едут на запад, к месту преступления и Френч-Лэндингу.

«Будь я проклят, — думает Уэнделл. — Нюхач поджал хвост и сдался. Каков сосунок». Байкеры приближаются.

Вскоре Уэнделл уже может разглядеть через прозрачный щиток шлема увеличивающееся в размерах суровое лицо Нюхача Сен-Пьера. «Никогда не думал, что ты можешь так легко выйти из игры», — говорит Уэнделл Грин, не спуская глаз с Нюхача. Ветер разделил его бороду на две равные части, которые колышутся по обе стороны от шлема. Нюхач щурится, словно охотник, выслеживающий дичь. От мысли, что он может оказаться под прицелом Нюхача, кишечник Уэнделла начинает подавать тревожные знаки. С рвущим барабанные перепонки ревом Нюхач пролетает мимо помятой «тойоты». За ним следуют остальные члены Громобойной пятерки, их «харлеи» ревом не уступают мотоциклу Нюхача.

Трусливое бегство Нюхача поднимает настроение Уэнделлу. В зеркало заднего обзора он наблюдает, как уменьшаются фигурки байкеров, но тут в голове возникает мысль, которую он не может оставить без внимания. Уэнделл, возможно, не Эдуард Р. Марроу наших дней, но репортером он проработал без малого тридцать лет, так что в чутье ему не откажешь. Мысль, ползущая по извилинам мозга, приводит в действие систему охранной сигнализации: Уэнделл понимает, что происходит.

— Будь я проклят! — восклицает он, жмет на клаксон и резко поворачивает руль влево, с минимальными повреждениями бамперов: своего — переднего и заднего автомобиля, стоящего впереди. — Каков подлец! — Он радостно смеется. «Тойота» вываливается из ряда автомобилей, стремящихся на восток, к съезду с шоссе номер 35, и, набирая скорость, устремляется в западном направлении, вслед за байкерами.

Теперь Уэнделл Грин уверен, что ему не придется ползти по полю на пузе: этот мерзавец Нюхач Сен-Пьер знает другую дорогу, ведущую к «Закусим у Эда»! И нашему лучшему репортеру остается только держаться за байкерами, не попадаясь им на глаза, чтобы беспрепятственно добраться до цели. Прекрасно. Вон она, ирония жизни: Нюхач протягивает прессе руку помощи... за что пресса премного вам благодарна. Пусть и полагает вас подонком. Уэнделл сомневается, что Дейл Гилбертсон предоставит ему свободу действий, но, если он подберется к закусочной, вышвырнуть его оттуда удастся не сразу. А пока он успеет задать несколько вопросов, сделать несколько снимков и, что самое главное, набрать фактуру, которая является визитной карточкой его статей.

С радостно бьющимся сердцем Уэнделл мчится по шоссе со скоростью пятьдесят миль в час, не упуская байкеров из виду и одновременно не привлекая к себе их внимания. Устойчивый поток автомобилей, движущихся навстречу, иссякает. И тут, словно байкеры только и ждали этого момента, они сворачивают с шоссе на подъездную дорогу, которая ведет к куполу «Гольца».

Уэнделл вдруг начинает сомневаться, а правильно ли он просчитал намерения Нюхача и его приспешников. Но не может же он поверить, что им захотелось опробовать в деле новую модель трактора или газонокосилки. Он прибавляет скорость, опасаясь, что они заметили его и пытаются оторваться. По его разумению, эта подъездная дорога ведет только к демонстрационному залу, ангару технического обслуживания и автостоянке. Последняя пустует. А вот за ней... что? Насколько он помнит, вроде бы заброшенное поле, потом большая роща деревьев, не лес, конечно, скорее лесополоса. Деревья он может видеть даже оттуда, где находится, спускаясь с холма.

Не удосужившись включить поворотник, Грин пересекает полосу встречного движения и катит по подъездной

дороге «Гольца». Рев мотоциклов слышен, но стал заметно тише, и Уэнделла охватывает страх: а если они как-то провели его и теперь удирают, посмеиваясь? Поднявшись на холм, он оглядывает стеклянные стены демонстрационного зала и едет на стоянку. Перед ангаром техобслуживания стоят два больших желтых трактора, но его автомобиль — единственный на стоянке. В дальнем ее конце низкая каменная стена высотой под бампер разделяет асфальт стоянки и траву. За травой — деревья. Оканчивается стена у асфальтированной дороги, которая уходит за демонстрационный зал.

Уэнделл направляет «тойоту» к стене. Он еще слышит мотоциклы, но их рев напоминает жужжание пчел. Уэнделл понимает, что они уехали на полмили, а то и больше, и выскакивает из кабины. Диктофон сует в карман куртки, «Никон» надевает на шею. Перепрыгивает через низкую стену, спешит к деревьям. Видит остатки старой щебеночной дороги, давно заброшенной и заросшей травой, которая уходит вниз, в лесополосу.

Уэнделл прикидывает, что до «Закусим у Эда» примерно миля, и задается вопросом, сможет ли его «тойота» преодолеть это расстояние по сплошным колдобинам и ухабам. В некоторых местах щебенка полностью ушла в землю, в других — вздыбилась.

Ровных участков практически нет. Холмики травы чередуются с глубокими рытвинами. Для мотоцикла такая дорога — не препятствие, но Уэнделл понимает, что его ноги справятся с ней куда лучше, чем колеса «тойоты», поэтому он не возвращается к автомобилю, а подходит к лесополосе и углубляется в нее. Исходя из увиденного на шоссе, Уэнделл не сомневается, что до прибытия медицинского и технических экспертов времени у него предостаточно. Даже призвав на помощь знаменитого Голливуда Сойера, местные копы мало что могут.

По мере продвижения по дороге рев мотоциклов становится громче, словно байкеры остановились, чтобы обсудить план действий по прибытии к полуразрушенной

закусочной. Чудесно. Уэнделл надеется, что они будут болтать и дальше, пока он вновь их не увидит; надеется, что они будут кричать друг на друга и махать в воздухе кулаками. Ему хочется увидеть, как они насыщают кровь адреналином, вооружаются тем, что, должно быть, возят с собой. Уэнделлу не терпится запечатлеть, как Нюхач Сен-Пьер молодецким ударом правой вышибает передние зубы Дейлу Гилбертсону или душит его дружка Голливуда. Но больше всего Уэнделлу хочется заполучить другую фотографию, ради которой он готов подкупить любого копа, чиновника округа или штата, зеваку, готового оказать ему посильную помощь. Фотографию обнаженного тельца Ирмы Френо. Предпочтительнее, изуродованного Рыбаком. Две фотографии — идеальный вариант. Лица — для остроты ощущений, тела — для извращенцев. Но он согласен и на одну, общую. Эта фотография обойдет весь мир, принося миллионы. «Нэшнл энкуайер»[1], к примеру, отвалит за нее двести, а то и триста тысяч долларов. Это же не фотография, а золотая жила!

Не успевает Уэнделл пройти по лесополосе и десятой части мили, мечтая о деньгах, которые принесет ему маленькая Ирма, и не отрывая взгляда от земли, боясь подвернуть ногу или упасть, рев моторов «харлеев» Громобойной пятерки отрезает, как ножом. На какое-то мгновение устанавливается звенящая тишина, но тут же ее наполняют другие, более спокойные звуки. Уэнделл слышит свое свистящее дыхание, а также какое-то дребезжание и постукивание у себя за спиной. Оборачивается — и видит приближающийся к нему по разбитой дороге древний пикап.

Чуть не прыскает со смеху, глядя, как автомобиль бросает из стороны в сторону, когда то одно, то другое колесо

[1] «Нэшнл энкуайер» — еженедельный журнал, специализирующийся на публикации сенсационных новостей, которых читатели не найдут в «обычной прессе». Издается с 1926 г. Тираж около 4 млн экземпляров.

попадает в глубокую рытвину. Выходит, не только байкеры знают путь к «Закусим у Эда». Только вот лишние люди Уэнделлу там совершенно не нужны. В этот момент пикап наезжает на толстый корень, его подбрасывает, и четыре темных головы в кабине качаются, как марионетки. Уэнделл идет навстречу пикапу, чтобы предложить водителю и пассажирам тут же отправиться в обратный путь. Днище пикапа задевает камень. Раздается скрежет, летят искры. «Этой колымаге никак не меньше тридцати лет, — думает Уэнделл. — На дороге редко встретишь автомобиль хуже этого». Когда расстояние сокращается до минимума, он видит, что это «интернешнл харвестер». На ржавом переднем бампере — ветки и сорняки. Неужели «И-Х»[1] когда-нибудь выпускала пикапы? Уэнделл поднимает руку, как присяжный, дающий клятву, но пикап со скрипом и скрежетом проезжает еще несколько ярдов, прежде чем останавливается. Его левый борт значительно выше, чем правый. В царящем под деревьями полумраке Уэнделл не может разглядеть лиц, которые всматриваются в него через лобовое стекло, но два вроде бы ему знакомы.

Водитель высовывается в окно и кричит: «Привет, мистер Репортер. Они захлопнули дверь и перед твоим носом, да?» — это Тедди Ранкелман, фамилия которого частенько попадается на глаза Уэнделлу, когда он просматривает полицейские отчеты. Остальные трое радостно ржут, оценив остроумие Тедди. Двоих Уэнделл знает: Фредди Сакнессама, представителя большой семьи, ютящейся в лачугах у самой реки, и Тутса Биллинджера, который зарабатывает на жизнь, собирая металлолом в Ла Ривьере и Френч-Лэндинге. Как и Ранкелмана, Тутса частенько арестовывали за мелкие правонарушения, но ни разу не сажали в тюрьму. Неряшливую, потасканную женщину, сидящую между Фредди и Тутсом, он тоже вроде бы где-то видел, но имени вспомнить не может.

---

[1] «Интернешнл харвестер» — компания по производству сельскохозяйственной и строительной техники. Основана в 1902 г.

— Здорово, Тедди, — отвечает Уэнделл. — Привет, Фредди и Тутс. Нет, как только я увидел, что творится у главного входа, решил войти через черный.

— Эй, Уэнделл, неужто ты меня не помнишь? — В голосе женщины слышится жалость к себе. — Дудлс Сангер, на случай, если тебе отшибло память. Сначала я ехала в «белэйре» Фредди, а не с Тедди, но после того, как мы столкнулись с мисс Сукой, многие наши решили вернуться в бар и в пикапе появились свободные места.

Разумеется, он ее помнит, хотя теперь она мало чем напоминает развеселую деваху, которая десять лет тому назад подавала коктейли в отеле «Нельсон». Уэнделл думает, что ее выгнали с работы скорее за пьянство, чем за воровство, но, видит бог, она и пила, и подворовывала. В те времена Уэнделл оставлял немало денег в баре отеля «Нельсон». Он пытается вспомнить, трахался ли он с Дудлс. Вроде бы да.

— Что ты такое говоришь, Дудлс, как я могу забыть такую милашку, как ты?

Парни, конечно же, ржут еще громче. Дудлс врезает локтем под ребра Тутсу Биллинджеру и дует губки, одновременно улыбаясь Уэнделлу:

— Спасибо вам, добрый сэр.

Да, значит, трахался, все так.

Сейчас самое время отправить этих кретинов восвояси, но на Уэнделла нисходит озарение.

— Как насчет того, чтобы помочь работнику пера и заработать на этом пятьдесят долларов?

— На каждого или на всех? — любопытствует Тедди Ранкелман.

— Ты что, конечно, на всех, — отвечает Уэнделл.

Дудлс наклоняется к окну:

— По двадцатке на каждого, идет? Если мы согласимся сделать то, что тебе нужно.

— О, ты разбиваешь мне сердце. — Уэнделл достает бумажник из заднего кармана и вытаскивает четыре двадцатки, оставляя себе десятку и три долларовые купюры,

которые теперь придется растягивать на целый день. Они берут деньги и тут же рассовывают их по карманам.

— А теперь вот о чем я вас попрошу. — Уэнделл подходит к дверце водителя, наклоняется к окну.

Глава 12

Несколькими минутами позже пикап останавливается между последними деревьями, где щебенка полностью исчезает в сорняках и высокой траве. Мотоциклы Громобойной пятерки аккуратным рядком стоят в десятке ярдов впереди и чуть левее. Уэнделл, который занял место Фредди Сакнессама, вылезает из кабины, отходит на пару шагов в надежде, что ядреный запах застарелого пота, грязной кожи и пивного перегара, которым благоухали попутчики, не пристанет к его одежде. За спиной, Уэнделл это слышит, Фредди спрыгивает с кузова на землю, а остальные вылезают из кабины и захлопывают дверцы. Шума, конечно, много, но не столько, чтобы привлечь лишнее внимание. Видит Уэнделл только заднюю прогнившую стену «Закусим у Эда», затянутую вьюном, да растущие перед ней тигровые лилии. До него доносятся тихие голоса, один из которых — Нюхача Сен-Пьера. Уэнделл готовит «Никон» к съемке: откидывает заднюю крышку, вставляет новую пленку, снимает колпачок с объектива, а уж потом осторожно направляется к боковой стене полуразрушенного здания.

Заходит за угол и видит проселок, отходящий от шоссе, и перегораживающую съезд патрульную машину. На шоссе Дэнни Щеда и Пэм Стивенс жарко спорят с пятью или шестью мужчинами и женщинами, оставившими свои автомобили. Исход спора для Уэнделла очевиден: если Щеда и Стивенс — дамба, то очень скоро она даст серьезную течь. Уэнделлу это на руку. Суета и беспорядок облегчат ему путь к телу Ирмы Френо и добавят пикантных подробностей в и без того колоритную историю. Жалеет он только, что не может прямо сейчас нашептывать абзацы будущей статьи в диктофон.

«Неопытность сотрудников чифа Гилбертсона проявилась в тщетных попытках патрульных Щеды и Стивенс сдержать толпу граждан, желающих собственными глазами засвидетельствовать результат последнего преступления Рыбака...» Общие слова, общие слова, потом: «...но ваш корреспондент сумел пробиться в эпицентр событий, где и выполнил скромную, но почетную обязанность: служить ушами и глазами своих читателей...»

Уэнделла трясет при мысли о том, что такой текст может кануть в Лету, он не уверен, что запомнит его, но и не решается наговорить в диктофон: боится, что его услышат. Крадучись, прижимаясь к стене, продвигается к фасаду «Закусим у Эда».

Скромные уши читателей слышат, пусть и не разбирая отдельных слов, на удивление доброжелательный разговор Нюхача Сен-Пьера и Дейла Гилбертсона, стоящих неподалеку от входа в бывшую закусочную. Скромные глаза читателей видят Джека Сойера, появившегося в поле зрения с пустым пластиковым пакетом и бейсболкой в правой руке. Скромный нос читателей фиксирует жуткую вонь, однозначно свидетельствующую о наличии в здании разлагающегося тела. Джек идет чуть быстрее, чем всегда, и, хотя очевидно, что направляется он к своему пикапу, продолжает оглядываться по сторонам.

Что же тут происходит? Судя по всему, Золотой мальчик не хочет, чтобы его видели. Он похож на мелкого воришку, только что засунувшего уворованное под пиджак, а золотые мальчики так себя не ведут. Уэнделл поднимает фотоаппарат и наводит на цель. Так держать, старина Джек, ты будешь отлично смотреться на газетной полосе. А теперь давай зафиксируем, что ты несешь, не возражаешь? Уэнделл нажимает кнопку спуска, наблюдает в видоискатель, как Джек подходит к пикапу. «Золотой мальчик собирается положить свою добычу в бардачок, — думает Уэнделл, — и не хочет, чтобы кто-нибудь это видел. Не повезло тебе, старина, ты попал в

объектив «Откровенной камеры»[1]. Но не везет и тому, кто выполняет скромную, но почетную обязанность — служить глазами и ушами читателей, потому что Джек Сойер, подойдя к пикапу, не залезает в кабину, а наклоняется над бортом и что-то проделывает, предлагая нашему благородному журналисту любоваться лишь его спиной. Благородный журналист все-таки фотографирует спину, а потом отвернувшегося от пикапа Джека Сойера. Руки его пусты, и он более не выглядит мелким воришкой. Он уже запрятал свои сокровища, но почему пустой пластиковый пакет и бейсболка вдруг стали сокровищами?

И тут Уэнделла Грина словно пронзает молнией. Волосы просто встают дыбом. Великая история становится невероятно великой. Жестокий убийца, расчлененный труп ребенка и... падение героя! Джек Сойер выходит из развалин с пластиковым пакетом и бейсболкой «Пивоваров», стараясь оставаться незамеченным, прячет и то и другое в своем пикапе. Все это он нашел в полуразрушенном здании «Закусим у Эда» и вынес из-под носа своего друга и почитателя Дейла Гилбертсона. Золотой мальчик унес с места преступления вещественные доказательства. И Уэнделл запечатлел сие на пленке. Теперь Уэнделлу есть чем прижать этого самоуверенного и заносчивого Золотого мальчика, Уэнделл может свергнуть его с Олимпа. Уэнделлу хочется пуститься в пляс, что он и делает, не в силах сдержаться. Отплясывает джигу с бесценным фотоаппаратом в руках и торжествующей улыбкой на лице.

У него такое хорошее настроение, он в таком восторге, что даже сперва решает забыть о четырех идиотах,

---

[1] «Откровенная камера» — цикл юмористических передач телекомпании Си-би-эс. Содержание каждой основывалось на съемке скрытой камерой реакции людей на нестандартные ситуации. В конце каждой передачи ведущий обращался к жертве розыгрыша со словами: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера».

ждущих его сигнала, и поставить точку. Но нет, негоже останавливаться на полдороге. Таблоиды, продающиеся в супермаркетах, жаждут получить жуткие, леденящие кровь фотографии изуродованного тела Ирмы Френо. Уэнделл Грин даст им эти фотографии.

Уэнделл еще на шаг приближается к фасаду полуразрушенной закусочной и замирает, не веря своим глазам. Четверо байкеров добрались до конца проселка, где и помогают Щеде и Стивенс отгонять людей, жаждущих взглянуть на трупы, лежащие в развалинах. Тедди Ранкелман слышал, что Рыбак притащил туда как минимум шесть, а может, и восемь наполовину съеденных детей: новости по мере их распространения по городу обрастали все более сенсационными подробностями. Так что копам подмога пришлась очень кстати, хотя Уэнделл предпочел бы, чтобы Нюхач и его команда устроили заварушку, а не помогали наведению порядка. Он подходит к углу и осторожно выглядывает из-за него, чтобы посмотреть, что творится перед фасадом закусочной. Если он хочет добиться желаемого, ему нужно улучить удобный момент.

Вторая патрульная машина ПУФЛ протискивается сквозь автомобили, стоящие на шоссе номер 35, съезжает на проселок мимо машины Щеды и берет курс на развалины. Добирается до них, и два молодых, частично занятых на службе копа, Хольц и Нестлер, вылезают из кабины и направляются к Дейлу Гилбертсону. Они стараются не подавать виду, что замечают запах, который усиливается с каждым шагом, приближающим их к «Закусим у Эда». Уэнделл видит, что еще труднее им скрыть удивление и отвращение, которые вызывает собеседник чифа, Нюхач Сен-Пьер. Наверняка они подозревают его в совершении бессчетного количества преступлений. Оба — деревенские парни, которым не довелось окончить колледж. Они делят на двоих одну зарплату полицейского, очень хотят поступить на службу, а в мире для них существует только два цвета: черный и белый. Дейл, похоже, успокаивает подчиненных, а Нюхач, который без

труда может одновременно оторвать их от земли, а потом так ударить головами, что они разлетятся, как два сваренных всмятку яйца, добродушно им улыбается. Следуя приказу Дейла (слов Уэнделл не разбирает, но догадывается об их смысле по поведению молодых копов), они разворачиваются и направляются к шоссе, по пути бросая восхищенные взгляды на Джека Сойера. Бедняги, какое же их ждет разочарование.

Джек подходит к Дейлу, они о чем-то совещаются. Жаль, что Дейл не в курсе проделок своего дружка, спрятавшего важные улики. Или, тут Уэнделлу приходит в голову новая мысль, в курсе... и заодно с ним? В одном Уэнделл уверен: тайное станет явным, как только «Геральд» опубликует его фотографии.

Все это время щеголь в шляпе и солнечных очках просто стоит, сложив руки на груди, спокойный, уверенный в себе, словно держит все под контролем, а запах до него и не долетает. «Очевидно, это ключевой игрок, — думает Уэнделл. — Он отдает приказы. Золотой мальчик и Дейл стремятся всячески его ублажить; это чувствуется по уважительному отношению к нему, почтительности. Если они хотят что-то скрыть, то ради него. Но почему? И кто он, черт побери? Он немолод, пятьдесят с хвостиком, годится в отцы и Джеку, и Дейлу. Одет слишком модно, чтобы жить в деревне. Значит, он из Мэдисона, может, из Милуоки. Очевидно, что не коп, но и не бизнесмен. Человек, привыкший принимать решения самостоятельно и быстро, это ясно с первого взгляда».

Еще одна патрульная машина съезжает с шоссе номер 35 и останавливается около «Закусим у Эда». Золотой мальчик и Гилбертсон направляются к ней, из кабины вылезают Бобби Дюлак и этот толстяк, Дит Джесперсон, но щеголь в шляпе даже не смотрит в их сторону. Да, это круто. Спокойно стоит сам по себе — генерал, командующий войсками. Уэнделл наблюдает, как загадочный мужчина достает сигарету, закуривает, выпускает струйку дыма. Джек и Дейл уводят вновь прибывших в развали-

ны, а этот продолжает спокойно курить, отстранившись от происходящего вокруг него. Сквозь прогнившую стену Уэнделл слышит, как Дюлак и Джесперсон жалуются на запах; потом кто-то из них ахает, увидев тело. «Привет, мальчики, — говорит Дюлак. — Неужели такое возможно? Привет, мальчики». Голос позволяет Уэнделлу установить местонахождение тела: у дальней стены.

Прежде чем три копа и Сойер успевают выйти из полуразрушенного здания, Уэнделл высовывается из-за угла, наводит фотоаппарат и фотографирует загадочного мужчину. К его ужасу, Шляпа мгновенно поворачивается к нему.

— Кто меня сфотографировал? — Уэнделл тут же скрывается за углом, но знает, что его засекли. Черные очки смотрели прямо на него. И уши у него как у летучей мыши: уловить щелчок затвора! — Выходите оттуда, — слышит Уэнделл. — Нет смысла прятаться. Я знаю, что вы здесь.

Со своей позиции у боковой стены Уэнделл видит автомобиль полицейского управления Висконсина и «понтиак» с надписью «ПРОСТО СКАЖИ НЕТ», подъезжающие к колонне выстроившихся на шоссе машин. Ситуация в голове колонны, похоже, достигла точки кипения. Вроде бы один из байкеров вытаскивает кого-то через окно презентабельного «олдсмобиля».

А потому самое время бросить в бой кавалерию. Уэнделл отступает еще на шаг от фасада и дает отмашку.

— Хо-хо-хо! — вопит Тедди Ранкелман.

Дудлс визжит, как резаная свинья, и четверка помощников Уэнделла пробегает мимо него, чтобы отвлечь на себя внимание противника.

Глава 13

Дэнни Щеда и Пэм Стивенс из последних сил держат оборону, когда до них доносится нарастающий рев мотоциклов. Да уж, до полного счастья им не хватает только прибытия Громобойной пятерки. От Тедди Ранкелмана

и Фредди Сакнессама они сумели отделаться достаточно быстро, но по шоссе номер 35 прибывает все больше автомобилей, водители которых полагают, что имеют полное право поглазеть на детские трупы, которыми набито полуразрушенное здание «Закусим у Эда». И пока им удается разобраться с водителем одного автомобиля, в хвост очереди пристраиваются еще два. Все требуют долгих объяснений, почему они, налогоплательщики и озабоченные ситуацией граждане, не имеют права побывать на месте преступления. Особенно такого ужасного, такого трагического, такого... зрелищного. Большинство отказывается верить, что в этих развалинах найдено только одно тело — Ирмы Френо; трое уже обвинили Дэнни, что он скрывает подробности, а один употребил термин «Фишергейт»[1]. Кретины. Видать, многие, уж непонятно почему, думают, что местная полиция прикрывает Рыбака!

Некоторые, отъезжая, показывают Щеде оттопыренный средний палец. Одна дама сует крест ему под нос и кричит, что у него грязная душа и ему один путь — в ад. По меньшей мере у половины из тех, кого он отсылает прочь, фотоаппараты и видеокамеры. Да разве можно назвать их людьми, если ранним субботним утром они покинули дом, чтобы поглазеть на мертвых детей и сфотографировать? А ведь они полагают себя совершенно нормальными. Кто же тогда ку-ку? Конечно же, он, Дэнни Щеда.

Пожилой мужчина, приехавший вместе с женой, они живут на Мейд-Мариан-уэй, говорит: «Молодой человек, вы, похоже, единственный во всем округе, кто не понимает, что здесь происходит в своем роде историческое событие. Мардж и я считаем, что мы имеем право на сувенир».

Сувенир?

Вспотевший как мышь, обозленный, сытый по горло общением с идиотами, Дэнни выходит из себя:

---

[1] После «Уотергейта», политического скандала 1974 г., вторая часть этого слова, «гейт», используется для образования сложных слов со значением «скандал». Фишер (Fisher), понятное дело, рыбак.

— Дружище, я с вами полностью согласен. Будь моя воля, вы и ваша очаровательная жена уехали бы отсюда с запятнанной кровью одеждой, может, с одним, а то и двумя отрезанными пальцами. Но разве я что-то решаю? А вот мой чиф, он не понимает простых истин.

Пожилой господин с Мейд-Мариан-уэй отъезжает, шокированный до потери речи. Следующий водитель начинает орать, как только Дэнни наклоняется к окошку. Выглядит он как Джордж Рэтбан, каким представляет его Дэнни, только голос более хриплый и пронзительный: «Не думай, будто я не вижу, что вы тут вытворяете! — Дэнни спокойно пытается объяснить, что они охраняют от посторонних место преступления. Но «Джордж Рэтбан», который приехал на старом синем «додже» без переднего бампера и правого зеркала заднего обзора, орет: — Я сижу здесь двадцать минут, пока вы и эта дама валяете дурака! Я надеюсь, вам мало не покажется, когда ГРАЖДАНЕ САМИ ЗАЙМУТСЯ ОХРАНОЙ ПОРЯДКА!»

Вот в этот деликатный момент Дэнни и слышит нарастающий рев мотоциклов приближающейся к съезду с шоссе номер 35 Громобойной пятерки. Он выбит из колеи с той минуты, как нашел на тротуаре у дома престарелых велосипед Тая Маршалла, и от мысли, что ему предстоит схлестнуться еще и с Нюхачом Сен-Пьером, голова наполняется густым черным дымом, в котором то и дело вспыхивают искры. Он наклоняет голову и смотрит в глаза красномордого «Джорджа Рэтбана». Говорит тихо, на одной ноте: «Сэр, если вы будете продолжать в том же духе, я надену на вас наручники, посажу за решетку на заднее сиденье патрульного автомобиля, а когда меня отпустят отсюда, отвезу в полицейский участок и обвиню во всем, что только придет мне в голову. Это я вам обещаю. А теперь окажите себе услугу, уберитесь отсюда к чертовой матери».

Рот мужчины открывается и закрывается, как у аквариумной рыбки. Кровь приливает к его и без того крас-

ному лицу. Дэнни продолжает смотреть ему в глаза, очень надеясь, что «Джордж Рэтбан» даст повод защелкнуть на его руках наручники и препроводить на заднее сиденье патрульного автомобиля. Но парень правильно оценивает ситуацию. Осторожность берет верх, он отводит взгляд. Включает заднюю передачу и чуть не врезается в стоящую позади «миату».

— Я просто не верю своим глазам, — говорит Пэм. — Какой идиот развязал язык?

Как и Дэнни, она наблюдает за Нюхачом и его друзьями, несущимися к ним мимо стоящих автомобилей.

— Не знаю, но я бы с удовольствием вогнал свою дубинку ему в глотку. А потом отправился на поиски Уэнделла Грина.

— Тебе не пришлось бы долго искать. Его машина по очереди шестая. — Пэм указывает на красную «тойоту» Грина.

— Святой Боже, — выдыхает Дэнни. — Знаешь, я даже рад, что удастся пообщаться с этой мразью. Теперь-то я точно выскажу ему все, что о нем думаю. — Улыбаясь, он наклоняется, чтобы поговорить с юношей, сидящим за рулем «миаты». Юноша отъезжает, и Дэнни машет рукой водителю следующего автомобиля, наблюдая за Громобойной пятеркой, расстояние до которой стремительно сокращается. Поворачивается к Пэм: — На этот раз, если Нюхач полезет на меня с кулаками или даже если мне покажется, что он собирается это сделать, клянусь Богом, я достану «пушку».

— Представляешь, сколько потом придется заполнять бумаг.

— А мне плевать.

— Ладно, составлю тебе компанию. — И Дэнни понимает, что она поддержит его, если он возьмется за оружие.

Водители, пытающиеся свернуть на проселок, не дают возможности следить за Нюхачом и его командой. Суровые лица за прозрачными защитными щитками и разве-

вающиеся бороды говорят за то, что стычки не избежать. Сердце Дэнни Щеды ускоряет бег, а сфинктер напрягается.

Но байкеры проезжают мимо, даже не повернувшись, один за другим: Нюхач, Мышонок, Док, Сонни и Кайзер. Расстояние между ними и съездом с шоссе увеличивается с той же скоростью, с какой еще недавно уменьшалось.

— Черт, — вырывается у Дэнни, который не знает, испытал он облегчение или разочарование. Но смятение, которое вызывает очередной маневр байкеров — не проехав и пятидесяти ярдов, они разворачиваются, — говорит за облегчение.

— Пожалуйста, не надо, — шепчет Пэм.

Головы водителей и пассажиров стоящих автомобилей поворачиваются, когда байкеры вновь проскакивают мимо, на этот раз в направлении города, и на несколько секунд все звуки заглушает рев «харлеев». Когда он немного стихает, Дэнни Щеда снимает форменную фуражку и вытирает лоб. Пэм Стивенс разгибается, расправляя плечи, шумно выдыхает. Потом кто-то давит на клаксон, к нему присоединяются еще два водителя, и седоусый мужчина в джинсовой рубашке, показывая Дэнни какую-то бляху размером с четвертак, объясняет, что он — кузен окружного судьи и почетный член полиции Ла Ривьеры (сие говорит о том, что его никогда не штрафовали за неправильную парковку или превышение скорости), а потому имеет право ехать, куда ему вздумается. Усы расходятся в широкой улыбке: «Так что пропустите меня, патрульный, а потом займитесь своим делом».

«Мое дело — никого не пропускать», — отвечает Дэнни. Ему приходится повторить эту фразу несколько раз, прежде чем почетный полицейский уступает место следующему водителю. Отослав прочь еще нескольких достопочтенных граждан, он оглядывает вереницу автомобилей, чтобы понять, как скоро ему предстоит послать куда подальше Уэнделла Грина. Конечно же, журналист должен быть на подходе. Но как только Дэнни поднимает

голову, начинают гудеть клаксоны, а люди орут: «Пропусти нас! Эй, приятель, не забывай, что я плачу тебе жалованье! Я хочу поговорить с Дейлом, я хочу поговорить с Дейлом!»

Несколько мужчин вылезают из автомобилей. Они целятся пальцами в Дэнни, их губы шевелятся, но он не может разобрать, что они кричат. И тут же острая боль простреливает голову. Что-то не так, красной «тойоты» репортера нет. Что за черт? Неужели этот подонок вывалился из череды стоящих машин и поехал к «Закусим у Эда» по полю? Дэнни поворачивается, окидывает взглядом поле. Сердитые голоса и гудки бьют в спину. Нет ни красной, с помятым кузовом, «тойоты», ни Уэнделла Грина. Или этот мешок с говном отказался от попыток прорваться к полуразрушенной закусочной?

Несколько минут спустя пробка рассасывается, и Дэнни с Пэм думают, что успешно справились с заданием. Все четыре полосы шоссе номер 35 пусты, обычное дело для субботнего утра. Лишь один пикап катит мимо, направляясь в Сентралию.

— Не пора ли нам ехать туда? — спрашивает Пэм, кивнув в сторону развалин.

— Может, через пару минут. — Дэнни не торопится вновь вдохнуть аромат, которым благоухает бывшая закусочная. Он бы с радостью оставался на обочине шоссе до прибытия медицинского и технических экспертов. Что вообще происходит с людьми? Сам бы он, не колеблясь, отдал двухдневное жалованье, лишь бы не смотреть на разложившееся тельце бедной Ирмы Френо.

Потом до него и Пэм доносятся звуки, от которых им разом становится не по себе. Во-первых, шум автомобильных двигателей: на них накатывает новая волна зевак. Во-вторых, рев мотоциклов, доносящийся из-за полуразрушенной закусочной.

— К этому сараю есть еще одна дорога? — в изумлении спрашивает Дэнни.

Пэм пожимает плечами:

— Похоже на то. Но послушай... Дейлу придется самому разбираться с гуннами Нюхача, потому что нам хватит хлопот и без них.

— Это точно.

До тридцати легковушек и пикапов скапливается у съезда на шоссе, и они с Пэм видят, что в них люди более злые и настроены куда решительнее, чем те зеваки, с которыми они уже успели разобраться. Из последних автомобилей вылезают мужчины и женщины и направляются к двум полицейским. Водители автомобилей, которые стоят в голове колонны, кричат и размахивают кулаками. Какая-то женщина (невероятно!) привезла с собой двух детей-подростков. Они развернули полотнище, на котором написано: «НАМ НУЖЕН РЫБАК». Мужчина, приехавший в запыленном старом «кадиллаке», высовывает из окна написанный от руки плакат: «ГИЛБЕРТСОН ДОЛЖЕН УЙТИ».

Дэнни оборачивается и видит подтверждение своей догадке: Громобойная пятерка таки пробралась к «Закусим у Эда» по объездной дороге, потому что четверо бородачей стоят в ряд, странным образом напоминая агентов Секретной службы, тогда как Нюхач Сен-Пьер о чем-то говорит с чифом. И выглядят эти двое как главы двух государств, обсуждающие торговое соглашение. Дэнни просто не понимает, как такое может быть, поэтому поворачивается к колонне автомобилей, к недоумкам с плакатами, направляющимся к ним.

Гувер Далримпл, старичок семидесяти одного года с козлиной бородкой, встает перед Пэм и начинает качать свои неотъемлемые права. Дэнни помнит его: шестью месяцами раньше Далримпл стал инициатором драки в баре отеля «Нельсон» и теперь, похоже, решил поквитаться. «Я не собираюсь говорить с вашим напарником, — кричит он, — и не собираюсь выслушивать его, потому что вашего напарника совершенно не интересуют права простых граждан».

Дэнни отсылает прочь оранжевый «субару», в котором сидит прыщавый подросток в футболке с изображением группы «Блэк Саббат», потом черный «корветт» с номерами Ла Ривьеры, за рулем которого — ослепительно красивая молодая женщина с удивительно обширным запасом ругательств. Откуда взялись все эти люди? Он не узнает никого, кроме Гувера Далримпла. Дэнни практически уверен, что большинство тех, кого он видит перед собой, живут не во Френч-Лэндинге.

Он уже собирается подойти к Пэм, чтобы помочь ей, когда ему на плечо ложится рука. Он поворачивается и видит перед собой Дейла Гилбертсона и Нюхача Сен-Пьера. Остальные четверо байкеров стоят в нескольких ярдах. Один, его зовут Мышонок, и габаритами он, естественно, напоминает стог сена, перехватывает взгляд Дэнни и подмигивает.

— Что они тут делают? — спрашивает Дэнни.

— Успокойся, — говорит ему Дейл. — Друзья мистера Сен-Пьера вызвались помочь нам в сдерживании толпы, и я думаю, их помощь нам не помешает.

Уголком глаза Дэнни видит, как близнецы Ниари пытаются сойти с обочины на проселок, и протягивает руку, чтобы остановить их.

— А что они с этого получат? — спрашивает он.

— Мы будем держать их в курсе событий, ничего больше, — отвечает чиф. — Давайте, парни, за дело.

Друзья Нюхача направляются к толпе. Чиф перемещается к Пэм, которая поначалу в недоумении таращится на него, потом кивает. Мышонок гаркает на Гувера Далримпла: «Возложенной на меня властью я приказываю тебе выметаться отсюда, Гувер». Старик исчезает столь быстро, что можно подумать, будто он дематериализовался.

Толпа сердитых зевак реагирует на байкеров аналогично. Дэнни надеется, что удастся обойтись без мордобоя: одного вида мужчин весом под триста фунтов и с

внешностью «Ангелов ада»[1] хватает, чтобы привести разбушевавшихся обывателей в чувство. И действительно, байкер, находящийся рядом с Дэнни, обращает Флойда и Фрэнка Ниари в бегство, лишь замахнувшись на них кулаком. Когда те ныряют в кабину своего автомобиля, байкер подмигивает Дэнни и говорит, что зовут его Кайзер Билл. Друзьям Нюхача определенно нравится наводить порядок, им уже с трудом удается сдерживать ухмылки. Но они сдерживают, потому что именно их суровость нагоняет на толпу страх.

— А кто остальные? — спрашивает Дэнни.

Кайзер Билл показывает ему Дока и Сонни, которые разгоняют толпу справа от Дэнни.

— Почему вы это делаете?

Кайзер наклоняет голову, и его лицо зависает в двух дюймах от Дэнни. У того ощущение, будто он нос к носу столкнулся с быком. Те же ярость и жар идут от широких скул и волосатой кожи. Дэнни удивляется, что из ноздрей не вырываются струи пара. Один из зрачков меньше другого. Белки налиты кровью.

— Почему? Мы это делаем из-за Эми. Неужели вам это не ясно, патрульный Щеда?

— Извините, — бормочет Дэнни. Ну конечно. Ему остается надеяться, что Дейл удержит этих монстров в узде. Наблюдая, как Кайзер Билл едва не переворачивает древний «мустанг», водитель которого, молодой оболтус, замешкался с тем, чтобы подать машину назад, он благодарит Бога, что они пришли с пустыми руками, без дубинок.

Через зазор, появившийся в колонне автомобилей после отъезда «мустанга», к Дэнни и Кайзеру подъезжает

---

[1] «Ангелы ада» — знаменитая команда байкеров, вселявшая ужас в обывателей в период расцвета контркультуры 60-х — начала 70-х гг., особенно в западных штатах. Представляла собой хорошо организованное формирование, охраняла многие мероприятия того периода, в том числе и концерт в Вудстоке.

патрульная машина. Пока она пробивается сквозь толпу, какая-то женщина в футболке и обтягивающих джинсах барабанит кулачком по стеклу со стороны пассажирского сиденья. Машина останавливается, из нее выскакивают Боб Хольц и Пол Нестлер, частично занятые на службе, таращатся на Кайзера, спрашивают у Пэм, не нужна ли помощь.

— Поезжайте к чифу и узнайте у него, — отвечает Дэнни, хотя понимает, что не должен этого делать. Хольц и Нестлер — отличные ребята, но им еще предстоит многому научиться. В том числе и насчет того, кому положено отдавать приказы.

Через полторы минуты появляются Бобби Дюлак и Дит Джесперсон. Дэнни и Пэм машут им, показывая, что надо следовать к бывшей закусочной, тогда как байкеры продолжают наводить страх на горожан, молотя кулачищами по бортам и капотам автомобилей. Из толпы доносятся шум борьбы и сердитые крики. Дэнни кажется, что он провел на обочине шоссе не один час. Расшвыривая людей, к Пэм направляется Сонни. Она стоит как скала. Следом появляются Мышонок и Док. У Дока из носа течет струйкой кровь, исчезая в бороде. Широкими шагами подходит Кайзер.

Когда толпа начинает скандировать: «МЫ НЕ УЙДЕМ! МЫ НЕ УЙДЕМ!» — возвращаются Хольц и Нестлер. «Мы не уйдем! — повторяет про себя Дэнни. — Можно подумать, что они протестуют против войны во Вьетнаме».

До Дэнни доносится вой полицейской сирены, тут же он видит, как Мышонок, надвигаясь на толпу, укладывает на землю первых трех, до кого может дотянуться. Док опирается руками на дверцу слишком хорошо знакомого «олдсмобиля» и через открытое окно спрашивает хрупкого телосложения лысеющего водителя, что, собственно, он здесь делает.

— Док, оставь его в покое, — говорит Дэнни, но его слова тонут в вое сирены.

Хотя мужчина, сидящий за рулем «олдсмобиля», внешне напоминает школьного учителя математики или мелкого клерка муниципалитета, он обладает решительностью гладиатора. Это преподобный Лэнс Ховдал, к которому Дэнни ходил в воскресную школу.

— Я думал, что смогу помочь, — отвечает пастор.

— За всем этим шумом мне плохо вас слышно. Позвольте помочь вам приблизиться к месту событий, — рычит Док, и его руки всовываются в кабину в тот момент, когда, ревя сиреной, к ним подъезжает автомобиль полицейского управления штата.

— Не надо, Док, ПРЕКРАТИ! — кричит Дэнни, глядя, как двое мужчин, сидящие в автомобиле полицейского управления, Браун и Блэк, наблюдают за уникальным зрелищем: бородатый мужчина, габаритами не уступающий гризли, вытаскивает лютеранского священника через окно его собственной машины. Вместе с детективами приехал, еще сюрприз, Арнольд Храбовски, Бешеный Мадьяр. И сейчас, выпучив глаза, таращится на хаос, царящий вокруг его «понтиака» с надписями «ПРОСТО СКАЖИ НЕТ» на боках.

Съезд с шоссе уже напоминает зону боевых действий. Дэнни ныряет в толпу и проталкивается к Доку и своему бывшему учителю воскресной школы, который определенно потрясен случившимся, но остался целым и невредимым.

— Дэнни, мальчик мой, — говорит пастор. — Я, безусловно рад тебя видеть.

Док грозно смотрит на обоих:

— Вы друг друга знаете?

— Преподобный Ховдал, это Док, — представляет мужчин Дэнни. — Док, это преподобный Ховдал, пастор лютеранской церкви «Гора Хеврон».

— Святая бабочка. — Док тут же начинает приглаживать лацканы и одергивать полы пиджака священника. — Прошу меня извинить, святой отец, надеюсь, я не причинил вам вреда.

Детективам из полицейского управления и Бешеному Мадьяру удается выбраться из толпы. Да и шум заметно снижается: друзья Дока «загасили» самых крикливых.

— К счастью, окно шире, чем я, — говорит пастор.

— Скажите, могу я как-нибудь прийти к вам? — спрашивает Док. — В последнее время я много читал о первом столетии христианства. Деятельность апостолов, оставшихся без Учителя, распространение новой религии, вы понимаете. Хотелось бы обменяться мнениями.

Ховдал не успевает ответить, потому что внезапный взрыв шума доносится с другого конца проселка. Какая-то женщина вопит как банши, и от этого нечеловеческого воя волосы на затылке Дэнни встают дыбом. Ему представляется, что около полуразрушенной закусочной внезапно появились психи, куда более страшные, чем Громобойная пятерка. Что же там такое творится?

— «Привет, мальчики». — Не в силах сдержать негодование, Бобби Дюлак поворачивается к Дейлу, потом к Джеку. Повышает голос: — Неужели такое возможно? «Привет, мальчики».

Дейл откашливается в кулак, пожимает плечами.

— Он же хотел, чтоб мы ее нашли.

— Естественно, — кивает Джек. — Он направил нас сюда.

— Но почему он это сделал? — спрашивает Дюлак.

— Он гордится своей работой. — Из глубин памяти всплывает отвратительный голос: «Держись в стороне. Перейдешь мне дорогу, и я развешу твои внутренности от Расина до Ла Ривьеры». Чей это был голос? Джек прекрасно понимает, что, опознав голос, сможет найти Рыбака. Но с опознанием не вытанцовывается. Зато Джек Сойер вспоминает запах, еще более вонючий, чем тот, что наполняет сейчас полуразрушенную закусочную, — мерзопакостный запах, накатывающий с юго-запада другого мира. Там тоже есть свой Рыбак или его аналог.

И тут же в голове возникает мысль, достойная звезды отдела расследования убийств УПЛА.

— Дейл, я думаю, Генри должен прослушать запись этого разговора по линии 911.

— Не понимаю тебя. А зачем?

— Генри слышит даже то, что недоступно летучим мышам. Если он и не узнает голос, то почерпнет из этого разговора в сто раз больше информации, чем мы.

— Дядя Генри никогда не забывает услышанный голос, это правда. Ладно, пошли отсюда. Медицинский и технические эксперты должны подъехать с минуты на минуту.

Следуя за двумя мужчинами, Джек думает о бейсболке Тайлера Маршалла и месте, где он ее нашел, — мире, существование которого отрицал большую часть своей жизни и возвращение в который этим утром потрясло его до глубины души. Рыбак оставил бейсболку в Долинах, реальности, о которой он впервые услышал, когда был шестилетним Джеки... когда Джеки было шесть лет, а папа играл на трубе. Все это возвращается к нему, все его невероятное путешествие, и не потому, что он этого хочет. Просто иного не дано. Внешние силы подхватили его за воротник и тащат вперед. Вперед к собственному прошлому! Рыбак гордится своей работой, Рыбак сознательно дразнит их, истина эта столь очевидна, что трое мужчин не считают нужным об этом говорить. Но в действительности Рыбак подманивает только Джека Сойера, единственного, кто видел Долины. А если это так, по-другому и быть не может, тогда...

...тогда Долины и тамошний мир каким-то образом вовлечены в эти ужасные преступления и он вовлечен в события, значение которых столь велико, что предсказать последствия просто не под силу. Башня. Балка. Он видел все это в двух строках, написанных почерком матери, что-то насчет падающей Башни и рушащихся балок: это тоже элементы картинки-головоломки. Что бы они ни означали, Джек нутром чует, что Тайлер Маршалл еще жив, спрятанный в укромном уголке другой реальности.

От осознания, что он никому не сможет об этом рассказать, даже Генри Лайдену, чувство одиночества становится особенно острым.

Мысли Джека прерывают жуткие крики, которые вдруг раздаются за полуразрушенными стенами. Ощущение, что они вдруг перенеслись в фильм про индейцев, аккурат в тот момент, когда последние с воплями и гиканьем атакуют ковбоев. Крики перемежаются топотом ног, отчаянный визг женщины перекрывает вой полицейской сирены, который Джек уловил несколькими секундами раньше.

— Черт, — бормочет Дейл и бежит к дверному проему. Дюлак и Джек не отстают.

Снаружи то ли пять, то ли шесть безумцев носятся перед фасадом «Закусим у Эда». Дит Джесперсон и Нюхач, пораженные их внезапным появлением, лишь следят за хаотичным перемещением вновь прибывших. Шума от безумцев — выше крыши. Один мужчина кричит: «УБИТЬ РЫБАКА! УБИТЬ ГРЯЗНОГО МЕРЗАВЦА!» Второй орет: «ЗАКОН, ПОРЯДОК И БЕСПЛАТНОЕ ПИВО!» Костлявая личность в широких штанах с нагрудником подхватывает: «БЕСПЛАТНОЕ ПИВО! БЕСПЛАТНОЕ ПИВО!» Гарпия, слишком старая для игривого топика и джинсов, просто носится, размахивает руками и истошно вопит. Ухмылки на физиономиях показывают, что их действия подчинены какому-то идиотскому плану. И при этом они отменно оттягиваются.

В конце проселка появляется автомобиль полицейского управления штата, за ним следует «понтиак» Бешеного Мадьяра с надписью «ПРОСТО СКАЖИ НЕТ». Стоящий посреди хаоса Генри Лайден наклоняет голову и чему-то улыбается.

Видя, как чиф бросается за одним из этих придурков, толстый Дит Джесперсон выходит из ступора и замечает Дудлс Сангер, на которую затаил обиду с тех пор, как однажды вечером в отеле «Нельсон» она высмеяла его. Узнает он и Тедди Ранкелмана, высокого и тощего, со сло-

манным носом, которого преследует Дейл. Знает и Фредди Сакнессама, но Фредди для него слишком быстрый, и потом, Дит опасается, что сляжет с какой-нибудь тяжелой болезнью через восемь часов после того, как прикоснется к Фредди. За костлявой личностью уже гонится Бобби Дюлак, так что цель Дита — Дудлс, и он предвкушает то мгновение, когда завалит ее на траву и заставит заплатить за унижение, испытанное шесть лет назад в грязном баре отеля «Нельсон» (в присутствии десятка завсегдатаев Дудлс сравнила его с тогдашним старым вонючим псом чифа Табби).

Дит ловит ее взгляд, она на мгновение останавливается, потом протягивает к нему руки и подзывает движениями пальчиков. Конечно же, он прыгает на нее, но пока добирается до того места, где она стояла, Дудлс успевает переместиться на шесть футов вправо и теперь переминается с ноги на ногу, словно баскетболистка. «Табби-Табби, — подзывает она его. — Скорее, Таб-Таб, я же тебя жду». В ярости Дит снова пытается ее схватить, промахивается, чуть не падает. А Дудлс по-прежнему «танцует» рядом, смеется, дразнит, обзывая собачьей кличкой. Дит никак не может понять, почему Дудлс не убегает. Она словно хочет, чтобы он ее поймал, но не сразу, а погонявшись, затратив немало времени и усилий.

После очередной попытки, когда он разминулся с Дудлс лишь на дюйм-другой, Дит вытирает пот со лба и оглядывает поле боя. Бобби Дюлак защелкивает наручники на костлявой личности в широких штанах с нагрудником, но Дейлу и Голливуду Сойеру, как и ему, пока хвастаться нечем. Тедди Ранкелман и Фредди Сакнессам не даются в руки преследователям, оба продолжают выкрикивать свои идиотские лозунги. Почему это отребье всегда такое шустрое? Дит приходит к выводу, что таким подонкам, как Ранкелман и Сакнессам, бегать приходится куда больше, чем нормальным людям.

Он вновь бросается за Дудлс, но результат прежний: она легко и непринужденно ускользает от его рук. По-

верх ее плеча Дит видит, что Голливуд наконец-то догнал Сакнессама, заворачивает ему руки за спину и швыряет на землю.

— Эй, приятель, только не вздумай топтаться на моей заднице. — Взгляд Сакнессама перемещается на полуразрушенную закусочную, он кивает. — Ранке, амба.

Тедди Ранкелман останавливается, тоже бросает короткий взгляд на фасад здания.

— Выдохся? — спрашивает чиф.

— Хорошего помаленьку, — отвечает Ранкелман. — Мы же хотели немного поразвлечься, ничего больше.

— Эй, Ранкси, а я бы продолжила игру. — Дудлс несколько раз крутит бедрами.

В это мгновение между ней и Дитом возникает Нюхач. Дудлс пытается отскочить, но байкер отрывает ее от земли, как котенка, и несет к чифу.

— Нюхачик, неужели ты больше меня не любишь? — верещит Дудлс.

Нюхач что-то недовольно бурчит и ставит ее перед чифом. Два детектива из полицейского управления, Перри Браун и Джефф Блэк, стоят за спиной чифа, на их лицах читается то же отвращение, что и у байкеров. Если мысли Дита перенести на бумагу, получилось бы следующее: «В голове у него что-то есть, раз он варит «Кингслендский эль», потому что пиво это отличное. И посмотрите на чифа. Он сейчас просто лопнет от злости, так ему не хочется передавать расследование в другие руки».

— Вы, значит, РАЗВЛЕКАЛИСЬ? — ревет чиф. — Как можно быть такими ПОДОНКАМИ? Неужто у вас нет никакой жалости к бедной девочке?

И когда детективы из полицейского управления штата направляются к чифу, чтобы взять бразды проведения расследования в свои руки, Дит видит, как Нюхач на мгновение застывает, а потом, стараясь не привлекать к себе внимания, выскальзывает из группы людей. Никто, кроме Дита, на него не смотрит: здоровяк байкер сделал свое

дело и теперь может уйти. Арнольд Храбовски, который до того прятался за спины детективов Брауна и Блэка, сует руки в карманы, сутулится и бросает на Дита виноватый взгляд. Дит не понимает: в чем может винить себя Бешеный Мадьяр? Черт, он же только что приехал. Дит вновь поворачивается к Нюхачу, который продвигается к углу развалюхи и, вот сюрприз так сюрприз, к лучшему другу всех и каждого, знаменитому репортеру мистеру Уэнделлу Грину, который определенно чем-то встревожен. «Дерьмо, оно всегда всплывает на поверхность, в любом обличье», — думает Дит.

Нюхач любит женщин умных и здравомыслящих, таких, как Медведица, а безмозглые шлюшки вроде Дудлс просто бесят его. Он протягивает руки, ухватывается за ее тело, покрытое искусственным шелком, сует извивающуюся Дудлс под мышку.

— Нюхачик, неужели ты больше меня не любишь? — верещит Дудлс.

Он опускает тупицу на землю перед Дейлом Гилбертсоном. А когда Дейл начинает орать на этих взрослых балбесов, Нюхач вспоминает сигнал, который Фредди дал Ранкси, и через плечо чифа смотрит на фасад «Закусим у Эда». Слева от дверного проема Уэнделл Грин наклоняется то вправо, то влево, приседает, фотографируя стоящих перед ним людей. Увидев в видоискателе, что Нюхач смотрит на него, Уэнделл выпрямляется и опускает фотоаппарат. На лице появляется кривая улыбка.

«Грин, должно быть, проник сюда через черный ход, — рассуждает Нюхач, — потому что через парадный копы его бы не пропустили. Судя по всему, Дудлс и эти кретины проделали тот же путь. И возможно, они нашли объездную дорогу, ориентируясь по реву мотоциклов».

С фотоаппаратом, свободно болтающимся на ремешке, не отрывая глаз от Нюхача, репортер отходит от полуразрушенного здания закусочной. Пришибленностью, испугом, которые читаются и на его лице, и в каждом движении, он

напоминает Нюхачу гиену, подкрадывающуюся к жертве. Уэнделл Грин боится Нюхача, и Нюхач не может его за это винить. Грину повезло, что Нюхач не оторвал ему голову, а лишь ограничился обещанием это сделать. Однако... С чего такое сходство с гиеной, поразившее Нюхача? Не может же он бояться, что Нюхач изобьет его в присутствии копов, не так ли?

Непонятное поведение Грина в голове Нюхача вдруг связывается с командой, которую Ранкелман получил от Фредди, их странным переглядыванием. Ну конечно же, они искали глазами репортера! Он заранее срежиссировал весь спектакль. Грин использовал этих кретинов, чтобы отвлечь внимание от своих манипуляций с фотоаппаратом. Такая абсолютная низость, такое моральное уродство возмущают Нюхача до глубины души. Переполненный презрением, он отходит от Дейла и остальных полисменов и направляется к Уэнделлу Грину, не отрывая взгляда от его глаз.

— Давайте обойдемся без резких движений, мистер Сен-Пьер, — говорит Грин, когда расстояние между ними уменьшается до десяти футов. — Я лишь выполняю свою работу. Конечно же, вы это понимаете.

— Я много чего понимаю, — отвечает Нюхач. — Сколько ты заплатил этим клоунам?

— Кому? Каким клоунам? — Уэнделл делает вид, будто только сейчас заметил Дудлс и остальных. — А, им? Это они подняли столько шума?

— А с чего они его подняли?

— Полагаю, потому что они — животные. — На лице Грина — огромное желание объединиться с Нюхачом на стороне людей, чтобы противостоять таким животным, как Ранкелман и Сакнессам.

Продолжая смотреть ему в глаза, а не на фотоаппарат, Нюхач приближается к Грину.

— Уэнди, ты сегодня неплохо поработал, не так ли?

Уэнделл выставляет перед собой руки, чтобы остановить Нюхача.

— Послушай, в прошлом у нас возникали разногласия, но...

По-прежнему глядя ему в глаза, Нюхач хватается правой рукой за фотоаппарат, а левой упирается в грудь Грина. Правую дергает на себя, а левой сильно отталкивает репортера. При таком раскладе или должна сломаться шея Грина, или лопнуть ремешок фотоаппарата. Нюхача, похоже, устраивает любой вариант.

Раздается резкий звук, словно щелкает кнут, и репортера отбрасывает назад. С большим трудом ему удается удержаться на ногах. Нюхач вытаскивает фотоаппарат из футляра, с которого свисают вниз две полоски кожи, бросает футляр на землю, вертит фотоаппарат в руках.

— Эй, не делайте этого! — Уэнделл чуть ли не кричит.

— Что это, древний «F2A»?

— Если вам это известно, вы знаете, что это — классика. Отдайте его мне.

— Я не собираюсь его ломать, только почищу. — Нюхач откидывает заднюю панель, толстым пальцем подцепляет пленку и вытаскивает ее, как отснятую, так и чистую, еще остававшуюся в кассете. Улыбается репортеру и бросает пленку в кусты. — Видишь, как хорошо ему стало без всего этого дерьма? Это отличный фотоаппарат... не надо наполнять его отбросами.

Уэнделл не решается показать своей ярости. Потирая ободранную шею, он рычит:

— Эти так называемые отбросы — мой заработок, идиот. А теперь отдай мой фотоаппарат.

Нюхач держит фотоаппарат перед собой.

— Что-то я тебя не расслышал. Что ты сказал?

Ответив лишь злобным взглядом, Уэнделл выхватывает «Никон» из руки Нюхача.

Когда два детектива из полицейского управления Висконсина подходят к ним, Джек ощущает разочарование и облегчение. Их намерения очевидны, ладно, пусть делают что хотят. Перри Браун и Джефф Блэк собираются

забрать у Дейла дело Рыбака и проводить собственное расследование. С этого момента Дейлу будут доставаться только редкие объедки со стола полицейского управления штата. Джек глубоко сожалеет только о том, что Браун и Блэк появились в самый неподходящий момент, посреди этого бедлама. Они терпеливо дожидались этого момента, в том смысле, что ждали, когда же местный начальник полиции продемонстрирует свою некомпетентность. Теперь дело пахнет публичным унижением Дейла, а Джеку очень хочется обойтись без оного. Он и представить себе не мог, что прибытие байкеров на место преступления может вызвать у него чувство благодарности, но именно так и случилось. Нюхач Сен-Пьер и его парни сдержали толпу куда лучше полицейских Дейла. Вопрос лишь в том, каким образом все эти люди узнали о трупе в развалинах бывшей закусочной?

Если вынести за рамки урон, нанесенный репутации Дейла и его самооценке, Джек нисколько не сожалеет, что расследование уходит под юрисдикцию штата. Пусть Браун и Блэк обследуют все подвалы округа Френч: Джек не сомневается, что они разузнают ровно столько, сколько позволит им Рыбак. «Чтобы узнать больше, — думает он, — придется побывать в краях, которых, по разумению Брауна и Блэка, просто не существует. Пойти туда — значит подружиться с опопанаксом, а такие люди, как Браун и Блэк, не доверяют тем, кто всего лишь пахнет, как опопанакс. И сие означает, что ему, Джеку, самому придется ловить Рыбака, что бы он ни говорил себе после убийства Эми Сен-Пьер. Впрочем, он будет не один. У Дейла теперь будет гораздо больше свободного времени, и какие бы решения ни принимало полицейское управление, Дейл слишком уж вовлечен в расследование, чтобы отойти в сторону и стоять сложа руки.

— Чиф Гилбертсон, — подает голос Перри Браун, — полагаю, мы увидели даже больше, чем хотели. Так, по-вашему, ограждают место преступления от посторонних?

Дейл отпускает Тедди Ранкелмана и раздраженно поворачивается к детективам из полицейского управления штата, которые стоят бок о бок, как штурмовики. По выражению его лица Джек видит, что ему ясен дальнейший ход развития событий, и надеется он лишь на то, что его не будут совсем уж откровенно возить мордой по столу.

— Я сделал все, что в моих силах, чтобы не допустить сюда посторонних, — отвечает Дейл. — После звонка по линии 911 я лично переговорил со всеми своими людьми и приказал им приезжать сюда парами, через значительные интервалы, чтобы не вызывать излишнего любопытства.

— Чиф, вы, должно быть, воспользовались радио, — выдвигает свою версию Джефф Блэк. — И вас кто-то подслушал.

— Я не пользовался радио, — отвечает Дейл. — И мои люди прекрасно понимали, что надо держать язык за зубами. Но знаете, что я вам скажу, детектив Блэк? Если Рыбак позвонил по линии 911, он также мог позвонить и нескольких горожанам.

Тедди Ранкелман следит за дискуссией с тем же вниманием, что поклонник тенниса — за финалом «Опен Американ».

— Давайте разбираться со всем по порядку. — Перри Браун вновь берет инициативу в свои руки. — Что вы собираетесь делать с этим человеком и его дружками? Арестуете и отдадите под суд? Его физиономия действует мне на нервы.

Дейл на секунду задумывается.

— Я не собираюсь отдавать их под суд. Убирайся отсюда, Ранкелман.— Тедди начинает пятиться, но Дейл его останавливает. — Минутку. Как вы сюда попали?

— По объездной дороге. Она начинается сразу за «Гольцем». Громобойная пятерка приехала тем же путем. Как и наш знаменитый репортер, мистер Грин.

— Уэнделл Грин здесь?

Тедди указывает на угол полуразрушенной закусочной. Дейл оборачивается, Джек смотрит в том же направле-

нии, оба видят, как Нюхач Сен-Пьер вырывает пленку из фотоаппарата, а Уэнделл Грин наблюдает, не в силах ему помешать.

— Еще вопрос. Как вы узнали, что тело Ирмы Френо находится здесь?

— Насколько я слышал, в развалинах «Закусим у Эда» пять или шесть тел. Мне позвонил мой брат Эрланд и рассказал об этом. А ему сообщила его баба.

— Ладно, убирайся отсюда, — рявкает Дейл, и Тедди уходит с гордо поднятой головой, словно получил медаль за службу городу и отечеству.

— Чиф Гилбертсон, — продолжает Перри Браун, — вы сделали все, что могли. С этого момента расследование проводится мною и лейтенантом Блэком. Мне нужна копия записи разговора по линии 911 и копии всех донесений ваших подчиненных. Отныне ваша роль в расследовании, проводимом полицейским управлением штата, — выполнение наших распоряжений и сотрудничество, когда оно нам понадобится. Я и лейтенант Блэк будем при необходимости информировать вас о ходе расследования. По-моему, чиф Гилбертсон, вы получаете больше, чем того заслуживаете. Я никогда не видел подобного безобразия на месте преступления. Здесь же просто проходной двор. Сколько людей заходило в это... здание?

— Трое, — отвечает Дейл. — Я, патрульный Дюлак и лейтенант Сойер.

— Лейтенант Сойер, — повторяет Браун. — Извините меня, разве лейтенант Сойер вновь поступил на службу в ПУЛА? Или стал штатным сотрудником вашего полицейского участка? Если нет, почему вы позволили ему войти в это здание? И вообще, что делает здесь мистер Сойер?

— Он раскрыл больше убийств, чем раскроем вы и я, даже если будем служить до скончания веков.

Браун бросает на Джека злобный взгляд, но Джефф Блэк смотрит прямо перед собой. Стоящий позади детек-

тивов Арнольд Храбовски тоже поглядывает на Сойера, но совсем не так, как Перри Браун. Храбовски очень хочется стать невидимым, и когда он ловит взгляд Джека, то сразу отводит глаза и начинает переминаться с ноги на ногу.

«Вот оно что, — соображает Джек. — Ну, конечно, Бешеный Бешеный Бешеный Бешеный Мадьяр, кто еще мог подложить такую свинью».

Перри Браун спрашивает Дейла, что поделывают на месте преступления мистер Сен-Пьер и его друзья, и Дейл отвечает, что они помогают сдерживать толпу. Обещал ли Дейл мистеру Сен-Пьеру, что в обмен на эту услугу его будут информировать о ходе расследования? В определенном смысле да.

Джек отходит назад и по широкой дуге направляется к Арнольду Храбовски.

— Невероятно. — Браун качает головой. — Скажите мне, чиф Гилбертсон, вы решили выдержать паузу, прежде чем сообщать о звонке Рыбака лейтенанту Блэку и мне?

— Я действовал согласно инструкции, — чеканит Дейл. На следующий вопрос он отвечает, что да, он позвонил медицинскому и техническим экспертам, и мини-вэн последних, кстати, уже подъезжает к проселку. Вслед за автомобилем медицинского эксперта.

Усилия Бешеного Мадьяра держать себя в руках привели лишь к тому, что на его физиономии читается желание срочно справить малую нужду. Когда Джек кладет руку ему на плечо, он замирает, как индеец табачного магазина[1].

— Успокойтесь, Арнольд, — шепчет Джек, потом повышает голос. — Лейтенант Блэк, раз уж вы беретесь за это дело, есть информация, которая может вам пригодиться.

Браун и Блэк поворачиваются к нему.

---

[1] В середине прошлого века в США у входа едва ли не в каждый табачный магазин стояла деревянная фигура индейца, предлагавшего посетителям муляжи сигар.

— Человек, который звонил по линии 911, воспользовался телефоном-автоматом у магазина «С семи до одиннадцати» на шоссе номер 35 во Френч-Лэндинге. Дейл опечатал телефон-автомат, и владелец магазина знает, что подходить к нему запрещено. Вы можете найти на этом телефоне полезные отпечатки пальцев.

Блэк что-то записывает в блокнот, а Браун обводит всех суровым взглядом.

— Господа, я думаю, в вашем присутствии здесь нет необходимости. Чиф, используйте ваших людей для того, чтобы отправить восвояси зевак, которые толпятся у съезда с проселка. Я хочу, чтобы к тому времени, когда медэксперт и я выйдем отсюда, здесь никого не было, в том числе вас и ваших подчиненных. *Если у меня будут* какие-нибудь новости, я позвоню вам на неделе.

Без единого слова Дейл поворачивается и указывает Бобби Дюлаку на конец проселка, где толпа уменьшилась до нескольких упрямцев, стоящих рядом со своими автомобилями. Браун и Блэк пожимают руку медэксперту и начинают что-то обсуждать с техническими экспертами, которые прибыли в мини-вэне.

— А теперь, Арнольд, — возобновляет Джек незаконченный разговор, — скажи, тебе нравится служба в полиции, не так ли?

— Мне? Нравится. — Арнольд не может заставить себя встретиться взглядом с Джеком. — *И я мог бы быть хорошим* полицейским, я знаю, что мог, но чиф не очень-то мне доверяет. — И он раздраженно сует руки в карманы брюк.

Джек разрывается между жалостью к этому в принципе безобидному человеку и желанием гнать его пинками до конца проселка. Арнольд не стал бы и хорошим вожатым скаутов. Его стараниями Дейла Гилбертсона подвергли публичному унижению, и, возможно, эта история будет стоить ему должности на следующих выборах.

— Но ведь ты не выполняешь приказы, не так ли, Арнольд?

По телу Арнольда пробегает дрожь.

— Что? Я ничего не делал.

— Ты кому-то сказал о звонке. Возможно, даже двоим или троим.

— Нет! — Арнольд яростно мотает головой. — Я сказал только жене, никому больше. — Во взгляде, брошенном на Джека, мольба. — Рыбак говорил со мной, он сказал мне, где тело, и я хотел, чтобы Пола знала об этом. Честное слово, Голли... лейтенант Сойер, я не думал, что она кому-то об этом расскажет, я просто хотел, чтобы она знала.

— Это серьезная ошибка, Арнольд. — Джек мрачно смотрит на него. — Ты расскажешь чифу о том, что сделал, причем расскажешь прямо сейчас. Потому что Дейл имеет право знать, почему все пошло вразнос, и не должен винить за это себя. Тебе нравится Дейл, не так ли?

— Чиф? — Голос Арнольда переполняет уважение к начальнику полицейского участка Френч-Лэндинга. — Он, он... он самый лучший. Но тогда он не уволит меня?

— Решать ему, Арнольд, — отвечает Джек. — Я считаю, ты это заслужил, но, возможно, тебе повезет.

Бешеный Мадьяр, волоча ноги, направляется к Дейлу. Джек пару секунд наблюдает за их разговором, потом идет мимо них к углу полуразрушенной закусочной, где все еще стоят, молча глядя друг на друга, Нюхач Сен-Пьер и Уэнделл Грин.

— Привет, мистер Сен-Пьер, — здоровается он. — Привет, Уэнделл.

— Я собираюсь подать жалобу, — шипит Грин. — Я готовил самый сенсационный материал за всю свою карьеру, а эта деревенщина засветил пленку. Нельзя так обращаться с прессой! Мы имеем право фотографировать все, что считаем нужным.

— Полагаю, ты сейчас скажешь, что имел право сфотографировать и тело моей убитой дочери. — Нюхач поворачивается к Джеку. — Этот кусок говна заплатил Тедди

и остальному отребью, чтобы они отвлекли всех и никто не заметил, как он прошмыгнул в развалины. Он сфотографировал девочку.

Уэнделл нацеливает палец в грудь Джеку.

— У него нет доказательств. Но вот что я тебе скажу, Сойер. Я сфотографировал и тебя. Ты прятал вещественные доказательства в кузове своего пикапа, и я выведу тебя на чистую воду. Поэтому подумай дважды, прежде чем связываться со мной, потому что я сотру тебя в порошок.

Красный туман начинает застилать глаза Джека.

— Вы собирались продать фотографии мертвой девочки?

— А тебе-то что? — Рот Уэнделла кривится в отвратительной усмешке. — Ты ведь тоже не такой белый и пушистый, не так ли? Может, объединим наши усилия?

Красный туман сгущается.

— И как мы можем объединить наши усилия?

Стоящий рядом Нюхач Сен-Пьер сжимает и разжимает кулаки. Джек знает, что Нюхач правильно истолковал его тон, а вот Уэнделла Грина ослепляют долларовые купюры: вместо угрозы ему слышится в вопросе Джека деловое предложение.

— Ты позволяешь мне перезарядить фотоаппарат и сделать нужные мне снимки, а я молчу про тебя.

Нюхач наклоняет голову и вновь сжимает кулаки.

— Более того, я парень щедрый... может, возьму тебя в долю, скажем, дам десять процентов.

Джеку хочется сломать ему нос, но он ограничивается ударом в живот репортера. Грин обхватывает живот руками, складывается пополам, потом валится на землю. Лицо его наливается краской, он пытается вдохнуть. В глазах ужас и недоумение: как такое могло с ним случиться?

— Видишь, я тоже щедрый парень, Грин. Сэкономил тебе тысячи долларов, которые пришлось бы заплатить дантисту, плюс избавил от перелома челюсти.

— Не говоря уже о пластической хирургии. — Нюхач постукивает правым кулаком по ладони левой руки. Выглядит он так, будто кто-то только что украл у него из-под носа любимый десерт.

Лицо Уэнделла лиловеет.

— К твоему сведению, Уэнделл, что бы ты там ни видел, я не прятал вещественные доказательства. Скорее открывал их, пусть ты и не поймешь, о чем я.

Грину удается протиснуть в легкие кубический дюйм воздуха.

— Как только сможешь дышать, убирайся отсюда. Хоть ползком. Возвращайся к своему автомобилю и уезжай. И не теряй времени, а не то наш общий друг до конца твоих дней усадит тебя в инвалидное кресло.

Медленно, очень медленно Уэнделл Грин поднимается на колени, шумно втягивает ртом воздух. Встает. Машет им открытой ладонью, но значение этого жеста остается загадкой. Может, просит Нюхача и Джека держаться от него подальше, может, говорит, что больше не будет докучать им, может, и первое и второе. Согнувшись, прижимая руки к животу, он скрывается за углом.

— Наверное, я у вас в долгу, — говорит Нюхач. — Вы позволили мне сдержать слово, которое я дал своей женщине. Но должен признать, Уэнделл Грин — единственный человек, у которого мне действительно хочется оторвать все, что можно.

— Я не знал, успею ли опередить вас.

— Действительно, терпение у меня практически лопнуло.

Мужчины улыбаются.

— Нюхач Сен-Пьер. — Нюхач протягивает руку.

— Джек Сойер. — Джек чувствует, что его рука попала в медвежью лапу.

— Вы собираетесь оставить всю работу полиции штата или продолжите поиски Рыбака?

— А как по-вашему? — спрашивает Джек.

— Если вам понадобится помощь или подкрепление, вы знаете, к кому обратиться. Потому что мне очень хочется поймать этого сукина сына, а я полагаю, если кто-то и сможет это сделать, так только вы.

По дороге в Норвэй-Вэлли Генри, внимательно выслушав рассказ Джека о стычке с Грином и разговоре с Сен-Пьером, кивает:

— Уэнделл сфотографировал тело, это точно. Когда ты вышел из здания и направился к своему пикапу, я услышал, как дважды щелкнул затвор фотоаппарата, но решил, что фотографирует Дейл. Потом услышал вновь, когда ты, Дейл и Дюлак вошли в закусочную, и понял, что кто-то сфотографировал меня. «Что ж, — сказал я себе, — похоже, к нам пожаловал мистер Уэнделл Грин», — и велел ему выйти из-за угла. Тут с криками понабежали все эти люди. Но я услышал, как мистер Грин, воспользовавшись суматохой, проскользнул внутрь и сделал несколько снимков. А когда вышел оттуда и встал у фасада, твой приятель Нюхач засек его и разобрался с пленкой. Нюхач — это что-то, не так ли?

— Генри, ты собирался мне все это рассказать?

— Конечно, но ты бегал вокруг, а я знал, что мистер Уэнделл Грин не уйдет, пока его не вышвырнут. Я больше не прочитаю ни одного написанного им слова. Никогда.

— Я тоже, — кивает Джек.

— Но ты не собираешься отказаться от розысков Рыбака, не так ли? Что бы ни говорил этот самодовольный коп.

— Теперь просто не могу отказаться. Честно говоря, я думаю, что видения, о которых я вчера упоминал, имели прямое отношение к этому делу.

— Айви-дайви. Давай вернемся к Нюхачу. Правильно ли я расслышал, что ему хотелось оторвать Уэнделлу все лишнее?

— Да, думаю, что да.

— Должно быть, очень интересный человек. Я знаю от своего племянника, что Громобойная пятерка вторую

половину дня и вечер субботы проводит в баре «Сэнд». На следующей неделе я, пожалуй, возьму автомобиль Роды и съезжу в Сентралию, пропущу пару кружек пива и поболтаю с мистером Сен-Пьером. Я уверен, что и в музыке у него своеобразные пристрастия.

— Ты хочешь поехать в Сентралию? — Джек таращится на Генри, который чуть-чуть улыбается.

— Слепые могут прекрасно водить машину, — отвечает Генри. — Может, даже лучше, чем большинство зрячих. Рей Чарльз, к примеру, мог.

— Да перестань, Генри. С чего ты взял, что Рей Чарльз мог водить машину?

— С чего, ты спрашиваешь? Потому что однажды в Сиэтле, лет сорок назад, когда я вел программу на KIRO[1], Рей прокатил меня по городу. Никаких проблем. Конечно, мы не выезжали на главные магистрали, но иной раз Рей точно разгонялся до пятидесяти пяти миль.

— Если это правда было, неужели ты не боялся?

— Боялся? Разумеется, нет. Я был его штурманом. Так что не думаю, что у меня возникнут проблемы с поездкой в Сентралию. На этом шоссе заблудиться негде. Единственная причина, по которой слепые не водят машину, в том, что зрячие запрещают им садиться за руль. Это вопрос власти. Они хотят, чтобы мы оставались в их зависимости. Нюхач Сен-Пьер, безусловно, меня бы понял.

— А я-то думал, что в сумасшедший дом мне предстоит попасть только во второй половине дня, — смеется Джек.

Глава 14

На вершине крутого холма между Норвэй-Вэлли и Арденом шоссе номер 93, до того извилистое, сузившееся до двух полос, распрямляется, спускаясь в город по длинному пологому склону. С восточной стороны шоссе

[1] KIRO — радиостанция (теперь и телекомпания) в Сиэтле, передачи которой принимаются на всем северо-западе США.

вершина холма расширяется, переходя в заросшее травой плато. Тут же стоят два столика с облупившейся красной краской для тех, кто хочет полюбоваться замечательным видом на долину, оставшуюся на западе. В ясный день можно заглянуть вдаль на добрых пятнадцать миль. Фермы, поля, дороги, речки. А на горизонте — сине-зеленые силуэты холмов. И бездонное небо с выбеленными солнцем облаками, которые висят в нем, словно свежевыстиранное белье.

Фред Маршалл съезжает на засыпанную гравием площадку, глушит двигатель «форда эксплорера».

— Позвольте мне вам кое-что показать.

Садясь в «эксплорер» у своего дома, Джек держал в руке потрепанный черный кожаный «дипломат». Теперь этот «дипломат» лежит у него на коленях. На пластине под рукояткой сияют золотом инициалы отца: ФСС, Филип Стивенсон Сойер. Фред пару раз с любопытством посмотрел на «дипломат», но ничего не спросил, а Джек предпочел не касаться этой темы. «О содержимом «дипломата» мы еще успеем поговорить, — думает Джек. — После встречи с Джуди Маршалл». Фред вылезает из кабины, Джек приставляет старый «дипломат» к сиденью и идет за Фредом. Когда они подходят к первому из столиков, Фред обводит рукой расстилающуюся внизу долину:

— У нас не так уж много приманок для туристов, но этот вид — одна из них, не так ли?

— Живописно, — соглашается Джек. — Но я думаю, здесь все красиво.

— Джуди очень нравится этот вид. Если мы едем в Арден в погожий день, она обязательно должна здесь остановиться и выйти из машины, расслабиться, оглядеться. Словно набраться хороших впечатлений, прежде чем вновь вернуться к рутине. Я в таких случаях частенько проявлял нетерпение и думал: «Ну, хватит, ты же видела все это миллион раз, мне пора на работу», — но я ведь мужчина. Короче, мы всегда сворачивали сюда и проводили здесь несколько минут. Теперь я понимаю, что моя

жена лучше меня знала жизнь и мне следовало прислушиваться к ней.

Джек улыбается и садится на скамью, ожидая продолжения. После того как они выехали, Фред ограничился двумя или тремя фразами благодарности, но Джеку понятно, что для более обстоятельного разговора он наметил именно это место.

— Утром я заезжал в больницу, и она... ну, она изменилась. Посмотрев на нее, поговорив с ней, можно понять, что сегодня она в лучшей форме, чем вчера. Она по-прежнему волнуется из-за Тая, но уже по-другому. Вы думаете, сказывается действие лекарств? Я даже не знаю, что они ей дают.

— То есть вы с ней нормально поговорили?

— Можно сказать, что да. Например, она рассказала мне о заметке во вчерашней газете о маленькой девочке из Ла Ривьеры, которая едва не стала третьей в общевисконсинском конкурсе по спеллингу, но не смогла справиться со словом, о котором никто никогда не слышал. Попоплакс или что-то в этом роде.

— Опопанакс, — поправляет его Джек. Голос у него вдруг становится хриплым, словно в горле что-то застряло.

— Вы тоже прочитали эту заметку? Как интересно, вы оба запомнили это слово. Она спрашивала медицинских сестер, пытаясь выяснить, что оно означает, и одна даже заглянула в пару словарей. Но там его не нашла.

Джек нашел это слово в своем «Кратком оксфордском словаре». Его номинальное значение не имело никакого отношения к сущности[1].

— В этом весь опопанакс, — улыбается Джек. — Первая версия: внятного определения опопанакса нет. Второе: это опасная тайна.

---

[1] В Большом англо-русском словаре слова *оропапах* нет. А вот в англо-русском сельскохозяйственном словаре есть. Опопанакс — растение (Oropanax chironium, Pastinaca oropanax), но в романе это слово, разумеется, несет иную смысловую нагрузку.

— Ха! — Фред Маршалл, нервно шагающий взад-вперед, останавливается за спиной Джека, который, обернувшись, видит, что Фред оглядывает лежащую под ними долину. — Может, вы правы. — Фред не отрывает глаз от захватывающей дух панорамы. Он еще не перешел к разговору, но заметно приблизился к стартовой черте. — Хорошо, конечно, что ее заинтересовала такая мелочь, крошечная заметка в «Геральд»...

Он украдкой вытирает слезы и делает шаг к горизонту. Поворачивается и встречается с Джеком взглядом.

— Прежде чем вы познакомитесь с Джуди, я хочу кое-что рассказать вам о ней. Беда в том, что я не знаю, как вы это воспримете. Даже для меня это звучит... Ну, не знаю...

— А вы попробуйте, — предлагает Джек.

— Хорошо. — Он сцепляет пальцы рук, наклоняет голову. Когда поднимает — глаза у него беззащитные, как у младенца. — Э... не знаю, как все это выразить. Ладно, просто скажу. Какая-то часть моего рассудка признает, Джуди что-то знает. Я хочу так думать. С другой стороны, я не хочу обманываться, говоря себе, что она более не безумна, поскольку ей стало лучше. Но я хочу в это верить, очень хочу.

— Поверьте мне, она что-то знает. — Странное чувство, вызванное упоминанием опопанакса, исчезает до того, как он произносит эти *слова.*

— То, что она знает, не совсем ясно даже ей, — продолжает Фред. — Но вы помните? Она знала об исчезновении Тая до того, как я ей сказал.

Он бросает на Джека полный душевной боли взгляд и отступает на шаг. Расцепляет пальцы, вновь сцепляет, смотрит в землю. Еще один внутренний барьер рушится, уступая стремлению рассказать о вставшей перед ним дилемме.

— Ладно, слушайте. Вот что надо знать о Джуди. Она — личность неординарная. Да, конечно, многие мужчины говорят, что у них неординарные жены, но Джуди

действительно особенная. Во-первых, она ослепительно красивая, но дело даже не в этом. И она потрясающе храбрая, хотя речь о другом. Похоже, она связана с чем-то таким, чего большинство из нас даже не может представить. Но может ли такое быть? Или это все-таки безумие? Может, сходя с ума, ты устраиваешь большую бучу и впадаешь в истерику, а потом ты слишком безумен, чтобы бороться, успокаиваешься и принимаешь все как есть. Я должен поговорить с ее лечащим врачом, потому что эти мысли рвут мне душу.

— Что она сама говорит? Объясняет, почему стала гораздо спокойнее?

Фред Маршалл всматривается в глаза Джека:

— Во-первых, Джуди, похоже, думает, что Тай все еще жив и вы — единственный человек, который может его найти.

— Хорошо. — Джек не хочет вдаваться в подробности до разговора с Джуди. — Скажите, Джуди не упоминала людей, которых она раньше знала, какого-нибудь кузена, ухажера, который, по ее мнению, мог выкрасть Тая? — Его версия звучит еще менее убедительно, чем на кухне Генри Лайдена. Ответ Маршалла окончательно ставит на ней крест.

— Нет, если только его не зовут Алый Король, или Горг, или Аббала. Я могу сказать вам только одно: Джуди думает, что она что-то видит, и хотя это похоже на бред, я очень надеюсь, что так оно и есть.

Внезапно перед мысленным взором Джека Сойера возникает другой мир, в котором он нашел бейсболку мальчика с эмблемой «Брюзров».

— И там находится Тайлер.

— Если я позволю себе подумать, что его там нет, то сойду с ума, прямо здесь и сейчас, — отвечает Фред. — Если, конечно, я уже не рехнулся.

— Давайте поговорим с вашей женой, — предлагает Джек.

* * *

Снаружи Лютеранская больница округа Френч напоминает сумасшедший дом девятнадцатого столетия на севере Англии: грязно-красные кирпичные стены, совсем уж темные башенки, арки, остроконечная крыша, узкие окна, длинный фасад, в который въелась пыль веков. Расположилось огромное здание на западной окраине Ардена, на огороженной территории среди раскидистых дубов. Готический силуэт выглядел зловещим, начисто лишенным жалости. Джеку кажется, что вот-вот он услышит пронзительную органную музыку из саундтрека к фильму Винсента Прайса.

Они входят через узкую деревянную дверь и попадают в обыкновенный, привычный взгляду больничный холл. В центре скучающего вида мужчина в форме охранного агентства сидит за столом и направляет посетителей к лифтам. В витрине магазинчика сувениров — цветы и мягкие игрушки. Пациенты в халатах беседуют с родственниками за поставленными для этой цели столиками, другие сидят на стульях у стен, в углу что-то обсуждают двое врачей в белых халатах. Две пыльные люстры над головой заливают холл мягким светом, который красиво играет на лилиях в высоких вазах, выставленных у входа в магазин сувениров.

— Вау, изнутри больница смотрится куда лучше, чем снаружи, — отмечает Джек.

— С больницами это обычное дело, — отвечает Фред.

Они подходят к сидящему за столом мужчине.

— Нам в отделение Д, — говорит Фред.

Удостоив их лишь мимолетного взгляда, охранник выдает каждому по прямоугольнику пластика с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ» и взмахом руки предлагает следовать дальше. Двери лифта расходятся, открывая обшитую деревянными панелями кабину, размером с чулан для щеток. Фред Маршалл нажимает на кнопку «5», и кабина медленно ползет вверх. Ее заливает тот же мягкий, золотистый свет. Десять лет назад в удивительно похожей кабине лифта, только парижского гранд-отеля, Джек и

Илиана Тедеско, выпускница школы искусств Калифорнийского лос-анджелесского университета, просидели два с половиной часа, в течение которых мисс Тедеско заявила, что в их отношениях поставлена последняя точка, хоть она и благодарна ему за это увлекательное путешествие в Европу. Однако, поразмыслив, Джек приходит к выводу, что нет нужды делиться с Фредом Маршаллом такими подробностями личной жизни.

Лифт надежностью превосходит своего французского кузена и без задержки доставляет их к цели, останавливается, раскрывает двери и выпускает на пятый этаж, где их встречает все тот же золотистый свет, но более темного оттенка, чем в холле и лифте.

— Отделение там. — Фред Маршалл показывает в сторону длиннющего коридора, уходящего влево.

Дважды они проходят двойные двери, минуют коридор отделения Б, две просторные комнаты, разделенные на кабинки, закрытую дверь отделения геронтологии, нишу, на стене которой висят доски с различной информацией о работе больницы, открытую дверь отделения В, поворачивают направо около женского и мужского туалетов, оставляют позади кабинет офтальмолога и архив и, наконец, добираются до коридора с табличкой «Отделение Д». По мере того как они отдаляются от лифта, свет, кажется, меркнет, стены надвигаются, окна становятся меньше. В коридоре отделения Д тени сгущаются, на полу поблескивает лужица воды.

— Мы в самой старой части больницы, — говорит Фред.

— Вам, должно быть, хочется как можно быстрее вытащить отсюда Джуди? — спрашивает Джек.

— Да, конечно, как только Пэт Скарда скажет, что можно. Но я вас удивлю: Джуди тут нравится. Возможно, это помогает. Она сказала мне, что здесь чувствует себя в полной безопасности, а среди тех, кто может говорить, попадаются очень интересные люди. Она словно попала в круиз.

Джек смеется, изумляясь и не веря Фреду, а тот касается его плеча:

— Что, по-вашему, это означает? Ей гораздо лучше или хуже?

Коридор проводит их в большую комнату, в которой, похоже, добрую сотню лет ничего не менялось. Темно-коричневые деревянные панели обшивки стен поднимаются на четыре фута от темно-коричневого деревянного пола. В стене по правую руку от них, под самым потолком, два высоких узких окна пропускают в помещение тусклый свет. Мужчина, сидящий за полированной деревянной стойкой, перегораживающей комнату, нажимает кнопку, которая приводит в действие механизм открывания большущей металлической двери с надписью «Отделение Д» и окошечком из бронированного стекла.

— Вы можете пройти, мистер Маршалл, но кто этот господин?

— Его зовут Джек Сойер. Он со мной.

— Он — родственник или врач?

— Нет, но моя жена хочет его видеть.

— Подождите минуточку. — Дежурный исчезает за дверью, которая захлопывается с тюремным лязгом. Тут же возвращается с медсестрой, которая тяжелым лицом, большими руками и мощными ногами смахивает на мужчину. Она представляется как Джейн Бонд, старшая медсестра отделения Д. Имя, фамилия и габариты поневоле вызывают определенные ассоциации. Медсестра оглядывает Джека и Фреда, потом только Джека, задает несколько вопросов, исчезает за металлической дверью.

— Надзирательница Бонд, — вырывается у Джека.

— Так и есть, — кивает дежурный. — Суровая женщина, да еще зачастую и несправедливая. — Он откашливается, смотрит на окно под потолком. — Еще мы зовем ее «ноль-ноль Зеро».

Еще через несколько минут старшая медсестра, надзирательница Бонд, агент ноль-ноль Зеро, распахивает дверь:

— Можете войти, но сначала внимательно выслушайте все, что я вам сейчас скажу.

Они словно попадают в огромный авиационный ангар, разделенный на секции: в одной — мягкие скамьи, в другой — круглые столы и пластиковые стулья, в третьей — два длинных стола с бумагой для рисования, коробками карандашей, наборами акварельных красок. В огромном пространстве вся эта мебель кажется кукольной. Кое-где на бетонном полу лежат серые прямоугольные маты. В двадцати футах от пола в дальней стене пробиты маленькие окна, забранные решетками. Стену эту, из красного кирпича, когда-то давно выкрасили белой краской. В стеклянном закутке по левую сторону от двери медсестра отрывается от книги. В дальнем конце по правую руку, за длинными столами, три запертые металлические двери ведут в отдельные миры. Ощущение, что ты в ангаре, улетучивается. Скорее — форменная тюрьма.

Помещение заполняет низкий гул голосов двадцати или тридцати мужчин и женщин. Только некоторые из них разговаривают с видимыми собеседниками. Они ходят кругами, стоят, как памятники, лежат в позе зародыша на матах. Они считают пальцы и что-то пишут в блокнотах. Они дергаются, зевают, плачут, смотрят в никуда и внутрь себя. Некоторые в зеленых больничных халатах, другие — в обычной одежде: футболках и шортах, спортивных костюмах, рубашках и брюках, свитерах и джинсах. Ни у одного нет пояса, обувь без шнурков. Двое мускулистых мужчин с короткими стрижками и в ослепительно-белых футболках сидят за одним из круглых столиков, зорко следя за происходящим, будто сторожевые псы. Джек пытается вычислить Джуди Маршалл, но у него ничего не выходит.

— Я просила слушать меня внимательно, мистер Сойер.

— Извините, — отвечает Джек. — Я не ожидал, что отделение будет таким большим.

— И хорошо, что оно большое, мистер Сойер. Потому что народу у нас прибавляется. — Она ждет признания собственной значимости, и Джек согласно кивает. Очень хорошо. — Я познакомлю вас с несколькими основополагающими правилами. Если вы выслушаете все, что я вам сейчас скажу, ваш приход доставит удовольствие всем нам. Не смотрите на пациентов, не волнуйтесь из-за того, что они могут вам сказать. Не ведите себя так, словно хотите выяснить, что они делают, избегайте резких телодвижений и слов. Будьте вежливы, и вас оставят в покое. Если они что-то у вас попросят, поступайте, как сочтете нужным, руководствуясь здравым смыслом. Но, пожалуйста, не давайте им деньги, острые предметы и еду без разрешения наших врачей. Медицинские препараты, которые получают наши пациенты, могут быть несовместимы с некоторыми продуктами. В какой-то момент пожилая женщина, ее зовут Эстель Паккард, подойдет и спросит, не вы ли ее отец. Ответить можете как угодно, но она уйдет огорченной, если вы скажете «нет». В противном случае будет счастлива до самого вечера. У вас есть вопросы, мистер Сойер?

— Где Джуди Маршалл?

— На той стороне, спиной к нам, на дальней скамье. Вы видите ее, мистер Маршалл?

— Я увидел ее сразу. С утра никаких изменений?

— Насколько мне известно, нет. Ее лечащий врач, доктор Спайглман, придет через полчаса, и вы сможете получить у него более точную информацию. Вы хотите, чтобы я отвела вас и мистера Сойера к вашей жене или предпочитаете подойти сами?

— Мы подойдем сами, — отвечает Фред Маршалл. — Сколько у нас времени?

— Я даю вам пятнадцать минут, максимум двадцать. Состояние у Джуди еще нестабильное, хотелось бы обойтись без стрессов. Сейчас она выглядит довольно спокойной, но при этом в немалой степени утратила связь с реальностью и, скажу откровенно, галлюцинирует. Поэто-

му меня не удивит новая истерика, а ведь нам не хочется удлинять стабилизационный период переходом на новый препарат, не так ли? Так что, пожалуйста, мистер Маршалл, в разговоре старайтесь избегать тем, которые могут взволновать вашу жену, усилить ее тревогу.

— Вы думаете, у нее галлюцинации?

В улыбке медсестры Бонд чувствуется жалость к собеседнику.

— Судя по всему, мистер Маршалл, галлюцинации у вашей жены были многие годы. Но ей удавалось это скрывать, потому что такие, как у нее, отклонения от нормы не возникают в один день. Они накапливаются год за годом, и все это время человек вроде бы ведет себя нормально. А потом какое-то событие становится спусковым механизмом, вызывает срыв. В данном случае, разумеется, таким событием стало исчезновение вашего сына. И позвольте мне выразить вам свое сочувствие. То, что произошло, ужасно.

— Да, да, конечно, — кивает Фред Маршалл. — Но странности в поведении Джуди появились еще до того...

— Боюсь, это одно и то же. Она нуждается в утешении, и ее галлюцинации, мир, который она в них видела, начали замещать действительность, потому что там она находила столь нужное ей утешение. Вы понимаете, о чем я, мистер Маршалл, не так ли? Вы же слышали, как утром она говорила о путешествиях в другие миры.

— О путешествиях в другие миры? — переспрашивает Джек.

— Достаточно типичный шизофренический симптом, — объясняет медсестра Бонд. — Такие фантазии свойственны половине тех, кого вы здесь видите.

— Вы думаете, что моя жена — шизофреничка?

Медсестра Бонд смотрит мимо Фреда, оглядывая обитателей своих владений.

— Я не психиатр, мистер Маршалл, но за моей спиной двадцать лет общения с душевнобольными. Исходя из своего опыта, я должна вам сказать, что, по-моему, у

вашей жены все классические симптомы параноидальной шизофрении. Мне бы хотелось сообщить вам более приятные вести. — Она вновь смотрит на Фреда Маршалла. — Разумеется, окончательный диагноз может поставить только доктор Спайглман, он также ответит на все ваши вопросы, расскажет о лечении и так далее.

Улыбка, которой она одаривает Джека, исчезает, едва появившись.

— Я всегда говорю нашим новым посетителям, что родственникам тяжелее, чем больным. Некоторые из этих людей далеко-далеко от реальности. Откровенно говоря, иной раз им можно только позавидовать.

— Разумеется, — кивает Джек. — Ясное дело.

— Тогда идите. — В ее голосе проскальзывает нотка раздражительности. — Наслаждайтесь визитом.

Несколько голов поворачиваются, когда они идут по пыльному полу к ближайшему ряду скамей; многие пары глаз следят за ними. С дальней скамьи поднимается тощая седовласая женщина, ее глаза умоляюще смотрят на Джека. Вскинутые руки трясутся. Джек заставляет себя не встречаться с ней взглядом. Когда они проходят мимо, она бормочет: «Мой утенок находился за дверью, но я этого не знала, вот он и попал в воду».

— Джуди мне говорила, — поясняет Фред, — что ее ребенок утонул в ванне.

Краем глаза Джек замечает, что к ним спешит мужчина в больничном халате, с растрепанными волосами и широко раскрытым ртом. Когда они с Фредом подходят к скамье, на которой сидит Джуди Маршалл, мужчина поднимает палец, словно просит водителя автобуса остановиться. Джек следит за его приближением. Что бы там ни говорила надзирательница Бонд, он не хочет, чтобы какой-нибудь лунатик огрел его по голове. Поднятый палец находится уже в футе от носа Джека, мутные глаза изучают его лицо. Потом взгляд отводится, рот закрывается. Мужчина разворачивается и бросается прочь, с развевающимися полами халата, палец ищет новую цель.

«Что произошло? — гадает Джек. — Не тот номер автобуса?»

Джуди Маршалл не пошевельнулась. Она, должно быть, слышала, как мужчина подбегал к ней, слышала его быстрое дыхание, торопливые шаги обратно, однако сидит, как сидела, спиной к ним, уставившись в какую-то далекую точку. На ней зеленый халат, отстраненность от окружающих реалий полная. Если ей помыть и расчесать волосы, одеть в дорожный костюм и поставить рядом чемодан, она бы сошла за женщину, сидящую на скамье на железнодорожной станции и дожидающуюся прихода поезда.

Даже до того, как Джек видит лицо Джуди Маршалл, даже до того, как в его присутствии она произносит первое слово, у него появляются те самые ощущения, которые он всегда испытывал перед тем, как отправиться в параллельный мир.

— Я скажу ей, что мы здесь, — шепчет Фред и обходит скамью, чтобы опуститься на колено перед женой. Затылок Джуди чуть наклоняется вперед. Навстречу душевной боли, любви и тревоге, которые читаются на симпатичном лице ее мужа. Длинные золотистые волосы забраны в хвост.

— Как ты себя чувствуешь, сладенькая? — мягко спрашивает Фред.

— Мне хорошо, — отвечает она. — Знаешь, милый, хочу побыть здесь какое-то время. Старшая медсестра уверена, что я вдрызг сумасшедшая. Это так кстати.

— Здесь Джек Сойер. Ты хотела бы увидеться с ним?

Джуди наклоняется, похлопывает по выставленному вперед колену мужа.

— Попроси мистера Сойера подойти ко мне, а ты присядь рядом, Фред.

Джек уже обходит скамью, его взгляд не отрывается от головы Джуди Маршалл, которая вновь поднялась, но

не поворачивается к нему. По-прежнему стоя на одном колене, Фред берет руку Джуди в свои, словно собирается ее поцеловать. Он напоминает влюбленного рыцаря, преклонившего колено перед своей королевой. В поле зрения Джека попадает скула Джуди, часть неулыбающегося рта, наконец, он видит ее профиль, резкий, как обломившийся лед в первые дни весны. Идеальный профиль, место которому на камее или монете, легкий изгиб губ, классический нос, плавная линия челюсти, само совершенство, странным образом знакомое.

Эта неожиданная красота потрясает его и тут же напоминает другое, когда-то уже виденное лицо. Чье? Грейс Келли? Катрин Денев? Нет, профиль Джуди он видел наяву, не на экране кинотеатра или телевизора.

Джек продолжает обходить скамью, Фред поднимается с колена, в поле зрения Джека уже не чеканный профиль Джуди, а ее лицо вполоборота; мысль о том, что он с ней где-то встречался, Джек отбрасывает как абсурдную.

Она не поднимает глаз, пока он не останавливается перед ней. Волосы у нее тусклые, спутанные. Под халатом — старая, голубая, отделанная кружевом ночная рубашка, которая и новой не радовала глаз. Несмотря на неприглядный наряд, Джуди Маршалл с первого взгляда завоевывает его сердце.

Электрический разряд, возникший в зрительных нервах, пробивает все тело, вынося окончательный, не подлежащий обжалованию приговор: Джуди Маршалл — самая красивая женщина, которую ему доводилось видеть. Он боится, что сила чувств, которые он испытывает, сшибет его с ног, более того, она может понять, что с ним происходит, и подумать, что он — дурак. Ему же ужасно не хочется выглядеть дураком в ее глазах. Брук Грир, Клер Эвинруд, Илиана Тедеско, каждой из которых было что показать, в сравнении с ней выглядят маленькими девочками в хэллоуинских костюмах. Джуди Маршалл отправляет всех его бывших возлюбленных в дальний ящик. Нет

и не может быть никаких сомнений, что чувства, которые он к ним испытывал, и близко не находились от настоящей любви. Красота Джуди — это не отображение в зеркале. Она огромная, бездонная, а видимое глазом — всего лишь вершина айсберга.

Джек буквально не может поверить, что на приятного, добросердечного Фреда Маршалла свалилась такая фантастическая удача: жениться на такой женщине. Знает ли он, какая она чудесная? Будь она одинокой, Джек женился бы на ней не раздумывая. Ему уже кажется, что он влюбился в Джуди, как только увидел ее затылок.

Но он не может любить ее. Она — жена Фреда Маршалла и мать их сына, поэтому ему просто не остается ничего иного, как жить без нее.

Она произносит короткое предложение, которое накатывает на него вибрирующей звуковой волной. Джек наклоняется, бормоча извинения, и Джуди, улыбнувшись, жестом предлагает ему сесть перед ней. Он опускается на пол, скрещивает ноги в лодыжках, еще не придя в себя от шока, который испытал, увидев Джуди.

По прекрасному лицу видно, что происходящее с ним для нее не тайна, но она полагает, что все нормально. Он совершенно не упал в ее глазах. Джек открывает рот, чтобы задать вопрос. Он еще не знает, что это за вопрос, но должен задать. Суть значения не имеет. Сойдет и самый идиотский; не может же он и дальше сидеть, пялясь на это изумительное лицо.

Прежде чем он успевает произнести хоть слово, одна реальность сменяет другую, и в мгновение ока Джуди Маршалл превращается в усталую женщину тридцати с хвостиком лет, со спутанными волосами и мешками под глазами, которая смотрит на него, сидя на скамье в запертом на ключ отделении для душевнобольных. Вроде бы сие говорит о возвращении здравомыслия, но Джеку кажется, что это какой-то трюк, который проделала Джуди Маршалл, чтобы он не удивлялся тому, что предстоит услышать.

Слова, слетающие с его языка, банальны, как он того и ожидал. Джек слушает, как он говорит о том, сколь приятна ему эта встреча.

— И я рада нашему знакомству, мистер Сойер. Я слышала о вас много хорошего.

Он ищет, ждет знака, свидетельствующего, что от нее не ускользнула значительность момента, который они только что пережили, но видит лишь ее теплую улыбку.

— Как вам тут? — спрашивает он.

— К такой компании, конечно, надо привыкнуть, но в основном люди здесь заблудившиеся, которые уже не могут найти обратный путь, вот и все. Некоторые очень интеллигентны. Говорить с ними интереснее, чем со многими здоровыми. Может, следовало попасть в отделение Д раньше? Пребывание здесь помогло мне кое в чем разобраться.

— Например?

— Например, есть много способов заблудиться, а потому заблудиться гораздо легче, чем многие себе представляют. Окружающие меня люди не умеют скрывать свои чувства, большинство не знает, что делать с охватывающим их страхом.

— А что можно с ним делать?

— Принимать как должное, вот и все! Не говорить: я заблудилась и не знаю, как вернуться... а продолжать идти. Шагать и шагать, пока не заблудишься еще больше. Все должны это знать. Особенно вы, Джек Сойер.

— Особен... — Но прежде чем он закончил вопрос, пожилая женщина с морщинистым, добрым лицом подходит сзади и касается его плеча.

— Извините меня, — она смущенно, как ребенок, наклоняет голову, чуть ли не утыкаясь подбородком в грудь, — я хочу задать вам вопрос. Вы — мой отец?

Джек улыбается женщине:

— Позвольте мне сначала спросить вас. Вас зовут Эстель Паккард?

Сверкнув глазами, женщина кивает.

— Тогда да, я — ваш отец.

Эстель Паккард радостно хлопает в ладоши, поворачивается и уходит, сияя от радости. Отойдя на восемь или девять футов, оборачивается, весело машет Джеку рукой и идет дальше.

Когда Джек вновь смотрит на Джуди Маршалл, она словно чуть-чуть приподнимает вуаль обыденности, но и этого достаточно, чтобы он начал понимать, какая необыкновенная у нее душа.

— Вы — очень хороший человек, правда, Джек Сойер? И очень порядочный. Вы, разумеется, и обаятельный, но обаяние и добропорядочность не всегда идут рука об руку. Хотите, чтобы я рассказала вам о себе?

Джек смотрит на Фреда, который держит жену за руку и сияет.

— Я хочу, чтобы вы рассказали все, что найдете нужным.

— Кое-что я не могу выразить словами, что бы ни чувствовала, но вы все равно поймете. Я могу сказать, что ваша незаурядная внешность не сделала вас тщеславным. И внутренне вы не пустышка, как часто бывает с красивыми мужчинами. Главная причина тому — хорошее воспитание. Я могу сказать, что у вас была замечательная мать. Я права, да?

Джек смеется, тронутый ее интуитивной догадкой.

— Я не знал, что это так заметно.

— Знаете, в чем заметно? В вашем отношении к совершенно чужим людям. Я уверена, что вы росли среди тех, с кем местные жители могут встретиться лишь в кино, но вам это не вскружило голову. Вы видите в нас людей, а не деревенских тупиц, вот почему я знаю, что могу вам доверять. Очевидно, ваша мать трудилась не зря. Я тоже была хорошей матерью, во всяком случае, старалась быть, поэтому я знаю, о чем говорю. Я вижу.

— Вы говорите, что были хорошей матерью. Зачем использовать

— Прошедшее время? Потому что я говорю о том, что было до того как.

Улыбку Фреда сменяет выражение тревоги.

— Что значит — до того как?

— Мистер Сойер может знать. — И Джуди бросает на Джека поощряющий взгляд.

— Извините, я думаю, что не знаю.

— Я хотела сказать, до того как я очутилась здесь и наконец смогла многое обдумать. Прежде происходившее со мной пугало до смерти... до того, как я осознала, что могу заглянуть в себя и проанализировать то необычное, что испытывала всю жизнь. До того, как у меня появилось время, до путешествий. Думаю, что я по-прежнему хорошая мать, но я уже не та же самая мать.

— Дорогая, прошу тебя, — подает голос Фред. — Ты та же самая, просто у тебя был нервный срыв. Мы должны поговорить о Тайлере.

— Мы и говорим о Тайлере. Мистер Сойер, вы знаете смотровую площадку на шоссе номер 93, там, где дорога взбирается на холм примерно в миле к югу от Ардена?

— Я видел ее сегодня, — отвечает Джек. — Фред мне ее показал.

— Вы видели все эти фермы? И холмы на горизонте?

— Да. Фред сказал мне, что этот вид вам очень нравится.

— Там мне всегда хочется остановиться и выйти из машины. Мне действительно нравится этот вид. Многие мили полей, лесов, рек, но позади них встают холмы, и ты уже больше ничего не видишь. Но небо над холмами не обрывается. И это доказывает, что по другую сторону холмов тоже есть мир. Путешествуя, можно попасть туда.

— Да, вы можете попасть, — отвечает Джек и чувствует, как по предплечьям и спине бегут мурашки.

— Я? Я могу путешествовать только мысленно, мистер Сойер, я знаю, как это делается, только потому, что попа-

ла в психушку. Но я вдруг поняла, что вы можете попасть туда, по другую сторону холмов.

Во рту у Джека сухо, как в пустыне. Он чувствует, как растет тревога Фреда Маршалла, но ничем не может помочь ему. Ему хочется задать ей тысячу вопросов, но начинает с самого простенького:

— Как вы это поняли? Что вы под этим подразумеваете?

Джуди Маршалл высвобождает руку из рук Фреда и протягивает Джеку, который сжимает ее в своих руках. Если она и выглядит обыкновенной женщиной, то не сейчас. Она сияет, как маяк в ночи, как костер на далеком обрыве.

— Скажем так... глубокой ночью или когда я долгое время бывала одна, кто-то начинал шептаться со мной. Не в ухо — ощущение такое, что шептали по другую сторону толстой стены. Девочка, такая же, как я, моего возраста. И если я в этот момент засыпала, мне всегда снилось место, где жила эта девочка. Я назвала его Запределье, и это такой же мир, как округ Каули, только более светлый, чистый и волшебный. В Запределье люди ездят в каретах и живут в больших белых шатрах. В Запределье некоторые умеют летать.

— Вы правы, — говорит Джек. Фред переводит тревожный взгляд с жены на Джека, и последний добавляет: — Это кажется невероятным, но она права.

— К тому времени, когда во Френч-Лэндинге начался весь этот кошмар, я практически забыла о Запределье. Не думала о нем с двенадцати или тринадцати лет. Но когда тучи стали сгущаться над Фредом, Таем и мной, мои сны становились все кошмарнее, а жизнь — все менее реальной. Я писала какие-то слова, не зная зачем, говорила что-то безумное, разваливалась на части. Я не понимала, что Запределье пыталось достучаться до меня. Девочка нашептывала мне по другую сторону стены, только она уже выросла и по голосу чувствовалось, что очень напугана.

— Почему вы решили, что я смогу помочь?

— Это возникло у меня давно, когда вы арестовали Киндерлинга и вашу фотографию напечатали в газете. Едва взглянув на нее, я подумала: «Он знает о Запределье». Не могу сказать, с чего я так решила, взглянув на фотографию. Просто поняла, что вы знаете. А потом, когда исчез Тай, я сошла с ума и очнулась в этом месте, то подумала: если бы была возможность заглянуть в головы некоторых из этих людей, отделение Д не слишком отличалось бы от Запределья. И вспомнила вашу фотографию. И начала все больше понимать насчет путешествий. Этим утром я мысленно ходила по Запределью. Видела его, касалась. Вдыхала тамошний невероятно вкусный воздух. Вы знали, мистер Сойер, что там есть кролики размером с кенгуру? От одного только взгляда на них хочется рассмеяться.

Джек широко улыбается, наклоняется, чтобы поцеловать руку, совсем как ее муж.

Очень мягко она убирает руку.

— Когда Фред сказал мне, что виделся с вами и вы помогаете полиции, я поняла, что вы оказались здесь не случайно.

Содеянное этой женщиной поражает Джека. В самый страшный момент ее жизни, когда похитили сына, а разум грозился покинуть ее, она использовала память, чтобы обрести силу, и сотворила чудо. В глубинах подсознания нашла способность путешествовать. Находясь в замкнутом пространстве отделения для душевнобольных, смогла перенестись в другой мир, который знала только по детским снам. Наверное, лишь благодаря невероятной храбрости, о которой упоминал ее муж, ей удалось совершить этот подвиг.

— Однажды вы что-то сделали, не так ли? — спрашивает его Джуди. — Вы побывали в Запределье и что-то сделали... что-то важное. Вы можете не говорить, я и так все вижу. Это ясно как божий день. Но вы должны это подтвердить, чтобы я услышала. Так что скажите, скажите «да».

— Да.

— Сделал что? — переспрашивает Фред. — В стране снов? Как вы можете говорить «да»?

— Подождите, — останавливает его Джек. — Потом я вам кое-что покажу. — И возвращается взглядом к удивительной женщине, которая сидит перед ним. Джуди Маршалл светится изнутри, светится интуицией, храбростью, силой воли, и хотя она для него — запретный плод, теперь это единственная женщина, в этом мире или другом, которую он сможет любить до конца своих дней.

— С вами произошло то же, что и со мной, — говорит Джуди. — Вы забыли о том мире. Со временем стали полицейским, детективом. Более того, стали одним из лучших детективов всех времен. Вы знаете почему?

— Полагаю, потому, что мне нравилась эта работа.

— А чем именно она вам нравилась?

— Возможностью помогать обществу. Защищать простых людей. Сажать за решетку плохишей. Интересная была работа.

— И вы думали, что она не перестанет быть интересной. Потому что всегда будет нужно решать новую проблему, отвечать на новый вопрос.

Она попадает в десятку, хотя до этого момента в таком ракурсе он на свою работу не смотрел.

— Совершенно верно.

— Вы были великим детективом, даже когда этого не знали, потому что от вас требовалось что-то найти... что-то жизненно важное.

«Я — копписмен», — вспоминает Джек тихий голос в ночи, обращающийся к нему с другой стороны толстой, толстой стены.

— Вам требовалось что-то найти ради спасения собственной души.

— Да, — кивает Джек, и от этого короткого слова на глаза наворачиваются слезы. — Я всегда хотел найти то, чего недоставало. Вся моя жизнь — поиски тайны, которая могла бы многое прояснить.

Сверкает воспоминание, яркое, как эпизод цветного фильма. Огромный шатер, белая комната, в которой умирает прекрасная тяжело больная королева, и маленькая девочка, на два или три года моложе его, двенадцатилетнего, среди ее придворных.

— Вы называли это место Запределье? — спрашивает Джуди.

— Я называл его Долинами. — У него такое ощущение, что он открывает сундук с сокровищами, которыми наконец-то может поделиться.

— Хорошее название. Фреду этого не понять, но когда я этим утром отправилась туда на долгую прогулку, то почувствовала, что мой сын где-то в Запределье... в ваших Долинах. Его там спрятали. Ему по-прежнему грозит опасность, но он жив и невредим. В камере. Спит на полу. Но живой. Невредимый. Вы думаете, такое может быть, мистер Сойер?

— Одну секунду, — вмешивается Фред. — Я понимаю твои чувства, и мне тоже хочется в это верить, но реальный мир, в котором мы живем, все-таки здесь.

— Я думаю, есть много реальных миров, — поправляет его Джек. — И уверен, что Тайлер где-то в Запределье.

— Вы сможете его спасти, мистер Сойер? Сможете вернуть сюда?

— Как вы сами уже сказали, миссис Маршалл, я оказался здесь не случайно.

— Сойер, я надеялся, что из вас двоих вы будете более здравомыслящим, — говорит Фред. — Но разговор, похоже, закончен. К нам идет надзирательница.

Выезжая с автомобильной стоянки к больнице, Фред бросает короткий взгляд на «дипломат», который лежит на коленях у Джека, но ничего не говорит. Молчит, пока они не добираются до шоссе номер 93.

— Я рад, что вы со мной поехали.

— Спасибо вам, — отвечает Джек. — Я тоже.

— Я чувствую, мне не хватает ума, чтобы понять ваш разговор, но я хотел бы узнать ваше мнение. Думаете, все прошло хорошо?

— Даже лучше, чем хорошо. Ваша жена... Я даже... У меня просто нет слов, чтобы сказать, какая же она молодец.

Фред кивает, искоса глядя на Джека:

— То есть вы не думаете, что она сошла с ума?

— Если это безумие, то я хотел бы быть таким же безумным.

Прямая полоса асфальта, поднимающаяся по пологому холму, кажется, уходит в бездонную синеву неба.

Еще один взгляд Фреда.

— И вы говорите, что видели это место, которое она называет Запредельем?

— Да, видел. Пусть в это трудно поверить.

— Ничего не придумываете? Не вешаете мне лапшу на уши? Можете поклясться могилой матери?

— Клянусь могилой матери.

— Вы там бывали? Не в грезах, а наяву?

— В то лето мне было двенадцать лет.

— Могу я тоже попасть туда?

— Вероятно, нет. — Это ложь, потому что Фред может попасть в Долины, если Джек возьмет его с собой, но эту дверь Джек хочет захлопнуть как можно плотнее. Он может представить себе, как приводит Джуди Маршалл в параллельный мир. Фред — это другая история. Джуди более чем заслужила путешествие в Долины, Фред все еще не может поверить в их существование. Для Джуди Долины сразу бы стали родным домом, но ее муж превратился бы в якорь, который тормозил бы его. Это он уже проходил с Ричардом Слоутом.

— Наверное, вы правы, — кивает Фред. — Если не возражаете, я бы хотел остановиться на вершине холма.

— Дельная мысль.

Они поднимаются на холм, и Фред сворачивает на смотровую площадку. Но вместо того чтобы вылезти из

кабины, указывает на «дипломат», лежащий на коленях Джека:

— Вы хотели мне что-то показать?

— Да. Я бы показал раньше, но после нашей остановки здесь решил подождать и сначала выслушать Джуди. И я рад, что подождал. Теперь мне не надо объяснять, как и где я ее нашел.

Джек открывает «дипломат» и достает бейсболку «Пивоваров», найденную этим утром.

— Взгляните, — протягивает Фреду.

— Святой Боже, — бормочет Фред. — Это... это?.. — Он заглядывает внутрь бейсболки, понимает, что она принадлежит его сыну, шумно втягивает воздух, вскидывает глаза на Джека. — Бейсболка Тайлера. Господи, Тайлера! О боже. — Он прижимает бейсболку к груди, дважды глубоко вдыхает, не отрывая взгляда от Джека. — Где вы ее нашли? Как давно?

— Я нашел ее на дороге этим утром. В том месте, которое ваша жена называет Запределье.

Фред Маршалл со стоном открывает дверцу и выпрыгивает из кабины. К тому времени как Джек догоняет его, он уже стоит на самом краю обрыва и смотрит на далекие сине-зеленые холмы. Поворачивается к Джеку:

— Вы думаете, он еще жив?

— Думаю, жив.

— В том мире. — Фред указывает на холмы. Слезы текут из его глаз, уголки рта опускаются. — В мире, который, по словам Джуди, находится где-то там.

— В том мире.

— Так пойдите туда и найдите его! — кричит Фред. Щеки его мокрые от слез. Он трясет рукой с зажатой в кулаке бейсболкой. — Пойдите туда и приведите его назад, черт бы вас побрал! Мне туда не попасть, значит, это ваш долг! — Он подступает к Джеку, кажется, хочет ударить его, но вместо этого обнимает и начинает рыдать.

Джек нарушает тишину, лишь когда плечи Фреда перестают трястись, а дыхание чуть успокаивается:

— Я сделаю все, что смогу.

— Я знаю. — Фред отходит на шаг, вытирает лицо. — Извините, что накричал на вас. Я знаю, что вы хотите нам помочь.

Двое мужчин поворачиваются, чтобы вернуться к «эксплореру». Далеко на западе земля словно укрыта светло-серым одеялом.

— Что это? — спрашивает Джек. — Дождь?

— Нет, туман, — отвечает Фред. — Поднимается с Миссисипи.

Часть третья

ТАМ, ГДЕ НОЧЬ ЦАРИТ ВСЕГДА

Глава 15

К вечеру температура понижается на пятнадцать градусов: над округом Каули проходит холодный фронт. Грозы нет, но небо меняет цвет на фиолетовый, и туман прибывает. Место его рождения — река; он медленно поднимается по Чейз-стрит, заглатывая сначала ливневые канавы, потом тротуары, наконец, сами дома. Полностью все скрыть он не может, такое под силу только зимним и весенним туманам, но изменяет силуэты и лишает цвета. В тумане привычное кажется чужеродным. Да еще этот запах, древний запах моря, который проникает глубоко в ноздри и будит часть мозга, готовую поверить в существование монстров, шныряющих под завесой тумана, от этого по спине ползет страх, а сердце ускоряет свой бег.

На Самнер-стрит Дебби Андерсон по-прежнему выполняет обязанности дежурного. Арнольда «Бешеного Мадьяра» Храбовски отослали домой без бляхи, по существу, отстранили от службы, и он чувствует, что должен задать жене пару-тройку прямых вопросов (ответы на них он в принципе знает, отчего на душе скребут кошки). Дебби сейчас стоит у окна, хмурится. В руке чашка кофе.

— Не нравится мне все это, — говорит она мрачному Бобби Дюлаку, который пишет донесение. — Напоминает фильмы ужасов, которые я смотрела по телевизору, когда училась в школе.

— Ужасов? — переспрашивает Дюлак, поднимая голову.

— Ну да. — Она вглядывается в сгущающийся туман. — Про Дракулу. Джека-Потрошителя.

— Я ничего не хочу слышать о Джеке-Потрошителе, — чеканит Дюлак. — Ты уж извини, Дебби. — И продолжает прерванное занятие.

На автостоянке у магазина «С семи до одиннадцати» мистер Раджан Патель стоит около телефона-автомата (он по-прежнему перетянут желтой полицейской лентой, и мистер Патель не может сказать нам, когда его смогут использовать по прямому назначению). Он смотрит на центр города, который словно поднимается из большущей миски сметаны. Дома в дальнем, более низком конце Чейз-стрит уже погрузились в эту миску. Видны только вторые этажи.

— Если он там внизу, — мистер Патель разговаривает сам с собой, — сегодня он может сделать все, что захочет.

Он скрещивает руки на груди, по телу пробегает дрожь.

Дейл Гилбертсон дома, вот уж чудо из чудес. Он собирается пообедать с женой и сыном, даже если после этого рухнет мир. Он выходит из кабинета, где двадцать минут говорил по телефону с детективом ПУВ Джеффом Блэком (только невероятным усилием воли ему удавалось не сорваться на крик), и видит, что жена стоит у окна. Хмурится точно так же, как Дебби Андерсон, только вместо чашки кофе в руке бокал вина.

— Речной туман. — В голосе Сары слышится отвращение. — Вот некстати. Если он там...

— Не смей этого говорить, — обрывает ее Дейл. — Даже не думай.

Но он знает, что они оба не могут не думать об этом. Улицы Френч-Лэндинга, затянутые туманом улицы Френч-Лэндинга уже пустынны: в магазинах нет покупателей, на тротуарах — праздношатающихся, в парках — гуляющих. И уж точно нигде нет детей. Родители просто не выпустят их из дому. Даже на Нейлхауз-роуд, где

добросовестное выполнение родительских обязанностей скорее исключение, чем правило, родители будут держать детей при себе.

— Не буду, — соглашается она. — Это все, что я могу.

— Что на обед?

— Как насчет тушеной курицы?

Столь горячее блюдо — неудачный выбор для обычного июльского вечера, но этот выдался холодным и туманным, поэтому Дейл довольно улыбается. Подходит к жене, обнимает:

— Отлично. И чем раньше, тем лучше.

Она поворачивается, на лице разочарование.

— Поедешь в участок?

— Вроде бы и не надо, раз уж Браун и Блэк взялись за это дело...

— Самодовольные тупицы. Мне они никогда не нравились.

Дейл улыбается. Он знает, что прежнюю Сару Эсбюри нисколько не волновало, как он зарабатывает на жизнь, и явственно выказанное недовольство тем, что его отстранили от расследования, не может не радовать. Особенно в этот момент. Потому что день выдался самый худший за все время службы, и завершился он отстранением от работы Арнольда Храбовски. Дейл знает, что Арни надеется в ближайшее время все-таки вернуться к исполнению своих обязанностей. И самое ужасное, что Арни скорее всего прав. С учетом развития событий ему понадобится даже такой неумеха, как Бешеный Мадьяр.

— В принципе, ехать мне не надо, но...

— У тебя предчувствие.

— Да.

— Хорошего или плохого? — Она уважает интуицию мужа, в немалой степени и из-за стремления Дейла привлечь к расследованию Джека Сойера. Сегодня ей, как никогда, ясно, что Дейл двигался в правильном направлении.

— И того и другого, — отвечает Дейл и без уточнений меняет тему: — Где Дэйв?

— Рисует за кухонным столом.

В шесть лет Дэвид Гилбертсон страстно влюбился в цветные карандаши. После окончания занятий в школе он уже изрисовал две коробки. В супружеской постели Дейл и Сара уже не раз говорили о том, что у них в семье растет художник. «Будущий Норман Рокуэлл», — однажды сказала Сара. Дейл, который помогал Джеку Сойеру развешивать необычные и прекрасные картины, очень надеялся, что их мальчик станет большим художником. В своих мечтах он заходит так далеко, что боится озвучивать их, даже погасив свет.

С бокалом вина Дейл выходит на кухню:

— Что ты рисуешь, Дэйв? Что...

Он замолкает. Карандаши лежат на столе. Вместе с незаконченным рисунком, изображением то ли летающей тарелки, то ли круглого кофейного столика.

Дверь во двор открыта.

Вглядываясь в «молоко», скрывающее качели и гимнастическую стенку Дэйва, Дейл чувствует, как горло сжимает страх. Вновь в нос бьет запах тела Ирмы Френо, жуткий запах гниющего сырого мяса. Уверенность в том, что его семья защищена магическим кругом (такое может случиться лишь с кем-то другим), исчезает. Ее место занимает осознание случившегося: Дэйва нет. Рыбак выманил его из дому и утащил в туман. Дейл видит ухмылку на лице Рыбака. Видит руку в перчатке, желтой, зажимающую рот его сыну, но не выпученные, полные ужаса глаза ребенка.

В туман и за пределы известного нам мира.

Дэвид.

Он пересекает кухню на ватных ногах. Ставит бокал на стол. Под основание попадает карандаш, бокал наклоняется, вино выплескивается на незаконченный рисунок Дэйва, пятно очень уж похоже на кровь. Дейл выходит за порог, и хотя собирался крикнуть, с губ срывается едва слышный шепот: «Дэвид?.. Дэйв?»

В первый момент, который длится вечность, ничего не слышит. Потом до него доносится мягкий топот ног,

бегущих по влажной траве. Из сгущающегося тумана материализуются синие джинсы и свитер «регби» в красную полосу. А еще через секунду он видит улыбающееся лицо сына под копной соломенных волос.

— Папа! Папа! Я плавал в тумане! Все равно что попал в облако!

Дейл хватает сына. Вдруг возникает желание отвесить ему оплеуху, наказать за то, что испугал отца. Но желание это проходит так же быстро, как и появилось. Он целует Дэйва.

— Я знаю. Должно быть, это забавно, но теперь тебе пора домой.

— Почему, папочка?

— Потому что маленькие мальчики иногда теряются в тумане. — Он оглядывает затянутый белым двор. Едва различает силуэт стола, но не знает, разглядел бы его, если б раньше не видел тысячу раз. Вновь целует сына. — Иногда маленькие мальчики теряются, — повторяет он.

Теперь мы можем проверить, что поделывают наши знакомцы, как давние, так и новые. Джек и Фред Маршалл вернулись из Ардена (ни один не предложил перекусить в ресторанчике «Кухня Греты» в Сентралии, когда они проезжали мимо), оба сидят в одиночестве, каждый в своем доме. Всю дорогу из Ардена Фред не выпускал из рук бейсболку сына, держит он ее и сейчас, когда ест согретый в микроволновой печи «телеужин» и смотрит выпуск новостей Пятого канала.

Разумеется, центральная тема выпуска — Ирма Френо. Фред берется за пульт дистанционного управления, как только они завершают показ развалин «Закусим у Эда» и дают в записи репортаж из трейлерного парка[1] «Холидей».

[1] Трейлерный парк — стоянка с передвижными домами, установленными на постоянном месте и подсоединенными к инженерным коммуникациям (канализация, водопровод, электричество), для сдачи внаем малоимущим.

Особое внимание уделено обшарпанному дому на колесах, с крылечком, которое сооружено из трех досок, лежащих на двух бетонных блоках.

— Здесь, на окраине Френч-Лэндинга, скорбит в одиночестве мать Ирмы Френо, — сообщает в объектив камеры репортер. — Каждый может представить себе, какие чувства она сегодня испытывает. — Репортер симпатичнее Уэнделла Грина, но в глазах тот же нездоровый блеск.

Фред нажимает кнопку «OFF» и рычит: «Почему они не могут оставить в покое бедную женщину?» Смотрит на недоеденный бифштекс, но аппетит как отрезало.

Очень медленно он поднимает бейсболку Тайлера, пытается надеть на голову. Размер не тот, и Фред думает, что надо бы увеличить его, переставив фиксатор на пару отверстий в пластиковой полоске. От этой мысли Фреда бросает в ужас. А вдруг этого хватит, чтобы убить его сына? Всего лишь перестановки фиксатора? Он полагает, что с такими мыслями он скоро чокнется, как его жена... или Сойер. Доверять Сойеру — такое же безумие, как и думать, что жизнь сына зависит от местоположения фиксатора... однако он доверяет Сойеру и верит, что фиксатор переставлять нельзя. Он берет вилку, снова принимается за еду в бейсболке Тая, сидящей на самой макушке.

Нюхач Сен-Пьер сидит на диване в нижнем белье, на коленях раскрытая книга (сборник стихов Уильяма Блейка), но он не читает. Медведица спит в другой комнате, а он борется с желанием смотаться в бар «Сэнд» и купить дозу крэнка, хотя он уже лет пять как с этим завязал. После смерти Эми он борется с этим желанием каждый день и побеждает, лишь напоминая себе, что наркотик помешает ему найти Рыбака и должным образом наказать его.

Генри Лайден в своей студии с гигантскими наушниками «Акай» на голове слушает Уоррена Ваше, Джона Банча и Фила Фленигэна, играющих «Я помню апрель». Он чует туман и сквозь стены, запахом он напоминает воздух у «Закусим у Эда». Другими словами, пахнет плохой смер-

тью. Он задается вопросом, как прошло посещение Джеком отделения Д Лютеранской больницы округа Френч. Думает о своей жене, которая (особенно после танцев в «Макстоне», пусть он этого и не осознает) вроде бы вновь вернулась в их дом. Потому что тревожится за него.

Да, конечно, всех знакомцев можно найти, но один словно выпал из нашего поля зрения. Чарльза Бернсайда нет ни в актовом зале «Макстона» (там по древнему цветному телевизору, подвешенному на кронштейнах у стены, показывают серию «Семейных уз»), ни в столовой, где уже расставили закуски к ужину, ни в его комнате (простыни, конечно, поменяли, но в воздухе стоит запах говна). А как насчет туалета? И тут неудача. Торвальд Торвальдсон заходил туда по малой нужде, потом помыл руки и вышел, так что мужской туалет пуст. Но вот что странно: в одной из кабинок боком лежит ворсистый шлепанец. Яркими черными и желтыми полосами он напоминает огромного сдохшего шмеля. И лежит он во второй кабинке, которую всегда предпочитает Берни.

Нужно ли нам поискать его? Пожалуй. Из-за того что мы не знаем, где этот мерзавец, нам как-то не по себе. Давайте выскользнем в туман и, незаметные, как мышки, направимся в тот конец Чейз-стрит, что спускается к реке. Здесь расположен отель «Нельсон», первый этаж которого уже затянут туманом: темная полоса, отметка уровня, до которого поднялась вода в том страшном наводнении, едва просматривается. По одну сторону отеля — обувной магазин, который уже закрылся. По другую — таверна «Лакиз», перед которой пожилая кривоногая женщина (зовут ее Берта ван Дузен) стоит наклонившись вперед, уперев руки в огромные колени, и выблевывает в ливневую канаву «Кингслендское крепкое». Издаваемые при этом звуки напоминают скрежет коробки передач, которую мучает неумелый водитель. Из «Лакиз» доносится усталый голос ушедшего от нас Дика Керлисса, поющего о Хайнесвильских лесах, где каждую милю встречаешь могильный камень.

Собака лениво гавкает, когда мы проходим мимо и проскальзываем в холл отеля «Нельсон», где тронутые молью головы волка, медведя, лося и бизона с одним стеклянным глазом смотрят на пустые диваны, пустые кресла, лифт, который не работает с 1994 года, и пустую регистрационную стойку (портье, Морти Файн, в своей каморке-кабинете, сидит, положив ноги на стол, читает «Пипл» и ковыряет в носу). В холле отеля «Нельсон» всегда пахнет рекой, этот запах впитался в стены и обивку мебели, но сегодня он особенно силен. Он наводит на мысли о неудачных идеях, потерянных инвестициях, поддельных чеках, ухудшающемся здоровье, украденных деньгах, невыплаченных алиментах, пустых обещаниях, раке кожи[1], угасших надеждах. Сюда не приходят, если только не бывали здесь раньше, а куда-то еще вход запрещен. Это место для мужчин, бросивших свои семьи двадцать лет назад, которые теперь лежат на кроватях с матрасами, пованивающими мочой, кашляют и курят. Бар-ресторан отеля (где Гувер Далримпл едва ли не каждые пятницу и субботу затевал драку) решением городского совета закрыт с начала июня. Тогда Дейл Гилбертсон шокировал местную политическую элиту, показав им видеозапись трех гастролирующих стриптизерш, которые называли себя «Трио анального университета» и на маленькой сцене бара синхронно удовлетворяли себя огурцами (провел съемку штатный сотрудник ПУФЛ Том Лунд). Но постояльцы «Нельсона» особо не жалуются: пиво они могут купить и в расположенной по соседству таверне. Плату в «Нельсоне» берут сразу за неделю. В номере можно держать электроплитку, но только с разрешения управляющего и после проверки провода. А если кто соберется умереть в «Нельсоне», последним услышанным звуком будет скрип пружин кровати, в которой кто-то из стариков неудачников гоняет шкурку.

[1] В настоящее время в Америке угрожающими темпами растет число заболевших раком кожи.

Давайте поднимемся на второй этаж мимо свернутого старого пожарного рукава, дремлющего за стеклом. Проследуем дальше, оставив за спиной телефон-автомат с пожелтевшей от времени табличкой «НЕ РАБОТАЕТ». На третьем этаже к запаху речного тумана прибавляется аромат куриного супа, греющегося на чьей-то плитке (состояние провода проверено и одобрено Морти Файном или Джорджем Смитом, дневным управляющим).

Запах идет из номера 307. Если мы проникнем туда через замочную скважину (магнитных ключей-карточек в отеле «Нельсон» никогда не было и не будет), то увидим семидесятилетнего Эндрю Райлсбека, лысеющего, худощавого, добродушного. Когда-то он продавал пылесосы компании «Электролюкс», но те дни в далеком прошлом. То были его золотые годы.

Мы можем подумать, достойный кандидат в «Макстон», но Энди Райлсбек знает и этот дом престарелых, и ему подобные. Ему это не подходит, благодарю покорно. Он любит общение, но не хочет, чтобы кто-то указывал, когда надо ложиться спать, когда вставать, когда можно пропустить стопочку виски. В «Макстоне» у него есть друзья, он к ним часто захаживает и время от времени ловит на себе хищный взгляд нашего общего друга Шустрика. Не раз и не два Энди Райлсбеку приходила в голову мысль о том, что мистер Макстон с радостью бы продавал трупы своих пациентов на мыло, если б смог заработать на этом пару баксов.

Нет, нет, Энди Райлсбека вполне устраивает и третий этаж отеля «Нельсон». У него есть плитка, бутылка горячительного, четыре колоды игральных карт и возможность разложить большой пасьянс, если дрёма забудет заглянуть к нему в дверь.

В этот вечер он сделал три порции куриного супа «Липтон», решив пригласить на обед Ирвина Торнберри. А потом они могли прогуляться в «Лакиз», выпить по бутылочке пива. Энди проверяет суп, кивает, убедившись, что температура его устраивает, вдыхает пряный аромат.

У него есть и подсоленные сухарики, которые так хороши с куриным супом. Он выходит из номера, чтобы подняться этажом выше и постучаться в дверь Ирва, но тут ноги Энди врастают в землю, настолько его поражает открывшаяся картина.

А видит он старика в бесформенном синем халате, который уходит прочь с подозрительной быстротой. Из-под халата видны ноги, белые, как брюхо карпа, с синими варикозными венами. На левой ноге — ворсистый шлепанец в черную и желтую полосы. Правая — босая. И хотя наш новый знакомый в этом не уверен (все-таки перед ним спина), Энди полагает, что раньше никогда этого человека не видел.

Опять же, проходя коридором третьего этажа, он пытается открыть каждую дверь. Пробует, повернется ли ручка. Как вор. Гребаный вор.

Да-да. И хотя этот человек — глубокий старик, определенно старше Энди, и одет так, словно только что встал с постели, версия, что он — вор, кажется нашему новому знакомому все более убедительной. Даже достаточно веский аргумент: с босой ногой на улицу ему не выйти, не может взять верх над интуитивной догадкой.

Энди открывает рот, чтобы спросить: «Могу я вам чем-нибудь помочь?» или «Кого-то ищете?». Но передумывает. Не нравится ему этот незнакомец. От него так и веет злобой и опасностью. Да и халат с карманами (Энди это видит), вдруг в одном из них оружие? Воры не всегда вооружены, но...

Старик огибает угол и исчезает. Энди стоит на месте, прикидывая варианты. Будь у него в номере телефон, он бы позвонил вниз, предупредил Морти Файна, но телефона нет. Что же делать?

Короткие мысленные дебаты заканчиваются тем, что Энди на цыпочках подходит к углу и выглядывает из-за него. За углом — тупик с тремя номерами. На дверях таблички: 312, 313 и в самом конце — 314. В 314-м мужчина живет с весны, но Энди знает лишь его имя и фамилию:

Джордж Поттер. Энди спрашивал о нем Ирва и Гувера Далримпла, но Гувер вообще ничего знал, да и Ирв — немногим больше.

— Ты должен знать, — настаивал Энди (разговор этот имел место быть в конце мая или начале июня, примерно когда закрылся «Бакхед лодж», ресторан-бар на первом этаже). — Я видел тебя с ним в «Лакиз», вы пили пиво.

Ирв приподнял одну кустистую бровь.

— Видел, как мы пили пиво? Ты кто? — проскрипел он. — Моя гребаная жена?

— Я просто констатирую факт. Когда пьешь пиво с человеком, о чем-то говоришь...

— Обычно — да. Но не с ним. Я сел, поставил кружку и в основном прислушивался к своим мыслям. «Что вы думаете о шансах «Пивоваров» в этом году?» — спросил я. «Они проиграют, — ответил он. — Как и в прошлом. Вечером я могу поймать трансляцию матчей «Кабс»[1] на своем ра-дио...»

— Он так и сказал? Ра-дио?

— Я же так не говорю. Ты хоть раз слышал, чтобы я сказал «ра-дио»? Я говорю «радио», как и любой нормальный человек. Хочешь слушать дальше или нет?

— Похоже, слушать особенно нечего.

— Ты прав, приятель. Он говорит: «Вечером я могу поймать трансляцию матчей «Кабс» на своем ра-дио, и мне этого достаточно. Ребенком я всегда ходил на стадион «Ригли» со своим отцом». Так что я выяснил, что он из Чикаго, а в остальном — по нулям.

У Энди возникла мысль, что в коридоре третьего этажа он видит спину Поттера, но мистер Джордж «Сам-По-Себе» Поттер высок, шесть футов четыре дюйма, волос у него на голове, хоть и седых, предостаточно. Мистер Один Шлепанец ниже и сутулился, как жаба («Ядовитая жаба», — тут же уточнил для себя Энди).

---

[1] «Чикаго кабс» — профессиональная бейсбольная команда, выступающая в Национальной лиге.

«Он там, — думает Энди. — Гребаный вор в номере Поттера, может, шарит по ящикам в поисках денег и ценностей. А может, собирается украсть радио Поттера. Его гребаное ра-дио».

Но ему-то что? Проходишь мимо Поттера по коридору, говоришь ему «доброе утро» или «добрый день», а в ответ слышишь какое-то невнятное бормотание. Вежливости ни на цент. И в «Лакиз» он всегда пьет пиво один, устроившись за столиком, который стоит позади музыкального автомата. Можно, конечно, присесть рядом, что и сделал Ирв, но какой от этого прок, если не удастся поболтать? Так на фига ему, Эндрю Райлсбеку, навлекать на себя гнев этой ядовитой жабы в халате из-за этого старого ворчуна, от которого и слова доброго не услышишь?

Ну...

Потому что здесь его дом, пусть и не слишком презентабельный, вот почему. Потому что, если видишь какого-то безумного старого пердуна, который хочет украсть чужие деньги или переносное ра-дио, негоже поворачиваться спиной и уходить. Да, незнакомец ему не понравился, но это не означает, что тот может вести себя как заблагорассудится. Нельзя допускать...

Внезапно Энди Райлсбека осеняет. Его догадка близка к истине, насколько это возможно. Допустим, этот тип с улицы? Допустим, один из стариков, проживающих в «Центре Макстона»? «Центр» не так уж и далеко, он знает, что время от времени старик или старушка покидают его территорию и идут куда глаза глядят. В обычной ситуации его остановили бы едва ли не за воротами, трудно не обратить внимания на человека, бредущего по улице в одном шлепанце, но в этот вечер город окутал туман и на улицах ни души.

«Стыдись, — думает Энди. — До полусмерти испугаться старика, который лет на десять старше. Да и в голове у него наверняка уже не мозги, а ореховое масло. Забрел в отель, прошел мимо пустой регистрационной стойки (Файна там быть не может, наверняка сидит у себя в ка-

морке и читает какой-нибудь журнал или книгу), не соображая, где находится, поднялся по лестнице. Поттер, должно быть, пьет пиво в таверне (единственное, что соответствует действительности), а дверь оставил незапертой (это, мы можем гарантировать, не так).

И хотя страх не отпускает его, Энди огибает угол и направляется к открытой двери. Его сердце учащенно бьется: он не смог убедить себя в том, что опасаться старика нет нужды. В конце концов, ему было как-то не по себе, когда он смотрел ему в спину...

Но он идет. Господи, помоги, приближается к двери.

— Мистер? — зовет он, подойдя к порогу. — Эй, мистер, я думаю, вы ошиблись дверью. Это комната мистера Поттера. Вы, наверное...

Он замолкает. С кем говорить, если комната пуста? Как же так?

Энди разворачивается на сто восемьдесят градусов, пробует повернуть ручки номеров 312 и 313. Обе двери заперты. Убедившись в этом, он заходит в комнату Джорджа Поттера и оглядывается: с любопытством не поспоришь. Апартаменты Поттера чуть больше, чем его, в остальном отличия минимальные. Высокий потолок (раньше строили так, чтобы человек мог выпрямиться в полный рост, что да, то да), посередине продавленная, но аккуратно застеленная кровать. На прикроватном столике пузырек с капсулами (как потом выяснилось, это легкий антидепрессант «золофт») и забранная в рамочку фотография женщины. Энди думает, что ее, похоже, как следует отдубасили палкой, но Поттер, возможно, смотрит на нее другими глазами. В конце концов, он поставил фотографию, чтобы видеть ее утром, открывая глаза, и вечером, закрывая их.

— Поттер? — зовет Энди. — Кто-нибудь? Эй?

Он вдруг чувствует, что кто-то стоит позади, и круто оборачивается, ощеривается. Поднимает руку, чтобы защититься от неминуемого удара, готового обрушиться на него... только за спиной никого нет. Куда же подевался незнакомец? Энди абсолютно уверен, что он свернул за

угол. И обратно никак не мог пройти незамеченным. Если только не прополз по потолку, как какая-нибудь муха...

Энди вскидывает глаза, зная, что это абсурд, что он там никого не увидит, но ведь невелик труд. Конечно, ничего необычного над его головой нет. Обычный потолок, пожелтевший от времени и табачного дыма.

Радио, ой, извините, ра-дио, стоит на подоконнике нетронутое. Чертовски хороший радиоприемник «Боуз», о котором Пол Харви всегда говорит в своей дневной программе.

За радиоприемником, по другую сторону грязного стекла, — пожарная лестница. Один взгляд на шпингалет, и триумфальная улыбка Энди вянет. Он все равно подходит к окну. Оно закрыто, он видит только короткий участок влажной железной лестницы, которая спускается в туман. Ни тебе синего халата, ни лысого черепа. Понятное дело. Шпингалет закрыть снаружи физически невозможно.

Энди отворачивается от окна, несколько секунд стоит задумавшись, потом опускается на колени и заглядывает под кровать. Видит старую оловянную пепельницу, на которой лежит нераспечатанная пачка «Пэлл-Мэлл» и одноразовая зажигалка с логотипом «Кингслендского крепкого». Больше ничего, кроме катышков пыли. Он опирается рукой на кровать, чтобы подняться, и тут его взгляд падает на приоткрытую дверцу стенного шкафа.

— Там, — выдыхает Энди так тихо, что слово едва долетает до его собственных ушей.

Поднявшись, он направляется к приоткрытой дверце. Туман, как говорил Карл Сэндберг[1], возможно, и ходит на маленьких кошачьих лапках (возможно, и нет), но именно на них Энди Райлсбек пересекает комнату Джорджа Поттера. Сердце бьется так сильно, что раздувается и начинает

[1] Сэндберг, Карл Огаст (1878—1967) — поэт, биограф, продолжатель традиций Уолтера Уитмена. Лауреат Пулитцеровских премий за полное собрание стихотворных произведений (1950) и биографию А. Линкольна (1940).

пульсировать вена посреди лба. Мужчина, которого он видел, в стенном шкафу. За это говорит логика. Не просто говорит — кричит криком. Но если этот мужчина — потерявший ориентировку пациент «Центра Макстона», в тумане случайно забредший в отель «Нельсон», почему же он не ответил Энди? Почему спрятался? Потому что он, конечно же, стар, но отнюдь не заблудился, вот почему. Ориентируется он ничуть не хуже Энди. Этот старик — гребаный вор, который прячется в стенном шкафу. Возможно, с зажатым в руке ножом, который достал из кармана старого халата. Может, приспособил под дубинку вешалку, скинув с нее одежду. Может, просто стоит, не шевелясь в темноте, готовый *наброситься на противника* с голыми руками. Энди без разницы. Он, конечно, боится (ничего удивительного, он же ушедший на пенсию продавец — не Супермен), но внутреннее напряжение уже перешло в злость, и его уже не остановить. Теперь Энди больше разъярен, чем испуган. Он охватывает пальцами круглую ручку дверцы стенного шкафа. Делает вдох... другой... готовясь к решительной схватке... еще вдох, наудачу, и...

Энди резко дергает дверцу на себя, так резко, что дребезжат пустые вешалки. Приседает, сжав пальцы в кулаки, ожидая нападения лысого старика в синем халате.

— Выходи оттуда, гребаный...

В стенном шкафу никого нет. Четыре рубашки, один пиджак, два галстука и *трое брюк тихонько раскачиваются.* На полу потрепанный старый чемодан, которому, похоже, довелось познакомиться со всеми автовокзалами Америки. Больше ничего. Никакого греба...

Но что-то есть. На полу под рубашками. Не одно что-то. Несколько. С полдюжины. Поначалу Энди Райлсбек то ли не понимает, что видит, то ли не хочет понимать. Потом до него доходит, и он пытается закричать. Не может. Предпринимает вторую попытку — результат тот же. Воздух не желает выходить из легких, грудь словно сжали железными обручами. Он пытается отвернуться, но и с этим ничего не выходит. Он уверен, что Джордж Поттер

вот-вот вернется, и если Поттер застанет его в комнате, Энди может распрощаться с жизнью. Джордж Поттер не может допустить, чтобы Энди разболтал об увиденном. Но он не может повернуться. Не может закричать. Не может оторвать глаз от секрета в шкафу Джорджа Поттера.

Не может шевельнуться.

Из-за тумана темнота спускается на Френч-Лэндинг необычно рано, где-то в половине седьмого. Окутанные им желтые фонари «Центра Макстона по уходу за престарелыми» напоминают огни круизного лайнера, дрейфующего в море. В крыле «Маргаритка», где живут милейшая Элис Уитерс и куда менее милый Чарльз Бернсайд, за столом дежурного сидит широкоплечая крашеная блондинка Вера Хатчисон (Пит Уэкслер и Батч Йеркса, закончив смену, разошлись по домам). Перед ней — книга кроссвордов. Сейчас она раздумывает над атрибутом интерьера из восьми букв, первая буква Ш, четвертая — О. Она терпеть не может такие длинные слова.

Со скрипом открывается дверь мужского туалета. Она поднимает голову и видит выходящего оттуда Чарльза Бернсайда, в синем халате и паре ворсистых шлепанцев в желто-черную полоску, похожих на огромных шмелей. Шлепанцы она узнает сразу.

— Чарли? — Вера кладет карандаш в книгу кроссвордов и закрывает ее.

Чарли продолжает идти, челюсть отвисла, по подбородку течет струйка слюны. Но на лице неприятная ухмылка, которая Вере очень не нравится. Этот старикан, возможно, растерял почти все свои мозги, но те, что остались, очень злобные. Она знает, что иногда Чарли действительно не слышит, когда она к нему обращается (или не понимает ее), но уверена, что бывает и другое: он просто прикидывается, что не слышит и не понимает. И она почти наверняка уверена, что сегодня — тот самый случай.

— Чарли, ты зачем надел шлепанцы Элмера? Ты знаешь, что их подарила ему его правнучка.

Старик, Берни — для нас, Чарли — для Веры, продолжает волочить ноги в направлении М18. И наверное, доберется до своей комнаты, если куда-нибудь не свернет.

— Чарли, остановись.

Чарли останавливается. Стоит в коридоре «Маргаритки», словно выключенная машина. Челюсть отвисает еще больше. Слюна отрывается от подбородка, и на линолеуме, между шлепанцами-шмелями, появляется мокрое пятнышко.

Вера встает из-за стола, подходит к Чарли, приседает рядом. Если бы она знала то, что известно нам, то дважды подумала, подставляя незащищенную шею под эти болтающиеся руки, скрюченные артритом, но еще очень сильные. Разумеется, она ничего не знает.

Вера берется за левый шлепанец:

— Подними ногу.

Чарльз Бернсайд поднимает правую ногу.

— Перестань издеваться надо мной, — рявкает Вера. — Другую.

Берни чуть-чуть приподнимает левую ногу, чтобы Вера могла стащить с нее шлепанец.

— А теперь правую.

Незаметно для Веры, которая смотрит на его стопы, Берни вытаскивает из ширинки пенис и делает вид, что писает на затылок Веры. Его ухмылка становится шире. При этом он поднимает правую ногу, и *Вера с нее стаскивает* второй шлепанец. Когда она отрывает глаза от пола, сморщенный «крантик» Берни уже убран. Он подумывал окрестить ее мочой, действительно подумывал, но в этот вечер он и так много чего успел. Еще одно маленькое дельце, и можно отправляться в мир снов. Он — старый монстр. Ему требуется отдых.

— А теперь скажи мне, — продолжает Вера, — почему один шлепанец грязнее другого? — Нет ответа. Собственно, она его и не ждет. — Ладно, красавчик. Возвращайся в свою комнату или иди в актовый зал, если хочешь. На ужин сегодня подогретый в микроволновке попкорн

и «Джелло». По телевизору — «Звуки музыки». Я позабочусь, чтобы шлепанцы вернулись к хозяину, и мы никому не скажем, что ты их брал. Это будет наш маленький секрет. Но если возьмешь еще раз, я скажу начальству. Усек?

Берни стоит как столб, словно его эти слова не касаются... но отвратительная ухмылка чуть растягивает губы, и в глазах мелькает искорка. Он усек, это точно.

— Шевелись. И лучше бы тебе, старый пердун, не плевать на пол.

Она опять не ждет ответа, но на этот раз получает.

— Следи за своим языком, толстая сука, а не то я его вырву.

Она подается назад, словно от пощечины. Руки Берни по-прежнему висят как плети, на лице все та же отвратительная ухмылка.

— Убирайся отсюда. Или я на тебя пожалуюсь. (Только проку от этого не будет. Чарли — одна из дойных коров Макстона, и Вера это знает.)

Чарли, волоча ноги, вновь тащится к комнате М18, теперь уже босиком. Потом вдруг поворачивается. Встречается с ней взглядом.

— Слово, которое тебе нужно, — шифоньер. Понятно? Глупая корова.

И движется дальше по коридору. Вера стоит, где стояла, с отвисшей челюстью. О кроссворде она и думать забыла.

В своей комнате Берни ложится на кровать и подсовывает руки под поясницу. Болит. Чуть позже он вызовет эту толстую суку, чтобы она принесла ему ибупрофен. Но пока надо потерпеть. Есть еще одно дельце.

— Нашел тебя, Поттер, — бормочет он. — Старина... Потси.

Берни не тряс дверные ручки (Энди Райлсбек об этом никогда не узнает). Он искал давнего знакомого, который в конце семидесятых вышиб его из прибыльного строительного проекта в чикагском районе Саут-Сайд, вотчине

«Уайт сокз»[1]. Другими словами, в Черном городе. Туда рекой лились федеральные деньги, немало перепадало и от штата Иллинойс. Этой золотой жилы хватило бы на многие годы, но Джордж «Чтоб-Он-Сдох» Поттер вышел в гонке победителем, заплатив кому следовало, и Чарльз Бернсайд (а может, он тогда еще был Карлом Бирстоуном, за давностью лет уже и не вспомнить) остался с носом.

Вот Берни все эти годы и следил за своим врагом (не сам Берни, разумеется, но, как мы уже понимаем, у этого человека могущественные друзья). Старина Потси, так звали его немногочисленные друзья в девяностых годах, объявил о своем банкротстве в Ла Ривьере, а большую часть того, что осталось, потерял на бирже. Но Берни не считал, что они квиты. Потси заслуживал более сурового наказания, и раз уж волей случая этого недоноска занесло во Френч-Лэндинг, следовало воспользоваться представившейся возможностью. Основная цель Берни — будоражить город, изменять все к худшему — оставалась прежней, но маленькая месть Потси прекрасно укладывалась в общее русло.

Известным ему способом он прибыл в «Нельсон» (Джек знает, как это делается, Джуди Маршалл — интуитивно догадалась), потом, как летучая мышь, нашел комнату Поттера. Почувствовав за спиной Энди Райлсбека, обрадовался. Райлсбек освободил его от еще одного анонимного звонка, а Берни, надо признать, надоело работать за полицию.

Теперь, вернувшись в свою комнату, всем довольный, если не считать боли, вызванной артритом, он выбрасывает из головы Джорджа Поттера и посылает Вызов.

В темноте глаза Чарльза Бернсайда наполняет зловещий огонь.

---

[1] «Чикаго уайт сокз» — профессиональная бейсбольная команда Американской лиги.

— Горг, — говорит он. — Горг т'или. Диннит аббала. Самман Тэнзи. Самман монта Ирмы. Диннит аббала, Горг. Диннит Рам Аббала.

Горг. Горг, приходи. Служи аббала. Найди Тэнзи. Найди мать Ирмы. Служи аббала, Горг.

Служи Алому Королю.

Глаза Берни закрываются. Он засыпает с улыбкой на лице. Но под морщинистыми веками глаза продолжают светиться, словно прикрытые накидкой лампы.

Морти Файн, ночной управляющий, он же портье отеля «Нельсон», клюет носом над раскрытым журналом, когда Энди Райлсбек врывается в его каморку. От неожиданности Морти чуть не выпрыгивает из кресла. Журнал, понятное дело, шелестя страницами, летит на пол.

— Господи, Энди, так можно заработать инфаркт! — кричит Морти. — Неужели трудно постучать или хотя бы покашлять?

Энди пропускает его слова мимо ушей, и тут Морти замечает, что старик бледен как мел. Может, инфаркт у старика? В «Нельсоне» такое случалось, и не раз.

— Ты должен вызвать полицию, — выдавливает из себя Энди. — Они ужасные. Святой Боже, Морти, никогда не видел более ужасных фотографий... их сделали «Полароидом»... я думал, что он сейчас вернется... вернется в любую секунду... но я стоял как столб, я... я...

— Не так быстро, — просит его Морти. — О чем ты говоришь?

Энди набирает полную грудь воздуху, пытается взять себя в руки.

— Ты видел Поттера? Из 314-го?

— Нет, — отвечает Морти. — Но по вечерам он обычно в «Лакиз», пьет пиво, иногда с гамбургером. Хотя я не понимаю, как там кто-то может что-то есть. — Эти слова, должно быть, наводят его на мысль о другой забегаловке, которая антисанитарией могла поспорить с таверной «Ла-

киз». — Ты слышал, что копы нашли в «Закусим у Эда»? Тревор Гордон проезжал мимо, и он говорит...

— Не важно. — Энди садится по другую сторону стола и смотрит на Морти влажными, переполненными ужасом глазами. — Позвони в полицию. Немедленно. Скажи им, что Рыбак — Джордж Поттер и он живет на третьем этаже отеля «Нельсон». — Лицо Энди перекашивает гримаса, но он берет себя в руки. — На том же этаже, что и я.

— Поттер? Ты бредишь, Энди. Он — вышедший на пенсию строитель. Не обидит и мухи.

— О мухах я не знаю, но видел, что он проделывал с маленькими детьми. Видел его снимки на «Полароиде». В его стенном шкафу. Никогда не видел ничего более кошмарного.

И вот тут старик окончательно убеждает Морти, что никакая это не выдумка и, возможно, даже не ошибка: из глаз Энди Райлсбека катятся слезы.

Тэнзи Френо, она же скорбящая мать Ирмы Френо, на самом деле еще не скорбит. Она знает, что должна, но не может. Сейчас у нее такое ощущение, что она плавает в облаке теплой, яркой шерсти. Врач (ассистентка Пэта Скарды, Норма Уайтстоун) четыре или пять часов назад дала ей пять миллиграммов лоразепама[1], но это было только начало. Трейлерный парк «Холидей», где Тэнзи и Ирма жили с того времени, как глава семьи в 1998 году перебрался в Грин-Бэй, находится совсем рядом с баром «Сэнд», и у Тэнзи роман с одним из барменов, Лестером Муном. Громобойная пятерка по какой-то причине прозвала Лестера Муна «Вонючим Сыром», но Тэнзи зовет его исключительно «Лестер», что он очень ценит, как и возможность трахнуть Тэнзи в ее спальне или в подсобке бара, где для таких целей положен матрас. В пять вечера Лестер заглянул в трейлер с квартой кофейного бренди

[1] Лоразепам — легкий транквилизатор, аналог более известного в России тазепама.

и четырьмястами миллиграммами оксиконтина, растолченного и готового к употреблению. Тэнзи оприходовала уже с полдюжины дорожек и «летает». Смотрит на старые фотографии Ирмы и... просто... вы понимаете... «летает».

«Каким симпатичным она была ребенком», — думает Тэнзи, не подозревая, что не так уж и далеко от трейлерного парка ночной портье отеля в ужасе смотрит на совсем другую фотографию ее симпатичного ребенка, «Полароид», которую ему не забыть до конца его дней. Эту фотографию Тэнзи никогда не увидит, что, возможно, является подтверждением существования Бога на небесах.

Она переворачивает страницу (на обложке ее альбома выбиты золотом слова «Золотые воспоминания») и видит себя и Ирму на пикнике компании «Миссисипи электрикс». Ирме — четыре годика, до банкротства «Миссисипи электрикс» оставался год, и все у них еще более или менее хорошо. На соседней фотографии Ирма — среди других детей, лицо вымазано шоколадным мороженым.

Глядя на эту фотографию, Тэнзи тянется к стакану кофейного бренди, делает маленький глоток. И внезапно, из ниоткуда (или из того места в нашем подсознании, где хранятся зловещие обрывки мыслей) выплывают слова глупого стихотворения Эдгара По, которое они заучивали в девятом классе[1]. Она не думала о нем долгие годы, и сейчас вроде бы нет повода вспоминать его, но слова первой строфы высвечиваются в памяти. Глядя на фотографию Ирмы, она монотонно, без пауз, произносит их вслух. Услышь ее миссис Норманди, она бы, без сомнения, застонала, схватившись за свои седые волосы. На нас декламация Тэнзи действует иначе: от слов веет арктическим холодом. Их словно произносит труп.

— Мрачной полночью бессонной беспредельно утомленный в книги древние вникал я и стремясь постичь их

[1] «Ворон» — одно из лучших стихотворений Эдгара По. Многократно переводилось на русский язык поэтами-переводчиками, в том числе и К. Бальмонтом.

суть над старинным странным томом задремал и вдруг сквозь дрему стук нежданный в двери дома мне почудился чуть-чуть...

В этот момент кто-то постучал в дверь «Эйрстрима», в котором жила Тэнзи Френо. Она вскинула голову, с плавающим взглядом, с губами, блестевшими от кофейного бренди.

— Лестер? Это ты?

«Возможно, он», — думает она. Наверняка не телевизионщики, тут у нее сомнений нет. Она не стала с ними говорить, дала от ворот поворот. Она знает, что они успокаивали бы и утешали ее, только чтобы выманить под яркие юпитеры, где она выглядела бы глупо, точно так же, как в «Шоу Джерри Спрингера» выглядят приглашенные туда люди.

Ответа нет... но стук повторяется. Тук. Тук-тук.

— Это кто-то другой. — Она встает. Встает, как во сне. — Это какой-то гость стучит в мою дверь. Стучит, и все тут.

Тук. Тук-тук.

Не костяшками пальцев. Звук другой. Скорее стучат ногтем.

Или клювом.

Она пересекает комнату в мареве бренди и наркотиков, босые ноги шагают по когда-то пушистому, а теперь лысому ковру: мать, потерявшая единственного ребенка. Открывает дверь в туманный летний вечер и ничего не видит, потому что смотрит слишком высоко. А потом кто-то шуршит на коврике.

Кто-то, кто-то черный, смотрит на нее снизу вверх яркими, изучающими глазками. Это ворон, ворон из стихотворения Эдгара По пришел к ней в гости.

— Господи, меня глючит, — бормочет Тэнзи, пробегая пальцами по жидким волосам.

— Господи! — повторяет ворон с коврика. Потом добавляет: — Горг!

Если б Тэнзи спросили, она бы сказала, что не испытывала никакого страха (спасибо наркотикам и бренди),

но это не так, потому что она вскрикивает и отступает на шаг.

Ворон быстренько перепрыгивает через порог на вылинявший лиловый ковер, по-прежнему глядя на Тэнзи яркими глазками. На перьях сверкает каплями сконденсировавшийся туман. Он прыгает в глубь комнаты, останавливается, отряхивается. Оглядывается, как бы спрашивая: «Как я выгляжу, дорогая?»

— Уходи, — говорит Тэнзи. — Я не знаю, кто ты, существуешь ли на самом деле, но...

— Горг! — настаивает ворон, потом распрямляет крылья и начинает летать по гостиной трейлера — кусочек ночной тьмы. Тэнзи вскрикивает, закрывает лицо руками, но Горг к ней не приближается. Садится на стол, рядом с бутылкой.

Тэнзи думает: «Он просто заблудился в тумане. Возможно, он бешеный или у него орнитоз, который разносят птицы. Надо пойти на кухню и принести швабру. Выгнать до того, как он тут все засрет...»

Но кухня слишком далеко. В ее состоянии — за сотню миль от Френч-Лэндинга, где-нибудь в районе Колорадо-Спрингс. И возможно, ворона нет вовсе. Мысли об этом чертовом стихотворении вызвали галлюцинации, вот и все... стихотворение и потеря дочери.

Впервые боль пробивается сквозь туман, и Тэнзи передергивает: боль обжигает огнем. Она вспоминает маленькие *ручки,* которые иногда обнимали ее за шею. Крики в ночи, которые будили ее. Запах детского тельца после ванны.

— Ее звали Ирма! — кричит она галлюцинации, устроившейся около бутылки. — Ирма — не гребаная Линор, что за глупое имя — Линор. Давай поглядим, сможешь ты сказать «Ирма»?

— Ирма! — покорно каркает ворон, изумляя Тэнзи до глубины души. И глаза, поблескивающие глаза словно втягивают ее в себя, как глаза древнего моряка из другого

стихотворения, которое ей задали выучить, но она так и не выучила. — Ирма-Ирма-Ирма-Ирма...

— Прекрати! — не хочет она слушать галлюцинацию. Совершенно не хочет. Имя ее дочери срывается с клюва, словно вымаранное в грязи. Она хочет закрыть уши руками, но не может их поднять. Слишком тяжелые. Ее руки прилепились к плите и холодильнику (который дышит на ладан) в Колорадо-Спрингс. Она может только смотреть в эти черные глаза.

И ворон смотрит на нее, шевелит крыльями. Они трутся о тело с неприятным скрипом, и Тэнзи думает: «О, вещун! Молю — хоть слово! Птица ужаса ночного!»

В груди у нее холодеет.

— Что ты знаешь? Чего ты пришел?

— Знаю! — каркает Горг, клюв опускается и поднимается, опускается и поднимается. — Иди!

Он ей подмигивает? Святой Боже, он ей подмигивает?

— Кто ее убил? — шепчет Тэнзи Френо. — Кто убил мою девочку?

Глаза Горга не отрываются от нее, превращают в жука или булавку. Медленно, как во сне (но это действительно происходит, на каком-то уровне сознания она это знает), Тэнзи подходит к столу. Ворон наблюдает за ней, притягивает ее к себе. «Там, где ночь царит всегда, — думает она. — Там, где всегда царит гребаная ночь».

— Кто? Скажи мне, что ты знаешь?

Ворон смотрит на нее блестящими черными глазами. Клюв открывается и закрывается, показывая красное внутри.

— Тэнзи! — каркает Горг. — Подойди!

Пол уходит из-под ног, она падает на колени, до крови прикусывает язык. Алые капли пачкают футболку с буквами У и В на груди. Теперь ее лицо на одном уровне с головой Горга. Она видит, как одно крыло скользит вверх-вниз по бутылке, словно лаская ее. От Горга пахнет пылью и тысячами дохлых мух. Его глаза — черные иллюминато-

ры, смотрящие в другой мир. В ад, возможно. Или Шеол. Как кому нравится.

— Кто? — шепчет Тэнзи.

Горг вытягивает шею, пока клюв не достает до ее уха. Начинает шептать, и вскоре Тэнзи Френо уже кивает, жадно ловя его слова. Свет разума уходит из ее глаз. Когда он вернется? О, я думаю, мы все знаем ответ на этот вопрос.

Никогда, не так ли?

Глава 16

Без четверти семь вечера. Френч-Лэндинг затянут туманом, но спокоен, хотя у многих его жителей нелегко на сердце. Спокойствие долго не продлится. Однажды начавшись, соскальзывание надолго не останавливается.

В «Центре Макстона» Шустрик не спешит уходить домой, и его решение продлить рабочий день не вызывает удивления, если учесть неспешный, а потому действительно возбуждающий минет, который делает ему Ребекка Вайлес, пока он, раздвинув ноги, сидит в кресле своего кабинета.

В актовом зале старики зачарованы Джулией Эндрюс в «Звуках музыки». Элис Уитерс плачет от радости: «Звуки музыки» — ее любимый фильм. «Поющие под дождем» — на втором месте, но фаворита этой картине не достать. Из пациентов «Макстона», способных передвигаться самостоятельно, нет только Берни. Тот крепко спит. Дух, который контролирует его, точнее, демон имеет виды на Френч-Лэндинг и в последние недели загонял старика в хвост и в гриву (Берни не жаловался, наоборот, помогал в меру своих сил).

На Норвэй-Вэлли-роуд Джек Сойер, сидящий за рулем «доджа», как раз сворачивает на подъездную дорожку к дому Генри Лайдена. В Норвэй-Вэлли туман не такой густой, но все равно фары пикапа окружены мерцающим ореолом. В этот вечер он рассчитывает продолжить чтение главы 7 («Дорожка призрака») «Холодного дома» и,

возможно, дойти до конца главы 8 («Как покрывают множество грехов»). Но до Диккенса он обещал послушать песню, которую Висконсинская крыса намерен поставить на первую строку своего рейтинга, «Верни мне мою собаку» в исполнении «Слоббербоун».

— Каждые пять или около того лет рок-н-ролл рождает очередную великую песню, — сказал ему Генри по телефону, и Джек, конечно же, уловил в его голосе интонации Висконсинской крысы.

— Я тебе верю, — покорно соглашается Джек. По его разумению, великая рок-н-ролльная песня — «Уклончивая Сью» в исполнении Дион.

В доме 16 по Робин-Руд-лейн (аккуратном, уютном домике) Фред Маршалл, надев зеленые резиновые перчатки, моет пол. Бейсболка Тайлера по-прежнему у него на голове. Он плачет.

В трейлерном парке «Холидей» ворон Горг заливает ядом уши Тэнзи Френо.

В крепком кирпичном доме на Герман-стрит Дейл Гилбертсон, который живет в нем вместе с прекрасной женой Сарой и не менее прекрасным сыном Дэвидом, готовится к отъезду в полицейский участок. Движения его чуть замедленны: две порции тушеной курицы и большой кусок пирога на десерт делают свое дело. Телефонный звонок его в принципе не удивляет. Предчувствие-то у него было. Звонит Дебби Андерсон, и уже первого слова достаточно, чтобы он понял: что-то случилось.

Он слушает, кивает, иногда задает вопросы. Жена стоит в дверях, наблюдает за ним тревожным взглядом. Дейл наклоняется, что-то пишет в блокноте, который лежит рядом с телефонным аппаратом. Сара подходит, читает имена и фамилии: Энди Райлсбек и М. Файн.

— Райлсбек на линии? — спрашивает он.

— Да, на второй...

— Соедини меня с ним.

— Дейл, я не знаю, как это делается. — По голосу чувствуется, что Дебби (а для нее это нехарактерно) стыдно.

Дейл на мгновение закрывает глаза, напоминает себе, что это обычно не ее работа.

— Эрни еще не пришел?

— Нет.

— Кто в участке?

— Бобби Дюлак... Я думаю, Дит в душевой...

— Давай Бобби, — говорит Дейл и облегченно вздыхает, когда Бобби без труда соединяет его с Энди Райлсбеком, который находится в кабинете Морти Файна. Оба уже побывали в номере 314, и одного взгляда на поляроидные фотографии, разбросанные по полу стенного шкафа Джорджа Поттера, хватило Морти с лихвой. Он так же бледен, как Энди. Может, даже бледнее.

На стоянке у полицейского участка встречаются Эрни Терье и Реджинальд «Док» Амберсон. Док только что прибыл на старом (но сохраняемом в идеальном состоянии) «хардее-толстяке». В густом тумане они приветствуют друг друга. Эрни Терье — еще один коп, в определенном смысле, но расслабьтесь, он — последний, с кем вам предстоит познакомиться на страницах этого романа (есть еще агент ФБР, но о нем речь сейчас не идет. Во-первых, он в Мэдисоне, во-вторых — дурак).

Эрни — подтянутый мужчина шестидесяти пяти лет, ушедший на пенсию двенадцать лет назад, но по-прежнему может дать сто очков форы Арнольду Храбовски. Прибавку к пенсии он зарабатывает ночными дежурствами в ПУФЛ (со сном у него все равно проблемы: достают боли в простате) и охраной местного отделения Первого висконсинского банка по пятницам.

Док на все сто процентов выглядит Ангелом ада, с черной, тронутой сединой бородой, которую иной раз заплетает в косички и украшает лентами на манер пирата Эдуарда Тича. На жизнь он зарабатывает в «Кингслендской пивоваренной компании», и мужчины прекрасно ладят. Прежде всего признают высокий интеллект друг друга. Эрни не знает, действительно ли Док — доктор, но такое

возможно. Может, когда-то он действительно работал в больнице.

— Есть перемены? — спрашивает Док.

— Насколько мне известно, нет, друг мой, — отвечает Эрни. Один из Пятерки приезжает каждый вечер, по очереди, чтобы быть в курсе событий. Сегодня вахта Дока.

— Не возражаешь, если я войду с тобой?

— Отнюдь. При условии, что ты будешь соблюдать правило.

Док кивает. Кое-кого из остальных правило выводит из себя (особенно Сонни, но его много чего выводит из себя), но Док правилу подчиняется: одна чашка кофе или пять минут, в зависимости от того, что первым закончится, и за дверь. Эрни, навидавшийся Ангелов ада в семидесятых, когда служил копом в Финиксе, ценит долготерпение Нюхача Сен-Пьера и его команды. Разумеется, они не «Ангелы ада», или «Язычники», или «Монстры на байках», ничего такого нет и в помине. Эрни не может точно определить, кто они, но знает, что они полностью подчиняются Нюхачу, и еще подозревает, что терпение последнего иссякает. Подозревает, потому что даже его собственное терпение — на пределе.

— Тогда пошли. — Эрни хлопает здоровяка Дока по плечу. — Поглядим, что там творится.

А творится, как выясняется, много чего.

Дейл, оказывается, может мыслить ясно и четко. Страх, от которого он никак не мог отделаться, исчез, и потому, что его уже унизили, как только могли, и потому, что расследование, во всяком случае официально, возглавили другие люди. А главная причина — он может в любой момент позвонить Джеку, в полной уверенности, что Джек откликнется. Джек — его страховочная сеть, натянутая под канатом.

Он выслушивает райлсбековское описание полароидных фотографий, главным образом для того, чтобы старик

пришел в себя... потом задает единственный вопрос насчет двух фотографий мальчика.

— Желтая, — без запинки отвечает Райлсбек. — Рубашка желтая. Я смог разглядеть на ней слово «Кивание»[1]. Больше ничего... К... кровь...

Дейл говорит, что все понимает, и обещает Райлсбеку, что скоро в отель подъедет кто-нибудь из полицейских.

Слышит, как трубка переходит из рук в руки и раздается голос Файна, которого Дейл не очень-то жалует:

— А если он вернется, чиф? Если Поттер вернется в отель?

— Вы видите холл с того места, где находитесь?

— Нет, — с неохотой. — Мы — в моем кабинете. Я же говорил.

— Тогда отправляйтесь за регистрационную стойку. Сделайте вид, что чем-то заняты. Если он войдет в...

— Я не хочу идти в холл. Если бы вы видели эти фотографии, вы бы тоже не захотели.

— Я же не прошу вас пытаться задержать его, — отвечает Дейл. — Если он появится, просто позвоните.

— Но...

— Положите трубку, сэр. У меня полно дел.

Сара кладет руку на плечо мужа. Дейл накрывает ее своей свободной рукой. В трубке — щелчок переключения линий.

— Бобби, ты в курсе?

— Так точно, чиф. Дебби и Дит тоже. О, только что вошел Эрни. — Он понижает голос. — С ним один из этих байкеров. Который зовет себя Доком.

Дейл лихорадочно думает. Эрни, Дит и Бобби, все в форме. Для его замысла они не подходят. Тут Дейла осеняет.

— Передай ему трубку.

— Что?

---

[1] «Кивание интернешнл» — международная организация «клубов на службе общества». Основана в 1915 г.

— Ты меня слышал?

Несколько секунд спустя он говорит с Доком Амберсоном.

— Ты хочешь помочь поймать мерзавца, который убил маленькую девочку Армана Сен-Пьера?

— Черт, ясно, — без колебаний.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно и не заставляй меня повторять.

— Слушаю, — отрезает Док.

— Скажешь патрульному Дюлаку, чтобы он дал тебе синий сотовый телефон со склада вещественных доказательств, который мы забрали у сбежавшего наркомана. (Если кто-то попытается установить, откуда был звонок, Дейл знает, что следы в его полицейский участок не приведут. В конце концов, он отстранен от расследования.)

— Синий сотовый телефон.

— Потом пойдешь в таверну «Лакиз», рядом с отелем «Нельсон».

— У меня байк...

— Нет. Пешком. Купишь лотерейный билет. Тебе нужен высокий мужчина, худощавый, волосы с сильной сединой, в брюках цвета хаки, возможно, в такой же рубашке. Скорее всего за столиком он будет один. Его любимое место — между музыкальным автоматом и коридорчиком, который ведет к туалетам. Если он там, позвони в участок. Просто набери 911. Понял?

— Да.

— Иди. И не теряй времени, Док.

Док даже не прощается. Вскоре трубку берет Бобби:

— А что делать нам, Дейл?

— Если он там, будем брать сукина сына, — отвечает Дейл. Он держит себя в руках, но чувствует, как все чаще бьется сердце, как нарастает волнение. Цвета становятся на удивление яркими, как уже было, когда он расследовал свое первое убийство. Он чувствует руку жены на плече. Различает запах ее помады и лака для волос. — Вызови

Тома Лунда. И приготовь три бронежилета. — После короткой паузы поправляется: — Нет, четыре.

— Вы собираетесь позвонить Голливуду?

— Да, но ждать его не будем. — И кладет трубку, потому что просто не может устоять на месте. Ему не терпится выскочить из дома. Он набирает полную грудь воздуха. Выдох, еще вдох.

Сара хватает его за руки:

— Будь осторожен.

— Конечно, можешь не волноваться. — Он направляется к двери.

— Как насчет Джека?

— Свяжусь с ним из машины. — Он не сбавляет шага. — Если Бог на нашей стороне, мы посадим его в камеру, когда Джек будет на полпути к участку.

Пять минут спустя Док стоит у стойки бара «Лакиз», слушает песню Трейс Адкинс «Я оставил дома что-то включенное» и стирает защитный слой с билета Висконсинской мгновенной лотереи. Билет выигрышный, десять баксов, но внимание Дока сосредоточено на музыкальном автомате. Он качает головой, словно не нравится ему этот конкретный экземпляр.

За угловым столиком, на котором стоят тарелка спагетти (соус красный, как льющаяся из носа кровь) и графин пива, сидит мужчина, который ему нужен: высокий, сухощавый, с аккуратно зачесанными назад, почти совсем седыми волосами. Рубашку Док не видит, потому что мужчина заткнул за воротник салфетку, но одна длинная нога торчит из-под стола. Брючина — цвета хаки.

Если бы Док знал наверняка, что именно этот гад убил Эми, он бы захватил его сам, на то и существует, в конце концов, гражданский арест. И уж конечно, не церемонился бы с ним. К черту копов и их гребаные «права Миранды». Но возможно, этот тип — только свидетель или сообщник, но не сам убийца.

Он получает от бармена десятку, отклоняет предложение выпить пивка, выходит в туман. Десять шагов вверх по склону, и он достает из кармана сотовый телефон. Набирает 911. Ему отвечает Дебби.

— Он здесь, — говорит Док. — Что дальше?

— Принеси телефон, — слышит он. И связь обрывается.

— Чтоб вы все сдохли, — непонятно кому говорит Док. Но он будет паинькой. Сыграет по их правилам. Только сначала...

Он набирает по сотовому еще один номер (этому телефону предстоит выполнить еще одну задачу, после чего он навсегда исчезнет из нашего повествования). Трубку берет Медведица.

— Соедини меня с ним, — говорит Док, надеясь, что Нюхач дома и не поехал в бар «Сэнд». Потому что поехать туда Нюхач может только за одним, и это одно — дрянь.

Через мгновение в трубке раздается голос Нюхача, осипший, словно он плакал:

— Да, что?

— Собирай остальных и приезжай на стоянку у полицейского участка, — говорит ему Док. — Я не уверен на сто процентов. Но думаю, что они готовятся взять этого гребаного сукина сына. Я, возможно, даже видел...

Нюхач бросает трубку до того, как Док отрывает и нажимает кнопку «OFF». Он стоит в тумане, смотрит на пустынную улицу и задается вопросом: а почему не предложил Нюхачу и остальным встретиться с ним у «Лакиз»? Потом понимает, что знает ответ. Если Нюхач доберется до старика раньше копов, спагетти станут его последним блюдом на этой земле.

Для верности лучше подождать.

Подождать и посмотреть.

На Герман-стрит всего лишь легкий туман, но он стремительно сгущается, как только Дейл поворачивает к центру города. Он включает противотуманные фары, по-

том звонит Джеку. Слышит первую фразу автоответчика, обрывает связь, набирает номер дяди Генри. Дядя Генри снимает трубку. Дейл слышит перезвон гитар, кто-то раз за разом истошно вопит: «Верни мне мою собаку!»

— Да, он только что приехал, — говорит Генри. — Мы в музыкальной фазе нашего вечера. Потом перейдем к литературной. Мы как раз приближаемся к одному из кульминационных моментов «Холодного дома»: Чесни-Уолд, «Дорожка призрака», миссис Раунсуэлл, все такое... поэтому, если дело у тебя не срочное...

— Неотложное. Передай ему трубку, дядя.

Генри вздыхает:

— Oui, mon capitaine.

И вот он уже говорит с Джеком, который тут же соглашается приехать. Однако начальника полиции Френч-Лэндинга несколько удивляет реакция его друга. Нет, Джек не хочет, чтобы Дейл ждал с арестом до его прибытия. Благодарит Дейла за такое предложение, благодарит за приготовленный бронежилет (часть золотого дождя, пролившегося на ПУФЛ и тысячи других полицейских участков в годы президентства Рейгана), но Джек уверен, что Дейл и его люди сами смогут доставить Джорджа Поттера в участок.

А дело в том, что у Джека Сойера Джордж Поттер интереса не вызвал. Как и фотографии, хотя он и не сомневался в их подлинности: Райлсбек точно описал желтую рубашку Джонни Иркенхэма, именно такие носили члены «Младшей лиги Кивание». Прессе эта подробность не сообщалась. Даже мерзопакостный Уэнделл Грин не смог об этом прознать.

О чем Джек спрашивает, не один — несколько раз, так это о человеке, которого Энди Райлсбек видел в коридоре.

— Синий халат, один шлепанец, это все, что мне известно, — наконец пришлось признать Дейлу. — Господи, Джек, да какое это имеет значение? Послушай, мне надо освобождать линию.

— Динь-дон, — отвечает Джек и кладет трубку.

Дейл сворачивает на автостоянку, затянутую туманом. Видит Эрни Терье и байкера-пивовара по прозвищу Док, стоящих у двери черного хода и что-то обсуждающих. Два силуэта в плывущем тумане.

После разговора с Джеком Дейлу определенно не по себе, у него такое ощущение, что он проехал мимо щита-указателя с огромными буквами, но слов не разобрал. Но что именно следовало разбирать? Что он упустил? В нем закипает злость. Может, такие искушенные, многоопытные детективы, как Джек Сойер, просто не могут поверить в очевидное? Возможно, таких, как он, больше интересует собака, которая не лает?

Туман прекрасно проводит звук, и на полпути к двери черного хода Дейл слышит грохот мотоциклетных двигателей, которые ожили рядом с рекой. Если точнее, на Нейлхауз-роуд.

— Привет, Дейл, — здоровается Эрни, кивает, как будто ничего не произошло.

— Привет, чиф, — подает голос Док. Он курит сигарету без фильтра, как кажется Дейлу, «Пэлл-Мэлл» или «Честерфилд». — Неплохой выдался вечерок, не так ли?

— Вы их вызвали? — Дейл мотает головой в направлении ревущих мотоциклов. Две пары фар сворачивают на стоянку. Дейл видит, что за рулем первой машины Том Лунд. Можно не сомневаться, что во второй — Дэнни Щеда. Войска собираются вновь. Остается надеяться, что не зря. Очень хочется на этот раз поразить цель.

— Я не буду отвечать в лоб, но задам встречный вопрос, — говорит Док. — Будь они ваши друзья, как бы вы поступили?

— Так же, как и вы, — отвечает Дейл и проходит в полицейский участок.

Генри Лайден вновь сидит на пассажирском сиденье пикапа Джека. Сегодня он в белой рубашке с отложным воротничком и отглаженных синих брюках. Стройный, как манекенщик, с зачесанными назад седыми волосами.

Выглядел ли Сидни Картон более хладнокровным, когда шел к гильотине? Даже в воображении Чарльза Диккенса? Джек в этом сомневается.

— Генри...

— Я знаю. Сижу в кабине, как пай-мальчик, пока меня не позовут.

— С запертыми дверцами. И не говори: «Oui, mon capitaine». Приелось.

— Affirmative[1] сойдет?

— Безусловно.

Ближе к городу туман сгущается, и Джек включает фонари на крыше: от фар в таком молоке толку мало. Смотрит на часы, вмонтированные в приборный щиток. Три минуты восьмого. События набирают ход. Он этому рад. Делай больше — думай меньше: таков рецепт сохранения здравомыслия от Джека Сойера.

— Я проведу тебя в участок, как только Джорджа Поттера посадят в камеру.

— Ты думаешь, с этим у них проблем не возникнет?

— Нет, — отвечает Джек и меняет тему: — Знаешь, ты меня удивил этой записью «Слоббербоун». — Он не может назвать услышанное песней. Какая уж тут песня, если вокалист просто выкрикивает слова. — Она хороша.

— Запись делает лидер-гитарист, — отвечает Генри. — Играет просто здорово. Обычно приходится довольствоваться гораздо меньшим. — Он опускает стекло, высовывается в туман, потом — назад в кабину. Добавляет будничным голосом: — Весь город воняет.

— Это туман. Тащит с реки всякую гадость.

— Нет, — все тот же будничный голос. — Это смерть. Я ее чую, и ты, думаю, тоже. Только, возможно, не носом.

— Чую, — признает Джек.

— Поттер — не Рыбак.

— Думаю, нет.

---

[1] Affirmative — согласен (*фр.*).

— Человек, которого видел Райлсбек...

— Я почти на все сто уверен, что Райлсбек видел Рыбака.

Какое-то время они едут молча.

— Генри?

— Affirmative.

— Какой альбом ты считаешь лучшим? Лучший альбом и лучшая песня?

Генри задумывается:

— Ты понимаешь, что вопрос этот очень личный?

— Да.

Прежде чем ответить, Генри вновь держит паузу.

— «Стардаст», возможно. Хоуджи Кармайкла[1]. А для тебя?

Мужчина за рулем задумывается, возвращается в далекое прошлое, когда ему шесть и он — Джеки. Его отец и дядя Морган — поклонники джаза, у матери — более простые вкусы. Он помнит, как одним бесконечным лос-анджелесским летом она крутила на проигрывателе одну и ту же песню, сидела у окна и курила. «Кто это поет?» — спрашивает Джек, и мать отвечает: «Пэтси Клайн[2]. Она погибла в авиакатастрофе».

— «Крейзи армз», — отвечает Джек. — В исполнении Пэтси Клайн. Написана Ральфом Мони и Чаком Силзом. Лучшая пластинка. Лучшая песня.

Генри больше не произносит ни слова. У Джека — слезы на глазах.

Генри чует слезы.

А теперь давайте взглянем на ситуацию шире, как любят говаривать политики. Мы это просто должны сделать, потому что события начинают накладываться друг на друга. Нюхач и Громобойная пятерка уже подъезжают

---

[1] Кармайкл, Хоуджи (1899—1981) — известный певец, пианист, композитор. Альбом «Стардаст роуд» вышел в 1982 г.

[2] Клайн, Пэтси (1932—1975), настоящее имя Вирджиния Паттерсон Хенксли — известная американская певица.

к автостоянке у полицейского участка со стороны Саммер-стрит, тогда как Дейл, Том Лунд и Бобби Дюлак, все в бронежилетах, паркуют свои машины во втором ряду у таверны «Лакиз». Они паркуются на проезжей части, потому что Дейлу нужно больше свободного места, чтобы пошире распахнуть заднюю дверцу патрульной машины и как можно быстрее загрузить в нее Джорджа Поттера. Дит Джесперсон и Дэнни Щеда уже в отеле «Нельсон», где должны опечатать номер 314 желтой лентой. Потом им приказано привезти Энди Райлсбека и Морти Файна в полицейский участок. В самом участке Эрни Терье звонит детективам УПВ Брауну и Блэку, которые приедут уже после ареста. Если они и разозлятся, невелика беда. В баре «Сэнд» Тэнзи Френо с мертвыми глазами только выдернула из розетки штепсель музыкального автомата, заглушив «Уоллфлауэрз».

— Слушайте меня, все! — кричит она не своим голосом. — Они его взяли! Они взяли этого сукина сына, который убивает детей! Его фамилия — Поттер! К полуночи его отправят в Мэдисон и, если мы ничего не сделаем, какой-нибудь умный адвокат вытащит его из тюрьмы к следующему понедельнику! КТО ХОЧЕТ ПОМОЧЬ МНЕ ЧТО-ТО СДЕЛАТЬ?

Через мгновение тишина сменяется ревом. Пьяные, обкуренные, обколотые завсегдатаи бара «Сэнд» точно знают, что они хотят сделать. Джек и Генри тем временем прибывают на автостоянку у полицейского участка, буквально следом за Громобойной пятеркой, которые уже поставили свои «харлеи» рядом с «толстяком» Дока. Стоянка быстро заполняется, главным образом личными автомобилями копов. Сообщение о грядущем аресте распространяется со скоростью степного пожара. В самом участке один из подчиненных Дейла, кто именно, значения не имеет, замечает синий сотовый телефон, с которого Док звонил от «Лакиз». Коп хватает его и ныряет в небольшую комнатушку, на двери которой табличка: «СКЛАД ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ».

В гостинице «Дуб», где он обосновался на время поисков Рыбака, Уэнделл Грин методично и целенаправленно напивается. Несмотря на три двойных виски, шею саднит в том месте, где ее чуть не перерезал кожаный ремешок фотоаппарата, который сорвал с него этот говнюк байкер. После удара Голливуда ноет и живот. Но больше всего пострадали его гордость и чековая книжка. Сойер спрятал вещественные улики, в этом сомнений нет. Уэнделл наполовину уверен, что Сойер и есть Рыбак... но как он может это доказать без пленки? Когда бармен говорит, что его просят к телефону, он едва не советует засунуть трубку себе в задницу. Однако он профессионал, черт побери, профессиональная газетная ищейка, поэтому подходит к стойке и берет трубку.

— Грин, — рычит *он*.

— Привет, засранец, — отвечает ему коп по синему сотовому телефону. Уэнделл еще не знает, что это коп, думает, это какой-то мерзавец, который мешает ему хорошо провести время в компании виски. — Хочешь для разнообразия напечатать благую весть?

— Благие вести не способствуют росту тиража, приятель.

— Эта поспособствует. Мы его поймали.

— Что? — Несмотря на три двойных виски, Уэнделл Грин становится самым трезвым человеком на всей планете.

— Я что, заикаюсь? — Собеседник определенно измывается над Грином, но тому без разницы. — Мы поймали Рыбака. Не детективы из полицейского управления, не федеральщики — мы. Зовут Джордж Поттер. Семьдесят с небольшим. Вышедший на пенсию строитель. У него нашли поляроидные фотографии трех убитых детей. Если поспешишь, может, и успеешь сфотографировать Дейла, ведущего его в участок.

Грин сразу понимает, какой ему дают шанс. Такой снимок может стоить в пять раз больше фотографии трупа Ирмы Френо, потому что к нему проявят интерес уже

не таблоиды, а респектабельные издания. И телевидение! И еще: а если кто-нибудь застрелит мерзавца, когда его будут заводить в полицейский участок? Учитывая царящее в городе настроение, вероятность такого развития событий очень даже велика. Перед мысленным взором Уэнделла возникает фотография Ли Харви Освальда, схватившегося за живот, с раззявленным в предсмертном крике ртом.

— Кто ты? — бормочет он.

— Большой друг прессы, — отвечают ему, и в трубке раздаются гудки отбоя.

В таверне «Лакиз» Пэтти Лавлесс сообщает посетителям (возрастом они постарше, чем в баре «Сэнд», и не интересуются субстанциями, заменяющими алкоголь), что она не может получить удовлетворения и ее трактор больше не пашет. Джордж Поттер доел спагетти, аккуратно сложил салфетку (на нее таки попала капелька соуса) и принялся за пиво. Сидит Поттер за музыкальным автоматом, совсем близко. Потому и не замечает, что зал заметно притих, когда в таверну зашли трое мужчин в полицейской форме, с оружием в руках и, судя по габаритам, в бронежилетах.

— Джордж Поттер? — слышит он чей-то голос и поднимает голову. В одной руке у него стакан, в другой — графин с пивом.

— Да, а что? — спрашивает он, и тут же его хватают за руки и плечи и сдергивают со стула. Коленями он задевает стол, тот переворачивается, тарелка с графином летят на пол. Тарелка разбивается, графин, изготовленный из более прочного материала, — нет. Кричит женщина. Мужской голос уважительно комментирует происходящее: «Вау!»

Поттер еще сжимает пальцами наполовину наполненный стакан, но Том Лунд вышибает из его руки потенциальное оружие. Секундой позже Дейл Гилбертсон защелкивает на запястьях Поттера наручники, думая, что

никогда в жизни не слышал более ласкающего слух звука. Его трактор наконец-то запахал.

Операция проходит совсем не так, как в «Закусим у Эда», — без сучка и задоринки. Менее чем через десять секунд после вопроса Дейла: «Джордж Поттер?» — подозреваемого выводят за дверь в густой туман. Том держит его за один локоть, Бобби — за другой. Дейл все еще скороговоркой зачитывает Поттеру права Миранды, а ноги задержанного едва касаются земли.

Джека Сойера распирает энергия, такое с ним впервые с того самого момента, как он, двенадцатилетний, возвращался из Калифорнии на «кадиллаке эльдорадо», за рулем которого сидел вервольф. Он знает, что ему придется заплатить достаточно высокую цену за этот энергетический выброс, но надеется, что сможет, закусив губу, выдержать наложенное на него наказание. Потому что в сравнении с настоящим вся его взрослая жизнь кажется серой рутиной.

Он стоит рядом с пикапом, смотрит через окно на Генри. Воздух влажный, но уже вибрирует от напряжения. Ему кажется, еще чуть-чуть — и между фонарями стоянки начнут змеиться молнии.

— Генри.

— Affirmative.

— Ты знаешь псалом «Изумительная благодать»?

— Разумеется. Все знают псалом «Изумительная благодать».

— «Господь отверзает очи слепым»[1], — цитирует Джек. — Теперь я это понимаю.

Генри поворачивает к нему слепое, удивительно интеллигентное лицо. Он улыбается. Более доброжелательную улыбку Джек видел только раз. Пальма первенства по-прежнему принадлежит Волку, верному другу в стран-

[1] Псалом 145, абзац 8.

ствиях, которые выпали на его долю в двенадцатую осень жизни. Дружище Волк, который любил, чтобы все было прямо здесь и сейчас.

— Ты вернулся, так?

Стоя на асфальте автостоянки, наш добрый друг широко улыбается.

— Джек вернулся, это точно.

— Тогда делай то, ради чего вернулся, — говорит ему Генри.

— Я хочу, чтобы ты поднял стекло.

— И ничего бы не услышал? Благодарю покорно, — возражает Генри.

Приезжают новые копы, на этот раз на первой машине перемигиваются «маячки», подвывает сирена. Джек улавливает в этих завываниях праздничную ноту и приходит к выводу, что у него нет времени спорить с Генри насчет стекла в кабине «доджа».

Он направляется к двери черного хода полицейского участка. Две сине-белые арки отбрасывают на туман две его тени, одна падает на север, другая — на юг.

Занятые неполный рабочий день копы, Хольц и Нестлер, останавливают свою патрульную машину впритык *к той, в которой приехали* Гилбертсон, Лунд, Дюлак и Поттер. Конечно же, Нестлер и Хольц нас нисколько не интересуют. В третьей машине Джесперсон и Щеда, на *заднем сиденье — Райлсбек* и Мортон Файн (Морти жалуется, что некуда поставить ноги). Райлсбек нам небезразличен, но он может подождать. За патрульными машинами (это любопытно, но, пожалуй, неудивительно) на автостоянку сворачивает красная, с многочисленными вмятинами «тойота» Уэнделла Грина. За рулем, понятное дело, сам журналист. На шее — новый фотоаппарат, верная и надежная «Минолта», которая будет снимать, пока палец Уэнделла не оторвется от кнопки спуска. Из бара «Сэнд» пока еще никто не приехал, но на и без того заполненной автостоянке стоит посторонний автомобиль. Это неприметный зеленый «сааб» с наклейками «ВЛАСТЬ

ПОЛИЦИИ» на левой стороне переднего бампера и «НЕТ НАРКОТИКАМ» — на правой. За рулем «сааба», полный решимости выполнить свой долг (каким бы он ни был), Арнольд «Бешеный Мадьяр» Храбовски.

Вдоль кирпичной стены полицейского участка выстроилась Громобойная пятерка. Все в одинаковых джинсовых жилетках с золотой цифрой «5» над сердцем. У каждого мускулистые руки скрещены на груди. У Дока, Кайзера Билла и Сонни волосы забраны в хвост. У Мышонка — заплетены в косичку, у Нюхача — падают на плечи, отчего Джеку кажется, что Нюхач похож на Боба Сигера в период расцвета. В ушах — пирс. На огромных бицепсах — татуировки.

— Арман Сен-Пьер. — Джек обращается к байкеру, стоящему у самой двери. — Джек Сойер. Мы встречались у «Эда». — Он протягивает руку и не удивляется тому, что Нюхач только смотрит на него. Джек все так же дружелюбно улыбается. — Там вы очень помогли. Спасибо.

Нюхач не реагирует.

— Как вы думаете, могут возникнуть проблемы с доставкой арестованного в участок? — спрашивает Джек. Тем же тоном он мог поинтересоваться мнением Нюхача, пойдет или нет дождь до полуночи.

Нюхач наблюдает, как Дейл, Бобби и Том помогают Джорджу Поттеру слезть с заднего сиденья и ведут его к двери черного хода. Уэнделл Грин поднимает фотоаппарат к лицу, и тут же его чуть не сбивает с ног Дэнни Щеда, даже не удостоив взгляда, только потому, что репортер мешается под ногами.

— Поосторожнее, урод, — шипит Уэнделл.

Нюхач наконец-то бросает на Джека короткий, холодный взгляд.

— Поглядим, как все обернется, — цедит он.

— Действительно, поглядим, — соглашается Джек. Голос его просто звенит от радости. Он протискивается к стене между Мышонком и Кайзером Биллом: Громобойная

пятерка плюс Один. Чувствуя, что он их не боится, оба здоровяка считают возможным подвинуться. Джек скрещивает руки на груди. С жилеткой, пирсом и татуировками он бы точно сошел за своего.

Арестованный и охранники быстро сокращают расстояние от патрульной машины до полицейского участка. Но прежде чем они добираются до двери черного хода, Нюхач Сен-Пьер, духовный лидер Громобойной пятерки и отец Эми, чьи печень и язык съел убийца, загораживает им дорогу. Руки его по-прежнему сложены на груди. В ярком свете стояночных фонарей массивные бицепсы приобретают синий оттенок.

Бобби и Том на фоне Нюхача вдруг превращаются в нашкодивших мальчишек. Только Дейл пытается держаться уверенно. А Джек безмятежно улыбается, его скрещенные на груди руки отнюдь не бугрятся мышцами, как у Нюхача.

— Отойди с дороги, Нюхач, — говорит Дейл. — Я хочу посадить этого человека в камеру.

А что Джордж Поттер? Он потрясен? Смирился с неизбежным? То и другое? Трудно сказать. Но когда налитые кровью глаза Нюхача встречаются с карими глазами Поттера, последний не отводит взгляда. На автостоянке за спиной Поттера — напряженная тишина. Энди Райлсбек и Морти Файн, стоящие между Дэнни Щедой и Дитом Джесперсоном, глядят во все глаза. Уэнделл Грин поднимает фотоаппарат и, набрав полную грудь воздуху, задерживает дыхание, словно снайпер, поймавший в прицел (а это один-единственный шанс) главнокомандующего армии противника.

— Вы убили мою дочь? — спрашивает Нюхач. Вежливый вопрос звучит пострашнее дикого крика, и все вокруг замирают, затаив дыхание. Все ждут, тишину нарушает лишь полный печали гудок корабля, застигнутого туманом на реке.

— Сэр, я никогда никого не убивал, — отвечает Поттер. Говорит мягко и ровно. Его слова достигают сер-

дца Джека. Они произнесены с достоинством. Поттер словно говорит за всех напрасно обвиненных хороших людей.

— Отойди, Нюхач, — подает голос Джек. — Вам нужен другой человек.

И Нюхач, уверенность которого, что перед ним маньяк-убийца, заметно поколебалась, отступает в сторону.

Прежде чем арестованный и копы сдвигаются с места, тишину прорезает резкий, радостный вопль, конечно же, Уэнделла: «Эй! Эй, Рыбак! Улыбнись в объектив!»

Оборачиваются все, не только Поттер. Иначе нельзя, уж очень призывный крик. Фотовспышка освещает стоянку, потом вторая, третья, четвертая!

— Чтоб ты сдох! — рычит Дейл. — Парни, пошли! Джек! Джек, ты мне нужен!

— Дейл! Разобраться с этим подонком? — кричит кто-то из копов.

— Оставь его в покое! — отвечает Дейл и увлекает арестованного к двери. Только когда она закрывается за ним, Поттером, Джеком, Томом и Бобби, Дейл признается себе: он практически не сомневался, что Нюхач отобьет у него старика и свернет ему шею, как цыпленку.

— Дейл? — спрашивает Дебби Андерсон, вышедшая из дежурной части в коридор. — Все в порядке?

Дейл смотрит на Джека. Тот все улыбается, скрестив руки на груди.

— Думаю, что да, — отвечает он. — Пока.

Двадцать минут спустя Джек и Генри (этому джентльмену разрешили выйти из кабины и препроводили в полицейский участок) сидят в кабинете Дейла. Из дежурной части доносится гул разговоров и взрывы смеха: там собрались практически все копы. Можно подумать, что полиция Френч-Лэндинга встречает Новый год. Иной раз слышатся громкие шлепки: мальчики и девочки в синей форме хлопают друг друга по спинам и плечам. Скоро Дейл положит этому конец, но пока дает им возможность

снять напряжение. Он понимает их чувства, хотя сам уже думает о другом.

У Джорджа Поттера сняты отпечатки пальцев, он посажен в камеру наверху с предложением хорошенько подумать и во всем признаться. Детективы Браун и Блэк из управления полиции Висконсина уже едут в участок. В общем, этот этап закончен. Что же касается триумфа... улыбка его друга и рассеянный взгляд говорят, что триумф откладывается.

— Я не думал, что ты предоставишь Нюхачу шанс, — говорит Джек. — И хорошо, что предоставил. Если бы ты попытался применить силу, могли возникнуть серьезные осложнения.

— Полагаю, этим вечером я лучше понимал его чувства, — отвечает Дейл. — Так уж вышло, что я сам не мог найти сына и перепугался до смерти.

— Дэвида? — Генри наклоняется вперед. — С ним все в порядке?

— Да, дядя Генри. Тревога была ложной.

Дейл поворачивается к мужчине, который теперь живет в доме его отца. Он помнит тот миг, когда Джек впервые увидел Торнберга Киндерлинга. К тому времени они были знакомы чуть больше недели. Этого времени хватило, чтобы сформировать первое мнение о Джеке, но он еще не понял, что жизнь столкнула его с экстраординарной личностью. В тот день Дженна Мэссенгейл из «Гриль-бара» рассказала Джеку о привычке подвыпившего Киндерлинга зажимать ноздри пальцами, выставляя вперед ладонь.

Они только вернулись в полицейский участок после разговора с Дженной, на автомобиле Дейла, и он коснулся плеча Джека, когда тот собрался вылезти из кабины. «Назови имя, и ты увидишь лицо этого человека еще до ужина, как любила говорить моя мать». Он указал на Вторую улицу, где широкоплечий лысый мужчина как раз вышел из табачного магазина с газетой под мышкой и пачкой сигарет в руке.

— Торнберг Киндерлинг собственной персоной.

Джек наклонился вперед, и ни до, ни после Дейлу не доводилось видеть более острого (и, возможно, безжалостного) взгляда.

— Ты хочешь подойти к нему? — спросил Дейл.

— Нет. Тихо.

Джек просто сидел в машине Дейла, одной ногой в кабине, второй — касаясь асфальта, его глаза превратились в щелочки. Вроде бы, так показалось Дейлу, даже не дышал. Наблюдал, как Киндерлинг открывает пачку сигарет, достает одну, сует в рот, закуривает. Наблюдал, как Киндерлинг бросает взгляд на заголовок первой полосы, а потом неспешно идет к своему автомобилю, внедорожнику «субару». Наблюдал, как садится за руль. Наблюдал, как отъезжает. Тут Дейл понял, что *и он сам все это время* не дышал.

— Ну? — спросил он, когда «субару» Киндерлинга скрылся из виду. — Что скажешь?

И Джек сказал: «Думаю, это он».

Только Дейл понимал, что Джек кривит душой. Правильный ответ и тогда не составлял для него тайны. Джек сказал «думаю», потому что он и Дейл Гилбертсон, начальник полиции Френч-Лэндинга, штат Висконсин, только знакомились, притирались друг к другу. А подразумевал он другое — «знаю». И хотя такого просто не могло быть, Дейл ему поверил.

Вот и теперь, сидя напротив Джека, которому доверяет, как Господу Богу, Дейл спрашивает:

— Что ты думаешь? Это его рук дело?

— Да перестань, Дейл, откуда мне...

— Не трать попусту мое время, Джек, потому что эти говнюки из УПВ приедут с минуты на минуту и увезут Поттера далеко-далеко. Ты распознал в Киндерлинге убийцу, как только увидел его, а вас разделяло полквартала. Поттер, когда мы входили в участок, находился от тебя на расстоянии вытянутой руки. Ты мог пересчитать волоски в его ноздрях. Так что ты думаешь?

Джек отвечает коротко и прямо, более не пытаясь увильнуть:

— Нет. Поттер тут ни при чем. Поттер — не Рыбак.

Дейл знает, что Джек в этом уверен, знает по выражению его лица, но очень уж не хочется ему слышать такой ответ. Разочарованный, он откидывается на спинку стула.

— Дедукция или интуиция? — любопытствует Генри.

— И то и другое, — отвечает Джек. — Дейл, не смотри на меня так, будто я обидел твою мать. Возможно, ключ у тебя в руках.

— Райлсбек?

Джек неопределенно машет рукой: может — да, может — нет.

— Райлсбек скорее всего видел только то, что Рыбак хотел ему показать... хотя один шлепанец — это любопытно, и я хочу поговорить об этом с Райлсбеком. Но если мистер Один Шлепанец был Рыбаком, почему он навел Райлсбека и нас на Поттера?

— Чтобы сбить со своего следа, — предполагает Дейл.

— А разве мы шли по его следу? — вежливо спрашивает Джек и, не слыша ответа Дейла, продолжает: — Но, допустим, он думает, что мы вышли на его след. В принципе, я могу с этим согласиться, особенно если он вспомнил о какой-нибудь допущенной ошибке.

— Отпечатки пальцев с телефона около магазина «С семи до одиннадцати» ничего нам не дали, если ты об этом, — замечает Дейл.

Джек пропускает его слова мимо ушей. Взгляд его устремлен в далекое далеко. Потом на лице вновь появляется легкая улыбка. Дейл переводит взгляд на Генри: тот смотрит на Джека. Улыбка дяди яснее слов, в ней облегчение и радость. «Вы только посмотрите, — думает Дейл. — Он делает то, ради чего и появился на этот свет. Клянусь Богом, это видит даже слепой».

— Почему Поттер? — наконец нарушает затянувшуюся паузу Джек. — Почему не один из Громобойной пятерки?

Почему не индус из магазина «С семи до одиннадцати»? Почему не Ардис Уокер из спортивного магазина? Почему не преподобный Ховдал? Какой мотив обычно лежит на поверхности, если кого-то подставляют под удар?

Дейл обдумывает вопрос.

— Желание поквитаться. Месть.

В дежурной части звонит телефон.

— Тихо, тихо! — кричит Эрни на остальных. — Вспомните на тридцать секунд, что вы в полицейском участке.

Джек тем временем кивает:

— Думаю, мне нужно задать Поттеру несколько вопросов.

На лице Дейла отражается тревога.

— Тогда займись этим сейчас же, пока Браун и Блэк... — Он замолкает, хмурится, наклоняет голову. Его внимание привлек какой-то рокот. Пока он едва слышен, но нарастает. — Дядя Генри, что это?

— Автомобильные двигатели, — не задумываясь, отвечает Генри. — Много. К востоку отсюда, но движутся к нам. Пока на окраине города. Похоже, надо ждать гостей.

И тут же из дежурной части доносится крик Эрни Терье: «О-о-о, твою мать!»

Дит Джесперсон: «Что?..»

Эрни: «Позови чифа. Да ладно, я сам...» — Стук в дверь, и Эрни переступает порог. Как всегда, собран, подтянут, но щеки под летним загаром заметно побледнели. На лбу пульсирует вена.

— Чиф, мне только что позвонили по линии 911. Двадцать — это бар «Сэнд»?

— Чертова дыра, — бормочет Дейл.

— Звонил бармен. Говорит, что пятьдесят-семьдесят человек направляются сюда.

Шум автомобильных двигателей значительно усилился. Генри кажется, что он попал на гонку «Инди 500» аккурат перед тем, когда пейс-кар уходит с трассы и опускаются клетчатые флаги.

— Больше ничего не говори. Чего еще мне не хватает до полного счастья? Дай подумать. Они едут за моим арестантом.

— Да, сэр, так бармен и сказал, — подтверждает Эрни. За его спиной молча стоят другие копы. Только теперь Дейл копов в них не видит. Вместо лиц — белые пятна (впрочем, два черных, Пэм Стивенс и Боб Хольц). Шум автомобильных двигателей нарастает. — Бармен сказал кое-что еще. Вас, возможно, заинтересует.

— Господи, что?

— Сказал, что... — Эрни ищет синоним слову «толпа». — Группу протеста возглавляет мать Ирмы Френо.

— Боже мой, — выдыхает Дейл, бросает на Джека панический взгляд, взгляд человека, который знает, что ему снится сон, но никак не может проснуться. — Джек, если я потеряю Поттера, завтра утром Френч-Лэндинг станет главной новостью на Си-эн-эн.

Джек открывает рот, чтобы ответить, но в его кармане вдруг начинает трезвонить сотовый.

Генри Лайден тут же складывает руки на груди, кисти сует под мышки.

— Только не давай его мне. Сотовые телефоны вызывают рак. В этом у нас разногласий нет.

Дейл уже вышел из кабинета. Пока Джек достает сотовый (решив, что какой-то кретин выбрал именно этот момент, чтобы узнать, какую телекомпанию он считает лучшей), Генри идет за племянником, на этот раз выставив руки перед собой, пальцами ощупывая воздух, движение которого рассказывает ему о возможных препятствиях. Джек слышит предупреждение Дейла: тот, кто достанет оружие, тут же будет отстранен от службы, как Арнольд Храбовски. Мысль у Джека одна: никто не должен добраться до Поттера до того, как он, Джек Сойер, сможет задать ему несколько ключевых вопросов. Никто. Он откидывает мембрану и говорит:

— Кто бы вы ни были, сейчас не время. У нас...

— Привет, Странник Джек, — отвечает ему голос из телефона, и Джек Сойер сразу становится на двадцать лет моложе.

— Спиди?

— Он самый, — отвечает Спиди. Он не тянет слова. Тон резкий, деловой. — Скажу тебе как один копписмен — другому, сынок, я думаю, тебе надо заглянуть в личную ванную чифа Гилбертсона. Немедленно.

К полицейскому участку подъезжает столько автомобилей, что от рева моторов дрожит здание. У Джека нехорошее предчувствие. С того самого момента, как Эрни сказал, кто возглавляет это шествие.

— Спиди, у меня нет времени, чтобы заглядывать в ванную...

— У тебя нет времени, чтобы заглядывать куда-то еще, — обрубает Спиди. Только другим голосом. Крутого парня по фамилии Паркус. — Что найдешь там, сможешь использовать дважды. Но если первый раз не воспользуешься достаточно быстро, до второго не дойдет. Потому что этого человека вздернут на фонарном столбе.

И все, конец связи.

В завсегдатаях бара «Сэнд», которых Тэнзи вывела на автостоянку, напрочь отсутствовала карнавальная веселость, та, что была у тех, кто явился поглазеть на груды детских трупов в развалинах «Закусим у Эда». И хотя среди коротавших вечер в баре «Сэнд» хватало зевак, утром отметившихся на шоссе у закусочной, все они направляются к своим легковушкам и пикапам с суровыми, даже мрачными лицами, словно едут на похороны. Только отводят себе роль не столько скорбящих, сколько гробовщиков. Тэнзи получила от Горга большую дозу сильнодействующего яда и сумела поделиться им с остальными.

Из-за пояса ее джинсов торчит одно-единственное вороново перо.

Дудлс Сангер берет Тэнзи за руку и увлекает к пикапу «интернешнл харвестер» Тедди Ранкелмана. Тэнзи хочет залезть в кузов, там уже двое мужчин и дородная женщина в белом фартуке официантки, но Дудлс подводит ее к кабине.

— Нет, сладенькая. Ты поедешь здесь. Так тебе будет удобнее.

Дудлс хочет ехать в кузове. Она кое-что заметила и знает, что с этим надо сделать. Руки у Дудлс шустрые, в этом ей не откажешь.

Сентралия далеко от реки, туман там не такой густой, но после того, как два десятка легковушек и пикапов выезжают со стоянки, следуя за ржавым, помятым, с одной фарой «И.Х.» Тедди Ранкелмана, бар тут же исчезает из виду. В зале осталось с полдюжины человек, которые не откликнулись на страстный призыв Тэнзи. Один из них — Вонючий Сыр. Бармен. Он никуда не едет только потому, что не может оставить без пригляда солидные запасы спиртного. Так что по линии 911 он звонит из зависти. Ему самому этого захватывающего зрелища не видать, как своих ушей, вот он и хочет лишить этого других.

Двадцать автомобилей покидают бар «Сэнд». К тому времени, как караван добирается до съезда с шоссе, ведущему к развалинам «Закусим у Эда» (он перегорожен желтой полицейской лентой), и щита с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» у заросшего травой проселка, ведущего к давно забытому дому (этот проселок никто ничем не перегораживал, никого он не интересует), число автомобилей переваливает за тридцать. За «Гольцем» эта цифра увеличивается до пятидесяти, у магазина «С семи до одиннадцати» — до восьмидесяти. В них едет никак не меньше двухсот пятидесяти человек. Причина тому — широкое распространение сотовых телефонов.

Тедди Ранкелман, на удивление молчаливый (он боится бледной женщины, которая сидит рядом, с ощерившимся ртом и широко раскрытыми, немигающими глазами), останавливает свой пикап у въезда на стоянку ПУФЛ.

Эта часть Самнер-стрит расположена на склоне холма, поэтому он ставит пикап на ручник. Другие машины останавливаются позади, в несколько рядов, перегораживая мостовую, ревя двигателями (спасибо прогоревшим глушителям). Несфокусированные фары подсвечивают белый туман. Речная сырость смешивается с запахами выхлопных газов и горячего моторного масла. Никто ни с кем не разговаривает. Не перекрикивается. Не издает диких воплей. Не та ситуация. Это понятно всем и каждому. Вновь прибывшие сбиваются в группки у автомобилей, которые их привезли, наблюдая, как люди спрыгивают на землю из кузова пикапа Тедди, как Тедди обходит машину, открывает дверцу со стороны пассажирского сиденья, внимательный, как молодой человек, привезший свою даму на танцы, как помогает сойти на землю худенькой женщине, которая потеряла дочь. Туман вокруг нее словно электризуется, силуэт движется в световом ореоле. При виде ее по толпе прокатывается шелест. Она связывает их воедино. Тэнзи Френо из тех, кто сразу забывается. Даже Увалень Френо забыл ее, сбежав в Грин-Бэй. Только Ирма помнила о ней, Ирма любила ее, и вот теперь Ирма мертва. Девочка не может видеть (если, конечно, не смотрит на происходящее с небес, а такая мысль мелькает в дальнем уголке рассудка Тэнзи), что ее мать внезапно привлекла всеобщее внимание. Тэнзи Френо в этот вечер завоевала глаза и сердце Френч-Лэндинга. Не рассудок, потому что временно Френч-Лэндинг лишился рассудка, но глаза и сердце. И вот теперь легкой, как в девичестве, походкой Дудлс Сангер приближается к женщине, ставшей на этот час всеобщим кумиром. В кузове пикапа Тедди Дудлс увидела веревку, грязную, замасленную, но достаточно толстую, чтобы выдержать вес человеческого тела. По пути в город ловкие пальцы Дудлс завязали петлю. Теперь она передает веревку Тэнзи, которая поднимает ее над головой.

По толпе вновь пролетает шелест.

С поднятой веревкой, как женщина-Диоген в поисках честного человека, а не людоеда, которого хочется линче-

вать, Тэнзи, такая миниатюрная в джинсах и измазанной кровью футболке, заходит на автостоянку. Тедди, Дудлс и Фредди Сакнессам идут за ней по пятам, остальные — следом. Они накатывают на здание полицейского участка, как волна прилива.

Пятеро байкеров по-прежнему стоят у кирпичной стены со сложенными на груди руками.

— И что мы будем делать? — спрашивает Мышонок.

— Насчет тебя не знаю, — отвечает Нюхач, — но я собираюсь стоять, пока они не схватят меня, а так скорее всего и будет. — Он смотрит на женщину, которая держит петлю в поднятой руке. Он — большой мальчик, и ему довелось побывать во многих передрягах, но эта крошка пугает его огромными, пустыми глазами, глазами статуи. И что-то торчит у нее из-за пояса. Что-то темное. Нож? Кинжал? — И я не собираюсь сопротивляться, потому что бесполезно.

— Они запрут дверь, да? — нервно спрашивает Док. — Я хочу сказать, копы запрут дверь?

— Полагаю, что да. — Нюхач не отрывает глаз от Тэнзи Френо. — Но если этим людям нужен Поттер, они до него доберутся. Ты только посмотри. Их же не меньше двухсот.

Тэнзи останавливается с поднятой к небу петлей.

— Выведите его. — Голос ее громче, чем может быть, словно какой-то умелый врач имплантировал усилитель в ее горло. — Выведите его. Отдайте нам убийцу!

— Выведите его! — это Дудлс.

— Отдайте нам убийцу! — это Тедди.

— Выведите его! Отдайте нам убийцу! — это Фредди.

Подключаются и остальные. Прямо-таки саундтрек передачи Джорджа Рэтбана. Только вместо «Блокируй этот проход!» или «За Висконсин!» они кричат: «ВЫВЕДИТЕ ЕГО! ОТДАЙТЕ НАМ УБИЙЦУ!»

— Они его выдадут, — бормочет Нюхач. Поворачивается к своим бойцам, глаза яростные и испуганные. На широком лбу большущие капли пота. — Когда она их разогреет, то пойдет вперед, а они — следом. Не бегите, даже не убирайте руки с груди. Если они схватят вас, не

сопротивляйтесь. Если хотите увидеть завтрашний рассвет, не сопротивляйтесь!

Люди стоят по колено в тумане, словно в скисшем молоке, и скандируют: «ВЫВЕДИТЕ ЕГО! ОТДАЙТЕ НАМ УБИЙЦУ!»

Уэнделл Грин скандирует вместе со всеми, но не забывает и фотографировать.

Потому что, черт побери, это та сенсация, которую он ждал всю жизнь.

Из-за двери за спиной Нюхача слышится щелчок. «Да, они заперлись, — думает он. — Как будто это поможет».

Но он слышал звук отодвигаемой задвижки, а не запираемого замка. Дверь открывается. Из нее выходит Джек Сойер. Проходит мимо Нюхача, не взглянув на него, не отреагировав на его бормотание: «Эй, парень, я бы к ней не подходил».

Джек медленно, но без колебаний ступает на ничейную землю между зданием полицейского участка и толпой, которой верховодит женщина, своеобразная статуя Свободы, только вместо факела в руке у нее веревочная петля палача. В аккуратной серой рубашке без воротника и темных брюках, Джек выглядит кавалером из старого романтического фильма, приближающимся к даме, чтобы просить ее руки. Впечатление усиливается цветами, которые он держит в руке. Это те самые белые цветы, что Спиди оставил на раковине в ванной Дейла, букет благоухающих белых цветов.

Лилии, но не простые, а из Долин. Спиди не объяснил, что с ними делать, но Джек и так все знает.

Толпа замолкает. Только Тэнзи, затерянная в мире, созданном для нее Горгом, продолжает скандировать: «Выведите его! Отдайте нам убийцу!» Она замолкает, как только Джек подходит к ней вплотную, и он не тешит себя надеждой, что на нее произвели впечатление его симпатичное лицо или широкие плечи. Причина — аромат

цветов, сладкий, нежный аромат, полная противоположность вони гниющего мяса, которой пропитался воздух в развалинах «Закусим у Эда».

Ее глаза проясняются... хоть слегка.

— Выведите его, — говорит она Джеку. Вроде бы с вопросительной интонацией.

— Нет, — отвечает он, и голос его переполнен нежностью. — Нет, дорогая.

Дудлс Сангер, которая стоит за спиной Тэнзи, вдруг, впервые за двадцать лет, вспоминает отца, и по ее щекам катятся слезы.

— Выведите его, — молит Тэнзи. Теперь и ее глаза наполняются слезами. — Выведите монстра, который убил мою девочку.

— Если бы он сидел в участке, может, я бы его и вывел, — отвечает Джек. — Может, и вывел. — Хотя и знает, что никогда бы на такое не пошел. — Но человек, которого мы посадили в камеру, не тот, кто вам нужен. Не убийца.

— Но Горг сказал...

Это слово он знает. Одно из слов, что пыталась съесть Джуди. Джек, который сейчас не в Долинах, но и не в этом мире, протягивает руку и выхватывает вороново перо из-за пояса Тэнзи. — Это дал вам Горг?

— Да...

Джек разжимает пальцы, потом наступает на перо. На мгновение думает... знает... что перо злобно жужжит у него под подошвой, как наполовину раздавленная оса. Потом затихает.

— Горг лжет, Тэнзи. Кем бы ни был Горг, он лжет. Этот человек — не убийца.

Тэнзи испускает громкий вопль, роняет веревку. Толпа людей за спиной одновременно вздыхает.

Джек обнимает молодую женщину и вновь думает о том, с каким достоинством держался Джордж Поттер. Думает о всех заблудших, но несдавшихся, которым не суждено увидеть ни единого рассвета в Долинах. Рассвета, который мог бы осветить им путь.

Он прижимает Тэнзи к себе, вдыхая запахи пота, горя, безумия и кофе с коньяком.

— Я поймаю его ради вас, Тэнзи, — шепчет он ей в ухо.

Она замирает.

— Вы...

— Да.

— Вы обещаете?

— Да.

— Он — не тот?

— Нет, дорогая.

— Вы клянетесь?

Джек протягивает ей лилии:

— Могилой моей матери.

Она наклоняется к цветам, глубоко вдыхает их аромат. Когда поднимает голову, Джек видит, что исходящая от нее угроза исчезла, а вот безумие осталось. Ей больше не быть такой, как прежде. На нее наложили заклятие. Джеку хочется верить, что оно исчезнет после того, как удастся поймать Рыбака.

— Кто-то должен отвезти эту женщину домой, — говорит Джек тихо, буднично, но толпа слышит каждое его слово. — Она очень устала и переполнена скорбью.

— Я отвезу, — вызывается Дудлс. Ее щеки блестят от слез. — Я отвезу в пикапе Тедди, а если он не даст мне ключи, я вышибу ему последние зубы. Я...

И тут скандирование возобновляется, на этот раз из глубины толпы: «Выведите его! Отдайте нам убийцу! Отдайте нам Рыбака! Выведите Рыбака!» Поначалу голос один. Потом к нему присоединяются еще несколько.

— Черт, — вырывается у Нюхача, который по-прежнему стоит, прижавшись спиной к кирпичной стене. — Опять двадцать пять.

Джек запретил Дейлу выходить с ним на автомобильную стоянку, резонно сказав, что один только вид полицейской формы Дейла может вывести толпу из себя. Он не упомянул про маленький букет цветов, который дер-

жал в руке, да Дейл их и не заметил, потому что думал только об одном: как бы Поттер не стал жертвой первого в этом тысячелетии висконсинского суда Линча. Однако он проводил Джека до двери и по праву старшего занял место у глазка.

Остальные копы ПУФЛ остаются наверху, у окон дежурной части. Генри приказывает Бобби Дюлаку держать его в курсе событий. Даже тревожась за Джека (по прикидкам Генри, вероятность, что толпа растопчет или растерзает Джека, никак не меньше сорока процентов), Генри не может не улыбнуться тому, что Бобби, сам того не зная, ведет репортаж за Джорджа Рэтбана.

— Итак, Голливуд вышел на стоянку... приближается к женщине... не выказывает страха... толпа затихла... Джек и женщина вроде бы говорят... Святые тормоза, он дает ей букет цветов! Какой ловкий ход!

Ловкий ход — один из любимых спортивных терминов Джорджа Рэтбана: «Этот ловкий ход, предложенный «Пивной командой» прошлым вечером, не принес ей удачу в «Миллер-парке».

— Она бросает веревку! — радостно кричит Бобби. Хватает Генри за плечо, трясет. — Черт, я думаю, все кончено! Я думаю, Джек ее разубедил.

— Даже слепой видит, что Джек ее разубедил, — кивает Генри.

— И вовремя, — добавляет Бобби. — Подъезжает фургон Пятого канала и еще один, с оранжевой спутниковой антенной... думаю, «Фокс-Милуоки»... и...

«Выведите его! — раздается голос из толпы. Негодующий, возмущенный голос. — Отдайте нам убийцу! Отдайте нам Рыбака!»

— О не-е-е-т! — стонет Бобби вновь с интонациями Джорджа Рэтбана, сообщающего своей утренней аудитории, что еще одна попытка «Пивоваров» отпраздновать победу провалилась. — Только не теперь, не при телевизионщиках! Это...

«Выведите Рыбака!»

Генри уже знает, кто кричит. Даже через два слоя армированного стекла невозможно ошибиться. Этот пронзительный голос может принадлежать только одному человеку.

Уэнделл Грин прекрасно знает, в чем заключается его работа. Не надо думать, что не знает. Его работа — сообщать новости, анализировать новости, иногда фотографировать новости. А вот создавать новости — не его работа. Но в этот вечер он ничего не может с собой поделать. Второй раз за последние двенадцать часов ему в руки плывет сенсация, которая может прославить его во веки веков, и второй раз в последнюю секунду ее вырывают у него из рук.

— Выведите его! — вопит Уэнделл. Сила собственного голоса поначалу удивляет его, потом вдохновляет. — Отдайте нам убийцу! Отдайте нам Рыбака!

Ему вторят другие голоса. Он снова разогрел толпу!

Уэнделл выступает вперед, расправляет плечи, щеки его пылают, уверенность в собственных силах нарастает. Краем глаза он замечает медленно приближающийся сквозь толпу фургон Пятого канала. Скоро ярко вспыхнут, разгоняя туман, юпитеры. Скоро на него нацелятся объективы видеокамер. И что? Если женщина в заляпанной кровью футболке струсила идти до конца, чтобы отомстить за своего ребенка, он, Уэнделл Грин, сделает это за нее. Уэнделл Грин покажет всем пример гражданской ответственности! Уэнделл Грин, народный вожак!

Он поведет их за собой. Он... Яркие звезды вспыхивают перед глазами Уэнделла Грина. И тут же гаснут. Вместе со всеми уличными фонарями и окнами.

— АРНИ УДАРИЛ ЕГО РУЧНЫМ ФОНАРИКОМ! — кричит Бобби.

Он сгребает слепого дядю Дейла в охапку и кружит по дежурной части. Густой аромат «Аква велвы» окутывает Генри, и он знает, что Бобби собирается расцеловать его в

обе щеки, на французский манер, еще за секунду до того, как Бобби его целует. А когда Бобби возобновляет свой репортаж, то голосом он полностью имитирует интонации Джорджа Рэтбана в тех редких случаях, когда местным спортивным командам удается прыгнуть выше головы и взять верх над куда более сильными соперниками.

— Можете вы в это поверить, Бешеный Мадьяр ударил его ручным фонариком и... ГРИН ПАДАЕТ! ГРЕБАНЫЙ МАДЬЯР СШИБ С НОГ ВСЕМИ ЛЮБИМОГО ГОВНЮКА РЕПОРТЕРА! ОТЛИЧНО, ХРАБОВСКИ!

Вокруг копы хлопают в ладоши и радостно вопят. Дебби Андерсон запевает: «Мы — чемпионы», — другие голоса тут же присоединяются к ней.

«Странные дни наступили во Френч-Лэндинге», — думает Генри. Он стоит, засунув руки в карманы, улыбается, прислушивается к царящему вокруг бедламу. Улыбка не натянутая — он счастлив. Но на сердце тревожно. Он боится за Джека.

Вернее, боится за всех.

— Отличная работа, парень, — хвалит Нюхач Джека. — Как ты их уел.

— Спасибо, — кивает Джек.

— Я не собираюсь опять спрашивать, тот ли это человек. Раз ты сказал «нет», значит — нет. Но если мы сможем что-то сделать, чтобы помочь тебе поймать того, кто нам нужен, только позови нас.

Остальные члены Громобойной пятерки что-то согласно бурчат. Кайзер Билл дружески хлопает Джека по плечу. Скорее всего оставляя отметину-синяк.

— Спасибо, — повторяет Джек.

Дверь открывается до того, как он успевает постучать. Дейл крепко обнимает его. Джек чувствует, как часто бьется сердце Дейла.

— Ты спас мою задницу, — шепчет Дейл на ухо Джеку. — Все, что я могу для тебя...

— Можешь, — говорит Джек, заталкивая Дейла в дверь. — Я видел за фургонами телевизионщиков еще одну патрульную машину. Точно не уверен, но вроде бы синюю.

— О, — вырывается у Дейла.

— Ты прав. Мне нужно двадцать минут, чтобы поговорить с Поттером. Возможно, нам это ничего не даст, а может, позволит получить очень важную информацию. Ты сможешь не подпускать к Поттеру Брауна и Блэка двадцать минут?

Дейл мрачно улыбается:

— Считай, у тебя полчаса. Как минимум.

— Отлично. И пленка с записью разговора с Рыбаком по линии 911. Она у тебя?

— Вместе с остальными материалами мы передали ее Брауну и Блэку. Патрульный УПВ забрал все во второй половине дня.

— Дейл, нет!

— Не волнуйся, дружище. Копия в моем столе.

Джек хлопает его по плечу:

— Не надо меня так пугать.

— Извини, — отвечает Дейл, думая: «Видя, как ты выходил к толпе, я никогда не поверю, что тебя можно чем-то напугать».

Поднимаясь по лестнице, Джек вспоминает слова Спиди о том, что оставленным в ванной он сможет воспользоваться дважды... но цветы он отдал Тэнзи Френо. Черт. Потом он складывает ладони лодочкой, подносит к носу, вдыхает и улыбается.

Может, все-таки сможет воспользоваться дважды.

Глава 17

Джордж Поттер сидит на койке в третьей от двери камере, которые выстроились вдоль пропахшего мочой и дезинфицирующими средствами коридора. Смотрит на забранное решеткой окно, которое выходит на автостоянку, где только что бурлила толпа, да и теперь полно людей.

На звук приближающихся шагов Джека он не оборачивается.

По пути к камере Джек проходит две таблички. На одной надпись: «ОДИН ЗВОНОК ОЗНАЧАЕТ ОДИН ЗВОНОК». На второй «УТРЕННЯЯ ПОВЕРКА В СЕМЬ ЧАСОВ, ВЕЧЕРНЯЯ — В ВОСЕМЬ». Под табличками — запылившийся фонтанчик с питьевой водой и древний огнетушитель, над которым какой-то остряк повесил бирку с надписью: «ВЕСЕЛЯЩИЙ ГАЗ».

Джек добирается до нужной ему камеры и ключом от дома стучит по решетке. Поттер наконец-то отворачивается от окна. Джек, все еще сохраняя гипертрофированную остроту чувств, дарованную «прилипшим» к ладоням ароматом цветов из Долин, с одного взгляда узнает всю правду о сидящем перед ним человеке. Она читается в запавших глазах и темных мешках под ними, провалившихся щеках, вздувшихся на висках венах, заострившемся носе.

— Привет, мистер Поттер, — здоровается он. — Я хочу поговорить с вами, но нам надо спешить.

— Они приходили за мной, — отмечает Поттер.

— Да.

— Может, вам следовало выдать меня им. Еще три-четыре месяца, и я все равно выйду из игры.

В нагрудном кармане рубашки Джека лежит магнитный ключ-карточка, который ему дал Дейл, и Джек открывает им замок. Тут же начинает трезвонить звонок. Как только Джек вынимает карточку из щели, трезвон прекращается. Джек знает, что в дежурной части над табличкой с надписью «КПЗ №3» сейчас горит янтарная лампочка.

Он входит в камеру, садится на койку. Связку ключей он убрал в карман, чтобы металлический запах не забивал аромата лилий.

— Где он у вас угнездился?

Не спрашивая, откуда Джек узнал об этом, Поттер поднимает руку, кисть большая, плотницкая, и касается живота.

— Началось с желудка. Пять лет назад. Я принимал таблетки и делал уколы, как послушный мальчик. В Ла Ривьере. Но эта гадость... она расползается повсюду. Забирается в самые дальние уголки. Однажды я проблевался в собственной кровати, даже не зная об этом. Проснулся утром с блевотиной, подсыхающей на груди. Ты что-нибудь об этом знаешь, сынок?

— У моей матери был рак, — отвечает Джек. — Тогда мне было двенадцать. Потом она выздоровела.

— Прожила еще пять лет?

— Больше.

— Ей повезло, — вздыхает Поттер. — Но потом она умерла?

Джек кивает.

Кивает и Поттер. Они еще не друзья, но дело идет к этому. Таков уж подход Джека. Как прежде, так и теперь.

— Это дерьмо проникает внутрь и выжидает. По-моему, полностью избавиться от него невозможно. Во всяком случае, уколы бесполезны. Таблетки тоже. Кроме болеутоляющих. Я приехал сюда умирать.

— Почему? — Знать это Джеку не нужно, время на исходе, но так уж он ведет допрос и не собирается отступать от своих принципов из-за того, что пара не слишком умных детективов из полицейского управления Висконсина ждут внизу, чтобы забрать человека, которого он допрашивает. Дейлу придется найти способ задержать их, вот и все дела.

— Красивый небольшой городок. И река мне нравится. Я каждый день гуляю по берегу. Люблю смотреть, как солнечные лучи отражаются в воде. Иногда думаю о прежней работе... в Висконсине, Миннесоте, Иллинойсе... иногда ни о чем не думаю. Просто сижу на берегу и наслаждаюсь покоем.

— А чем вы занимались, мистер Поттер?

— Начинал плотником, совсем как Иисус. Стал строителем, почувствовал, что способен на большее. Когда такое происходит со строителем, он называет себя подрядчиком.

Я заработал тридцать четыре миллиона долларов, ездил на «кадиллаке», содержал любовницу, которая ублажала меня по пятницам. Очень милую молодую женщину. Никаких проблем не возникало. Потом все потерял. О чем жалею, так это о «кадиллаке». Больше, чем о женщине. Наконец, получив приговор, приехал сюда.

Он смотрит на Джека.

— Знаешь, о чем я, случается, думаю? Френч-Лэндинг ближе к лучшему миру, тому, где все приятно глазу и хорошо пахнет. Может, где люди тоже ведут себя лучше. *С местными я не общаюсь, я не из тех, кто легко заводит друзей,* но это не значит, что я ничего не воспринимаю. Мне даже пришла в голову мысль, что начинать вести себя прилично никогда не поздно. Думаешь, я сумасшедший?

— Нет, — отвечает Джек. — Собственно, я переехал сюда по той же причине. Расскажу, как было со мной. Вы знаете, если завесить окно тонким одеялом, солнце будет просвечивать сквозь него.

Джордж Поттер вскидывает на него внезапно вспыхнувшие глаза. Джеку даже не нужно заканчивать мысль, и это хорошо. Он настроился на волну собеседника, так происходит практически всегда, это его дар, так что пора переходить к делу.

— Так ты знаешь, — выдыхает Поттер.

Джек кивает.

— Вы знаете, почему вы здесь?

— Они думают, что я убил ребенка той женщины. — Поттер мотает головой в сторону окна. — Той, что держала в руке петлю. Я не убивал. Это я знаю.

— Ладно, тогда позвольте ввести вас в курс дела. Пожалуйста, слушайте внимательно.

Очень сжато Джек рассказывает о цепочке событий, в результате которых Поттер оказался в этой камере. Брови Поттера поднимаются все выше и выше, сцепленные узловатые руки сжимаются все сильнее.

— Райлсбек! — наконец восклицает он. — Мне следовало догадаться! Любопытный старый козел, всегда задает

вопросы, всегда спрашивает, не хочу ли я сыграть в карты или на бильярде. Все для того, чтобы задавать вопросы. Чертов проныра...

Джек дает ему выговориться: рак или не рак, Поттера очень уж резко вырвали из привычной обстановки, так что он просто должен выпустить пар. Если бы Джек сразу оборвал его, чтобы сэкономить время, на деле только бы его потерял. Трудно проявлять терпение (Как долго Дейл сможет водить за нос этих двух говнюков? Джек даже не хочет знать), но спешка может только помешать. Когда Поттер начинает расширять фронт боевых действий, перенося удар на Морти Файна и на приятеля Энди Райлсбека, Ирва Торнберри, Джек вновь берет инициативу в свои руки.

— Дело в том, мистер Поттер, что Райлсбек вошел в вашу комнату, следуя за каким-то человеком. Нет, даже не так. Райлсбека привели в вашу комнату.

Поттер не отвечает, смотрит на свои руки. Потом кивает. Он стар, он болен, и болезнь прогрессирует, но ума ему по-прежнему не занимать.

— И привел Райлсбека в вашу комнату тот самый человек, который оставил в стенном шкафу поляроидные фотографии убитых детей.

— Да, это логично. Но если у него были фотографии убитых детей, скорее всего он сам их и убил.

— Совершенно верно. Вот я и задался вопросом...

Поттер нетерпеливо машет рукой:

— Похоже, я знаю, каким вопросом ты задался. Кому в здешних краях захотелось увидеть чикагского Потси вздернутым на фонарном столбе. То ли за шею, то ли за яйца.

— Именно так.

— Не хочу тебя разочаровывать, но никого назвать не могу.

— Не можете? — Джек поднимает бровь. — Никогда не вели здесь дел? Не строили дом или комплекс для игры в гольф?

Поттер поднимает голову, улыбается Джеку.

— Разумеется, строил. Иначе откуда мне знать, что здесь так красиво? Особенно летом. Знаешь часть города, которая называется Либертивилль? Бывал на Камелот или Авалон-стрит?

Джек кивает.

— Я построил там половину домов. В семидесятых. Там был один тип... ловкач, которого я вроде бы знал по Чикаго... или думал, что знал... Он тоже занимался строительством? — Последний вопрос Поттера адресован Поттеру. Он качает головой. — Не могу вспомнить. Да и не важно. Тот человек был гораздо старше меня, должно быть, уже умер. Столько лет прошло.

Но Джек, который ведет допрос столь же виртуозно, как Джерри Ли Льюис когда-то играл на рояле, думает, что очень даже важно. Интуиция подсказывает ему, что тут надо копнуть глубже.

— Этот ловкач. Расскажите, что он делал?

В брошенном на Джека взгляде Поттера читается раздражение.

— В нашем бизнесе ловкач — человек, который знает людей со связями. Или человек, к которому иногда обращаются люди со связями. Ловкач, он и есть ловкач. К добропорядочным гражданам такие не принадлежат.

«Не принадлежат, — мысленно соглашается Джек, — но без ловкачей не было бы у тебя «кадиллака», любовницы и многого другого».

— А вам случалось быть таким вот ловкачом, Джордж? — спрашивает Джек, чтобы выйти на более доверительный уровень. Совершенно постороннему человеку такой вопрос не задашь.

— Возможно, — отвечает Поттер после долгой паузы. — Может, и случалось. В Чикаго. В Чикаго, чтобы получить хороший контракт, приходилось кое-кому почесывать спинку и класть кое-что в клювик. Я не знаю, как там сейчас, но тогда честный подрядчик оставался бедным подрядчиком. Понимаешь?

Джек кивает.

— Самым большим контрактом, который мне удалось заключить в Чикаго, стал подряд на строительство жилищного комплекса в Саут-Сайде. — С губ Поттера срывается смешок. В этот момент он не думает о раке, ложных обвинениях, линчевании, которого ему едва удалось избежать. Мыслями он в прошлом, где, возможно, и приходилось нарушать законы, но которое куда лучше настоящего: койки в камере, стального унитаза, раковой опухоли в животе.

— Это действительно был крупный контракт, я не шучу. Деньги предоставлял федеральный бюджет, но именно местные боссы решали, кто будет их тратить. Я и этот парень, мы оба пытались прийти к финишу...

Он замолкает, смотрит на Джека широко раскрытыми глазами:

— Срань господня, ты кто, волшебник?

— Не понимаю, о чем вы. Я же просто сижу.

— Этот парень приехал сюда. Тот самый, который...

— Что-то я не понимаю вас, Джордж, — отвечает Джек, но думает, что понимает. Сердце начинает учащенно биться, но внешне ничего не видно, как тогда, с барменшей, которая рассказала ему о привычке Киндерлинга.

— Наверное, это ерунда, — говорит Поттер. — У него могли быть причины не любить меня, но он давно уже умер. Будь он жив, ему бы далеко перевалило за восемьдесят.

— Расскажите мне о нем, — просит Джек.

— А что рассказывать? В Чикаго у него, должно быть, возникли серьезные неприятности, потому что здесь он объявился под другой фамилией.

— Когда вы увели у него из-под носа подряд на строительство жилого комплекса, Джордж?

Поттер улыбается, и по его зубам, которые практически вылезли из десен, Джек понимает, что встречи со смертью старику ждать недолго. По коже бегут мурашки, но он отвечает улыбкой. Так уж он ведет допрос.

— Раз уж мы говорим о подрядах и взятках, тебе лучше звать меня Потси.

— Хорошо, Потси. Так когда вы увели у него из-под носа этот подряд?

— Это было через год после того, как хиппи вошли в город, сцепились с полицией и подбили мэру глаз. Получается, в 1969 году. Так уж случилось, что я оказал главе строительного департамента серьезную услугу. И еще одной старухе, которая имела немалый вес в Независимой комиссии по строительству, учрежденной мэром Дейли. Поэтому я располагал конфиденциальной информацией и на тендере предложил наилучшие условия. Мой соперник тоже не был новичком в этом деле, обладал большими связями, наверняка положил немало усилий, чтобы победить, но в тот раз я взял верх.

Он улыбается. Появляются зубы, наводящие на грустные мысли, потом исчезают.

— Его предложение? То ли потерялось, то ли поступило слишком поздно. Не повезло. Подряд получил Чикагский Потси. Потом, четыре года спустя, этот парень всплыл здесь, попытался получить подряд на строительство Либертивилля. Только на этот раз я побил его чисто. Без всяких взяток. Через неделю после подписания контракта случайно столкнулся с ним в баре отеля «Нельсон». «Ты — тот парень из Чикаго», — говорит он. «В Чикаго много парней», — отвечаю я. Он испугался. Я это чуял. Тогда я был большим и сильным, мог при необходимости крепко врезать, но в тот момент расслабился. После стаканчика-другого всегда расслаблялся.

«Да, в Чикаго много парней, но только один разорил меня. Я не могу этого забыть, Потси, и я злопамятный».

— В другое время, с другим человеком я бы, возможно, спросил, что будет с его памятью, если он крепко стукнется головой об пол, но с этим я предпочел промолчать. Больше мы не разговаривали. Он вышел. Я не думал, что когда-нибудь увижу его вновь, но время от времени слышал о нем, пока строил Либертивилль. В основном от моих субподрядчиков. Вроде бы он строил себе дом во

Френч-Лэндинге. Чтобы поселиться в нем, выйдя на пенсию. Тогда он еще не был глубоким стариком, но все же... Происходило все это где-то в семьдесят третьем, и ему уже перевалило за пятьдесят.

— Он строил дом в этом городе, — уточняет Джек.

— Да. Даже дал ему имя, как принято в Англии. «Березы», «Озерный дом», «Бердсли майнор», вы понимаете.

— Какое имя?

— Черт, я не помню даже фамилии этого ловкача, а ты ждешь от меня названия дома, который он построил! Но одно я помню: никому из моих субподрядчиков этот дом не нравился. О нем ходила дурная слава.

— Дурная?

— Хуже не бывает. Там происходили несчастные случаи. Одному столяру отрезало кисть, когда он хотел почистить циркулярную пилу, и он чуть не умер от потери крови, пока его везли в больницу. Еще один человек упал с лесов, и его парализовало. Руки и ноги. Представляешь себе?

Джек кивает.

— Говорили, что в доме поселились призраки, еще до того, как его построили. Если я только не ошибаюсь, достраивать дом ему пришлось самому.

— Что еще вы можете сказать об этом доме? — спрашивает Джек как бы между прочим, но ответ его очень даже интересует. Он не слышал о том, что во Френч-Лэндинге есть населенный призраками дом. Конечно, он живет здесь не так уж и давно, не может знать всех легенд, но дом с призраками... вроде бы о таком приезжему сообщают в первую очередь.

— Не могу вспомнить. Только... — Он замолкает, уходит в себя.

На автостоянке людей все меньше. Джеку остается только гадать, каким образом Дейл сдерживает Брауна и Блэка. Время все ускоряет свой бег, а он пока не узнал от Поттера ничего конкретного. Полученные же сведения только распаляют любопытство.

— Один человек говорил мне, что солнце никогда там не светит, даже если небо безоблачное, — вдруг продолжает Поттер. — Он говорил, что дом стоял чуть в стороне от дороги, на вырубке, в летний день солнце должно было бы освещать его как минимум восемь часов, но почему-то... не освещало. Он говорил, что люди теряли там тень, совсем как в сказке, и им это очень не нравилось. А иногда слышали, как в лесу рычала собака. Судя по рычанию — большая. И злобная. Но ее никогда не видели. Полагаю, ты знаешь, как это происходит. Сначала появляется слух, потом он обрастает подробностями и живет как бы сам по себе...

Плечи Поттера опускаются. Голова падает на грудь.

— Это все, что я помню.

— А как звали этого ловкача, когда он жил в Чикаго?

— Не могу вспомнить.

Тут Джек подставляет раскрытые ладони под нос Поттера. Склонивший голову Поттер не видит их, пока они не оказываются под самым его носом. Он откидывается назад. До его ноздрей доходит аромат лилий.

— Что?.. Господи, что это? — Поттер хватает руку Джека, утыкается в нее носом. — Какой потрясающий аромат! Что это?

— Лилии, — отвечает Джек, но думает о другом: «Воспоминание о моей маме». — Так как звали ловкача, когда он жил в Чикаго?

— Что-то... что-то вроде Бир Стайна. Не совсем так, но близко. Точнее вспомнить не могу.

— Бир Стайн, — повторяет Джек. — А как его звали четыре года спустя, когда он появился во Френч-Лэндинге?

Внезапно с лестницы доносятся сердитые, спорящие голоса. «Мне наплевать! — кричит один, очень зло. Джек думает, что это Блэк. — Это наше расследование, это наш арестованный, и мы его увозим! Немедленно!»

Дейл: «Я же не возражаю. Я просто говорю, что сначала необходимо должным образом оформить все бумаги».

Браун: «К черту бумаги! Мы его забираем!»

— Как звали этого человека во Френч-Лэндинге, Потси?

— Я не могу... — Потси берется за руки Джека. Руки у Потси сухие и холодные. Он нюхает ладони Джека, с закрытыми глазами. Шумно выдыхает. — Бернсайд. Чамми Бернсайд. Чамми, само собой, шутливое прозвище[1]. Я думаю, его звали Чарли.

Джек убирает руки. Чарльз «Чамми» Бернсайд. Ранее известный как Бир Стайн. Или что-то вроде Бир Стайна.

— А дом? Как назывался дом?

Браун и Блэк уже входят в коридор, Дейл — следом за ними. «Не хватило времени, — думает Джек. — Черт, еще бы несколько минут...»

И тут Потси отвечает:

— «Черный дом». Не знаю, то ли он так назывался, то ли его так прозвали мои субподрядчики, но его называли «Черный дом».

— Черный? — переспрашивает Джек.

— Черный, — кивает Потси. — Потому что он таким и был. Весь...

— Господи Иисусе, — удивленно восклицает один из детективов. Вроде бы Браун, но, повернувшись, Джек видит перед собой его напарника. Не может не улыбнуться, отметив совпадение фамилии второго детектива и названия дома.

— Привет, мальчики. — Джек поднимается с койки.

— Что ты здесь делаешь, Голливуд? — спрашивает Блэк.

— Коротаю время и дожидаюсь вас. — Улыбка Джека становится шире. — Как я понимаю, вы хотите забрать с собой этого парня.

— Ты чертовски прав, — рычит Браун. — И если обосрал нам это дело...

— Я так не думаю. — С трудом, но Джеку удается сохранять дружелюбие. Он поворачивается к Потси: — У них

---

[1] От англ. chummy — дружок, дружище.

вы будете в большей безопасности, чем во Френч-Лэндинге, сэр.

У Джорджа Поттера вновь пустой взгляд. Он согласен на все.

— Мне без разницы, оставаться или уезжать. — Тут пришедшая мысль вызывает у него улыбку. — Если старина Чамми все еще жив и ты встретишься с ним, спроси, не болит ли у него задница после того пинка, который я дал ему в шестьдесят девятом. И скажи, что Чикагский Потси просил передать привет.

— О чем это вы говорите? — хмурясь, спрашивает Браун. Он уже вытащил наручники, ему не терпится защелкнуть их на запястьях Джорджа Поттера.

— О днях давно ушедших, — отвечает Джек. Сует пахнущие лилиями руки в карманы и выходит из камеры. Улыбается Брауну и Блэку. — Вас, мальчики, это не касается.

Детектив Блэк поворачивается к Дейлу:

— Вы в этом расследовании не участвуете. Я выражаюсь достаточно ясно? Или нет? Пожалуйста, ответьте мне, чиф, вы меня поняли?

— Разумеется. Забирайте это дело, и флаг вам в руки. Только слезьте с высокой белой лошади, хорошо? Если вы ждали, что я буду стоять и смотреть, как пьяная толпа из бара «Сэнд» схватит этого человека и линчует...

— Не старайтесь показать, что вы глупее, чем на самом деле, — обрывает его Браун. — Они узнали его имя из ваших радиопереговоров.

— Я в этом сомневаюсь, — спокойно отвечает Дейл, думая о радиотелефоне наркомана, позаимствованном со склада вещественных доказательств.

Блэк хватает Поттера за исхудалое плечо и так сильно толкает к двери в конце коридора, что тот едва не падает. Старику удается удержаться на ногах, на его осунувшемся лице читаются боль и достоинство.

— Детективы, — негромко, без злобы говорит Джек, но Браун и Блэк оборачиваются. — Если я еще раз уви-

жу, что вы грубо обращаетесь с арестованным, то тут же позвоню в Мэдисон, и, можете мне поверить, меня там услышат. Ваши наглость и самоуверенность не способствуют эффективному проведению расследования. Ваше неумение и нежелание сотрудничать с местной полицией контрпродуктивно. Ваш непрофессионализм характеризует полицейское управление Висконсина с самой худшей стороны. Или вы будете вести себя как положено, или я гарантирую, что к следующей пятнице вам придется искать работу в частных охранных фирмах.

И хотя его голос не повышается ни на йоту, с каждым словом Блэк и Браун словно уменьшаются в размере. Когда он заканчивает, они похожи на парочку нашкодивших и отчитанных учителем детей. Дейл с восторгом смотрит на Джека. Только Поттер не реагирует на тираду Джека. Смотрит на скованные наручниками руки, но взгляд устремлен то ли в себя, то ли куда-то очень далеко.

— А теперь идите, — продолжает Джек. — Забирайте арестованного, забирайте материалы, и чтоб я вас больше не видел.

Блэк открывает рот, чтобы ответить, и... закрывает. Они уходят. Когда за ними закрывается дверь, Дейл пристально смотрит на Джека.

— Вау! — срывается с его губ.

— Что?

— Если ты не знаешь, я тебе не скажу.

Джек пожимает плечами:

— Они будут заниматься Поттером, так что у нас появляется время на конкретные дела. Даже этот вечер имеет светлую сторону.

— Ты у него что-нибудь узнал?

— Имя и фамилию. Может, они ничего не значат. Чарльз Бернсайд. Прозвище Чамми. Слышал о нем?

Дейл задумчиво пощипывает нижнюю губу. Отпускает, качает головой.

— Вроде бы да, но фамилия довольно распространенная. Прозвище — не слышал.

— Он — строитель, подрядчик, тридцать лет тому назад ворочал большими деньгами в Чикаго. Так, во всяком случае, говорит Потси.

— Потси, — повторяет Дейл. Рассеянно приглаживает скотч, отлепившийся от края таблички с надписью: «ОДИН ЗВОНОК ОЗНАЧАЕТ ОДИН ЗВОНОК». — Ты с ним подружился, да?

— Пожалуй. Я думаю, «Черный дом» никак не связан с детективом Блэком.

— Ты говоришь загадками. Какой черный дом?

— Прежде всего это название. В кавычках, с заглавной Ч. «Черный дом». Ты не слышал, что в здешних местах так называют дом?

Дейл смеется:

— Господи, да нет же.

Джек улыбается, но это не дружеская улыбка, а та, что появляется на его губах во время допросов. Потому что сейчас он копписмен. И он заметил некую искорку, блеснувшую в глазах Дейла.

— Ты уверен? Не торопись. Подумай.

— Говорю тебе, нет. В здешних краях люди дома не называют. Конечно, старая мисс Грехэм и мисс Пентл звали свой дом, который стоит по другую сторону городской библиотеки, «Жимолость». Потому что вместо забора у них была зеленая изгородь из кустов жимолости, но это исключение из общего правила.

Вновь Джек видит искорку. Поттера управление полиции Висконсина обвинит в убийстве детей, но за время допроса Джек ни разу не видел такой искорки в глазах Поттера. Потому что Поттер был с ним откровенен.

Дейл — нет.

«Но мне надо гладить его по шерстке, не напирать на него, — говорит себе Джек. — Он же сам не знает, что не говорит всей правды. Как такое может быть?»

И словно в ответ слышит голос Чикагского Потси: «Один парень говорил мне, что в летний день солнце должно было освещать дом как минимум восемь часов,

но оно почему-то... не освещало. Он говорил, что люди теряли там тень, совсем как в сказке».

Воспоминание — это тень. Любой коп, пытающийся восстановить картину преступления или несчастного случая по противоречивым показаниям свидетелей, прекрасно это знает. Может, «Черный дом» Потси из этой категории? Нечто, не отбрасывающее тени? Реакция Дейла (он вновь разглаживает скотч, с серьезным видом, словно, дожидаясь приезда «скорой помощи», на улице оказывает первую помощь пешеходу, которого сердечный приступ уложил на тротуар, четко выполняя все пункты соответствующей инструкции) указывает, что такое очень даже может быть. Три дня назад он бы не позволил себе рассматривать такую идею, но три дня назад он не знал, что попадет в Долины и вернется обратно.

— Согласно Потси, про этот дом говорили, что он кишит призраками, еще до того, как его построили. — Джек чуть усиливает напор.

— Не слышал о таком доме. — Дейл переходит к табличке с информацией о времени утренней и вечерней поверок. Смотрит на нее — не на Джека. — Не имею ни малейшего понятия.

— Ты уверен? Один человек истек кровью. Другой упал с лесов, и его парализовало. Люди жаловались, ты слушай, Дейл, это любопытно, Потси говорит, люди жаловались, что теряют там свои тени. Не видят их даже в полдень, когда солнце светит во всю мощь. Это что-то, не так ли?

— Да, конечно, но я не помню таких историй.

Джек шагает к Дейлу, Дейл отходит от него. Чуть ли не отпрыгивает в испуге, хотя чиф Гилбертсон не из пугливых. Он сам не знает, что делает, Джек в этом уверен. Это — тень. Джек видит ее, и на каком-то уровне Дейл знает, что Джек ее видит. Если Джек надавит со всей силой, Дейл тоже сможет ее увидеть... но Дейл этого не хочет. Потому что это дурная тень. Неужто даже хуже монстра, который убивает детей, а потом поедает части их тел?

Вероятно, какая-то часть Дейла придерживается именно такого мнения.

«Я могу заставить его увидеть эту тень, — холодно думает Джек. — Суну ему под нос руки с ароматом лилий и заставлю увидеть ее. Какая-то его часть хочет увидеть ее. Копписменская часть».

И тут же в голове Джека звучит голос Спиди Паркера, какой он помнит с детства: «Если надавишь слишком сильно, можешь довести его до нервного срыва, Джек. Видит Бог, он близок к опасной черте, слишком многое свалилось ему на голову после похищения и убийства Джонни Иркенхэма. Хочешь рискнуть? Ради чего? Названия он не знает, тут он сказал тебе чистую правду».

— Дейл?

Дейл бросает на него короткий взгляд, отворачивается. От виноватости, которой переполнены его глаза, у Джека щемит сердце.

— Что?

— Пойдем выпьем кофе.

С изменением темы на лице Дейла отражается безмерное облегчение. Он хлопает Джека по плечу:

— Дельная мысль!

«Дельная так дельная», — думает Джек и улыбается. Кошку можно освежевать несколькими способами, вот и на «Черный дом» можно выйти не одним путем. День выдался трудным. И лучше всего поставить в расследовании точку. По крайней мере на сегодня.

— Как насчет Райлсбека? — спрашивает Дейл, когда они спускаются вниз. — Ты все еще хочешь поговорить с ним?

— Естественно, — отвечает Джек, в голосе слышна заинтересованность, но, к сожалению, он практически на все сто процентов уверен в бесполезности допроса: Энди Райлсбек видел только то, что пожелал показать ему Рыбак. Возможно... за одним исключением. Шлепанец. Джек не знает, приведет ли это к чему-либо, но такое возможно. В суде, например... как улика для опознания...

«Это дело никогда не попадет в суд, и ты это знаешь. Оно, возможно, не закончится в этом м...»

Мысли его обрывает радостный гул, как только они заходят в дежурную часть. Сотрудники полицейского участка Френч-Лэндинга аплодируют ему стоя. Генри Лайден аплодирует ему стоя. Дейл присоединяется к остальным.

— Господи, да прекратите же. — Джек смеется и краснеет. Но не может солгать себе, будто эти аплодисменты не доставляют ему удовольствия. Он чувствует их теплоту, видит, что идут они от самого сердца. Все это, конечно, мелочи. Но ему кажется, что он вернулся домой. И это главное.

Когда часом позже Джек и Генри выходят из полицейского участка, Нюхач, Мышонок и Кайзер Билл по-прежнему стоят у двери черного хода. Док и Сонни уехали на Нейлхауз-роуд, чтобы доложить своим женщинам о событиях этого вечера.

— Сойер, — останавливает его Нюхач.

— Да?

— Все, что мы можем сделать. Понимаешь? Все, что угодно.

Джек задумчиво смотрит на байкера, гадая, каковы его мотивы... только ли скорбь? Отцовская скорбь. Сен-Пьер не отрывает взгляда от глаз Джека. Стоящий рядом Генри Лайден нюхает речной туман, что-то мурлыча себе под нос.

— Завтра утром, около одиннадцати, я собираюсь заглянуть к матери Ирмы, — говорит Джек. — Можешь ты со своими приятелями встретиться со мной в баре «Сэнд» где-то в полдень? Как я понимаю, она живет неподалеку. Я угощу вас лимонадом.

Нюхач не улыбается, но глаза его теплеют.

— Мы там будем.

— Это хорошо.

— Можешь сказать зачем?

— Есть одно место, которое надо найти.

— Оно имеет отношение к тому, кто убил Эми и других детей?

— Возможно.

Нюхач кивает:

— Возможно — этого мне достаточно.

На обратном пути в Норвэй-Вэлли Джек ведет пикап медленно, и причина не в тумане. Хотя еще не так поздно, он чертовски устал и подозревает, что Генри в этом от него не отличается. Дело не в молчании. Джек привык, что иногда Генри надолго уходит в себя. А вот тишина в кабине пикапа настораживает. Генри не может ехать без радио. Обычно начинает со станции Ла Ривьеры, переключается на KDCU, потом на Милуоки, Чикаго, даже на Омаху, Денвер и Сент-Луис, если позволяют атмосферные условия. Закуска из бопа[1] здесь, салат из спиричуэлз[2] там, потом что-нибудь особенно громкое. Сегодня — все по-другому. Сегодня Генри тихонько сидит на пассажирском сиденье, положив руки на колени. Наконец, когда до его дома остается не больше двух миль, он подает голос:

— Сегодня обойдемся без Диккенса, Джек. Я собираюсь сразу лечь спать.

Опустошенность в голосе Генри удивляет Джека, ему даже становится как-то не по себе. Таким голосом никогда не говорил ни сам Генри, ни его радиоперсонажи. Это голос глубокого старика, который одной ногой стоит в могиле.

— Я тоже, — отвечает Джек, надеясь, что интонации не выдают его озабоченности. Но с Генри этот номер,

---

[1] Боп (точнее, бибоп) — музыкальный джазовый стиль, возникший в 1940-х годах. Характеризуется новаторскими музыкальными интонациями, темповой импровизацией в сольных партиях и наличием меньшей, чем в джаз-оркестре, ритмической группой инструментов.

[2] Спиричуэлз — самобытный музыкальный жанр: религиозные песнопения, сочетающие блюзовые мелодии с африканским стилем «призыв-ответ» и библейскими текстами.

конечно же, не проходит. Генри улавливает тончайшие нюансы.

— А что ты, позволь спросить, придумал для Громобойной пятерки?

— Точно еще не знаю, — отвечает Джек, и, возможно из-за усталости, Генри не уличает его во лжи. Он намеревается направить Нюхача и его дружков на поиски того дома, о котором рассказал Потси, дома, где исчезают тени. По крайней мере, исчезали в начале семидесятых. Он также намеревается спросить Генри, слышал ли тот о некоем «Черном доме», расположенном в пределах Френч-Лэндинга. Не сейчас, разумеется. Сейчас Генри слишком устал. Возможно, завтра. Скорее всего завтра, потому что таким прекрасным источником информации, как Генри, пренебрегать нельзя. Но сначала пусть поднаберется сил.

— Пленка у тебя, да?

Генри наполовину вытаскивает из нагрудного кармана кассету с записью разговора Рыбака по линии 911, убирает обратно.

— Да, дорогой. Но не думаю, что этим вечером я смогу слушать убийцу маленьких детей, Джек. Даже если ты заедешь, чтобы послушать его вместе со мной.

— Завтра меня устроит, — отвечает Джек, надеясь, что этой задержкой не приговаривает к смерти еще одного из детей Френч-Лэндинга.

— Твоему голосу недостает уверенности.

— Недостает, — соглашается Джек, — но твой притуплённый слух может принести больше вреда, чем пользы. В этом я не сомневаюсь.

— Утро начну с прослушивания. Обещаю.

Дом Генри уже рядом. Он выглядит покинутым, горит только фонарь перед гаражом, но, разумеется, в доме Генри свет ни к чему.

— Генри, я тебе не нужен?

— Нет, — отвечает тот, но не так уверенно, как хотелось бы Джеку.

— Сегодня никакой Крысы, — твердо добавляет Джек.

— Согласен.

— И никакого Шейка, Шейка, Шейка.

Губы Генри искривляются в легкой улыбке.

— Скажу тебе честно, сегодня не будет и Джорджа Рэтбана, рекламирующего салон «Шевроле» Френч-Лэндинга, где лучшие цены и первые шесть месяцев не надо платить процент по кредиту. Сразу в постель.

— Я тоже.

Но, пролежав в постели час и выключив лампу на прикроватной тумбочке, Джек не может спать. Лица и голоса перемещаются в его голове, словно обезумевшие стрелки часов. Или лошадки карусели в пустынном парке развлечений.

Тэнзи Френо: «Выведите монстра, который убил мою девочку».

Нюхач Сен-Пьер: «Поглядим, как все обернется».

Джордж Поттер: «Это дерьмо проникает внутрь и выжидает. По-моему, полностью избавиться от него невозможно».

Спиди, голос из далекого прошлого, услышанный по телефону, который в год их встречи казался выдумкой писателя-фантаста: «Привет, Странник Джек... Скажу тебе, как один копписмен другому: сынок, я думаю, тебе надо заглянуть в личную ванную чифа Гилбертсона. Немедленно».

Как один копписмен другому, именно так.

И чаще всего, снова и снова, Джуди Маршалл: «Не говорить, что заблудилась и не знаю, как вернуться... а продолжать идти».

Да, продолжать идти, но куда? Куда?

Наконец, он поднимается, выходит на крыльцо с подушкой под мышкой. Ночь теплая. В Норвэй-Вэлли последние остатки тумана, который там так и не сгустился, унес легкий восточный ветерок. На мгновение замявшись, Джек спускается по ступенькам, в нижнем белье. Крыльцо

его не устраивает: там он нашел дьявольскую посылку с вырезанными из пакетиков сахара птичками.

Он проходит мимо пикапа, мимо кормушки для птиц, на северное поле. Над ним миллиарды звезд. В траве стрекочут цикады. Тропа, проложенная им в траве, исчезла. Но возможно, он зашел на поле в другом месте.

Чуть отойдя, он ложится на спину, подкладывает подушку под голову, смотрит на небо. «Побуду здесь немного, — думает он. — Побуду немного, пока голоса-призраки не покинут мою голову. Побуду здесь немного».

С этой мыслью он начинает дремать.

С этой мыслью засыпает.

Над его головой рисунок созвездий меняется. Он видит, как образовываются новые созвездия. Какое заняло то место, где прежде располагалась Большая Медведица? Священный Опопанакс? Возможно. Он слышит приятный, мерный скрип и знает, что это ветряная мельница, которую он видел этим самым утром, тысячу лет тому назад. Ему нет нужды поднимать голову, чтобы убедиться в этом, ему нет нужды смотреть туда, где стоял его дом. Он и так знает, что увидит там всего лишь сарай.

Скрип... скрип... скрип: широкие деревянные лопасти вращает все тот же восточный ветерок. Только теперь ветер этот неизмеримо более приятный, неизмеримо более чистый. Джек касается пояса своих трусов и ощущает грубую ткань. В этом мире нижнее белье совсем другое. Изменилась и его подушка. Поролон превратился в гусиный пух, но подушка от этого стала только мягче. Так что голове на ней куда удобнее.

— Я поймаю его, Спиди, — шепчет Джек новым созвездиям. — Во всяком случае, попытаюсь.

Он спит.

Просыпается ранним утром. Ветра нет. Там, откуда он пришел на поле, вдоль горизонта тянется яркая оранжевая полоса: солнце вот-вот встанет. Тело затекло, ягодицы болят, все влажное от росы. Мерного скрипа нет, но Джека это не удивляет. Едва раскрыв глаза, он понимает,

что вновь находится в Висконсине. Он знает кое-что еще: можно вернуться. В любой момент. Настоящий округ Каули, параллельный округ Каули, перебраться из одного в другой труда для него не составляет. Сознание этого наполняет его радостью и ужасом. В равных долях.

Джек встаёт и босиком идет к дому, с подушкой под мышкой. По его прикидкам, всего пять утра. Три часа сна, и он будет готов на любые подвиги. На ступеньках крыльца он прикасается к хлопчатобумажным трусам. Хотя кожа влажная, трусы практически сухие. Большую часть тех часов, которые он проспал под открытым небом (как проводил многие ночи той осенью, когда ему было двенадцать), их на нем не было. Они находились в другой реальности.

— В Земле Опопанакса, — говорит Джек и входит в дом.

Когда он просыпается в восемь утра, солнечные лучи уже вовсю бьют в окно. Джек готов поверить, что его последнее путешествие было сном.

Но в глубине сердца знает, что нет.

Глава 18

Помните фургоны телевизионщиков, въезжающие на автостоянку около полицейского участка? Попытку Уэнделла Грина повести за собой толпу, прерванную ударом ручного фонаря патрульного Храбовски? Удар, который вырубил газетчика? Репортеры, сидевшие в фургонах, конечно же, свое дело знали и, увидев происходящее на автостоянке, не стали терять времени. Утром события того безумного вечера заполняют телевизионные экраны всего штата. С девяти утра жители Расина и Милуоки, Мэдисона и Делафилда, фермеры северной части штата, которым требовались спутниковые антенны, чтобы увидеть что-нибудь в телевизоре, отрываются от оладий, овсянки, яичницы, горячих булочек, чтобы посмотреть, как маленький, явно нервничающий полисмен обрывает карьеру крупного, высокого журналиста, специализацией которого

давно уже стала демагогия, ударив его тупым, тяжелым предметом. Но конечно, с особым вниманием приникали к экранам жители Френч-Лэндинга и соседних Сентралии и Ардена.

Обдумывая сразу несколько дел, Джек Сойер видит хронику вечерних событий на экране маленького телевизора, стоящего на разделочном столике. Он надеется, что Дейл Гилбертсон не аннулирует свое решение об отстранении Арнольда Храбовски от службы, хотя вероятность, что Бешеный Мадьяр вновь вернется к исполнению своих обязанностей, очень велика. Дейл только думает, что хочет окончательно отделаться от никудышного сотрудника: у него слишком мягкое сердце, чтобы устоять перед слезной просьбой Арни... а после вчерашнего вечера даже слепой видит, что Бешеный Мадьяр обязательно обратится с такой просьбой. Джек также надеется, что этого отвратительного Уэнделла Грина уволят или он сам с позором уедет. Журналисты не должны вплетать себя в свои репортажи, а Уэнделл Грин громогласно требовал крови, прямо-таки как вервольф. Но и здесь у Джека есть веские причины полагать, что Уэнделл Грин как-нибудь вывернется (пудрить мозги — его профессия) и останется серьезной помехой. Размышляет Джеки о старике, которого подробно описал Энди Райлсбек, ощупывающем ручки на третьем этаже отеля «Нельсон».

То был он, Рыбак, который наконец-то обрел конкретность. Старик в синем халате и одном шлепанце, в желтую и черную полосы, похожем на окрас шмеля. Энди Райлсбек еще подумал, а не прибрел ли этот старикан из «Центра Макстона по уходу за престарелыми». «А ведь интересная идея», — думает Джек. Если Чамми Бернсайд — тот самый человек, который подбросил Джорджу Поттеру поляроидные фотографии, «Макстон» для него — идеальное укрытие.

Уэнделл Грин смотрит выпуск новостей по «Сони» в своем номере отеля. Не может оторвать глаз от экрана, хотя «картинка» вызывает у него вихрь чувств: злость,

стыд, унижение. Желудок жжет, шишка на голове болит и пульсирует. Всякий раз, когда Уэнделл Грин видит, как эта жалкая пародия копа подкрадывается к нему с поднятым ручным фонарем, его пальцы зарываются в густые, курчавые волосы на затылке и осторожно касаются шишки. Размером она с помидор, и такое ощущение, что вот-вот лопнет. Ему еще повезло, что обошлось без сотрясения мозга. Этот мозгляк мог его убить!

Ладно, возможно, он чуть перегнул палку, возможно, на малую толику заступил за черту профессиональной этики, но ведь он не идеальный журналист, да и кто сейчас такой? Местные телевизионщики, как же они его злят своими похвалами Джеку Сойеру. Кто был главным спецом по Рыбаку? Кто изо дня в день занимался этим делом, рассказывая читателям все, что они хотели узнать? Кто каждое утро выходил на линию огня? Кто вообще дал монстру это прозвище? Не эти тупоголовые Баки и Стейси, так называемые репортеры и ведущие выпуска новостей, которые только и могут, что улыбаться в камеру, демонстрируя отменную работу дантистов. Уэнделл Грин — легенда местной прессы, звезда, гигант журналистики, каких в Западном Висконсине еще не было и, наверное, уже не будет. Даже в Мэдисоне, если говорят «Уэнделл Грин», подразумевают... знак качества. А если Уэнделл Грин — все равно что золотой стандарт, подождите, пока Рыбак на забрызганных кровью плечах донесет его до Пулитцеровской премии.

Да, в понедельник утром ему придется поехать в газету и успокоить редактора. Велика важность. Не в первый, да и не в последний раз. Хорошие репортеры делают тираж. Никто в этом не признается, но это так, никуда не деться. Войдя в кабинет редактора, он скажет только одно: «Это сенсация дня, есть у тебя кто-то еще, кто может адекватно ее осветить?» А когда редактор снова станет ручным (максимум через десять минут), он собирается заглянуть к продавцу из «Гольца», Фреду Маршаллу. Один из наиболее ценных источников информации сообщил Уэнделлу, что

мистер Маршалл располагает очень любопытными сведениями, касающимися его единственного сына, возможно четвертой жертвы Рыбака.

Арнольд Храбовски, сияющий герой в глазах любящей жены Полы, смотрит новости с чувством глубокого удовлетворения и думает, что она, пожалуй, права: ему следует позвонить чифу Гилбертсону и попросить восстановить его на службе.

Размышляя о том, где найти старого недруга Джорджа Поттера, Дейл Гилбертсон наблюдает, как Баки и Стейси вновь показывают эпизод, в ходе которого Бешеный Мадьяр укладывает на асфальт Уэнделла Грина, и думает, что, пожалуй, ему следует отменить свой приказ об отстранении Храбовски от работы. Ударил-то Арни от души. Дейл ничего не может с собой поделать: этот удар разом поднимает ему настроение. Такое случается, когда он наблюдает за игрой Марка Макгуайра или Тайгера Вудса.

Пребывающая в одиночестве в своем маленьком доме, чуть отстоящем от шоссе, Ванда Киндерлинг, о которой мы время от времени упоминали, слушает радио. Почему она слушает радио? Несколько месяцев назад перед ней встала дилемма: оплатить счет кабельного телевидения или купить бутылку, в полгаллона, водки «Аристократ». Очень жаль, Баки и Стейси, но вы проиграли: Ванда последовала велению души. А без кабельного телевидения на экране видны в основном помехи. Ванда всегда ненавидела Баки и Стейси, да и практически всех, кто появлялся на экране, особенно если выглядели эти люди довольными жизнью и ухоженными (особое презрение вызывали у нее ведущие утренних новостей, что мужчины, что женщины). Ванда лишилась и первого и второго с тех самых пор, как выскочка-детектив Джек Сойер обвинил ее мужа, Торни, в ужасных преступлениях, которых тот, конечно же, не совершал. Джек Сойер погубил ее жизнь, и Ванда не собиралась ни забывать об этом, ни прощать.

Этот человек заманил ее мужа в ловушку. Подставил его. Измазал честное имя Торни грязью и упрятал в тюрь-

му, чтобы никто не узнал, что он — гнусный лжец. Ванда надеется, что полиция никогда не поймает Рыбака, потому что Рыбак воздает им по заслугам, этим отвратительным мерзавцам. «Против копов все средства хороши, — думает Ванда Киндерлинг. — Рыбак — это наказание, — думает Ванда. — Пусть он убьет сотню маленьких засранцев, пусть убьет тысячу, а потом ему следует переключиться на родителей. Торни не мог убить тех шлюх в Лос-Анджелесе. То были убийства на сексуальной почве, а Торни, слава богу, секс не интересовал. С детства все части тела у него выросли, за исключением детородного органа: его штучка размерами не превышала мизинец. Нечем ему было заниматься сексом. А вот Джек Сойер жил в Лос-Анджелесе, не так ли? Так может, он сам убил этих шлюх, а вину возложил на Торни?»

Репортер все расписывает действия бывшего лейтенанта Сойера прошедшим вечером, и Ванда Киндерлинг, шипя от злобы, хватает стакан со столика у кровати. Заливает вспыхнувший в животе огонь большим глотком водки.

Горг, которому бы самое время заглянуть в гости к Ванде, она бы встретила его с распростертыми объятиями, новости не смотрит и не слушает, потому что находится далеко-далеко, в Запределье.

В своей кровати в «Макстоне» Чарльз Бернсайд наслаждается снами, но не собственными, а другого существа, из другого мира, которого ему никогда не увидеть. Одетые в лохмотья, истощенные дети бредут на окровавленных ножках мимо языков пламени, вращают гигантские колеса, которые, в свою очередь, вращают колеса еще большего размера, а уж те питают энергией двигатели уничтожения, вознесенные в черно-кровавое небо. В воздухе стоит резкий запах расплавленного металла, чего-то отвратительного, вроде мочи дракона, и отчаяния. Ящероподобные демоны с длинными хвостами немилосердно хлещут детей. Грохот, треск, тяжелые удары рвут барабанные перепонки. Таковы сны лучшего друга и

любящего хозяина Берни, мистера Маншана, и они бесконечно радуют старика.

Пройдя коридор крыла «Маргаритки», миновав уютный холл и маленькую приемную, где стоит стол Ребекки Вайлес, заглянем в кабинет Шустрика Макстона. Последнего волнуют куда более прозаичные проблемы. Маленький телевизор на полке над сейфом показывает, как карикатурный коп, Бешеный Мадьяр Храбовски, молодецким ударом ручного фонарика укладывает на асфальт Уэнделла Грина, но Шустрик не наслаждается этим незабываемым зрелищем. Он должен найти тринадцать тысяч долларов, которые задолжал своему букмекеру, а у него — только половина необходимой суммы. Вчера очаровательная Ребекка Вайлес съездила в Миллер и сняла со счета большую часть денег, и он может использовать две тысячи долларов с собственного счета, при условии, что вернет их до конца месяца. Остается добрать еще шесть «штук», ради чего придется серьезно поработать с бухгалтерскими книгами. К счастью, творческое отношение к бухгалтерии — хобби Шустрика, и, начав обдумывать возможные варианты, он видит, что возникшие трудности определенно можно преодолеть.

В конце концов, он пришел в этот бизнес прежде всего, чтобы воровать как можно больше, не так ли? Помимо услуг, оказываемых ему мисс Вайлес, воровство — единственное занятие, которое приносит ему радость. Объем украденного значения не имеет: как мы видели, Шустрик одинаково счастлив, кладя в карман и полторы сотни долларов, отобранных у родственников своих пациентов в день Клубничного фестиваля, и десять или пятнадцать долларов государственных денег. В компьютере у него двойная бухгалтерия, и он без труда может снять деньги со счета компании, не вызвав подозрений аудиторов, которые должны прийти с проверкой примерно через месяц. В случае если аудиторы потребуют сведения о передвижении средств по банковским счетам, у него есть в запасе два-три отвлекающих манев-

ра, которыми он может воспользоваться. Жаль, конечно, что аудиторы приходят так скоро... будь у Шустрика побольше времени, он бы заштопал все прорехи. «Потеря тринадцати тысяч — не проблема, — думает Шустрик. — Проблема в том, что он проиграл их в крайне неудачный момент».

Для того чтобы принять верное решение, Шустрик подвигает к себе клавиатуру, дает команду компьютеру распечатать счета прошлого месяца по обеим бухгалтериям. К тому времени, как придут аудиторы, бумагорезательная машина уже превратит эти странички в сечку.

Давайте переместимся из одной формы безумия в другую. После того как владелец трейлерного парка «Холидей» трясущимся указательным пальцем указал Джеку, где найти Тэнзи Френо, Джек направляет свой пикап к ее «Эйрстриму», последнему и самому неухоженному в ряду из четырех домов на колесах. Вдоль двух других растут цветы, около третьего — ярко-зеленый навес, под которым стоят стол и стулья из пластика. Их обитатели предприняли хоть какие-то попытки благообразить свои жилища. Про четвертый трейлер такого не скажешь. Вокруг только вытоптанная земля да сорняки. Шторы опущены. Трейлер окружен аурой безнадеги, пустоты и, пожалуй, соскальзывания. Он даже выглядит не таким, как остальные. Беда изменила его обводы, как изменяет внешность человека, и когда Джек вылезает из пикапа и идет к шлакоблокам, лежащим перед дверью, его сомнения усиливаются. Он уже не уверен, что стоило приезжать сюда. Джек вдруг понимает, что не может дать Тэнзи Френо ничего, кроме жалости, и от этой мысли ему становится как-то не по себе.

— Потом в голову приходит мысль, что сомнения маскируют истинные чувства, дискомфорт, который он испытывает, глядя на дом на колесах. Он не хочет входить в него. Но выбора у Джека нет — только вперед. Его глаза находят коврик перед дверью, самый обычный коврик

(привет из реального мира, который уже начинает исчезать вокруг него), поднимается на верхнюю ступень лестницы, стучит в дверь. Изнутри — ни звука. Может, Тэнзи еще спит и не хочет просыпаться? На месте Тэнзи он бы как можно дольше оставался в постели. На месте Тэнзи он бы оставался там не одну неделю. Борясь с желанием развернуться и уйти, Джек стучит вновь, спрашивает: Тэнзи? Вы встали?

— В каком смысле? — отвечает ему женский голос.

— Проснулись? Я — Джек Сойер, Тэнзи. Мы виделись вчера вечером. Я помогаю полиции и сказал вам, что загляну утром.

Он слышит *приближающиеся к двери шаги.*

— Вы — мужчина, который подарил мне цветы. Очень симпатичный мужчина.

— Это я.

Щелкает замок, поворачивается ручка. Дверь приоткрывается. В щели появляется часть бледного лица и блестящий глаз.

— Это вы. Заходите, только быстро. Быстро. — Она отступает в сторону, открывает дверь пошире, чтобы он мог протиснуться хотя бы боком. Как только он *переступает* порог, захлопывает дверь, запирает на ключ.

В трейлере темно, свет чуть пробивается по периметру шторок. Одна тусклая лампа горит над раковиной, вторая, такая же тусклая, на маленьком столике. Рядом с ней — бутылка кофейного ликера, грязный стакан, украшенный изображением персонажа мультфильма, и альбом. В круг света, отбрасываемого лампой, попадает половина низкого кресла, стоящего у стола. Тэнзи Френо отталкивается от двери, два коротких шага, и она уже рядом с Джеком. Вскидывает голову, складывает руки под подбородком. Затуманенный взгляд тревожит Джека. Даже если говорить о нормальной психике в широком смысле этого понятия, женщина, которая стоит перед ним, явно не в себе. Джек не знает, что ей сказать.

— Вы не хотели бы... присесть? — Гостеприимным взмахом руки она указывает на деревянный стул с высокой спинкой.

— Если вы не возражаете.

— Чего мне возражать? Я сяду в свое кресло, так что вы можете занять этот стул.

— Спасибо. — Джек садится, наблюдая, как она возвращается к двери, чтобы проверить замок. Убедившись, что дверь надежно заперта, Тэнзи широко улыбается и направляется к креслу, грациозно, как балерина. Когда она устраивается в нем, Джек спрашивает: — Вы боитесь, что кто-то может сюда прийти, Тэнзи? Кого вы не хотите впускать?

— Да. — Она наклоняется вперед, хмурит брови. — Но это не человек. И я никогда, никогда не позволю ему войти в мой дом, никогда. А вас я пущу всегда, потому что вы очень милый и подарили мне прекрасные цветы. И вы очень красивый.

— Вы не хотите пускать в дом Горга, Тэнзи? Вы боитесь Горга?

— Да, — без уверток отвечает она. — Хотите чаю?

— Нет, благодарю.

— А я немного выпью. Это очень, очень хороший чай. Только пахнет, как кофе. — Она поднимает брови, кидая на него вопрошающий взгляд. Джек качает головой. Не вставая с кресла, Тэнзи на треть наполняет стакан кофейным ликером, ставит бутылку на стол. Теперь Джек видит, что на стакане у нее забавный песик Скуби-Ду. Тэнзи пригубливает ликер. — Слушайте, у вас есть подружка? Я могла бы стать вашей подружкой, особенно если бы вы и дальше дарили мне такие цветы. Я поставила их в вазу. Видите?

На разделочном столике поникшие лилии стоят в стеклянной банке, с которой снята завинчивающаяся крышка. Вне Долин им уготована короткая жизнь. В этом мире, думает Джек, столько отравы, что лилиям с ней не справиться. Все хорошее, что они могут дать этому миру, быс-

тро растворяется в нем. Тэнзи держится только благодаря аромату, который лилии принесли из Долин. Как только он исчезнет полностью, безумие поглотит ее. Безумием Тэнзи наградил Горг, Джек в этом абсолютно уверен.

— У меня есть бойфренд, но он не в счет. Его зовут Лестер Мун. Нюхач и его друзья прозвали Лестера Вонючим Сыром, я уж не знаю почему. От него совсем не воняет, по крайней мере когда он трезвый.

— Расскажите мне о Горге, — просит Джек.

Отставив мизинец от стакана со Скуби-Ду, Тэнзи вновь прикладывается к кофейному ликеру. Хмурится.

— Говорить о нем так неприятно.

— Мне нужно знать о нем как можно больше. Если вы мне поможете, я позабочусь, чтобы он больше не беспокоил вас.

— Правда?

— И этим вы поможете мне найти человека, который убил вашу дочь.

— Я не хочу сейчас об этом говорить. Это так печально. — Свободной рукой Тэнзи смахивает с колен невидимые крошки. У нее перекашивается лицо, в глазах появляется другое выражение. На мгновение возникает отчаявшаяся, беззащитная Тэнзи, которая в любой момент может провалиться в пучину безумия.

— Горг выглядит как человек или что-то еще?

Тэнзи медленно качает головой. Она взяла себя в руки, вновь может игнорировать свои истинные чувства.

— Горг не выглядит как человек. Отнюдь.

— Вы сказали, что он дал вам перо, которое торчало у вас из-за пояса. Он выглядит как птица?

— Горг не выглядит как птица, он птица и есть. И знаете какая? — Она наклоняется вперед, теперь у нее лицо шестилетней девочки, которая собирается сказать самое ужасное, что может прийти ей в голову. — Ворон. Вот кто он, большой старый ворон. Весь черный. Но не блестяще черный. — Ее глаза становятся очень серьезными. — Он пришел оттуда, где ночь царит всегда. Это из стихотво-

рения, которое мы учили в девятом классе по указанию миссис Норманди. «Ворон» Эдгара По[1].

Тэнзи выпрямляется, довольная, что поведала этот эпизод своего прошлого. Джек догадывается, что та же удовлетворенность читалась и на лице мисс Норманди, когда ученики один за другим декламировали это стихотворение, но, конечно, в глазах учительницы не было этого нездорового блеска.

— Место, где ночь царит всегда, не является частью этого мира, — продолжает Тэнзи. — Вы это знаете? Оно расположено вдоль этого мира и вне его. Вам нужно найти дверь, чтобы попасть туда.

Джек внезапно понимает: он словно говорит с Джуди Маршалл, но Джуди, лишенной бездонной глубины души и невероятной храбрости, которые и спасли ее от безумия. Как только он вспоминает о Джуди, у него возникает желание вновь увидеться с ней, очень сильное, потому что Джуди — один из важнейших элементов картинки-головоломки, которую он складывает воедино. Она, возможно, ключ, но при этом и дверь, которая открывается этим ключом. Джеку хочется вырваться из темной, давящей атмосферы «Эйрстрима» Тэнзи; хочется отменить встречу с Громобойной пятеркой и помчаться по шоссе, через холм, к Ардену, где в отгороженном от внешнего мира отделении Д сияющая Джуди Маршалл обрела свободу.

— Но я даже не хочу искать эту дверь, потому что у меня нет желания попасть туда, — напевно продолжает Тэнзи. — Там, где ночь царит всегда, — плохое место. Слишком много огня.

— Откуда вы знаете?

---

[1] Место, где ночь царит всегда, Эдгар По назвал Night's Plutonian shore (дословно — ночной берег Плутона). Ни в одном из многочисленных переводов адекватного названия нет. Переводчики по-разному, но уходят от берега Плутона. Строка «Там, где ночь царит всегда» — из перевода К. Бальмонта.

— Мне показал Горг, — шепчет Тэнзи. Взгляд ее перемещается с лица Джека на стакан со Скуби-Ду. — Горг любит огонь. Но не потому, что около огня ему теплее. Потому что огонь все сжигает и этим радует Горга. Горг говорил... — Она качает головой, подносит стакан ко рту, но не пьет. Наклоняет стакан, чтобы жидкость поднялась к ободку, потом слизывает ее языком. Ее взгляд вновь находит его глаза. — Я думаю, мой чай — волшебный.

«Готов спорить, думаешь», — мысленно вздыхает Джек. Ему искренне жаль потерявшую разум Тэнзи.

— Тут нельзя плакать, — говорит она ему. — У тебя такое лицо, будто ты сейчас расплачешься, а здесь плакать нельзя. Миссис Норманди не разрешает. Впрочем, ты можешь поцеловать меня. Хочешь поцеловать меня?

— Разумеется, хочу, — отвечает он. — Но миссис Норманди не разрешает и целоваться.

— Жаль. — Тэнзи вновь языком слизывает бренди. — Мы сможем поцеловаться позже, когда она уйдет из комнаты. И ты сможешь обнять меня, как Лестер Мун. И делать все, что делал Лестер Мун. Со мной.

— Спасибо, — отвечает Джек. — Тэнзи, ты можешь сказать, что еще говорил Горг?

Она наклоняет голову, выпячивает, потом втягивает губы.

— Он сказал, что пришел сюда через огненную дыру. С краями-створками. Он сказал, что я — мать и должна помочь своей дочери. В стихотворении ее звали Линор, но ее настоящее имя Ирма. И он сказал... он сказал, что злой старик съел ее ногу, но с моей Ирмой могло случиться что-то и похуже.

На пару секунд Тэнзи уходит в себя, исчезает за застывшим лицом: рот приоткрыт, глаза не мигают. Потом возвращается оттуда, куда уходила, напоминая оживающую статую. Голос едва слышен: «От меня требовалось покончить с этим стариком, покончить раз и навсегда. Только вы подарили мне эти прекрасные лилии, и я поняла, что этот старик — не убийца, так?»

Джеку хочется кричать.

— Он сказал, что с Ирмой могло случиться кое-что и похуже, — недоверчиво шепчет Тэнзи, — только не сказал, что именно. Вместо этого показал. И пока я смотрела, чувствовала, что у меня горят глаза. Хотя я и могла видеть.

— Что вы увидели?

— Что-то большое, очень большое, созданное из огня, — говорит Тэнзи. — Уходящее вверх. — Она замолкает, по телу бежит дрожь. — Ирма не там. Нет, она не там. Она умерла, и злобный старик отъел ей ногу. Он послал мне письмо, но до меня оно не дошло. Поэтому Горг зачитал его мне. Я не хочу говорить об этом письме. — Она напоминает маленькую девочку, которая что-то от кого-то услыхала, а что-то просто выдумала. Потом плотный занавес опускается между Тэнзи и тем, что она видела и слышала, и этот занавес позволяет ей прийти в себя. Вновь Джек задается вопросом, что с ней будет, когда лилии окончательно завянут.

— А теперь, если ты не собираешься целовать меня, тебе самое время уйти. Я хочу побыть одна.

Удивленный ее решительностью, Джек встает, с намерением сказать что-то вежливое и бессмысленное. Тэнзи рукой указывает ему на дверь.

Снаружи воздух будто загустел от неприятных запахов и невидимых химических соединений. Лилии из Долин обладали бóльшим потенциалом, чем предполагал Джек, достаточным для того, чтобы усладить и очистить воздух в доме на колесах Тэнзи. Земля под ногами Джека вытоптана и выжжена, а атмосфера насыщена горечью. Джеку приходится буквально заставлять себя дышать, пока он идет к пикапу, но с каждым вдохом ему все легче приспосабливаться к этому миру. Его миру, пусть сейчас он и кажется отравленным. Он хочет только одного: добраться по шоссе номер 93 до смотровой площадки Джуди Маршалл, а потом продолжить путь, проехать через Арден, свернуть на автомобильную стоянку, пройти в двери больницы, ми-

новать кордоны в лице доктора Спайглмана и старшей сестры — надзирательницы Джейн Бонд и, наконец, вновь лицезреть дарующую жизнь Джуди Маршалл.

Он даже думает, что любит Джуди Маршалл. Возможно, действительно любит. Знает, что не может без нее: Джуди — его дверь и его ключ. Его дверь, его ключ. Ладно, женщина, которая ему нужна, замужем за очень хорошим человеком, Фредом Маршаллом, но он и не хочет жениться на ней. Более того, он даже не хочет спать с ней, ему достаточно встать рядом и посмотреть, что произойдет. А что-то обязательно произойдет, он в этом уверен. Но, когда пытается представить себе, что именно, видит направленный на него выброс крошечных красных перышек, хотя рассчитывал увидеть совсем другое.

Нетвердо держась на ногах, Джек опирается одной рукой о кабину пикапа, другой берется за ручку дверцы. И гладкая стенка, и ручка обжигают ладони, и какое-то время Джек машет руками. Наконец залезает в кабину. Сиденье тоже горячее. Он опускает стекло, с грустью замечает: запахи мира вновь стали привычными. Воздух пахнет отлично. Пахнет летом. Так куда ему ехать? «Интересный вопрос», — думает он, но, вернувшись на шоссе и проехав не больше сотни футов, слева от себя видит серое, низкое здание бара «Сэнд», а потому без малейшего колебания сворачивает на просторную автостоянку, словно заранее знал, что едет именно сюда. Кружа по стоянке в поисках тени, он объезжает здание и видит большой клен, растущий прямо из асфальта в дальнем углу. Ставит «додж» в тень клена и вылезает из кабины, оставив стекло опущенным. Волны горячего воздуха поднимаются от двух автомобилей. Других на стоянке нет.

Джек смотрит на часы. Одиннадцать двадцать. Он голоден, его завтрак состоял из чашки кофе и гренка с тонким слоем мармелада, уже три часа во рту не было и маковой росинки. Джек предчувствует, что день этот выдастся очень длинным. А почему бы не поесть в ожидании байкеров?

Дверь черного хода бара «Сэнд» приводит в коридор, где расположены туалеты. Из коридора Джек попадает в длинный прямоугольный зал. По одну его руку — сверкающая стойка бара, по другую — кабинки, разделенные деревянными перегородками. Середину занимают два больших стола для бильярда, музыкальный автомат стоит у дальней стены между ними. В передней части, на высоте восьми или девяти футов от чистого деревянного пола, подвешен телевизор с большим экраном. Его хорошо видно от стойки. Показывают рекламный ролик, но звук приглушен, так что непонятно, какой именно продукт рекомендуется приобрести зрителям.

После яркого солнечного света автостоянки в баре царит приятный полумрак. Глазам Джека требуется несколько секунд, чтобы приспособиться к мягкому освещению.

Бармен, Джек сразу вычисляет, что это Лестер «Вонючий Сыр» Мун, поднимает голову, когда Джек входит в зал, но тут же возвращается к свежему номеру «Геральд», который лежит на стойке. Когда Джек садится на пару стульев правее от него, снова поднимает голову. Вонючий Сыр не так ужасен, как предполагал Джек. На нем чистая рубашка, которая куда как белее его круглого, с мелкими чертами лица и бритой головы. Выражение лица Муна, профессионализм, смешанный в равных долях с чувством обиды, классическое для человека, взявшего на себя управление семейным бизнесом, но знающего: в любом другом месте он бы мог достичь гораздо большего. Интуиция подсказывает Джеку, что именно проглядывающее в нем разочарование и стало причиной, по которой он получил от байкеров такое прозвище. У него вид человека, который ждет, что с минуты на минуту учует неприятный запах.

— Могу я здесь что-нибудь съесть? — спрашивает Джек.

— Меню перед вами. — Бармен указывает на белую доску, где магнитными буквами обозначены предлагаемые посетителям блюда. Гамбургер, чизбургер, хот-дог, соси-

ски, колбаса, сандвичи, жареный картофель. Взмахом руки бармен как бы укоряет Джека за невнимательность, и тот, конечно же, признает свою вину.

— Извините, доску я и не заметил.

Бармен пожимает плечами.

— Чизбургер с жареным картофелем, пожалуйста.

— Ленч мы подаем с половины двенадцатого, о чем ясно указано. Видите? — Еще один полунасмешливый взмах руки. — Но мама уже на кухне. Я могу передать ей ваш заказ прямо сейчас, и она займется им, как только закончит приготовления к рабочему дню.

Джек его благодарит, бармен бросает взгляд на экран телевизора, доходит до конца стойки и исчезает за углом. Через несколько секунд возвращается, вновь смотрит на экран, спрашивает Джека, что он будет пить.

— Имбирный эль, — отвечает Джек.

Глядя на экран, Лестер Мун подставляет стакан для пива под один из кранов, наполняет, ставит перед Джеком. Берет пульт дистанционного управления.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я посмотрю этот старый фильм. — Он прибавляет звук, и до Джека доносится голос матери: «Похоже, Смоуки сегодня придет поздно. Хотелось бы, чтобы этот маленький мошенник научился не перебирать».

Прежде чем он успевает повернуться к экрану, Лестер Мун спрашивает, помнит ли он Лили Кавано.

— Да, конечно.

— Когда я был маленьким, она мне всегда нравилась.

— Мне тоже.

Джек узнает фильм «Ужасы Дедвуд-Галча» по первой фразе. Комедийный вестерн 1950 года, в котором тогда знаменитый, но и теперь оставшийся в памяти благодарных зрителей Билл Таунс играет трусливого карточного шулера, приезжающего в деревню Дедвуд-Галч, штат Аризона, где его вскорости принимают за знаменитого стрелка. Лили Кавано, играющая прекрасную, остроумную хозяйку салуна «Лейзи 8», вокруг которого вращается

социальная жизнь городка, пользуется заслуженным уважением ковбоев, лодырей, ранчеров, торговцев, слуг правопорядка и всякой шушеры, которая каждый вечер заполняет ее заведение. Она заставляет своих клиентов оставлять револьверы у двери и в салуне вести себя достойно, хотя манерами эта братия сродни опопанаксу. По эпизоду, который сейчас на экране, фильм, просчитывает Джек, начался полчаса назад, Лили в салуне одна и сражается с залетевшей в зал пчелой.

«Пчела для королевы би-фильмов», — думает Джек и улыбается.

Расправиться с пчелой Лили пытается тряпкой, газетой, палкой, шваброй, широким ремнем. Пчела остается неуловимой, жужжит и жужжит, перелетая со стойки на карточный стол, на бутылку виски, на другие бутылки, на пианино, дожидается, пока охотница приблизится на расстояние верного удара, и снимается с места за секунду, как очередное оружие опускается на это место. Эпизод рассчитан на то, чтобы вызвать смех, и действительно, в шесть, может, и в семь лет Джеки смеялся до колик, глядя, как на экране его мать, которая в жизни избавилась бы от пчелы первым же ударом, никак не может добиться желаемого. Помнится, он тогда поинтересовался, как киношникам удалось заставить пчелу проделывать все эти трюки, и Лили объяснила, что пчела не настоящая, а созданная усилиями отдела спецэффектов.

— Никак не могу взять в толк, как им удается заставить пчелу лететь куда надо, — говорит Лестер Мун. — Может, она дрессированная?

— Сначала они снимали только актрису, — поясняет Джек, приходя к выводу, что Вонючий Сыр — нормальный парень, да еще умеющий ценить актерское мастерство. — А потом отдел спецэффектов добавил пчелу. Она не настоящая — рисованная. Анимация. Но на экране неотличима от живой, не так ли?

— Неотличима. А вы уверены? И откуда вообще об этом знаете?

— Прочитал в какой-то книге, — использует Джек припасенную для подобных случаев отговорку.

В роскошном костюме карточного шулера в салун «Лейзи 8» входит Билл Таунс и похотливым взглядом смотрит на не замечающую его хозяйку, которая все гоняется за пчелой. Последняя как раз уселась на сверкающую стойку бара. В голове у Тома романтические мысли, это видно по его походке.

«Что-то ты сегодня рановато, — говорит Лили. — Должно быть, тебе здесь понравилось».

«Беби, это же самое уютное заведение к западу от широкой Миссури. Напоминает мне место, где я побил Черного Джека Макгарка. Бедный Черный Джек. Не знал, когда надо сбрасывать карты».

С шумом, не уступающим реву на форсаже моторов «Б-52», рисованная пчела, выдумка внутри выдумки, атакует увенчанную шляпой голову Билла Таунса. Лицо комика багровеет от притворного ужаса. Он машет руками, отплясывает джигу, кричит. Рисованная пчела вычерчивает вокруг псевдострелка фигуры высшего пилотажа. Шляпа Таунса падает на пол, волосы, ранее аккуратно причесанные, уже торчат в разные стороны. Он отступает к столу и после беспорядочных взмахов руками ныряет под него, ища укрытия между ножек.

Не спуская глаз с разбушевавшейся пчелы, Лили идет к стойке, берет стакан и газету. Осторожно приближается к столу, по которому кругами ползает пчела. Одним прыжком добирается до нее и накрывает пчелу стаканом. Пчела отрывается от стола, бьется о дно и стенки стакана. Лили наклоняет стакан, осторожно подсовывает под него сложенную газету. Поднимает руки, переворачивает стакан, уже накрытый газетой.

Камера откатывается назад, и мы видим и трусливого картежника, выглядывающего из-под стола, и Лили, которая выходит из салуна и отпускает пчелу, убрав газету со стакана.

За спиной Джека раздается голос Лестера Муна: «Ваш чизбургер готов, мистер».

Следующие полчаса Джек ест бургер и старается забыться в фильме. Бургер отличный, высший класс, с отменным вкусом, который можно приготовить только на засаленной решетке, и картофель идеальный, с золотистой корочкой, хрустящий. Но вот на «Ужасах Дедвуд-Галча» сосредоточиться не удается. Дело не в том, что он видел фильм добрый десяток раз, дело в Тэнзи Френо. Его тревожит то, о чем она ему рассказала. Чем больше он думает об этом, тем меньше понимает, о чем, собственно, идет речь.

Согласно Тэнзи, ворона, ворон, которого зовут Горг, пришел из мира, расположенного вдоль и вне нашего мира. Она могла говорить только о Долинах. Воспользовавшись строкой из стихотворения По «Ворон», она назвала другой мир местом, где «ночь царит всегда», что для такой, как Тэнзи, очень даже похвально, но ни в коей мере не характеризует волшебные Долины. Горг сказал Тэнзи, что весь его мир в огне, но даже Проклятые земли[1] не соответствуют этому определению. Джек помнит Проклятые земли и старый поезд, который вез его и Рационального Ричарда, потом больного, умирающего Рационального Ричарда через огромную красную пустыню. Странные там жили существа, люди-аллигаторы и птицы с мордами бородатых мартышек, но определенно ничего не горело. Проклятые земли — результат какой-то давнишней катастрофы, а не пожара, бушующего в настоящем. Как сказала Тэнзи? «Что-то большое, очень большое, созданное из огня. Уходящее вверх». Что же она видела, что показал ей Горг? Похоже на огромную горящую башню или высокое здание, охваченное огнем. Горящая башня, горящее здание в горящем мире... но при чем здесь Долины?

---

[1] Читатели, хорошо знакомые с творчеством Кинга, конечно же, отметили некоторые параллели с сериалом «Темная Башня». Проклятые земли — одна из них. В «Темной Башне» похожие места названы Бесплодными землями. Есть там и старый поезд, о котором чуть ниже.

За последние сорок восемь часов Джек побывал в Долинах дважды и видел там только прекрасное. Не просто прекрасное — очищающее душу. Джек знает главную тайну Долин — они пронизаны волшебством. Тем самым волшебством, которое он разглядел в Джуди Маршалл. Благодаря этому волшебству Долины могут творить чудеса с человеческими существами. Жизнь этой удивительной женщины, которая сейчас на экране посмеивается над Биллом Таунсом, спас некий предмет, принесенный из Долин. Поскольку Джек бывал в Долинах и, возможно, потому, что держал в руках Талисман, практически все лошади, на которых он ставит, приходят первыми, стоимость каждой акции, которую он покупает, утраивается, в каждой сдаче на покере у него лучшие карты.

Тогда о каком мире говорила Тэнзи? И что означают ее слова о том, что Горг попал в этот мир через огненную дыру?

Когда накануне Джек перенесся в Долины, он почуял что-то неприятное, что-то нездоровое, далеко на юго-западе, и заподозрил, что именно там он может найти Двойника Рыбака. Убить Рыбака, убить Двойника. Кого первого — без разницы, второй сразу ослабеет. Но...

Ничего не получается. Путешествуя между мирами, ты просто перескакиваешь, переносишься из одного в другой... не разжигаешь пожар на краю одного, чтобы через огонь попасть в параллельный.

За несколько минут до полудня треск мотоциклетных моторов заглушает звук телевизора.

— Мистер, может, вы хотите уйти, — говорит Мун. — Это...

— Громобойная пятерка, — кивает Джек. — Я знаю.

— Хорошо. Просто некоторых моих посетителей они пугают до смерти. Но, если гладить их по шерстке, они будут вести себя нормально.

— Я знаю. Не беспокойтесь.

— Я хочу сказать, если вы купите им пиво, они подумают, что вас можно оставить в покое.

Джек слезает со стула, смотрит бармену в глаза:

— Лестер, можете не волноваться. Они едут сюда, чтобы встретиться со мной.

Лестер моргает. Впервые Джек замечает, что брови у него тонкие, выгнутые.

— Я, пожалуй, начну наполнять графин «Кингсленд-ским». — Он достает графин из-под стойки, ставит под кран «Кингслендского», открывает. Тугая струя янтарной жидкости бьет в графин и пенится.

Треск мотоциклетных двигателей достигает максимальной громкости — Громобойная пятерка уже на стоянке у бара — и обрывается. Нюхач Сен-Пьер входит в зал первым, за ним — Док, Мышонок, Сонни и Кайзер Билл. Выглядят как викинги, и Джек страшно рад новой встрече с ними.

— Вонючка, выключи гребаный телевизор, — ревет Нюхач. — И мы пришли сюда не для того, чтобы пить, так что вылей кувшин в раковину. Так как ты наливаешь эль, его все равно нельзя пить. А когда закончишь, уматывайся к маменьке на кухню. Наши дела с этим человеком тебя не касаются.

Нюхач и остальные выстраиваются в ряд перед стойкой бара, некоторые обжигают взглядом Вонючий Сыр, другие по-доброму смотрят на Джека. Борода Мышонка по-прежнему заплетена в две косички, на щеках под глазами нанесена какая-то черная маскировочная краска. Кайзер Билл и Сонни забрали свои гривы в конские хвосты. Эль и пена стекают из графина в раковину.

— Хорошо, парни, — говорит Мун и выходит на кухню. Дверь за ним закрывается.

Члены Громобойной пятерки перестраиваются. Теперь в центре их внимания Джек. Большинство скрещивают руки на груди. Бугрятся мышцы.

Джек отодвигает от себя тарелку, встает.

— До вчерашнего вечера слышал кто из вас о Джордже Поттере?

* * *

Усевшись на край ближайшего к двери стола для бильярда, Джек смотрит на Нюхача и Дока, которые устроились на высоких стульях перед стойкой, чуть наклонившись вперед. Кайзер Билл, прижав палец к губам и наклонив голову, стоит рядом с Нюхачом. Мышонок лежит на втором бильярдном столе, подперев голову рукой. Сонни, хмурясь и сжав кулаки, вышагивает между баром и музыкальным автоматом.

— Вы уверены, что он говорил именно о «Черном доме»? А не о «Холодном доме»[1], как в романе Диккенса? — спрашивает Мышонок.

— Уверен. — Джек напоминает себе, что не стоит удивляться каждый раз, когда кто-то из этих парней подтверждает, что учился в университете. — Речь шла именно о «Черном доме».

— Черт, я думаю, что... — Мышонок качает головой.

— Как фамилия этого строителя? — спрашивает Нюхач.

— Бернсайд. Имя — Чарльз, прозвище — Чамми. Давным-давно у него была другая фамилия. Что-то вроде Бир Стайн.

— Бирстайн? Берстайн?

— Мне нечего ответить, — говорит Джек.

— И ты думаешь, он — Рыбак?

Джек кивает. Нюхач пристально смотрит на него, словно хочет прочитать мысли.

— И насколько ты уверен?

— На девяносто девять процентов. Он подложил полароидные фотографии в комнату Поттера.

— Черт. — Нюхач слезает со стула и заходит за стойку. — Я хочу убедиться, что никто не забыл самое простое. — Он наклоняется, выпрямляется с телефонным справочником в руке. — Понимаете, о чем я? — Открывает

---

[1] На английском черный (black) и холодный (bleak, Bleak House — название романа Диккенса) звучат очень схоже.

справочник, пролистывает несколько страниц, проводит толстым пальцем по столбцу. — Бернсайда нет. Жаль.

— Хорошая идея, однако, — кивает Джек. — Этим утром я проделал то же самое.

Сонни останавливается у музыкального автомата, нацеливает палец на Джека.

— Как давно построили этот чертов дом?

— Почти тридцать лет назад. В семидесятых.

— Черт, так мы тогда были детьми, жили в Иллинойсе. Откуда нам что-то знать о нем?

— Вы много ездите по округе. Вот я и подумал, вдруг этот дом попадался вам на глаза. И потом, место это нехорошее. Людям свойственно говорить о таких домах. — Свойственно говорить о домах, в которых водятся привидения, мысленно поправляет он себя. Дома приобретают такую репутацию, если несколько лет пустуют или в них произошло что-то ужасное. В этом случае ужасен сам дом, и люди, которые в иной ситуации, конечно же, рассказывали бы о нем, едва помнят, что видели его. Судя по реакции Дейла, «Черный дом» растворился в собственной несуществующей тени. — Подумайте об этом. Постарайтесь вспомнить. За годы, проведенные во Френч-Лэндинге, вы слышали о доме, на который вроде бы наложено заклятие? Рабочие ненавидели это место. Они его боялись. Говорили, что вблизи него человек лишается тени. Заявляли, что призраки обжили дом, когда его только строили! В конце концов все они ушли, и Бернсайду пришлось достраивать дом самому!

— Дом должен стоять в укромном месте, — подает голос Док. — Совершенно очевидно, что не у всех на виду. Это тебе не Либертивилль. На Робин-Гуд-лейн его не найти.

— Точно, — кивает Джек. — Мне следовало упомянуть об этом раньше. Поттер говорил, что расположен дом в стороне от дороги, на вырубке. То есть в лесу. Док, вы правы. Рядом других домов нет.

— Эй, эй, эй. — Мышонок перебрасывает ноги через край бильярдного стола, садится. Глаза его крепко закры-

ты, мясистая ладонь прижата ко лбу. — Если бы я только мог вспомнить... — Из его груди исторгается вопль раздражения.

— Что? — Голос Нюхача в два раза громче обычного, и слово гремит, как камень, упавший на бетонный тротуар.

— Я знаю, что видел это гребаное место, — отвечает Мышонок. — Как только вы начали говорить о нем, у меня возникло ощущение, что мне это знакомо. Видел я этот дом, видел, но память никак не желала подсказать, где и когда. Когда я пытался подумать о нем, вы понимаете, заставить себя вспомнить, я видел какие-то слепящие огни. А стоило Джеку упомянуть, что этот дом стоит в лесу, я тут же увидел его. Как на картинке. В окружении этих слепящих огней.

— На «Черный дом» это не похоже, — замечает Джек.

— Еще как похоже. Огней там не было, я просто их видел. — Тон у Мышонка такой, словно его объяснение более чем логично.

Сонни смеется. Нюхач качает головой и бурчит:

— Дерьмо.

— Я не понимаю, — честно признается Джек.

Нюхач смотрит на Джека, поднимает палец, спрашивает Мышонка:

— Мы говорим об июле-августе двухгодичной давности?

— Естественно, — отвечает Мышонок. — «Лето Несравненной Кислоты». — Он смотрит на Джека и улыбается. — Два года назад мы получили эту потрясающую, удивительную кислоту. Одна таблетка, и у тебя пять или шесть часов дивных видений. Никаких побочных эффектов. Только плюсы и ни одного минуса. Вы понимаете, о чем я?

— Пожалуй, — отвечает Джек.

— При этом можно даже что-то делать. К примеру, ездить. Седлаешь свой байк и мчишься, куда захочешь. Все у тебя получается. Ты не лежишь пластом, а действуешь за пределом своих максимальных возможностей.

— Тимоти Лири не во всем ошибался, — вставляет Док.

— Да, это была классная штука, — продолжает Мышонок. — Мы оприходовали все таблетки, а потом поставили точку. Больше с кислотой не связывались. Этой достать не могли, а пользоваться той, что хуже, смысла не было. Я даже не знаю, откуда взялись те таблетки.

— Ты не захочешь знать, откуда они взялись, — усмехается Нюхач. — Поверь мне.

— Значит, вы сидели на кислоте, когда увидели «Черный дом», — уточняет Джек.

— Да. Потому-то я и видел огни.

— Где это было, Мышонок? — спрашивает Нюхач.

— Точно не знаю. Но подожди, Нюхач, дай мне выговориться. В то лето я близко сошелся с Маленькой Нэнси Хейл, помнишь?

— Конечно, — кивает Нюхач. — Чертовски грустная история. — Он смотрит на Джека. — Маленькая Нэнси после того лета умерла.

— У меня чуть не разорвалось сердце, — рассказывает Мышонок. — У нее словно развилась аллергия на воздух и солнечный свет, совершенно неожиданно. Ее все время тошнило. Кожа покрылась сыпью. Она не могла выходить из дому, потому что свет резал глаза. Док не мог понять, что с ней не так, поэтому мы отвезли ее в большую больницу в Ла Ривьере, но и там ей не поставили диагноз. Мы говорили с врачами в «Мэйо»[1], но и они не помогли. Она умирала трудно. Я сам едва не умер, глядя на ее страдания.

Он долго молчит, уставившись на живот и колени, остальные тоже не произносят ни слова.

— Ладно. — Мышонок поднимает голову. — Вот что я помню. В ту субботу Маленькая Нэнси и я закинулись

---

[1] Клиника «Мэйо» — один из крупнейших в мире медицинских центров, оснащенный по последнему слову техники, находится в г. Рочестер, Миннесота. Отделения центра разбросаны по всей стране.

таблетками Несравненной и отправились в поездку по тем местам, которые нам нравились. Побывали в прибрежном парке Ла Ривьеры, доехали до Дог-Айленда и Лукаут-Пойнт. Возвращаясь оттуда, поднялись на холм, любуясь открывшимся видом. Домой не хотелось, вот мы и ездили по окрестностям. Маленькая Нэнси заметила щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», мимо которого я, должно быть, проезжал тысячу раз, не видя его. — Он смотрит на Джека Сойера. — Полной уверенности у меня нет, но кажется, он стоял на шоссе номер 35.

Джек кивает.

— Если бы не кислота, не думаю, что и она увидела бы этот щит. О, теперь я все вспомнил. «Что это? — спрашивает она, и, клянусь, я долго оглядывался, прежде чем углядел этот щит, помятый, погнутый, с ржавыми дырами от пуль. Он словно сливался с деревьями. — Кто-то хочет, чтобы мы не сворачивали на эту дорогу, — говорит Маленькая Нэнси. — Что они там прячут?» Что-то в этом роде. «На какую дорогу?» — спрашиваю я и тут же вижу ее. Дорога — это сильно сказано. Проехать по ней могла бы одна машина, и только малолитражка. С обеих сторон — высокие деревья с толстыми стволами. Черт, я не думал, что там могло скрываться что-нибудь интересное, может, какая-нибудь старая лачуга. И потом, не понравилось мне, как выглядела эта дорога. — Он бросает взгляд на Нюхача.

— Что значит тебе «не понравилось, как выглядела эта дорога»? — переспрашивает Нюхач. — Я не раз видел, как ты заходил в места, которые определенно не могли тебе понравиться. Или ты гонишь, Мышонок?

— Говори что хочешь, но я рассказываю все, как было. Этот щит словно говорил: «ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ, ЕСЛИ ХОТИТЕ СЕБЕ ДОБРА». Вызвал у меня неприятное предчувствие.

— Тогда это точно гиблое место, — вмешивается Сонни. — Я видел гиблые места. Они не хотят, чтобы ты туда заходил, и предупреждают тебя об этом.

— Полностью с тобой согласен, — кивает Мышонок, — но ты дослушай. Мне хотелось развернуться и поехать куда-нибудь за жареной курятиной, которая после таблетки Несравненной казалась пищей богов, но Маленькая Нэнси пожелала поехать по этой дороге, поскольку испытывала те же чувства, что и я. Она была очень смелая. И умела убеждать. Поэтому я сворачиваю с шоссе, Маленькая Нэнси прижимается ко мне и говорит: «Не дрейфь, Мышонок, прибавь ходу», — вот я и прибавляю газу. Все вокруг какое-то странное и враждебное, но я вижу только просеку, плавно поворачивающую между деревьями, и какое-то дерьмо, хотя я точно знаю, что его нет.

— В смысле? — любопытствует Сонни, словно уточняет полученные сведения о научном эксперименте.

— Какие-то темные тени выходят к краю просеки и смотрят на меня между деревьями. Пара бросилась ко мне, но я проскочил сквозь них, как сквозь дым. Не знаю, может, они и были дымом.

— Черт, это все кислота, — бросает Нюхач.

— Может, но ощущения были другие. А кроме того, Несравненная никогда не вгоняет тебя в тоску. Не вызывает депрессию. А тут я вдруг подумал о Киз Мартин. Я это хорошо помню. Буквально увидел ее, прямо перед собой, как она выглядела, когда ее клали в «Скорую помощь».

— Киз Мартин, — кивает Нюхач.

Мышонок поворачивается к Джеку.

— С Киз я встречался, когда мы учились в университете. Она буквально умоляла нас разрешить ей поехать с нами, и однажды Кайзер сказал, хорошо, она может взять его байк. Для Киз это был настоящий праздник, она оттягивалась на полную катушку. А потом наехала на какую-то чертову маленькую хворостинку...

— Не на хворостинку, — уточняет Док. — Ветку. Толщиной в пару дюймов.

— Которой достаточно, чтобы проверить твое умение сохранять равновесие, особенно если ты не очень хорошо умеешь управляться с байком, — продолжает Мышо-

нок. — Она переехала через эту веточку, байк вырвался из-под контроля, Киз свалилась с него и ударилась об асфальт. У меня чуть не остановилось сердце.

— Я понял, что она умерла, как только подошел и увидел, под каким углом повернута ее голова, — подхватывает Док. — Не имело смысла даже оказывать первую помощь. Мы укрыли ее куртками, а я поехал вызывать «Скорую». Через десять минут ее уже загружали в кузов. Один из фельдшеров узнал меня, а не то у нас возникли бы серьезные неприятности.

— Я все гадал, врач вы или нет, — говорит Джек.

— Окончил резидентуру[1] по хирургии в Университете Иллинойса и сразу ушел из медицины, — улыбается ему Док. — Болтался с этими парнями, увлекся пивоварением — все интереснее, чем с утра до вечера резать людей.

— Мышонок, — говорит Нюхач.

— Да. Я как раз подъезжал к повороту этой узкой дороги-просеки, и Киз буквально возникла передо мной как живая. С закрытыми глазами, с головой, висящей как осенний лист, готовый сорваться с ветки. «Ой-ей-ей, — сказал я себе, — вот этого мне сейчас видеть совершенно не хочется». И чувства меня охватили те же, что и тогда на дороге. Стало дурно. Просто дурно стало.

А потом мы проехали поворот, и я услышал, как где-то в лесу зарычала эта собака. Да еще как зарычала. Будто там было двадцать собак и все безумно злые. Тут что-то начинает твориться с головой. Такое ощущение, что она сейчас взорвется. Я смотрю вперед, ожидая, что сейчас увижу перед собой стаю волков или еще какого-то зверья, бегущего на нас, и мне требуется какое-то время, чтобы понять: передо мной дом. Черный дом.

Маленькая Нэнси колотит меня по плечам и голове, кричит, чтобы я останавливался. Представьте, я с ней

---

[1] Резидентура — последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и 3—5 лет резидентом.

полностью соглашаюсь, у меня нет ни малейшего желания приближаться к этому дому. Я останавливаю мотоцикл, Маленькая Нэнси спрыгивает на землю, и ее тут же выворачивает наизнанку. Она хватается руками за голову и снова блюет. Я чувствую, что ноги становятся ватными, а на грудь давит что-то тяжелое. Эта тварь, она все рычит в лесу, только уже ближе. Я бросаю еще один взгляд в конец дороги, на дом, который словно уползает в растущие за ним деревья, хотя, конечно, стоит на месте. Когда смотришь на него, он становится все больше и больше! Потом я вижу сверкающие огни, плавающие вокруг, угрожающие огни. «Не приближайся, — говорят они мне. — Держись от нас подальше, Мышонок». К крыльцу привалился еще один щит с надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», и этот щит то вспыхивает, то гаснет, словно предупреждает: «НА ЭТОТ РАЗ СЛОВА НЕ РАЗОЙДУТСЯ С ДЕЛОМ, ДРУЖИЩЕ».

Голова у меня раскалывается, но я усаживаю Маленькую Нэнси на мотоцикл, она приваливается к моей спине, словно кукла, с трудом держится в седле, я разворачиваю байк и уезжаю. Когда мы добираемся до моего дома, она ложится в постель и не встает три дня. А я с трудом могу вспомнить, что же произошло.

Вся эта история словно уходит в тень. В моей памяти. Да и не успел я хорошенько все обдумать, потому что Маленькая Нэнси заболела и свободное от работы время полностью уходило на нее. Док дал ей какое-то лекарство, чтобы сбить температуру, она пошла на поправку, мы снова могли пить пиво, курить травку и ездить на байке, как прежде, но она так и не стала какой была. А в конце августа ей снова стало хуже, и мне пришлось отправить ее в больницу. Во вторую неделю сентября Маленькая Нэнси умерла, хотя боролась изо всех сил.

— Как выглядела Маленькая Нэнси? — спрашивает Джек, рисуя себе женщину, габаритами сравнимую с Мышонком.

— Маленькая Нэнси Хейл ростом и фигурой напоминала Тэнзи Френо, — отвечает Мышонок, по его лицу

видно, что вопросом он удивлен. — Когда она вставала на мою ладонь, я мог поднять ее одной рукой.

— И вы никогда ни с кем об этом не говорили? — уточняет Джек.

— Как я мог об этом говорить? — вскидывается Мышонок. — Сначала я безумно волновался из-за Нэнси, а потом все стерлось из памяти. С непонятными воспоминаниями такое случается. Вместо того чтобы оставаться в голове, они словно стираются.

— Я прекрасно понимаю, о чем вы, — кивает Джек.

— Наверное, я тоже, — соглашается с ним Нюхач, — но не надо забывать, что кислота меняет восприятие реальности. Ты действительно видел это место... «Черный дом»?

— Никаких сомнений.

Нюхач поворачивается к Джеку:

— Ты говоришь, что Рыбак, этот подонок Бернсайд, построил его.

Джек кивает.

— Так что, возможно, он там живет и установил вокруг специальные электронные устройства, чтобы отпугивать людей.

— Может, и так.

— Тогда, я думаю, мы с Мышонком проедемся по шоссе номер 35 и поглядим, не отыщет ли он эту узкую дорогу, уходящую в лес. Составишь нам компанию?

— Не могу, — отвечает Джек. — Сначала я должен повидаться в Ардене с одним человеком, женщиной, которая, думаю, тоже сможет нам помочь. Она — еще один элемент этой картинки-головоломки, но я ничего не могу вам объяснить, не встретившись с ней.

— Женщина что-то знает?

— Да, — без запинки отвечает Джек. — Она что-то знает.

— Хорошо. — Нюхач поднимается со стула. — Выбор за тобой. Мы поговорим позже.

— Нюхач, я хочу быть с вами, когда вы войдете в «Черный дом». Когда нам придется войти в него, когда мы уви-

дим... — Джек замолкает, пытаясь подобрать подходящие слова. Нюхач покачивается на каблуках, ему не терпится сорваться с места, отправиться на поиски логова Рыбака. — Без меня вам там не обойтись. Нюхач, ты даже представить себе не можешь, сколько тут всего наворочено. Скоро ты поймешь, о чем я говорю, и сможешь все это осознать, думаю, вы все сможете. Но, если я попытаюсь рассказать вам об этом сейчас, вы скорее всего мне не поверите. Когда придет время, вам понадобится такой проводник, как я. Вы будете рады, что я с вами. Положение сейчас критическое, для всех нас, и никто не должен все испортить.

— С чего ты решил, что я могу все испортить? — с обманчивой небрежностью спрашивает Нюхач.

— Испортить все может любой из нас, если мы не составим картинку-головоломку полностью. Поезжайте туда. Посмотрите, удастся ли Мышонку найти дом, который он видел два года назад. Осмотрите его. Но не входите — для этого вам понадоблюсь я. Осмотрев, возвращайтесь сюда. Я приеду, как только освобожусь. Думаю, буду здесь в половине третьего, самое позднее — в три.

— Где ты будешь в Ардене? На случай, что мне захочется тебе позвонить?

— Лютеранская больница округа Френч. Отделение Д. Если не сможешь найти меня, оставь сообщение доктору Спайглману.

— Отделение Д, значит? — переспрашивает Нюхач. — Ладно, полагаю, сегодня все обезумели. Наверное, мне хватит одного взгляда на этот дом, при условии, что во второй половине дня ты разобъяснишь мне все то, чего я по глупости сейчас понять не могу.

— Развязка близка, Нюхач. Мы выходим на цель. И уж кем-кем, а глупцом я тебя не считаю.

— Ты, должно быть, потрясающий коп, — говорит Нюхач. — Пусть я думаю, что половина сказанного тобой — фуфло, я все-таки тебе верю. — Он поворачивается, его кулаки с грохотом опускаются на стойку. — Вонючий Сыр! Мы поговорили. Вытаскивай свою бледнокожую задницу из кухни.

Глава 19

Джек выезжает с автостоянки следом за Громобойной пятеркой, и на какое-то время мы оставим его одного на полосе шоссе номер 93, ведущей на север, к смотровой площадке Джуди Маршалл и отделению Лютеранской больницы, в котором она сидит взаперти. Как и Джек, байкеры направляются на встречу с неизвестным, только в их случае неизвестное находится к западу от бара «Сэнд», на шоссе номер 35, где происходит быстрая аккумуляция прошлого, и нам, конечно, хочется знать, что они там найдут. По этим людям не скажешь, что они нервничают: внешне они являют собой ту же уверенность, с какой обычно врываются в бар «Сэнд». По правде говоря, нервозность они вообще демонстрировали редко. В ситуациях, вызывающих у большинства тревогу или озабоченность, они предпочитают пускать в ход кулаки. И страх действует на них иначе, чем на других: они получают удовольствие от тех редких моментов, когда он заглядывал к ним на огонек. По их разумению, страх — дарованная Господом возможность собрать коллективную силу в кулак. Поскольку они очень близки, сила эта значительная. Для тех из нас, кто не является членом группы байкеров или морским десантником, солидарность означает не более чем желание утешить скорбящего друга. Для Нюхача и его друзей солидарность — гарантия, что кто-то всегда прикроет тебе спину. Они зависят друг от друга и это знают. Для Громобойной пятерки безопасность исчисляется количеством друзей и противников.

Однако предстоящая встреча не имеет аналогов и прецедентов. «Черный дом» — это что-то новое, и от новизны, а также от истории Мышонка у каждого чуть-чуть, но сосет под ложечкой.

В восьми милях к западу от Сентралии, где поля вокруг строительного проекта, осуществленного Потси тридцать лет назад, уступают место длинной полосе леса, тянущейся до самого «Макстона», Мышонок и Нюхач едут бок о бок

впереди остальных. Нюхач изредка вопросительно поглядывает на друга. Третий раз покачав головой, Мышонок взмахивает рукой, как бы говоря: «Хватит доставать меня. Когда увижу, скажу сам». Нюхач чуть приотстает. Сонни, Кайзер Билл и Док, решив, что Нюхач подает им сигнал, перестраиваются в колонну по одному.

Двигаясь в авангарде колонны, Мышонок смотрит не на шоссе, а на лес по правую от него сторону. Маленькую дорогу-просеку обнаружить нелегко, Мышонок это знает, тем более что за два года она, наверное, заросла еще больше. Но он надеется разглядеть помятый и заржавевший, когда-то белый щит с надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Его тоже скорее всего частично скрывает новая поросль. Мышонок снижает скорость до тридцати пяти миль в час. Байкеры, следующие за ним, повторяют маневр — за долгие годы практики синхронность их действий отработана до автоматизма.

Из всей Громобойной пятерки только Мышонок видел дом, который они сейчас ищут, и в глубине души он просто не может поверить, что собирается увидеть его вновь. Поначалу легкость и быстрота, с какой удалось выудить из глубин памяти нужную информацию, порадовала его. Теперь же ему особенно не по себе от этих, казалось бы, совсем забытых воспоминаний. Серьезная опасность (а он не сомневается, что встретился с могучей и злобной силой, которая предупреждающе занесла над ним руку для разящего удара) по-прежнему поджидает в глубине леса. Воспоминания вернули из небытия и вывод, к которому он пришел после тех событий: это отвратительное сооружение, которое Джек Сойер называет «Черным домом», и убило Маленькую Нэнси Хейл. Уродливый «Черный дом» просто испускал смертоносные токсины. И этот невидимый яд убил Маленькую Нэнси. Теперь Мышонок это понимает и не сомневается в правильности своего вывода. Он чувствует руки Нэнси на своих плечах, видит ее тоненькие косточки, покрытые гниющей плотью.

«Если б я был ростом пять футов и три дюйма и весил сто пятьдесят фунтов вместо моих шести футов и двух дюймов и двухсот девяноста фунтов, я бы тоже сгнил, как она», — думает Мышонок.

Мышонок ищет узкую дорогу и щит рядом с ней глазами пилота истребителя, но засечь их сможет кто-то другой, так что у Мышонка ничего не получится. Его подсознание проголосовало, и решение принято: не видеть.

Каждый из остальных — Сонни, Док, Кайзер и даже Нюхач — тоже связали смерть Маленькой Нэнси с «Черным домом» и не оставили без внимания разницу в весе и габаритах Мышонка и Маленькой Нэнси. Однако Сонни Кантинаро, Док Амберсон, Кайзер Билл Стресснер и особенно Нюхач Сен-Пьер полагают, что яд, окутавший «Черный дом», — продукт рук человеческих, которые знали, что делали. Эти четверо мужчин твердо верят, что, пока они вместе, им ничего не грозит. Обществом друг друга они наслаждаются еще с колледжа. И причина, по которой им как-то не по себе, только одна: колонну возглавляет Мышонок Бауманн. И хотя Нюхач сам пропустил Мышонка вперед, это вносит легкий диссонанс в привычное им мироустройство.

В двадцати ярдах до границы «Центра Макстона» Сонни решает, что пора положить конец этому фарсу, вываливается из колонны, пришпоривает свой «софтейл», пристраивается рядом с Мышонком. Последний вопросительно смотрит на него, и Сонни указывает рукой на обочину.

Когда все останавливаются, Мышонок спрашивает:

— В чем проблема, Сонни?

— В тебе, — отвечает тот. — Или ты пропустил поворот, или все выдумал.

— Я же говорил, что не уверен, где находится эта дорога. — С безмерным облегчением Мышонок ощущает, что мертвые руки Маленькой Нэнси больше не сжимают его плечи.

— Разумеется, нет. Ты же «летал» на кислоте.

— Хорошей кислоте.

— Ладно, дальше дороги нет, это я точно знаю. Только деревья до заповедника старых пердунов.

Мышонок оглядывает оставшиеся до «Макстона» ярды, в надежде, что в них обнаружится просека, но тоже знает, что деревья стоят стеной.

— Черт, Мышонок, мы практически в городе. Я даже вижу Куин-стрит.

— Да, — кивает Мышонок. — Хорошо. — Если он сможет добраться до Куин-стрит, думает он, эти руки никогда больше не схватятся за его плечи.

Нюхач подводит к ним «электра глайд».

— Что хорошо, Мышонок? Ты согласен, что мы пропустили твою дорогу, или она где-то в другом месте?

Хмурясь, Мышонок оборачивается, смотрит на шоссе, по которому они только что проехали.

— Черт побери, я думаю, она где-то здесь, если в тот день меня полностью не заглючило.

— Да как такое могло быть? — удивляется Сонни. — Я всматривался в каждый дюйм и чертовски уверен, что не видел никакой дороги. А ты, Нюхач? Как насчет щита с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»? Ты, часом, его не заметил?

— Ты не понимаешь, — качает головой Мышонок. — Это дерьмо не хочет, чтобы его видели.

— Может, тебе следовало проехаться в отделение Д вместе с Сойером? — усмехается Сонни. — Тамошним обитателям постоянно что-то видится.

— Уймись, Сонни, — буркает Нюхач.

— Я там был, а ты — нет. Кто из нас знает, о чем речь? — спрашивает Мышонок.

— Я наслушался вас обоих, — обрывает дискуссию Нюхач. — Мышонок, ты по-прежнему думаешь, что дорога где-то здесь?

— Насколько мне помнится, да.

— Тогда мы ее проскочили. Возвращаемся назад и пробуем еще раз; если не находим, ищем в другом месте. Если ее здесь нет, она между двумя долинами, которые

тянутся вдоль 93-го шоссе, или в лесах на холме, которые поднимаются к смотровой площадке. Времени у нас предостаточно.

— С чего ты так уверен? — спрашивает Сонни. Воинственность его обусловлена неизвестным, с которым они могут столкнуться. Он предпочел бы вернуться в бар «Сэнд» и выпить графин «Кингслендского», одновременно мешая с грязью Вонючку, а не терять попусту время, мотаясь по пустынным дорогам.

Нюхач смотрит на него, глаза превращаются в льдинки.

— А ты знаешь другие места, где достаточно много деревьев, чтобы назвать их лесом?

Сонни идет на попятную. Нюхач не собирается возвращаться в бар «Сэнд». Нюхач будет искать до конца. Главным образом из-за Эми, но частично и из-за Джека Сойера. Прошлым вечером Сойер произвел на Нюхача неизгладимое впечатление, вот что случилось, и теперь Нюхач думает, что любое слово этого парня — золото. Для Сонни же многое из сказанного Сойером лишено смысла, но командует парадом Нюхач, а потому Сонни смиряется с тем, что какое-то время они, как и положено хорошо вымуштрованным солдатам, будут исполнять приказы. Однако, если эта *история затянется дольше чем на* пару дней, Сонни намеревается перекинуться парой слов с Мышонком и Кайзером. Док в любом вопросе встанет на сторону Нюхача, но остальные двое способны прислушаться к здравому смыслу.

— Значит, так, — командует Нюхач, — к Куин-стрит не едем. Мы знаем, что на этом участке никакая гребаная дорога от шоссе не отходит. Поворачиваем назад, делаем еще одну попытку. Сразу едем колонной по одному. Мышонок, ты опять первый.

Мышонок кивает и готовится к тому, что вновь почувствует эти руки на плечах. Газует на своем «толстяке», разворачивается, занимает место впереди. Нюхач пристра-

ивается к нему, за ним следуют Сонни и Док, замыкает колонну Кайзер.

«Пять пар глаз, — думает Сонни. — Если мы не сможем найти дорогу и щит на этот раз, то никогда их не увидим. И не увидим, потому что это гребаное шоссе тянется до середины штата. После того как Мышонок и его старушка закинулись Несравненной, они могли укатить за сотню миль, думая, что всего-то побывали в соседнем квартале».

Все смотрят на противоположную сторону шоссе и стоящий стеной лес. Пять пар глаз, как правильно подметил Сонни, ищут просвет в дубах и соснах. Мышонок едет чуть быстрее пешехода, но медленнее бегущего трусцой, и деревья проползают мимо. На такой скорости они могут заметить мох на стволах и яркие пятна солнечного света на лесной подстилке, коричнево-серой и напоминающей бугристый войлок. За первым рядом деревьев, которые стоят, как часовые, мешанина стволов, сухостоя, полос света. В том мире неведомые тропы, проложенные ветром, ведут к невидимым полянам и прогалинам. Сонни вдруг замечает стаю воробьев, занимающихся своей воробьиной гимнастикой на ветвях, которые, переплетаясь, образуют зеленый полог. Кроме воробьев, в лесу полно и других птиц.

Все это напоминает ему о густых лесах Пенсильвании, по которым он бродил мальчишкой, до того, как его родители продали дом и перебрались в Иллинойс. Такого восторга, как в Пенсильвании, он больше не испытывал нигде. Убежденность Сонни в том, что Мышонок ошибся и они ищут не там, где следует, основана на душевной травме. Раньше Сонни говорил о плохих, гиблых местах, из которых одно он точно видел собственными глазами. Но, по опыту Сонни, плохие места, те, которые дают знать, что тебя там не ждут, располагаются на самой границе или около нее.

Летом, по окончании средней школы, он и двое его лучших друзей, все заядлые мотоциклисты, оседлали свои

байки и поехали в Райс-Лейк, штат Висконсин, где жили две его кузины, достаточно симпатичные, чтобы показать их друзьям. Солу и Гарри девчонки очень понравились, а кузины нашли, что байкеры — это сексуально и экзотично. После пары дней, проведенных в роли пятого колеса (или пятого и шестого, в зависимости от того, что считать), Сонни предложил удлинить путешествие до недели и ради новых впечатлений смотаться в Чикаго и потратить оставшиеся деньги на пиво и тамошних проституток, а уж потом вернуться домой. Солу и Гарри идея понравилась. На третий вечер пребывания в Райс-Лейк они собрали вещи и с диким ревом унеслись на юг. К десяти вечера им удалось окончательно и бесповоротно заблудиться.

Возможно, сказалось пиво, возможно, невнимательность, но по той или иной причине они свернули к автостраде и на подходе темной сельской ночи очутились на окраине покинутого людьми городка Харко. Харко не значился на их карте, но, должно быть, находился на самой границе штатов, то ли еще в Висконсине, то ли уже в Иллинойсе. Состоял он из заброшенного мотеля, разваливающегося магазина и пустого элеватора. Когда они добрались до элеватора, Сол и Гарри заявили, что устали, проголодались и хотят повернуть назад, чтобы провести ночь в мотеле.

Сонни, который вымотался не меньше их, вернулся вместе с ними. Как только они въехали в темный двор, у него появилось дурное предчувствие. Воздух вдруг стал гуще, ночь — темнее, чем следовало. Сонни понял: здесь обитает что-то невидимое и злобное. Он изо всех сил пытался увести их с территории мотеля, но Сол и Гарри только посмеивались, называя его трусишкой, гомиком, девчонкой. Потом взломали дверь и расстелили спальники в пустой, пыльной прямоугольной комнате. Он же отнес свой на другую сторону дороги и провел ночь в поле.

Проснулся на заре, с мокрым от росы лицом. Поднялся, справил малую нужду в высокой траве, посмотрел на

мотоциклы, которые оставались во дворе мотеля. Все три стояли в ряд перед сломанной дверью. Во дворе темнела вывеска с названием мотеля: «ПРИЮТ НОВОБРАЧНЫХ». Он пересек дорогу, провел рукой по влаге, поблескивающей на сиденьях мотоциклов. И тут странный звук донесся из комнаты, где спали его друзья. Предчувствуя беду, Сонни распахнул взломанную дверь. Если бы он сразу отказался верить в то, что увидел в комнате, точно лишился бы чувств.

Сол Турсо сидел на полу, его лицо блестело от слез и крови. Отрезанная голова Гарри Райлли лежала у него на коленях. Кровь залила пол и забрызгала стены. Тело Гарри осталось на пропитавшемся кровью спальнике. Голое тело. На Соле была лишь кроваво-красная футболка. Сол поднял обе руки. Одна сжимала охотничий нож с длинным лезвием, ладонь второй покраснела от крови. Он повернул перекошенное лицо к застывшему как изваяние Сонни. «Я не знаю, как это произошло, — пронзительно, не своим голосом выкрикнул он. — Я не помню, как я это сделал, как я мог это сделать? Помоги мне, Сонни. Я не знаю, что случилось».

Лишившись дара речи, Сонни попятился и умчался на мотоцикле. Куда едет — не знал, лишь бы выбраться из Харко. Через две мили дорога привела его в маленький городок, на этот раз настоящий, с людьми, и кто-то отвел его к шерифу.

Харко — гиблое место. По существу, там погибли оба его школьных друга, потому что Сол Турсо повесился через шесть месяцев после того, как попал в тюрьму штата, получив пожизненный срок за убийство. В Харко Сонни не видел ни дроздов, ни дятлов. Даже ласточки и те предпочитали держаться подальше от Харко.

Этот короткий участок шоссе номер 35? Ничего, кроме милого, уютного лесочка. Позвольте сказать вам, сенатор, Сонни Кантинаро видел Харко, и этот лес не имеет ничего общего с Харко. Близко не лежал. Просто находится в другом мире. Пристальному глазу Сонни и его нетер-

пеливой душе открывается лишь лесной массив, протянувшийся вдоль шоссе на милю с четвертью. Он думает, что здорово поехать туда одному, поставить «харлей» под деревьями, погулять меж дубов и сосен, чувствуя, как пружинит под ногами прошлогодняя листва, чирикают над головой птицы.

Сонни смотрит на и сквозь деревья-часовые по другую сторону шоссе, предвкушая удовольствие, которое испытает, войдя под их сень. Вдруг что-то белое бросается ему в глаза из темноты за огромным дубом. Видя себя гуляющим под зеленым шатром, он принимает это белое за игру света, иллюзию. Потом вспоминает, что должен искать, притормаживает, опускает голову и *видит* выглядывающую из подлеска у основания дуба ржавую дыру от пули и над ней слово «ПОСТ». Сворачивает на полосу встречного движения, и «ПОСТ» расширяется до «ПОСТОР». Он не верит своим глазам, но нет, перед ним чертов щит Мышонка. Он проезжает еще фут и видит уже всю надпись.

Сонни переводит байк на нейтральную скорость, ставит одну ногу на землю. Темнота рядом с дубом тянется как паутина к соседнему дереву, тоже дубу, но не такому огромному. Док и Кайзер, которые ехали следом, пересекают разделительную полосу и останавливаются. Он не обращает на них внимания, смотрит вслед Нюхачу и Мышонку, которые уже в тридцати футах *впереди и не* отрывают глаз от деревьев.

— Эй! — кричит он. Нюхач и Мышонок не слышат. — Эй! Остановитесь!

— Ты нашел? — спрашивает Док.

— Догони этих говнюков и приведи сюда, — бросает ему Сонни.

— Это здесь? — Док всматривается в деревья.

— А ты думаешь, я нашел труп? Разумеется, здесь.

Док подъезжает, останавливается у Сонни за спиной, смотрит на лес.

— Док, ты видишь? — кричит Кайзер Билл, подъезжая к Доку.

— Нет, — отвечает Док.

— Оттуда не увидишь, — говорит ему Сонни. — Пожалуйста, не стой столбом, поезжай за Нюхачом, а?

— А почему бы не поехать тебе? — спрашивает Док.

— Потому что, тронувшись с места, я, возможно, больше не найду этот гребаный щит.

Мышонок и Нюхач уже в шестидесяти футах, продолжают бесплодные поиски.

— Но я все равно ничего не вижу, — гнет свое Док.

Сонни вздыхает.

— Иди сюда. — Док подводит «толстяка», ставит его параллельно байку Сонни, продвигает вперед еще на пару дюймов. — Вот. — Сонни показывает на щит.

Док щурится, наклоняется над рулем байка Сонни:

— Где? Да, теперь вижу. Крепко же ему досталось.

Верхняя половина щита наклонена вперед и бросает тень на нижнюю. Какой-то юный хулиган, проезжая мимо, отделал щит бейсбольной битой. Его старшие братья, более изощренные в преступных делах, еще раньше попытались убить щит, расстреляв из винтовок двадцать второго калибра, а он лишь нанес coup de grace[1].

— И где должна быть дорога? — спрашивает Док.

Сонни, которому от мысли об этой дороге как-то не по себе, указывает на простыню темноты, начинающуюся справа от щита и тянущуюся к соседнему, размером поменьше, дубу. Когда он всматривается в темноту, она теряет двухмерноеть и углубляется в лес, словно пещера или черная дыра, пробивающая воздух. Стенки пещеры — черной дыры растворяются, расходятся, и его взгляду открывается проселок, шириной примерно пять с половиной футов, который, должно быть, всегда там и был.

— Черт знает что! — восклицает Кайзер Билл. — Не понимаю, как мы могли не заметить эту дорогу, когда проезжали мимо в первый раз.

---

[1] Coup de grace — смертельный удар, прекращающий страдания и нанесенный из милосердия.

Сонни и Док переглядываются: Кайзер подошел слишком поздно, чтобы увидеть, как дорога словно материализовалась из черной стены толщиной в лист бумаги.

— Все не так просто, — говорит Сонни.

— Глаза должны приспособиться, — добавляет Док.

— Ладно, — кивает Кайзер Билл. — Если вы и дальше будете спорить, кому ехать за Мышонком и Нюхачом, то позвольте мне освободить вас от этого важного дела. — Он включает передачу, резко газует и срывается с места, словно курьер времен Первой мировой войны с важным донесением с фронта. Уехавшие достаточно далеко вперед Мышонок и Нюхач останавливаются и оглядываются, должно быть услышав рев мотора.

— Наверное, в этом все дело. — Сонни смущенно смотрит на Дока. — Глаза должны приспособиться.

— Другой причины просто не может быть.

Не убедив в этом друг друга, оба оставляют малоприятную тему, наблюдая за Кайзером Биллом, который уже догнал Нюхача и Мышонка. Кайзер показывает на Сонни и Дока. Нюхач что-то показывает Кайзеру. Мышонок что-то показывает им обоим. Кайзер вновь показывает на Сонни и Дока. Похоже на разговор глухонемых. Наконец, Кайзер разворачивает мотоцикл и с ревом направляется к ним. Нюхач и Мышонок не отстают.

Обычная история: если Нюхач не во главе, воцаряется беспорядок.

Кайзер останавливается по другую сторону найденной дороги. Нюхач и Мышонок — рядом, Мышонок — напротив узкого проселка.

— Вроде бы заметить дорогу не так уж и сложно, — размышляет вслух Нюхач. — Но, так или иначе, мы ее нашли. А то я уже начал сомневаться, Мышонок.

— Ага. — Мышонок, всегда жизнерадостный, привыкший воспринимать мир с улыбкой, заметно сник. И загорелая, выдубленная ветром кожа как-то побледнела.

— Парни, хочу сказать вам правду, — продолжает Нюхач. — Если Сойер не ошибается насчет этого дома,

вонючий недоносок, который построил его, наверняка понаставил ловушек и всяких сюрпризов. Конечно, дом строился давно, но, если его хозяин — Рыбак, у него еще больше оснований не подпускать людей к своему логову. Поэтому мы должны прикрывать спину. Лучшая тактика — ударить со всей силы, но надо быть настороже. А потому приготовим оружие, чтобы оно было под рукой, идет?

Нюхач открывает один из багажных ящиков, достает «кольт» калибра 9 мм с рукояткой из слоновой кости и вороненым стволом. Вставляет обойму, снимает с предохранителя. Сонни вытаскивает «магнум» калибра 357, Док — «кольт», такой же, как у Нюхача, Кайзер Билл — старый «смит-вессон» 38-го калибра, с которым не расстается с конца семидесятых. Револьверы и пистолеты, которые ранее использовались только в тирах, перекочевывают в карманы кожаных курток. Мышонок, у которого стрелкового оружия нет, рассовывает ножи по карманам джинсов, за голенища сапог. Один отправляется на поясницу, под пояс.

— Отлично, — кивает Нюхач. — Те, кто там живет, услышат о нашем приближении, что бы мы ни делали, скорее всего уже знают о нас, поэтому нет смысла маскироваться. А потому действуем быстро, напористо... вы в этом доки. Используем скорость в качестве союзника. В зависимости от того, как будут развиваться события, постараемся как можно ближе подобраться к дому.

— А если ничего не произойдет? — спрашивает Кайзер Билл. — Если мы так и доедем до дома? Я вот не вижу причин ожидать встречи с чем-то сверхъестественным. Да, с Мышонком случилось что-то плохое, но... вы знаете. И это не значит, что нас ждет то же самое.

— Тогда просто насладимся поездкой, — отвечает Нюхач.

— И ты не захочешь заглянуть в дом? — не отстает Кайзер. — Возможно, он держит там детей.

— Возможно, он в доме. Если да, то, что бы я ни обещал Сойеру, мы выкурим его оттуда. Живым лучше, чем мертвым, но я не буду возражать против того, чтобы причинить серьезный ущерб его здоровью.

Ему отвечает одобрительный гул голосов. Только Мышонок имеет на этот счет собственное мнение: он лишь наклоняет голову и еще крепче сжимает руль.

— Поскольку Мышонок там уже бывал, он едет первым. Док и я — за ним, Сонни и Кайзер прикрывают наши задницы. — Нюхач смотрит на них. — Держитесь в шести-восьми футах, понятно?

«Не ставь Мышонка первым, ты должен возглавить колонну», — раздается в голове Сонни внутренний голос, но он кивает:

— Понятно, Нюхач.

— Построились.

Они передвигают байки, занимая указанные Нюхачом позиции. Всем, кто едет по шоссе номер 35, пришлось бы затормозить, чтобы не наехать на здоровяков на мотоциклах. Но ни одного автомобиля не появляется ни справа, ни слева. Все, включая Мышонка, газуют и готовятся рвануть с места. Сонни ударяет кулаком в кулак Кайзера и вновь вглядывается в черный тоннель в лесу.

Большая ворона садится на одну из нижних ветвей, наклоняет голову, вроде бы пытается встретиться взглядом с Сонни. Ворона, должно быть, смотрит на всех, Сонни это понимает, но не может отделаться от ощущения, что она уставилась именно на него. Ее блестящие глазки полны насмешки. Осознание, что ворону забавляет его вид, заставляет Сонни, нависшего над рулем байка, вспомнить о «магнуме».

«А не превратить ли тебя в комок окровавленных перьев, крошка?»

Не расправляя крыльев, ворона отпрыгивает по ветви назад и исчезает среди дубовых листьев.

— ПОЕХАЛИ! — кричит Нюхач.

В тот самый момент, когда байк Мышонка трогается с места, гниющие руки Маленькой Нэнси опускаются на его плечи. Ее тонкие кости жмут с такой силой, что на коже под курткой наверняка останутся синяки. И хотя Мышонок знает, что такое невозможно, нельзя избавиться от того, чего нет, внезапная боль в плечах приводит к попытке скинуть нежелательную наездницу. Мышонок дергает плечами, выворачивает руль из стороны в сторону, отчего байк едва не заносит. Как только байк начинает тянуть вбок, Маленькая Нэнси еще сильнее вцепляется в Мышонка. А когда Мышонок выравнивает байк, обнимает костлявыми руками шею, прижимается телом к спине. Ее череп трется о его затылок, зубы впиваются в кожу.

Это уже чересчур. Мышонок знал, что она появится, но не ожидал, что это будет так. И несмотря на скорость, у него ощущение, что воздух заменила более плотная и вязкая субстанция, густой сироп, который задерживает его, тянет назад. И он, и байк стали гораздо тяжелее, словно на этом проселке сила тяжести неизмеримо возросла. Голова гудит, из леса по его правую руку уже доносится рычание собаки. Мышонок полагает, что он бы все это выдержал, если бы не тот же трюк, каким его остановили в прошлый раз, когда он попал на эту тропу: мертвая женщина. Тогда это была Киз Мартин; теперь мертвая женщина — Маленькая Нэнси, и она ни на секунду не оставляет его в покое: бьет по голове, по бокам, рвет уши. Он чувствует, как ее зубы оставляют шею, чтобы тут же впиться в левое плечо. Одна из рук болтается перед ним, и ужас еще сильнее охватывает Мышонка, когда до него доходит, что он видит эту руку. Лохмотья кожи висят на длинных костях, белые черви копошатся в оставшихся ошметках плоти.

Рука, судя по прикосновению, губчатая и костлявая одновременно, хватает Мышонка за щеку, ползет ко лбу. На том Мышонок ломается: паника белым взрывом врывается в мозг, он теряет контроль над байком. Когда он

вписывался в поворот, выводящий к «Черному дому», байк уже опасно кренился, а тут Мышонок дергается от отвращения и вместе с байком валится на землю.

В этот самый момент слышит, что собака рычит в каких-то нескольких ярдах от него. «Харлей» придавливает ногу Мышонка, инерция тащит байк вперед, вместе с седоками, реальным и призрачным. Когда Мышонок видит «Черный дом», затаившийся среди деревьев, костлявая рука ладонью ложится ему на глаза. Его крик тонет в яростном лае собаки.

Через несколько секунд после съезда с шоссе Нюхач чувствует, как воздух сгущается и становится липким. «Это какой-то фокус, — говорит он себе. — Иллюзия, вызванная действующими на мозг токсинами, распыляемыми Рыбаком». Надеясь, что остальных эта иллюзия не собьет с толку, он поднимает голову и смотрит поверх плеч и головы Мышонка. Примерно в пятидесяти футах проселок поворачивает налево. Густой воздух давит на руки и плечи, в голове поселяется тупая, нарастающая боль, начинается за глазами, медленно продвигается вглубь. Нюхач бросает короткий взгляд на Дока и видит, что тот в порядке. Смотрит на спидометр: уже тридцать пять миль в час, и скорость растет. К повороту они могут разогнаться до шестидесяти.

Где-то справа рычит собака. Нюхач выхватывает из кармана пистолет, слышит, что рычание движется к повороту с той же скоростью, что и они. Зона боли расширяется. Боль выдавливает глаза из орбит. Большая собака (конечно, собака, кто же еще?) приближается, и леденящее кровь рычание заставляет Нюхача увидеть огромную голову, сверкающие злобой, налитые кровью глаза, раскрытую пасть, полную акульих зубов, капающую на землю слюну.

Две причины мешают ему сконцентрироваться. Первая — Мышонок, который, входя в поворот, мотается на своем байке из стороны в сторону, словно стараясь оторвать от спины сгустившийся воздух. Вторая — утроившееся давление, с которым боль пытается выпихнуть глаза из

глазниц. И как только он видит, что падение Мышонка неминуемо, сосуды в его глазах лопаются. Кровавая краснота быстро переходит в абсолютную черноту. А в голове раздается отвратительный голос: «Эми зидить на моем колене и обнимать меня. Я решить ее зесть. Как она брыкатза и царапатза. Я пришлоз задушить...»

— Нет! — ревет Нюхач, и голос, выталкивающий его глаза, превращается в хриплый смех. Но долю секунды Нюхач видит кого-то высокого и худого, с одним глазом, с зубами, блеснувшими из-под шляпы или капюшона...

...мир вдруг кренится, и вот он уже лежит на спине, а байк давит ему на грудь. Все, что он видит, замарано черным, сочится красным. Мышонок кричит, и, повернув голову на крики, Нюхач видит красного Мышонка, лежащего на красной дороге, и бегущую к нему огромную красную собаку. Нюхач не может найти пистолет, он куда-то отлетел. Крики, вопли, рев моторов наполняют уши. Он выкарабкивается из-под байка, крича непонятно что. Красный Док проскакивает мимо на красном байке и едва не сбивает с ног. Он слышит выстрел, потом другой.

Док замечает взгляд Нюхача и старается не показывать виду, как ему плохо. Грязная вода булькает в желудке, кишечник скручивает. Ему представляется, что движется он со скоростью пять миль в час, такой густой и противный воздух. По какой-то причине его голова весит тридцать или сорок фунтов, и это хуже всего; даже интересно, сможет ли он остановить революцию, начинающуюся в его внутренностях. Плотность воздуха все усиливается, а потом — бум, словно исчезает, и его голова, воздух ее больше не поддерживает, превращается в сверхтяжелый шар для боулинга, который так и норовит упасть на грудь. Оглушающее рычание доносится из леса, и Док с трудом подавляет рвотный рефлекс. Краем глаза он видит, как Нюхач достает пистолет, чувствует, что должен сделать то же самое, но вспоминает Дейзи Темперли, и это воспоминание парализует его волю.

Будучи резидентом в университетской больнице Урбаны, Док провел, разумеется под контролем опытных специалистов, около сотни различных операций и ничуть не реже был ассистентом. До появления в операционной Дейзи Темперли все они прошли хорошо. Предстояла операция на ноге, сложная, но не угрожающая жизни. Дейзи попала в автоаварию, или с ней произошел несчастный случай, а теперь ее по частям собирали вновь. Она уже перенесла две операции, и эта, связанная с установкой штифта и еще несколькими рутинными мероприятиями, была далеко не последней. Через два часа после начала операции заведующего отделением, который курировал Дока, срочно вызвали в другую операционную. То ли из-за того, что в последние сорок восемь часов он практически не спал, то ли потому, что он уже представлял себе, как мчится по автостраде с Нюхачом, Мышонком и другими своими новыми друзьями, но Док ошибся. Не во время операции — после. Назначая медикаментозное лечение, неправильно рассчитал дозировку, и двумя часами позже Дейзи Темперли умерла. Он мог бы спасти свою карьеру, возможности были, но не стал этого делать. Ему позволили окончить резидентуру, после чего он навсегда ушел из медицины. А в разговоре с Джеком существенно упростил мотивы, побудившие его к этому.

Док больше не может сдерживать ураган, разбушевавшийся в животе. Поворачивает голову и блюет на ходу. Это не первый раз, когда ему приходится расставаться с содержимым желудка, не сбавляя скорости, но самый болезненный и грязный. Вес головы, шара для боулинга, не позволяет вытянуть шею, а потому блевотина покрывает правые плечо и руку. А то, что вылетает изо рта, похоже, отрывается с корнем. Его не удивляет, что в блевотине кровь. Боль в желудке только усиливается.

Сам не замечая того, Док притормаживает, а когда вновь смотрит перед собой и прибавляет газу, то видит, как Мышонок валится на бок и вслед за мотоциклом его тащит в поворот. В ушах стоит гул, словно рядом распо-

ложился небольшой, но шумный водопад. До него доносится вопль Мышонка. Он слышит приглушенный крик Нюхача: «Нет!» И тут же Нюхач натыкается на большой булыжник или какую-то другую преграду, потому что его «электра глайд» отрывается от земли, перескакивает через эту самую преграду, летит по сгустившемуся воздуху, чтобы опуститься на Нюхача. Доку приходит в голову, что в своей миссии они потерпели сокрушительное поражение. Нормальный мир остался за обочиной шоссе, а они по уши влезли в дерьмо. Он принимает единственно логичное решение: выхватывает из кармана пистолет калибра 9 мм и пытается определиться с первой целью.

Уши прочищаются, звуки жизни обрушиваются на него. Мышонок все кричит. Док не может понять, как он не слышал рычания собаки, ведь его не могут перекрыть ни рев мотоциклетных моторов, ни крики Мышонка. Движущееся рычание — самый громкий в лесу звук. Гребаная собака Баскервилей бежит к ним, а Мышонок и Нюхач вышиблены из седла. Судя по рычанию, размером она не меньше медведя. Док выставляет пистолет перед собой и ведет мотоцикл одной рукой. Проскакивает мимо Нюхача, который пытается вылезти из-под своего байка. Жуткий звук — Док представляет себе, как собака размером с медведя раскрывает пасть, чтобы сомкнуть ее на голове Мышонка, но это видение тут же исчезает. Ситуация меняется с калейдоскопической быстротой, и, если он будет отвлекаться, эти челюсти могут сомкнуться и на его голове.

Он только успевает подумать: «Это не обычная собака, речь даже не о размерах...»

...когда что-то огромное и черное выскакивает из леса справа от него и по диагонали несется к Мышонку. Док нажимает на спусковой крючок, и грохот выстрела заставляет животное наполовину развернуться и зарычать на него. Док видит два красных глаза и открытую пасть с длинным языком и множеством острых зубов. Молния ужаса пронзает Дока от темечка до мошонки, его байк

разворачивается поперек дороги, замирает. Внезапно Доку кажется, что вокруг глубокая ночь. Разумеется, собаку он не видит: как можно разглядеть черную собаку в ночной тьме?

Но тварь вновь разворачивается и бежит к Мышонку.

«Она не бросилась на меня из-за пистолета и потому, что за моей спиной еще двое парней», — думает Док. Его голова и руки, кажется, набрали еще по сорок фунтов каждая, но он борется с избытком массы, выпрямляет руки и стреляет вновь. На этот раз знает, что попал в тварь, которая лишь на мгновение сбивается с курса. Морда опять поворачивается к Доку. Тварь громко и протяжно рычит, из пасти брызжет слюна. Хвост или его подобие мотается из стороны в сторону.

Когда Док смотрит в раскрытую красную пещеру, его решимость слабеет, руки становятся еще тяжелее, ему с трудом удается держать голову. Ощущение такое, что он падает в эту красную пасть. Пистолет почти вываливается из ослабевших пальцев. Тех самых пальцев, которые выписали роковую дозу лекарства прооперированной Дейзи Темперли. Тварь бежит к Мышонку. Док слышит Сонни, выкрикивающего ругательства. Громкий взрыв справа вырубает оба его уха, вокруг устанавливается блаженная тишина. «Приплыли, — говорит себе Док. — Полночь в полдень».

На Сонни темнота сваливается одновременно с рвущей болью в голове и животе. Такой сильной боли он никогда не испытывал и понимает: именно из-за нее свет померк у него перед глазами. Он и Кайзер Билл в восьми футах позади Нюхача и Дока и в пятнадцати от поворота узкого проселка. Кайзер отпускает руль и обеими руками хватается за голову. Сонни прекрасно понимает, что тот сейчас чувствует: раскаленный кусок железной трубы длиной четыре фута вонзился в макушку и опускается все ниже, добираясь до яиц, сжигая все, что встречается по пути. «Эй, парень», — говорит он и тут замечает, что воздух

превращается в густой сироп, словно атомы кислорода и углекислого газа стали такими липкими, что приклеиваются к коже. Тут Сонни видит, что у Кайзера закатываются глаза, и понимает, что тот вот-вот отключится. Боль разрывает и его, но он знает, что должен помочь Кайзеру. Сонни протягивает руку к рулю его байка, наблюдая, как зрачки Кайзера исчезают под верхними веками. Кровь струйками вырывается из ноздрей, тело откидывается назад, потом сваливается в сторону. Пару секунд байк тащит своего наездника, потому что один сапог зацепился за руль. Потом сапог соскальзывает, а рука Сонни останавливает байк.

Раскаленная докрасна труба тем временем протыкает Сонни желудок, и выбора у него уже нет; он позволяет байку Кайзера свалиться на землю, стонет, сгибается пополам и выблевывает всю еду, которую съел за свою жизнь. Когда внутри ничего не остается, желудку определенно становится легче, но боль вгоняет в голову одну огромную спицу за другой. Руки и ноги становятся ватными. Сонни смотрит на свой байк. Вроде бы стоит на месте. Он не понимает, как можно двинуть его дальше, но окровавленная рука поворачивает ручку газа. Ему удается сохранить равновесие, когда мотоцикл трогается с места. «Это моя кровь?» — гадает он, вспоминает две красные струйки, вырвавшиеся из ноздрей Кайзера.

Шум, который набирал силу, превращается в рев «747-го», идущего на посадку. Сонни думает, что сегодня у него нет ни малейшего желания смотреть на животное, которое может издавать такие звуки. Мышонок был абсолютно прав: это гиблое, гиблое место, двойник очаровательного городка Харко, расположенного на границе с Иллинойсом. Сонни больше не хочется попадать в Харко. Одного раза для него больше чем достаточно. Так зачем ехать вперед, когда можно развернуться и умчаться к солнечному миру шоссе номер 35? Он не позволит этой псине, рычание которой громкостью не уступает реву самолетных двигателей, откусить ему яйца. Как бы ни было больно.

Спицы продолжают втыкаться в голову Сонни, когда тот прибавляет скорость и смотрит вперед, пытаясь понять, что происходит на дороге. Кто-то кричит, но он не может разобрать, кто именно. Сквозь рычание он безошибочно узнает звук удара подпрыгнувшего мотоцикла о землю, и у него екает сердце. «Нюхач всегда должен ехать первым, — думает он, — иначе жди беды». Гремит пистолетный выстрел. Сонни заставляет себя продавливаться сквозь слипшиеся атомы воздуха и через пять или шесть секунд видит Нюхача, который с трудом поднимается на ноги рядом с лежащим на земле байком. В нескольких футах дальше в поле зрения попадает массивная фигура Дока. Он сидит на застывшем байке, поставив ноги на землю, и целится из пистолета во что-то находящееся перед ним. Док стреляет, из ствола вылетает язык красного пламени.

Из последних сил Сонни соскакивает с движущегося байка и бежит к Доку, стараясь разглядеть, что находится впереди. Сначала видит байк Мышонка, лежащий плашмя в двадцати футах от него, на изгибе проселка. Потом самого Мышонка, отползающего от какого-то зверя. Что это за зверь — не разобрать. Сонни видны только зубы и глаза. Не замечая ругательств, которые потоком срываются с языка, Сонни выхватывает револьвер и стреляет в чудовище, пробегая мимо Дока.

Док не просто стоит. Док вышел из игры. Странный зверь смыкает челюсти на ноге Мышонка. Он собирается вырвать из нее немалый кусок мяса, но «магнум» Сонни всаживает в него пулю с полым наконечником (спасибо практике в тире, стрелок он меткий). Но против ожидания и законов физики, разрывная пуля Сонни не проделывает в боку зверя дыры размером с футбольный мяч. Она только отталкивает его и отвлекает от ноги Мышонка, даже не сбивает с лап. Мышонок вопит от боли.

Собака разворачивается и смотрит на Сонни красными глазами размером с бейсбольный мяч. Пасть открывается, обнажая множество острых белых зубов. Пасть резко захлопывается. С челюстей слетает слюна. Собака накло-

няется, движется вперед. Рычание усиливается. Сонни предупреждают: если он не повернется и не убежит, быть ему очередным блюдом.

— Хрена с два, — рычит Сонни и стреляет зверю в пасть. Разрывная пуля должна превратить всю голову в кровавое месиво, но после выстрела ничего не меняется.

«Дерьмо», — думает Сонни.

Глаза псевдособаки сверкают, голова вдруг начинает вылезать из сгустившейся тьмы. Черный полог словно оттягивается назад, и Сонни уже видит мощную шею, переходящую в огромный торс и сильные передние лапы. Может, ситуация меняется к лучшему, думает Сонни, может, это чудовище все-таки уязвимо. Сонни сжимает запястье правой руки левой, целится псевдособаке в грудь, нажимает на спусковой крючок. Грохот выстрела забивает ему уши ватой. Все спицы, воткнутые в голову, разом раскаляются добела. Боль пробивает голову насквозь, от виска к виску.

Темная кровь бьет из грудины зверя. Сонни Кантинаро охватывает восторг первобытного человека, сразившего пещерного медведя. Все большая часть чудовища становится видимой. Широкая спина, задние лапы. С такой тварью, высотой четыре с половиной фута, он сталкивается впервые. Она напоминает гигантского волка. Когда волк начинает приближаться к нему, Сонни стреляет вновь. Словно эхо, у него за спиной гремит еще выстрел. Пуля с осиным жужжанием пролетает совсем рядом.

Тварь отступает, прихрамывая на раненую лапу. Сверкающие яростью глаза буравят Сонни. Он оглядывается и видит Нюхача, стоящего посреди узкой дороги с «кольтом» в руке.

— Не смотри на меня, стреляй! — орет Нюхач.

Его голос оживляет Дока, который поднимает руку с пистолетом и целится. Потом все трое жмут на спусковые крючки, и проселок уже напоминает тир. Псевдособака («Адский пес», — думает Сонни) отступает еще чуть-чуть,

раскрывает жуткую пасть, воет в ярости и злобе. Приседает на задние лапы, прыжок — и дорога открыта.

Сонни с трудом подавляет желание опуститься на землю, столь велики облегчение и усталость. Док поворачивается и стреляет в темноту под деревьями, пока Нюхач не кладет ему руку на плечо и не говорит: «Хватит!» Воздух пропах порохом и каким-то приторным животным мускусом. Светло-серый дым, поднимающийся в темном воздухе, кажется ослепительно-белым.

Осунувшееся лицо Нюхача поворачивается к Сонни, белки его глаз красные.

— Ты попал в этого гребаного зверя, да? — Голос Нюхача едва проникает в заткнутые ватой уши Сонни.

— Черт, да. Как минимум дважды, может, трижды.

— И мы с Доком *попали по разу? Откуда взялась эта* тварь?

— Из ада, откуда же еще? — отвечает Сонни.

Плача от боли, Мышонок в третий раз кричит: «Помогите мне!» — и остальные наконец-то его слышат. Медленно, ощупывая руками те части тела, которые болят больше всего, идут по проселку и опускаются на колени рядом с Мышонком. Правая штанина джинсов изодрана и пропитана кровью, лицо перекошено от боли.

— Вы что, оглохли?

— Практически, — отвечает Док. — Скажи мне, пуля тебе в ногу не попала?

— Нет, но только чудом. — Его лицо дергается, не расцепляя зубы, он втягивает сквозь них воздух. — Учитывая, как вы стреляли. Жаль, что вы не открыли огонь до того, как она ухватила меня за ногу.

— Я открыл, — отвечает Сонни. — Только поэтому ты с ногой.

Мышонок смотрит на него, качает головой.

— Что с Кайзером?

— Потерял литр крови, которая вытекла из носа, и отключился, — отвечает ему Сонни.

Мышонок вздыхает, сожалея о слабости человеческих существ:

— Как я понимаю, нам пора выбираться из этой дьявольской дыры.

— С ногой все в порядке? — спрашивает Нюхач.

— Она не сломана, если ты об этом. Но и не в порядке.

— Что с ней? — спрашивает Док.

— Не знаю. Я не отвечаю на медицинские вопросы заблеванным людям.

— Ехать сможешь?

— Да пошел ты, Нюхач... или ты не знаешь, когда я не смогу ехать?

Нюхач и Сонни встают по бокам и с огромным усилием поднимают Мышонка на ноги. Когда отпускают, Мышонок, хромая, делает несколько шагов.

— С ногой далеко не все в порядке.

— Это плохо, — говорит Нюхач.

— Нюхач, дружище, знаешь, какие у тебя глаза? Ярко-красные. Ты выглядишь как гребаный Дракула.

Они торопятся, насколько это возможно. Док хочет взглянуть на ногу Мышонка, Нюхач хочет убедиться, что Кайзер Билл жив, все они хотят выбраться из этого места туда, где нормальный воздух и солнечный свет. Головы гудят, мышцы болят от нечеловеческого напряжения. Никто не уверен, что адский пес не готовится ко второй атаке.

Пока они разговаривают, Сонни поднимает «толстяка» Мышонка и катит к владельцу. Мышонок берется за руль и катит байк к шоссе, хотя при каждом шаге лицо перекашивает от боли. Нюхач и Док поднимают свои байки, Сонни, пройдя по проселку шесть футов, проделывает то же самое.

До Нюхача вдруг доходит, что он не взглянул на «Черный дом», когда стоял в повороте, помогая Мышонку подняться. Вспоминает слова Мышонка: «Это дерьмо не хочет, чтобы его видели», и признает его правоту. Рыбак не хочет, чтобы кто-то заходил на проселок, не хочет, чтобы

кто-то смотрел на его дом. Уверен Нюхач и в другом: теперь Джеку Сойеру придется рассказать все.

Потом ужасная мысль пронзает его, и он спрашивает:

— С вами произошло что-то необычное, очень странное, перед тем как этот адский пес выскочил из леса? В голове?

Смотрит на Дока, и Док краснеет. Похоже, произошло, думает Нюхач.

— Пошел ты к черту, — бурчит Мышонок. — Я не собираюсь об этом говорить.

— Я полностью согласен с Мышонком, — вырывается у Сонни.

— Как я понимаю, ответ — да, — подводит итог Нюхач.

Кайзер Билл лежит на краю проселка с закрытыми глазами, подбородок, грудь, *живот влажные от крови. Воздух* по-прежнему серый и липкий, тела весят не меньше тысячи фунтов, байки катятся на свинцовых колесах. Сонни останавливает байк рядом с Кайзером Биллом, ногой не так уж и нежно бьет по ребрам.

Кайзер открывает глаза, стонет.

— Сонни, твою мать! Ты меня пнул. — Он приподнимает голову и замечает, что залит кровью. — Что случилось? Меня подстрелили?

— Ты вел себя как герой, — отвечает Сонни. — Как ты себя чувствуешь?

— Отвратительно. Куда меня ранили?

— Откуда мне знать? — отвечает Сонни. — Вставай, пора выметаться отсюда.

Остальные проходят мимо. Кайзеру Биллу удается подняться, а потом, ценой невероятных усилий, поднять и байк. Он толкает его к выезду с проселка, удивляясь как жуткой головной боли, так и количеству крови в его теле. Когда выходит из-под деревьев и присоединяется к друзьям на шоссе номер 35, неожиданно яркий свет бьет по глазам. Земля начинает уходить из-под ног, он вновь едва не теряет сознание.

— Думаю, я не ранен, — говорит он.

На Кайзера никто не обращает внимания. Док спрашивает Мышонка, не хочет ли тот сразу поехать в больницу.

— Только не в больницу. Больницы убивают людей.

— По крайней мере позволь мне взглянуть на твою ногу.

— Хорошо, смотри.

Док приседает. Прикасается к ноге удивительно нежными движениями. Мышонок морщится от боли.

— Мышонок, — говорит Док, — таких собачьих укусов мне видеть не доводилось.

— Так и такую собаку ты никогда не видел.

— Рана очень странная. Тебе нужны антибиотики, и немедленно.

— Разве у тебя нет антибиотиков?

— Конечно, есть.

— Тогда едем к Нюхачу, и там ты сможешь колоть меня, сколько влезет.

— Как скажешь, — отвечает Док.

Глава 20

Примерно в то время, когда Мышонок и Нюхач предпринимают первую, неудачную попытку найти проселок и щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», Джек отвечает на трель сотового телефона, надеясь, что звонит Генри Лайден, сообщить о результатах экспертизы записи разговора по линии 911. Конечно, будет здорово, если Генри удастся опознать голос, но Джек на это мало рассчитывает. Рыбак-Бернсайд старше Потси, и Джек сомневается, что он ведет активную социальную жизнь. Что Генри может, так это подметить тончайшие нюансы голоса и многое рассказать о его обладателе. Джек верит, что его друг слышит недоступное другим, пусть вера эта столь же иррациональна, что и вера в волшебников. Он не сомневается, что Генри Лайден укажет одну-две важные детали, которые смогут сузить фронт поисков. Впрочем,

Джека будет интересовать все, что удастся выудить Генри из записи на магнитной ленте.

А вот если звонит кто-то еще, Джек намерен как можно быстрее закруглить разговор.

Но голос, который он слышит в трубке, меняет первоначальные планы. С ним хочет поговорить Фред Маршалл, и Фред тараторит что-то бессвязное, поэтому Джек просит его не спешить и начать по новой.

— Джуди стало хуже, — говорит Фред. — Она... что-то бормотала, бушевала, обезумела, как раньше, бросалась на стены... Господи, на нее надели смирительную рубашку, тогда как она только хотела помочь Таю. Все это из-за той пленки. Господи, как мне с этим справиться? Джек, я хотел сказать, мистер Сойер, извините, сам не знаю, что говорю, я так тревожусь.

— Только не говорите мне, что кто-то послал ей запись разговора на линии 911.

— Нет, нет... при чем тут линия 911? Я говорю про кассету, которую сегодня передали в больницу. Адресованную Джуди. Верите, они дали ей прослушать запись! Мне хочется задушить доктора Спайглмана и эту медсестру, Джейн Бонд. Что на них нашло? В больницу поступает кассета, а они говорят, миссис Маршалл, вам тут прислали очень миленькую запись, подождите, я сейчас принесу магнитофон. И это в отделении для душевнобольных! Они даже не удосужились предварительно прослушать запись. Послушайте, я не знаю, чем вы сейчас заняты, но я был бы вечно вам благодарен, если бы вы позволили мне заехать за вами, чтобы отвезти вас в Арден. Вы могли бы поговорить с ней. Вы — единственный человек, кто может ее успокоить.

— Заезжать за мной не надо, потому что я уже еду туда. Что было на кассете?

— Не понимаю. — Смятение Фреда Маршалла только усиливается. — Почему вы едете в больницу без меня?

После секундного раздумья Джек выбирает ложь.

— Я думал, вы уже там. Жаль, что это не так.

— Мне бы хватило ума прослушать пленку, прежде чем нести ее Джуди. Вы знаете, кто ее прислал?

— Рыбак.

— Откуда вам это известно?

— Он любит общение, — отвечает Джек. — Что он там наговорил?

— Вы скажите мне, и тогда мы оба будем в курсе. Я знаю только то, что рассказала мне Джуди, а потом доктор Спайглман. — У Фреда Маршалла начинает дрожать голос. — Он издевался над ней. Можете в это поверить? Он сказал: «Вашему мальчику очень одиноко». А потом: «Он все просит и просит, чтобы ему разрешили позвонить домой и поговорить с мамочкой». Только Джуди говорит, что у него какой-то странный иностранный акцент или дефекты речи, поэтому сразу его понять нелегко. Еще он сказал: «Передай привет своей мамочке, Тайлер», — и Тайлер... — Голос Фреда обрывается, он несколько раз всхлипывает, прежде чем к нему возвращается дар речи. — Тайлер, Тайлер, похоже, так напуган, что может только звать на помощь. — Из трубки доносится рыдание. — И он плакал, Джек, плакал. — Фред Маршалл более не может сдержать чувства и плачет навзрыд. Джек слушает эти печальные звуки, доносящиеся из трубки, и у него щемит сердце. Ему очень жаль Фреда Маршалла. Наконец тот успокаивается. — Извините. Иногда мне кажется, что смирительную рубашку следовало надеть на меня.

— На пленке больше ничего не было?

— Нет, это не все. — Фред шумно вдыхает, прочищая мозги. — Он похвалялся, что собирается сделать. «Быть нофые убийштфа и нофые убийштфа. Мы фше отлишно пофешелитша». Спайлгман процитировал мне этот бред. Я буду косить детей Френч-Лэндинга, как пшеницу. Косить как пшенишу. Кто так говорит? Что это за человек?

— Если б я знал, — отвечает Джек. — Может, он специально говорил так, чтобы нагнать больше страху. Или изменить голос. — «Он никогда не стал бы менять голос, — думает Джек. — Он слишком доволен собой, что-

бы прятаться за акцент». — Я возьму пленку в больнице и прослушаю ее сам. И позвоню вам, как только узнаю что-нибудь новое.

— И еще, — продолжает Маршалл. — Я, наверное, допустил ошибку. Уэнделл Грин заезжал чуть больше часа тому назад.

— Любое общение с Уэнделлом Грином — ошибка. Так что случилось?

— Вроде бы он все знал насчет Тайлера и только хотел услышать от меня подтверждение. Я подумал, что ему рассказали Дейл или детективы из полицейского управления. Но Дейл еще не делал о нас официального сообщения, не так ли?

— У Уэнделла есть целая сеть осведомителей, которые снабжают его информацией. Если ему что-то известно, так только от них. Что вы ему сказали?

— Практически все, — отвечает Маршалл. — И о пленке тоже. Господи, какой же я кретин. Но я думал, это нормально... я думал, что со временем все об этом узнают.

— Фред, вы что-нибудь говорили обо мне?

— Только то, что Джуди вам доверяет и мы оба благодарны вам за помощь. Вроде бы я сказал, что вы собираетесь навестить ее во второй половине дня.

— Вы не упомянули бейсболку Тая?

— Вы думаете, я псих? Это ваши с Джуди дела. Если я чего-то не понимаю, то не собираюсь говорить об этом с Уэнделлом Грином. По крайней мере, я заставил его пообещать, что он будет держаться подальше от Джуди. Конечно, его репутация всем известна, но я думаю, что он не такой уж подонок, как о нем говорят.

— Не стоило вам с ним говорить, — вздыхает Джек. — Я с вами свяжусь.

Как только Фред Маршалл отключается, Джек набирает номер Генри.

— Я, наверное, буду у тебя позже, Генри. Сейчас еду в Лютеранскую больницу округа Френч. Джуди Маршалл получила пленку от Рыбака, и если мне ее отдадут, я при-

везу ее тебе. Что-то там странное... на пленке Джуди. Вроде бы он говорит с иностранным акцентом.

Генри отвечает, что Джек может не торопиться. Он еще не слушал первую пленку, а теперь подождет, пока Джек привезет ему вторую. Возможно, он услышит что-то полезное, если прокрутит их одну за другой. Во всяком случае, скажет Джеку, тот же это человек или нет.

— За меня не волнуйся, Джек. Вскоре миссис Мортон должна отвезти меня на KDCU. Сегодня Джордж Рэтбан зарабатывает на масло к моему хлебу — шесть или семь рекламных объявлений. «Даже слепой видит, что сегодня вечером вы собрались угостить вашу невесту, жену, любовницу, лучшую подругу отменным обедом, и если вы действительно хотите продемонстрировать своей пассии любовь и уважение, привезите ее к «Кузен Баддис Риб Криб» на Саут-Вабаш-стрит в самом центре Ла Ривьеры».

— Пассии, значит?

— Именно так. Джордж Рэтбан любит обобщения.

Смеясь, Джек говорит Генри, что обязательно заглянет к нему, и вжимает в пол педаль газа, увеличивая скорость «доджа» до семидесяти. А что сделает ему Дейл? Штрафанет за превышение скорости?

Он паркуется перед фасадом больницы, вместо того чтобы ехать на стоянку, и шагает к дверям, думая о Долинах и Джуди Маршалл. Ситуация меняется все быстрее, но в центре событий — Джуди Маршалл... нет, Джуди и он. Рыбак выбрал их сознательно, в отличие от трех первых жертв. Эми Сен-Пьер, Джонни Иркенхэм и Ирма Френо — обычные дети примерно одного возраста, на их месте мог оказаться любой другой ребенок, но Тайлер — сын Джуди Маршалл и этим выделяется среди остальных. Джуди заглядывала в Долины, Джек путешествовал по ним, а Рыбак живет там, как раковая клетка — в здоровом организме. Рыбак послал Джуди магнитофонную запись, Джеку — тошнотворный подарок. Находясь у Тэнзи Френо, он понял, что Джуди — его ключ и дверь, которую может

открыть этот ключ, и куда может вести эта дверь, как не в Запределье Джуди?

Запределье. Господи, как здорово. Более того, прекрасно.

А-а-а... слово вызывает в памяти Джуди Маршалл, а когда мысленным взором он видит ее лицо, дверь в его сознании, дверь, которая принадлежит только ему, распахивается. На мгновение Джек Сойер останавливается, застывает как истукан в шести футах от входа в больницу.

Через дверь в его сознание врывается поток образов: остановившееся колесо Ферриса, копы Санта-Моники, кучкующиеся за желтой лентой, огораживающей место преступления, свет, отражающийся от лысого черепа чернокожего мужчины. Да-да, лысая голова чернокожего мужчины, которую он ну совершенно не хочет видеть, вновь перед ним, прямо-таки на блюдечке с голубой каемочкой. Была и гитара, но гитара где-то в другом месте, гитара, которая принадлежала великолепному требовательному, сострадательному, не знающему жалости Спиди Паркеру, благословенному Господом, лишенному Господом глаз, любимому Господом Спиди, который касался струн и пел:

Странник Джек, Странник Джек,
Будешь ты брести весь век,
Но обратный путь домой...

Миры вращаются вокруг него, миры внутри миров, другие миры, расположившиеся вдоль, разделенные тонкой мембраной, состоящей из тысячи тысяч дверей, если только ты знаешь, где и как их найти. Тысяча тысяч красных перышек, маленьких таких, с грудки малиновки, с сотен грудок малиновок, влетели через одну из таких дверей. Дверь Спиди. Перья малиновки и синие яйца тоже малиновки, спасибо тебе, Спиди, и в песне твоей поется: «Просыпайся, просыпайся, сонный лентяй».

Или: «Просыпайся, просыпайся, ГЛУПАЯ ТВОЯ БАШКА».

И вдруг Джек слышит рев Джорджа Рэтбана: «Да-а-а-же СЛЕ-ЕЕ-Е-ПОЙ видит, что грядет, ДУРЬЯ БАШКА!»

— Неужели? — вслух спрашивает Джек. Хорошо, что старшая сестра Джейн Бонд, она же надзирательница Бонд, она же агент ноль-ноль Зеро, не слышит его. Она сурова и несправедлива и, если бы находилась рядом, надела бы на него смирительную рубашку, накачала транквилизаторами и утащила в свои владения. — Что ж, я знаю кое-что такое, о чем ты не имеешь ни малейшего представления, старина. У Джуди Маршалл есть Двойник, и этот Двойник перешептывался с ней через стену в стародавние времена. Неудивительно, что она в конце концов начала кричать.

Рыжеволосый подросток в футболке с надписью «Бейсбольная команда средней школы Ардена» открывает дверь в шести футах от Джека и бросает на него настороженный взгляд. «Взрослые такие странные, — говорит этот взгляд. — Как хорошо, что я еще ребенок!» Поскольку он — ученик средней школы, а не профессиональный психиатр, то не надевает на нашего героя смирительную рубашку, не всаживает в него лошадиную дозу успокоительного, не утаскивает в комнату с обитыми мягкими стенами. Просто обходит безумца по широкой дуге и легкой, пружинистой походкой отправляется по своим делам.

Все дело в Двойниках, ну конечно же. Наказывая себя за собственную глупость, Джек стучит по виску костяшками пальцев. Ему следовало понять это раньше. Ему следовало понять это сразу. Если уж искать настоящий предлог, то именно из-за этого он отказывался браться за расследование убийств детей, несмотря на попытки Спиди разбудить его, а потом настолько зациклился на Рыбаке, что до этого утра, пока не увидел по телевизору фильм с участием его матери, у него и мыслей не возникало о Двойнике монстра. Когда Джуди Маршалл была девочкой, ее Двойник девочка говорила с ней через мембрану между мирами. А в последний месяц все больше тревожилась, она просунула через мембрану руки и как следует тряхнула Джуди. Поскольку Джек — уникум и не имеет Двойни-

ка, налаживать с ним контакт пришлось Спиди. Теперь, когда сложилась полная картина, Джек просто не может понять, почему ему потребовалось столько времени, чтобы увидеть очевидное.

Теперь ясно, почему его так неудержимо тянуло к Джуди Маршалл: Джуди — дверь к ее Двойнику, к Тайлеру, к уничтожению Рыбака и его Двойника в Долинах, создателя сатанинского сооружения, которое ворон по кличке Горг показал Тэнзи Френо. И происходящее сегодня в отделении Д могло стать поворотным пунктом для судеб мира.

С гулко бьющимся сердцем Джек покидает залитый солнцем тротуар и входит в просторный холл больницы. Вроде бы те же пациенты в больничных халатах сидят на стульях, в дальнем углу те же врачи обсуждают сложного больного, а может, кто знает, наиболее удачный вариант прохождения коварной десятой лунки на поле для гольфа в «Загородном клубе Ардена», у двери магазина сувениров радуют глаз те же золотистые лилии. Повторяемость вселяет в Джека уверенность, он ускоряет шаг, не подозревая, какие неожиданности поджидают его на пятом этаже.

Тот же скучающий охранник выдает ему такую же зеленую пластиковую карточку с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ». Лифт, удивительно похожий на своего собрата в отеле «Ритц» на Вандомской площади, поднимает его мимо второго и третьего этажей, останавливается на четвертом, где в кабину входит молодой сухощавый врач, выпускает на пятом — здесь прекрасный золотистый свет чуть темнее, чем в громадном холле. От лифта Джек идет путем, проложенным Фредом Маршаллом, через двойные двери, мимо отделения геронтологии, мимо кабинета офтальмолога и архива. Он приближается к непредвиденному и неожиданному по мере того, как коридоры становятся темнее, и, наконец, входит в комнату, которой добрых сто лет, с окнами под потолком и деревянными панелями.

Вот тут на повторяемости ставится жирная точка, потому что за стойкой дежурного сидит другой человек, выше ростом, моложе, с более мрачным лицом. Когда

Джек говорит, что хочет повидаться с миссис Маршалл, молодой парень, пренебрежительно глянув на прямоугольник пластика с надписью «ПОСЕТИТЕЛЬ», осведомляется, родственник он или врач. Ни тот ни другой, признает Джек, но если молодой человек не сочтет за труд поставить в известность старшую медсестру Джейн Бонд, что мистер Сойер хочет поговорить с миссис Маршалл, старшая медсестра Бонд, безусловно, распорядится открыть железную дверь и пропустить его, как уже было днем раньше.

Возможно, так оно и было, цедит молодой человек, но сегодня медсестра Бонд не сможет открыть ни одной двери, потому что не работает. И не могло ли так случиться, что днем раньше мистер Сойер навещал миссис Маршалл в сопровождении члена семьи, скажем мистера Маршалла?

Да. Если есть необходимость проконсультироваться с мистером Маршаллом — скажем, по телефону, — он с радостью просит молодого человека решить эту сложную задачу, дабы мистер Маршалл лично подтвердил, что мистера Сойера надобно незамедлительно пропустить к его жене.

Это, конечно, выход, признает молодой человек, но правилами внутреннего распорядка немедицинскому персоналу, занимающему низшие должности, вроде дежурного, не разрешено звонить куда-либо за пределы больницы.

Джек, конечно же, любопытствует: а кто может дать такое разрешение?

Разумеется, медсестра Рэк, исполняющая в отсутствие медсестры Бонд обязанности старшей медсестры отделения.

Джек, которому задержка определенно действует на нервы, предлагает молодому человеку найти замечательную медсестру Рэк и получить необходимое разрешение, чтобы выполнить пожелания мистера Маршалла, мужа пациентки.

Нет, молодой человек не видит оснований следовать предложению мистера Сойера, не хочет попусту тратить время и силы. Мистер Сойер — не член семьи миссис Маршалл. А потому замечательная медсестра Рэк ни при каких обстоятельствах не разрешит звонить мистеру Маршаллу.

— Ладно, — Джек с трудом подавляет желание задушить этого молодого лентяя, — давайте поднимемся на более высокую ступень административной лестницы. Доктор Спайглман в больнице?

— Может быть, — отвечает молодой человек. — Но откуда мне знать? Доктор Спайглман передо мной не отчитывается.

Джек указывает на телефонный аппарат, который стоит на краю стойки:

— Вам и не надо знать, но вы можете это выяснить. Так что немедленно беритесь за телефон.

Молодой человек наклоняется к телефонному аппарату, закатывает глаза, нажимает две клавиши, поворачивается спиной к назойливому посетителю. Джек слышит, как он что-то бормочет насчет доктора Спайглмана, вздыхает, говорит: «Хорошо, переключите меня». После переключения вновь что-то бормочет, Джек слышит свою фамилию. Ответ заставляет его немедленно повернуть голову, чтобы широко раскрытыми глазами взглянуть на Джека.

— Да, сэр. Он сейчас здесь, да. Я ему скажу.

Молодой человек (ему не больше двадцати) вешает трубку.

— Доктор Спайглман сейчас подойдет. — Отходит от стойки на шаг. Сует руки в карманы. — Вы — тот коп, не так ли?

— Какой коп? — раздраженно спрашивает Джек.

— Коп из Калифорнии, который приехал сюда и арестовал мистера Киндерлинга.

— Да, это я.

— Я из Френч-Лэндинга, этот арест потряс всех. Весь город. Никто и подумать такого не мог. Мистер Киндер-

линг? Это шутка? Просто невозможно поверить, что он... вы понимаете, убивал людей.

— Вы его знали?

— В таком городке, как Френч-Лэндинг, все друг друга знают, но я, конечно, только здоровался с мистером Киндерлингом. А вот его жену знал. Она была моей учительницей в воскресной школе при лютеранской церкви «Гора Хеврон».

Джек ничего не может с собой поделать — смеется. Это же надо, жена убийцы учит детей в церковной школе. Воспоминание, с какой ненавистью смотрела на него Ванда Киндерлинг, когда судья зачитывал приговор, обрывает смех, но поздно. Молодой человек обиделся.

— И что вы можете о ней сказать? — спрашивает Джек. — Какой она была учительницей?

— Обычной. — В голосе явственно слышится обида. — Заставляла нас заучивать Библию. — Он отворачивается, бормочет: — Некоторые, между прочим, думают, что он этого не делал.

— Что вы сказали?

Юноша встает вполоборота к Джеку, смотрит на деревянные панели обшивки стен.

— Я сказал, некоторые думают, что он этого не делал. Мистер Киндерлинг. Они думают, что его посадили в тюрьму, потому что он жил в маленьком городке, в Лос-Анджелесе никого не знал, вот из него и сделали козла отпущения.

— Это плохо. Вы хотите знать истинную причину, по которой мистер Киндерлинг попал в тюрьму?

Молодой человек поворачивается лицом к Джеку, смотрит на него.

— Потому что он виновен в убийстве и сознался в этом. Двое свидетелей видели его недалеко от места преступления, два других человека — в самолете, летящем в Лос-Анджелес, хотя он сказал всем, что летит в Денвер. После этого он и сказал: «Хорошо, я это сделал. Я всегда хотел знать, каково это — убить женщину, и однажды

любопытство взяло верх, вот я пошел и убил двух проституток». Адвокат пытался убедить суд во временном помрачении сознания своего подзащитного, но присяжные нашли, что подсудимый находился в здравом уме, и он отправился в тюрьму.

Молодой человек наклоняет голову и что-то бормочет.

— Не слышу, — говорит Джек.

— Есть много способов заставить человека сознаться, — уже громче повторяет молодой человек.

В коридоре раздаются шаги, и к Джеку, протягивая руку, направляется полный, облаченный в белый халат мужчина, в очках со стальной оправой и аккуратной бородкой. Молодой человек отворачивается. Возможности убедить своего оппонента, что он не выбивал признание из мистера Киндерлинга, у Джека более нет. Улыбающийся мужчина в белом халате и с бородкой хватает руку Джека, представляется доктором Спайглманом, выражает радость от встречи с таким известным человеком. Из-за спины доктора вдруг возникает еще один мужчина и говорит: «Эй, док, знаете, какой вариант будет наилучшим? Если мистер Знаменитость и я вместе поговорим с дамой. Ей не придется дважды повторять одно и то же. Высший класс».

У Джека схватывает живот. Только Уэнделла Грина здесь и не хватало.

Поздоровавшись с доктором, Джек поворачивается к репортеру:

— Что вы здесь делаете, Уэнделл? Вы пообещали Фреду Маршаллу держаться подальше от его жены.

Уэнделл Грин поднимает руки, поднимается на цыпочки, опускается на всю стопу.

— Вы сегодня спокойнее, лейтенант Сойер? Не собираетесь вновь наброситься с кулаками на представителя прессы, зарабатывающего на хлеб в поте лица? Должен сказать, мне надоело постоянно подвергаться нападению полицейских.

Доктор Спайглман, хмурясь, поворачивается к нему:

— О чем вы, мистер Грин?

— Вчера, до того, как тот коп вырубил меня ударом ручного фонаря по голове, лейтенант Сойер ударил меня в живот без всякой на то причины. Хорошо, что я человек здравомыслящий, а не то я бы уже вчинил обоим по судебному иску. Но знаете, доктор, я так не работаю. Думаю, что наилучших результатов можно достичь, лишь сотрудничая друг с другом.

Слушая эту самодовольную речь, Джек думает: «О черт», — и искоса смотрит на молодого человека. Глаза у того горят презрением. Теперь Джек понимает, что его усилия пропали бы зря: ему никогда бы не удалось убедить дежурного, что Киндерлинга посадили за дело. Когда Уэнделл Грин замолкает, Джеку уже не терпится врезать ему еще раз.

— Мистер Грин предложил мне процент со своих доходов, если б я позволил ему сфотографировать труп Ирмы Френо, — сообщает он врачу. — И сейчас его просьба не менее кощунственна. Мистер Маршалл попросил меня приехать и повидаться с его женой, а Грина — пообещать, что он не приедет.

— Возможно, я и дал ему такое обещание, — подает голос Грин. — Но как опытный журналист, я знаю, что люди частенько говорят лишнее, а потом сожалеют об этом. Мистер Маршалл понимает, что рано или поздно случившееся с его женой выплывет наружу.

— Неужели?

— Особенно в свете последнего послания Рыбака, — продолжает Грин. — Пленка доказывает, что Тайлер Маршалл — его четвертая жертва, удивительно, что он еще жив. Как долго, по-вашему, эти факты удастся скрывать от общественности?

— Я отказываюсь вам в этом содействовать. — Врач сурово смотрит на Грина и бросает предупреждающий взгляд на Джека. — Мистер Грин, я подумываю приказать охране вообще вывести вас из больницы. Мне нужно

кое-что обсудить с лейтенантом Сойером наедине. Если вы и лейтенант сможете договориться, это ваше дело. Никакой совместной встречи с моей пациенткой не будет. Я еще не решил, следует ли ей видеться даже с лейтенантом Сойером. Она спокойнее, чем утром, но состояние крайне нестабильное.

— Лучший способ — предоставить решение ей, — предлагает Грин.

— Лучше помолчите, Грин. — Второй подбородок под бородкой врача розовеет. Он смотрит на Джека. — Чем обусловлена ваша просьба, лейтенант?

— Доктор, у вас в этой больнице есть кабинет?

— Да.

— Идеально. Я бы хотел провести полчаса, может, меньше, беседуя с миссис Маршалл в тихой, спокойной обстановке. Наш разговор будет сугубо конфиденциальным. Лучше вашего кабинета не придумать. В отделении слишком много людей, нам могут помешать или подслушать.

— Мой кабинет, — повторяет врач.

— Если вы согласны.

— Пойдемте со мной. Мистер Грин, отойдите к стойке и не мешайте пройти мне и лейтенанту Сойеру.

— Как скажете. — Грин отвешивает шутовской поклон и отходит к стойке, перегораживающей комнату. — Я уверен, в ваше отсутствие этот симпатичный молодой человек и я найдем о чем поговорить.

Улыбаясь, Уэнделл Грин наблюдает, как Джек и доктор Спайглман выходят из комнаты. Их шаги удаляются и окончательно утихают. Наступает тишина. Все еще улыбаясь, Уэнделл Грин поворачивается к молодому дежурному и натыкается на его взгляд.

— Я постоянно читаю ваши статьи. Вы отлично пишете.

Грин сияет как медный таз.

— Вы не только симпатичный молодой человек, но еще и умный. Какое удивительное сочетание. Как вас зовут?

— Этан Эванс.

— Этан, у нас очень мало времени, поэтому не будем его терять. Вы думаете, что ответственные представители прессы должны иметь доступ к информации, которая нужна общественности?

— Безусловно.

— Вы согласны, что информированная пресса — едва ли не лучшее оружие в борьбе с такими, как Рыбак?

Между бровями Этана появляется вертикальная морщинка.

— Оружие?

— Естественно. Чем больше мы знаем о Рыбаке, тем выше наши шансы остановить его.

Молодой человек кивает, морщинка разглаживается.

— Скажите мне, как, по-вашему, этот врач позволит Сойеру воспользоваться своим кабинетом?

— Скорее всего да, — отвечает Эванс. — Но мне не нравятся методы работы этого Сойера. Он символизирует полицейскую жестокость. Бьет людей, чтобы заставить их сознаться в преступлениях, которых они не совершали. Это я называю жестокостью.

— Хочу задать вам вопрос. Вернее, два. В кабинете доктора Спайглмана есть чулан? И можно ли попасть в него из коридора?

— Ага. — Глаза Эванса загораются. — Вы хотите слушать.

— Слушать и записывать. — Уэнделл Грин похлопывает по карману, в котором лежит диктофон. — Все ради общественности, благослови ее Господь.

— Да, есть, — отвечает Этан Эванс. — Но доктор Спайглман, он...

В руке Уэнделла как по волшебству возникает двадцатка.

— Если действовать быстро, доктор Спайглман ничего не узнает. Правда, Этан?

Этан Эванс выхватывает у него купюру, выходит из-за стойки, подводит Грина к двери в боковой стене, говорит: «Заходите, только быстро».

Тусклые лампы освещают оба торца темного коридора.

— Как я понимаю, муж моей пациентки рассказал вам о пленке, которую она получила утром?

— Да. Вам известно, как она попала в больницу?

— Поверьте, лейтенант, после того как я увидел, какой эффект произвела запись на миссис Маршалл и прослушал ее сам, я тоже попытался выяснить, как она оказалась у моей пациентки. Вся наша почта проходит через почтовое отделение больницы, вся, независимо от того, кому адресована: пациентам, врачам или администрации. Оттуда два сотрудника, они работают на общественных началах, разносят почту адресатам. Как я понимаю, посылка с кассетой лежала в почтовом отделении, когда этим утром туда заглянул доброволец. Поскольку адресатом значилась моя пациентка, доброволец передал посылку в регистратуру нашего отделения. А одна из девушек принесла сюда.

— Разве не следовало проконсультироваться с вами, прежде чем прокручивать пленку Джуди?

— Разумеется. Медсестра Бонд сразу бы позвонила мне, но сегодня она выходная. А медсестра Рэк, которая ее заменяла, увидев, что отправитель назвала нашу пациентку детским прозвищем, подумала: кто-то из давних подруг миссис Маршалл прислал ей музыкальную запись, чтобы подбодрить ее. На посту медсестер есть кассетный магнитофон, поэтому она вставила в него кассету и отдала миссис Маршалл.

В полумраке коридора глаза доктора мрачно блеснули.

— А потом, как вы можете догадаться, разверзся ад. Миссис Маршалл вернулась в состояние, в каком ее госпитализировали. К счастью, я находился в больнице и, узнав, что произошло, приказал дать ей успокоительного и поместить в особую безопасную палату. В этой палате стены покрыты мягким материалом, лейтенант... миссис Маршалл вновь поранила пальцы, и я не хотел, чтобы она нанесла себе новые травмы. Как только успокоительное подействовало, я поговорил с ней. Прослушал пленку. Возможно, мне следовало сразу позвонить в полицию, но

прежде всего я несу ответственность за своих пациентов, поэтому я позвонил мистеру Маршаллу.

— Откуда?

— Из ее палаты, с сотового. Мистер Маршалл, разумеется, настаивал, чтобы я передал трубку жене, и она тоже хотела поговорить с ним. Во время разговора она вновь разнервничалась, мне пришлось дать ей еще небольшую дозу транквилизатора. Когда она успокоилась, я вышел из палаты и вновь позвонил мистеру Маршаллу, чтобы рассказать о содержании пленки. Хотите ее послушать?

— Не сейчас, доктор, благодарю. Но меня интересует один момент.

— Спрашивайте.

— Фред Маршалл попытался имитировать акцент, с которым говорил человек, сделавший эту запись. Что вы можете сказать об этом акценте? Может, этот человек — немец?

— Я думал об этом. Похоже на немецкое произношение английских слов. Если точнее, как будто француз пытается говорить на английском с немецким акцентом. Только не знаю, возможно ли такое. Слышать такой речи мне еще не доводилось.

С самого начала разговора доктор Спайглман пристально смотрел на Джека, словно оценивал только по ему ведомым стандартам. Лицо его все это время оставалось бесстрастным, как у сотрудника дорожной полиции.

— Мистер Маршалл сообщил мне, что намерен позвонить вам. Вроде бы у вас и миссис Маршалл образовалась уникальная связь. Она знает, что вы очень хороший полицейский, и кроме того, полностью вам доверяет. Мистер Маршалл просил, чтобы вам разрешили встретиться с его женой, и она тоже сказала мне, что должна поговорить с вами.

— Тогда вы можете со спокойной душой разрешить мне побеседовать с ней наедине. Мне нужно полчаса, не больше.

Улыбка исчезает с лица доктора Спайглмана так же быстро, как и появляется.

— Моя пациентка и ее муж доверяют вам, лейтенант Сойер, но не в этом дело. Вопрос в том, могу *я* доверять вам или нет.

— Доверять мне в чем?

— Во многом. Прежде всего хочется знать, будут ли ваши слова способствовать улучшению самочувствия моей пациентки. Не расстроите ли вы ее? Не вселите ли ложные надежды? В голове моей пациентки глубоко укоренилась идея, согласно которой параллельно нашему миру существует другой, соприкасающийся с ним. Она думает, что ее сына держат взаперти в этом мире. Я должен сказать вам, лейтенант: и моя пациентка, и ее муж уверены, что вы знакомы с этим миром-фантазией... Моя пациентка не имеет на этот счет ни малейших сомнений, ее муж верит частично, но не собирается с этим спорить, потому что его жене так хочется.

— Понимаю. — Джек может сказать врачу только одно, и он это делает: — Вы, разумеется, должны отдавать себе отчет, что в разговорах с Маршаллами я выступаю как неофициальный консультант Дейла Гилбертсона, начальника полицейского участка Френч-Лэндинга.

— Неофициальный?

— Чиф Гилбертсон просил меня помочь ему в розысках Рыбака, и два дня назад, после исчезновения Тайлера Маршалла, я наконец-то согласился сделать все, что в моих силах, чтобы остановить этого негодяя. Но официального статуса у меня нет. Однако мои знания и опыт в полном распоряжении чифа и его подчиненных.

— Давайте расставим точки над i, лейтенант. Вы не морочите головы Маршаллам вашим знакомством с миром-фантазией миссис Маршалл?

— Я отвечу вам так, доктор. Из записи на пленке мы знаем, что Рыбак действительно держит Тайлера Маршалла под замком. Из этого следует, что он сейчас не в нашем мире, а в мире Рыбака.

Брови доктора Спайглмана поднимаются.

— Вы думаете, этот монстр живет в том же пространстве, что и мы? — спрашивает Джек. — Я — нет, да и вы тоже. Рыбак живет в собственном мире и действует в соответствии с законами, которые сам же придумал и разработал. Благодаря моему опыту я знаком с этим гораздо лучше, чем Маршаллы, полиция и даже вы, если только вам не приходилось много работать с психически больными преступниками. Вы уж извините, если мои слова кажутся вам наглостью, у меня такого и в мыслях не было.

— Вы говорите о личностных профилях? Правильно я вас понимаю?

— Во время службы в полиции меня привлекали к участию в специальной программе, которой руководило ФБР, связанной с разработкой личностных профилей, и я там многому научился. Но я говорю о том, что лежит за профилем, — отвечает Джек, думая при этом: «Теперь мяч на вашем поле, доктор. Вот и решайте, что с ним делать».

Спайглман медленно кивает. За линзами очков сверкают глаза.

— Думаю, я знаю, о чем вы. — Он задумывается, вздыхает, скрещивает руки на груди, вновь задумывается. — Хорошо. Я разрешу вам повидаться с ней. Одному. В моем кабинете. Тридцать минут. Я не хочу стоять на пути прогрессивных методов расследования.

— Спасибо. — Джек улыбается. — Обещаю, эта встреча принесет много пользы.

— Я слишком долго проработал психиатром, чтобы верить в такие обещания, лейтенант Сойер, но надеюсь, что вам удастся спасти Тайлера Маршалла. Позвольте проводить вас в мой кабинет. Вы подождете там, пока я приведу мою пациентку через другой коридор. Так будет быстрее.

Доктор Спайглман направляется к концу темного коридора, поворачивает налево, снова налево, достает из кар-

мана большую связку ключей, открывает дверь, на которой нет никакой таблички. Джек следует за ним в помещение, которое словно состоит из двух частей. В одной — длинный письменный стол, кресло, кофейный столик со стеклянным верхом, заваленный медицинскими журналами, и шкафы с бумагами, во второй доминирует кушетка с кожаным подголовником. Стены украшают репродукции картин Джорджии О'Киф[1]. За столом — дверь, которая, как понимает Джек, ведет в маленький чулан. Вторая дверь, за кушеткой, похоже, соединяет кабинет доктора с соседней комнатой.

— Как вы видите, — говорит доктор Спайглман, — я тут и работаю, и консультирую. Большинство моих пациентов приходит через приемную, через нее я проведу и миссис Маршалл. Дайте мне две или три минуты.

Джек его благодарит, и врач быстро выходит через дверь за кушеткой.

В маленьком чулане Уэнделл Грин вытаскивает из кармана пиджака диктофон, приставляет к двери и прижимается к ней ухом. Большой палец правой руки лежит на кнопке «RECORD», сердце учащенно бьется. Вновь самый выдающийся журналист Западного Висконсина готовится выполнить свой долг перед читателями. Жаль, конечно, что в чулане темно, как у... вы понимаете, но сидение в черной дыре — не первая жертва, на которую Уэнделлу приходится идти, служа общественности. Да и видеть-то ему надо только крошечную красную лампочку на диктофоне.

И вдруг — сюрприз: хотя доктор Спайглман покинул кабинет, раздается его голос, зовущий лейтенанта Сойера.

---

[1] О'Киф, Джорджия (1887—1986) — художница, одна из наиболее известных представительниц современной живописи США. Автор абстрактных произведений, символика которых навеяна миром природы (в частности, пустынями штата Нью-Мексико, где она жила с 1949 г.). Эффектны и ее крупные красочные натюрморты с изображением цветов. Первая выставка — 1916 г.

Как этот последователь Фрейда мог вернуться, не открыв и не закрыв дверь, и что случилось с Джуди Маршалл?

«Лейтенант Сойер, с вами хотят поговорить. Возьмите трубку. Вам звонят, судя по всему, по срочному делу».

Ну конечно, он говорит по аппарату внутренней связи. Кто может звонить лейтенанту Сойеру и с чего такая срочность? Уэнделл надеется, что Золотой мальчик нажмет клавишу громкой связи, но, увы, Золотой мальчик этого не делает, так что Уэнделлу приходится довольствоваться только половиной разговора.

— Звонят? — спрашивает Джек. — Кто?

— Он отказался назвать себя, — отвечает Спайглман. — Человек, которому вы сказали, что будете в отделении Д.

Нюхач, с новостями о «Черном доме».

— Как я могу с ним поговорить?

— Просто нажмите мигающую кнопку. Первая линия. Я приведу миссис Маршалл, как только увижу, что вы закончили разговор.

Джек нажимает кнопку:

— Джек Сойер слушает.

— Слава богу, — хриплый голос Нюхача Сен-Пьера. — Слушай, ты должен приехать ко мне домой, чем быстрее, тем лучше. Ситуация критическая.

— Вы его нашли?

— Да, «Черный дом» мы нашли, будь уверен. И он не встретил нас с распростертыми объятиями. Это место не хочет, чтобы его видели, и ясно дает об этом знать. Всем нам досталось. В большинстве мы оклемались, а вот Мышонок — не знаю. Он что-то подхватил от собачьего укуса, если только это была собака, в чем я сильно сомневаюсь. Док сделал все, что в его силах, но... Черт, Мышонок просто обезумел и не разрешает нам отвезти его в больницу.

— Нюхач, почему вы его насильно не отвезете, если считаете, что там ему окажут необходимую помощь?

— У нас так не принято. Мышонок не заходил в больницу с тех самых пор, когда в одной скончался его отец. Больниц он боится куда больше, чем того, что случилось с его ногой. Если бы мы отвезли его в центральную больницу Ла Ривьеры, он бы умер прямо в приемном покое.

— А если бы не умер, то никогда бы вам этого не простил.

— Именно. Как скоро ты сможешь приехать?

— Я должен повидаться с женщиной, о которой тебе говорил. Может, через час, может, чуть позже.

— Ты меня не понял? Мышонок умирает у нас на руках. Нам есть о чем поговорить.

— Согласен. Приеду, как только смогу. — Он кладет трубку, поворачивается к двери за кушеткой и ждет, что его мир переменится.

«Что все это значит?» — гадает Уэнделл. Он потратил две минуты магнитофонной ленты на разговор Джека Сойера с этим сукиным сыном, засветившим пленку, которая могла бы принести ему новый автомобиль и красивый дом на высоком берегу реки, и записал какой-то бред. Уэнделл заслуживает новый автомобиль и красивый дом, он их честно заработал. Ощущение, что его ограбили, вызывает у репортера злость и ненависть. Золотым мальчикам все достается легко, люди так и стремятся всучить им то, без чего они прекрасно могут обойтись, а каково легендарным, бескорыстным, не щадящим себя рабочим лошадкам журналистики? Таким, как Уэнделл Грин? Уэнделлу Грину приходится платить двадцать баксов за то, чтобы сидеть в маленьком темном чулане. И все для того, чтобы выполнять свою работу!

Услышав, как открывается дверь, он напрягает слух. Красная лампочка горит, верный диктофон готов перематывать пленку и записывать все звуки, которые донесутся из кабинета Спайглмана. Душа Уэнделла ликует: праздник пришел и на его улицу.

Голос Спайглмана проникает сквозь дверь чулана и фиксируется на движущейся магнитной ленте: «Теперь я оставляю вас наедине».

Золотой мальчик: «Спасибо, доктор. Я вам очень признателен».

Доктор Спайглман: «Тридцать минут, так? То есть я вернусь, гм-м, в десять минут третьего».

Золотой мальчик: «Отлично».

Дверь мягко закрывается, щелкает защелка. Потом долгие секунды тишины. «Почему они ничего не говорят?» Ну, конечно... ответ ясен. Ждут, пока толстозадый Спайглман окажется вне пределов слышимости.

О, как же это сладостно, как чудесно! Шелест шагов Золотого мальчика: он идет к двери, подтверждая догадку блестящего репортера. Да, интуиция никогда не подводит Уэнделла Грина, вот уж кто хорошо знает, чего ждать от тех, о ком он пишет! Уэнделл слышит, диктофон записывает ожидаемое: щелчок запираемого замка.

Джуди Маршалл: «Не забудь про дверь у тебя[1] за спиной».

Золотой мальчик: «Как ты?»

Джуди Маршалл: «Гораздо, гораздо лучше, потому что ты здесь. Дверь, Джек».

Еще шаги, звук, в котором нельзя ошибиться: металлический засов входит в паз.

Мальчик, которого вскорости вываляют в грязи: «Я думал о тебе весь день. Я думал об этом».

Шлюха, потаскуха, проститутка: «Полчаса нам хватит?»

Тот, чья нога в медвежьем капкане: «Если нет, ему придется барабанить в дверь».

Уэнделл едва сдерживается, чтобы от счастья не пуститься в пляс. Эти двое определенно собираются заняться сексом, собираются сорвать друг с друга одежду, трахаться,

[1] Как известно, в английском языке «ты» и «вы» — одно слово (you). И если Джек и Джуди, конечно же, обращаются друг к другу на «вы», то Уэнделлу слышится «ты».

как звери. Вот она, сладкая месть. Что ж, Джек Сойер, когда Уэнделл Грин разберется с тобой, репутация у тебя будет хуже, чем у Рыбака.

В глазах Джуди усталость, волосы висят, на пальцах новые повязки, но лицо по-прежнему светится той силой, которую она почерпнула в глубинах сознания, чтобы заглянуть за пределы этого мира. Для Джека Джуди Маршалл — королева, заключенная в тюрьму по ложному обвинению. Вместо того чтобы маскировать благородство ее души, больничный халат и заношенная ночная рубашка только его подчеркивают. Джек отрывает от нее глаза лишь на несколько мгновений, чтобы закрыть вторую дверь, потом подходит к ней.

Видит, что ему нечего ей сказать: она и так все знает. Джуди сокращает ему путь вдвое, протягивает руки.

— Я думал о вас весь день. — Он берет ее за руки. — Я думал об этом.

Она видит все, что должна видеть, все, что им нужно сделать.

— Полчаса нам хватит?

— Если нет, ему придется барабанить в дверь.

Они улыбаются. Она сильнее сжимает его руки.

— Тогда пусть барабанит.

Она тянет его на себя, и сердце Джека учащенно бьется в предвкушении объятия.

Но ее дальнейшее поведение поражает куда больше, чем если бы она прижалась к его груди: она наклоняет голову и целует его руки, сначала одну, потом другую. Потом прижимается щекой к тыльной стороне ладони правой руки и отступает на шаг. Ее глаза блестят.

— Вы знаете о пленке.

Он кивает.

— Я обезумела, когда прослушала ее, но он допустил ошибку, прислав мне эту запись. Слишком сильно надавил. И я снова превратилась в ребенка, который слушал другого ребенка, шепчущего через стену. Я обезумела и

попыталась проломить стену. Я слышала, как мой сын просил ему помочь. И он был там... по другую сторону стены. Куда вам придется пойти.

— Куда нам придется пойти.

— Куда нам придется пойти. Да. Но я не могу пройти сквозь стену, а вы — можете. Вот это вы и должны сделать, в этом ваша главная, важнейшая задача. Вы должны найти Тая и остановить аббала. Я не знаю, о чем идет речь, но остановить его — ваша работа. Ведь, если правда, вы — копписмен?

— Вы правы. Я — копписмен. Вот почему это моя работа.

— Тогда все верно. Вы должны избавиться от Горга и его хозяина. Мистера Маншана. Это не его настоящее имя, но так оно звучит: мистер Маншан. Когда я обезумела и пыталась проломить стену, она говорила со мной, она могла шептать мне в ухо. Я была так близка к цели!

И что думает Уэнделл Грин, который прижимает ухо и работающий диктофон, об этом разговоре? Он-то ожидал услышать совсем другое: звериные звуки и стоны совокупления двух жаждущих насытить свою страсть людей. Уэнделл Грин скрежещет зубами, лицо перекашивает гримаса раздражения.

— Я люблю то, что вы сумели увидеть. Вы — удивительная. За тысячу лет, возможно, первая, кто понял, что все это значит.

— Вы слишком красноречивы, — отвечает Джуди.

— Я хочу сказать, что люблю вас.

— По-своему вы любите меня. Но знаете что? Придя сюда, вы сделали для меня больше, чем я сама. Из вас исходит луч, Джек, и я растворяюсь в этом луче. Вы там жили, Джек, а я лишь могу заглянуть краем глаза. Этого достаточно, достаточно, мне больше не надо. Вы и отделение Д позволили мне путешествовать.

— Путешествовать вам позволило то, что у вас внутри.

— Ладно, троекратно восхвалим безумие. А теперь к делу. Вы должны быть копписменом. Я могу пройти только половину пути, но вам потребуется вся ваша сила.

— Я думаю, ваша сила удивит вас.

— Возьмите меня за руки и сделайте это, Джек. Отправляйтесь туда. Она ждет, и я должна отдать вас ей. Вы знаете ее имя, не так ли?

Он открывает рот, но не может говорить. Сила, будто идущая из центра земли, врывается в его тело, электрилизует кровь, сжимает голову, намертво сцепляет пальцы с дрожащими пальцами Джуди Маршалл. Ощущение невероятной легкости и подвижности охватывает Джека, тяготение более не придавливает его к земле, он обретает способность летать. Когда они покинут кабинет, думает он, их отбытие будет напоминать старт ракеты. Пол уже вибрирует у него под ногами.

Ему удается перевести взгляд со своих рук на Джуди Маршалл, которая откинулась назад, ее голова параллельна вибрирующему полу, глаза закрыты, на губах улыбка. Мерцающий белый свет окружает Джуди. Ее прекрасные колени, ее ноги сверкают под подолом старой голубой ночной рубашки, голые ноги крепко упираются в пол. Начинают мигать лампы. «И все это делает она, — думает Джек. — Все это ей под...» В кабинет словно врывается ветер, и репродукции Джорджии О'Киф срываются со стен. Диван отъезжает от стены, со стола летят бумаги, галогеновая лампа разбивается об пол. По всей больнице, на всех этажах, во всех палатах кровати вибрируют, телевизоры отключаются, инструменты дребезжат на металлических подносах, лампы мигают. Игрушки падают с полок магазина сувениров, вазы с лилиями скользят по мраморному полу. На пятом этаже лампочки одна за другой взрываются, выбрасывая снопы золотистых искр.

Ураганный шум набирает силу, возникает белая стена света, которая сворачивается в точку и исчезает. Вместе с ней исчезают и Джек Сойер, и Уэнделл Грин из чулана.

Их уносит в Долины, вырывает из одного мира и закидывает в другой, это не тот перенос, который так хорошо знаком Джеку. Джек лежит, смотрит на белую, в дырах стену, которая колеблется из стороны в сторону, как парус. Четверть секунды назад он видел другую белую стену, из чистого света. Ароматный, нежный воздух ласкает его. Поначалу он чувствует, что его правую руку сжимают, потом видит, что рядом лежит дивная женщина. Джуди Маршалл. Нет, не Джуди Маршалл, которую он любит, по-своему, но другая дивная женщина, которая когда-то перешептывалась с Джуди сквозь стену ночи, а в последнее время наладила с ней более тесный контакт. Он уже собирается произнести ее имя, когда...

В поле зрения возникает очаровательное лицо, похожее и не похожее на лицо Джуди. Оно высечено из того же мрамора, тем же скульптором, но с большим тщанием, с большей теплотой. Джек потрясен. У него перехватывает дыхание. Эта женщина, лицо которой зависает над ним, не рожала ребенка, не путешествовала вне своих любимых Долин, не летала на самолете, не водила автомобиль, не включала телевизор, не доставала лед из холодильника, не пользовалась микроволновой печью. Он видит и чистоту ее души, и внутреннее благородство. Она лучится изнутри.

Ум, сила, юмор, нежность, сострадание светятся в ее глазах, о них говорят уголки рта, черты лица. Он знает ее имя, и имя это идеально ей подходит. Джеку кажется, что он с первого мгновения влюблен в эту женщину, готов идти за ней хоть на край, хоть за край света. Наконец он находит в себе силы произнести ее имя:

Софи.

Глава 21

— Софи.

Все еще держа ее за руку, он встает, поднимая ее вместе с собой. Ноги дрожат. Глаза горят, им словно не хватает места в глазницах. Ужас и восторг в равной степени переполняют

его. Сердце стучит как молот, душа поет. Вторая попытка, и ему удается произнести имя чуть громче, но все еще не в полный голос, потому что губы онемели. Словно их натерли льдом. Так говорят после сильного удара в живот.

— Да.

— Софи.

— Да.

— Софи.

— Да.

Что-то в этом знакомое, он, повторяющий имя, она, односложно отвечающая. Знакомое и забавное. И тут до него доходит: сцена практически идентична одному из эпизодов в «Ужасах Дедвуд-Галча», аккурат после того, как кто-то из завсегдатаев «Лейзи 8» вырубил Билла Таунса ударом бутылки *по голове. Лили выливает на него* ведро воды, а когда он садится, они...

— Это забавно. Хороший эпизод. Мы бы смеялись.

— Да, — отвечает Софи с легкой улыбкой.

— Смеялись бы до упаду.

— Да.

— До слез.

— Да.

— Я больше не говорю на английском, не так ли?

— Нет.

По ее синим глазам он видит, что она, во-первых, не понимает слово «английский», а во-вторых, точно знает, о чем он толкует.

— Софи.

— Да.

— Софи-Софи-Софи.

Стараясь привыкнуть к ее реальности. Стараясь убедить себя, что это не сон.

Улыбка освещает ее лицо. Джек думает, как приятно поцеловать ее губы, и у него подгибаются колени. Внезапно ему четырнадцать лет, и он гадает, посмеет ли поцеловать свою девушку при расставании, когда проводит ее до дому.

— Да-да-да, — отвечает она, и улыбка гаснет. — Ты понимаешь? Ты понимаешь, что уже здесь и как сюда попал?

Над головой и вокруг полощется и как бы вздыхает белая ткань. Полдюжины ветерков обдувают его со всех сторон, и до него доходит, что из другого мира он принес пленку пота на коже и от него может плохо пахнуть. Быстрым движением руки он стирает пот со лба и щек, не желая даже на мгновение упускать Софи из виду.

Они в каком-то шатре. Он огромный... состоит из многих помещений... и Джек думает о павильоне, в котором умирала королева Долин, Двойник его матери. Но там стены были из дорогих многоцветных тканей, пахло благовониями и печалью (смерть королевы казалась неизбежной). Этот шатер ветхий и рваный. В стенах и потолке полно дыр, а там, где материал остается целым, он такой тонкий, что Джек видит сквозь него и землю, и растущие на ней деревья. При порывах ветра некоторые из дыр расползаются на глазах. Прямо над головой Джек видит муаровый силуэт. Вроде бы крест.

— Джек, ты понимаешь, как ты...

— Да. Я перескочил. — Хотя с его губ срывается совсем другое слово. Литературное значение этого слова — горизонтальная дорога. — И захватил многое из кабинета Спайлгмана. — Он наклоняется, поднимает плоскую каменную пластину с высеченным на ней цветком. — Как я понимаю, в моем мире это была репродукция картины Джорджии О'Киф. А это... — Он указывает на почерневший, потухший факел, прислоненный к белой стене. — Я думаю, это... галогеновая лампа.

Софи хмурится:

— Га-ло-хеновая...

Он чувствует, как его онемевшие губы раздвигаются в улыбке.

— Не важно.

— Но ты в полном порядке.

Он понимает: ей нужно, чтобы он был в полном порядке, и отвечает, что да, конечно, хотя до полного порядка

далеко. Он болен, и рад этому. Его болезнь называется любовью, и от нее ему никогда не излечиться. Если не считать его чувств к матери, а это совсем другая любовь, что бы там ни говорили фрейдисты, у него такое впервые. Да, конечно, он и раньше думал, что влюблялся, но только сейчас понял, что все было не то. В этом его убеждают голубизна ее глаз, улыбка, даже тени, отбрасываемые на лицо рваным шатром. В этот момент, если б она попросила, он бы попытался сдвинуть гору, пройти сквозь горящий лес или принести с полюса лед, чтобы охладить чашку чая, и, учитывая все это, он, конечно же, не в полном порядке.

Но ей нужно, чтобы он был в полном порядке.

Это нужно и Тайлеру.

«Я — копписмен», — думает он. Сначала идея кажется ничтожной в сравнении с красотой Софи, в сравнении с тем, что она есть, но потом она начинает набирать силу. Как всегда. В конце концов, что, собственно, привело его сюда? Привело против воли, против желания.

— Джек?

— Да, я в порядке. Мне уже приходилось перескакивать... переноситься из одного мира в другой.

«Но никогда в присутствии такой ослепительной красавицы, — думает он. — В этом проблема. Вы — проблема, моя милая леди».

— Да. Приходить и уходить — твой талант. Один из твоих талантов. Так мне сказали.

— Кто?

— Скоро узнаешь, — отвечает она. — Скоро. Нам многое надо успеть, но, думаю, мне нужна короткая передышка. Ты... при виде тебя у меня аж перехватило дыхание.

Джек страшно этому рад. Он замечает, что по-прежнему держит руку Софи и целует ее, как Джуди целовала его руки в мире, расположенном по другую сторону стены, разделяющей тот мир и этот. При этом видит аккуратные повязки на кончиках трех пальцев. Ему очень хочется обнять Софи, он не решается: на такую красоту можно только молиться. Она чуть выше Джуди, и волосы

у нее чуть светлее, цвета меда, вытекающего из разломанных сотов. На ней простенькое белое платье из хлопчатобумажной ткани, отделанное синей тесьмой, под цвет глаз. С воротником-стойкой и маленьким V-образным вырезом на шее. Подол прикрывает колени. Ноги голые, на одной серебряный браслет, такой тонкий, что его практически не видно. Грудь у нее больше, чем у Джуди, бедра шире. Казалось бы, сестры, но россыпь веснушек на переносице одинаковая, как и белая линия шрама на тыльной стороне ладони левой руки. Причины появления шрама разные, Джек в этом не сомневается, но абсолютно точно знает, что они повредили руку в один и тот же час и день.

— Ты — ее Двойник. Двойник Джуди Маршалл. — Только с губ срывается другое слово — не Двойник. Вроде бы странно, глупо, но что поделаешь, арфа. Потом он подумает о том, как близко расположены струны арфы, разделенные только на толщину пальца, и решит, что, возможно, не так уж и глупо.

Она смотрит в землю, рот ее чуть приоткрывается, потом поднимает голову и пытается улыбнуться.

— Джуди. По другую сторону стены. В детстве мы с ней часто разговаривали. Даже когда выросли, разговаривали в наших снах. — Он встревожен, увидев, как слезы наполняют глаза и текут по щекам. — Я свела ее с ума? Она обезумела? Пожалуйста, скажи, что нет.

— Нет, — отвечает Джек. — Она, конечно, идет по канату, но пока не упала с него. Джуди — женщина крепкая.

— Ты должен вернуть ей Тайлера, — говорит ему Софи. — Ради нас обоих. У меня никогда не было детей. Я не могу родить. Я... надо мной надругались, понимаешь. В молодости. Надругался человек, которого ты хорошо знал.

Ужасная догадка озаряет Джека. Вокруг полощутся рваные стены шатра.

— Морган? Морган из Орриса?

Она наклоняет голову, может, это и к лучшему. Потому что лицо Джека перекашивает злобная гримаса. В этот момент он сожалеет о том, что не может вновь убить Двойника Моргана Слоута. Он думает, а не спросить ли, как это случилось, потом понимает, что не стоит.

— Сколько тебе было лет?

— Двенадцать, — отвечает она... как он и ожидал. Произошло это в тот самый год, когда Джеки исполнилось двенадцать и он пришел сюда, чтобы спасти свою мать. Но сюда ли он приходил? Это Долины? Вроде бы ощущения другие. Похожие... но не совсем.

Его не удивляет, что Морган изнасиловал двенадцатилетнюю девочку, изнасиловал так, что она лишилась возможности иметь детей. Отнюдь. Морган Слоут, кое-где известный как Морган из Орриса, хотел править не одним или двумя мирами, а всей вселенной. Если у мужчины столь честолюбивые замыслы, несколько изнасилованных девочек — мелочовка, на которую не обращают внимания.

Она осторожно проводит подушечками больших пальцев по коже под его глазами. Подушечки нежные, как перышки. В изумлении смотрит на него:

— Почему ты плачешь, Джек?

— Воспоминания, — отвечает он. — Основная причина слез, не так ли? — Он вспоминает мать, сидящую у окна с сигаретой в руке, слушающую «*Крейзи армз*». — *Да*, именно прошлое — основная причина. Там боль, которую нельзя забыть.

— Возможно, — признает Софи. — Но сейчас не время думать о прошлом. Сегодня мы должны думать о будущем.

— Да, но если бы я мог задать несколько вопросов...

— Хорошо, но только несколько...

Джек пытается заговорить, но с губ не слетает ни одного звука. Он смеется:

— Когда я смотрю на тебя, у меня тоже перехватывает дыхание. Должен в этом признаться.

Щеки Софи загораются румянцем, она опускает глаза. Тоже собирается что-то сказать... потом плотно сжимает губы. Джеку хочется, чтобы она заговорила, и при этом он рад ее молчанию. Он мягко сжимает ей руку, она поднимает голову, ее синие глаза широко раскрыты.

— Я знал тебя? Когда тебе было двенадцать?

Она качает головой.

— Но я тебя видел.

— Возможно. В большом павильоне. Моя мать была одной из фрейлин Доброй Королевы. Я тоже... самой младшей. Ты мог меня видеть. Я думаю, что видела тебя.

Джеку требуется несколько секунд, чтобы переварить смысл ее слов, потом он продолжает. Время поджимает. Они оба это знают. Он чуть ли не физически чувствует его бег.

— Ты и Джуди — двойники, но путешествовать вы не можете. Она никогда не была в твоем сознании здесь, а ты в ее — там. Вы... говорите через стену.

— Да.

— Когда она что-то писала, это была ты, шепчущая по другую сторону стены.

— Да. Я знала, как сильно я давлю на нее, но ничего другого мне не оставалось. Не оставалось! Дело не в том, чтобы вернуть ей сына, хотя это тоже важно. Есть более серьезные причины.

— Например?

Она качает головой:

— Не мне рассказывать тебе о них. Это сделает другой человек, в сравнении с которым я — пылинка.

Он смотрит на аккуратные повязки на кончиках пальцев и думает о том, как яростно Софи и Джуди пытались прорваться сквозь стену друг к другу. Морган Слоут, похоже, становился Морганом из Орриса усилием воли. Двенадцатилетним мальчиком Джек встречал и других, обладающих тем же талантом. Он был не из их породы. Оставался Джеком в обоих мирах. А вот Джуди и Софи

не могли перемещаться в сознание друг друга. Что-то им препятствовало, они лишь перешептывались через стену между мирами. И Джек не может представить себе более печальной повести.

Джек оглядывает рваный шатер, непрерывное движение пятен света и тени. Хлопают полотнища. Через дыру в стене он видит в соседней комнате несколько перевернутых коек.

— Где мы?

Она улыбается:

— Для некоторых это госпиталь.

— Да? — Он вскидывает голову, вновь смотрит на очертания креста. Муаровый, но когда-то точно был красным. «Красный крест, глупенький», — думает он. — Ага! Но он... несколько... э... *древний*?

Улыбка Софи становится шире, и Джек понимает, что она ироничная. Каким бы ни был этот госпиталь, здесь, похоже, пациентам оказывают совсем не ту помощь, как в клинической больнице.

— Да, Джек. Очень древний. Когда-то таких госпиталей было больше десятка, в Долинах, в Верхнем мире, в Срединном мире. Теперь они наперечет. Может, это последний. Сегодня он здесь. Завтра... — Софи вскидывает руки, опускает. — Где угодно! Может, по ту сторону стены, что и Джуди.

— Прямо-таки странствующий медицинский цирк.

Должно быть, она воспринимает его слова как шутку, потому что смеется и хлопает в ладоши:

— Да! Да, конечно! Хотя ты едва ли захотел бы здесь лечиться.

«Что означают ее слова?»

— Наверное, не захотел бы, — соглашается он, окинув взглядом расползающиеся стены, порванные потолки, шесты-стойки, которые того и гляди сломаются. — Со стерильностью здесь не очень.

— Однако, будь ты пациентом, — Софи говорит очень серьезно, но ее глаза весело поблескивают, — ты бы по-

думал, что лучше госпиталя просто не найти. В заботе и внимании Смиренным сестрам[1] равных нет.

Джек вновь оглядывается:

— А где они?

— Смиренные сестры не показываются на глаза, когда светит солнце. И если мы хотим остаться в живых, Джек, каждый из нас должен покинуть госпиталь и продолжить свой путь задолго до наступления темноты.

У него щемит сердце при мысли о том, что каждому из них действительно придется идти своим, отдельным путем, пусть он и знает, что другого не дано. Но любопытство заставляет задать следующий вопрос. Копписмен всегда остается копписменом.

— Почему?

— Потому что Смиренные сестры — вампиры и их пациенты никогда не выздоравливают.

Джеку становится не по себе. На лице — тревога. Софи он верит: в мире, где есть место вервольфам, вполне могут быть и вампиры.

Она касается его руки. По телу Джека пробегает дрожь желания.

— Не бойся, Джек. Они тоже служат Лучу[2]. Все живое служит Лучу.

— Какому лучу?

— Не важно. — Ее пальцы сильнее сжимают запястье Джека. — Тот, кто ответит на твои вопросы, скоро будет здесь, если уже не пришел. — Она искоса смотрит на него,

---

[1] Подробнее в повести С. Кинга «Смиренные сестры Элурии», опубликованной на русском языке в сборнике «Легенды» издательством АСТ.

[2] Английское слово beam имеет несколько значений. Основные — балка и луч. Отсюда и некоторая путаница. Ранее, прочитав письмо, в котором упоминалась башня, Джек решил, что речь идет о балках: несущие балки разрушаются, башня падает. Софи же определенно говорит о Лучах, тех самых, что играют важную роль в цикле «Темная Башня».

улыбается. — Когда ты выслушаешь его, тебе станет проще задавать вопросы.

Джек понимает, что ему указывают на его невежество, но указывает Софи, а потому не чувствует обиды. Он с готовностью идет следом за ней из одной комнаты большого и древнего госпиталя в другую. Переходя из помещения в помещение, понимает, какое огромное это сооружение. Еще он ощущает, несмотря на свежий ветерок, слабый, но неприятный запах, смесь запахов бродящего вина и испортившегося мяса. Что это за мясо, Джек знает. Он сотни раз выезжал на место преступления, где его поджидал очередной труп, так что догадаться не трудно.

Мы бы допустили бестактность, покинув Джека в тот момент, когда тот встретил любовь всей своей жизни, вот мы этого и не сделали. Но теперь, когда Джек и Софи шагают по госпиталю, давайте выскользнем за его тонкие стены. Снаружи нас встречают сухая земля, красные скалы, кустарник, цветы, чем-то напоминающие калохортус, невысокие сосны, несколько кактусов. Откуда-то доносится журчание воды. Полотно стен и крыши госпиталя шуршат и хлопают, как паруса торгового корабля, поймавшего ветер. Легко и непринужденно скользя вдоль восточной стены госпиталя, мы замечаем набросанные вдоль нее предметы. Тут и каменные пластины с рисунками, и прекрасная медная роза, которая, судя по всему, побывала в раскаленной печи и оплавилась, и маленький коврик, мясницким тесаком разрезанный надвое. Все это вещи, которые вместе с Джеком перенеслись из одного мира в другой. Мы видим обугленную телевизионную электронную трубку, лежащую среди осколков стекла, несколько батареек «Дюраселл АА», расческу и, что уже совсем странно, женские белые нейлоновые трусики с розовой надписью «Sunday». Произошло столкновение миров. Предметы у восточной стены госпиталя показывают силу этого столкновения.

Там, где их шлейф обрывается, можно сказать, в голове кометы, сидит мужчина, который нам знаком. То есть мы впервые видим его в этой бесформенной коричневой тунике (и он, само собой, не знает, как носить такую одежду, потому что она определенно открывает лишнее), сандалиях на босу ногу, с волосами, зачесанными назад и собранными в конский хвост, перехваченный лентой из грубой, невыделанной кожи, но перед нами, безусловно, Уэнделл Грин. Он что-то бормочет себе под нос. Слюна течет из уголков рта. Он пристально смотрит на мятые листы писчей бумаги, свернутые трубкой, которую он держит в правой руке. Если он сумеет понять, как диктофон «Панасоник» превратился в мятую бумагу, то, возможно, начнет соображать, что к чему. Но до этого еще далеко.

Уэнделл (мы продолжим называть его Уэнделлом и не будем ломать голову над тем, какое имя он может получить, или не получить, в этом маленьком уголке вселенной, поскольку он сам этого не знает, да и не хочет знать) замечает батарейки «Дюраселл АА». Подкрадывается к ним, поднимает и начинает вставлять в бумажную трубку. Ничего путного, разумеется, не выходит, но Уэнделла это не останавливает. Как сказал бы Джордж Рэтбан: «Дайте этому парню сачок, и он постарается поймать им обед».

— Че... — говорит знаменитейший репортер округа Каули, продолжающий засовывать батарейки в трубку из листков. — Че... за. Че... за! Черт побери, залезайте в...

Звук... приближающееся позвякивание (это же надо!) шпор привлекает внимание Уэнделла, и он отрывается от батареек и листов, поднимает голову. Его выпученные глаза широко раскрыты. Окончательно и бесповоротно рассудка Уэнделл, возможно, не потерял, но на данный момент его рассудок определенно повез жену и детей в «Диснейленд». А то, что Уэнделл видит перед собой, ни в коей мере не способствует скорейшему возвращению рассудка.

Когда-то в нашем мире жил прекрасный актер, которого звали Вуди Строуд[1] (Лили его знала, более того, в конце шестидесятых снялась в фильме «Экспресс правосудия» студии «Американ интернешнл»). Человек, который приближается к тому месту, где Уэнделл Грин сидит на земле с трубкой из мятых листов и батарейками «Дюраселл», очень похож на этого актера. На нем вытертые джинсы, синяя рубашка из «шамбре». На шее — платок, на широком кожаном ремне-патронташе с четырьмя десятками поблескивающих патронов — тяжелый револьвер в кожаной же кобуре. Гладко выбритый череп, глубоко посаженные глаза. Через плечо на вязаной ленте — гитара. На другом плече вроде бы попугай. Только двухголовый.

— Нет. Нет, — вырывается у *Уэнделла.* — *Нет. Не* вижу. Не. Вижу. Этого. — Он наклоняет голову и возобновляет попытки вставить батарейки в бумажную трубку.

Тень мужчины падает на Уэнделла, но тот отказывается поднимать голову.

— Привет, незнакомец, — здоровается мужчина.

Уэнделл по-прежнему *не поднимает головы.*

— Меня зовут Паркус. В этих местах я представляю закон. Как тебя зовут?

Уэнделл не отвечает, если не принимать за ответ бессвязные звуки, срывающиеся со слюнявых губ.

— Я спросил твое имя.

— Уэн, — отвечает наш давний знакомец (не можем же мы назвать его другом), не поднимая головы. — Уэн. Делл. Гри... Грин. Я... я... я...

— Не торопись. — В голосе Паркуса слышится сочувствие. — Я могу подождать, пока ты соберешься с мыслями.

— Я... газетный ястреб!

---

[1] Строуд, Вуди (Вудро; 1914—1994) — американский киноактер. Снимался с начала сороковых. Ранее профессиональный футболист и борец. В России наиболее известен как партнер Керка Дугласа по фильму «Спартак» (1960).

— О? Вот, значит, ты кто? — Паркус нависает над ним, Уэнделл вжимается в податливую стену госпиталя. — Да, это что-то новенькое. Вот что я тебе скажу, я видел ястребов-рыболовов, я видел красноплечих ястребов, я видел серых ястребов, но ты мой первый газетный ястреб.

Уэнделл поднимает голову, быстро-быстро моргает.

Одна голова попугая, сидящего на левом плече Паркуса, говорит:

— Бог — это любовь.

— Пойди поимей свою мать, — тут же подает голос вторая голова.

— Все должны искать реку жизни, — первая.

— Пососи мой член, — вторая.

— Мы растем навстречу Богу, — первая.

— Обоссысь, — вторая.

Головы говорят друг за другом, не перебивая, даже тембр голоса и интонации у них одинаковые. Уэнделл еще подается назад и возобновляет прерванное занятие: вставляет батарейки в бумажную трубку, которая в его руке изогнулась, а верхние слои разбухли от пота.

— Не обращай на них внимания, — говорит Паркус. — Я вот не обращаю. Можно сказать — не слышу их, и это правда. Заткнитесь, мальчики.

Попугай замолкает.

— Одна голова — Святость, вторая — Нечестивость. Я держу попугая для того, чтобы он напоминал мне...

Его прерывают приближающиеся шаги, и он поворачивается на их звук. К ним спешат Джек и Софи, держась за руки, словно дети, возвращающиеся из школы.

— Спиди! — восклицает Джек, его лицо расплывается в улыбке.

— Неужто Странник Джек! — Паркус улыбается во весь рот. — Какая встреча! Дайте взглянуть на вас, сэр... вы выросли!

Джек подбегает, обнимает Паркуса, тот крепко прижимает его к груди. Потом Джек отстраняется и внимательно изучает своего друга.

— Ты был старше... во всяком случае, казался мне старше. В обоих мирах.

Продолжая улыбаться, Паркус кивает. А когда начинает говорить, чуть тянет слова, на манер Спиди Паркера:

— Наверное, я казался тебе старше, Джек. Ты-то был мальчишкой, помнишь.

— Но...

Паркус машет рукой.

— Иногда я выгляжу старше, иногда — нет. В зависимости от...

— Возраст — это мудрость, — уважительно замечает первая голова.

— Ты — слабоумный старый хрен, — откликается другая.

— ...в зависимости от места и обстоятельств, — заканчивает фразу Паркус. — А вас, мальчики, я просил заткнуться. Будете болтать — сверну ваши тощие шеи. — Он поворачивается к Софи, которая смотрит на него широко раскрытыми, восторженными глазами, застенчивая, как лань. — Софи. Как приятно видеть тебя, милая. Разве я не сказал, что он придет? И вот он здесь. Правда, на дорогу ему потребовалось больше времени, чем я ожидал.

Она делает глубокий реверанс, встает на колено, низко наклоняет голову:

— Спасибо тебе. Приди с миром, стрелок, и да будет с тобой моя любовь, когда ты продолжишь свой путь по Лучу.

Джек чувствует, как от этих слов по его спине бежит холодок, потому что произнесены они особым тоном, полным глубокого смысла.

Спиди, так Джек все еще называет его, берет Софи за руку, предлагая ей подняться.

— Встань, девочка, и посмотри мне в глаза. Здесь я не стрелок, во всяком случае, в Пограничье, даже если время от времени и таскаю с собой старую железяку. В любом случае нам о многом надо поговорить. На церемонии времени нет. Вы двое, пойдемте со мной. Посовещаемся,

как говорим мы, стрелки. Или говорили, до того как мир сдвинулся. Я настрелял дичи, так что заодно и перекусим.

— Как насчет... — Джек указывает на что-то бормочущего, пытающегося засунуть батарейки в бумажную трубку Уэнделла Грина.

— Вроде бы он при деле, — говорит Паркус. — Сказал мне, что он — газетный ястреб.

— Боюсь, он слишком высоко себя ценит, — качает головой Джек. — Он — газетный стервятник.

Уэнделл чуть поворачивает голову. Смотреть на Джека не решается, но губы растягиваются в оскале. Возможно, это рефлекторное.

— Зол. Золо. Золо-той мальчик. Голли. Вуд.

— Ему удалось сохранить чуточку обычного обаяния и жизнелюбия. С ним тут ничего не случится?

— Рядом с шатром Смиренных сестер редко кто бродит, — отвечает Паркус. — Никто его не тронет. А если он учует в воздухе что-нибудь вкусненькое и заглянет на огонек, что ж, мы сможем его накормить. — Он поворачивается к Уэнделлу: — Мы будем за тем пригорком. Захочешь прийти в гости — не стесняйся. Понял меня, мистер Газетный Ястреб?

— Уэн. Делл. Грин.

— Уэнделл Грин, да, сэр. — Паркус смотрит на Джека и Софи: — Пошли. Времени в обрез.

— Нам бы не забыть про него, — шепчет Софи, оглядываясь. — Через несколько часов стемнеет.

— Не забудем, — соглашается Паркус, они уже поднимаются на пригорок. — Негоже оставлять его около шатра после наступления темноты. Добром не кончится.

На другом склоне холма растительность гуще, есть даже ручеек, который, должно быть, бежит к реке, шум ее воды доносится издалека, но ландшафт больше напоминает Северную Неваду, чем Западный Висконсин. «И это понятно», — думает Джек. Последний переход разительно отличается от прежних. У него такое ощущение, буд-

то он — камень, который перебросили через озеро. А как досталось бедолаге Уэнделлу...

Справа от них, у подножия холма, стреноженная лошадь пасется в тени, как кажется Джеку, юкки древовидной. По левую руку, в двадцати ярдах вниз по склону, круг изъеденных ветром и песком камней. Внутри аккуратно сложены дрова, которые надо только поджечь. Джеку эти камни определенно не нравятся. Торчат из земли, как зубы. И он не одинок. Софи останавливается, сжимает его руку.

— Паркус, неужели мы идем туда? Пожалуйста, скажи, что нет.

— Говорящий демон покинул этот круг много веков назад, дорогая, — отвечает Паркус. — И ты знаешь, что лучшего места для беседы не найти.

— Однако...

— Не время сейчас предаваться страхам, — отвечает Паркус. В голосе слышны нотки нетерпения. Вместо «страхов» он произносит другое слово, но так переводит его сознание Джека. — Ты ждала, пока он придет в госпиталь Смиренных сестер...

— Только потому, что она по другую сторону стены находилась...

— ...а теперь я хочу, чтобы шла с нами. — Он вдруг становится выше ростом. Его глаза сверкают.

«Стрелок, — думает Джек. — *Да, безусловно, он может быть стрелком.* Как в старых фильмах мамы, только настоящим».

— Хорошо, — шепчет она. — Если надо, — смотрит на Джека. — Не мог бы ты меня обнять?

Джек, мы можем в этом не сомневаться, счастлив это сделать.

Когда они проходят между двух камней, на Джека вдруг обрушивается словесный поток. Один голос, особенно четкий, проникая в ухо, оставляет за собой дорожку слизи: «Бредут, бредут, бредут, на окровавленных ножках, скоро он придет, мой добрый друг Маншан, и такой я приготовил ему подарок...»

Джек смотрит, как его друг Паркус наклоняется над походным мешком, ослабляет веревку.

— Он близко, не правда ли? Рыбак. И «Черный дом», он тоже близко.

— Да, — кивает Паркус и достает из мешка дюжину общипанных жирных птичьих тушек.

При взгляде на куропаток в голову Джеку приходят мысли об Ирме Френо, и он думает, что не сможет есть. Убежденность крепнет, пока он наблюдает, как Паркус и Софи насаживают тушки на ветки-вертела. Но после того, как огонь зажжен, а на тушках появляется коричневая корочка, желудок говорит себе веское слово, настаивая на том, что куропатки пахнут прекрасно, а на вкус скорее всего будут еще лучше. Здесь, вспоминает он, любая еда вкуснее, чем в том мире.

— И вот мы здесь, в говорящем круге. — Лицо Паркуса серьезно, нет и тени улыбки. Он смотрит на Джека и Софи, которые сидят бок о бок, все еще держась за руки. Его гитара прислонена к одному из камней, образующих круг. Рядом с ней спит попугай, обе головы, Святость и Нечестивость, уткнувшись в перышки, конечно же, видят разные сны. — Демона давно уже нет, но легенда говорит, что эта нечисть оставляет после себя ауру, которая способствует беседе.

— Как атмосфера «Бларни стоун»[1], — уточняет Джек.

Паркус качает головой:

— Сегодня никакого обмана[2].

— Если бы мы имели дело с обыкновенным мерзавцем. С ним я бы справился.

— Ты прав, — кивает Паркус. — Но, в определенном смысле, с ним ты и имеешь дело. Карл Бирстоун ничего особенного собой не представляет. Скажем так, обычный

---

[1] «Бларни стоун» — популярный ирландский пивной бар в Нью-Йорке.

[2] Одно из значений английского слова blarney — обман.

маньяк. Убивать ему не в диковинку. Но во Френч-Лэндинге его просто используют. Как говорят в твоем мире, Джек, он одержим дьяволом. В него вселился призрак, как говорим мы, в Долинах...

— Или его воспитывали свиньи, — добавляет Софи.

— Да, — кивает Паркус. — В мире, который находится за этим Пограничьем, Срединном мире, они бы сказали, что в нем поселился демон. Но демон куда более сильный и могущественный, чем тот бедолага, который когда-то обитал в этом каменном круге.

Джек едва его слышит. Его глаза горят мрачным огнем. «Что-то... что-то вроде Бир Стайн, — сказал ему Джордж Паркер прошлым вечером, тысячу лет тому назад. — Не совсем так, но близко».

— Карл Бирстоун, — повторяет он. Поднимает сжатый кулак, торжествующе трясет. — Так его звали в Чикаго. Бернсайд там, во Френч-Лэндинге. Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки. Где он, Спиди? Сэкономь мне несколько ча...

— Замолчи, — обрывает его Паркус.

Тихо, но жестко. Джек чувствует, как Софи прижимается к нему. Так его давний друг никогда не говорил. «Ты более не должен воспринимать его как Спиди, — одергивает себя Джек. — Он не такой и никогда таким не был. Это роль, которую он играл, чтобы успокоить и расположить к себе испуганного мальчика, который бежал от беды со своей матерью».

Паркус поворачивает тушки, которые уже подрумянились с одной стороны и роняют в огонь капельки жира.

— Извини за тон, Джек, но ты должен понять, что твой Рыбак — мелкая сошка в сравнении с тем, что происходит у нас на глазах.

«Почему бы тебе не сказать, что он — мелкая сошка, Тэнзи Френо? Почему бы не сказать Нюхачу Сен-Пьеру?»

Джек думает об этом, но не озвучивает своих мыслей. Огонь в глазах Паркуса нагнал на него страху.

— И речь идет не о Двойниках. Выброси эти мысли из головы. Это всего лишь связь между твоим миром и миром Долин. Ты не можешь убить одного преступника здесь и тем самым положить конец делишкам твоего людоеда там. А если ты убьешь его в Висконсине, тварь, которая живет в нем, просто перескочит в другое тело.

— Тварь?..

— Во времена Альберта Фиша последний называл ее Мистер Понедельник. Того, кто тебе нужен, зовут мистер Маншан. На самом деле имя другое, но его не произнести ни на одном человеческом языке ни в одном из земных миров.

— И много этих миров, Спиди?

— Много, — отвечает Паркус, глядя в костер. — И наше дело затрагивает каждый из них. Иначе зачем бы мне гоняться за тобой? Посылать тебе перышки, посылать тебе яйца малиновки, делать все, что только возможно, лишь бы разбудить тебя.

Джек думает о Джуди, царапающей стены, пока из-под ногтей не потекла кровь, и ему становится стыдно. Спиди, по существу, занимался тем же.

— Проснись, проснись, дурья башка, — говорит он.

На лице Паркуса мелькает некое подобие улыбки.

— Ты, конечно, видел меня перед тем, как покинуть службу в полиции Лос-Анджелеса.

— А что еще могло заставить меня уйти из полиции?

— Ты бежал, как Иона, когда Господь велел ему идти проповедовать в Ниневию. Я даже подумал, а не послать ли мне кита, чтобы он тебя проглотил.

— У меня такое ощущение, будто меня проглотили, — признается Джек.

— У меня тоже, — подает голос Софи.

— Мы все проглочены, — заявляет мужчина с револьвером на боку. — Мы все в брюхе чудовища, нравится нам это или нет. Это ка[1], рок и судьба. Твой Рыбак, Джек,

[1] Ка — в египетской мифологии один из элементов, составляющих человеческую сущность. Определяет судьбу человека.

теперь твоя ка. Наша ка. Речь идет о большем, чем убийства. Гораздо большем.

И Джек видит такое, от чего кровь холодеет у него в жилах: Лестер Паркер, он же Спиди, он же Паркус, сам напуган до смерти.

— Это дело связано с Темной Башней, — добавляет Паркус.

Крик отчаяния срывается с губ сидящей рядом с Джеком Софи, она опускает голову. Одновременно поднимает руку и раз за разом показывает Паркусу знак Злого Глаза.

Паркус, однако, не обращает на нее никакого внимания. Вновь переворачивает тушки.

— А теперь слушайте меня, — говорит он. — Слушайте и задавайте как можно меньше вопросов. У нас еще есть шанс вернуть Джуди Маршалл ее сына, но время стремительно иссякает.

— Говори, — молвит Джек.

Паркус говорит. Не переставая говорить, приходит к выводу, что куропатки готовы, и подает их на плоских камнях. Мясо нежное, само слезает с костей. Джек ест с жадностью, пьет сладкую воду из бурдюка Паркуса всякий раз, когда он попадает к нему. Он более не сравнивает поджаренных на костре куропаток с детскими трупами. Тело требует горючего и не получает отказа. С аппетитом ест и Софи, руками, нисколько не стесняясь, облизывает изящные пальчики. Ест и Уэнделл Грин, пусть он так и не решился войти в каменный круг. Однако, когда Паркус бросает ему золотисто-коричневую тушку, Грин ловит ее с удивительным проворством и вгрызается зубами в мягкое мясо.

— Ты спросил, много ли миров, — начинает Паркус. — Ответ, высоким слогом — да фан: больше, чем можно себе представить. — Почерневшей палочкой он рисует уложенную набок восьмерку. Джек знает, что это греческий символ для обозначения бесконечности.

— Есть Башня, которая удерживает их вместе. Если хочешь, думай о ней как об оси, на которой вращается множество колес. И есть нечто, которое хочет разрушить Башню. Рам Аббала.

При этих словах языки пламени костра вдруг темнеют, становятся темно-красными. Джек хочет, но не может поверить, что изменение цвета — всего лишь плод его разыгравшегося воображения.

— Алый Король, — переводит он.

— Да. Его физическое воплощение заточено в камере на вершине Башни, но у него есть и второе воплощение, столь же реальное, и живет оно в кан-та Аббала — во Дворце Алого Короля.

— То есть находится в двух местах одновременно. — Благодаря своим путешествиям между мирами Америки и Долин Джек без особого труда воспринимает сказанное.

— Да.

— Если он... или нечто... уничтожит Башню, достигнет ли он своих целей? Не погибнет ли при этом одно из его физических воплощений?

— Как раз наоборот. Он освободит его, и тогда везде воцарится хаос... дин-та... геенны огненной. Некоторые территории Срединного мира уже свалились в этот огонь.

— Что из всего этого мне действительно нужно знать? — спрашивает Джек. Он понимает, что ему пора отправляться в мир по другую сторону стены.

— Трудно сказать, что тебе нужно знать, а что — нет, — отвечает Паркус. — Если я упущу что-то нужное, завтра, возможно, погаснут звезды. Не только здесь, но и в тысячах тысяч вселенных. И в этом весь ужас. Слушай, Джек... Король пытается уничтожить Башню и освободиться с незапамятных времен. Возможно, целую вечность. Процесс этот медленный, потому что Башня удерживается на месте пересекающимися силовыми лучами, которые выполняют роль оттяжек. Лучи удерживали Башню тысячи лет и будут удерживать еще тысячи, но в последние две сотни

лет, в вашем летосчислении, Джек, а для тебя, Софи, это порядка пятисот Полноземелий...

— Такой долгий срок, — говорит она. — Такой долгий.

— По историческим меркам срок этот короток, как жизнь искорки, поднявшейся над костром. Но если хорошее приживается и развивается долго и трудно, то зло набирает силу очень быстро, выскакивает, как чертик из шкатулки. Ка — друг как зла, так и добра. Ка обнимается с обоими. Что же касается чертика... — Паркус поворачивается к Джеку: — Ты, разумеется, слышал о Железном веке? И о Бронзовом?

Джек кивает.

— На верхних уровнях Башни есть те, кто называет последние двести или около того лет в твоем мире — веком Отравленной мысли. Это означает...

— Мне этого объяснять не надо, — обрывает его Джек. — Я знал Моргана Слоута, помнишь? Я знал, что он собирался сделать с миром Софи.

Да, действительно, по плану предстояло превратить самый лучший из миров сначала в курорт для богатых, потом в источник неквалифицированной рабочей силы и, наконец, в свалку, возможно, и радиоактивных отходов. Если это не пример отравленной мысли, то Джек действительно не знает, что это такое.

— Среди разумных существ всегда встречались эспе-ры, — продолжает Паркус. — Это *справедливо для всех* миров. Но обычно их очень мало. Необыкновенно одаренные люди, как ты мог бы про них сказать. Но с тех пор, как в твоем мире наступил век Отравленной мысли, Джек, они начали встречаться все чаще и чаще. Не так часто, разумеется, как мутанты в Проклятых землях, но достаточно часто.

— Ты говоришь о читающих мысли? — спрашивает Софи, дабы убедиться, правильно ли она понимает Паркуса.

— Да, — кивает Паркус, — но не только о читающих мысли. Предсказателях будущего. Телепортерах, способ-

ных переходить из мира в мир, как наш Странник Джек... и телекинезерах. Телепаты встречаются чаще, телекинезеры — самые редкие... и самые ценные.

— Ты хочешь сказать, для него, — уточняет Джек. — Для Алого Короля.

— Да. Большую часть последних двухсот лет аббала провел, собирая команду рабов-эсперов. Главным образом, находил их на Земле и в Долинах. Все телекинезеры родом с Земли. Эта команда рабов — его главное достижение. Мы называем их Разрушителями. Они... — Он задумывается. — Вы знаете, как обеспечивается движение галеры?

Оба кивают.

— Много гребцов приводят ее в движение веслами, — отвечает Софи и имитирует гребок, отчего ее грудь волнующе колышется.

Теперь кивает Паркус:

— Обычно рабы скованы одной цепью. Они...

Из-за каменного круга внезапно напоминает о своем присутствии Уэнделл.

— Спар. Так. — Он замолкает, хмурится, повторяет попытку: — Спар-так.

— О чем он? — в недоумении спрашивает Паркус. — Ты понимаешь, Джек?

— О фильме «Спартак», — отвечает Джек. — И ты, как всегда, не прав, Уэнделл. Потому что говоришь о «Бен-Туре».

Надувшись, Уэнделл протягивает жирные руки:

— Еще. Мяса.

Паркус снимает с палочки-вертела последнюю куропатку, бросает меж двух камней, за которыми сидит Уэнделл.

— Свежая добыча для Газетного Ястреба. А теперь, сделай милость, заткнись.

— Или — что? — В глазах Уэнделла появляется воинственный блеск.

Паркус вытаскивает из кобуры револьвер. Рукоятка из сандалового дерева затерта, зато ствол блестит, как но-

венький. Ему нет нужды отвечать. Уэнделл Грин, в коричневой тунике, с куропаткой в руке, срывается с места и скрывается за вершиной холма. Джек этому безмерно рад. «Спартак, однако», — думает он и пренебрежительно фыркает.

— Значит, Алый Король хочет использовать Разрушителей для уничтожения Лучей, — говорит Джек. — В этом все дело, так? Такой у него план?

— Ты вроде бы говоришь о будущем, — отвечает Паркус. — А происходит это прямо сейчас, Джек. Достаточно взглянуть на твой мир, чтобы увидеть идущую полным ходом дезинтеграцию. Из шести Лучей в полную силу функционирует лишь один. Еще два генерируют минимальную сдерживающую мощность. Остальные три уже мертвы. Один из них вышел из строя тысячи лет тому назад, сломался. Два других... уничтожили Разрушители. Менее чем за два столетия.

— Господи, — выдыхает Джек. Теперь он понимает, почему Спиди назвал Рыбака мелкой сошкой.

— Защита Башни и Лучей всегда лежала на древней военной гильдии Гилеада, членов которой называли стрелками в этом мире и во многих других. Они также обладали мощными экстрасенсорными способностями и могли нейтрализовать Разрушителей Алого Короля, но...

— Стрелки все ушли, кроме одного, — говорит Софи, глядя на большой револьвер на бедре Паркуса. — Если только ты тоже не стрелок, Паркус.

— Я — нет, дорогая, — отвечает он, — но стрелок у нас не один.

— Я думала, Роланд[1] — последний. Так гласят легенды.

— Он подготовил еще по меньшей мере троих, — отвечает ей Паркус. — Я не знаю, как ему это удалось, но верю, что так оно и есть. Если бы Роланд оставался один,

---

[1] Роланд — главный герой цикла «Темная Башня», первые четыре книги которого опубликованы и переведены на все ведущие языки, в том числе и на русский, а еще три ждут своей очереди.

Разрушители уже давно сломали бы Башню. Но с помощью остальных...

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — вмешивается Джек. — То есть сначала понимал, но безнадежно отстал.

— Чтобы сделать свою работу, тебе и не нужно все понимать, — отрезает Паркус.

— Спасибо тебе, Господи.

— А чтобы понять необходимый минимум, забудь про галеры и гребцов и вернись к вестернам, в которых снималась твоя мать. Для начала представь себе форт в пустыне.

— Это Темная Башня, к которой ты постоянно возвращаешься. Она — форт?

— Да. И окружают форт не дикие индейцы...

— ...а Разрушители. Ведомые великим вождем Аббала.

Софи бормочет: «Король в своей башне ест хлеб и мед. Разрушители в подвале делают ему деньги».

По спине Джека струится неприятный холодок: он думает о крысиных лапках, коготки которых скребут по рассыпанным по полу осколкам стекла.

— Почему ты это сказала?

Софи смотрит на него, краснеет, качает головой, отводит взгляд.

— Так она иногда говорит. Джуди. Когда я слышу ее.

Паркус берет обгоревшую ветвь, начинает рисовать на пыли, рядом с восьмеркой.

— Вот форт. Это индейцы, ведомые безжалостным и скорее всего безумным вождем. Но вот здесь... — Слева на пыли появляется стрела. Острие направлено на знаки, изображающие индейцев и форт. — Кто в лучших вестернах Лили Кавано всегда появляется в самую последнюю минуту?

— Кавалерия, — без запинки отвечает Джек. — Как я понимаю, это мы.

— Нет, — отрезает Паркус. Голос у него ровный, но Джек чувствует, что сдерживаться ему удается с большим

трудом. — Кавалерия — это Роланд из Гилеада и его новые стрелки. И те из нас, кто хочет, чтобы Башня устояла... или рухнула в положенное ей время. Алый Король надеется задержать Роланда и уничтожить Башню до того, как он прибудет со своими стрелками. А для этого Королю надо собрать как можно больше Разрушителей, особенно телекинезеров.

— А Тайлер Маршалл...

— Не прерывай меня. Мне и так нелегко.

— Раньше ты был куда веселее, Спиди. — В голосе Джека слышится упрек. Он думает, что давний друг сейчас устроит ему словесную выволочку, а может, выйдет из себя и превратит в лягушку... но напряжение вдруг покидает Паркуса, он смеется.

Софи поднимает голову, улыбается, сжимает руку Джека.

— Пожалуй, ты прав, — вздыхает Паркус. — Заводиться нет смысла, не правда ли? — Он касается револьвера. — Наверное, я не погрешу против истины, сказав, что решил, будто эта железяка придает мне значимости.

— Шаг, а то и два вперед по сравнению с дворником парка развлечений, — кивает Джек.

— И в Библии, это в твоем мире, Джек, и в Книге правильного земледелия, это уже в твоем, Софи, дорогая, есть одна и та же фраза... *если не ошибаюсь:* «Ибо в царствии моем есть много домов». Так вот, при дворе Алого Короля есть много монстров.

Джек слышит, как с его губ срывается короткий смешок. Похоже, его давний друг отпустил типично тупую полицейскую шутку.

— Они — курьеры Короля... его рыцари на побегушках.

Поручений им дается много, но, думаю, в последнее время главная задача одна — поиск талантливых Разрушителей. Чем талантливее Разрушитель, тем выше награда.

— Они — охотники за головами, — бормочет Джек и понимает, насколько он прав, лишь произнеся эти слова.

Вроде бы использовал бизнес-термин, но есть же и буквальный смысл. Охотники за головами — людоеды.

— Да, — соглашается Паркус. — И у них есть смертные субподрядчики, которые работают за... произносить это слово мало радости, но иначе, наверное, не скажешь...

Перед мысленным взором Джека возникает жуткое зрелище: Альберт Фиш стоит на тротуаре в Нью-Йорке с плакатиком «РАБОТАЮ ЗА ЕДУ». Он крепче прижимает к себе Софи. Синие глаза поворачиваются к нему, он с радостью тонет в них. Они его успокаивают.

— Сколько Разрушителей отправил Альберт Фиш твоему приятелю Мистеру Понедельнику? — хочет знать Джек. — Двоих? Четверых? Дюжину? Они умерли, раз уж Аббала пришлось заменять их?

— Нет, — очень серьезно отвечает Паркус. — Их содержат в одном месте..: в подвале, да, или в пещере... где время не движется.

— В чистилище. Господи.

— Это не важно. Альберт Фиш давно умер. Мистер Понедельник теперь мистер Маншан. И сделку, которую мистер Маншан заключил с твоим убийцей, очень простая: этот Бернсайд может убить и съесть сколько захочет детей, если они не талантливые. Но когда ему попадутся талантливые, то есть Разрушители, их он должен сразу же передавать мистеру Маншану.

— Который отправит их к Аббала, — шепчет Софи.

— Совершенно верно, — кивает Паркус.

Джек чувствует, что вновь обрел опору под ногами, пусть и не очень прочную, и несказанно этому рад.

— Поскольку Тайлера не убили, он — талантливый.

— Талантливый — не то слово. Тайлер Маршалл, потенциально, один из двух наиболее сильных Разрушителей в истории миров. Если вернуться к аналогии с фортом и индейцами, то можно сказать, что Разрушители — зажигательные стрелы, которые перебрасывают через стены... новый вид оружия. Но Тайлер Маршалл — не просто зажигательная стрела. Скорее он — управляемый снаряд.

— Или атомная бомба.

— Я не знаю, о чем вы, — шепчет Софи.

— И не надо тебе знать, — отвечает Джек. — Поверь мне.

Он вновь смотрит на рисунки. Удивлен ли он, что Тайлер такой могущественный? Нет, пожалуй, что нет. Он же знает, какой силой обладает его мать. Он же повстречался с ее Двойником. Простая одежда и манеры Софи не могут обмануть его. Он видит, что перед ним королева. Она прекрасна, но красота отнюдь не главное ее достоинство.

— Джек? — обращается к нему Паркус. — Ты в порядке?

Его тон трактуется однозначно: «На другое сейчас просто нет времени».

— Дай мне минуту, — просит Джек.

— У нас совсем мало вр...

— Это мне уже объяснили, — рубит слова Джек и чувствует, как Софи вскидывает на него глаза, удивленная таким тоном. — Дай мне минуту. И позволь выполнять свою работу.

Из-под зеленых перышек одна из голов попугая бормочет: «Бог любит бедных тружеников». Вторая тут же отвечает: «Поэтому он наплодил их в таком количестве?»

— Хорошо, Джек, — отвечает Паркус и принимается изучать небо.

«Итак, что мы имеем? — думает Джек. — Мы имеем очень ценного мальчика, и Рыбак знает, что он ценный. Но мальчик еще не у мистера Маншана, иначе Спиди не сидел бы здесь. Что из этого следует?»

Софи озабоченно смотрит на него. Паркус не отрывает глаз от бездонного синего неба над Пограничьем между Долинами (по терминологии Джуди Маршалл — Запределье) и Следующим миром. Колесики в голове Джека вертятся все быстрее, мысли набирают скорость, как экспресс, уходящий со станции. Он понимает, что чернокожий мужчина с лысым черепом высматривает в небе некую злобную ворону. Он понимает, что белокожая женщина

смотрит на него с обожанием, которое со временем может перерасти в любовь. Но в основном он занят другими мыслями. И это мысли копписмена.

Теперь Бирстоун стал Бернсайдом и он стар. Стар, и с головой у него далеко не все в порядке. Он никак не может решить, что же ему делать: оставить Тайлера себе или, как и обещал, отдать этому Маншану. И все теперь зависит от того, в какую сторону он качнется. Если примет решение убить Тайлера и сварить в котле, как ведьма в сказке «Гензель и Гретель», не повезет Джуди и Фреду. Не говоря уже о Тайлере, который навидался такого, что может свести с ума и ветерана морской пехоты. Если же Рыбак отдаст мальчика мистеру Маншану, не повезет всему живому. Неудивительно, что Спиди боится нехватки времени.

— Вы знали, что это грядет, не так ли? — спрашивает он. — Вы оба знали. Потому что знала Джуди. Она не один месяц вела себя странно, и началось это задолго до убийств.

Паркус ерзает на месте, отводит глаза.

— Я знал, что-то готовится, да, свидетельства тому были, но я занимался другим делом. А Софи переходить не может. Ее привезли сюда летающие люди, они же и увезут, когда наше совещание закончится.

Джек поворачивается к Софи:

— Ты — та, кем когда-то была моя мать. Я в этом уверен (себе он признается, что полной уверенности у него нет, скорее полагается на интуицию. Слишком много неизвестных.). Ты — наследница Лауры Делессиан. Королева этого мира.

Теперь смущается Софи.

— В высшей иерархии я была никем, действительно никем, и меня это вполне устраивало. Главным образом писала рекомендательные письма и благодарила людей, которые приходили, чтобы повидаться со мной... только при исполнении официальных обязанностей я говорила «мы». Любила гулять, рисовать цветы, классифицировать их. А потом, по стечению обстоятельств, трудным временам, оказалась последней в королевском роду. Королева

этого мира, как ты и сказал. Однажды выходила замуж за хорошего и простого человека, но мой Фред Маршалл умер и оставил меня одну. Софи Бесплодная.

— Не говори так. — Джек удивлен, как глубоко ранят его ее слова. Не хочет слышать, чтобы она говорила о себе с такой насмешливо-горестной интонацией.

— Не будь ты уникумом, Джек, твой Двойник приходился бы мне кузеном.

Теперь она охватывает его руку изящными пальчиками и сжимает их. Низкий голос переполняют эмоции.

— Отставим в сторону высшие материи. Я знаю, что Тайлер Маршалл — сын Джуди, я знаю, что люблю ее и не хочу, чтобы ей причиняли боль. Поверь, что за Тайлера я переживаю, как за своего ребенка, если он у меня когда-нибудь будет. Но кроме этого, я знаю еще одно: ты — единственный, кто может его спасти.

— Почему? — Он, разумеется, чувствовал, что к этому идет. Иначе что ему тут делать? Но по-прежнему пребывает в недоумении. — Почему я?

— Потому что ты прикасался к Талисману. И хотя часть его силы с годами покинула тебя, многое осталось.

Джек думает о лилиях, которые Спиди оставил ему в ванной Дейла. Об их запахе, что остался на его руках даже после того, как он отдал букет Тэнзи. И он помнит, как выглядел Талисман в шепчущейся темноте королевского павильона, набирая яркость, изменяя все, *прежде чем исчезнуть*.

Джек думает: «Он по-прежнему изменяет все».

— Паркус? — Это первый раз, когда он называет своего собеседника, другого копписмена, по имени? Точно он не помнит, но такое возможно.

— Да, Джек.

— Того, что осталось от Талисмана... этого достаточно? Хватит, чтобы я смог взять верх над Алым Королем?

На лице Паркуса — ужас.

— Конечно нет, Джек. Даже не думай. Аббала задует тебя, как свечу. Но этого, возможно, хватит, чтобы спра-

виться с мистером Маншаном... пойти в горящие земли и вывести оттуда Тайлера.

— Там машины. — Софи словно погрузилась в транс, забылась тяжелым сном. — Красные машины и черные машины, все окутаны дымом. Длинные транспортеры, и на них несметное количество детей. Дети перебирают ножками, двигают транспортеры, а те приводят в действие машины. Глубоко в лисьих норах. Глубоко в крысиных норах, куда не заглядывает солнце. В глубоких пещерах, где находятся горящие земли.

Джек потрясен до глубины души. На ум приходит Диккенс. Не «Холодный дом» — «Оливер Твист». И разумеется, он вспоминает разговор с Тэнзи Френо. «По крайней мере, Ирма не там, — думает он. — Не в горящих землях. Ирма мертва, злобный старик отъел ей ногу. Тайлер, однако... Тайлер...»

— Они бредут и бредут, пока у них не начинают кровоточить ноги, — бормочет он. — И путь туда...

— Я думаю, ты знаешь, — говорит Паркус. — Найдя «Черный дом», ты найдешь путь в горящие земли... к машинам... мистеру Маншану... и Тайлеру.

— Мальчик жив. Вы в этом уверены.

— Да, — хором отвечают Паркус и Софи.

— А где сейчас Бернсайд? Эта информация могла бы многое ускорить.

— Я не знаю, — отвечает Паркус.

— Господи, если бы ты знал, кто он...

— Есть отпечатки пальцев, — говорит Паркус. — Отпечатки пальцев на телефонном аппарате. Твоя первая идея. Полицейское управление Висконсина получило информацию из банка данных ФБР, что они принадлежат Бирстоуну. У тебя есть его теперешняя фамилия — Бернсайд. Этого достаточно.

Полицейское управление Висконсина, ФБР, банк данных: эти термины звучат на английском, который совершенно неуместен в Долинах.

— Откуда ты это знаешь?

— У меня есть источники в твоем мире; я держу руку на пульсе. И такому копу, как ты, не составит труда выяснить остальное.

— Джуди думает, что у тебя есть друг, который может помочь, — неожиданно встревает Софи.

— Дейл? Дейл Гилбертсон? — Джеку трудно в это поверить, но, с другой стороны, Дейл мог кое-что разузнать.

— Я не знаю его имени. Джуди думает, он похож на тех, кто живет здесь, в Запределье. Человек, который многое видит, потому что не видит ничего.

Значит, не Дейл. Она говорит о Генри.

Паркус встает. Попугай поднимает головы, открывает четыре блестящих глаза. Святость-и-Нечестивость взлетает к его плечу и устраивается на нем.

— Я думаю, *совещание закончено. Нам пора закругляться*. Ты готов к возвращению, друг мой?

— Да. И пожалуй, я возьму Грина с собой, хоть мне этого и не хочется. Не думаю, что он здесь долго протянет.

— Как скажешь.

Джек и Софи, которые по-прежнему держатся за руки, уже поднимаются, когда Джек вдруг осознает, что Паркус все стоит в говорящем круге с попугаем на плече.

— Ты не идешь?

Паркус качает головой:

— Здесь наши пути расходятся, Джек. Возможно, мы еще увидимся.

«Если я выживу, — думает Джек. — Если кто-нибудь из нас выживет».

— А пока иди своим путем. И будь честен.

Софи вновь делает глубокий реверанс.

— Сай.

Паркус кивает ей и салютует Джеку. Джек поворачивается и ведет Софи к ветхому шатру госпиталя, гадая, удастся ли ему еще раз свидеться со Спиди Паркером.

Уэнделл Грин, первоклассный репортер, бесстрашный ас журналистского расследования, знатный перетряхива-

тель грязного белья, сидит на прежнем месте, держа в одной руке трубку из смятых листов бумаги, а в другой — батарейки. Он вновь что-то бормочет и даже не поднимает головы, слыша приближающиеся шаги Софи и Джека.

— Ты сделаешь все, что в твоих силах, не так ли? — спрашивает Софи. — Ради нее.

— И ради тебя, — отвечает Джек. — А теперь послушай меня. Если все закончится и мы все будем стоять на ногах... если бы я смог вернуться сюда... — Он не может продолжать. Он в ужасе от своей безрассудной смелости. Она, в конце концов, королева. Королева. А он... кто? И еще пытается назначить ей свидание.

— Возможно... — Синие глаза не отрываясь смотрят на него. — Возможно.

— Ты бы этого хотела? — мягко спрашивает он.

— Да.

Он наклоняется и касается ее губ своими. Чуть-чуть, это даже не поцелуй. И при этом лучший поцелуй в его жизни.

— Я сейчас лишусь чувств, — говорит она, когда он выпрямляется.

— Не шути со мной, Софи.

Она берет его руку, кладет под левую грудь. Он чувствует, как стучит ее сердце.

— Разве это шутка? Если оно сможет бежать быстрее, то просто выскочит из груди.

Софи отпускает его руку, но он еще несколько секунд не убирает ее, прижавшись ладонью к теплому полукружию.

— Если б я могла, то пошла бы с тобой, — признается Софи.

— Я знаю.

Он смотрит на нее, отдавая себе отчет, что не сдвинется с места, если задержится еще на мгновение. Помимо желания не расставаться с ней, есть еще один фактор. По правде говоря, никогда в жизни он не испытывал большего страха. Он ищет какой-нибудь повод вернуться

на Землю, хотя бы для того, чтобы замедлить бег собственного сердца. И находит его в бормочущем существе, в которое превратился Уэнделл Грин. Опускается на одно колено.

— Ты готов, большой мальчик? Хочешь вернуться на великую Миссисипи?

— Не. Трогай. Меня. — А потом нараспев, одной фразой: — Гребаный говнюк Голливуд!

— Поверь мне, прикасаюсь к тебе только по необходимости. А потом при первой возможности вымою руки.

Он смотрит на Софи и видит в ней Джуди. Какие же они красивые.

— Я люблю тебя.

Прежде чем *она успевает ответить, хватает Уэнделла* за руку, закрывает глаза и перескакивает.

Глава 22

На этот раз его встречает не тишина — приятный ровный шелест, который он однажды уже слышал. Летом 1997 года Джек полетел на север в Вакавилль, с членами парашютного клуба УПЛА, который назывался «Летуны». Как-то вечером, перебрав пива, он принял это предложение, а потом уже не смог *отговориться, не прослыв* трусишкой. Джек ожидал, что перепугается до смерти, а вместо этого испытал дикий восторг. Однако никогда больше не повторял эксперимента и теперь знает почему: в тот момент он слишком близко подступил к воспоминаниям, и какая-то часть его подсознания это поняла. Этот звук он слышал аккурат перед тем, как дернуть кольцо вытяжного троса: шелест воздуха, который прорезает твое находящееся в свободном полете тело. А больше ничего не слышно, кроме биения сердца да щелчка в ушах, если сглатываешь слюну.

«Дергай за кольцо, Джек, — думает он. — Пора дергать за кольцо, а не то приземление будет чертовски жестким».

И тут же раздается новый звук, поначалу тихий, но быстро набирающий силу. «Сирена пожарной сигнализа-

ции, — думает он. — Нет, симфония пожарных сирен». В тот же миг Уэнделл Грин выдергивает руку из его пальцев. Он слышит слабый вскрик, его напарника по затяжному прыжку уносит в сторону, а потом он чувствует запах...

Жимолости...

Нет, ее волос...

И Джек ахает от тяжести, свалившейся ему на грудь и живот, ему кажется, что из его легких выдавили весь воздух. Он чувствует прикосновения рук, одна — на плече, вторая — под поясницей. Волосы щекочут щеку. Дребезжит сирена. В замешательстве кричат люди. Эхом отдается топот бегущих ног.

— Джек джек джек ты в порядке.

— Попроси королеву о свидании, перепрыгни в середину следующей недели, — бормочет он. Почему так темно? Он ослеп? Он готов к интеллектуальной и высокооплачиваемой работе нищего в «Миллер-парке»?

— Джек! — Ладонь впечатывается в его щеку. С силой.

Нет, он не ослеп. Просто закрыты глаза. Он открывает их и видит склонившуюся над собой Джуди, их лица разделяют всего несколько дюймов. Не думая, рефлекторно, он зарывается левой рукой в волосы на ее затылке, приближает лицо Джуди к своему, целует ее. Она выдыхает ему в рот от удивления, и его легкие словно пробивают электрические разряды, потом отвечает на поцелуй. Никогда в жизни его не целовали с такой страстью. Его рука залезает под ночную рубашку, ложится на грудь, чувствует, как быстро бьется сердце. «Если оно сможет бежать быстрее, то просто выскочит из груди», — вспоминает он слова Софи. В тот же самый момент ее рука ныряет под его рубашку, которая почему-то расстегнута, и начинает пощипывать его сосок. Он уже твердый и горячий. При этом ее язык глубоко проскальзывает ему в рот и ходит, совсем как хоботок пчелы, собирающей нектар с цветка. Он сильнее обнимает ее шею, и одному Богу известно, что из этого вышло бы, если б не грохот, который до-

носится из коридора. Звенит разбившееся стекло, кто-то кричит. Голос тонкий, звенящий от паники, непонятно, мужской или женский, но Джеку кажется, что кричит Этан Эванс, мрачный юноша, охранявший вход в отделение Д. «Возвращайтесь обратно! Перестаньте бегать, бог бы вас побрал!» Разумеется, это Этан. Только выпускник воскресной школы лютеранской церкви «Гора Хеврон» может говорить «бог бы вас побрал» даже в критической ситуации.

Джек отрывается от Джуди. Она отрывается от него. Оба на полу. Ночная рубашка Джуди задрана до талии, видны белые нейлоновые трусики. Рубашка Джека расстегнута, как и штаны. Ботинки на нем, но, судя по ощущениям, неправильно надеты. Рядом перевернутый кофейный столик, журналы рассыпаны по полу. Некоторые вырваны из обложек.

Из коридора доносятся новые крики, вопли, безумный смех. Этан Эванс продолжает орать на мечущихся пациентов отделения Д, а теперь на них кричит еще и женщина, должно быть исполняющая обязанности старшей медсестры Рэк. Продолжает звенеть сирена пожарной сигнализации.

Внезапно раскрывается дверь, и в кабинет доктора Спайглмана вваливается Уэнделл Грин. За его спиной — стенной шкаф с разбросанной в беспорядке одеждой доктора. В одной руке Уэнделл держит диктофон «Панасоник», в другой — несколько поблескивающих цилиндрических предметов. Джек готов спорить, что это батарейки «Дюраселл АА».

Если одежда Джека только расстегнута (возможно, пуговицы вырваны с корнем), то с Уэнделлом ситуация гораздо хуже. Рубашка в лохмотьях. Живот нависает на белыми трусами с большим желтым пятном от мочи. Коричневые габардиновые брюки он тащит за собой одной ногой. Они волочатся по ковру, как содранная змеиная кожа. Он в носках, но левый определенно надет наизнанку.

— Что ты сделал? — орет Уэнделл. — Голливуд, сукин ты сын, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С МОИМ ДИК...

Он замолкает. Челюсть у него отвисает. Глаза широко раскрываются. Джек замечает, что волосы репортера встали дыбом.

Уэнделл тем временем замечает, что Джек Сойер и Джуди Маршалл, полуобнявшись, лежат на полу среди осколков стекла и бумаг. Их одежда в беспорядке. Обстановка, конечно, не самая романтичная, но если Уэнделл и видел двух людей, находящихся на грани совокупления, то они перед ним. В голове все путается; сменяя друг друга, мелькают невероятные воспоминания, его шатает из стороны в сторону, живот урчит, как стиральная машина, в которую заложили слишком много белья, ему просто необходимо ухватиться за что-то понятное и хорошо знакомое. Ему нужны новости. А еще лучше скандал. И пожалуйста, Джек Сойер и Джуди Маршалл лежат перед ним на полу.

— НАСИЛУЮТ! — орет Уэнделл во всю мощь легких. Безумная улыбка изгибает уголки его рта. — СОЙЕР ИЗБИЛ МЕНЯ, А ТЕПЕРЬ НАСИЛУЕТ ДУШЕВНОБОЛЬНУЮ ПАЦИЕНТКУ! — Даже Уэнделлу понятно, что никаким изнасилованием тут и не пахнет, но кто и когда кричал: «ТРАХАЮТСЯ ПО СОГЛАСИЮ!» — дабы привлечь внимание?

— Заткни рот этому идиоту. — Джуди одергивает подол ночнушки и собирается встать.

— Осторожно, — предупреждает Джек. — Тут везде разбитое стекло.

— Сама знаю, — рявкает она, а потом поворачивается к Уэнделлу с тем бесстрашием, что хорошо знакомо Фреду. — Заткнитесь! Я не знаю, кто вы, но прекратите орать! Никого здесь не...

Уэнделл пятится от Голливуда Сойера, таща за собой брюки. «Почему никто не приходит? — думает он. — Неужели никто не зайдет до того, как он пристрелит меня или поколотит?» В состоянии, близком к истерике, Уэнделл не замечает ни сирены, ни криков в коридоре или думает, что все это — плод его воображения, вместе с абсурдными «воспоминаниями» о черном стрелке, о прекрасной жен-

щине в белом и о себе, Уэнделле Грине, сидящем в пыли и, словно пещерный человек, пожирающем наполовину сырую птицу.

— Держись от меня подальше, Сойер. — Грин все пятится, выставив перед собой руки. — У меня есть очень охочий до денег адвокат. Прикоснись ко мне хоть пальцем, говнюк, и я обдеру тебя как липку... ОЙ! АЙ!

Уэнделл наступил на осколок стекла, Джек это видит, возможно, он с одной из репродукций, что украшали стены, а теперь украшают пол. Он отпрыгивает назад, его ноги путаются в собственных брюках, он падает на кожаное кресло, в котором, должно быть, обычно сидит доктор Спайглман, расспрашивая пациентов об их трудном детстве.

Главный грязекопатель «Ла Ривьера геральд» в ужасе смотрит на надвигающегося неандертальца, потом швыряет в него диктофон. Джек видит, что пластмассовый корпус весь в царапинах. Взмах руки — и диктофон отлетает в сторону.

— НАСИЛУЮТ! — верещит Уэнделл. — ОН НАСИЛУЕТ ОДНУ ИЗ ПСИХИЧЕК! ОН...

Джек врезает ему в подбородок, в последний момент сдерживает удар, дозирует силу с предельной точностью. Уэнделла отбрасывает на спинку кресла доктора Спайглмана, тело обмякает, глаза закатываются, ноги дергаются в некоем ритме, который задает наполовину потухшее сознание.

— Бешеный Мадьяр лучше бы с этим не справился, — шепчет себе под нос Джек. Думает о том, что в ближайшем будущем Уэнделлу скорее всего придется обратиться к психиатру. За последние два дня его голове крепко досталось.

Дверь в коридор распахивается. Джек встает перед креслом, закрывая Уэнделла, запихивая подол рубашки за пояс (в какой-то момент, слава богу, он уже застегнул молнию ширинки). В кабинет всовывается взлохмаченная женская голова. Девушка одета в форму службы безопас-

ности. Ей лет восемнадцать, но от страха она выглядит не больше чем на двенадцать.

— Кто здесь кричит? — спрашивает она. — Кто-то ранен?

Джек понятия не имеет, что на это ответить, но Джуди тут же находится:

— Это пациент. Я думаю, мистер Лэкли. Вбежал сюда с криком, что нас всех изнасилуют, и убежал.

— Вы должны немедленно уйти отсюда, — говорит им девушка-охранник. — Не слушайте этого идиота Этана. И не пользуйтесь лифтом. Мы думаем, это землетрясение.

— Уже уходим, — отвечает Джуди, хотя не двигается с места. Но охраннице этого ответа достаточно, она исчезает в коридоре. Джуди быстро подходит к двери. Она закрывается, но защелка не желает входить в паз. Должно быть, повело дверной косяк.

На стене висели часы. Джек механически смотрит туда, но они свалились на пол, циферблатом вниз. Он подходит к Джуди, берет ее за руки:

— Долго я отсутствовал?

— Нет, — отвечает она. — Но с каким блеском ты отбыл! Фантастика! Ты что-нибудь узнал? — В ее глазах мольба.

— Достаточно, чтобы немедленно вернуться во Френч-Лэндинг, — отвечает он. «Достаточно, чтобы полюбить тебя... и любить вечно, в этом мире или в любом другом».

— Тайлер... жив? — Теперь она сжимает его руки, совсем как Софи в Запределье, Джек это помнит. — Мой сын жив?

— Да. И я намерен вернуть его тебе.

Взгляд его падает на стол Спайглмана, который нагулялся по кабинету и теперь стоит с выдвинутыми ящиками. В одном Джек видит кое-что интересное и спешит к столу, давя стекло и отбрасывая попавшую под ногу рамку с репродукцией.

В верхнем ящике левой тумбы лежит кассетный магнитофон, размерами куда больше верного «Панасоника»

Уэнделла Грина, и кусок коричневой оберточной бумаги. Сначала Джек достает бумагу. На ней прыгающие буквы, которые он уже видел в развалинах «Закусим у Эда» и на своем крыльце:

Передать ДЖУДИ МАРШАЛЛ,
известной также как СОФИ

В верхнем углу вроде бы марки, но Джеку нет нужды изучать их. Он и так знает, что это вырезки с пакетиков с сахаром, и приклеил их к оберточной бумаге опасный старик по имени Чарльз Бернсайд. Но личность Рыбака больше не имеет особого значения, как и говорил Спиди. Не важно и его местонахождение, потому что Джек не сомневается, что Чамми Бернсайд усилием воли может перескочить в другое место.

«Но он не может взять с собой дверь. Дверь в горящие земли, к мистеру Маншану, к Таю. Если Нюхач и его друзья нашли дверь...»

Джек бросает бумагу в ящик, нажимает клавишу «EJECT» на кассетном магнитофоне. Крышка открывается, он достает кассету, сует в карман и направляется к двери.

— Джек.

Он смотрит на Джуди. Вокруг звенят сирены пожарной сигнализации, кричат и смеются сумасшедшие, в панике мечется медперсонал. А в ясных синих глазах Джуди Джек видит другой мир с его нежными ароматами и незнакомыми созвездиями.

— Там прекрасно? Совсем как в моих грезах?

— Там прекрасно, — отвечает он. — И ты прекрасна. Держись, хорошо?

В коридоре Джека ждет пренеприятное зрелище: Этан Эванс, молодой человек, которого когда-то учила в воскресной школе Ванда Киндерлинг, схватил за пухлые предплечья полностью потерявшую ориентацию старушку

и трясет изо всех сил. Седые волосы женщины мотаются из стороны в сторону.

— Заткнись! — орет на старушку мистер Эванс. — Заткнись, сумасшедшая старая корова! Ты никуда не пойдешь, кроме как в свою долбаную палату!

Играющая на губах усмешка показывает, что даже в такой момент, когда мир стоит на ушах, мистер Эванс наслаждается и правом командовать, и возможностью причинять боль. Этого достаточно, чтобы рассердить Джека. Но в ярость приводит его другое: ужас и абсолютное непонимание происходящего вокруг, написанные на лице старухи, заставляют вспомнить мальчишек, среди которых, когда-то давно, он жил в «Доме солнечного света».

Заставляет подумать о Волке.

Не останавливаясь, даже не сбавляя шага (развязка противостояния с Рыбаком близка, они вышли на финишную прямую, и он каким-то образом это знает), Джек бьет молодого мистера Эванса в висок. Тот отпускает свою толстую верещащую жертву, отлетает к стене, сползает по ней. С полными изумления, широко раскрытыми глазами.

— Или ты пропускал мимо ушей то, что тебе говорили в воскресной школе, или жена Киндерлинга плохо тебя учила, — цедит Джек.

— Вы... меня... ударили, — шепчет молодой мистер Эванс. Он уже сидит на полу, широко раскинув ноги, между архивом и кабинетом офтальмолога.

— Если прикоснешься еще хоть к одному пациенту, к любому из них, я тебя не так отделаю, — обещает Джек молодому мистеру Эвансу. И сбегает по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, не замечая восхищенных взглядов одетых в больничные халаты и пижамы пациентов. Они принимают его за видение, которое проносится мимо них в ореоле света, за чудо, яркое и загадочное.

Десятью минутами позже (Джуди Маршалл без чьей-либо помощи давно уже вернулась в свою палату) сирена смолкает. Ее сменяет усиленный динамиками голос (воз-

можно, и мать доктора Спайглмана не узнала бы голоса собственного сына). От этих громких звуков пациенты, многие из которых уже начали успокаиваться, вновь начинают кричать и плакать. Старуха, непозволительное обращение с которой вызвало гнев Джека Сойера, закрывает голову руками и что-то бормочет насчет русских и гражданской обороны.

— ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА! — заверяет Спайглман как больных, так и сотрудников. — ПОЖАРА НЕТ! ВСЕМ СОБРАТЬСЯ В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛАХ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЭТАЖЕЙ! ГОВОРИТ ДОКТОР СПАЙГЛМАН. ПОВТОРЯЮ, ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА!

В коридоре появляется Уэнделл Грин. Медленно идет к лестнице, осторожно поглаживая подбородок. Видит сидящего на полу молодого мистера Эванса, протягивает руку помощи. На мгновение кажется, что Эванс утянет Уэнделла на пол, но потом молодой человек отрывает зад от пола и, опираясь о стену, поднимается.

— ПОЖАРА НЕТ! ПОВТОРЯЮ, ПОЖАРА НЕТ! МЕДСЕСТРЫ, САНИТАРЫ И ВРАЧИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПРОВОДИТЕ ПАЦИЕНТОВ В КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛЫ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЭТАЖЕЙ!

Молодой мистер Эванс смотрит на синяк, расплывающийся по подбородку Уэнделла Грина.

Уэнделл смотрит на синяк, расплывающийся по виску молодого мистера Эванса.

— Сойер? — спрашивает молодой мистер Эванс.

— Сойер, — подтверждает Грин.

— Этот мерзавец ударил и меня, — признается молодой мистер Эванс.

— Сукин сын напал на меня сзади, — сообщает о своей стычке с экс-копом Уэнделл. — Эта Маршалл. Он уложил ее на пол, — понижает голос, — собирался изнасиловать.

По лицу молодого мистера Эванса видно, что слова Грина его опечалили, но совершенно не удивили.

— С этим надо что-то делать, — добавляет Уэнделл.

— Вы совершенно правы.

— Люди должны знать. — Глаза Уэнделла вновь загораются огнем. Люди все и узнают! Через него. Потому что, видит Бог, это и есть его работа! Он расскажет людям все!

— Да, — кивает молодой мистер Эванс. Он не хочет говорить всем, он же не журналист, как Уэнделл, но есть человек, которому он скажет обязательно, женщина, которую надо утешить в ее часы одиночества, которая осталась одна на своей Оливковой горе. И она с радостью узнает, что Джек Сойер являет собой вселенское зло.

— Нельзя допустить, чтобы его проделки сошли ему с рук! — восклицает Уэнделл.

— Нельзя, — соглашается Эванс. — Ни в коем разе!

Джек едва успевает отъехать от Лютеранской больницы округа Френч, как оживает его телефон. Он собирается остановить «додж», а уж потом отвечать на звонок, но слышит приближающиеся сирены пожарных машин и решает рискнуть: ехать и говорить одновременно. Хочет разминуться с пожарными машинами, пока те не перегородили дорогу.

Отбрасывает мембрану маленькой «Нокии».

— Сойер слушает.

— Где тебя носит? — ревет Нюхач Сен-Пьер. — Мой палец уже сросся с кнопкой повторного набора номера.

— Я был... — Продолжать смысла нет, потому что правде все равно не поверят. Хотя... — Наверно, попал в мертвую зону, где сотовый не ловит сигнал...

— Давай обойдемся без лекции о недостатках сотовой связи, приятель. Быстренько дуй сюда. Адрес — дом номер один по Нейлхауз-роуд. В нее переходит южная часть Чейз-стрит. Двухэтажный дом на углу, цвета детской неожиданности.

— Я найду. — Джек сильнее придавливает педаль газа. — Уже еду.

— Где ты сейчас?

— Еще в Ардене, но почти на окраине. Буду через полчаса.

— Черт! — До Джека доносится глухой удар: в доме 1 по Нейлхауз-роуд Нюхач ударил кулаком. Возможно, по стене. — Неужели ты не понимаешь? Мышонок умирает. Я же говорю: приезжай побыстрее. Мы делаем все, что в наших силах, те, кто остался, но он умирает. — Нюхач тяжело дышит, и Джек чувствует, что тот с огромным трудом сдерживает слезы.

«Если Арман Сен-Пьер в таком состоянии, значит, дело худо», — думает Джек. Смотрит на спидометр «доджа». Стрелка колеблется около семидесяти, чуть отступает. Он никому ничем не поможет, если разобьется насмерть на отрезке шоссе между Арденом и Сентралией.

— Что значит — те, кто остался?

— Не важно, поторопись, если хочешь поговорить с Мышонком. Я уверен, он хочет поговорить с тобой. Потому что постоянно повторяет твое имя. — Нюхач понижает голос: — Когда не криком кричит от боли. Док всячески старается ему помочь, я и Медведица тоже, но мы не справляемся.

— Скажи ему, пусть держится.

— Хрена с два. Скажи ему сам.

В трубке скрежет, бормотание. Потом звучит другой голос, уже мало похожий на человеческий.

— Ты должен поторопиться... должен успеть. Эта тварь... укусила меня. Там все горит. Словно облито кислотой.

— Держись, Мышонок. — Костяшки пальцев Джека, держащих телефон, побелели. Он удивляется, что пластмассовый корпус выдерживает такое давление. — Я постараюсь приехать как можно быстрее.

— Постарайся. Остальные... уже забыли. Не я. — С губ Мышонка срывается смешок, от которого Джека бросает в холод. В чистом виде смех из могилы. — Мне ввели сыворотку памяти, знаешь ли. Он сжирает... сжирает меня живьем... но я все помню.

Слышится скрежет, телефон переходит из рук в руки, потом новый голос. Женский. Джек понимает, что трубку взяла Медведица.

— Ты должен поторопиться. Ты втянул их в это дело. Нельзя, чтобы все усилия пропали попусту.

Раздается щелчок. Джек бросает сотовый на пассажирское сиденье и решает, что семьдесят миль в час — не такая большая скорость.

Несколько минут спустя (Джеку они показались очень длинными минутами) он уже щерится от сверкания поверхности Тамарака под лучами летнего солнца. Отсюда он практически видит и свой дом, и дом Генри.

Генри.

Большим пальцем левой руки Джек касается нагрудного кармана, где чуть дребезжит кассета, которую он достал из магнитофона в кабинете Спайглмана. Особого смысла передавать ее Генри нет. С учетом того, что вчера сообщил Поттер и сегодня скажет Мышонок, записи разговора по линии 911 и послание Джуди не так уж и важны. Кроме того, ему надо спешить на Нейлхауз-роуд. Поезд вот-вот отойдет от станции, с Мышонком Бауманном, его единственным пассажиром.

Однако...

— Я тревожусь за него, — говорит Джек. — Даже слепой видит, что я тревожусь за Генри.

Яркое солнце уже миновало зенит и скатывается к западу, отраженные от воды лучи бьют в лицо. Всякий раз вспыхивают, когда попадают прямо в глаза.

Генри — не единственный, о ком тревожится Джек. У него нехорошее предчувствие, что не поздоровиться может всем его новым друзьям и знакомым во Френч-Лэндинге, от Дейла Гилбертсона и Фреда Маршалла до старика Маккея, зарабатывающего на жизнь чисткой обуви около публичной библиотеки, и Ардиса Уокера, владельца маленького магазинчика у реки. В его воображении все эти люди сделаны из стекла. Если Рыбак сильно топнет ногой, они попадают на землю и разобьются. Только, разумеется, речь не о Рыбаке.

«Это расследование преступления, — напоминает он себе. — Пусть его приходится вести не только в этом мире, но и в Долинах, это все равно расследование. И не первое, когда начинало казаться, что оно тебе не по зубам и найти преступника невозможно».

Все так, но обычно ощущение это пропадало, как только ему удавалось ухватиться за ниточку. На этот раз дело обстоит хуже, гораздо хуже. И он знает почему. За Рыбаком маячит тень мистера Маншана, бессмертного скаута из другой реальности, непрестанно выискивающего таланты. И мистер Маншан — не последний в этом ряду, потому что он тоже отбрасывает тень. Красную.

— Аббала, — бормочет Джек. — Аббала-дун, и мистер Маншан, и ворон Горг, трое давних друзей, шагающие бок о бок там, где ночь царит всегда. — Почему-то он вспоминает Моржа и Плотника из «Алисы». Что они брали с собой на прогулку под луной? Моллюсков? Мидий? Джек вспомнить не может, хотя одна фраза звучит в его голове, произнесенная голосом матери: «Пришла пора, — сказал Морж, — поговорить о многом».

Аббала предположительно обретается в своем дворце (та его часть, что не заключена в камере на вершине Темной Башни, о которой упоминал Спиди), но Рыбак и мистер Маншан могут быть где угодно. Они знают, что Джек Сойер вознамерился помешать их планам? Разумеется. Сегодня это известно всем и каждому. Могут они попытаться задержать его, направив удар на кого-нибудь из друзей Джека? К примеру, на некоего слепого знатока спорта, трэша, хип-хопа, рок-н-ролла и многого, многого другого.

Да, конечно. Теперь, может, оттого, что он сформулировал свои подозрения, Джек вновь чувствует неприятные вибрации, идущие с юго-запада, те самые, которые ощутил, когда впервые взрослым перенесся в другой мир. Если дорога поворачивает на юго-восток, вибрации пропадают. А стоит переднему бамперу «доджа» нацелиться на юго-запад, возвращаются, отзываются головной болью.

«Ты чувствуешь «Черный дом», только не дом это, вовсе не дом. Это гнездо червей в яблоке существования, и ход от него ведет до самых горящих земель. Это дверь. Может, до сегодняшнего утра она была лишь чуть приоткрыта, но после появления там Нюхача и его друзей широко распахнулась, и из нее потянуло смрадом. Тая надо вернуть, все так, но и дверь необходимо закрыть. Закрыть навсегда. Потому что только одному Богу известно, какие твари проскальзывают через нее в наш мир».

Джек резко поворачивает на Тамарак-роуд. Протестующе визжат шины «доджа». Ремень безопасности прижимает Джека к спинке, и на мгновение он даже думает, что пикап перевернется. Но автомобиль остается на колесах и мчится к Норвэй-Вэлли-роуд. Мышонок протянет еще недолго, а Генри нельзя оставлять одного. Его приятель этого еще не знает, но ему предстоит поездка на Нейлхауз-роуд. И до того, как обстановка нормализуется, Джек не намерен отпускать от себя Генри.

Возможно, все бы и обошлось, окажись Генри дома. Но на непрерывные звонки Джека дверь открыла Элвена Мортон, с тряпкой в руке, которой она вытирала пыль.

— Он уехал на KDCU, у него сегодня рекламный день, — говорит Элвена. — Я сама его туда отвезла. Не знаю, почему он не может наговаривать рекламу в студии? Правда, он что-то объяснял насчет звуковых эффектов. Странно, что он тебе этого не говорил.

Да, конечно же, говорил. «Кузен Баддис Риб Криб». Саут-Вабаш-стрит. Центр Ла Ривьеры. Все такое. Даже сказал, что его отвезет Элвена Мортон. Многое произошло с Джеком после того разговора: он встретил друга детства, влюбился в Двойника Джуди Маршалл, узнал, для чего, собственно, появился на свет божий, какое задание уготовило ему провидение. Но все это не мешает Джеку сжать левую руку в кулак и засветить себе по лбу, аккурат между глаз. И пожалуй, напрасно. Очень уж быстро меняется ситуация, в таком круговороте что-то и забывается.

Миссис Мортон с тревогой смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— Вы собираетесь поехать за ним, миссис Мортон?

— Нет, потом он посидит в баре с каким-то парнем с ESPN[1]. Генри сказал, что этот парень и привезет его домой. — Она понижает голос, переходит на заговорщический шепот. — Генри ничего об этом не говорил, но я думаю, что Джорджа Рэтбана ждет блестящее будущее. Он может очень далеко пойти.

Программа Генри станет общенациональной? Джека это не удивляет, но у него нет времени радоваться за Генри. Он протягивает миссис Мортон кассету только потому, чтобы не ругать себя за потерянное время.

— Оставьте ее на вид...

Он замолкает. В глазах миссис мелькают веселые искорки. Джек чуть не сказал: «Оставьте ее на видном месте». Еще одна ошибка. Что-то не так с нашим детективом.

— Я положу ее на звуковой пульт в студии, — обещает миссис Мортон. — Там он ее найдет. Джек, возможно, это не мое дело, но ты плохо выглядишь. Очень бледный и, готова поклясться, за последнюю неделю похудел на десять фунтов. И еще... — Она смущается. — Туфли у тебя надеты не на ту ногу.

Так и есть. Он тут же переобувается, снимает туфли, надевает их правильно.

— Последние сорок восемь часов выдались трудными, но я держусь, миссис Эм.

— Из-за этого Рыбака?

Он кивает:

— И я должен ехать. Времени в обрез. — Он поворачивается к пикапу, передумывает, вновь смотрит на миссис Мортон. — Оставьте ему сообщение на магнитофоне в кухне, ладно? Попросите его позвонить мне на сотовый. Как только он вернется. — Одна мысль цепляется

[1] ESPN — ведущий североамериканский теле- и радиоканал.

за другую. Он показывает на кассету в ее руке. — Ее не прослушивайте, хорошо?

Миссис Мортон в шоке:

— Я бы никогда такого не сделала! Прослушать чужую кассету — все равно что вскрыть чужое письмо!

Джек кивает, дарит миссис Мортон быструю улыбку:

— Хорошо.

— Это... на кассете он? Рыбак?

— Да, — кивает Джек. — Он.

«И те, кто хуже его, — думает он, но не говорит. — Гораздо хуже».

Он спешит к пикапу. Быстрым шагом — не бежит.

Двадцать минут спустя Джек паркует «додж» перед двухэтажным домом цвета детской неожиданности. Номер 1 по Нейлхауз-роуд. Сама Нейлхауз-роуд и соседние грязные улочки замерли под жарким послеполуденным солнцем. Дворняжка (та самая, которую прошлым вечером мы видели у отеля «Нельсон»), хромая, перебегает перекресток Амос-стрит и дороги Оо, но более ничего движущегося не наблюдается. Джек вдруг видит, как Морж и Плотник шествуют по восточному берегу Миссисипи, а за ними следуют загипнотизированные жители Нейлхауз-роуд. Шествуют они к костру. И котелку над ним.

Он трижды вдыхает полной грудью, стараясь взять себя в руки. На подъезде к городу, неподалеку от дороги к «Закусим у Эда», неприятное гудение в голове достигло максимума, превратившись в жуткий вой. На какие-то мгновения Джек даже перепугался, что непроизвольно вывернет руль и съедет с асфальта, поэтому снизил скорость до сорока миль в час. Но потом гудение начало утихать, уходить к затылку. Джек не видел щита с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» у проселка, ведущего к «Черному дому», но понял: проехал мимо. Вопрос лишь в том, сможет ли он пройти по этому проселку или голова у него разорвется при первом шаге.

— Не думай об этом, — говорит он себе. — Сейчас не время.

Он вылезает из кабины и идет по потрескавшемуся бетонному тротуару. Видит нарисованные мелом, уже поблекшие классики, и огибает их, понимая, что перед ним одно из немногих свидетельств пребывания Эми Сен-Пьер на этой земле. Рассохшиеся ступени крыльца скрипят под ногами. Джеку ужасно хочется пить. «Наверное, убил бы за стакан воды или кружку холодного...»

Дверь распахивается, ударяясь о стену с грохотом пистолетного выстрела, на крыльцо выскакивает Нюхач:

— Святой Боже, я думал, ты никогда не появишься!

Глядя в глаза Нюхача, полные тревоги и боли, Джек понимает, что никогда не сможет сказать этому человеку, что смог бы найти «Черный дом» и без помощи Мышонка. Потому что, спасибо пребыванию в Долинах, его голова — настроенный на «Черный дом» радар. Нет, не скажет, даже если до конца жизни они останутся самыми близкими друзьями, у которых нет друг от друга тайн. Нюхач страдает, как Иов, и ему нет нужды знать, что агония его друга напрасна.

— Он все еще жив, Нюхач?

— На дюйм от смерти. Может, на дюйм с четвертью. С ним только я, Док и Медведица. Сонни и Кайзер Билл перепугались, убежали, как пара побитых псов. Быстрее заходи. — И прежде чем Джек успевает шевельнуться, хватает его за плечо и вталкивает в маленький двухэтажный дом на Нейлхауз-роуд.

Глава 23

— Еще по одной! — говорит парень с ESPN.

Звучит скорее как приказ, а не предложение, и хотя Генри не видит этого человека, он знает, что его собеседник никогда не занимался спортом, ни на профессиональном, ни на любительском уровне. От него идет масляный дух человека, который слишком тяжел даже для

того, чтобы подпрыгнуть. И работа на спортивном канале, возможно, компенсация, позволяющая заглушить воспоминания детства: покупку одежды в секции для полных в «Сирее», издевательства более поджарых одноклассников.

Его фамилия Пенниман.

— Как у Литтл Ричарда[1], — сказал он Генри, когда они встретились и пожали друг другу руки на радиостанции. — Известный рок-н-ролльщик пятидесятых годов. Может, помните его?

— Смутно, — ответил Генри, словно в его коллекции нет всех синглов, выпущенных Литтл Ричардом. — Как я понимаю, один из отцов-основателей современной музыки.

Пенниман расхохотался, и в этом смехе Генри увидел свое возможное будущее. Но этого ли будущего он хотел для себя? Люди смеялись и над репликами Говарда Стерна, а ему Говард Стерн никогда не нравился.

— Еще по одной! — повторяет Пенниман. Они сидят в баре гостиницы «Дуб», где Пенниман уже сунул бармену пять долларов, чтобы тот переключил телевизор с ABC на ESPN, хотя в это время там показывают уроки гольфа. — Еще по одной, чтобы скрепить договор!

Но они еще ни о чем не договорились, и Генри не уверен, что хочет договариваться. Для Джорджа Рэтбана переход на радиоканал ESPN — идея заманчивая, технически он не видит никаких проблем, его передача будет освещать спортивные события центральной части и севера страны, но...

Но что?

Прежде чем ему удается сформулировать ответ на этот вопрос, до его ноздрей долетает знакомый запах: «Мой грех», духи, которыми его жена пользовалась в особые ве-

[1] Литтл Ричард (р. 1935) — настоящее имя Ричард Уэйн Пенниман. Известнейший чернокожий рок-певец 50-х, песни которого неоднократно занимали верхние строчки хит-парадов. В 60-х выступал с «Битлз» и «Роллинг Стоунз».

чера, когда хотела подать ему особый знак. Жаворонок, так он называл ее в эти вечера, когда в комнате царила темнота и они не ощущали ничего, кроме запахов, гладкой кожи и друг друга.

Жаворонок.

— Думаю, мне уже хватит, — говорит Генри. — Сегодня я еще должен поработать. Но я собираюсь обдумать ваше предложение. Серьезно обдумать.

— Нет-нет-нет, — отвечает Пенниман, и по колебаниям воздуха Генри может сказать, что тот трясет пальцем у него под носом. Генри задается вопросом, а как бы отреагировал Пенниман, если бы он, Генри, внезапно наклонился вперед и откусил мотающийся палец по вторую фалангу... Если бы Генри показал Пенниману гостеприимство округа Каули. В манере, присущей Рыбаку. Сколь громко закричал бы Пенниман? Так же, как Литтл Ричард перед инструментальной паузой в «Тутти-Фрутти»? Или потише?

— Вы не можете уйти, пока я здесь, — продолжает мистер Я-Толстяк-Но-Это-Ничего-Не-Значит. — *Я* — ваш водитель, знаете ли. — Он уже на четвертом стакане спиртного, так что язык у него чуть заплетается.

«Друг мой, — думает Генри, — я скорее вставлю зонтик себе в задницу, чем сяду в автомобиль, за рулем которого будешь ты».

— Между прочим, могу, — отвечает Генри елейным голосом. У Ника Эвери, бармена, сегодня праздник: толстяк дал ему пятерку за переключение каналов, слепой — тоже пятерку, пока толстяк отлучался в туалет, чтобы вызвать такси.

— Что?

— Я сказал: «Между прочим, могу». Бармен?

— Водитель вас ждет, сэр, — отвечает Эвери. — Минуты две как подъехал.

Слышится скрип: Пенниман поворачивается на стуле. Генри не может увидеть, как хмурится толстяк, глядя на такси, стоящее у гостиницы, но чувствует это.

— Послушайте, Генри, — говорит Пенниман. — Думаю, вы чего-то не понимаете. Есть звезды спортивного радиорепортажа, конечно же, есть, вроде Тони Кронхайзера, гонорар которых исчисляется шестизначными числами, но вы в их число не входите. Дверь туда для вас закрыта. Но я, друг мой, отменный швейцар. Отсюда следует, если я говорю, что мы должны пропустить еще по одной, тогда...

— Бармен, — говорит Генри, потом качает головой. — Не могу я называть вас барменом. Хэмфри Богарту это подходит, а мне — нет. Как вас зовут?

— Ник Эвери, сэр. — Последнее слово слетает автоматически, но Эвери никогда бы не произнес его, обращаясь к толстяку, ни за что на свете. Оба посетителя дали ему по пятерке, но тот, что в черных очках, — джентльмен. И дело не в том, что он слепой, это состояние души.

— Ник, кто еще в баре?

Эвери оглядывается. В одной из кабинок двое мужчин пьют пиво. В холле коридорный говорит по телефону. За стойкой никого, кроме эти двух мужчин: один — подтянутый, хладнокровный и слепой, второй — толстый, потный, готовый выйти из себя.

— Никого, сэр.

— Здесь нет... дамы?

Он едва не спросил: «Жаворонка? Здесь нет Жаворонка?»

— Нет.

— Слушайте сюда, — говорит Пенниман, и Генри думает, что за всю жизнь не встречал человека, столь не похожего на «Литтл Ричарда» Пеннимана. Этот тип белее Моби Дика... и, наверное, таких же габаритов. — Нам есть что обсудить. Если только вы не хотите сказать, что мое предложение вас не заинтересовало.

«А такого просто не может быть, — сообщает внутренний голос Пеннимана сверхчувствительным ушам Генри. — Мы говорим о том, чтобы поставить печатный станок в твоей гостиной, дорогуша, аккурат рядом с телевизором, а от таких предложений не отказываются».

— Ник, а вы не чувствуете запаха духов? Очень легких и старомодных. Вроде «Моего греха»?

Пухлая рука падает на плечо Генри, как грелка с горячей водой.

— Грех, старина, в том, что вы отказываетесь выпить со мной еще по одной. Даже слепой видит...

— Я бы советовал вам убрать руку, — говорит Эвери, и, возможно, уши Пеннимана различают нюансы, потому что рука тут же покидает плечо Генри.

Но тут же другая, холодная рука приходит на смену первой, ласково касается шеи Генри и исчезает. Генри втягивает воздух. С ним в ноздри попадает аромат духов.

— Вы не чувствуете запаха духов? — В голосе Генри слышна мольба. Прикосновение руки к шее он может принять за осязательную галлюцинацию. Но нос никогда его не подводил.

До этого момента.

— Извините, — отвечает Эвери. — Я чувствую запахи пива... арахиса... джина, который выпил этот человек, его лосьона после бритья...

Генри кивает. Лампы за стойкой бара отражаются от его черных очков, когда он поднимается со стула.

— Я думаю, вы хотите еще выпить, друг мой. — В голосе Пеннимана слышится вежливая угроза. — По последней, чтобы отпраздновать нашу сделку, и я отвезу вас домой на моем «лексусе».

Генри чувствует духи жены. Он в этом уверен. И именно рука жены коснулась его шеи. Но внезапно его мысли переключаются на Морриса Розена... Морриса, который хотел, чтобы он послушал «Куда ушла наша любовь» в аранжировке «Грязной спермы», чтобы потом Генри прокрутил песню в передаче Висконсинской крысы. Моррис Розен, в обгрызенном ногте которого больше тактичности, чем во всем этом толстяке.

Он кладет руку на предплечье Пеннимана. Улыбается в лицо, которое не видит, и чувствует, как расслабляются

мышцы под его ладонью. Пенниман решил, что все будет, как ему и хотелось.

— Вы возьмите мой стакан, — Генри предельно вежлив, — и вместе со своим засуньте себе в толстую прыщавую задницу. А если хотите, чтобы они оттуда не выскочили, подожмите своим концом.

Потом поворачивается и быстрым шагом направляется к двери, на всякий случай выставив перед собой руку. Ник Эвери хлопает в ладоши, но Генри едва слышит аплодисменты, да и о Пеннимане больше не думает. Все его мысли занимает аромат «Моего греха». Он чуть слабеет, когда Генри выходит в жаркий воздух второй половины дня... но разве не знакомый вздох он слышит рядом с левым ухом? Тот самый вздох, который иной раз издавала жена после любовных утех, перед тем как заснуть? Его Рода? Его Жаворонок?

— Эй, такси! — кричит он с тротуара под навесом.

— Здесь, приятель... ты что, слепой?

— Как летучая мышь, — отвечает Генри и идет на голос. Он приедет домой, нальет стакан чаю, положит ноги на стол и прослушает эту чертову запись разговора по линии 911. Может, отсюда и эта нервозность, от сознания, что придется сидеть в темноте и слушать голос людоеда, убийцы детей? Должно быть, отсюда, потому что у него нет причины бояться Жаворонка, не так ли? Если бы она решила вернуться, вернуться и преследовать его, она бы преследовала его с любовью.

Ведь так?

«Да», — думает он и садится на заднее сиденье такси.

— Куда едем, дружище?

— Норвэй-Вэлли-роуд, — отвечает Генри. — Белый дом с синими углами, чуть отстоящий от дороги. Вы увидите его сразу после моста.

Генри откидывается на спинку сиденья и поворачивает голову к открытому окну. Сегодня Френч-Лэндинг кажется ему каким-то... испуганным. Словно он сползал, сползал к краю стола и теперь застыл, зная, что еще са-

мая малость — и полетит вниз, чтобы вдребезги разбиться об пол.

«Скажи, что она вернулась. Скажи, что вернулась. Если она пришла с любовью, почему мне становится не по себе от запаха ее духов? Почему я испытываю к нему отвращение? И почему ее прикосновение (воображаемое прикосновение, заверяет он себя) было таким неприятным?

А рука — такой холодной?»

После яркого солнечного дня в гостиной Нюхача так темно, что поначалу Джек просто ничего не видит. Потом, когда глаза приспосабливаются, понимает почему: одеяла, два слоя одеял, закрывают и окна гостиной, и дверь, ведущую в соседнее помещение, почти наверняка кухню.

— Он не может вынести света, — говорит Нюхач тихо, его голос не долетает до дивана у противоположной стены, на котором лежит мужчина. Другой мужчина стоит на коленях рядом с диваном.

— Может, его укусила бешеная собака. — Но Джек сам себе не верит.

Нюхач решительно качает головой:

— Это не физическая реакция. Док говорит, психологическая. Когда свет падает на него, кожа начинает расползаться. Ты о таком слышал?

— Нет. — И еще Джек никогда не встречался с таким запахом, какой стоит в этой комнате. Работают не один — два вентилятора, он чувствует движение воздуха, но вонь заполняет всю гостиную. Не только запах гниющего мяса, с ним Джек уже сталкивался, но и крови, мочи и фекалий, все густо перемешанное. Он с трудом подавляет рвотный рефлекс и видит, что Нюхач смотрит на него с сочувствием.

— Это ужасно, я знаю. Но со временем привыкаешь, как к запаху обезьянника в зоопарке.

Открывается дверь в соседнюю комнату, в гостиную входит миниатюрная женщина со светлыми волосами до

плеч. В руках у нее миска. Когда свет падает на Мышонка, лежащего на диване, тот кричит. Кричит жутко, как от мучительной боли. Что-то — то ли дым, то ли пар — начинает подниматься с его лба.

— Держись, Мышонок, — говорит стоящий на коленях мужчина. Это Док. До того как дверь закрывается, Джек успевает прочитать надпись на потрепанном черном саквояже. Где-нибудь в Америке, конечно, может найтись врач, который украсит свой саквояж с лекарствами наклейкой группы «СТЕППЕНВУЛФ РУЛЗ», но не в Висконсине.

Женщина опускается на колени позади Дока, который достает из миски тряпку, чуть отжимает ее, кладет Мышонку на лоб. Мышонок стонет, начинает дрожать всем телом. Вода бежит по щекам в бороду. Борода, похоже, лезет клочьями.

Джек идет к дивану, говоря себе, что к запаху он привыкнет, обязательно привыкнет. Может, это и правда. Но жалеет, что у него нет тюбика мази «Варо Раб» компании «Викс», который большинство детективов отдела расследования убийств УПЛА обязательно держат в бардачке. С удовольствием мазнул бы каждую ноздрю.

В гостиной стоит музыкальный центр и две огромные колонки, но телевизора нет. Там, где нет окон или дверей, у стен стоят деревянные стеллажи с книгами, отчего гостиная кажется меньше. Приступ клаустрофобии не улучшает самочувствия Джека. Большая часть книг, похоже, по религии и философии. Он видит сочинения Декарта, К.С. Льюиса, «Бхагавад-гиту», «Принципы существования» Стивена Эйвери... но есть и беллетристика, книги по пивоварению, а на одной из огромных колонок лежит далеко не самая удачная книга об Элвисе Пресли, написанная Альбертом Голдманом. На другой колонке стоит фотография девочки с ослепительной улыбкой, веснушками и морем рыжеватых волос. Глядя на девочку, нарисовавшую классики на бетоне, Джек Сойер испытывает злость и боль. Возможно, на карту поставлены судьбы

мира, но есть и старик, которого надо остановить. И ему следует об этом помнить.

Медведица отодвигается в сторону, пропуская Джека к дивану, не поднимаясь с колен и держа в руках миску. Джек видит, что в ней еще две мокрые тряпки и горка подтаявших кубиков льда. От одного взгляда на лед пить хочется еще сильнее. Он берет один и кладет в рот. Потом смотрит на Мышонка.

Он по горло укрыт клетчатым пледом. Лоб и верхняя часть щек, там, где нет вылезающей бороды, очень бледные. Глаза закрыты. Губы растянулись, открывая белизну зубов.

— Он в... — начинает Джек, и глаза Мышонка открываются. Вопрос, который хотел задать Джек, напрочь вылетает у него из головы. Белки вокруг коричневато-зеленых радужек стали кроваво-красными. Словно Мышонок смотрит в ужасный радиоактивный закат. Из внутренних уголков глаз течет черный гной.

— «Книга философской трансформации» рассматривает самые животрепещущие проблемы диалектики, — голос Мышонка звучит размеренно, успокаивающе, — и Макиавелли ведет речь о тех же проблемах.

— Мышонок, это Джек Сойер. — В красно-зеленовато-коричневых глазах никакого узнавания. Зато червяки гноя в уголках глаз шевелятся, как живые, словно слушают.

— Это Голливуд, — бормочет Нюхач. — Коп. Помнишь?

Одна рука Мышонка лежит на клетчатом пледе. Джек берет ее и едва подавляет крик удивления, с такой силой пальцы Мышонка сдавливают его руку. Кожа горячая. Просто раскаленная. Как булочка, которую достают из печи. Мышонок шумно выдыхает. Запах ужасный, тухлого мяса, увядших цветов. «Он гниет, — думает Джек. — Гниет изнутри. Господи Иисусе, помоги мне пройти через это».

Иисусу это, возможно, не по силам, а вот воспоминания о Софи помогают. Джек пытается удержать перед мысленным взором ее ясные, чистые, ослепительно-синие глаза.

— Слушай, — говорит Мышонок.

— Я слушаю.

Мышонок, похоже, собирается с силами. Под пледом по телу пробегают волны дрожи; как догадывается Джек, это судороги. Где-то тикают часы. Где-то лает собака. На Миссисипи гудит корабль. Если убрать эти звуки, останется тишина. За всю свою жизнь Джек может припомнить только одну схожую ситуацию: он в больнице Беверли-Хиллз, в ожидании, пока его мать поставит точку в долгом процессе умирания. Где-то Тай Маршалл ждет своего спасения. Во всяком случае, надеется, что его спасут. Где-то Разрушители напряженно трудятся, стремясь уничтожить ось, на которой вращается все существующее. Здесь же маленькое замкнутое пространство со слабыми вентиляторами и удушающим запахом.

Глаза Мышонка закрываются, снова открываются. Фокусируются на вновь прибывшем, и Джек внезапно понимает, что ему вот-вот откроют великую истину. Кубик льда исчез изо рта: то ли Джек его разжевал, то ли проглотил, не заметив, а взять второй он не решается.

— Давай, дружище, — подает голос Док. — Выкладывай, что хотел, а потом я вколю тебе еще один шприц. Средство хорошее. Может, ты поспишь.

Мышонок словно не слышит его слов. Глаза не отрываются от глаз Джека. Рука крепче сжимает руку Джека.

— Не... покупай самое дорогое оборудование, — говорит Мышонок, и опять облако вонючего воздуха выходит из его легких.

— Не?..

— Большинство людей перестанет варить пиво... через год или два. Даже те, для кого это хобби. Варить пиво... не для дилетантов.

Джек смотрит на Нюхача. Тот отводит взгляд.

— Он то в сознании, то в забытьи. Потерпи. Подожди.

Пальцы Мышонка сжимаются еще сильнее, потом расслабляются, когда Джек уже думает, что больше не выдержит этой медвежьей хватки.

— Возьми большой котел, — советует ему Мышонок. Его глаза вылезают из орбит. Красные тени появляются и исчезают, появляются и исчезают, летят по изогнутому ландшафту глазных яблок, и Джек думает: «Это его тень. Тень Алого Короля. Мышонок одной ногой в его дворце». — Как минимум... на пять галлонов. А для ферментации хороши пластиковые охладители воды... они легче стеклянных и... я весь горю. Господи, Нюхач, я весь горю!

— К черту, я ему сделаю укол. — Док открывает свой саквояж.

Нюхач хватает его за руку:

— Рано.

Кровавые слезы выступают на глазах Мышонка. Черные червяки вроде бы выпускают щупальца, которые жадно тянутся к красной влаге.

— Клапан ферментации, — шепчет Мышонок. — Томас Мертон — дерьмо, не слушай тех, кто говорит другое. Ни одной ценной мысли. Надо стравливать избыточное давление и не пропускать пыль. Джерри Гарсия — не Бог. Курт Кобейн — не Бог. Аромат духов, который он чувствует, — не его мертвой жены. Король положил на него глаз. Горг-тенаббала, и-ли-ли. Опопанакс мертв, да здравствует опопанакс.

Джек наклоняется ниже, в зловонное дыхание Мышонка:

— Кто чувствует духи? На кого положил глаз Король?

— Безумный Король, плохой Король, грустный Король. Ринг-адинг-динг, все славят Короля.

— Мышонок, на кого положил глаз Король?

— Я думал, вы хотели узнать... — встревает Док.

— На кого? — Джек не знает, о чем речь, но нутром чует, что это важно. Кто-то недавно говорил что-то подобное? Дейл? Тэнзи? Или, упаси бог, Уэнделл Грин?

— Еще нужен шланг для слива осадка, — уверенно продолжает Мышонок. — Он понадобится по завершении ферментации! И нельзя разливать пиво в бутылки с завинчивающейся пробкой! Ты...

Мышонок отворачивается от Джека, утыкается лицом в плечо, раскрывает рот и блюет. Медведица кричит. Блевотина гнойно-желтая и испещрена черными точками, похожими на гной в уголках глаз Мышонка. Они живые.

Нюхач торопливо выходит из гостиной, и Джек, как может, прикрывает Мышонка от солнечного света, которым залита кухня.

Хватка Мышонка ослабевает.

Джек поворачивается к Доку:

— Вы думаете, он уходит?

Док качает головой:

— Просто отключился. Старина Мышонок так просто не уйдет. — Он мрачно смотрит на Джека. — Если бы от этого был прок, мистер Полисмен. Не будет — вина ляжет на вас.

Нюхач возвращается с тряпками, на его руках — зеленые резиновые перчатки. Молча он собирает тряпками блевотину между плечом Мышонка и спинкой дивана. Черные точки больше не шевелятся, и это хорошо. Было бы лучше, думает Джек, если б они не шевелились с *самого начала*. Он замечает, что блевотина проела обивку дивана, как кислота.

— Я хочу на пару секунд убрать плед, — говорит Док, и Медведица сразу встает, с миской со льдом в руках. Отходит к одному из стеллажей, поворачивается к дивану спиной, ее трясет.

— Док, мне это надо видеть?

— Я думаю, да. Я думаю, вы даже теперь не представляете себе, с чем имеете дело. — Док берется за плед и вытаскивает его из-под обмякшей руки Мышонка. Джек видит, как что-то черное вылезает из-под ногтей умирающего. — Помните, мистер Полисмен, все это случилось лишь пару часов назад.

Он откидывает плед. Стоя спиной к ним, Сюзан «Медведица» Осгуд смотрит на труды величайших западных философов и плачет. Джек пытается сдержать крик, но у него ничего не выходит.

Генри расплачивается с таксистом, входит в дом, набирает полную грудь холодного — система кондиционирования функционирует отлично — воздуха. В доме легкий сладковатый аромат, и он убеждает себя, что это запах свежесрезанных цветов, к ним миссис Мортон питает слабость. Он знает, что это заблуждение, но сейчас не хочет иметь дело с призраками. Настроение у него заметно улучшилось, и он знает почему: приятно сказать парню с ESPN, что он может засунуть свое предложение в известное ему место. Для человека это праздник, особенно если у человека есть любимая работа, две кредитные карточки, на которых никогда не иссякают деньги, и графин ледяного чая в холодильнике.

Генри идет на кухню, пересекает холл, гостиную, выставив перед собой руку, на случай, если миссис Мортон что-то переставила. В доме тишина, не считая шепота кондиционера, мерного гудения холодильника, звука его шагов...

...и вздоха.

Любовного вздоха.

Генри на мгновение замирает, потом осторожно поворачивается. Сладковатый запах чуть сильнее, если стоять лицом к гостиной и входной двери? Он думает, что да. И это не цветы, нет смысла себя обманывать. Как всегда, нос чувствует. Это аромат «Моего греха».

— Рода? — зовет он, потом добавляет уже тише: — Жаворонок?

Нет ответа. Разумеется, нет. У него глюки, ничего больше. Такое случается со многими, не так ли?

Нет никаких запахов. Нет никаких сексуальных вздохов. И все-таки его не оставляет мысль, что жена стояла в гостиной и молча смотрела на него, когда он слепо проходил мимо, держа путь на кухню. Его Жаворонок вернулась с кладбища Ногтин-Монд, чтобы немного погостить. Может, чтобы послушать последний диск «Слоббербоун».

— Прекрати, — одергивает он себя. — Прекрати, идиот.

Входит в большую кухню, где все разложено по полочкам. Переступив порог, автоматически нажимает большую кнопку на панели, и тут же из динамика над головой звучит голос миссис Мортон. Звуковая система класса хай-тек, поэтому ощущение, что голос живой, будто сама миссис Мортон говорит из гостиной.

— Заезжал Джек Сойер и оставил вторую кассету, чтобы ты ее прослушал. Он говорит... ты понимаешь, запись того человека. Плохого человека.

— Плохого человека, правильно, — бормочет Генри, открывает дверцу холодильника, наслаждается волной холодного воздуха. Рука безошибочно ложится на банку «Кингслендского темного», одну из трех, стоящих в дверце. Сейчас не до ледяного чая.

— Обе кассеты в твоей студии, на звуковом пульте. Далее, Джек хотел, чтобы ты позвонил ему на сотовый. — В голосе миссис Мортон появляются назидательные нотки. — Если будешь говорить с ним, надеюсь, скажешь ему, чтобы он был осторожен. И будь осторожен сам. — Пауза. — Не забудь про ужин. Он в холодильнике на второй полке, по левую руку.

— Не надо, не надо меня учить, — говорит Генри, но улыбается, открывая банку с пивом. Идет к телефону и набирает номер Джека.

На пассажирском сиденье в кабине пикапа, стоящего перед домом номер 1 по Нейлхауз-роуд, оживает сотовый Джека. Но кабина пуста, так что его трели никто не слышит.

«Абонент, которому вы пытаетесь дозвониться, в настоящее время не отвечает. Пожалуйста, попробуйте позвонить позже».

Генри кладет трубку, возвращается к двери, нажимает на панели другую кнопку. Голоса, которые сообщают время и температуру воздуха, его персоналий, но запрограммированы так, что Генри не знает, какой голос услышит.

На этот раз в солнечную, кондиционированную тишину дома врываются вопли Висконсинской крысы.

— Время четыре двадцать две пополудни! Снаружи температура восемьдесят два градуса! Внутри — семьдесят![1] Что тебе до этого? Что всем до этого? Жуй это, ешь, запивай, оно все-е-е...

...равно выйдет из одного места. Правильно. — Генри вновь нажимает кнопку, отсекая завершающую часть фирменной фразы Висконсинской крысы. Неужели так быстро прошло время? Господи, совсем недавно пробило полдень. И раз уж речь зашла о времени, так ли давно ему было двадцать лет и энергия била в нем ключом? Что с...

Вздох повторяется, прерывая насмешки над собой. Вздох? Ой ли? Куда вероятнее, сбой в работе кондиционера. Во всяком случае, только таким образом он может это объяснить.

Он может дать ту трактовку, какую хочет.

— Есть тут кто-нибудь? — спрашивает Генри. В голосе дребезжание, которое он ненавидит. Старческое дребезжание. — Есть кто-нибудь в доме?

На какую-то секунду его охватывает страх: а вдруг он услышит ответ. Но никто не отвечает, понятное дело, и Генри тремя большими глотками ополовинивает банку. Решает, что пойдет в гостиную и немного почитает. Может, Джек позвонит. Может, алкоголь поможет ему унять расшалившиеся нервы.

«А может, в ближайшие пять минут мир перестанет существовать, — думает он. — И тогда тебе не придется вслушиваться в этот ужасный голос на кассетах, которые ждут в студии». Эти чертовы кассеты лежат на звуковом пульте, как неразорвавшиеся бомбы.

Генри медленно возвращается в гостиную, выставив перед собой руку, говоря себе, что он не боится, совершенно не боится прикоснуться к лицу умершей жены.

---

[1] По шкале Фаренгейта, принятой в Америке. Соответственно 28 и 21 градус по шкале Цельсия.

* * *

Джек Сойер навидался всякого, побывал в местах, где нельзя взять напрокат автомобиль в компании «Авис» и вода вкусом не отличается от вина, но и для него открывшееся под одеялом — шок. Точнее, нога Мышонка. Еще точнее, то, что стало с ногой Мышонка. Когда ему удается взять себя в руки, первый позыв — отругать Дока за то, что он снял штаны с Мышонка. Джек думает о сосисках, о том, как они сохраняют форму на скворчащей сковородке, которая стоит на раскаленной горелке. Это, безусловно, глупое сравнение, primo stupido[1], но человеческий мозг в стрессовых ситуациях выдает более чем странные умозаключения.

Форма ноги сохраняется в какой-то степени, но плоть отделилась от кости. Кожи как таковой нет, она превратилась в сочащуюся желеобразную субстанцию, смесь молока и беконного жира. С мышцами, которые обтягивала кожа, тоже произошли катастрофические изменения. Укушенная нога из твердого состояния словно перешла в жидкое, эта жидкость испепеляет и диван, на котором лежит Мышонок. К запаху разлагающейся плоти добавляется запах тлеющей ткани.

Из этой отдаленно напоминающей ногу массы торчит ступня, полностью сохранившаяся, целая и невредимая. Будто принадлежащая другому человеку. Джеку на мгновение становится дурно, он наклоняет голову, борясь с подкатившей к горлу тошнотой, изо всех сил пытаясь не заблевать рубашку.

Возможно, спасает Джека рука, которая ложится на его плечо. Нюхач пытается хоть как-то поддержать его. Краснота полностью ушла с лица Нюхача. Выглядит он как мотоциклист, поднявшийся из могилы, герой многих легенд байкеров.

— Видите? — Голос Дока доносится издалека. — Это не ветряная оспа, друг мой, хотя поначалу некоторые симптомы совпадали. Красные пятна уже появились на левой

[1] Крайне глупое *(ит.)*.

ноге... на животе... на яйцах. Так выглядела кожа вокруг укуса, когда мы привезли его сюда, краснота и припухлость. Я думал: черт, ничего страшного, у меня достаточно «зитромакса», чтобы справиться с воспалением до захода солнца. Сами видите, какой прок от «зитро». Тут вообще бы вряд ли что помогло. Эта дрянь пожирает диван, а потом, думаю, примется и за пол. Эта дрянь очень голодна. Так что же это, Голливуд? Я чувствую, только вам и Мышонку известен ответ.

— Он по-прежнему знает, где находится дом, — вставляет Нюхач. — Я вот понятия не имею, хотя мы только что вернулись оттуда. Ты тоже. Так?

Док согласно кивает:

— Но Мышонок — он знает.

— Сюзи, дорогая, — обращается Док к Медведице. — Пожалуйста, принеси другой плед. Этот уже на последнем издыхании, вот-вот прохудится.

Медведица уходит с радостью. Джек встает. Ноги ватные, но все-таки держат.

— Прикройте его, — говорит он Доку. — Я иду на кухню. Если не выпью сейчас воды, умру.

Джек пьет прямо из-под крана, жадно глотает, пока желудок не наполняется до краев, потом рыгает, как лошадь. Какое-то время стоит, глядя на двор Нюхача и Медведицы. Среди сорняков установлены качели. При виде их у Джека щемит сердце, но он все равно смотрит на качели. После того как он увидел ногу Мышонка, то, что с ней стало, очень важно напомнить себе, что он здесь не без причины. И чем большую боль вызывает напоминание, тем лучше.

Солнце, уже золотое, спускающееся к Миссисипи, бьет прямо в глаза. Значит, хотя ему и казалось, время не остановилось. Во всяком случае, не остановилось за пределами этого двухэтажного дома, номер 1 по Нейлхаузроуд. Его не отпускает мысль, что приезд сюда — пустое, как и крюк, который он сделал, чтобы заехать к Генри. Он

думает, что мистер Маншан и его босс, аббала, дурят ему голову, спокойно продолжая свое черное дело. Он может найти «Черный дом» благодаря гудению в голове, так почему бы ему не сесть в пикап и не поехать туда?

«Аромат духов, который он чувствует, — не его мертвой жены».

Что сие означает? Почему упоминание о том, что кто-то чувствует аромат духов, так пугает его?

Нюхач стучит в дверь кухни. От неожиданности Джек даже подпрыгивает. Его взгляд падает на прямоугольник материи, который висит над кухонным столом. Вместо привычного «ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ НАШ ДОМ» на нем вышито «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ХЕВИ-МЕТАЛ», а ниже — «ХАРЛЕЙ-ДЭВИДСОН».

— Возвращайся, — говорит Нюхач. — Он в сознании.

Генри на лесной тропе, может, это просека, и кто-то находится у него за спиной. Всякий раз, когда он оборачивается, чтобы посмотреть, кто там (в этом сне он — зрячий, но радости от этого нет), он видит чуть больше. Вроде бы это мужчина в вечернем костюме, но пугающе высокий, с зубами, торчащими над его красной, улыбающейся нижней губой. И у него (неужели такое возможно?) только один глаз.

Первый раз, когда Генри оборачивается, он видит только силуэт, мелькающий среди деревьев. Второй — различает черный смокинг и красное пятно галстука или эскота[1]. Впереди — жилище преследователя, вонючая дыра, которая только выглядит как дом. Присутствие этого дома вызывает гул в голове Генри. Леса по обе стороны от него пахнут не сосной, а чем-то сладким, удушающим: это густой аромат духов «Мой грех».

«Меня загоняют туда, — с отвращением думает Генри. — Не знаю, кто преследует меня, но меня загоняют в этот псевдодом, как оленя — под ружья охотников».

---

[1] Эскот — галстук с широкими, как у шарфа, концами.

Он уже принимает решение свернуть с тропы направо или налево, убежать в лес, воспользовавшись тем, что к нему вернулось зрение. Да только там бродят какие-то твари. Темные, постоянно меняющие форму. Находящуюся ближе других ему удается разглядеть. Это громадная собака с длинным, красным, как галстук преследователя, языком и выпученными глазами.

«Нельзя допустить, чтобы они загнали меня в дом, — думает Генри. — Я должен сойти с тропы до того, как она приведет меня к дому... но как? Как?»

Ответ удивляет его своей простотой и очевидностью. Всего-то надо проснуться. Потому что это сон. Конечно же...

— Это сон! — кричит Генри и наклоняется вперед. Он не идет — сидит, сидит в собственном кресле, и, похоже, дело закончилось мокрыми штанами, потому что заснул с банкой «Кингслендского темного»...

Но нет, штаны сухие, потому что банки нет. Он осторожно протягивает правую руку и находит банку на столе, рядом с брайлевским изданием «Отражений в золотом глазу». Должно быть, поставил ее на стол, перед тем как провалиться в этот жуткий кошмар.

Да только Генри уверен, что ничего такого он не делал. Он держал книгу в руках, а банку — между ногами, чтобы пальцы могли свободно касаться выбитых на странице точек. Кто-то взял книгу и банку после того, как он заснул, и положил на стол. Кто-то, благоухающий духами «Мой грех».

Воздух просто пропитался этим ароматом.

Долгий вдох через ноздри, рта Генри не раскрывает.

— Нет. — Он думает вслух. — Я чувствую запах цветов... шампуня для ковра... жареного лука, оставшегося со вчерашнего вечера. Очень слабый, но он есть. Нос знает.

Все верно. Но аромат духов тоже был. Он ушел, потому что ушла она, но она вернется. И внезапно он хочет, чтобы она вернулась. Если он и боялся, так то был страх перед

неизвестным, не так ли? Боялся только неизвестного, и ничего больше. Он не хочет быть здесь один, не хочет, чтобы компанию ему составляли только воспоминания об этом жутком сне.

И пленки.

Он должен прослушать эти пленки. Обещал Джеку.

Генри с трудом поднимается, идет к контрольной панели гостиной. На этот раз его приветствуют голосом Генри Шейка — по мнению слушателей, развеселого парня.

— Всем привет, котикам и кошечкам, обожающим боп[1]. Время семь часов четырнадцать минут, дело идет к вечеру. Снаружи температура семьдесят пять градусов, здесь, в бальном зале «Наши сладкие грезы», приятные душе и телу семьдесят. Самое время достать деньги, прикупить меду и заняться магией!

Семь четырнадцать! Когда последний раз он спал днем чуть ли не три часа? А когда видел сон, в котором становился зрячим? На второй вопрос ответить проще простого: насколько он помнит, ни-ко-гда.

Где эта тропа-просека?

Кто шел за ним?

Что за дом стоял впереди?

— Не важно, — сообщает Генри пустой гостиной... если она пустая. — Это ведь был сон, ничего больше. Пленки, с другой стороны...

Он не хочет их слушать, никогда в жизни не испытывал столь сильного желания не слушать (за исключением, возможно, одной чикагской группы, поющей: «Знает ли кто-нибудь, который сейчас час?»), но должен. Если прослушивание поможет спасти жизнь Тая Маршалла или любого другого ребенка, должен.

Медленно, с огромным трудом передвигая не желающие слушаться ноги, Генри Лайден идет в студию, где на звуковом пульте его дожидаются две кассеты.

---

[1] Боп — сокращение от бибопа.

* * *

— На небесах пива нет, — бесстрастным, монотонным голосом сообщает Мышонок.

На его щеках выступили отвратительные красные пятна, нос заваливается набок, как атолл после подводного землетрясения.

— Вот почему мы пьем пиво здесь. А когда... мы уйдем... отсюда... наши друзья выпьют все пиво.

Все это продолжается не один час: философские изречения, советы начинающему пивовару-любителю, строки из песен. Свет, пробивающийся сквозь одеяла, заметно потускнел.

Мышонок замолкает, глаза закрыты. Затем вновь начинает говорить:

— Сотня бутылок пива на стене, одна сотня бутылок пива... если хотя бы одна свалится...

— Я должен идти, — говорит Джек. Он оттягивал этот момент, сколько мог. Убежденный, что Мышонок скажет что-то очень важное, но больше не может здесь оставаться. Потому что где-то совсем в другом месте его ждет Тай Маршалл.

— Подождите, — останавливает его Док. Роется в саквояже, достает шприц. Поднимает иглой вверх, несколько раз щелкает по пластиковому корпусу.

— Что это?

Док смотрит на Нюхача, на Джека, мрачно улыбается.

— Подгоняло, — отвечает он и втыкает иглу в руку Мышонка.

Мгновение ничего не происходит. А потом, когда Джек уже собирается повторить, что ему надо уходить, глаза Мышонка широко раскрываются. Теперь они целиком красные... цвета ярко-алой крови. Однако, когда они поворачиваются в сторону Джека, он понимает, что Мышонок его видит. Действительно видит, впервые с того момента, как он зашел в гостиную Нюхача.

Медведица убегает за дверь, оставляя за собой шлейф одного повторяющегося слова: «Хватит хватит хватит хватит...»

— Черт, — хрипит Мышонок. — Черт, я в жопе, да?

Нюхач на мгновение, но нежно касается головы своего друга:

— Да. Мы думаем, что да. Ты нам поможешь?

— Укусила меня один раз. Только раз, и вот... вот... — Красные глаза поворачиваются к Доку. — Едва тебя различаю. Гребаные глаза ничего не видят.

— Ты уходишь, — отвечает Док. — Не собираюсь тебе лгать.

— Нет, еще не ухожу, — говорит Мышонок. — Дайте мне чем писать. Надо нарисовать карту. Быстрее. Не знаю, что ты мне вколол, Док, но это собачье дерьмо сильнее. Долго я не протяну. Быстрее!

Нюхач перегибается через изножье дивана и берет со стеллажа книжку в обложке. Джек с трудом подавляет смешок. «7 ПРИВЫЧЕК ЛЮДЕЙ, ЭФФЕКТИВНО ИСПОЛЬЗУЮЩИХ СВОЕ ВРЕМЯ». Нюхач срывает обложку, протягивает Мышонку пустой стороной.

— Карандаш, — хрипит Мышонок. — Скорее. У меня все здесь... здесь. — Он прикасается ко лбу. С пальцем отходит кусок кожи размером с квадратный дюйм. Мышонок вытирает палец о плед.

Нюхач вытаскивает обгрызенный карандаш из внутреннего кармана жилетки. Мышонок берет его и пытается улыбнуться. Черной слизи в уголках глаз становится все больше, она уже лежит на щеках, как протухшее желе. Сочится гной и из пор на лбу Мышонка. Черные точки напоминают Джеку пупырышки в книгах Брайля, которых у Генри предостаточно. Когда Мышонок в задумчивости прикусывает нижнюю губу, кожа тут же лопается. Кровь стекает в бороду. Джек полагает, что запах гниющего мяса никуда не делся, но прав был Нюхач: к нему привыкаешь.

Мышонок рисует несколько загогулин.

— Смотри, — говорит он Джеку. — Это Миссисипи, так?

— Так, — кивает Джек. Наклонившись к дивану, он вновь чувствует запах. Это не просто вонь, запах осязаем,

он пытается вползти в горло. Но Джек не отшатывается. Он знает, каких усилий стоят Мышонку эти каракули. Вот и проходит свою часть пути до конца.

— Это прибрежная часть города... «Нельсон», «Лакиз», кинотеатр «Эджинкорт», «Гриль-бар»... здесь Чейз переходит в Лайлл-роуд, потом шоссе номер тридцать пять... это Либертивилль... «Дом ветеранов»... «Гольц»... о господи...

Мышонок начинает метаться по дивану. Язвы на лице и верхней части тела открываются, из них текут гной и кровь. Он кричит от боли. Рука, без карандаша, поднимается к лицу, тычется в него.

Джек вдруг слышит внутренний голос, тот самый голос, который он слышал много лет назад, когда спешил к матери. Он полагает, что это голос Талисмана, той его части, что осталась в теле и душе.

«Что-то не хочет, чтобы он говорил, что-то пытается убить его до того, как он скажет все, эта гадость в черной слизи, возможно, в черной слизи, ты должен избавить его от...»

Иной раз сделать что-либо можно, только не думая, на автопилоте, следуя инстинкту. Вот и Джек, не думая, протягивает руку, пальцами хватает черную слизь, ползущую из внутренних уголков глаз Мышонка, и тянет на себя. Поначалу слизь растягивается, как резина. При этом Джек чувствует, как она извивается в его пальцах, будто старается вырваться, да еще и укусить. Потом с резким звуком отрывается от лица Мышонка. Вскрикнув, Джек сбрасывает черную гадость на пол.

Она пытается уползти под диван. Джек это видит, вытирая руки о рубашку. Но Док опускает свой саквояж на одну черную кляксу. Нюхач давит вторую каблуком сапога. Клякса пищит.

— Что это за говно? — спрашивает Док, срываясь на фальцет. — Что это...

— Не из этого мира, — отвечает Джек. — Сейчас речь не об этом. Посмотрите на него! Посмотрите на Мышонка!

Красный блеск ушел из его глаз. На мгновение они кажутся совершенно нормальными. Он, безусловно, их видит, боль ушла.

— Спасибо, — выдыхает он. — Я бы хотел, чтобы ты вытащил из меня и все остальное, но оно уже возвращается. Слушай внимательно.

— Я слушаю, — кивает Джек.

— И правильно. Ты думаешь, что знаешь. Ты думаешь, что сможешь найти место, даже если эти двое не смогут, и, возможно, сможешь, но ты не знаешь всего, что тебе нужно знать... о черт. — Под пледом что-то словно разрывается. Пот бежит по лицу Мышонка, смешиваясь с черным ядом, который сочится из пор и превращает бороду в грязно-серую мочалку. Глаза начинают закатываться, и Джек видит, как в них возвращается красный блеск.

— Из меня высасывают жизнь, — стонет Мышонок. — Никогда не думал, что придется так уходить. Смотри, Голливуд... — Умирающий рисует на карте маленький прямоугольник. — Это...

— «Закусим у Эда», где мы нашли Ирму, — говорит Джек. — Я знаю.

— Да, — шепчет Мышонок. — Хорошо. Теперь смотри... на другой стороне... Шуберт и Гейл-стрит... и на западе...

Мышонок проводит линию, уходящую на север от шоссе номер 35. Рисует маленькие кружки с каждой стороны. Джек понимает, что это деревья. А поперек линии пишет: «ПОСТОРОННИМ ВХОД...»

— Да, — выдыхает Док. — Это там, все так. «Черный дом».

Мышонок не обращает внимания на его слова. Затуманенный взгляд не отрывается от Джека.

— Слушай меня, коп. Слушаешь?

— Да.

— Господи, лучше тебе послушать, — говорит ему Мышонок.

Как всегда, работа захватывает Генри, поглощает до конца, отключает от тревожных мыслей. Скука и печаль не способны встать между ним и притягательностью звуков зрячего мира. Вероятно, страху это тоже не под силу. Самое трудное — не слушать пленки, а вставить первую из кассет в большой студийный магнитофон. В этот момент он уверен, что чувствует аромат духов жены даже в звуконепроницаемой, кондиционированной атмосфере студии. Он уверен, что в доме есть кто-то еще и этот кто-то стоит у двери студии, наблюдает за ним через стеклянную верхнюю половину. И это абсолютная правда. У нас-то со зрением полный порядок, поэтому мы можем видеть недоступное Генри. Мы хотим сказать ему, кто стоит за дверью, хотим посоветовать запереть дверь студии, запереть немедленно, но, увы, мы можем только наблюдать.

Генри тянется к кнопке «PLAY» на панели магнитофона. Потом его палец перемещается и включает громкую связь.

— Эй? Есть там кто-нибудь?

Человек, который смотрит на Генри через стеклянную половину двери в студию, ухмыляется. В одной руке держит секатор для подрезки живой изгороди.

— Последний шанс, — добавляет Генри и, не получив ответа, превращается в Висконсинскую крысу, орет в микрофон, стараясь застигнуть врасплох того, кто не хочет обнаружить свое присутствие. — Выходи, сладенький, выходи немедленно, сукин ты сын, поговори с Крыской!

Человек, всматривающийся в Генри, отшатывается, как может отшатнуться змея, когда жертва имитирует атаку, но не издает ни звука. Меж ощеренных в ухмылке зубов появляется старый, выдубленный временем, изрезанный морщинами язык, облизывает губы, исчезает. Этот незваный гость нашел флакон духов, который миссис Мортон не хватило духу убрать с туалетного столика в маленькой гардеробной, примыкающей к хозяйской спальне, и теперь благоухает «Моим грехом».

Генри решает, что его воображение выкинуло очередной фортель и это ошибка, на что обязательно указал бы ему Моррис Розен, окажись он рядом, и на этот раз давит на кнопку «PLAY».

Слышит откашливание, потом Арнольд Храбовски называет себя. Рыбак прерывает его, не дает закончить: «Привет, подтиральщик».

Генри прокручивает пленку назад, слушает вновь: «Привет, подтиральщик». Да, он уже слышал этот голос. Он в этом уверен. Но где? Ответ найдется, как со временем находятся ответы на все подобные вопросы, но найти его — не самое главное. Генри внимательно слушает. Его пальцы бегают по панели управления, совсем как пальцы пианиста — по клавиатуре «Стейнвея». Ощущение, что за ним наблюдают, пропадает, хотя человек за дверью студии стоит на прежнем месте, в шлепанцах в желто-черную полоску, как у шмеля, и с секатором в руке. Ухмылка сошла. Состарившееся лицо стало мрачным. Во взгляде некоторое замешательство, может, даже первые признаки страха. Старику не нравится, что эта слепая рыба, сидящая в аквариуме, может распознать его голос. Разумеется, значения это не имеет, может, это даже забавно, но забава эта мистера Маншана — не его. А забавляться они должны вместе, не так ли?

«Чрезвычайное произошло у вас. Не у меня. У вас».

— Не у меня, у вас, — повторяет Генри, имитируя интонации. — Немного баварских колбасок в твоем салате, mein[1] друг, ja?[2]

«Твой самый жуткий кошмар.

Аббала.

Я — Рыбак».

Генри слушает очень сосредоточенно. Дает пленке покрутиться, потом четыре раза слушает одну фразу: «Поцелуй меня в зад, обезьяна... поцелуй меня в зад, обезьяна... обезьяна... обезьяна...»

---

[1] Мой *(нем.)*.

[2] Да *(нем.)*.

Обезьяна, значит. При чем тут обезьяна?

— Я не знаю, где ты жил потом, но вырос ты в Чикаго, — бормочет Генри. — В Саут-Сайде. И...

Лицо ощущает тепло. Внезапно он вспоминает тепло, которое ощущало его лицо. Почему так, друзья и соседи? Почему так, о мудрейшие?

«Ты всего лишь обезьяна на шестке.

Обезьяна на шестке.

Обезьяна...»

— Обезьяна, — говорит Генри. Потирает виски подушечками пальцев. — Обезьяна на шестке. Кто это сказал?

Он включает запись: «Поцелуй меня в зад, обезьяна».

Задействует память: «Ты всего лишь обезьяна на шестке».

Тепло на лице.

Жара? Свет?

То и другое?

Генри вынимает полицейскую пленку, вставляет в магнитофон вторую, привезенную Джеком в его отсутствие.

«Привет, Джуди. Ты сегодня Джуди или Софи? Аббала шлет тебе наилучшие пожелания, а Горг говорит: «Кап-кар-кар!» — Хриплый, старческий смех. — Тай тоже шлет привет. Твоему маленькому мальчику очень одиноко...»

Когда слышится плач Тайлера Маршалла, усиленный динамиками, Генри морщится и прокручивает пленку вперед.

«Быть нофые убийштфа».

Акцент вдруг резко усиливается, становится гротескным. От английского языка остаются рожки да ножки.

«Маленькие дети я быть кошить как пшенишу. Как пшенишу. Кошить как...»

— Косить, как обезьяна на шестке, — говорит Генри. — Обезьяна. Косить. Кто же ты есть, сукин ты сын?

Вновь — к полицейской пленке.

«Кнуты в аду и цепи в Шеоле».

Кнуты. Цепи. Обезьянка на шестке. Шесток. И в этих словах чувствуется акцент.

— Ты не лучше, чем... — начинает Генри, и тут наконец-то на ум приходит еще одна фраза.

«"Кошмар леди Магоуэн" в исполнении Вуди Эрмана».

Какой кошмар? С кнутами в аду? С цепями в Шеоле?

— Боже мой, — выдыхает Генри. — Боже... мой. Танцы.

Он был на танцах.

Теперь все встает на свои места. Как же они были глупы! Преступно глупы! Велосипед мальчика... он же прямо там и остался. Прямо там, Господи Иисусе! Они все слепцы, все!

— Но он такой старый, — шепчет Генри. — И слабоумный. Как можно было догадаться, что этот человек — Рыбак?

Другие вопросы следуют за первым. Если Рыбак — резидент «Центра Макстона по уходу за престарелыми», где он мог спрятать Тая Маршалла? И как этот мерзавец перемещается по Френч-Лэндингу? У него есть автомобиль?

— Не важно, — бормочет Генри. — Сейчас, во всяком случае, не важно. Кто он и где он? Это главное.

Тепло на лице... его разум пытается сопоставить голос Рыбака со временем и местом... прожектор, разумеется, прожектор Симфонического Стэна, розовый, цвета зреющей клубники. И какая-то женщина, какая-то милая старушка...

«Мистер Стэн, эй, мистер Стэн?»

...и спросила, принимает ли он заказы.

«Я пришел сюда первым, старуха».

Тут же раздается суровый, скрипучий мужской голос, с легким немецким акцентом уроженца чикагского Сайт-Сайда, сына или внука приехавшего в Америку эмигранта.

— Обезьяна, — говорит Генри, глядя прямо перед собой. Глядя прямо на Чарльза Бернсайда, но не зная этого. — На шестке. Кошить как пшенишу.

Что же такое получается? Старый маньяк, говорящий, как Арнольд Шварценеггер?

Кто была эта женщина? Если он сможет вспомнить ее имя, то позвонит Джеку... или Дейлу, если телефон Джека по-прежнему не отвечает... и положит конец кошмару Френч-Лэндинга.

«"Кошмар леди Магоуэн" в исполнении Вуди Эрмана».

— Кошмар, — говорит Генри. Потом чуть изменяет голос, чуть растягивает слово — как старик: — Кош-мар.

Голос он имитирует здорово. Слишком здорово — по мнению старика, что стоит за дверью с секатором в руке и мрачно смотрит на Генри. Каким образом этому слепому удается так точно копировать его голос? Нехорошо это. Неправильно. Старому маньяку хочется вырезать голосовые связки из горла Генри Лайдена. Он обещает себе, что сделает это в самом скором времени.

И съест их.

Сидя на вращающемся стуле, нервно барабаня пальцами по дубовой панели, Генри вспоминает короткую стычку у эстрады. Вскоре после начала танцев на Клубничном фестивале.

«Скажите мне, как вас зовут и что бы вы хотели услышать?»

«Я — Элис Уитерс, *и*... «Лунный свет», пожалуйста. Бенни Гудмана».

— Элис Уитерс, — говорит Генри. — Это ее имя, и, если она не знает твоего имени, мой дорогой убийца, тогда я — обезьяна на шестке.

Он начинает подниматься, и в этот момент кто-то... или что-то... начинает постукивать, очень тихо, по верхней, стеклянной половине двери.

Медведица подтягивается ближе, чуть ли не помимо воли, и теперь она, Джек, Док и Нюхач сгрудились вокруг дивана, куда наполовину ушел Мышонок. Он похож на человека, которого медленно, но верно засасывает зыбучий песок.

«Нет, — думает Джек, — это не зыбучий песок, но смерть у него ужасная, это точно. Без всяких сомнений».

— Слушайте, — говорит Мышонок. Черная слизь вновь образуется в уголках глаз. Хуже того, течет из уголков рта. Запах разложения усиливается по мере того, как внутренние органы Мышонка один за другим прекращают борьбу. Джек искренне поражен их столь долгому сопротивлению.

— Говори, — кивает Нюхач. — Мы услышим.

Мышонок смотрит на Дока:

— Когда я закончу, сделай мне хороший укол. «Кадиллака». Понимаешь?

— Хочешь опередить смерть?

Мышонок кивает.

— Согласен. Уйдешь с улыбкой на устах.

— В этом я сомневаюсь, братец, но буду стараться.

Он переводит покрасневшие глаза на Нюхача.

— Когда все закончится, заверните меня в один из нейлоновых тентов, что лежат у тебя в гараже. Положите в ванну. Готов спорить, что к полуночи вам останется только смыть меня в трубу, как... пивную пену. Но будьте осторожны. Не касайтесь... того, что останется.

Медведица начинает рыдать.

— Не плачь, дорогая, — говорит ей Мышонок. — Я уйду раньше. Док обещал.

— Я все сделаю, дружище.

— Помяните меня, хорошо? Прочитайте стихотворение... Одена[1]... то самое, от которого мороз пробирал до яиц...

— «Не читайте Библию ради прозы». — Нюхач плачет. — Обязательно, Мышонок.

— Послушайте... «Риппл»[2]... и выпейте много-много «Кингслендского»... Достойно проводите меня в следую-

---

[1] Оден, Уистен Хью (1907—1973) — известный английский поэт.

[2] «Риппл» — рок-группа 70-х гг. из Мичигана, играющая соул-фанк, не оставившая заметного следа в музыкальной истории Америки (один хит 1973 г.), но, должно быть, запавшая в память Стивена Кинга.

щую жизнь. Полагаю, могилы, на которую вы могли бы отлить, не будет... но сделайте все, что в ваших силах.

Джек смеется. Ничего не может с собой поделать. И вот тут взгляд алых глаз Мышонка упирается в него.

— Обещай мне, коп, что туда ты пойдешь только завтра.

— Мышонок, я не уверен, что смогу это обещать.

— Ты должен. Если пойдешь этим вечером, тебе не придется волноваться из-за адского пса... в лесах есть кое-что еще... кое-что похуже... — Красные глаза закатываются, черная слизь стекает в бороду.

— Думаю, придется рискнуть, — хмурясь, говорит Джек. — Где-то там маленький мальчик...

— Он в безопасности, — шепчет Мышонок.

Брови Джека ползут вверх, он не уверен, что расслышал последнюю фразу, произнесенную Мышонком. А если и расслышал, может ли он верить его словам? Мышонок получил дозу страшного яда. Пока он еще сопротивляется его воздействию, может говорить, но...

— Пока он в безопасности, — продолжает Мышонок. — Не от всего... полагаю, до него могут добраться... но только не мистер Манчинг. Так его зовут? Манчинг?

— Я думаю, Маншан. Откуда ты знаешь?

Мышонок отвечает улыбкой. Улыбкой умирающей сивиллы. Вновь ему удается прикоснуться ко лбу, и Джек в ужасе замечает, что его пальцы слиплись, а их кончики почернели.

— Отсюда, откуда же еще? Все отсюда. Больше взять неоткуда. И послушай, будет лучше, если мальчишку съест какой-нибудь громадный жук или горный краб... там, где он сейчас, чем ты умрешь, пытаясь его спасти. Если ты умрешь, аббала точно заполучит его. Так говорит... твой друг.

— Какой друг? — подозрительно спрашивает Док.

— Не важно. Голливуд знает. Не так ли, Голливуд?

Джек с неохотой кивает. Разумеется, это Спиди. Или Паркус, если так больше нравится.

— Подожди до завтра, — говорит Мышонок. — До полудня, когда солнце будет в зените в обоих мирах. Обещай.

Поначалу Джек молчит. Противоречивые чувства раздирают его.

— К тому времени, как вы доберетесь до шоссе номер тридцать пять, уже стемнеет, — вставляет Медведица.

— И в лесу точно водятся всякие твари, — добавляет Док. — В сравнении с которыми динозавры «Парка юрского периода» — домашние зверушки. Не думаю, что вы захотите пойти туда в темноте. Разве для того, чтобы свести счеты с жизнью.

— Когда вы все сделаете... — шепчет Мышонок. — Когда вы все сделаете... если кто-то из вас останется в живых... сожгите этот дом. Эту дыру. Эту могилу. Сожгите дотла, слышите? Закройте эту дверь.

— Да, — отвечает Нюхач. — Слышим и понимаем, дружище.

— И последнее. — Теперь Мышонок обращается непосредственно к Джеку. — Ты, возможно, сможешь его найти... но я думаю, что тебе нужно кое-что еще. Это слово. В твоих устах оно обретет огромную силу благодаря одной вещи... к которой ты прикасался. Пусть и давным-давно. Я этого не понимаю, но...

— Все так, — говорит ему Джек. — Я прикасался. Какое слово, Мышонок?

Какое-то мгновение ему кажется, что Мышонок не сможет произнести это слово. Что-то или кто-то прилагает все силы, чтобы не дать ему раскрыть рот, но в этой борьбе Мышонок выходит победителем. По всем параметрам, одерживает последнюю победу в этой жизни.

— Д'ямба, — говорит Мышонок. — Теперь ты, Голливуд. Повтори.

— Д'ямба, — повторяет Джек, и целый ряд увесистых книг сползает со стеллажа у изножья дивана. Они зависают в воздухе... висят... висят... потом с грохотом падают на пол.

Медведица вскрикивает.

— Не забудь его, — шепчет Мышонок. — Оно тебе понадобится.

— Зачем? Зачем оно мне понадобится?

Мышонок чуть покачивает головой:

— Не... знаю.

Нюхач перегибается через плечо Джека и берет листок с подобием карты.

— Встретишься с нами завтра утром в баре «Сэнд». Приезжай к половине двенадцатого, чтобы ровно в двенадцать мы уже стояли на этом гребаном проселке. А пока пусть карта останется у меня. Как маленькая гарантия того, что ты послушаешься Мышонка.

— Хорошо, — кивает Джек. Для того чтобы найти «Черный дом» Чамми Бернсайда, карта ему не нужна, но в принципе Мышонок прав: не то место, куда хочется пойти с наступлением темноты. Жаль, конечно, оставлять Тая Маршалла в горящих землях, Джеку претит эта мысль, но он должен помнить, что на кону нечто большее, чем жизнь маленького мальчика.

— Нюхач, ты уверен, что хочешь вернуться туда?

— Черт, нет, я уверен, что не хочу, — негодующе отвечает тот. — Но какая-то тварь убила мою дочь — *мою* дочь! — и эта тварь вылезла оттуда! Ты хочешь сказать, что не знаешь, прав ли я?

Джек молчит. Разумеется, прав. И разумеется, он хочет, чтобы Нюхач и Док сопровождали его, когда он свернет на проселок-просеку, ведущую к «Черному дому». Если они смогут дойти до него.

«Д'ямба, — думает он. — Д'ямба. Не забудь».

Он поворачивается к дивану:

— Мышонок, как ты...

— Пожалуй, укол «кадиллака» ему не понадобится, — говорит Док.

— Что? — Джек тупо всматривается в здоровяка пивовара-байкера. И чувствует, что безмерно устал.

— Тикают только его часы, — отвечает Док и начинает петь. К нему присоединяется Нюхач, потом Медведи-

ца. Джек отходит от дивана с мыслью, созвучной мысли Генри: «Почему так быстро пролетело время? Как такое могло случиться?»

— На небесах пива нет... вот почему мы пьем его здесь... и когда... мы уйдем... отсюда...

Джек на цыпочках пересекает гостиную. На дальней стене часы с подсветкой и логотипом «Кингслендского золотистого пива». Наш давний друг (сейчас он выглядит на свой возраст и очень печален) в недоумении бросает взгляд на циферблат и не верит своим глазам. Но наручные часы подтверждают: уже почти восемь. Он пробыл здесь чуть ли не целый день.

Почти стемнело, а Рыбак по-прежнему в городе. Не говоря уже о его сотоварищах из другого мира.

«Д'ямба», — думает он, открывая дверь. А выходя на растрескавшееся крыльцо и закрывая за собой дверь, со всей искренностью бросает в уходящий день: «Спиди, как мне хочется свернуть тебе шею».

Глава 24

Д'ямба — активное, мощное заклинание. Однажды возникнув, оно образует сеть, которая расширяется и усиливается, захватывая вселенную. Когда Джек Сойер сдирает живой яд с глаз Мышонка, д'ямба впервые сверкает в мозгу умирающего, и его рассудок мгновенно осознает, что произошло. Заклинание охватывает все новые пространства, используя психическую энергию мозга Мышонка, и вскоре д'ямба достигает Генри Лайдена. По ходу д'ямба касается Тэнзи Френо, что сидит у окна в нише бара «Сэнд» и видит прекрасную молодую женщину, улыбающуюся в круге света в дальнем конце автостоянки. А перед тем как женщина исчезает, до Тэнзи доходит, что ей показали Ирму, какой та могла бы стать. Доходит д'ямба и до Дейла Гилбертсона. Тот едет домой из полицейского участка и внезапно понимает, как же ему не хватает Джека Сойера. У него буквально щемит сердце, и

он дает себе слово поймать Рыбака, какие бы препятствия ни встретились на пути. Д'ямба посылает сигнал Джуди Маршалл и открывает для нее окно в Запределье, где Тай спит в камере с серыми стенами, ожидающий спасения и живой. В мозгу Чарльза Бернсайда д'ямба контактирует с истинным Рыбаком, мистером Маншаном, который раньше звался Мистером Понедельником, аккурат в тот момент, когда костяшки Бернсайда барабанят по стеклу. Мистер Маншан воспринимает ее как проникновение холодного воздуха в грудь, как предупреждение, и это вторжение вызывает дикую ярость и ненависть. Чарльз Бернсайд, который понятия не имеет о д'ямбе, а потому не может ненавидеть это заклинание, чувствует эмоции своего господина и вспоминает тот случай в Чикаго, когда мальчишка, вроде бы умерший, выбрался из брезентового мешка и запачкал заднее сиденье кровью, которая могла привлечь внимание полиции. Эта чертова кровь, субстанция, продолжавшая висеть над ним, будто дамоклов меч, даже после того, как он тщательно замыл все следы. А вот Генри Лайден, с которого мы начали, не испытывает ни радости, ни ярости. Генри получает от д'ямбы информационный заряд. Д'ямба прочищает Генри мозги.

Визиты Роды, понимает он, обусловлены исключительно чувством одиночества, которое он испытывает. И когда он поднимается по ступенькам, то слышит лишь свое неугасающее желание быть рядом с женой. А существо по другую сторону двери в студию — ужасный старик из «Макстона», жаждущий проделать с Генри то же самое, что уже проделал с тремя детьми. Кто же еще мог появиться в доме в такой час и постучать в стеклянную верхнюю половину двери? Не Дейл, не Джек и, уж конечно, не Элвена Мортон. Остальные остановились бы у входной двери и нажали кнопку звонка.

Генри требуется пара секунд, чтобы оценить ситуацию и составить план действий. Исходит Генри из предположения, что он быстрее и сильнее Рыбака, которому, по его прикидкам, лет восемьдесят пять, а то и больше. У него

есть еще один козырь: Рыбак не подозревает, что жертва знает, кто за ней охотится. Чтобы и дальше держать Рыбака в неведении, Генри решает выказывать максимум дружелюбия, даже любопытства. А когда Рыбак откроет дверь студии, которую он, Генри, к сожалению, оставил незапертой, будет действовать быстро и решительно.

«Готовы ли мы к этому? — спрашивает себя Генри и приходит к выводу: — Это единственный шанс».

Горит ли свет? Нет. Он собирался работать в одиночестве, поэтому свет не включал. Следующий вопрос: стемнело ли на улице? И сам отвечает: скорее всего нет. Еще час, и он бы сумел незамеченным прошмыгнуть по дому и удрать через черный ход. Но шансы его достаточно велики, поскольку солнце садится за дом, так что с каждой секундой в гостиной и кухне, окна которых выходят на фасад, становится чуточку темнее.

Прошло, возможно, две секунды после стука в дверь, и Генри, который делал вид, что не услышал стука своего незваного гостя, больше не может терять времени. Со стороны кажется, что он по-прежнему погружен в свои мысли, но при этом как бы ненароком одной рукой он охватывает основание тяжелой статуэтки (премия лучшему ведущему радиопередачи, несколько лет назад присужденная Джорджу Рэтбану и полученная его представителем), а другой — берет с подноса выкидной нож: (кто-то из восхищенных слушателей принес его на университетскую радиостудию и попросил передать Висконсинской крысе). Генри использует нож для того, чтобы вскрывать целлофановую обертку футляров с лазерными дисками, а не так давно, в поисках дела для рук, научился затачивать его. С убранным лезвием нож напоминает несколько необычную, плоскую перьевую ручку. Два вида оружия в два раза лучше одного, размышляет Генри, особенно если противник думает, что второе оружие совершенно безвредно.

Прошло уже четыре секунды после стука в стеклянную панель, и Берни и мистер Маншан, каждый по-своему, все

больше нервничают. Мистер Маншан бесконечно возмущен тем, что доселе благостную картину теперь омрачает наличие д'ямбы. Появление заклинания может означать только одно: какому-то человеку, связанному со слепым, удалось достаточно близко подкрасться к «Черному дому» и понять, кто его хозяин. А сие, в свою очередь, указывает, что ненавистный Джек Сойер, несомненно, знает о существовании «Черного дома» и намерен испытать прочность его оборонительных редутов. Так что пора разделаться со слепым и возвращаться домой.

Берни лишь регистрирует эмоции своего господина: ненависть и что-то очень уж напоминающее страх. Берни страшно зол на Генри Лайдена за то, что тот совершенно точно воспроизвел его голос, он знает, что слепой — угроза. Поэтому им движет не только страсть убивать, но и инстинкт самосохранения. А после убийства Генри Чарльз Бернсайд хочет посчитаться с еще одним человеком, прежде чем перенестись в «Черный дом» и отправиться в реальность, которую он воспринимает как Шеол.

Его большие, деформированные временем и артритом костяшки пальцев вновь барабанят по стеклу.

На этот раз Генри поворачивает голову на звук. На его лице удивление.

— Я думаю, что там кто-то есть. Кто это?.. Заходите, подайте голос. — Он поворачивает тумблер и говорит в микрофон: — Если вы что-то сказали, я вас не расслышал. Дайте мне пару секунд, чтобы навести здесь порядок, и я буду с вами. — Он вновь смотрит перед собой, наклоняется над столом. Левая рука касается основания статуэтки, правая скрыта из виду. Вроде бы он о чем-то думает. На самом деле ловит каждый звук.

Он слышит, как по часовой стрелке поворачивается ручка двери. Медленно, очень медленно. Дверь открывается на дюйм, два дюйма, три. Густой цветочный запах «Моего греха» заполоняет студию, пленкой налипает на микрофон, футляры дисков и кассет, все верньеры, тумблеры, клавиши и кнопки, открытую для удара шею Генри.

Слышно шарканье шлепанцев по ковру. Генри сжимает руки на оружии и ждет особого звука, который станет ему сигналом. Он слышит еще один практически беззвучный шаг, второй и знает, что Рыбак находится позади него. Он тоже вооружен, сквозь аромат духов пробиваются запахи срезанной зелени и машинного масла. Генри не знает, что это за оружие, но движение воздуха подсказывает ему, что оно тяжелее ножа. Даже слепой может это видеть. Неловкость следующего шага подсказывает Генри, что старик держит оружие обеими руками.

Образ возникает перед мысленным взором Генри: его противник стоит позади него, готовясь нанести удар. Его руки вытянуты, подняты. Они держат какой-то инструмент вроде садовых ножниц. Генри тоже вооружен, но главное его оружие — внезапность ответного удара. Чтобы этот удар принес результат, необходимо очень точно рассчитать время его нанесения. Когда старик до предела вытянет руку и изогнет спину, одежда переместится по телу. Материя заскользит по коже, по другой материи, может скрипнуть ремень. Последует вдох. Обычный человек ничего этого не расслышит, но у Генри Лайдена уши не такие, как у всех: они услышат все.

И наконец он слышит. Материя шуршит, трется о кожу, о другую материю, воздух, свистя, скользит по носовым каналам Берни. Тут же Генри отталкивает стул от стола, одновременно разворачивается на сто восемьдесят градусов и, вставая, наносит удар статуэткой по своему противнику. Срабатывает! Сила удара отдается в руку, он слышит стон удивления и боли. Запах «Моего греха» бьет в ноздри. Стул ударяет под колени. Генри нажимает кнопку на корпусе выкидного ножа, чувствует, как из ручки выезжает длинное лезвие, выкидывает руку вперед. Нож пронзает тело. С расстояния восемь дюймов на него несется яростный крик. Вновь Генри бьет врага статуэткой, выдергивает нож и наносит второй удар. Костлявые руки хватают его за шею и плечи, вызывая отвращение, до лица долетает зловонное дыхание.

Он понимает, что ранен: боль пронзает левую половину спины. Чертов секатор для подрезки живой изгороди! Второй удар ножом пронзает лишь воздух. Грубая рука хватает его за локоть, вторая — за плечо. Руки тащат его вперед, и, чтобы удержаться на ногах, он ставит колено на сиденье стула. Длинный нос ударяет в его переносицу, задевает очки, которые чуть не слетают на пол. Дальнейшее просто кошмар: два ряда зубов вгрызаются в его левую щеку, рвут кожу. Течет кровь. Зубы смыкаются, отхватывая часть кожи и мышц. Боль, пронзающая голову, куда более сильная, чем в спине. Он чувствует, что его кровь брызжет на лицо монстра. Страх и отвращение плюс мощный выброс адреналина дают ему силы полоснуть ножом, вырываясь из цепких рук. Нож входит в контакт с какой-то движущейся частью Рыбака... рукой, думает Генри.

Но прежде чем он успевает просмаковать точный удар, слышится звук лезвий секатора, режущих воздух. В следующее мгновение они смыкаются на его правой, с ножом, руке. Разрезают кожу, кости, отхватывают два пальца.

А потом, словно секатор был последним связующим звеном между ним и Рыбаком, Генри вырывается на свободу. Его нога находит дверной косяк, и он бросается сквозь дверь. Падает на пол, такой скользкий, что его ноги соскальзывают, когда он пытается встать. Неужели вся эта кровь его?

Голос, в который он вслушивался в другом веке, в другой эре, доносится от двери в студию:

— Ты ударил меня ножом, подтиральщик.

Генри не слушает, Генри бежит, жалея о том, что оставляет за собой такой четкий, такой широкий кровяной след. Вся его одежда просто пропиталась кровью — и рубашка, и брюки. Кровь течет и по лицу, так что, несмотря на адреналин, Генри чувствует, как силы покидают его. Сколько пройдет времени до того, как он изойдет кровью? Двадцать минут?

Он пересекает холл и бежит в гостиную.

«Мне не удастся от него уйти, — думает Генри. — Я потерял слишком много крови. Но по крайней мере я смогу вырваться из дома и умереть на природе, где чистый воздух».

Из холла его догоняет голос Рыбака:

— Я съел часть твоей щеки, а теперь собираюсь съесть твои пальцы. Ты слышишь меня, подтиральщик?

Генри добирается до двери. Его рука соскальзывает и соскальзывает с рукоятки. Рукоятка не желает его слушаться. Он ищет кнопку-блокиратор, которая вдавлена.

— Я спросил, ты слышишь меня? — Рыбак приближается, его голос переполняет ярость.

Все, что надо сделать Генри, — нажать кнопку и разблокировать ручку. Секунда, и он покинет дом, но оставшиеся пальцы его не слушаются. «Ладно, я умру, — говорит он себе. — Я последую за Родой, последую за моим Жаворонком, моим прекрасным Жаворонком».

До него доносятся пренеприятные звуки: Рыбак что-то жует, причмокивает, на зубах хрустят косточки.

— На вкус ты дерьмо. Я ем твои пальцы, и по вкусу они — дерьмо. Знаешь, что я люблю? Знаешь, какое мое любимое блюдо? Ягодицы маленького ребенка. Альберт Фиш тоже их любил, о да, любил. М-м-м! ЯГОДИЦЫ РЕБЕНКА! *Пальчики оближешь.* Вот ЧТО ПРИЯТНО ЕСТЬ!

Генри вдруг понимает, что он соскользнул по не желающей открываться двери и теперь стоит на четвереньках. Продвигается вперед, заползает за софу, где обычно слушал Джека Сойера, читающего вслух бессмертные творения Чарльза Диккенса. Он вдруг осознает, что ему многое не суждено сделать. В том числе узнать, что сталось с «Холодным домом». И своего друга Джека он уже никогда не увидит.

Рыбак входит в гостиную, останавливается.

— Ладно, так где ты, подтиральщик? Тебе от меня не спрятаться. — В его руках щелкают лезвия секатора для подрезки живой изгороди.

Или Рыбак ослеп, как Генри, или в гостиной уже совсем темно. В душе Генри вспыхивает искорка надежды. Может, его враг не найдет выключатель.

— Подтиральщик! Поттигальщик! Черт побери, где ты прячешься? Шегг попеги, хде ты пгататыпа?

Это удивительно, думает Генри. Чем злее и раздраженнее становится Рыбак, тем более странным, не немецким, становится его акцент. Это уже не чикагский Саут-Сайд, это вообще не Чикаго. И не Германия. Если бы Генри услышал версию доктора Спайглмана: Рыбак пытается говорить по-английски, как немец, он бы улыбнулся и согласно кивнул. Это немецкий акцент из далекого космоса, словно кто-то пытается говорить с немецким акцентом, никогда не слышав немецкого.

— Ты меня ранил, вонючая свинья! Ты меня ганить, фонюшая шфинья!

Рыбак подскакивает к креслу, отбрасывает его:

— Я намерен тебя найти, дружок, а когда найду, отрежу тебе голову.

Торшер падает на пол. Тяжелые шаги перемещаются в правую часть комнаты.

— Слепой прячется в темноте, а? Это круто, это действительно круто. Вот что я тебе скажу. Давненько я не пробовал языка, но, думаю, попробую твой. — Маленький стол и лампа на нем летят на пол. — Хочу тебе кое-что сказать о языках. По вкусу язык старика не очень-то отличается от языка ребенка... но, конечно, язык ребенка сочнее. Кохта я тыть Кгитшем Хаагманом, я шьешть мнохо яфыхов, ха-ха.

Странно... эта внеземная версия немецкого акцента вырывается из Рыбака, как второй голос. Кулак ударяет по стене, шаги приближаются. На локтях Генри обползает дальний конец софы и ищет убежища под длинным низким столом. Под ногами Рыбака хлюпает кровь, а когда Генри кладет голову на руки, кровь толчками выплескивается в лицо.

— Ты не можешь прятаться вечно, — говорит Рыбак и вдруг переключается на странный акцент и отвечает сам себе:

— Шватит, Бегн-Бегн. У наш ешть более фашные дела.

— Эй, ты сам назвал его Поттигальщиком. Он меня ранил!

— Лиши в лишьих ногах, кгыши в кгышиных ногах, они тоше ганены. Мои нешаштные потеганные дети тоше ранены, куда как, куда как шильнее.

— А как же он?

— Он иштешет кгофью до шмегги, до шмегги. Оштафь ефо.

В темноте мы едва можем разглядеть, что происходит. Чарльз Бернсайд в точности имитирует две головы попугая Паркуса, Святость и Нечестивость. Когда говорит своим голосом, смотрит влево, когда переходит на внеземной акцент — вправо. Наблюдая, как его голова мотается из стороны в сторону, мы словно видим перед собой комика вроде Джима Кэрри или Стива Мартина, изображающего две половинки расщепленного сознания... только в этом старике ничего забавного нет. Обе обитающие в его теле личности ужасны, и от их голосов волосы встают дыбом. А самая большая разница между «головами» Рыбака в том, что левая, с внеземным акцентом, командует парадом: ее «руки» держат штурвал, тогда как правая «голова», наш Берни, — всего лишь раб. Поскольку разница в статусе становится все очевиднее, у нас начинает создаваться впечатление, что в самом ближайшем будущем мистер Маншан расстанется с Чарльзом Бернсайдом, как со старым рваным носком.

— Но я ХОЧУ его убить! — вопит Берни.

— Он уше мегтф, мегтф, мегтф. Шак Шойег шобигаетша пгофаться. Шак Шоейг не цнает, што делает. Ты шейшаш идти ф «Макштон» и ты убифать Шуштгыка, да? Ты хотеть убифать Шуштгыка, да?

Берни фыркает:

— Да, хочу убить Шустрика. Я хочу разрезать говнюка на маленькие кусочки и сварить бульон из его костей. А если его самодовольная сучка будет там, я хочу отрезать ей голову и съесть ее маленький сочный язычок.

Для Генри Лайдена этот разговор — то ли чистое безумие, то ли классический случай одержимости, то ли и первое и второе вместе. Кровь все течет и из раны на спине, и из обрубков пальцев, и он не может остановить этот поток. От запаха крови под ним и вокруг его тошнит, но тошнота — наименьшая из проблем. Вот головокружение, онемение тела — действительно серьезная проблема и лучшее обезболивающее средство. Он должен оставаться в сознании. Каким-то способом должен передать Джеку важное сообщение.

— Так мы идем, Бегн-Бегн, и мы штелаем фсе, што хотим с Шуштгыком, да? Пгиконшим его, а потом, потом, потом пойдем в пгекгашный, пгекгашный «Шогный дом», мой Бегн-Бегн, пойдем в «Шогный дом», штобы подготовитыпа к фштгеше с Алым Коголем!

— Я хочу встретиться с Алым Королем, — говорит Берни. Струйка слюны стекает по подбородку, на мгновение в темноте зажигаются его глаза. — Я отведу это щенка Маршалла к Алому Королю, и Алый Король полюбит меня, потому что все, что я хочу съесть, так это одну маленькую ягодицу, одну маленькую ручку, ничего больше.

— Он полюфить тефя гади меня, Бегн-Бегн, потому што он люфить меня, меня, меня, меня, миш-тега Ман-шана! А когда коголь штанет пгафить фшеленной, наши шилы будут гашти, гашти, гашти и мы штать такими могушими, что смошем кгушить мигы как огехофые шкоглупки.

— Как ореховые скорлупки, — повторяет Бернсайд и смеется. — Это здорово.

— Пошли.

— Уже иду, — отвечает Бернсайд. — Но сначала хочу оставить послание.

Потом Генри слышит странное чмоканье, после чего на липкий пол падает мокрое нижнее белье. Дверь в чулане под лестницей на второй этаж с грохотом раскрывается, дверь студии с грохотом закрывается. Появляется и исчезает запах озона. Они ушли. Генри не знает, как это произошло, но у него нет ни малейших сомнений в том, что он остался один. Да и какая разница, как это произошло? У Генри есть дела поважнее.

— Двух мнений тут быть не может, — говорит он. — Этот парень такой же немец, как я — курица-несушка.

Выползает из-под длинного стола и опирается на его гладкую поверхность, чтобы подняться. Когда он выпрямляет спину, сознание вдруг застилает серый туман и Генри хватается за торшер, чтобы удержаться на ногах.

— Не отключайся, — говорит он себе. — Нет у тебя права отключаться, нет!

Генри может ходить, он в этом уверен, он, в конце концов, ходил большую часть своей жизни. Более того, он умеет и водить автомобиль; ездить на автомобиле проще, чем ходить, только ни у кого не хватило духу позволить ему продемонстрировать мастерство вождения. Черт, если Рей Чарльз мог вести автомобиль, мог, может (возможно, именно в этот момент Рей Чарльз вписывается в левый поворот автострады), почему это не под силу Генри Лайдену? Но в данный момент под рукой автомобиля у Генри Лайдена нет, вот Генри и придется ограничиться короткой пешей прогулкой.

И куда Генри держит путь из своей залитой кровью гостиной? «Ответ очевиден, — отвечает он себе. — Иду в студию. Хочется прогуляться в мою прекрасную маленькую студию».

Вновь серый туман опускается на сознание, а вот серого-то надо всячески избегать. У нас есть антидот для серого, не так ли? Да, есть: антидотом является острая боль. И Генри ударяет здоровой рукой по обрубкам пальцев. Обрубки словно опаляет огнем. Горящие обрубки — это то, что надо. Языки боли доведут до студии.

И пусть текут слезы. Мертвые не плачут.

— Запах крови похож на смех, — говорит Генри. — Кто это сказал? Кто-то. В книге. «Запах крови напоминал смех». Отличная фраза. А теперь переставляй ноги. Сначала одну, потом — вторую.

Добравшись до маленького холла перед студией, он на мгновение приваливается к стене. Волна слабости начинается в груди и прокатывается по всему телу. Он вскидывает голову, кровь из щеки брызгает на стену.

— Продолжай идти, болван. Говори себе, что это не безумие. Ничего лучше просто нет. И знаешь что? Только так ты и можешь жить — шагать и шагать!

Генри отталкивается от стены, движется дальше, его голосовые связки использует Джордж Рэтбан: «Друзья, а вы ВСЕ мои друзья, тут двух мнений быть не может, мы здесь, на KDCU-AM, вроде бы столкнулись с техническими проблемами. Напряжение в сети падает, зафиксированы перебои в подаче энергии, да, зафиксированы. Но вы не бойтесь, дорогие мои. Не бойтесь! На текущий момент до двери в студию остается четыре жалких фута, и очень скоро мы займем свое законное место за микрофоном, да, займем. Никаким старикам людоедам и их инопланетным напарникам не удастся вывести нашу радиостанцию из игры, во всяком случае до того, как мы передадим наш последний репортаж».

Генри оборачивает носовым платком пальцы, ищет свой стул.

«И Рафаэль Фуркэл, похоже, совсем растерялся... никак не может найти мяч... Подождите, подождите, неужели нашел? Схватился за край? ДА! Схватился за ПОДЛОКОТНИК мяча, за СПИНКУ мяча, поставил МЯЧ на КОЛЕСИКИ! Фуркэл садится, подъезжает к пульту управления. Мы видим, что здесь много крови, но бейсбол — кровавая игра, если играть приходится с отрезанными пальцами».

Левой рукой Генри нажимает клавишу «ON» на большом студийном магнитофоне, пододвигает поближе

микрофон. Сидит в темноте, слушает шипение пленки, перематывающейся с бобины на бобину, и испытывает чувство глубокой удовлетворенности, делая то, что делал из вечера в вечер тысячи вечеров. Нега усталости окутывает тело и сознание, замедляет движения и мысли. Так легко уступить ей. Он и уступит, но сначала закончит работу. Он должен поговорить с Джеком Сойером, напоминает Генри себе, и он говорит всеми своими голосами.

Джордж Рэтбан: «Девятый иннинг, и наша команда готовится отправиться в душевую. Но игра не ЗАКОНЧЕНА, пока ЖИВ последний СЛЕПОЙ!»

Генри Шейк: «Я обращаюсь к тебе, Джек Сойер, и не хочу, чтобы ты соскочил на другой канал, понимаешь? Сохраняй хладнокровие и слушай своего давнего друга Генри Шейка, Шейка, Шейка, хорошо? Рыбак нанес мне визит, а отбыв, отправился в «Макстон». Он хочет убить Шустрика, парня, которому принадлежит «Центр по уходу за престарелыми». Позвони в полицию, спаси его, если сможешь. Рыбак живет в «Макстоне», ты это знал? Он — старик, одержимый демоном. Он хотел остановить меня, не позволить сообщить тебе, что я узнал голос. И он хотел сбить тебя со следа... он думает, что помешает тебе, убив меня. Сделай так, чтобы ничего у него не вышло, хорошо?»

Висконсинская крыса: «ПОТОМУ ЧТО ЭТОТ МИР ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РУШИТСЯ! РЫБОГОЛОВЫЙ БУДЕТ ЖДАТЬ ТЕБЯ В ДЫРЕ, КОТОРУЮ НАЗЫВАЮТ «ЧЕРНЫМ ДОМОМ», И ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ВСТРЕЧЕ С МЕРЗАВЦЕМ! ОТОРВИ ЕМУ ЯЙЦА!»

Вопль Крысы завершается приступом кашля.

Генри Шейк (тяжело дыша): «Нашего друга Крысу внезапно вызвали по срочному делу. Парень слишком уж легко срывается на крик».

Джордж Рэтбан: «СЫНОК, уж не пытаешься ли ты сказать МНЕ, что...»

Генри Шейк: «Успокойся. Он имеет полное право кричать. Но Джек не хочет, чтобы мы на него кричали. Джеку нужна информация».

Джордж Рэтбан: «Так поспеши и поделись ею с ним».

Генри Шейк: «Слушай, Джек. Рыбак не очень умен, как и демон, который вселился в него. Демона вроде бы зовут мистер Манчинг. Он невероятно тщеславен».

Генри Лайден откидывается на спинку стула и секунду-другую смотрит в никуда. Своего тела ниже пояса он не чувствует, и кровь с правой руки образовала лужицу вокруг микрофона. Обрубки пальцев пульсируют.

Джордж Рэтбан: «Сейчас не время для обмороков, дружище».

Генри Лайден трясет головой, наклоняется вперед и говорит: «Над тщеславием и глупостью ты сможешь взять верх, Джек. Я должен заканчивать. Джек, не сильно грусти из-за меня. Я прожил чертовски прекрасную жизнь, а теперь ухожу к моей дорогой Роде. — Он улыбается темноте, улыбка становится шире. — Привет, Жаворонок».

Должно быть, бывают случаи, когда запах крови похож на смех.

А что происходит в конце Нейлхауз-роуд? Облако, нет, туча жужжащих существ, которые кружат над Джеком Сойером в умирающем свете дня, светится изнутри, словно страницы священной книги. Существа слишком малы, чтобы сойти за колибри, но сияние исходит из каждого из них. Если это осы, Джеку Сойеру грозит серьезная беда. Но они не жалят. Их круглые тельца скользят по лицу и рукам, мягко трутся о кожу, как кошка трется о штанину своего хозяина, доставляя и получая от этого удовольствие.

Сейчас они доставляют больше удовольствия, чем получают, и даже Джек не может объяснить, почему так происходит. Существа, окружившие его, — не осы, колибри или кошки, это пчелы, домашние пчелы, и в обычной ситуации Джек испугался бы, попав в пчелиный рой. Особенно в рой столь больших пчел, суперпчел, таких видеть

ему еще не доводилось, ярко-золотых, ярко-черных. Однако Джек не чувствует страха. Если б они хотели ужалить его, то давно бы ужалили. С самого начала он понимает, что они не причинят ему вреда. Многочисленные касания их тел на удивление нежные и мягкие, жужжание низкое и гармоничное, мирное, как протестантский псалом. И после первых нескольких секунд удивления Джек просто им не мешает.

Пчелы поджимаются все ближе, их низкое жужжание пульсирует в ушах. Оно напоминает речь, песню. На мгновение он видит золотисто-черный кокон, который сплели вокруг него пчелы. А потом они садятся на его тело, лицо. Покрывают голову, как шлемом. Одеялом ложатся на руки, грудь, спину, ноги. Туфли полностью скрываются под ними. Несмотря на то что несть им числа, они практически невесомы. Ощущение такое, что открытые части тела — кисти рук, шею — укутали кашемиром. Плотный, легкий как перышко, пчелиный костюм переливается черным и золотым на Джеке Сойере. Он поднимает руки, и пчелы двигаются синхронно с ними.

Джек видел фотографии пчеловодов, облепленных пчелами, но это не фотография и он — не пчеловод. Его изумление, более того, искренняя радость, которую он находит в происходящем, потрясает. Пока пчелы облепляют его, он не помнит ни об ужасной смерти Мышонка, ни о смертельно опасной экспедиции, намеченной на следующий день. Кого он не забывает, так это Софи, и ему хочется, чтобы Нюхач и Док вышли из дома и увидели, что делается. Но особенно он жалеет о том, что этого не видит Софи. Хотя возможно, благодаря милосердию д'ямбы, видит. Кто-то успокаивает Джека, кто-то желает ему добра. Любящее, невидимое Присутствие предлагает ему поддержку. Эта поддержка ощущается как благословение. Упакованный в светящийся желто-черный пчелиный костюм, Джек чувствует, что полетел бы, если б потянулся к небу. Пчелы понесли бы его над лесами. Понесли бы его над холмами. Как крылатые люди в Долинах, которые

служили Софи, он бы обрел способность летать. Только вместо двух крыльев, его удерживали бы в воздухе многие тысячи пчелиных крылышек.

В нашем мире, думает Джек, пчелы возвращаются в улей к наступлению темноты. Будто вспомнив о привычном распорядке дня, пчелы снимаются с головы Джека, с его спины, живота, шеи, рук и ног, не вместе, как ковер, а по одной, группами в пять-шесть. Поднимаются чуть выше, образуют рой, летят на восток, над домами, стоящими на дальней от реки стороне Нейлхауз-роуд, и все до одной растворяются в темноте. А об их жужжании Джек вспоминает, лишь когда оно исчезает.

В те несколько секунд, пока он стоит, прежде чем продолжить путь к пикапу, у него создается ощущение, что кто-то наблюдает за ним. И даже... что? Ответ приходит в голову, когда он поворачивает ключ в замке зажигания «доджа»: его обнимали.

Джек и представить себе не может ни сколь важным для него будет тепло этого объятия, ни как его обнимут вновь, уже этой ночью.

Прежде всего он совершенно выдохся. Провел день, которому сам Бог велел закончиться чем-то сюрреалистичным, вроде объятия роя пчел: Софи, Уэнделл Грин, Джуди Маршалл, Паркус... этот катаклизм... необычная страшная смерть Мышонка Бауманна, все это вымотало его донельзя. Тело требует отдыха. Когда он выезжает из Френч-Лэндинга и дома уступают место полям и рощам, его так и подмывает свернуть на обочину и полчасика поспать. Сгущающаяся темнота обещает полноценный, несущий отдых сон, это его смущает: он может проспать в кабине пикапа всю ночь, а потом чувствовать ломоту в теле и суставах весь день, тот самый день, который ему надлежит встретить во всеоружии.

Сейчас он далек от лучшей формы, сейчас длинную дистанцию ему не пробежать. Сейчас им движет исключительно сила воли, но он думает, что все же сможет до-

браться до дома Генри Лайдена, не заснув. Может, Генри ударил по рукам с парнем с ESPN, может, Генри выйдет на более высокий уровень и будет зарабатывать больше денег. В принципе, Генри и так зарабатывает достаточно, жизнь у него налажена прекрасно, но Джеку нравится сама мысль, что у его друга вдруг прибавится денег. Генри сможет просто сорить деньгами, а Джеку почему-то хочется это увидеть. Какую дивную одежду сможет позволить себе Генри! Джек представляет себе, как едет с ним в Нью-Йорк, как они останавливаются в хорошем отеле вроде «Карлайта» или «Сент-Реджиса», как посещают полдюжины лучших магазинов мужской одежды, где он, Джек, помогает Генри выбрать все то, что ему хочется.

И как здорово новая одежда будет смотреться на Генри! Так уж получается, что все, что он надевает, выглядит куда лучше, чем на манекенах в магазине. У Генри безупречный вкус. Конечно, он отдает предпочтение классическому, несколько старомодному стилю. Узкой полоске, широкой клетке, «елочке». Ему нравится хлопок, лен, шерсть. Иногда он носит галстук-бабочку, эскот, маленькие носовые платки порой выглядывают из нагрудного кармана его пиджака. Из обуви выбирает туфли из мягкой, добротной кожи. Кроссовки и джинсы — не для него, и Джек никогда не видел на нем футболки с надписью. Любопытно, откуда у слепого столь безупречный вкус?

«О, — доходит до Джека, — все дело в его матери. Конечно же. Он унаследовал безупречный вкус от матери».

По какой-то причине от этого умозаключения на глаза наворачиваются слезы. «Я становлюсь излишне эмоциональным, когда устаю, — говорит он себе. — Поберегись, а не то эмоции захлестнут тебя с головой». Но определиться с проблемой и разрешить ее — большая разница, и он не может последовать собственному совету. Итак, Генри Лайден в выборе одежды всегда следовал вкусу матери. Как это прекрасно и трогательно. Эта разновидность верности восхищала Джека больше всего: верность, о которой не говорят вслух. Генри, возможно, многое позаимствовал у

матери: остроумие, любовь к музыке, уравновешенность, полное отсутствие жалости к себе. Уравновешенность и отсутствие жалости к себе — отличная комбинация, думает Джек, указывающая на храбрость.

И Генри действительно храбр, напоминает себе Джек. Более того, бесстрашен. Странно слушать, когда он говорит о том, что может водить автомобиль, но Джек не сомневается, что его друг, если б ему позволили, уселся за руль ближайшего «крайслера», завел двигатель и выехал на хайвей. Причем не прыгал бы от восторга и не старался показать всем и вся, какой он молодец, такое Генри просто претило. А спокойно смотрел бы в ветровое стекло и говорил: «Похоже, в этом году кукуруза сильно вымахала» или «Я рад, что Дуэн наконец-то покрасил свой дом». И кукуруза действительно стояла бы высокая, и Дуэн действительно покрасил бы свой дом, только источником информации для Генри служили бы не глаза.

Джек принимает решение: если ему удастся выбраться из «Черного дома» живым, он предоставит Генри возможность сесть за руль «доджа». Их поездка может закончиться в кювете, но зато он сможет лицезреть лицо Генри, ведущего автомобиль, а это дорогого стоит. В какую-нибудь субботу он позволит Генри проехаться по шоссе номер 93 до бара «Сэнд». Если Нюхача и Дока не сожрут вердоги[1] и они вернутся из похода на «Черный дом», им надо дать шанс насладиться беседой с Генри, с которым у них, как представляется Джеку, много общего. Нюхач и Док должны поближе познакомиться с Генри, они наверняка друг другу понравятся. Не пройдет и пары недель, как они усадят его на «харлей» и будут носиться из Сентралии в Норвэй-Вэлли и обратно.

Если бы только Генри мог пойти с ними в «Черный дом». Мысль эта наполняет Джека грустью, потому что реализовать ее невозможно. Генри храбр и неустрашим,

[1] Вердог — от английского weredog, по ассоциации с вервольфом (werewolf).

Джек это знает, но он предпочел бы лишь поговорить о том, как они вместе пошли бы в «Черный дом». Этот разговор, то ли у него в гостиной, то ли в гостиной Генри, доставил бы ему массу удовольствия, но в жизни Джек не может подвергать Генри такой опасности.

— Глупо даже думать об этом, — заявляет Джек вслух и сожалеет о том, что не был полностью откровенен с Генри. Вот где берет начало страх за Генри, который он сейчас испытывает. Причина — в его нежелании рассказать Генри обо всем. Ему следовало с самого начала ничего не утаивать. Красные перышки, яйца малиновки, нарастающее беспокойство. Генри помог бы ему открыть глаза, излечил бы от слепоты, которая принесла больше вреда, чем физическая слепота Генри.

Но теперь все это в прошлом, решает Джек. Больше никаких секретов. Раз уж ему так повезло и Генри одарил его своей дружбой, он покажет, что ценит ее. Теперь он расскажет Генри обо всем, даже о своем прошлом: о Долинах, о Спиди Паркере, о мертвеце на пирсе Санта-Моники, о бейсболке Тайлера Маршалла. О Джуди Маршалл. О Софи. Да, он должен рассказать Генри о Софи... как вышло, что он до сих пор не рассказал? Генри порадуется вместе с ним, и Джеку не терпится это увидеть. Генри умеет радоваться за друга, как никто другой. Смотреть на радующегося Генри такое удовольствие, что собственная радость увеличивается как минимум вдвое. Какой же у него потрясающий, просто потрясающий друг! Попытайся он рассказать о Генри незнакомому с ним человеку, ему бы не поверили. Сказали бы, что таких не бывает. Но ведь бывает, живет такой вот Генри Лайден в Норвэй-Вэлли округа Френч штата Висконсин, ждет, когда ему прочитают очередную главу «Холодного дома». Наверное, в ожидании Джека включил свет на кухне и в гостиной, как всегда включал в память о любимой, так рано умершей жене.

Джек думает: «Должно быть, я не так уж плох, раз у меня есть такой друг».

И еще думает: «Я просто обожаю Генри».

Теперь, даже в темноте, все кажется ему прекрасным. Бар «Сэнд», сверкающие неоном огни его просторной стоянки, силуэты деревьев, которые выхватывают из темноты фары на поворотах шоссе номер 93, широкие поля, лампочки, перемигивающиеся, как рождественские гирлянды на крыльце «Магазина Роя». Джек переезжает мост и сворачивает налево, в долину. Видит по левую руку первый из фермерских домов, с ярко освещенными окнами. Все вокруг пронизано высшим смыслом, все говорит о вечном. Он едет в благоговейной тишине по священной роще. Джек помнит, как Дейл впервые привез его в эту долину, и эти воспоминания тоже священны.

Джек этого не ощущает, но слезы текут по его щекам. Кровь поет в жилах. Белая краска стен фермерских домов светится в темноте, и из темноты выступают головки тигровых лилий, которые приветствовали его еще в первый приезд в Норвэй-Вэлли. Тигровые лилии сверкают в свете фар, словно что-то шепчут, затем остаются позади. Их неразборчивые слова сливаются с шорохом колес, неустанно вращающихся, с каждым поворотом приближающих его к теплому дому Генри Лайдена. Джек знает, что завтра он может умереть, что эта ночь, возможно, последняя в его жизни. Да, он должен победить, но это не означает, что победа обязательно будет на его стороне. Гордые империи и благородные эпохи часто терпели поражения, Алый Король, возможно, вырвется из Башни и в ярости пронесется по мирам, сея хаос.

Они все могут умереть в «Черном доме»: он, Нюхач, Док. Если такое случится, Тайлер Маршалл станет не просто Разрушителем, не просто рабом, прикованным к веслу в не знающем бега времени чистилище, но Суперразрушителем, атомной бомбой, с помощью которой аббала превратит все миры в гигантский костер, наполненный горящими телами. «Только через мой труп», — думает Джек, и истерический смешок срывается с его губ: это не фигуральное выражение, а реальная ситуация.

Как такое может быть? Он смеется, вытирая со щек слезы. Парадокс этот наводит на мысль, что его словно раздирает надвое. Красота и ужас, красота и боль — и от этого никуда не деться. Уставший, измотанный Джек тем не менее остро ощущает удивительную хрупкость окружающего мира, его непрерывное, неустанное движение к смерти, осознает, что в этом движении заложен смысл существования. Ты видишь всю эту захватывающую дух красоту? Приглядись повнимательнее, потому что через мгновение сердце твое остановится.

Но тут он вспоминает окутавший его рой золотистых пчел: именно от этого они и защищали его, именно от этого. От блаженства блаженств, которое исчезает. То, что любишь, надо любить еще сильнее, потому что наступит день, когда оно может уйти. Так и есть, но очень уж этого не хочется.

В темноте ночи он видит гигантский силуэт Алого Короля, который держит в руке маленького мальчика. Хочет использовать его вместо зажигательного стекла, чтобы превратить миры в пепелища. Паркус, конечно, прав: он не может уничтожить гиганта, но, возможно, ему под силу спасти мальчика.

Пчелы говорили: «Спаси Тая Маршалла».

Пчелы говорили: «Люби Генри Лайдена».

Пчелы говорили: «Люби Софи».

Так слышал Джек. Он полагает, что они также говорили: «Делай свою работу, копписмен». Что ж, именно этим он и занимается. Делает свою работу. После стольких чудес ему просто не остается ничего другого.

На душе становится теплее, когда он сворачивает на подъездную дорожку к дому Генри. Ведь Генри — еще одно чудо, не так ли?

Сегодня, дает себе слово Джек, он доставит огромную радость несравненному Генри Лайдену. Расскажет всю историю, сагу о своем удивительном путешествии, имевшем место быть двадцать лет тому назад. Проклятые земли, Рациональный Ричард, Эйзеридж, Талисман — ни-

чего не останется за кадром. А его пребывание в Оутли и «Доме солнечного света»! Генри будет внимать каждому слову. А Волк!

От Волка Генри просто придет в восторг. О Волке он будет слушать, затаив дыхание. И каждое слово Джека станет его извинением за долгое молчание.

А когда он закончит свой рассказ, выложит все как на духу, мир, этот мир, изменится, потому что в нем появится еще один человек, знающий полную версию случившегося с ним. Джек даже представить себе не может, какое облегчение он испытает, когда рухнет стена одиночества, отделяющая его от остального мира, даже мысль об этом наполняет душу радостью.

Теперь... это странно... Генри не включил свет, дом выглядит темным и пустым. Должно быть, он заснул.

Улыбаясь, Джек выключает двигатель, вылезает из кабины пикапа. Опыт говорит ему, что Генри проснется, как только он войдет в гостиную, да еще будет утверждать, что вовсе и не спал. Однажды, когда Джек также застал его в темноте, он заявил: «Просто я давал отдых глазам». Но что происходит сегодня? Он вроде бы собирался готовить передачу ко дням рождения Лестера Янга и Чарли Паркера. Решил, что темнота позволит лучше сосредоточиться? Он хотел поджарить на ужин рыбу. Пришел к выводу, что рыба, поджаренная в темноте, лучше на вкус? Впрочем, он, Джек, готов съесть любую рыбу. И возможно, они отпразднуют новый договор Генри с ESPN!

— Генри? — Джек стучит в дверь, открывает, заглядывает внутрь. — Генри, притворщик, ты спишь?

Генри не отвечает, и вопрос Джека растворяется в царящей в доме темноте. Он ничего не видит. Комната — двухмерное черное полотно.

— Эй, Генри, я уже здесь. И хочу рассказать тебе потрясающую историю!

В ответ — мертвая тишина.

— Эй, — говорит Джек, переступает порог. Мгновенно инстинкт самосохранения поднимает тревогу: «Уходи,

беги, сматывайся!» Но почему у него возникло такое чувство? Это же дом Генри, он бывал в нем сотни раз, он знает, что Генри или заснул на софе, или решил прогуляться к дому, его дому. Джек склоняется к мысли, что так оно и есть. Генри получил фантастическое предложение от представителя ESPN, не смог усидеть на месте (такое может случиться даже с Генри Лайденом, пусть для этого требуется нечто большее, чем для обычных людей) и отправился к Джеку, чтобы поделиться с ним своей радостью. А поскольку Джек не вернулся ни к пяти, ни к шести часам, решил его подождать. И сейчас, должно быть, спит на софе Джека, а не на собственной.

Все это вполне вероятно, но никак не согласуется с сигналами, которые посылают ему нервные окончания: «Уходи! Скорее! Нечего тебе здесь делать!»

Он снова зовет Генри, но ответ тот же — молчание.

Прекрасное настроение, в котором он въехал в Норвэй-Вэлли, исчезает бесследно, но Джек об этом даже не думает, в голове совсем другие мысли. Будь он детективом отдела расследования убийств, это тот самый момент, когда надо доставать оружие. Джек входит в гостиную. Два сильных запаха ударяют в нос. Один — аромат духов, второй...

Он знает, что это за запах. Его присутствие означает, что Генри мертв. Часть Джека, не коповская, спорит, что запах крови не обязательно свидетельство смерти. Генри ранили в схватке, и Рыбак утащил его в другой мир, как Тайлера Маршалла. И Генри сейчас спрятан где-нибудь в Долинах, с тем чтобы куда-нибудь заманить Джека или сделать более сговорчивым. Возможно, он и Тай сидят в одном месте, ожидая спасения.

Джек знает, что это фантазия. Генри мертв, и убил его Рыбак. Так что сейчас он должен найти тело. Он — копписмен, следовательно, пора приниматься за работу. Меньше всего на свете ему хочется смотреть на труп Генри, но это решительно ничего не меняет. Печаль бывает разная, но та, что формируется в Джеке Сойере, похожа на гранитную скалу. Она замедляет шаг Джека, сжимает

его челюсти. Когда он тянется к выключателю, печаль направляет его руку в нужное место, словно это рука Генри.

Он смотрит на стену, когда вспыхивает свет, так что комнату видит лишь периферийным зрением. Разгрома, как он опасался, вроде бы нет. Торшер лежит на полу, повален стул. Но, когда Джек поворачивает голову, в глаза бросаются два более серьезных изменения. Первое — красная надпись на противоположной, кремового цвета стене. Второе — количество крови на полу. Кровавые пятна определяют маршрут Генри, сначала в гостиную, потом — из нее. Кровавый след начинается в холле и ведет за софу, где скопилась целая лужа. Вторая лужа — под длинным столом, где Генри держал переносной проигрыватель для лазерных дисков и те си-ди, которые хотел прослушать вечером. Из-под стола новый след ведет обратно в холл. Джеку ясно, что когда Генри выполз из-под стола, он практически истек кровью. Если, конечно, он выполз оттуда сам, посчитав, что опасность миновала.

Пока Генри лежал мертвый или умирал, Рыбак использовал часть своей одежды (рубашку? носовой платок?) вместо кисти. Макал ее в кровь за софой и писал на стене буквы, забрызгав ее красными каплями. Повторял и повторял процесс, пока на стене не появилась надпись:

ПРИВЕТ ГОЛЛИВУД ПОПРОБУЙ ДОСТАТЬ МЕНЯ
АК АК АК АК

Но Алый Король не мог сам написать свои инициалы, как не мог написать их и Чарльз Бернсайд. Их оставил на стене хозяин тела Рыбака, чье имя для наших ушей звучит как мистер Маншан.

«Не волнуйся, скоро я приду за тобой», — думает Джек.

В этот момент никто бы не стал осуждать его, выйди он за дверь, где воздух не пропитан духами и запахом крови, и набери по сотовому телефону номер полицейского участка на Самнер-стрит. Может, сегодня дежурит Бобби Дюлак. Может, даже Дейл еще не уехал домой. Чтобы выполнить

свой гражданский долг, ему достаточно произнести восемь или девять слов. А потом останется только положить сотовый в карман, сесть на крыльцо и дожидаться появления на подъездной дорожке слуг закона. Приедет их много, на четырех или пяти машинах. Дейлу придется позвонить детективам из управления полиции Висконсина, Браун и Блэк сочтут необходимым поставить в известность агента ФБР. Через сорок пять минут гостиную Генри заполнят люди, которые будут что-то замерять, что-то записывать, что-то фотографировать. Здесь будут судебный медик и технические эксперты. А когда все они закончат работу, двое санитаров в белых халатах вынесут носилки через переднюю дверь и загрузят их вместе с содержимым в кузов автомобиля, на котором приехали.

Обо всем этом Джек думает не больше пары секунд. Он хочет увидеть, что Рыбак и мистер Маншан сделали с Генри, должен увидеть, выбора у него нет. Печаль этого требует, а если он не повинуется желанию печали, то никогда более не станет самим собой.

Печаль, которая, как стальной сейф, упрятала внутрь себя любовь к Генри Лайдену, ведет его в глубь гостиной. Джек движется медленно, выбирая места, куда поставить ногу, словно человек, переправляющийся через речку по торчащим из воды камням. Выискивает чистые участки пола. Со стены большие, длиной восемь дюймов, красные буквы насмешливо наблюдают за его успехами:

ПРИВЕТ ГОЛЛИВУД

Подмигивают ему, словно неоновая вывеска:

ПРИВЕТ ГОЛЛИВУД ПРИВЕТ ГОЛЛИВУД
ПОПРОБУЙ ДОСТАТЬ МЕНЯ
ПОПРОБУЙ ДОСТАТЬ МЕНЯ

Ему хочется ругаться, но печаль не позволяет Джеку произнести слова, которые просятся на язык. В начале коридора, ведущего в студию и на кухню, он переступает через длинный кровавый след и поворачивается спиной к подмигивающему неону. Свет из гостиной проникает в

коридор на три или четыре фута. В кухне — непроницаемая тьма. Дверь в студию приоткрыта, верхняя стеклянная панель поблескивает отраженным светом.

В коридоре все залито кровью. Приходится наступать на нее, но он продвигается вперед, не отрывая глаз от приоткрытой двери. Генри Лайден никогда не оставил бы ее в таком виде; он всегда закрывал дверь, если находился в студии. Генри был аккуратистом. По-другому просто не мог: оставь он дверь приоткрытой, наткнулся бы на нее, направляясь в кухню. Кровь, беспорядок, оставленный убийцей, выводят Джека из себя, хоть он и не хочет этого признавать. Джек в ярости: как Рыбак посмел посягнуть на его друга?!

Он добирается до двери, прикасается к ней, открывает шире. В воздухе висит концентрированная смесь аромата духов и запаха крови. В студии лишь на самую малость светлее, чем на кухне. Джек различает только контуры пульта управления да прямоугольники колонок, закрепленных на стене. Окно в кухню — черное, непроницаемое полотнище. Держась рукой за дверь, Джек приближается к порогу и видит, ему кажется, что видит, спинку стула и очертания человеческой фигуры на нем. Только сейчас до него доносится шипение вращающейся бобины.

— Боже мой, — выдыхает Джек в одно слово, словно ожидал увидеть совсем другое. Звук перематывающейся пленки окончательно убеждает его, что Генри мертв. Печаль Джека берет верх над неистовым желанием выскочить из дома и позвонить всем копам Висконсина, чтобы они помогли ему повернуть выключатель в студии. Он не может уйти, он должен засвидетельствовать случившееся, как в случае с Ирмой Френо.

Его пальцы находят выключатель, замирают на нем. К горлу подкатывает тошнота. Он щелкает выключателем, вспыхивает свет.

Генри сидит на кожаном вращающемся стуле, наклонившись над столом, держась обеими руками за свой антикварный микрофон. Он по-прежнему в черных очках, но одна из тонких металлических дужек погнута. Поначалу

Джеку кажется, будто все окрашено в красное, ибо кровью залита вся поверхность стола и стоящее на нем оборудование. Со стола кровь капала на брюки Генри. Часть щеки Генри откушена, на правой руке недостает двух пальцев. На взгляд Джека, который фиксирует все детали, основной источник кровопотери — рана на спине. Она скрыта пропитанной кровью одеждой, но большая часть крови попала на пол, когда лилась со стула. Должно быть, Рыбак разрезал какой-то внутренний орган, а может, повредил артерию.

Совсем немножко крови, если не считать клавиш управления, на студийном магнитофоне. Джек с трудом вспоминает, как он работает, но ему не раз доводилось видеть, как Генри меняет бобины местами, так что Джек помнит, что нужно делать. Вставляет ленту в щель головки, свободный конец закрепляет на пустой бобине, нажимает клавишу «REWIND». Лента плавно скользит, перематываясь с одной бобины на другую.

— Ты сделал эту запись для меня, Генри? — спрашивает Джек. — Готов поспорить, что да, но, я надеюсь, ты умер не для того, чтобы сообщить мне уже известное.

Пленка останавливается. Джек нажимает клавишу «PLAY» и ждет, затаив дыхание.

Из динамиков гремит голос Джорджа Рэтбана: «Девятый иннинг, и наша команда готовится отправиться в душевую. Но игра не ЗАКОНЧЕНА, пока ЖИВ последний СЛЕПОЙ!»

Джек приваливается к стене.

Голос Генри Шейка заполняет комнату и говорит ему о том, что надо звонить в «Макстон». Прорезается Висконсинская крыса и кричит о «Черном доме». Шейк, Шейк, Шейк и Джордж Рэтбан о чем-то спорят, и Шейк берет верх. Джек этого не выдерживает; он не может остановить поток слез, даже и не пытается. Пусть текут.

Последний репортаж Генри потрясает его до глубины души. В этом весь Генри. Генри Лайден боролся за жизнь до последнего, переключаясь с одной своей личности на

другую, и они сделали все, что требовалось. Это была верная и надежная команда, Джордж, Шейк и Крыса, и они пошли на дно вместе с кораблем, впрочем, выбора у них и не было. Голос Генри Лайдена появляется вновь и слабеет с каждой фразой. Умирающий голос Генри говорит, что он прожил прекрасную жизнь. Голос понижается до шепота, чтобы произнести последние два слова: «Привет, Жаворонок». Джек слышит в этих словах улыбку.

Плача, Джек выходит из студии. Ему хочется плакать и плакать, пока не останется слез, но он не имеет права подвести ни себя, ни Генри. Он плетется по коридору, вытирает глаза, ждет, пока гранитная печаль поможет ему справиться с горем. Она поможет ему и в решительной схватке с «Черным домом». Печаль не позволит ему потерпеть поражение. Она укрепит его в решимости победить.

Призрак Генри Шейка шепчет: «Джек, эта печаль никогда не покинет тебя. Ты к этому готов?»

— И не хочу, чтобы было иначе.

«Не покинет никогда. Куда бы ты ни пошел, что бы ни делал. В любом из миров. С каждой женщиной. Если у тебя будут дети, она достанется им. Ты будешь слышать ее в музыке, видеть в книгах. Она станет частью твоей еды. На веки вечные. Во всех мирах. В «Черном доме».

— Я — эта печаль. Она — это я.

Шепот Джорджа Рэтбана в два раза громче шепота Шейка, Шейка, Шейка: «Ну что, сынок, могу я услышать, как ты говоришь Д'ЯМБА?»

— Д'ямба.

«Как я понимаю, ты знаешь, почему пчелы обнимали тебя. Не пора ли тебе позвонить?»

Да, пора. Но он больше не может оставаться в залитом кровью доме, он должен выйти в теплую летнюю ночь. Ставя ноги куда попало, Джек пересекает залитую кровью гостиную и выходит за дверь. Печаль шагает вместе с ним, ибо он — это она, а она — это он. Огромное небо раскидывается над его головой, все в звездах. Из кармана появляется верный сотовый телефон.

И кто снимает трубку в полицейском участке Френч-Лэндинга? Естественно, Арнольд «Ручной Фонарь» Храбовски, с новым прозвищем и только что возвращенный на службу. Новость Джека приводит Храбовски в состояние крайнего возбуждения. Что?

Господи! О нет. В это невозможно поверить! Что? Да, сэр, я займусь этим немедленно, можете не беспокоиться.

И пока бывший Бешеный Мадьяр, борясь с дрожью в руках и голосе, набирает домашний номер чифа и сообщает ему информацию, полученную от Джека, последний уходит от дома Генри, уходит от подъездной дорожки и пикапа, от всего, что напоминает ему о людях, уходит на луг, в высокую желто-зеленую траву. Печаль ведет его, ибо печаль лучше знает, что ему сейчас нужно.

Прежде всего ему необходим отдых. Сон, если он сможет спать. Место на уровне земли, подальше от перемигивания красных огней, воя сирен и яростных, энергичных полицейских. Подальше от всей этой безнадеги. Место, где человек может лечь на спину и видеть небо. Отмахав полмили, Джек находит такое место, между кукурузным полем и скалистым склоном холма, вершина которого поросла лесом. Опечаленный рассудок приказывает утомленному телу лечь. Тело повинуется. Над головой звезды словно дрожат и вибрируют, хотя, разумеется, настоящие звезды в знакомом, реальном небе так себя не ведут, а потому все это — оптическая иллюзия. Джек вытягивается во весь рост, и полоска травы и земли под ним принимает форму его тела. Это, конечно, тоже иллюзия, поскольку настоящая земля твердая, не податливая, не упругая. Опечаленный рассудок Джека Сойера говорит утомленному телу, что надо спать, и, хотя это кажется невозможным, оно засыпает.

А уже через несколько минут спящее тело Джека Сойера начинает трансформироваться. Края расплываются, цвета тронутых сединой волос, светло-коричневого пиджака, бежевых туфель из мягкой кожи светлеют. Тело становится прозрачнее, все более напоминает сгусток ту-

мана или облако, наконец, сквозь него становятся видны смятые травинки, служащие ему матрацем. Чем дольше мы смотрим, тем более отчетливо видим траву, тем более прозрачным становится тело. Наконец, от него остается лишь легкое мерцание, которое исчезает задолго до того, как распрямляется примятая трава.

Глава 25

О, забудем об этом. Мы знаем, куда отправился Джек Сойер, исчезнув с края кукурузного поля, и мы знаем, кого он скорее всего встретит, когда попадет туда. Хватит об этом. Мы хотим поразвлечься, хотим оказаться в эпицентре событий! К счастью, у нас под рукой очаровательный старичок Чарльз Бернсайд. Такой, как он всегда готов расстараться. И подложит пердящую подушку под зад губернатора на банкете, и добавит в жаркое соуса, от которого тут же начинают слезиться глаза, и «пустит голубка» во время проповеди. А сейчас он появляется из унитаза во второй кабинке мужского туалета крыла «Маргаритка». Мы замечаем, что старина Берни, наш Берн-Берн, обеими руками прижимает к груди секатор для подрезки зеленой изгороди, который позаимствовал у Генри Лайдена, прижимает так нежно, будто это ребенок. По его костлявому правому предплечью змеится ножевая рана. Он ставит одну ступню, одетую в шлепанец другого жильца «Макстона», на ободок унитаза, опирается на нее, приподнимается и вторую ногу ставит уже на пол. Его рот кривится в злобной усмешке, глаза напоминают две пули, и мы не видим, что он хоть на йоту опечален. Кровь Генри Лайдена на штанинах его брюк, а вот рубашка потемнела от собственной крови, вытекшей из раны в животе.

Морщась, Берни открывает дверь кабинки и выходит в пустующий туалет. Флуоресцентные лампы на потолке отражаются от длинного зеркала, которое висит над раковинами. Белые плитки пола, спасибо Батчу Йерксе, который работает вторую смену (его сменщик напился и

не смог выйти на работу), блестят. В этой сверкающей белизне кровь на одежде Чарльза Бернсайда и его теле смотрится ярко-красной. Он снимает с себя рубашку и бросает в раковину, прежде чем направиться к дальнему концу туалета, где на стене висит шкафчик. К дверце приклеен кусок белого пластыря с надписью: «ПЕРЕВЯЗОЧНЫЕ СРЕДСТВА». Старики частенько падают в местах общего пользования, вот отец Шустрика и распорядился повесить шкафчики с перевязочными средствами там, где они могли понадобиться. За Берни на белых плитках остается кровавый след.

Берни вырывает несколько бумажных полотенец из раздаточного контейнера, смачивает водой, кладет на край ближайшей раковины. Потом открывает шкафчик, достает рулон пластыря и марлевые салфетки, отрывает полосу пластыря длиной примерно шесть дюймов. Вытирает кровь с кожи вокруг раны на животе, прижимает к ране мокрую бумагу. Убирает ее, заменяя марлевыми салфетками. Наклеивает сверху пластырь. Точно так же, не слишком умело, перевязывает рану на руке.

Нагибается и вытирает кровь с белых плиток пола.

Тяжело переставляя ноги, идет вдоль ряда раковин, открывает воду в той, где лежит его рубашка. Вода сразу становится красной. Берни трет рубашку, пока красный цвет не бледнеет до светло-розового. Довольный результатом, он выжимает рубашку, пару раз встряхивает, надевает. Она прилипает к телу, но Берни это не волнует. Об элегантности речь не идет, главное — не привлекать к себе лишнего внимания, как случилось бы, останься на рубашке кровавое пятно. Да, штанины понизу пропитаны кровью, и шлепанцы Элмера Джесперсона из желто-черных превратились в темно-красные, но он полагает, что мало кто удосужится взглянуть на его ноги.

В голове грубый голос продолжает твердить: «Быштрее, Берн-Берн, быштрее».

Берни допускает лишь одну ошибку: застегивая пуговицы мокрой рубашки, смотрит на свое отражение в зер-

кале. Увиденное повергает его в шок. Пусть красавцем он себя никогда не считал, обычно Чарльзу Бернсайду нравилось то, что показывало ему зеркало. По его разумению, выглядит он как человек, который знает, что почем: хитрый, непредсказуемый, изворотливый. Но на этот раз из зеркала на него смотрит совсем другой человек: слабоумный, выдохшийся, тяжело больной. Глубоко запавшие, воспаленные глаза, провалившиеся щеки, набухшие вены, змеящиеся по лысому черепу... даже нос выглядит более костистым и свернутым на сторону, чем раньше. Такими стариками, как он, пугают детей.

«Тофой тольхо пухать декей, Берн-Берн. Фремя шефалитша».

Не может он выглядеть так плохо, не правда ли? Если б выглядел, заметил бы раньше. Нет, мир видит Чарльза Бернсайда не таким. Просто туалет слишком уж белый, в этом все дело. Такая белизна лишает кожу цвета. Добавляет худобы. Умирающий ужасный старик шагает к зеркалу, и «старческие бляшки» на коже становятся темнее. Вид собственных зубов заставляет его закрыть рот.

Но его хозяин не дает ему покоя, тащит к двери, бормоча: «Фремя, фремя».

Берни знает, почему фремя: мистер Маншан хочет вернуться в «Черный дом». Мистер Маншан прибывает из краев, которые расположены бесконечно далеко от Френч-Лэндинга, и некоторые этажи «Черного дома», которые они строили вместе, выглядят как его родные места... самые глубинные этажи, куда Чарльз Бернсайд заходит редко. Там он чувствует себя загипнотизированным, у него сосет под ложечкой, силы покидают его. Когда он пытается представить себе мир, давший жизнь мистеру Маншану, перед его мысленным взором появляется темная, неровная земля, усеянная черепами. На голых склонах и вершинах холмов стоят дома, похожие на замки, которые меняют форму, а то и исчезают, стоит тебе моргнуть. Из расщелин доносится машинный грохот, перемежаемый детскими криками боли.

Бернсайд тоже хочет вернуться в «Черный дом», но по более прозаической причине: в комнатах наземных этажей он может отдохнуть, поесть консервов, почитать комиксы. Он обожает запах этих комнат, где пахнет тухлятиной, потом, засохшей кровью, плесенью, отбросами. Будь у него возможность дистиллировать этот аромат, он бы брызгался им, как одеколоном. Опять же, аппетитный малыш, по имени Тайлер Маршалл, сидит под замком в камере на другом уровне «Черного дома» и в другом мире, а Берни не терпится помучить маленького Тайлера, пройтись морщинистыми руками по гладкой, бархатистой коже мальчика. Тайлер Маршалл возбуждает Берни.

Но есть еще удовольствия, которые достижимы в этом мире, и уже время их получить. Берни заглядывает в щелку между дверью и дверным косяком и видит, что Батч Йеркса уступил усталости и мясному рулету из столовой. Он сидит на стуле, как огромная кукла, руки лежат на столе, толстый подбородок уютно устроился на шее. Очень удобный, аккурат по руке, камень, который Йеркса использует вместо пресс-папье, замер в нескольких дюймах от правой руки Йерксы, но Берни камень больше не нужен, поскольку у него есть более эффективное оружие. Он сожалеет о том, что слишком поздно оценил возможности секатора для подрезки живой изгороди. Вместо одного лезвия — два. Одно снизу, второе — сверху, чик-чик! О, такие острые! Он не собирался ампутировать слепому пальцы. Поначалу он воспринимал секатор как большой нож, но когда его пырнули в руку, он двинул секатором в сторону слепого, и лезвия сами отхватили тому пальцы, быстро и эффективно, как в старые времена чикагские мясники резали бекон.

Да, с Шустриком Макстоном удастся позабавиться на славу. Он и заслуживает того, что его ждет. Зеркало подсказало Берни, что ему недостает двадцати фунтов, может, и тридцати, и удивляться этому не приходится: посмотрите, чем кормят в столовой. Шустрик ворует деньги, отпущенные на еду, как ворует их по другим

статьям расходов. Правительство штата, федеральный бюджет, «Медикейд»[1], «Медикэр»[2], Шустрик обкрадывает всех. Пару раз, думая, что Чарльз Бернсайд ничего не соображает, Макстон подсовывал ему на подпись бланки, согласно которым старику делали операцию на простате, на легких. То есть деньги, которые «Медикэр» платит за фиктивные операции, идут прямиком в карман Шустрика, не так ли?

Бернсайд выходит в коридор и направляется к холлу, оставляя за собой кровавые следы. Поскольку он должен пройти мимо сестринского поста, секатор он засовывает за пояс и прикрывает сверху рубашкой. Над стойкой на сестринском видны дряблые щеки, очки в золотой оправе и жидкие волосы старой карги Джорджетт Портер. Могло быть и хуже, думает он. С тех пор как она влетела в М18 и застала его в чем мать родила мастурбирующим посреди комнаты, Джорджетт Портер трясет, когда она сталкивается с ним.

Она бросает на него короткий взгляд, усилием воли подавляет дрожь и возвращается к прерванному занятию. Наверное, вяжет или читает глупый детектив, в котором кот раскрывает преступление. Берни приближается к стойке, подумывая о том, чтобы познакомить секатор с физиономией Джорджетт, решает, что не стоит зря тратить силы и время. Добравшись до стойки, заглядывает за нее и видит, что в руках у Джорджетт книжка, как он и предполагал.

Она подозрительно смотрит на него.

— Ты сегодня роскошно выглядишь, Джорджи.

Она бросает взгляд в коридор, в холл и понимает, что придется разбираться с Берни самой.

---

[1] «Медикейд» — программа медицинской помощи неимущим, осуществляется на уровне штатов при финансовой поддержке федеральных властей.

[2] «Медикэр» — федеральная программа льготного медицинского страхования.

— Вы должны быть в своей комнате, мистер Бернсайд. Уже поздно.

— Не суй нос в чужие дела, Джорджи. Я имею право на прогулку.

— Мистер Макстон не любит, чтобы пациенты бродили по другим корпусам, так что, пожалуйста, оставайтесь в «Маргаритке».

— Босс еще на месте?

— Думаю, да.

— Хорошо.

Он поворачивается и тащится к холлу, когда она кричит вслед:

— Подождите!

Он оглядывается. Она встает, на лице тревога.

— Вы не собираетесь тревожить мистера Макстона, не так ли?

— Скажешь еще слово, и я потревожу тебя.

Одна ее рука поднимается к шее, и наконец она замечает кровь. Подбородок отваливается, брови взлетают.

— Мистер Бернсайд, в чем у вас шлепанцы? И штанины? Вы так наследили.

— Не можешь, значит, молчать, да?

Насупившись, он возвращается к сестринскому посту. Джорджетт Портер прижимается к стене, и прежде чем понимает, что ей надо бежать, Берни уже стоит перед ней. Она отрывает руку от шеи и выставляет вперед, в надежде, что его это остановит.

— Тупоголовая сука.

Берни выхватывает секатор из-за пояса, берется за рукоятки, легким движением, словно это веточки, отрезает ей пальцы.

— Дура.

Шок парализует Джорджетт. Она смотрит на кровь, текущую из четырех обрубков.

— Чертова идиотка.

Берни раскрывает секатор и вгоняет одно острие в шею Джорджетт. В горле у нее булькает. Она пытается схва-

титься за секатор, но Бернсайд выдергивает его из шеи и поднимает выше. Из обрубков хлещет кровь. На лице Бернсайда написано отвращение. Как у человека, который понимает, что придется очищать туалетный ящик кошки. Мокрое от крови лезвие он втыкает в правый глаз Джорджетт, и она умирает еще до того, как ее тело сползает по стене на пол.

В тридцати футах по коридору Батч Йеркса что-то бормочет во сне.

— Они никогда не слушают. — Бернсайд качает головой. — Стараешься, стараешься, а они не желают слушать, отсюда и результат. Доказывает, что они сами этого хотят... как те маленькие шлюхи в Чикаго. — Он выдергивает лезвие секатора из головы Джорджетт, вытирает оба лезвия о ее блузку. Воспоминания о маленьких чикагских шлюхах вызывают шевеление в его члене, который начинает набухать в штанах. «При-вет!» Ах... магия сладостных воспоминаний. Хотя, как мы видели, во сне у Чарльза Бернсайда частенько случается эрекция, в периоды бодрствования такого практически не бывает, так что ему хочется спустить штаны и посмотреть, на что он способен. Но вдруг проснется Батч Йеркса? Он же решит, что Берни возбудила Джорджетт Портер, вернее, ее труп. Вот этого не надо... совершенно не надо. Даже у монстра есть гордость. Лучше идти в кабинет Шустрика Макстона и надеяться, что его молоток не упадет до того, как придет время забить гвоздь.

Берни засовывает секатор за пояс и одергивает мокрую рубашку. Доходит до конца коридора «Маргаритки», пересекает пустынный холл, добирается до двери с металлической табличкой, на которой выгравировано: «УИЛЬЯМ МАКСТОН, ДИРЕКТОР». Ее и открывает, вызывая из памяти образ давно умершего десятилетнего мальчика Германа Флэглера, прозванного Пуделем, одной из своих первых жертв. Пудель! Нежный Пудель! Эти слезы, эти рыдания боли и радости, это признание собственной беспомощности. Корочка грязи на ободранных коленях Пуделя,

его нежные подмышки. Горячие слезы, струйка мочи из перепуганного маленького крантика.

С Шустриком такого блаженства ждать не приходится, но Берни уверен, что толика удовольствия ему все-таки перепадет. И не стоит забывать про Тайлера Маршалла, который, связанный и беспомощный, ждет в «Черном доме».

Чарльз Бернсайд, шаркая ногами, тащится по маленькой, без единого окна, комнатушке Ребекки Вайлес, а перед глазами стоит бледнокожая, с ямочками, попка Пуделя Флэглера. Он берется за следующую ручку, выжидает секунду-другую, чтобы чуть успокоиться, бесшумно поворачивает ручку. Дверь приоткрывается. Шустрик Макстон, единственный монарх этого королевства, наклонился над столом и карандашом делает пометки в двух стопках бумаг. На его губах играет улыбка, глаза поблескивают, карандаш перебегает с одной стопки на другую, оставляя крошечные пометки. Шустрик полностью поглощен этим важным делом и замечает, что он не один, лишь когда гость, войдя в кабинет, пинком закрывает за собой дверь.

Когда дверь захлопывается, Шустрик раздраженно вскидывает голову и смотрит на незваного гостя. Но выражение лица меняется, едва он видит, кто перед ним.

— Значит, там, откуда вы приехали, в дверь не стучат, мистер Бернсайд? — спрашивает он с обезоруживающим добродушием. — Просто врываются в комнату, да?

— Именно так, — отвечает гость.

— Ну и ладно. По правде говоря, я намеревался поговорить с вами.

— Поговорить со мной?

— Да. Проходите, проходите. Присядьте. Боюсь, у нас может возникнуть небольшая проблема, поэтому я хочу заранее все обсудить.

— Ага, — кивает Берни. — Проблема. — Он отлепляет мокрую рубашку от груди, бредет к столу, оставляя за собой красные, пусть и не столь отчетливые, как в коридоре и холле, следы, которых Макстон не видит.

— Садитесь. — Шустрик указывает на стул, стоящий перед столом. — Пришвартуйтесь и расслабьтесь. — Это выражение Френки Шеллбаргера, начальника кредитного отдела Первого фермерского банка, которое не сходит с его губ на заседаниях местного отделения клуба «Ротари», и хотя Шустрик не очень-то представляет себе, как швартуются, само выражение ему нравится. — Нам надо поговорить по душам.

— Ага. — Берни садится, спина, спасибо заткнутому за пояс секатору, остается прямой как палка. — По душам так по душам.

— Да, да, совершенно верно. Эй, у вас мокрая рубашка? Так и есть. Это не дело, старина, вы можете простудиться и умереть, а это никому из нас не понравится, не так ли? Вам нужна сухая рубашка. Давайте посмотрим, что я могу для вас сделать.

— Не стоит беспокоиться, гребаная обезьяна.

Шустрик Макстон уже на ногах и одергивает свою рубашку, но слова старика заставляют его застыть. Он, однако, быстро приходит в себя, улыбается и говорит:

— Оставайтесь на месте, Чикаго.

Хотя при упоминании родного города по спине бежит холодок, лицо Бернсайда остается бесстрастным. Макстон выходит из-за стола, направляется к двери. Бернсайд наблюдает, как директор выходит из кабинета. Чикаго. Где жили и умерли Пудель Флэглер, Сэмми Хутен, Фред Фрогэн и все остальные, благослови их Господь. С их улыбками и их криками. Как и все белые дети трущоб, с кожей цвета слоновой кости под коркой грязи, никому не нужные, всеми забытые. Тонкие косточки лопаток, грозящие прорвать прозрачную кожу. Детородный орган Берни шевелится и затвердевает, вспоминая прошлое. «Тайлер Маршалл, — воркует себе под нос Берни, — сладенький маленький Тай, мы с тобой славно поразвлечемся, перед тем как отдадим тебя боссу, да, обязательно поразвлечемся, обязательно».

Дверь хлопает за его спиной, вырывая из эротических грез. Но его конец по-прежнему в боевой стойке, как в те славные, но, к сожалению, далекие дни.

— В холле никого, — жалуется Макстон. — Эта старая коза... как ее там... Портер, Джорджетт Портер, готов спорить, пошла на кухню, набивать свой и без того толстый живот, а Батч Йеркса спит за столом. Так что прикажете мне делать? Шарить по палатам в поисках рубашки?

Он проходит мимо Бернсайда, всплескивает руками, садится за стол. Все это игра, а Берни видел артистов и получше. Шустрику Берни не провести, даже если он кое-что знает про Чикаго.

— Мне не нужна новая рубашка, — говорит он. — Подтиральщик.

Шустрик откидывается на спинку. Закидывает руки за голову.

Улыбается — этот пациент забавляет его, действительно забавляет.

— Ладно, ладно. Необходимости обзываться нет никакой. Ты больше меня не обманешь, старик. Больше и не пытайся изображать, что у тебя болезнь Альцгеймера. Я тебе не поверю.

Беседу он ведет легко и непринужденно, излучает уверенность картежника, у которого на руках четыре туза. Берни догадывается, что его собираются шантажировать, отчего грядущая месть становится еще слаще.

— Должен отдать тебе должное, — продолжает Шустрик. — Ты обдурил всех, включая меня. Это какую же надо иметь силу воли, чтобы имитировать последнюю стадию болезни Альцгеймера. Сидеть в кресле, как паралитик, кормиться с ложечки, дристать в штаны. Притворяться, что не понимаешь ни одного слова.

— Я не притворялся, козел.

— Так что неудивительно, что ты вдруг начал выздоравливать. Когда это произошло, год тому назад? Я бы на твоем месте проделал то же самое. Одно дело — дурить

всем голову, другое — превращаться в растение. Вот мы и устроили небольшое чудо, не так ли? Излечились от Альцгеймера, как от обычной простуды. Изумив всех. Ты вновь начал ходить, начал есть. У персонала убавилось работы. Ты по-прежнему один из моих любимых пациентов, Чарли. Или мне следует называть тебя Карл?

— Мне насрать, как ты меня называешь.

— Но Карл — твое настоящее имя, не так ли?

Берни даже не пожимает плечами. Он надеется, что Шустрик доберется до сути до того, как Батч Йеркса проснется, заметит кровавые следы, найдет тело Джорджетт Портер. Его, конечно, интересует рассказ Макстона, но он хочет добраться до «Черного дома» без особых помех. А Батч Йеркса скорее всего приложит все силы, чтобы его остановить.

Все еще полагая, что в игре в «кошки-мышки» кошкой является он, Шустрик улыбается старику в розовой рубашке.

— Сегодня мне звонил детектив из управления полиции штата. Сказал, что в банке данных ФБР опознали посланные туда отпечатки пальцев. Они принадлежат очень, очень плохому человеку, некоему Карлу Бирстоуну, который в розыске почти сорок лет. В 1964 году его приговорили к смертной казни за убийство малолетних детей, которых он и растлил, да только он удрал по пути в тюрьму, голыми руками убив двух охранников. И с тех пор как сквозь землю провалился. Сейчас ему должно быть восемьдесят пять, вот детектив и подумал, что этот Бирстоун — один из наших пациентов. Что ты можешь на это сказать, Чарльз?

Само собой, ни-че-го.

— Чарльз Бернсайд, конечно, не Карл Бирстоун, но некое сходство определенно присутствует, не правда ли? И у нас нет абсолютно никаких сведений о твоем прошлом. Так что ты у нас уникальный пациент. У каждого есть генеалогическое древо, а ты словно взялся из ниоткуда. Единственное, что нам известно, — твой возраст. Когда

ты попал в центральную больницу Ла Ривьеры, то заявил, что тебе семьдесят восемь. То есть ты того же возраста, что и разыскиваемый преступник.

Бернсайд улыбается во весь рот:

— Отсюда вытекает, что я — Рыбак.

— Тебе восемьдесят пять лет, и я сомневаюсь, что ты можешь гоняться за детьми по всему городу. Но я думаю, что ты — Карл Бирстоун, и копам все еще хочется добраться до тебя. Теперь самое время обратиться к письму, которое я получил несколько дней назад. Я собирался обсудить его с тобой, но ты знаешь, какими суматошными выдались эти дни. — Он выдвигает ящик стола и достает листок, вырванный из блокнота. — «Де Пер, Висконсин» — таков адрес отправителя. Даты нет. «Кого это касается» — это адресат. А теперь само письмо: «С сожалением сообщаю, что больше не могу вносить ежемесячные взносы на содержание моего племянника, Чарльза Бернсайда». И все. Вместо росписи она напечатала свои имя и фамилию. «Элти Бернсайд».

Шустрик кладет листок на стол, разглаживает его.

— Так что происходит, Чарльз? В Де Пере никакая Элти Бернсайд не живет, это я знаю точно..И она не может быть твоей теткой. Сколько ей должно быть лет? Как минимум сто. А скорее сто десять. Я в такое не верю. Но чеки приходили регулярно, как часы, с того момента, как ты поселился в «Макстоне». Какой-то приятель, может, давний партнер, заботился о тебе, друг мой. И мы хотим, чтобы он продолжал заботиться, не так ли?

— Мне без разницы, подтиральщик. — Если это и правда, то не вся. Берни знает, что ежемесячные платежи каким-то образом организовал мистер Маншан, а если платежи прекращаются, ну... что заканчивается вместе с ними? Он и мистер Маншан работают в паре, не так ли?

— Вот этого не надо, — качает головой Шустрик. — Я жду от тебя совсем другого. Ты должен мне помочь. А заодно и себе. Ты же не хочешь, чтобы тебя сажали в

камеру, снимали отпечатки пальцев, не говоря уже о том, что за этим последует. Лично мне не нужно, чтобы для тебя все так закончилось. Потому что настоящий плохиш во всей этой истории — твой друг. Мне представляется, что он, кем бы он ни был, забывает, что в прошлом ты оказал ему важную услугу, так? И теперь думает, что больше не обязан помогать тебе спокойно доживать свой век. Только это ошибка. Готов спорить, ты можешь прочистить ему мозги, объяснить, что к чему.

Детородный орган Берни, его шланг, помягчел и съежился, как проткнутый воздушный шарик, отчего настроение Берни только ухудшилось. С момента, как он вошел в кабинет этого склизкого воришки, он лишился чего-то очень важного: целенаправленности, всесильности, уверенности в себе. Он хочет побыстрее очутиться в «Черном доме». «Черный дом» вернет уму утерянное, ибо «Черный дом» — магия, черная магия. Вся горечь души Бернсайда вложена в его строительство, чернотой сердца пропитана каждая опора, каждая балка.

Мистер Маншан помог Берни увидеть возможности «Черного дома», внес немалую лепту в его сооружение. В «Черном доме» есть уголки, которые остаются для Чарльза Бернсайда загадкой, и его это пугает: в подземной части дома одно место связано с его тайным чикагским прошлым. Попадая туда, он слышит всхлипывания и жалобные крики сотен обреченных мальчиков, как и свои отрывистые команды и сладострастные стоны. Но по какой-то причине его прежние триумфальные победы нагоняют на него страх, он чувствует себя парией, а не господином. Мистер Маншан помог ему вспомнить масштабность его достижений, но от мистера Маншана нет никакого проку в другой части «Черного дома» — очень *маленькой*, состоящей из одной комнаты, вернее, из одного сейфа, в который упрятано его детство и куда он никогда, никогда не заходил. Один лишь намек на существование этой комнаты превращает Берни в младенца, оставленного замерзать на ветру.

Весть о предательстве Элти Бернсайд вызывает ту же реакцию, пусть и не такой силы. Это нетерпимо, он не желает это выносить.

— Да, — говорит Берни, — давай разберемся. Найдем выход из этой ситуации.

Он поднимается, и звук, доносящийся из центра Френч-Лэндинга, заставляет его ускорить свои движения. Это вой полицейских сирен, двух, а то и трех. Берни, конечно, в этом не уверен, но подозревает, что Джек Сойер нашел тело своего друга Генри, только Генри к тому моменту еще не умер и сумел сказать, что опознал голос убийцы. Джек позвонил в полицейский участок, и вот вам результат.

Шаг — и он уже у стола. Одного взгляда на бумаги достаточно, чтобы понять, чем занимался Шустрик.

— Двойная бухгалтерия, да? Ты не только подтиральщик, но еще и воришка.

За считаные секунды на лице Шустрика Макстона отражается едва ли не весь спектр человеческих эмоций: ярость, недоумение, замешательство, уязвленная гордость, злоба, изумление. И пока мышцы его лица пребывают в непрерывном движении, Берни достает из-за пояса секатор для подрезки живых изгородей. В кабинете они кажутся очень большими и еще более опасными, чем в гостиной Генри Лайдена.

Для Шустрика их лезвия — что косы. И когда Шустрик отрывает от них взгляд и смотрит на стоящего перед ним старика, то видит перед собой не человеческое — демоническое лицо. Глаза Бернсайда светятся красным, губы разошлись в жутком оскале, обнажив зубы, похожие на осколки разбитого зеркала.

— Не вздумай, приятель, — верещит Шустрик. — Полиция уже в холле.

— Я не глухой. — Берни втыкает одно из лезвий в рот Шустрика и смыкает их на потной щеке. Кровь льется на стол, глаза Шустрика вылезают из орбит. Берни тащит секатор на себя, из раны вылетают несколько зубов и часть

языка. Шустрик пытается схватить секатор. Бернсайд отступает на шаг и наполовину разрезает правую кисть Шустрика.

— Черт, острые, однако, лезвия, — цедит он.

Макстон выскакивает из-за стола, заливая все кровью и истошно вопя. А Берни, прицелившись, вонзает секатор в обтянутый синей рубашкой живот Шустрика. Когда выдергивает лезвия, Шустрик стонет, валится на колени. Кровь хлещет из него, как вода из перевернутого графина. Его тянет к земле, он опирается на локти. Мотает головой, что-то бормочет, вроде бы просит оставить его в покое. Налитые кровью глаза поворачиваются к Чарльзу Бернсайду, в них — мольба о пощаде.

— Нашел кого просить. — Бернсайд смеется, наклоняется, охватывает лезвиями шею Шустрика и практически отрезает ему голову.

Сирены ревут уже на Куин-стрит. Скоро полицейские побегут по дорожке, ведущей к парадной двери, ворвутся в холл. Бернсайд оставляет секатор на широкой спине Шустрика и сожалеет, что у него нет времени справить малую нужду на тело, а большую — в голову, но мистер Маншан торопит: «Фремя, фремя, фремя».

— Я не дурак, тебе нет нужды поучать меня, — отвечает Бернсайд.

Выходит из кабинета, из комнатенки мисс Вайлес. Уже в холле видит перемигивающиеся «маячки» двух патрульных машин, припаркованных за живой изгородью. Остановились они недалеко от места, где он крепко сжал рукой шею Тайлера Маршалла. Берни чуть прибавляет шагу. Когда добирается до коридора «Маргаритки», двое полицейских с детскими лицами проламываются сквозь живую изгородь.

Батч Йеркса уже стоит у стола, протирает глаза. Смотрит на Бернсайда и спрашивает:

— Что случилось?

— Выметайся отсюда, — отвечает Берни. — Отведи их в кабинет. Макстон ранен.

— Ранен? — Вместо того чтобы сдвинуться с места, Батч таращится на залитые кровью одежду и руки Бернсайда.

— Иди!

Батч поворачивается к холлу, и когда молодые полицейские влетают в большие стеклянные двери, постер Ребекки Вайлес давно уже снят, Батч кричит, указывая направо:

— Кабинет! Босс ранен!

Пока Йеркса общается с копами, Чарльз Бернсайд протискивается мимо него. Мгновением позже входит в мужской туалет крыла «Маргаритка» и прямиком направляется к одной из кабинок.

А как там Джек Сойер? Мы уже знаем. Да, мы знаем, что он заснул на краю кукурузного поля, у подножия холма в западной части Норвэй-Вэлли. Мы знаем, что тело его становилось все легче, все больше напоминало клок тумана или облако. Потом потеряло очертания, стало прозрачным. Джек, разумеется, при этом спал. И во сне, это мы можем только предположить, видел небо цвета скорлупы яйца малиновки, которое раскинулось над поместьем на Роксбери-драйв, что на Беверли-Хиллз, где Джеки шесть, шесть, шесть лет или двенадцать, двенадцать, двенадцать, а может, и шесть и двенадцать одновременно, а папа клево играет на трубе, трубе, трубе («Плевать на этот сон», — сказал бы вам Генри Шейк, последняя мелодия альбома Декстера Гордона «Папа играет на трубе»). В этом сне все отправились в путешествие и никто не отправился куда-то еще, странник-мальчик заполучил главный приз, а Лили Кавано Сойер поймала шмеля в стакан. Улыбаясь, она вынесла стакан со шмелем за двери и выпустила его. Вот шмель и путешествовал в Запределье и обратно; во время его путешествий миры двигались своим загадочным курсом, соприкасались, содрогались, отталкивались, и Джек тоже путешествовал своим загадочным курсом в бесконечно синее, цвета скорлупы яйца малиновки небо,

следуя за шмелем, возвращался в Долины, где и спал посреди затихшего поля. В том же самом сне Джек Сойер, человек моложе двенадцати и старше тридцати лет, сокрушенный горем и любовью, навещает некую женщину. И она ложится рядом с ним в постель из мягкой травы, и она обнимает его, и его благодарное тело познает блаженство ее прикосновений, поцелуев, благословения. Что они делали вдвоем в запредельных Долинах, нас не касается, поэтому мы и присоединяем наше благословение к благословению Софи и оставляем их блаженствовать в обществе друг друга, этих мальчика и девочку, этих мужчину и женщину.

Возвращение, естественно, сопровождается чистыми, насыщенными запахами земли и кукурузы, кукареканьем петуха на ферме кузенов Гилбертсона. Паутина поблескивает капельками росы возле покрытого мхом камня. Муравей ползет по запястью Джека, тащит травинку, изогнутую буквой V, в остром углу которой блестит и подрагивает крошечная капелька только что образовавшейся воды. Чувствуя себя дивно отдохнувшим, будто родившимся заново, Джек осторожно сбрасывает трудолюбивого муравья на землю, поднимается. Роса сверкает на его волосах и бровях. В полумиле от него, за полем, луг Генри раскинулся вокруг дома Генри. Тигровые лилии дрожат на холодном утреннем ветру.

Тигровые лилии дрожат...

Увидев капот своего пикапа, высовывающийся из-за дома, он вспоминает все. Мышонка, слово, которое дал Мышонку. Дом Генри, студию Генри, его предсмертное послание. К этому времени копы и эксперты уже должны уехать, залитый кровью дом опустеть. Дейл Гилбертсон и, возможно, детективы Браун и Блэк, наверное, сейчас ищут его. Детективы Джека не интересуют, а вот с Дейлом он хочет поговорить. Пора познакомить Дейла с некоторыми удивительными фактами. От этого глаза у Дейла, конечно же, полезут на лоб, но, как известно, не разбив яиц, ом-

лета не приготовить. Так что Дейлу придется выслушать все, что скажет ему Джек, потому что его верность и решительность нужны Джеку в грядущем путешествии по «Черному дому».

Проходя вдоль дома Генри, Джек касается стены губами, целуя дерево. «Тебе, Генри. От всех миров, от Тайлера Маршалла, от Джуди, от Софи и от меня. Генри Лайдену».

Сотовый, оставленный в кабине «доджа», сохраняет три сообщения, все от Дейла, которые он стирает, не прослушивая. Дома на автоответчике мигает красная цифра 4. Джек нажимает клавишу «PLAYBACK». Четыре раза Дейл, голос которого все больше переполняет отчаяние, просит Джека Сойера сообщить о своем местонахождении и переговорить с ним о смерти своего дяди и его друга Генри, а также о резне в «Макстоне». Дейл также хочет знать, что известно Джеку о некоем Чарльзе Бернсайде.

Джек смотрит на наручные часы и, подумав, что быть такого не может, переводит взгляд на часы в кухне. Нет, наручные часы не сбились со счета. 5.42 утра, и хорек все еще ползает за амбаром Рэнди и Кента Гилбертсонов. Усталость вдруг наваливается на него, более тяжелая, чем гравитация. Кто-то, конечно же, дежурит в полицейском участке на Самнер-стрит, но Дейл наверняка спит в своей кровати, а говорить Джек хочет только с Дейлом. Он широко, словно кот, зевает. Даже газету еще не привезли!

Он снимает пиджак и зевает вновь, еще шире, чем в первый раз. Может, кукурузное поле не столь уж удобно для сна: шея Джека не поворачивается, спина болит. Он заставляет себя подняться по лестнице, бросает одежду на банкетку в спальне, плюхается в постель. Над банкеткой висит солнечное полотно Фэрфилда Портера, и Джек вспоминает, как отреагировал на него Дейл в тот день, когда они распаковывали и развешивали картины. Он влюбился в пейзаж, как только увидел его, возможно, для Дейла стало откровением, что произведение живописи может произвести на него столь сильное впечатление. «Ладно, — думает Джек, — если нам удастся выйти из «Черного дома»

живыми, я подарю картину ему. И заставлю его ее взять: пригрожу порубить на куски и сжечь, если он откажется. Скажу, что иначе отдам ее Уэнделлу Грину!»

Его глаза уже закрываются, он заползает под простыню и исчезает, на этот раз только фигурально, из нашего мира. Ему снится сон.

Он идет по петляющей в лесу тропе, спускающейся по склону холма к горящему дому. Звери и чудовища ревут и воют по обе ее стороны, в основном не показываясь на глаза, но иной раз перед ним мелькают когтистые лапы, раздвоенные хвосты, перепончатые крылья. Их он отсекает тяжелым мечом. Рука болит, все тело ломит. Он теряет кровь, но не чувствует и не видит, где находится рана, знает только, что кровь медленно стекает по ногам. Люди, которые отправились с ним в поход, мертвы, и он сам, возможно, умирает. Он страшно сожалеет о том, что остался в полном одиночестве. Он в ужасе.

Горящее здание по мере приближения становится все выше и выше. Из него доносятся крики, по периметру стоят почерневшие деревья, дымятся пожарища. Периметр этот расширяется с каждой секундой, словно здание пожирает все живое. Все кончено: и горящее здание, и бездушное существо, которое одновременно его владыка и пленник, отпразднуют победу, оставшись одни в сожженном мире, аминь. Дин-та, великий огонь, сметает все на своем пути.

По его правую руку ветви деревьев гнутся, шелестят темными остроконечными листьями. Огромные стволы стонут, ветви переплетаются, создавая сплошную стену. Сквозь стену медленно, страшно медленно проступает серая, костлявая голова. Огромная, пять футов от подбородка до макушки, голова выдавливается из листьев, поворачивается из стороны в сторону в поисках Джека.

В голове все, что пугает его, вредит ему, желает ему зла как в этом мире, так и в Долинах. Лицо смутно напоминает ему человеческого монстра по имени Элрой, который пытался изнасиловать маленького Джека в захудалом

баре Оутли, потом Джек различает в лице черты Моргана из Орриса, преподобного Гарденера, Чарльза Бернсайда... А голова продолжает слепо поворачиваться из стороны в сторону, и все эти злобные лица накладываются друг на друга и сливаются в одно. Страх обращает Джека в статую.

Лицо, выступившее из стены листьев, смотрит вниз по тропе, а потом поворачивается к нему. Слепые глаза видят его, нос без ноздрей чует. Дрожь удовольствия пробегает по листьям, и лицо выдвигается дальше, увеличиваясь в размерах. Не в силах сдвинуться с места, Джек оборачивается и видит разлагающегося человека, который поднимается с узкой кровати. Человек открывает рот и кричит: Д'ЯМБА!

С сердцем, выпрыгивающим из груди, с криком, застрявшим в горле, Джек вскакивает с кровати и оказывается на ногах еще до того, как понимает, что проснулся. Его трясет. Пот бежит по лбу, крупные капли скатываются со щек на грудь. Наконец дрожь прекращается: он видит, что перед ним не гигантское лицо, проступающее сквозь стену из листьев, а знакомая обстановка спальни. На противоположной стене картина, которую он собирается подарить Дейлу Гилбертсону. Вытирает пот, успокаивается. Смотрит на часы. 9.47. Он проспал четыре часа, пора готовиться к путешествию.

Сорок пять минут спустя, принявший душ, побритый, одетый, позавтракавший, Джек звонит в полицейский участок и просит соединить его с чифом Гилбертсоном. В 11.25 он и Дейл, сомневающийся, жаждущий получить доказательства того, что история, рассказанная его другом, — не плод разыгравшегося воображения, выходят из машины чифа под единственным деревом на автостоянке у бара «Сэнд» и по горячему асфальту, мимо двух «харлеев», направляются к двери черного хода.

Часть четвертая

«ЧЕРНЫЙ ДОМ» И ЗА НИМ

Глава 26

Мы уже поговорили о соскальзывании, и для рассказчика сейчас, пожалуй, не самое удачное время касаться этого аспекта, но вы, наверное, согласитесь, что большинство домов — попытка затормозить соскальзывание, свести на нет. Попытка создать хотя бы иллюзию здравомыслия этого мира. Подумайте о Либертивилле, с его такими трогательными названиями улиц: Камелот, Авалон, Мейд-Мариан-уэй. Подумайте о маленьком, уютном домике в Либертивилле, где когда-то жили вместе Фред, Джуди и Тайлер Маршалл. И дом №16 по Робин-Гуд-лейн разве можно назвать иначе, чем одой повседневности, хвалебной песнью прозаичности? Мы можем сказать то же о доме Дейла Гилбертсона, Джека, Генри, не так ли? О большинстве домов во Френч-Лэндинге и его окрестностях. Разрушительный ураган, что пронесся по городу, не может изменить простого факта: дома противостоят соскальзыванию, скромно и неприметно выполняют эту важную работу. Они — средоточие здравомыслия.

«Черный дом» — все равно что «Хилл-хауз» Ширли Джексон, все равно что чудовищное сооружение, построенное в Сиэтле на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, «Роуз Рэд». Никаким здравомыслием там и не пахнет. Этому миру он принадлежит не полностью. Снаружи на него трудно смотреть: мерещится не пойми что, но, если

приглядеться, можно увидеть трехэтажное здание, габариты которого не поражают воображение, они достаточно ординарны. Цвет необычен, все так, мертвенно-черный, даже окна черные. Но есть в нем что-то неприятное, навевающее мысли о том, что эти три этажа — только видимость, однако, если отбросить отблеск других миров, дом этот может показаться самым что ни на есть обычным, таким же, как дом Джуди и Фреда... разве что не столь ухоженным.

Внутри, естественно, все выглядит по-другому.

Внутри «Черный дом» огромен.

Внутри «Черный дом», можно сказать, бесконечен.

Конечно же, люди попадают туда редко, но те, кто попадает, уже не возвращаются: заблудиться в «Черном доме» — пустяк. Обычно это бродяги, как взрослые, так и дети. Пропадают там и жертвы Чарльза Бернсайда/Карла Бирстоуна. Впрочем, что-то от них да остается: одежда, жалостливые надписи на стенах огромных и далеко не всегда трехмерных комнат, кучки костей. Иной раз попадается и череп, вроде тех, что вымывались из берегов реки в Ганновере в начале 1920-х годов, когда Фриц Харман держал в страхе весь город.

Заблудиться в «Черном доме» не пожелаешь и своему злейшему врагу.

Давайте пройдемся по комнатам, закуткам, коридорам и переходам «Черного дома», в твердой уверенности, что мы сможем вернуться во внешний мир, мир, сопротивляющийся соскальзыванию, когда захотим (и все равно нам как-то не по себе, когда мы спускаемся по лестницам, кажущимся бесконечными, или идем по коридорам, тянущимся за горизонт). Мы слышим низкое гудение и отдаленный грохот каких-то механизмов. Мы слышим посвист ветра, то ли за стенами, то ли на соседних этажах. Иногда мы слышим далекий, злобный лай и знаем, что это лает адский пес аббала (именно он искусал бедного Мышонка). Иногда мы слышим сардо-

ническое карканье и понимаем, что Горг тоже здесь... только не знаем, где именно.

Мы проходим по комнатам, где все порушено, и комнатам, которые великолепно обставлены. Многие из них, конечно же, больше дома, в котором они находятся. Наконец, мы добираемся до скромных размеров комнатушки, обстановку которой составляют старый, набитый конским волосом диван и выцветшие красные бархатные кресла. В комнате пахнет готовкой (где-то рядом кухня, куда заходить нам не следует... если мы не хотим каждую ночь видеть кошмары). Электрическим приборам как минимум семьдесят лет. Как такое может быть, спросите вы, если дом построили в 1970-х? Ответ прост: часть «Черного дома», большая часть «Черного дома», стоит здесь гораздо дольше. Шторы тяжелые и тоже выцветшие. Если не считать достаточно свежих вырезок, которые приклеены скотчем к ужасным зеленым обоям, эта комната пришлась бы к месту на первом этаже отеля «Нельсон». Комната одновременно мрачная и банальная, очень подходящее место для старого монстра, который укрылся от своих преследователей и теперь спит на старом диване в рубашке с красным пятном на животе. «Черный дом» ему не принадлежит, хотя при своем патологическом самомнении он думает иначе (и мистер Маншан его не разубеждает). Но эта комната точно его.

Вырезки рассказывают все, что нам нужно знать о смертоносных увлечениях Чарльза «Чамми» Бернсайда.

«"ДА, Я ЕЕ СЪЕЛ", — ЗАЯВЛЯЕТ АЛЬБЕРТ ФИШ», «Нью-Йорк геральд трибюн».

«ПРИЯТЕЛЬ БИЛЛИ ГАФФНИ УТВЕРЖДАЕТ: "СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕК СХВАТИЛ БИЛЛИ, ЭТО БЫЛО ПРИВИДЕНИЕ"», «Нью-Йорк уорлд телеграм».

«КОШМАР ГРЕЙС БАДД ПРОДОЛЖАЕТСЯ: ФИШ ПРИЗНАЕТСЯ!», «Лонг-Айленд стар».

«ФИШ ПРИЗНАЕТ: "ЖАРИЛ, ЕЛ"», «Нью-Йорк американ».

«ФРИЦ ХААРМАН, ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ МЯСНИК ГАННОВЕРА, КАЗНЕН 24-го», «Нью-Йорк уорлд».

«ВЕРВОЛЬФ ЗАЯВЛЯЕТ: «МНОЮ ДВИГАЛА ЛЮБОВЬ — НЕ ПОХОТЬ». ХААРМАН УМИРАЕТ, НЕ ПОКАЯВШИСЬ», «Гардиан».

«ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ГАННОВЕРСКОГО ЛЮДОЕДА: "ВЫ НЕ СМОЖЕТЕ МЕНЯ УБИТЬ, Я БУДУ СРЕДИ ВАС ВЕЧНО"», «Нью-Йорк уорлд».

Уэнделлу Грину эти вырезки понравились бы, не так ли?

Есть и другие. Помоги нам, Господи, их много, очень много. Процитирован даже Джеффри Дамер: «Я ХОТЕЛ ЗОМБИ».

Человек на диване стонет. Шевелится.

— Проши-пайша, Берни! — Слова вроде бы звучат в воздухе сами по себе, рот Берни тут ни при чем... хотя губы шевелятся, как у второсортного чревовещателя.

Берни стонет. Поворачивает голову налево.

— Нет... должен поспать. Все... болит.

Голова поворачивается направо, словно говоря, что вставать Берни не собирается, и вновь раздается голос мистера Маншана:

— Проши-пайша, они шкоро притти. Ты долшен уходить раньше.

Голова опять поворачивается влево. Еще не проснувшись, Берни думает, что мистер Маншан по-прежнему спокойно пребывает в его голове. Он забыл, что в «Черном доме» все иначе. Глупый Берни, пользы от него уже практически никакой. Но полностью отказываться от его услуг еще рано.

— Не могу... оставь меня в покое... болит живот... слепой... гребаный слепой проткнул мне живот...

Но, когда голова поворачивается обратно, голос звучит над правым ухом Берни. Тот отбрыкивается от голоса, не желает просыпаться, не желает терпеть боль. Рана, нанесенная слепым, гораздо серьезнее, чем показалась сначала. Берни убеждает назойливый голос, что мальчик надежно спрятан, что они не найдут его, даже если сумеют проникнуть в «Черный дом». Потеряются в бесконечности комнат и коридоров и будут бродить по ним, пока не умрут или не сойдут с ума. Мистер Маншан, однако, знает, что один из них отличается от всех тех, кто пытался попасть или попадал в «Черный дом». Джек Сойер знаком с вечным и потому представляет собой угрозу, с которой нельзя не считаться. Так что мальчика надобно увести отсюда, доставить в Конечный мир. Под сень Динта, великого огня. Мистер Маншан говорит Берни, что тот, возможно, сможет заполучить мальчика в свое полное распоряжение перед тем, как передать аббала, но не здесь. Слишком опасно. Извини.

Берни продолжает протестовать, но это сражение ему не выиграть, и мы это знаем. Спертый воздух комнаты уже начинает вибрировать и кружиться, потому что прибывает обладатель голоса. Сначала мы видим черный смерч, потом красное пятно (эскот?), наконец, подобие невероятно длинного белого лица, на котором доминирует один-единственный черный акулий глаз. Это и есть настоящий мистер Маншан, существо, которое вне «Черного дома» может жить только в голове Берни. Скоро он материализуется полностью, разбудит Берни (если понадобится, то и пыткой) и использует в своих целях, пока есть что использовать. Потому что сам мистер Маншан не может вывести Тая из его камеры в «Черном доме».

Как только мальчик окажется в Конечном мире, Шеоле, по терминологии Берни, ситуация изменится.

Наконец Берни открывает глаза. Его узловатые руки, пролившие так много крови, тянутся к телу, чтобы пощупать собственную кровь, сочащуюся сквозь рубашку. Он

смотрит, видит, как расползлось красное пятно, и кричит от ужаса и трусости. У него и мыслей нет, что, убив стольких детей, он заслужил возмездие — удар ножом, нанесенный ему слепым. Удар этот кажется ему чудовищной несправедливостью.

Впервые ему в голову приходит на редкость неприятная мысль: а вдруг придется платить за содеянное? Он видел Конечный мир. Видел Конджер-роуд, петляющую по нему и приводящую к Дин-та. Вывороченная, выжженная местность по обе стороны Конджер-роуд напоминает ад, и, конечно же, Ан-так, Большая комбинация, просто ад. Что, если его определят именно туда? Что, если...

Ужасная, парализующая боль пронзает внутренности. Мистер Маншан, полностью материализовавшийся, протягивает дымящуюся, уже непрозрачную руку и тычет ею в рану, нанесенную выкидным ножом Генри.

Берни кричит. Слезы текут по морщинистым щекам старика детоубийцы.

— Не мучай меня!

— Тохта делать, што я гофорить!

— Я не могу, — хнычет Берни. — Я умираю. Посмотри, сколько крови. Или ты думаешь, это царапина? Мне восемьдесят пять гребаных лет!

— Ушпокойша, Берн-Берн... по другую шторону ештъ те, кто беш проблем фылешить тфои раны. — На мистера Маншана, как и на сам «Черный дом», смотреть непросто. Он вибрирует, расплывается перед глазами. На этом отвратительно длинном лице (оно закрывает большую часть тела, как иной раз голова в газетных карикатурах) то два глаза, то один. Иногда на голове венчик рыжих волос, иногда Маншан такой же лысый, как Юл Бриннер. Только красные губы и торчащие между ними зубы остаются неизменными.

Берни с надеждой взирает на своего сообщника. Его руки при этом продолжают исследовать живот, твердый и бугристый. Берни подозревает, что бугры — это сгустки

свернувшейся крови. Неужели у него такое тяжелое ранение? Как такое могло случиться? Такого просто не могло случиться! Его же обещали оберегать! Защищать от...

— Фполне фошмошно, — говорит мистер Маншан, — что удаштша шбгошить ш тебя хгуш лет и ты фнофь фегнешына ф фошгашт, ф каком Хгиштош нашел шфою шмегть.

— Снова стать молодым. — Берни шумно выдыхает. Воздух, выходящий изо рта, пахнет кровью и гнилью. — Да, мне бы этого хотелось.

— Конешно. И такое фошмошно. — Мистер Маншан кивает находящимся в непрерывном движении лицом. — Это милость, котогую мошет дагофать аббала. Мне это не под шилу, Шаглып, мой догогой дгук. Но я могу дать тебе одно обешание.

Существо в черном смокинге и красном эскоте с удивительным проворством подскакивает к старику. Рука с длиннющими пальцами вновь ныряет в рубашку Чамми Бернсайда, сжимается в кулак и вызывает боль, которой старик убийца не испытывал никогда в жизни, хотя подвергал невинных куда более жестоким мукам.

Страшное лицо мистера Маншана нависает над Берни. Единственный глаз сверкает.

— Ты чуфстфуешь боль, Берни? Чуфстфуешь, старый козел? Хо-хо, ха-ха, конечно, чуфстфуешь. Это тфои фнутренностия держу в сфоей руке. И если ты не перестанешь тянуть фремя, я фырфу их из тфоего тела, хо-хо, ха-ха, и обмотаю фокруг тфоей шеи! Ты умрешь, зная, что тебя задушили тфоими же кишками! Этому фокусу я научился у самого Фрица, Фрица Хаармана, который был таким молодым и сильным! А теперь! Что ты скажешь? Ты его прифедешь или задохнешься?

— Я его приведу! — кричит Берни. — Я его приведу, только перестань, перестань, ты разрываешь меня!

— Прифеди его на станцию. Станцию, Берн-Берн. Этот парень не для крысиных нор, не для лисьих нор... не для Ком-би-на-ции. Никаких крофоточащих ношек

для Тайлера; он поработает на аббала фот этим. — Длинный палец с черным ногтем поднимается к огромному лбу и постукивает над глазами (в этот момент Берни видит два глаза, а через секунду на лице остается один). — Понятно?

— Да! Да! — Внутренности Берни в огне. А рука в рубашке все крутит и крутит их.

Огромное лицо мистера Маншана висит над ним.

— На станцию... куда ты прифодил других особенных.

— ДА!

Мистер Маншан убирает руку. Отступает на шаг. К радости Берни, начинает растворяться в воздухе, дематериализоваться. Желтые вырезки на стенах видны уже не за ним, а сквозь него. Но единственный глаз все висит над бледнеющим пятном эскота.

— Прошледи, штопы он пыл ф шапке. Этот опяшательно долшен пыть в шапке.

Берни энергично кивает. Его нос еще улавливает слабый аромат «Моего греха».

— Шапка, да, у меня есть шапка.

— Буть оштогошен, Берни. Ты штагый и раненый. Мальшишка молодой, и ему нешего тегять. Ошень быштый. Если он от тебя убешит...

Несмотря на боль, Берни улыбается. Чтобы кто-то из детей убежал от него. Даже из особенных. Что за бред!

— Не волнуйся... Только... если ты будешь говорить с ним... с аббала-дун... скажи ему, что меня еще рано списывать со счетов. Если он меня подлечит, то ему не придется об этом сожалеть. А если вернет мне молодость, я приведу ему тысячу детей. Тысячу Разрушителей.

Мистер Маншан все растворяется в воздухе. Теперь это едва заметное облако, зависшее посреди гостиной Берни в глубинах дома, который он покинул, лишь осознав, что кто-то должен заботиться о нем. Он сам, в силу преклонного возраста, на это не способен.

— Прифеди ему только этого, Берн-Берн. Прифеди ему только этого, и ты будешь фоснагращден.

Мистер Маншан исчезает. Берни встает, наклоняется над диваном. От этого движения боль в животе заставляет его вскрикнуть, но он не разгибается. Наоборот, лезет в темноту за диваном и достает потрепанный мешок из черной кожи. Уходит из комнаты, прихрамывая, держа мешок в одной руке, а вторую прижимая к кровоточащему, пульсирующему болью животу.

А как же наш Тайлер Маршалл, о котором на стольких страницах лишь говорят? Сильно ли ему досталось? Испуган ли он? Сумел ли сохранить ясность ума?

Что касается физического состояния — он получил сотрясение мозга, но голова уже не кружится. Шишка, конечно, осталась, но головной боли нет. А в остальном Рыбак разве что гладил его по руке и ягодицам (эти мерзкие прикосновения заставили Тайлера вспомнить о ведьме из сказки «Гензель и Гретель»). Что же касается душевного состояния... вы будете в шоке, но, в те самые мгновения, когда мистер Маншан заставляет Берни подняться со старого дивана, сын Фреда и Джуди счастлив.

Да. Счастлив. А почему нет? Он в «Миллер-парке».

«Милуокские пивовары» в этот сезон одолели всех своих соперников, посрамив тех, кто предсказывал, что к Четвертому июля они будут в самом низу турнирной таблицы. Что ж, до конца сезона еще далеко, но День независимости наступил и ушел, а «Брюэры» вышли на поле «Миллер-парка», чтобы сразиться в плей-офф с «Цинциннати». И они ведут игру главным образом благодаря бите Ричи Секссона, который перешел в «Милуоки» из «Кливленд Индиэнз» и «действительно набирает скальпы», как выражается Джордж Рэтбан.

«Брюэры» ведут в счете, и Тайлер присутствует на матче! ВЕЛИКОЛЕПНО! Не просто присутствует, но сидит в первом ряду. Рядом с ним — здоровенный, потный, красномордый, с банкой «Кингслендского» в руке, сам Великолепный Джордж, ревущий во всю мощь легких. Джереми Барниц из «Брюэрз» бежит к первой базе, и хотя полевые

игроки «Цинциннати» уже поймали мяч, нет сомнения (во всяком случае, у Джорджа Рэтбана), что осалить Барница они не успеют. Джордж вскакивает, его потная лысина блестит в сгущающихся сумерках, синие глаза сверкают (с такими глазами можно сказать многое, практически все, что угодно), и Тай ждет, ждет, что он скажет, лучший знаток бейсбола, и не только в округе Каули. По выражению его лица видно, что все хорошо, что никакого ужаса нет и в помине, что соскальзывание отменяется.

«ДАВАЙ, ПАРЕНЬ, БРОСАЙ МЯЧ! БРОСАЙ, ЕСЛИ ТЕБЕ ТАК УЖ НЕМОЖЕТСЯ! ДАЖЕ СЛЕПОЙ ВИДИТ, ЧТО ОН УЖЕ НА БАЗЕ!»

Зрители, которые сидят в секторе первой базы, откликаются на этот крик дружным ревом, а над ними реет на ветру огромный плакат: «"МИЛЛЕР-ПАРК" ПРИВЕТСТВУЕТ ДЖОРДЖА РЭТБАНА И ПОБЕДИТЕЛЕЙ "ПИВНОГО КОНКУРСА" KDCU ЭТОГО ГОДА». Тайлер вскакивает и садится, смеется, машет бейсболкой «Пивоваров». Радость его особенно велика, поскольку ему-то казалось, что в этом году он забыл отправить открытку для участия в конкурсе. Он полагает, что его отец (или мать) отправил открытку за него... и он победил! Нет, Главный приз ему не достался (подносить биты игрокам во всех играх плей-офф с «Цинциннати»), но, по его мнению, доставшийся ему приз даже лучше (не говоря уже о месте в первом ряду, среди остальных победителей конкурса). Разумеется, Ричи Секссон — не Марк Макгуайр, никто не умеет расправляться с мячом, как Большой Марк, но в этом году Секссон творит для «Пивоваров» чудеса, настоящие чудеса, и Тай Маршалл выиграл...

Кто-то дергает его за ногу.

Тай пытается поджать ногу, ему не хочется расставаться с этим сном (лучшее убежище от всех ужасов, что свалились на него), но рука не знает жалости. Дергает за ногу. Дергает и дергает.

— Проши-пайша, — скрипит неприятный голос, и сон начинает тускнеть.

Джордж Рэтбан поворачивается к Тайлеру, и происходит невероятное: глаза, еще несколько секунд назад ярко-синие, все подмечающие, становятся тусклыми и белесыми. «Боже, да он слепой, — думает Тайлер. — На самом деле Джордж Рэтбан...»

— Проши-пайша. — Неприятный голос все ближе. Тайлер знает, еще секунда — и сон полностью исчезнет.

Но прежде чем это происходит, Джордж успевает сказать ему несколько слов. Голос спокойный, не похожий на привычный рев радиокомментатора.

«Твои спасатели уже в пути, — говорит он. — Сохраняй хладнокровие, малыш. Сохра...»

— Проши-ПАЙША, говнюк!

Сдавленную грубыми пальцами лодыжку пронзает боль. С криком Тайлер открывает глаза. В этот момент он возвращается и в реальный мир, и в наше повествование.

Сразу вспоминает, где находится. Это камера с покрывшейся ржавым налетом железной решеткой, расположенная в каменном коридоре, который освещен тусклыми электрическими лампами. В одном углу — миска с какой-то похлебкой. В другом — ведро, куда он может справить малую нужду (или большую, если надо, но, к счастью, такого желания у него не возникало). Кроме миски и ведра, в камере только старый, рваный матрац, откуда Берни только что его стащил.

— Ну вот, — ворчит Берни. — Наконец-то проснулся. Это хорошо. А теперь поднимайся. На ноги, подтиральщик. Нет у меня лишнего времени.

Тайлер встает. Кружится голова, он подносит руку к макушке. К тому месту, на котором запеклась кровь. От прикосновения боль прошибает до челюсти, зато голова больше не кружится. Он смотрит на руку. На ней засохшая кровь. «Вот куда он ударил меня своим чертовым камнем. Ударил бы чуть сильнее, я бы уже играл на арфе».

Но и старику тоже досталось. Рубашка в крови, лицо восковое, бледное. За его спиной открытая дверь камеры.

Тай прикидывает расстояние до коридора, надеясь, что Берни не догадывается о его намерениях. Но Берни в этих делах — дока. Не один малыш пытался удрать от него на кровоточащих ножках, хо-хо.

Он сует руку в кожаный мешок и достает какое-то устройство с пистолетной рукояткой и блестящим стальным набалдашником на конце ствола.

— Знаешь, что это такое, Тайлер? — спрашивает Берни.

— «Тазер»[1], — отвечает Тай. — Не так ли?

Берни лыбится, обнажая остатки зубов.

— Умный мальчик! Наблюдательный. Не зря смотришь телевизор. Да, это «Тазер». Но специальная модель. Сваливает корову с расстояния тридцать ярдов. Понятно? Попытаешься бежать — я тебя тут же уложу. Пошли отсюда.

Тай выходит из камеры. Он понятия не имеет, куда этот ужасный старик собирается отвести его, но все равно испытывает облегчение, покинув камеру. Он знает, что был не первым ребенком, который пытался слезами усыпить себя на этом рваном матраце, даже не десятым.

Может, и не пятидесятым.

— Повернись налево.

Тай подчиняется. Теперь старик — позади него. А мгновение спустя костлявые пальцы ухватывает его за ягодицу. Старик проделывает это не в первый раз (и всегда мальчик вспоминает ведьму из сказки «Гензель и Гретель», которая просит заблудившихся детей выставить руки из своей клетки), но на этот раз прикосновение другое. Хватка явно слабее.

«Скорее помирай, — думает Тайлер... И мысль эта, холодной расчетливостью, могла бы принадлежать Джу-

[1] «Тазер» — специальное оружие, используемое полицией. С расстояния 5 м в тело преследуемого выпускаются две стрелки с зарядом 15 тысяч вольт, которые временно парализуют преступника, не вызывая отдаленных последствий. При непосредственном контакте вызывает электрошок.

ди. — Скорее помирай, старик, тогда мне не придется тебе в этом помогать».

— Это мое, — говорит старик... но дышит он тяжело, голосу недостает уверенности. — Половину сварю, половину поджарю. С беконом.

— Не думаю, что тебе удастся съесть много. — Тай удивлен спокойствию своего голоса. — Похоже, кто-то провентилировал тебе жи...

Слышится треск электрического разряда, боль пронзает левое плечо. Тай кричит, приваливается к стене коридора напротив своей камеры, пытается потереть пораженное место, пытается не плакать, пытается удержать остатки прекрасного сна, в котором он присутствовал на игре с Джорджем Рэтбаном и другими победителями «Пивного конкурса» KDCU. Он, конечно, знает, что в этом году забыл послать открытку-заявку на участие в конкурсе, но во сне такие мелочи значения не имеют. Тем-то и хороши сны.

Однако боль слишком сильна. И несмотря на все старания, несмотря на сильные гены, унаследованные от Джуди Маршалл, из глаз бегут слезы.

— Хочешь еще? — скрипит старик. Голос больной и истеричный, а это опасное сочетание, о чем знают даже мальчики в возрасте Тая. — Хочешь еще, для острастки?

— Нет, — выдыхает Тай. — Не надо бить меня электроразрядом, пожалуйста, не надо.

— Тогда шагай! И чтоб больше никаких комментариев.

Тай шагает. Он слышит, что где-то капает вода. Откуда-то издалека доносится карканье вороны, возможно, той самой, что подманила его к живой изгороди. Ему бы сейчас ружье Эбби двадцать второго калибра, он бы разметал дробью эти блестящие черные перышки. Но мир, в котором он прожил всю свою жизнь, похоже, за сотни световых лет от него. Джордж Рэтбан, конечно, сказал, что спасатели уже спешат к нему, и иногда сны оборачиваются явью. Мама как-то сказала ему об этом, задолго до того, как у нее поехала крыша.

Они подходят к винтовой лестнице, которая, кажется, ввинчивается в центр Земли. Из глубин поднимаются запах серы и жар огня. Вроде бы он слышит крики и стоны. А грохот машин определенно слышит. Зловещий скрип транспортеров и цепей.

Тай останавливается, думая, что старик применит «Тазер» лишь в случае крайней необходимости. Потому что Тай может упасть с этой длинной винтовой лестницы. Может удариться головой, может сломать шею, может свалиться вниз. А старику он нужен живым. По крайней мере, пока. Тай не знает почему, но доверяет своей интуиции.

— Куда мы идем, мистер?

— Узнаешь. — Берни тяжело дышит. — И ты ошибаешься, если думаешь, что я не решусь пощекотать тебя «Тазером», пока ты на лестнице. Шагай.

Тайлер Маршалл идет по ступеням, спускается мимо огромных галерей и широких балконов, по кругу и вниз. Иногда воздух пахнет кислой капустой. Иногда — сгоревшими свечами. Иногда — сыростью. Он насчитывает сто пятьдесят ступеней, перестает считать. Бедра горят. За спиной шумно дышит старик, дважды спотыкается, выругавшись, хватается за древние перила.

— Стой, паршивец. — У старика перехватывает дыхание. — Повернись ко мне.

Повернувшись, Тайлер удовлетворенно отмечает, что пятно на рубашке старика стало больше. Кровавые разводы ползут к плечам, пояс мешковатых старых джинсов потемнел. Но рука, держащая «Тазер», тверда.

«Черт бы тебя побрал, — думает Тайлер. — Тебе самое место в аду».

Старик поставил мешок на маленький столик. И стоит рядом, переводя дух. Потом сует одну руку в мешок (там звенит металл), достает мягкую коричневую шапку. Такие актеры вроде Шона Коннери носят в фильмах. Старик протягивает шапку ему:

— Надевай. И не пытайся схватить меня за руку, получишь электроразряд.

Тайлер берет шапку. Он ожидал, что шапка из фетра, но на ощупь это металл вроде жести. Он умоляюще смотрит на старика:

— А надо?

Берни приподнимает «Тазер», ощеривается.

С неохотой Тайлер надевает шапку.

На этот раз гудение наполняет голову. Он не может думать... но через мгновение это проходит, остается лишь слабость в мышцах и пульсирующая боль в висках.

— Особенным мальчикам нужны особенные игрушки, — говорит Берни, но с губ срываются «ошобенные мальшики, ошобенные иггушки». Как обычно, акцент мистера Маншана наложился на выговор южной части Чикаго, подмеченный Генри в записи телефонного разговора по линии 911. — Теперь мы можем идти.

«Потому что с шапкой на голове я в безопасности», — думает Тайлер, но отвергает эту мысль, едва она приходит. Он пытается вспомнить свое второе имя... и не может. Пытается вспомнить кличку той мерзкой вороны и не может... что-то вроде Корджи? Нет, это собака. Он понимает, что шапка не спасение, а помеха, ее предназначение — не дать ему сделать то, что он должен.

На этот раз они выходят через галерею во двор. В воздухе — запахи деревьев и кустов, растущих за «Черным домом». Запахи тяжелые, удушающие. Серое небо так низко, что его можно пощупать рукой. Пахнет серой и чем-то горьким. Грохот машин слышится здесь сильнее.

На разбитых кирпичах стоит тележка для гольфа. Тайлер видел такие тележки. Фирма-изготовитель — «E-Z-Go», модель «Тайгер вудс».

— Мой отец продает такие, — говорит Тайлер. — В «Гольце», он там работает.

— А откуда, по-твоему, она сюда попала, подтиральщик? Залезай. За руль.

Тайлер изумленно смотрит на него. Синие глаза, возможно, причина тому — шапка, налились кровью, не могут на чем-либо сфокусироваться.

— Я еще слишком мал, чтобы водить ее.

— Справишься. Ею может управлять даже младенец. За руль.

Тайлер подчиняется. По правде говоря, он уже водил такую тележку — на площадке у «Гольца», под присмотром отца, который сидел на пассажирском сиденье. Теперь на это место усаживается отвратительный старик, постанывая, держась рукой за проткнутый живот. Но «Тазер» в другой его руке по-прежнему нацелен на Тая.

Ключ в замке зажигания. Тай поворачивает его. Под ними, там, где аккумуляторы, что-то щелкает. На приборном щитке загорается зеленый прямоугольник с надписью «CHARGE». Теперь ему остается только давить на педаль акселератора. И естественно, рулить.

— Пока все хорошо. — Старик убирает правую руку с живота и указующе выставляет вперед заляпанный кровью палец. Тай видит заросшую травой и кустарником тропу. Раньше, должно быть, это была дорога, уходящая от дома. — Поехали. Только медленно. Если разгонишься, я тебя накажу. Попытаешься во что-то врезаться — сломаю тебе руку. Тогда будешь вести тележку одной рукой.

Тай давит на педаль. Тележка рывком трогается с места. Старика бросает вперед, он ругается, угрожающе машет «Тазером».

— Мне было бы легче, если б я мог снять шапку, — говорит ему Тай. — Пожалуйста, я уверен, что без шапки...

— Нет! Шапка остается! Поехали!

Тай вновь нажимает на педаль акселератора, уже мягче. «E-Z-Go» катится по двору, под новенькими шинами хрустит битый кирпич. Но вот двор остается позади, и они уже едут по заросшей тропе. Тяжелые ветви, влажные, холодные, касаются рук Тайлера. Он непроизвольно дергается. Тележку бросает в сторону. Берни тычет «Тазером» в бок мальчика:

— Еще раз так сделаешь, получишь полный разряд! Это я тебе обещаю!

Змея, извиваясь, переползает дорогу, и Тайлер испуганно вскрикивает. Он не любит змей, не хотел прикоснуться даже к маленькой, безобидному крапчатому полозу, которого миссис Лочер приносила в школу, а эта змея размером с питона, с рубиновыми глазами, а из пасти торчат ядовитые зубы.

— Давай! Поехали! — Старик сует «Тазер» ему под нос. Из-за шапки гудит в ушах. За ушами.

Дорога поворачивает налево. Над ней нависло дерево, у которого вместо ветвей — щупальца. Кончики щупальцев щекочут ему плечи и шею.

«Наш-ш-ш мальч-ч-чик...»

Голос этот звучит в голове, несмотря на шапку. Слабый, далекий, но он есть.

— Наш-ш-ш-ш мальч-ч-ч-чик... да-а-а-а... наш-ш-ш-ш...

Берни улыбается:

— Слышал их, не так ли? Ты им понравился. Как и мне. Мы здесь все друзья, понимаешь? — Улыбка превращается в гримасу. Он вновь хватается за живот. — Чертов слепой дурак! — выдыхает он.

Внезапно деревья остаются позади. Тележка для гольфа выезжает на мрачную равнину. Та же участь вскоре постигает кусты, Тай видит перед собой лишь голую, каменистую землю: низкие холмы уходят вдаль под зловещим серым небом. Над ними лениво кружат несколько огромных птиц. Какой-то заросший шерстью зверь бежит по узкой долине между холмами и исчезает из виду, прежде чем Тайлер понимает, что это... да и не хочется ему знать, что это за зверь.

Машинный грохот становится все сильнее, от него уже дрожит земля. Громадные молоты бьют по наковальням, со скрежетом вращаются огромные шестерни, скрипят необъятные шарниры. Тайлер чувствует, как руль тележки для гольфа ходуном ходит в его руках. Впереди тропа вливается в широкую полосу утоптанной земли, должно быть, дорогу. Вдоль ее дальней стороны — стена из круглых белых камней.

— Ты слышишь: энергетическая станция Алого Короля, — говорит Берни с гордостью, но в голосе слышится и страх. — Большая Комбинация. Миллион детей умерло на ее конвейерах, но насколько мне известно, их место постоянно занимают новые. Но ты туда не попадешь, Тайлер. Возможно, тебя ждет лучшее будущее. Но сначала я получу причитающуюся мне долю. Да, конечно.

Его окровавленная рука поглаживает верхнюю часть ягодицы Тайлера.

— Хороший агент имеет право на десять процентов. Даже такой старик, как я, это знает.

Рука отрывается от ягодицы. И хорошо. Тай едва не закричал, сдержался только потому, что представил себе, как сидит рядом с Джорджем Рэтбаном в «Миллер-парке». «Если я действительно послал открытку на «Пивной конкурс», — думает он, — ничего бы этого не случилось».

Но при этом понимает, что его мысль — не истина в последней инстанции. Потому что в жизни бывает такое, чего избежать невозможно. События, которые обязательно должны произойти.

Ему остается только надеяться, что реализация замыслов этого ужасного старика — не одно из них.

— Поверни налево, — бурчит Берни, откидываясь на спинку. — Три мили плюс-минус сотня ярдов.

Поворачивая, Тайлер понимает, что полосы тумана, поднимающегося над землей, и не туман вовсе. Это полосы дыма.

— Шеол, — поясняет Берни, словно читая его мысли. — И единственный путь через него — Конджер-роуд. Сойди с нее, и нарвешься на тварей, которые разорвут тебя на куски, только чтобы услышать твой крик. Мой друг сказал, куда я должен тебя доставить, но в намеченный план придется внести небольшое изменение. — Перекошенное болью лицо мрачнеет. — Он тоже причинил мне боль, пусть не вытащил наружу мои внутренности. Я ему не доверяю. — И добавляет, уже нараспев: — Карл Бир-

стоун не доверяет мистеру Маншану! Больше не доверяет! Больше не доверяет!

Тай молчит. Он старается вести тележку для гольфа по середине Конджер-роуд. Один раз рискует оглянуться, но не видит ни дома, ни окружавшей его пышной растительности. Все скрыто изъеденным эрозией холмом.

— Он получит то, что положено ему, а я — что мне. Ты меня слышишь, мальчик? — Поскольку Тай молчит, Берни вскидывает «Тазер». — Ты меня слышишь, подтиральщик?

— Да, — отвечает Тайлер. — Да, конечно.

«Почему ты никак не умрешь? Господи, если Ты есть, почему Ты не протянешь руку и не проткнешь пальцем это гнусное сердце, чтобы оно остановилось?»

Когда Берни вновь прерывает молчание, в его голосе слышны озорные нотки:

— Ты обратил внимание на стену с другой стороны дороги, но, думаю, не приглядывался к ней. А следовало бы.

Старик наклоняется назад, чтобы улучшить мальчику обзор. Большие белые камни, уложенные в стену вдоль Конджер-роуд, совсем и не камни. Черепа.

Что же это за место? Господи, как ему хочется очутиться рядом с мамой! Как ему хочется вернуться домой!

Со слезами на глазах, с отупевшим от непрерывного гудения рассудком, Тайлер ведет тележку для гольфа в глубь горящих земель. В Шеол.

Спасатели, если они и есть, никогда не смогут забраться так далеко.

Глава 27

Когда Джек и Дейл входят в кондиционированную прохладу бара «Сэнд», зал пуст, за исключением троих мужчин. Нюхач и Док сидят за стойкой, перед ними по стакану лимонада («Конец света, определенно, конец света», — думает Джек). На периферии, в шаге от кухни, отирается Вонючий Сыр. Байкеров окружает плохая аура, вот Вонючий Сыр и предпочитает держаться от них подальше.

Во-первых, он никогда не видел Нюхача и Дока без Мышонка, Сонни и Кайзера Билла. Во-вторых... о боже, это калифорнийский детектив и начальник полиции Френч-Лэндинга.

Музыкальный автомат выключен, но телевизор работает, и Джек не удивлен, что канал AMC в программе «Дневное кино» показывает фильм с участием его матери и Вуди Строуда. Он пытается вспомнить название фильма, и через несколько секунд ему это удается: «Экспресс правосудия».

«Не стоит тебе лезть в это дело, Беа, — говорит Вуди (в этом фильме Лили играет богатую бостонскую наследницу, Беатрис Лодж, которая приезжает на Запад и вступает в банду, главным образом для того, чтобы досадить своему строгому, нетерпимому в вопросах нравственности отцу. — Похоже, оно станет нашим последним».

«И хорошо», — отвечает Лили. Голос у нее ледяной, глаза — тоже. Фильм, конечно же, дерьмовый, но в игре Лили нет ни грамма фальши. Беатрис словно списана с живого человека. Джек не может не улыбнуться.

— Что с тобой? — удивляется Дейл. — Весь мир сошел с ума, а ты улыбаешься.

На экране телевизора Вуди Строуд говорит: «Что значит — хорошо? Весь чертов мир сошел с ума».

Джек Сойер, тихонько: «Мы постараемся уложить, сколько сможем. Пусть знают, с кем они имели дело».

На экране Лили повторяет то же самое Вуди. Они собираются войти в «Экспресс правосудия», а потом покатятся головы: хорошие, плохие и уродливые.

Дейл в изумлении смотрит на Джека.

— Я знаю наизусть практически все ее роли. — В голосе Джека слышатся извинительные нотки. — Она была моей матерью, знаешь ли.

Прежде чем Дейл успевает что-то сказать (если он и собирался что-то сказать), Джек присоединяется к сидящим за стойкой Нюхачу и Доку. Смотрит на часы с логотипом «Кингслендского пива», которые висят рядом с

телевизором: 11.40. Скоро полдень. Когда еще идти на столь важное дело, как не в полдень?

— Джек, — Нюхач кивает Сойеру, — как поживаешь?

— Неплохо. Вы вооружены?

Док приподнимает жилетку, показывая рукоятку. Это «Кольт-9».

— У Нюхача такой же. Хорошее оружие, должным образом зарегистрированное. — Он искоса смотрит на Дейла. — Как я понимаю, вы составите нам компанию?

— Это мой город, — отвечает Дейл, — и Рыбак только что убил моего дядю. Я не понимаю многое из того, что рассказал мне Джек, но знаю одно: если он говорит, что есть шанс спасти сына Джуди Маршалл, думаю, мы должны им воспользоваться. — Он поворачивается к Джеку: — Я захватил для тебя револьвер. «Ругер автоматик». Он в машине.

Джек рассеянно кивает. Огнестрельное оружие едва ли им понадобится. Как только они пересекут границу этого мира, оно превратится во что-то еще. Может, в дротик, может, в копье. Может, даже в пращу. Они собираются проехаться на «экспрессе правосудия», все так, это будет последнее дело банды Сойера. Но на том сходство с фильмом шестидесятых и заканчивается. «Ругер» он, конечно, возьмет. Может понадобиться в этом мире. Как знать, кто и что ждет их на подходе к «Черному дому»?

— На выход? — спрашивает Нюхач Джека. Глаза у него глубоко запали. Джек догадывается, что эту ночь Нюхач провел без сна. Он вновь смотрит на часы и приходит к выводу (других причин нет, чистое суеверие), что не хочет выступать в поход на «Черный дом», еще рано. Они покинут бар «Сэнд», лишь когда часы с логотипом «Кингсленд-ского пива» высветят полдень, не раньше. В колдовской час Гэри Купера.

— Скоро, — отвечает он. — Карта при тебе, Нюхач?

— Да, но мне представляется, что тебе она не понадобится, так?

— Может, и не понадобится, — признает Джек, — но подстраховаться не помешает.

Нюхач кивает:

— Полностью с тобой согласен. Я отослал свою старушку к ее мамаше в Айдахо. После того что случилось с Мышонком, долго уговаривать ее не пришлось. Никогда не отсылал ее раньше. Даже когда у нас была серьезная заварушка с «Язычниками». Но сейчас у меня плохое предчувствие. — Он молчит, потом решается продолжить: — Мне кажется, никто из нас живым оттуда не вернется.

Джек кладет руку на массивный бицепс Нюхача:

— Еще не поздно дать задний ход. Мое мнение о тебе нисколько не изменится.

Нюхач обдумывает его слова, качает головой:

— Эми иногда приходит ко мне во сне. Мы разговариваем. Как я смогу говорить с ней, если откажусь от возможности найти ее убийцу? Нет, я иду с тобой.

Джек смотрит на Дока.

— Я с Нюхачом, — отвечает на молчаливый вопрос Док. — Иногда нельзя прятаться за спины других. А потом, после того, что случилось с Мышонком... — Он пожимает плечами. — Одному Богу известно, что мы от него могли подцепить. Или от того, что пытались подойти к этому дому. Боюсь, в любом случае долгая жизнь нам не грозит.

— Что произошло после моего отъезда? — спрашивает Джек.

Док издает короткий смешок.

— Как он и сказал. В три часа ночи мы просто смыли то, что осталось от Мышонка в ванне. А остались только пена и волосы. — Он корчит гримасу (желудок определенно хочет избавиться от своего содержимого), допивает лимонад.

— Если мы собираемся что-то сделать, — вырывается у Дейла, — то пора.

Джек смотрит на часы. 11.50.

— Еще рано.

— Я не боюсь умереть, — говорит Нюхач. — Я даже не боюсь этого адского пса. Его можно остановить, если всадить в него достаточно пуль, мы-то знаем. Но этот чертов дом нагоняет на меня страх. Воздух вокруг него густой, как вода. Болит голова, тело становится ватным. Прямо-таки как при сильном похмелье.

— А меня подводит желудок, — добавляет Док. — Желудок и... — Он замолкает. Не хочет упоминать вслух Дейзи Темперли, девушку, которую невольно убил, неправильно выписав дозу лекарства, но видит ее перед собой так же отчетливо, как ковбоев на экране телевизора, который висит под потолком. Светлые волосы, карие глаза. Иногда он заставляет ее улыбнуться, несмотря на боль, когда поет ей песню Вэна Моррисона о девушке с карими глазами.

— Я иду из-за Мышонка, — продолжает Док. — Я должен. Но это место... это гиблое место. Вы не можете этого знать. Возможно, думаете, что понимаете, куда идете, но знать не можете.

— Я понимаю больше, чем вы можете себе представить, — отвечает Джек. Теперь его очередь остановиться, оглядеться. Помнят ли Нюхач и Док слово, которое произнес Мышонок, прежде чем умер? Помнят ли они д'ямбу? Должны, они при этом присутствовали, видели, как книги соскользнули с полки и зависли в воздухе, когда Джек произнес это слово... но Джек практически уверен: спроси он их сейчас, они ответят лишь удивленным, ничего не понимающим взглядом.

Частично потому, что д'ямбу трудно запомнить, совсем как точное расположение съезда к «Черному дому» с шоссе номер 35. А главным образом потому, что слово это предназначалось только ему, Джеку Сойеру, сыну Фила и Лили. Он — главарь банды Сойера, потому что он — другой. Он путешествовал, а путешествия расширяют кругозор.

Что ему следует рассказать о своих путешествиях? Пожалуй, ничего. Но они должны ему верить, и, чтобы добиться этого, он должен воспользоваться словом Мышонка. В глубине сердца он знает, что пользовать-

ся им можно очень осторожно (д'ямба — что винтовка, может выстрелить ровно столько раз, сколько патронов в магазине, а потом только щелкнет), и ему не хочется тратить драгоценный «патрон» здесь, вдали от «Черного дома», но он потратит. Потому что они должны верить. Если не поверят — их отчаянная попытка спасти Тая закончится тем, что они будут стоять на коленях перед «Черным домом», с кровоточащими носами, кровоточащими глазами, выхаркивая в отравленный воздух кровь и зубы. Джек может сказать им, что большая часть этого яда вырабатывается у них в голове, но словами не помочь. Они должны верить.

И потом, до полудня еще семь минут.

— Лестер, — зовет он.

Бармен, всеми забытый, отирался у двери в кухню. Не подслушивал, слишком далеко, но и не хотел привлекать внимание. Однако привлек.

— Есть у вас мед? — спрашивает Джек.

— М-мед?

— Его делают пчелы, Лестер. Ловкачи делают деньги, а пчелы делают мед.

По глазам Лестера видно, что суть он наконец-то уловил.

— Да, конечно. Мед мне нужен для приготовления «Кентуккийского прощального». А также...

— Поставь на стойку, — просит Джек.

Дейл переминается с ноги на ногу:

— Если, как ты и говорил, Джек, времени у нас в обрез...

— Это важно. — Джек наблюдает, как Лестер Мун ставит на край стойки маленькую пластиковую бутылочку с медом, из острого носика его надо выжимать, как кетчуп, и вдруг думает о Генри. Вот уж кому понравилось бы чудо, которое собирается сотворить Джек! Но разумеется, ради Генри он бы проделывать все это не стал. Не стал бы растрачивать попусту удивительную силу этого слова. Потому что Генри поверил бы ему сразу, как Джек ве-

рил, что Генри может довести автомобиль от Тремпелау до Френч-Лэндинга... черт, даже до Луны... если кто-то решится предоставить ему такую возможность и даст ключи от машины.

— Я сейчас принесу, — храбро отвечает Лестер. — Я не боюсь.

— Оставь, где стоит, — говорит ему Джек. — Мне в руки передавать не обязательно.

Лестер выполняет просьбу. Пластиковая бутылочка отлита в форме медвежонка. Ее освещают лучи солнца. На часах 11.54. С экрана слышится стрельба. Джек отключается от всего, предельно концентрируется, фокусирует мысли в единый луч, как увеличительное стекло фокусирует солнечный свет, а потом выстреливает этот луч одним словом:

«Д'ЯМБА».

И тут же слышит низкое гудение. Оно нарастает, превращаясь в жужжание. Нюхач, Док и Дейл оглядываются. Поначалу ничего не меняется, потом дверной проем, залитый солнечным светом, темнеет. Будто небольшое дождевое облако вплывает в бар «Сэнд».

Вонючий Сыр *жалобно вскрикивает и пятится к две*ри кухни.

— Осы! — кричит он. — Это осы! Спасайтесь!

Но это не осы. Док и Лестер Мун могут ошибиться, но Нюхач и Дейл Гилбертсон — нет, они родились и выросли в деревне. Поэтому могут отличить пчелу от осы. Джек неотрывно смотрит на рой. На его лбу выступили капельки пота. Мысленно он внушает пчелам, что от них требуется.

Пчелы так густо облепляют пластиковую бутылочку, что она почти исчезает из виду. Жужжание усиливается, бутылочка отрывается от стойки, поднимается в воздух, покачиваясь из стороны в сторону, как маленькая боеголовка, у которой забарахлила система наведения. Потом, очень медленно, бутылочка плывет к банде Сойера. На пчелиной подушке толщиной шесть дюймов.

Джек протягивает руку, ладонью вверх. Пластиковая бутылочка соскальзывает на ладонь. Джек сжимает пальцы в кулак. Операция завершена.

Пчелы поднимаются над его головой. Их жужжание громкостью соперничает с криком Лили: «Этого высокого мерзавца оставь мне! Именно он изнасиловал Стеллу!»

Затем они летят к двери и исчезают.

Часы с логотипом «Кингслендского пива» показывают, что до полудня ровно три минуты.

— Святая Мария, Матерь Божия, — шепчет Нюхач. Глаза у него огромные, вылезающие из орбит.

— Глубоко же ты прятал свои таланты. — Голос Дейла дрожит.

У края стойки что-то падает на пол. Лестер «Вонючий Сыр» Мун лишился чувств, впервые в жизни.

— Нам пора, — говорит Джек. — Нюхач, вы с Доком едете первыми. Мы за вами в машине Дейла. Когда увидите проселок и щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», не сворачивайте с шоссе, просто поставьте байки на обочину. Дальше мы поедем на машине Дейла, но сначала помажем вот этим у себя под носом. — Джек поднимает руку с пластиковой бутылочкой. У Винни-Пуха помяты бока, в тех местах, на которые уже нажимал Лестер, выдавливая несколько капель меда в коктейли. — Немного можно выдавить и в ноздри. Липкая штука, конечно, но все лучше, чем блевотина.

В глазах Дейла понимание и одобрение.

— Все равно что мазнуть под нос «Викс» перед тем, как идти туда, где совершено убийство.

Конечно, с этим нет ничего общего, но Джек кивает. Потому что главное — вера.

— А сработает? — В голосе Дока сомнение.

— Да, — отвечает Джек. — Вы почувствуете какой-то дискомфорт, я в этом не сомневаюсь, но очень легкий. А потом нам придется пересечь границу... ну, попасть туда, где я никогда не бывал. Что нас ждет там — не знаю.

— Я думал, мальчишка в доме, — говорит Нюхач.

— Я думаю, его оттуда уже увели. А дом... Дом этот не простой. Он — дверь в другой... — «Мир» — слово, которое первым приходит на ум Джеку, но он не думает, что они попадут в другой мир, если подходить с меркой Долин. — В другое место.

На экране телевизора в Лили только что вонзилась первая из шести пуль. В этом фильме она умирает, ребенком Джек терпеть не мог этот фильм, но по крайней мере она дорого отдает свою жизнь. Забирает с собой нескольких мерзавцев, в том числе и того, кто изнасиловал ее подругу, и это хорошо. Джек надеется, что сможет сделать то же самое. Но самое большое его желание, и он очень надеется его реализовать, — вернуть Тайлера Маршалла матери и отцу.

На часах рядом с телевизором в очередной раз меняются цифры. 11.59 уступают место 12.00.

Нюхач и Док седлают своих «железных коней». Джек и Дейл шагают к патрульной машине, останавливаются, когда на стоянку резко сворачивает «форд эксплорер». Из-под колес внедорожника веером летит гравий, он катится к ним, оставляя за собой шлейф пыли.

— Господи, — бормочет Дейл.

По бейсболке, которая нелепо надета на самую макушку водителя, Джек может определить, что за рулем внедорожника Фред Маршалл. Но если отец Тая *решил*, что он примет участие в спасательной экспедиции, его надежды напрасны.

— Слава богу, что я вас перехватил! — кричит Фред, выпрыгивая из кабины. — Слава богу!

— Кто следующий? — шепотом спрашивает Дейл. — Уэнделл Грин? Том Круз? Джордж Буш под руку с мисс Гребаная Вселенная?

Джек слушает вполуха. Фред вытаскивает из багажника что-то длинное, и Джека интересует, что именно. Возможно, в свертке винтовка, но Джек в этом сомневается. И направляется к «форду».

— Эй, дружище, поехали! — кричит Нюхач. «Харлей» под ним с ревом оживает. — Нам...

Нюхач вскрикивает. Док тоже. Его бросает в сторону, и он едва не падает на гравий вместе с зажатым между бедрами мотоциклом. У Джека такое ощущение, будто его голову пробило молнией, и он уже бежит к Фреду, который что-то бессвязно кричит. На мгновение кажется, что оба они то ли танцуют с длинным, завернутым в бумагу предметом, который привез Фред, то ли вырывают его друг у друга.

Только Дейл Гилбертсон, который не бывал в Долинах, не приближался к «Черному дому» и не является отцом Тайлера Маршалла, ничего не чувствует. Но даже у него в голове вроде бы слышится чей-то вскрик. Земля вздрагивает под ногами. Цвета становятся ярче.

— Что это было? — спрашивает он. — Хорошее или плохое? Хорошее или плохое? Что, черт побери, происходит?

На мгновение никто из них не может ответить. Все слишком потрясены, чтобы отвечать.

Когда рой пчел подхватывает пластиковую бутылочку с медом и несет ее над стойкой бара, Берни приказывает Таю Маршаллу встать лицом к стене, лицом, черт побери, к стене.

Они в грязной маленькой лачуге. Машинный грохот совсем близко. Тай слышит крики, рыдания, стоны и посвисты кнутов. Они уже рядом с Большой Комбинацией. Тай ее видел, металлическое сооружение, поднимающееся в облака из дымящейся ямы в полумиле к востоку. Возможно, именно таким должен быть небоскреб в представлении сумасшедшего, переплетением, в стиле Руба Голдберга[1], желобов, кабелей, транспортеров, платформ,

[1] Голдберг, Рубен «Руб» Лушес (1883—1970) — карикатурист, скульптор. Известен своими карикатурами, в которых выдуманное им сложное оборудование выполняет примитивные и никому не нужные операции. Лауреат Пулитцеровской премии (1948) за политические карикатуры.

все приводится в движение детьми, которые вращают транспортеры и тянут за рычаги. Само сооружение окутано поднимающимся к небу красноватым дымом.

Дважды, пока тележка для гольфа медленно катилась по дороге, с Таем за рулем (Берни — на пассажирском сиденье с направленным на Тая «Тазером»), мимо проходили группы странных зеленых людей. С лицами, лишь отдаленно напоминающими человеческие, чешуйчатой, как у рептилий, кожей, в кожаных туниках с клочьями шерсти. Большинство несло копья, некоторые — кнуты.

«Надсмотрщики, — объяснил Берни. — Следят за тем, чтобы вращались колеса прогресса». Начал хохотать, но смех быстро перешел в стон, а стон — в пронзительный крик боли.

«Хорошо, — хладнокровно подумал Тайлер. А потом, пусть и мысленно, впервые использовал одно из любимых выражений Эбби Уэкслера: — Чтоб ты скорее сдох, негодяй».

Проехав примерно две мили по земляной дороге, они прибывают к огромной деревянной платформе, расположенной слева от них. Над ней поднимается что-то похожее на подъемный кран. Его «стрела» протянута до самой дороги. Свешивающиеся с нее веревки покачиваются от легкого ветерка, несущего с собой запах серы. Под платформой, на мертвой земле, которая никогда не видела солнца, разбросанные кости и горки белой пыли. С одной стороны гора обуви. Почему они оставляют одежду и снимают обувь — вопрос, на который Тайлер, возможно, не смог бы ответить даже без шапки на голове (ошобенные иггушки для ошобенных детей), но из подсознания вдруг выскочила фраза: местный обычай. Вроде бы отец говорил что-то такое, но он не уверен. Он не может вспомнить лицо отца, во всяком случае отчетливо.

Виселица облюбована воронами. Они толкаются, поворачивают головы, следя за движением «E-Z-Go». Особенной вороны среди них нет. Той, чью кличку Тай не

может вспомнить. Но он знает, почему вороны здесь. Хотят ухватить свежей плоти, вот что они тут делают. А заодно выклевать глаза нового покойника. Не говоря уж о босых ножках.

За горой брошенной, расползающейся обуви проселок уходит на север, к дымящемуся холму.

— Стейшн-хауз-роуд, — сказал Берни, вроде бы уже не Таю, а самому себе, впадая в забытье. (Однако «Тазер» по-прежнему нацелен на шею Тая, и рука, которая его держит, не трясется.) — По ней я должен везти особенного мальчика (фешти ошобенного мальшика). Туда отправляются особенные мальчики. Мистер Маншан поехал за моно. Монопоездом Конечного мира. Когда-то были еще два. Патриция и... Блейн?..[1] Их нет. Сошли с ума. Покончили с собой.

Тай вел тележку для гольфа и молчал, но думал, что сошел с ума как раз старый Берн-Берн. О монорельсовых поездах он знает, даже ездил на одном в «Уолт Дисней уорлде»[2] в Орландо, штат Флорида, но монопоезда с именами Патриция и Блейн? Глупость какая-то.

Стейшн-хауз-роуд осталась позади. Ржаво-красная и железо-серая Большая Комбинация все приближалась. Тай мог различить на наклонных конвейерах движущиеся фигурки. Дети. Некоторые из других миров, возможно расположенных по соседству с этим... но многие из его мира. Дети, чьи лица появлялись на газетных страницах, а потом исчезали навеки. Разумеется, оставались какое-то время в сердцах родителей, но в итоге сохранялись только на фотографиях. Дети, признанные мертвыми, похороненными в безымянных могилах извращенцами, которые

---

[1] Более подробно о монопоездах Патриция и Блейн — в книгах цикла «Темная Башня». В частности, о гибели Блейна — в романе «Колдун и кристалл».

[2] «Уолт Дисней уорлд» — увеселительный тематический парк корпорации «Уолт Дисней», открытый в 1972 г. Аналог «Диснейленда».

использовали их, а потом от них отделались. Но вместо могилы они попали сюда. Во всяком случае, некоторые из них. Даже многие. Дергали за рычаги, вращали колеса, приводили в движение транспортеры, тогда как желтоглазые, зеленокожие надсмотрщики щелкали своими кнутами.

На глазах Тая один из муравьев полетел вниз с высокого, окутанного паром здания. Таю показалось, что он слышал едва слышный крик ужаса. Или облегчения?

— Прекрасный день, — пробормотал Берни. — И он станет еще лучше, когда удастся поесть. Еда всегда меня бодрит. — Его старые глаза пристально изучали Тая, губы изогнулись в улыбке. — Лучшая еда — ягодицы младенца, но твои тоже ничего. Очень даже ничего. Он велел отвезти тебя на станцию, но я не уверен, что получу свою долю. Мои... комиссионные. Может, он честный... может, он по-прежнему мой друг... но я думаю, что сначала просто возьму свою долю, чтобы не возникало никаких вопросов. Большинство агентов снимают свои десять процентов сверху. — Он протягивает руку, тычет пальцем в ягодицу Тая. Даже сквозь джинсы Тай чувствует, какой твердый у старика ноготь. — А я возьму свою часть снизу. — Болезненный смешок, и Тай с радостью увидел, что слюна, появившаяся между потрескавшимися губами, окрашена кровью. — Снизу, понял? — Палец вновь тычется в ягодицу.

— Понял, — отвечает Тай.

— Ты все равно сможешь разрушать, — продолжает Берни. — Одна у тебя будет ягодица или две — разницы никакой. — Вновь смешок. Вроде бы он впадал в забытье, однако «Тазер» держит крепко. — Едем дальше, парень. Еще полмили по Конджер-роуд. Увидишь лачугу под жестяной крышей. По правую руку. Это особенное место. Особенное для меня. Свернешь к ней.

Таю не остается ничего другого, как повиноваться. И теперь...

— Делай, что я тебе говорю! Лицом к гребаной стене! Подними руки и просунь в эти петли!

Тай, конечно, понятия не имеет, что такое эвфемизм[1], но знает: эти металлические кольца никакие не петли. Со стены свисают кандалы.

Паника захлестывает рассудок, грозя парализовать все мысли. Тай пытается бороться с ней... борется, стиснув зубы. Если он поддастся панике, если начнет вопить и кричать, для него все будет кончено. Или старик убьет его, вырезая кусок мяса из ягодицы, или друг старика увезет его в какое-то ужасное место, которое Берни называет Дин-та. В любом случае Тай никогда больше не увидит ни мать, ни отца. И Френч-Лэндинг тоже. Но если он будет сохранять хладнокровие... дожидаться своего шанса...

Да, но как это трудно. Шапка, которая у него на голове, в этом ему немного помогает: ее притупляющий эффект способствует удержанию паники под контролем... но как это трудно. Потому что он не первый ребенок, которого приводит сюда старик, как не был и первым, кому пришлось провести долгие часы в бетонной камере в доме старика. В левом углу лачуги — закопченный, поблескивающий жиром гриль под жестяным коробом дымохода. К горелке гриля тянутся шланги от двух газовых баллонов с надписью «ЛА РИВЬЕРА ПРОПАН» на боку каждого. На стене висят рукавицы, лопатки, щипцы, молотки для отбивки мяса, широкие вилки. Тут же ножницы, а также как минимум четыре остро заточенных мясницких ножа. Один из ножей длинный, как церемониальный меч.

Рядом с ним грязный фартук с надписью «ПОВАРА МОЖНО ПОЦЕЛОВАТЬ».

Запахом лачуга напоминает Таю пикник, организованный «Домом ветеранов зарубежных войн», куда он ездил с матерью и отцом на прошлогодний День труда. Пикник назвали «Праздник на Мауи», дабы гости представляли

---

[1] Эвфемизм — более мягкое слово или выражение вместо грубого или непристойного.

себе, будто попали на Гавайи. Проводился он на берегу реки в парке Ла Фолетт. В большой яме в земле горел огромный костер, на котором свиней жарили целиком. Заправляли всем женщины в травяных юбках и мужчины в ярких рубашках с птицами и тропической зеленью. Запах от ямы шел такой же. Только в лачуге он более затхлый... и жарили здесь не...

«Жарили здесь не свинину, — думает Тай, — а...»

— Я что, должен целый день стоять и пялиться на тебя?

«Тазер» оживает. Дозированный укол боли пронзает левую половину шеи Тая. Мочевой пузырь не выдерживает, и Тай надувает в штаны. Ничего не может с собой поделать. Практически не отдает себе в этом отчета. Протянувшаяся откуда-то рука (не иначе из далекой галактики), трясущаяся, но невероятно сильная, толкает Тая к стене и кандалам, которые приварены к стальным пластинам на высоте порядка пяти с половиной футов от земли.

— Сюда! — кричит Берни и истерически смеется. — Я знал, что ты получишь еще один разряд. Умный мальчик, значит? Вундеркинд! А теперь просовывай руки в петли, и чтоб без глупостей!

Тай поднимает руки, чтобы не удариться лицом о стену лачуги. Его глаза отделяет от дерева меньше фута, и он видит кровяные потеки. Они давние, и их много. От засохшей крови идет металлический запах. Земля под ногами пружинит. Словно губчатая резина. Словно желе. Это отвратительно. Возможно, это иллюзия, но Тай понимает, в чем дело. Это место казни. Старик, возможно, не каждый раз пировал здесь, не имел такой возможности, но приходить сюда он любит. Как он сам и сказал, место это для него особенное.

«Если я позволю ему заковать в эти кандалы обе руки, — думает Тай, — мне конец. Он изрежет меня на куски. Потому что, начав резать, не сможет остановиться, забудет и о мистере Маншане, и о ком угодно. Поэтому готовься».

Последняя мысль не его вовсе. В голове словно раздался голос матери. Его матери или другой женщины, похожей на нее. Паника исчезает вовсе, голова прочищается, насколько позволяет шапка. Он знает, что должен сделать. Во всяком случае, попытаться.

Он чувствует, как дуло «Тазера» скользит между его ног, и вспоминает змею, которая переползала дорогу, ее зубастую пасть.

— Немедленно вставляй руки в петли, а не то я поджарю твои яйца, как устрицы.

— Хорошо, — отвечает Тай визгливым, пронзительным голосом. Надеется, голос не оставляет сомнений в том, что он обезумел от страха. Видит Бог, говорить таким голосом не так уж и трудно. — Хорошо, хорошо, только не причиняйте мне боли, я все делаю, видите? Все делаю.

Он просовывает руки в кандалы. Кольца широкие, руки свободно в них входят и могут выйти с той же легкостью.

— Глубже! — Голос гремит рядом с ухом, но «Тазера» между ног уже нет. — Просунь руки как можно глубже!

Тай подчиняется. Кольца соскальзывают ниже запястий. В полумраке кисти его рук напоминают морские звезды. За спиной слышится позвякивание: Берни роется в мешке. Тай понимает, что это значит. Шапка, возможно, тормозит мысли, но тут все ясно. В мешке у старого мерзавца наручники. Наручники эти использовались много, много раз. Он схватит ими запястья Тая повыше колец кандалов, и Тай будет стоять (или висеть, если потеряет сознание), пока старик будет его резать.

— А теперь слушай. — Дыхание у Берни срывается, но по голосу чувствуется, что он заметно ожил. Перспектива близкой трапезы прибавила ему сил. — Я буду держать тебя на мушке электрошокера одной рукой. А другой буду надевать на твое запястье наручник. Если ты шевельнешься... даже если ты дернешься, мальчик... получишь полный разряд. Понимаешь?

Тай кивает залитой кровью стене.

— Я не шевельнусь, — верещит он, — честное слово, не шевельнусь.

— Сначала одну руку, потом другую. Так я это всегда проделываю. — В голосе безграничное самодовольство. Дуло «Тазера» с силой вжимается между лопатками Тая. Тяжело дыша от прилагаемых усилий, старик перегибается через левое плечо мальчика. Нос Тая улавливает запахи старости и крови. Все равно что «Гензель и Гретель», думает он, только нет печи, в которую он мог бы запихнуть своего мучителя.

Наручник охватывает левое запястье. Берни шумно дышит в ухо Таю. Старик тянется к наручнику... «Тазер» смещается... но недостаточно далеко. Берни защелкивает наручник. Теперь Тай не может вынуть левую руку из железного кольца. Второй наручник, который Берни предстоит закрепить на правом запястье Тайлера, свободно висит на металлической цепочке, связывающей оба наручника.

Старик, тяжело дыша, перемещается правее. Протягивает руку вокруг тела Тайлера, чтобы схватить болтающийся наручник. «Тазер» вновь упирается в спину мальчика. Если старик доберется до наручника, песенка Тая спета (и он это понимает). И он добирается, но в последний момент наручник выскальзывает из дрожащих пальцев старика. Вместо того чтобы подождать, пока наручник, качнувшийся, словно маятник, сам вернется к руке, Берни еще больше наклоняется вперед. Костлявое лицо прижимается к правому плечу Тая.

И когда старик тянется за наручником, Тай чувствует, что «Тазер» уже не так сильно вжимается ему в спину, а потом давление дула и вовсе исчезает.

«Давай! — кричит в голове Тая Джуди. А может, Софи. А может, обе. — Давай, Тай! Это твой шанс, другого не будет!»

Тай выдергивает правую руку из металлического кольца. Опускает вниз. Отталкивать Берни бессмысленно, старик весит как минимум шестьдесят фунтов, вот Тай и не пытается. Вместо этого он всем телом подается влево, пе-

рекладывая вес на левые плечо и руку, защемленную в железном кольце.

— Что... — начинает Берни, но правая рука Тая уже достигает цели, ухватывает старика за яйца. Он чувствует, как они прижимаются друг к другу, чувствует, как одно лопается, давится. Тай кричит, в его крике сливаются воедино отвращение, ужас, триумф.

Берни, захваченный врасплох, вопит. Пытается вырваться, но Тай вцепился в его яйца мертвой хваткой. Его рука, такая маленькая, неспособная оказать серьезного сопротивления (казалось бы), превратилась в смертоносное оружие. Если еще у Берни и есть время воспользоваться «Тазером», то оно стремительно иссякает... и действительно, «Тазер» выпадает из разжавшихся пальцев Берни на пропитанный кровью земляной пол лачуги.

— Отпусти меня! Мне БОЛЬНО! БОЛ...

Но прежде чем он успевает закончить, Тай рывком дергает на себя мягкий, сдутый мешочек в старых штанах из хлопчатобумажной ткани. Дергает яростно, и под его пальцами что-то рвется. Берни отчаянно вопит. Он и представить себе не мог, что возможна такая боль... что ему придется испытывать такую боль.

Но этого недостаточно. Голос Джуди говорит, что недостаточно, но Тай, возможно, знает об этом и без нее. Он ранил старика, как сказал бы Эбби Уэкслер, «порвал его гребаные яйца», но этого недостаточно.

Он отпускает яйца и поворачивается влево, используя левую руку как ось. Видит качающегося перед ним старика. А за его спиной — тележку для гольфа, стоящую в дверном проеме, небо, затянутое серыми облаками и дымом. Глаза старого монстра огромные, выпученные, по щекам текут слезы. Пока он в шоке и только таращится на маленького мальчика, который причинил ему такую боль.

Но скоро, очень скоро он придет в себя. И тогда схватит со стены один из ножей, а может, большую вилку, какой переворачивают мясо на решетке гриля, и заколет

своего маленького пленника до смерти, выкрикивая ругательства и проклятия, называя обезьяной, мерзавцем, подтиральщиком. О таланте Тая он и не вспомнит. Забудет и о страхе перед мистером Маншаном и аббала. Потому что, придя в себя, Берни превратится в дикого зверя, в котором не останется ничего человеческого. И будет рвать пленника на куски.

Тайлер Маршалл, сын Фреда и бесстрашной Джуди, не дает Берни такого шанса. Последнюю часть пути у него из головы не выходили слова старика о мистере Маншане: «Он причинил мне боль, чуть не вытащил наружу мои внутренности», — и он надеялся, что ему тоже представится такая возможность. Она и представилась. Повиснув на защемленной в железном кольце левой руке, Тайлер выбрасывает вперед правую. Сует в дыру в рубашке. Сует в дыру, проделанную в теле лезвием выкидного ножа Генри. Пальцы Тая нащупывают *что-то склизкое и мокрое. Ухватывают*, тащат на себя. Из дыры в рубашке появляются кишки Чарльза Бернсайда.

Берни вскидывает лицо к жестяному потолку лачуги. Челюсть отвисает, сухожилия морщинистой шеи напрягаются, он орет благим матом. Пытается вырваться, подавшись назад, но это, должно быть, наихудшее решение, если тебя ухватили за кишки. Они все вылезают и вылезают из раны в животе, толстые, как сосиски, возможно еще переваривающие еду, которую Берни затолкал себе в рот в столовой «Центра Макстона».

И последние слова Чарльза «Чамми» Бернсайда: «ОТПУСТИ МЕНЯ, МАЛЕНЬКИЙ ПОДТИРА-А-А-АЛЬЩИК».

Тайлер не отпускает. Тащит кишки на себя, дергает из стороны в сторону, как терьер, вцепившийся в крысу. Кровь и желтая жижа хлещут из раны в животе Берни.

— Подыхай! — слышит Тайлер свой истеричный крик. — Подыхай, старый козел, ПОДЫХАЙ!

Берни отступает еще на шаг. Рот открывается шире, верхняя вставная челюсть падает на землю. Он смотрит на

собственные кишки, которые вытягивает из дыры в рубашке правая рука противного мальчишки. И видит нечто еще более ужасное: белое сияние, окружающее Тайлера. Оно наделяет мальчика силой, которой у него быть не может. Той самой силой, которая позволяет вытаскивать кишки из живота Берни... и как же это больно, как больно, как бо-о-о...

— Подыхай! — пронзительно кричит мальчишка. — КОГДА ЖЕ ТЫ НАКОНЕЦ ПОДОХНЕШЬ?

И вот, пришел, пришел этот миг, Берни падает на колени. Его туманящийся взгляд фиксируется на «Тазере», и он протягивает к нему трясущуюся руку. Но прежде чем эта рука хватает электрошокер, свет сознания покидает глаза Берни. Он не перенес и сотой части тех страданий, которым подвергал свои жертвы, на большее его дряхлое тело просто не способно. Он хрипит, валится на спину, из живота все вылезают внутренности. Но этого и чего-либо еще он уже не чувствует.

Карл Бирстоун, он же Чарльз Бернсайд, он же Чамми Бернсайд, умирает.

На тридцать секунд все замирает. Тайлер Маршалл жив, но эти секунды он мешком висит на левой руке, защемленной наручником в металлическом кольце, правой же крепко сжимает кишки Берни. Сжимает мертвой хваткой. Наконец на его лицо возвращается осмысленное выражение. Он отдает себе отчет, что правая рука чуть ли не до плеча забрызгана кровью и слизью, а в пальцах зажаты внутренности мертвеца. Он разжимает пальцы и пытается метнуться к двери, но он прикован к стене, и рывок этот завершается криком, вызванным резкой болью в плече.

«Пока все хорошо, — шепчет ему Джуди-Софи. — Но ты должен выбираться отсюда, и побыстрее».

Слезы текут по грязному, бледному лицу Тая, он начинает орать благим матом: «Помогите мне! Кто-нибудь, помогите мне! Я в лачуге! Я В ЛАЧУГЕ!»

На стоянке у бара «Сэнд» Док остается на байке, но Нюхач слезает со своего, ставит на подставку и идет к Джеку, Дейлу и Фреду. Джек уже держит в руках длинный предмет, который привез отец Тая. Фред тем временем схватился за рубашку Джека. Дейл пытается его остановить, но для Фреда Маршалла во всем мире остались только два человека: он и Голливуд Джек Сойер.

— Это был он, не так ли? Тай? Это был мой мальчик, я слышал его!

— Да, — отвечает Джек. — Несомненно, он, и, несомненно, вы его слышали. — Он побледнел, Нюхач это видит, но в остальном спокоен. И Джека абсолютно не волнует, что отец пропавшего ребенка дергает его рубашку, вытаскивая из штанов. Нет, все внимание Джека сосредоточено на посылке.

— Что здесь происходит? — с мольбой спрашивает Дейл. Смотрит на Нюхача: — Вы знаете?

— Мальчик в какой-то лачуге, — отвечает Нюхач. — Я прав?

— Да, — кивает Джек.

Фред отпускает его рубашку, рыдая, отступает на шаг. Джек по-прежнему не обращает на него внимания и не пытается заправить рубашку. Смотрит на посылку. Ожидает увидеть на ней самодельные «марки», пташек, вырезанных с пакетиков сахара, но нет, это обычное почтовое отправление. Получателем указан мистер Тайлер Маршалл, проживающей в доме 16 по Робин-Гуд-лейн во Френч-Лэндинге. Есть и обратный адрес: Мистеру Джорджу Рэтбану, KDCU, дом 4 по Пенинсула-драйв, Френч-Лэндинг. Чуть ниже большими черными буквами:

ДАЖЕ СЛЕПОЙ ВИДИТ, ЧТО ОКРУГ КАУЛИ ЛЮБИТ ПИВНОЙ КОНКУРС!

— Генри, тебя никто и ничто не остановит, не так ли? — бормочет Джек. Слезы жгут глаза. Щемит сердце от мысли, что теперь ему предстоит жить без ближайшего друга.

— При чем тут дядя Генри? — спрашивает Дейл. — Джек, дядя Генри умер.

Джек, однако, в этом уже не уверен.

— Поехали, — подает голос Нюхач. — Надо добраться до парня. Он жив, но ему грозит опасность. Это ясно как божий день. Поехали. С остальным разберемся позже.

Но Джеку, который не только слышал крик Тайлера, но и, пусть на мгновение, увидел все глазами Тайлера, разбираться не с чем, за исключением одного. Не обращая внимания на Нюхача и Дейла, он подходит к плачущему отцу Тая:

— Фред.

Фред продолжает плакать.

— Фред, если вы хотите увидеть своего сына, возьмите себя в руки и послушайте меня.

Фред поднимает голову, по щекам катятся слезы. Нелепо маленькая бейсболка по-прежнему сидит на его макушке.

— Что это, Фред?

— Должно быть, приз в конкурсе, который Джордж Рэтбан проводит каждое лето... «Пивной конкурс». Но я не знаю, как Тай мог что-то выиграть в этом конкурсе. Пару недель назад он горевал из-за того, что забыл отправить открытку на конкурс. Даже спросил меня, может, я отправил за него открытку, а я... ну, шуганул его. — От этих воспоминаний поток слез по заросшим щетиной щекам усиливается. — Это случилось, когда Джуди... начала вести себя странно... я волновался из-за нее и... спустил собак на Тая. Вы понимаете? — Он тяжело дышит, в горле что-то булькает, адамово яблоко ходит вверх-вниз. — А Тай... он лишь сказал: «Все нормально, папа». Не рассердился на меня, не надулся. Таким уж он был мальчиком. Такой уж он мальчик.

— С чего вы решили привезти биту, этот подарок мне?

— Позвонил ваш друг, — отвечает Фред. — Сказал, что почтальон принес посылку и я должен немедленно привезти ее сюда. До вашего отъезда. Он называл вас...

— Он называл меня Странник Джек.

Фред Маршалл в изумлении таращится на него:

— Совершенно верно.

— Ладно. — Джек кивает. — Нам пора ехать за вашим сыном.

— Я с вами. Охотничье ружье у меня в багажнике...

— Там оно и останется. Поезжайте домой. Приготовьте дом к его приезду. Приготовьте дом к приезду вашей жены. И позвольте нам сделать то, что мы должны сделать. — Джек смотрит на Дейла, потом на Нюхача. — Поехали.

Пятью минутами позже машина начальника полицейского участка Френч-Лэндинга катит на запад по шоссе номер 35. Впереди почетным эскортом бок о бок едут Нюхач и Док. Хромированные байки блестят на солнце. Деревья зелеными кронами клонятся к дороге.

Приближение к «Черному дому» отдается в голове Джека нарастающим гулом. Он научился при необходимости отсекать этот гул, не позволять ему нарушать мысленный процесс, но все равно неприятно. Дейл передал Джеку один из «ругеров» калибра 357, которые стоят на вооружении полиции, и теперь револьвер заткнут за пояс синих джинсов. Джек удивился, с каким удовольствием взял в руки револьвер, словно давно ждал этого момента. В мире, что раскинулся за «Черным домом», от стрелкового оружия проку не будет, но сначала они должны туда попасть, ведь так? А если верить Нюхачу и Доку, радушной встречи ждать не приходится.

— Дейл, у тебя есть перочинный ножик?

— В бардачке, — отвечает Дейл, косится на длинную посылку, которая лежит на коленях Джека. — Полагаю, ты хочешь ее вскрыть?

— Правильно полагаешь.

— Можешь ты мне кое-что объяснить, пока будешь этим заниматься? К примеру, войдя в «Черный дом», мы должны ожидать, что Чарльз Бернсайд выскочит из потайной двери с топором и начнет...

— Дни, когда Чамми Бернсайд набрасывался на людей, уже в прошлом, — отвечает Джек. — Он мертв. Тай Маршалл убил его. Это мы почувствовали на автостоянке у бара «Сэнд».

Машину чифа бросает в сторону, через разделительную полосу. Нюхач, увидев этот странный маневр в зеркале заднего обзора, даже оглядывается. Джек машет ему рукой, мол, не обращай на нас внимания, все нормально, и Нюхач вновь смотрит прямо перед собой.

— Что? — выдыхает Дейл.

— Старик, конечно, уже не тот, но, как я представляю себе, Тай проявил завидное мужество. Мужество и хитрость. — Джек думает о том, что Генри пощупал Бернсайда за вымя, а Тай его прикончил. Вот это Джордж Рэтбан и называл командной игрой.

— Как...

— Вырвал из живота внутренности. Голыми руками. Одной рукой. Я уверен, что за вторую его приковали к стене.

Дейл молчит, наблюдает, как мотоциклисты входят в поворот. Ветер треплет волосы, торчащие из-под шлемов (для мотоциклистов на дорогах Висконсина они обязательны). Джек тем временем разрезает коричневую оберточную бумагу и достает белую картонную коробку. В ней что-то перекатывается.

— Ты говоришь мне, что десятилетний мальчик выпотрошил маньяка-убийцу. Маньяка-людоеда. И ты каким-то образом это знаешь.

— Да.

— Мне невероятно трудно в это поверить.

— Учитывая, кто его отец, я могу тебя понять. Фред... — На ум приходит слово «слабак», но это несправедливо и не соответствует действительности. — У Фреда нежное сердце. Джуди, наоборот...

— У нее железная воля, — прерывает его Дейл. — Мне говорили.

Джек невесело улыбается другу. Гудение он запер в маленькой части своего мозга, но теперь эта часть верещит, как пожарная сирена. Они почти у цели.

— Безусловно, — кивает Джек. — И у мальчика тоже. Он... храбрый. — С губ Джека едва не сорвалось другое: «Он — принц».

— И он жив.

— Да.

— Прикован к стене какой-то лачуги.

— Да.

— За домом Бернсайда.

— Вроде того.

— Если я правильно понимаю, лачуга эта где-то в лесу около Шуберт и Гейл-стрит.

Джек улыбается и молчит.

— Ну хорошо. — Дейл тяжело вздыхает. — В чем я ошибаюсь?

— Не важно. И это хорошо, потому что объяснить просто невозможно. — Джек очень надеется, что голова у Дейла крепкая, поскольку в ближайшие час или два им предстоит увидеть много такого, от чего может поехать крыша.

Ногтем он отдирает скотч, который удерживает крышку коробки. Открывает ее. Внутри мягкая бумага. Джек вытаскивает ее, и его глазам открывается приз «Пивного конкурса», направленный Таю Маршаллу. Приз, который он выиграл, даже не участвуя в конкурсе.

Джек восторженно вскрикивает. Оставшийся в нем мальчишка не может отреагировать иначе при виде предмета, лежащего в коробке, пусть он сам не играл в эту игру после того, как перерос Малую лигу[1]. Потому что в этой

[1] Малая лига — объединения детских бейсбольных команд. Их соревнования с 1939 г. Ежегодно проводится всемирный чемпионат Малых лиг. Напомним, что бейсбол в США — игра культовая, отсюда и восторг по поводу всего, что связанно с лучшими бейсболистами.

бите есть что-то особенное, не так ли? Что-то связанное с нашей верой в чистоту спортивного поединка и силой нашей команды. Домашней команды. Которая всегда лучшая и всегда благородная. Конечно же, Бернард Маламуд[1] это знал. Джек перечитывал его «Самородок» два десятка раз, всегда надеясь на другой конец (в фильме его мечта реализовалась, но этот кинофинал он просто возненавидел), и ему особенно нравилось, что Рой Хоббс называл свою биту Уандербоем[2]. И пусть критики несут всякую чушь насчет легенд про короля Артура и фаллические символы: иногда сигара — это просто сигара, которую курят, а бита — просто бита. Большая палка. Что-то такое, чем бьют по мячу, чтобы потом сделать круговую пробежку.

— Святая корова! — вырывается у Дейла, когда он видит биту. И сразу молодеет. В нем тоже проглядывает мальчишка. Как и в Джеке. Глаза Дейла широко раскрываются. — Чья бита?

Джек осторожно достает биту из коробки. На ней надпись, черным маркером «Мейджик»:

Таю Маршаллу. Борись и не сдавайся.
Твой друг Ричи Секссон.

— Ричи Секссона, — отвечает Джек. — Кто такой Ричи Секссон?

— Лучший бэттер[3] «Брюэров», — отвечает Дейл.

— Так же хорош, как Рой Хоббс?

---

[1] Маламуд, Бернард (1914—1986) — известный американский писатель, лауреат Пулитцеровской и Национальной книжных премий (1966, роман «Мастеровой»). В его творчестве заметно влияние еврейской и классической русской литературных традиций. Дебютировал романом «Самородок» (1952), в котором судьба профессионального бейсболиста трактуется как аллегория американских идеалов.

[2] От англ. Wonderboy — дословно: Чудо-мальчик.

[3] Бэттер — в бейсболе игрок из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера.

— Рой... — Тут Дейл улыбается. — А, в кино. Роберт Редфорд[1], так? Нет, не думаю... Эй, что ты делаешь?

Все еще держа биту в руках (практически чуть не ткнув ею в правую скулу Дейла), Джек наклоняется и жмет на клаксон.

— Сворачивай, — говорит он. — Эти ребята побывали здесь только вчера, а уже вот проехали мимо.

Дейл сворачивает на обочину, излишне резко жмет на педаль газа, ставит ручку переключения скоростей в нейтральное положение. Смотрит на Джека, лицо у него неестественно белое.

— Джек... мне как-то нехорошо. Может, что-то съел за завтраком. Господи, боюсь, меня сейчас вывернет.

— А гудение в голове, в нем тоже виноват завтрак? — любопытствует Джек.

У Дейла округляются глаза.

— Откуда ты?..

— Я тоже его слышу. И в животе неприятные ощущения. Это не завтрак. Это «Черный дом». — Джек достает пластиковую бутылочку. — На вот. Помажь под носом. И выжми чуть-чуть в каждую ноздрю. Тебе сразу полегчает. — В голосе Джека абсолютная уверенность. Потому что нет в бутылочке спецсостава, там обыкновенный мед. Речь о вере. Они покинули реальность здравого смысла и вступили в зону соскальзывания. Джеку это становится ясно, едва он открывает дверцу.

Впереди байки разворачиваются и возвращаются. Нюхач еще издали мотает головой: «Нет, нет, не здесь».

Дейл вылезает из кабины, присоединяется к Джеку, который стоит у переднего бампера. Лицо по-прежнему бледное, но кожа вокруг и под носом блестит от меда, и он вроде бы крепко стоит на ногах.

---

[1] Редфорд, Роберт (р. 1936) — актер и режиссер. Сыграл много заметных ролей, в том числе и главную, Роя Хоббса, в фильме «Самородок» (1984). В 1980 г. получил «Оскара» за режиссуру.

— Спасибо, Джек. Так гораздо лучше. Не знаю, как мед под носом может влиять на уши, но гудение заметно стихло. Я его едва слышу.

— Не здесь! — кричит Нюхач, останавливая «харлей» перед патрульной машиной.

— Как раз наоборот, — ровным голосом отвечает Джек и смотрит на лес — сверкающую на солнце листву, черные зигзаги теней. Все дрожит, мерцает. — Именно здесь. Убежище мистера Маншана и его приспешников.

Байк Дока замирает рядом с байком Нюхача.

— Нюхач прав! Мы были здесь только вчера, черт побери! Или вы думаете, что мы не знаем, о чем говорим?

— С обеих сторон шоссе только узкая полоска леса, — поддерживает байкеров Дейл. Он показывает на другую сторону, где в пятидесяти ярдах к юго-востоку желтеет полицейская лента, натянутая между двух деревьев. — Эта дорога ведет к «Закусим у Эда». Место, которое нам нужно, наверняка дальше...

«Ты это говоришь, хотя чувствуешь, что «Черный дом» здесь, — думает Джек. Чудеса, да и только. — Если оно дальше, так чего ты перемазался медом, как настоящий Винни-Пух?»

Джек переводит взгляд на Нюхача и Дока. Им определенно не по себе. Джек открывает рот, чтобы успокоить их... но что-то мелькает в верхнем секторе его поля зрения. Он подавляет естественное желание вскинуть глаза кверху и определить, кто же там двигается. Что-то, возможно оставшаяся в нем часть Странника Джека, думает, что это очень плохая идея. За ними кто-то следит. Незачем наблюдателю знать, что его засекли.

Он кладет биту Ричи Секссона на капот, привалившись к патрульной машине, двигатель которой работает на холостых оборотах. Берет пластиковую баночку с медом у Дейла, протягивает Нюхачу:

— Вот. Помажься.

— Не о том речь, чертов ты дурак! — взрывается Нюхач. — Мы... не в том... месте!

— У тебя из носа течет кровь, — замечает Джек, не повышая голоса. — Немного, но течет. У тебя тоже, Док.

Док проводит пальцем под носом, в изумлении смотрит на красное пятно.

— Но я знаю, что...

Опять движение, все в том же верхнем секторе. Джек его игнорирует, вытягивает руку. Нюхач, Док и Дейл смотрят в указанном направлении, и Дейл первым видит щит.

— Будь я проклят, — бормочет он. — «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Он стоял тут и раньше?

— Да, — кивает Джек. — Думаю, больше тридцати лет.

— Твою мать, — в сердцах бросает Нюхач и начинает выдавливать мед себе под нос. Не забывает и про ноздри. Капли падают на темно-русую бороду. — Мы бы с тобой так и ехали, Доктор. До самого города. Черт, может, до Рэбит-Сити, что в Южной Дакоте. — Он протягивает бутылочку Доку, смотрит на Джека, корчит гримасу. — Извини. Нам следовало знать. Нет оправданий.

— А где проселок? — спрашивает Дейл и тут же добавляет: — Ой, да вот же он. Я мог бы поклясться...

— ...что здесь сплошной лес, — завершает фразу Джек. Он улыбается. Смотрит на своих друзей. На банду Сойера. И определенно не смотрит ни на черные крылья, которые по-прежнему мельтешат в верхнем секторе его поля зрения, ни на свой живот, когда его рука медленно вытаскивает из-за пояса «ругер». Он всегда был метким стрелком. В стрельбе одиночными мог пару раз не попасть в десятку, а вот очередью укладывал все пули очень кучно. Джек понятия не имеет, осталось ли мастерство при нем, но думает, что выяснит это в самом ближайшем времени.

Улыбаясь, глядя, как Док усиленно мажет свой шнобель, Джек вводит всех в курс дела:

— За нами кто-то наблюдает. Вверх не смотрите. Я постараюсь его подстрелить.

— Кто именно? — спрашивает Дейл, улыбаясь в ответ. Смотрит прямо перед собой. Теперь он отчетливо видит просеку, которая, должно быть, ведет к дому Бернсайда.

— Не человек, — отвечает Джек, резко поднимает «ругер», держа рукоятку обеими руками. Начинает стрелять до того, как вскидывает глаза, и застает врасплох большую черную ворону, которая устроилась на одной из верхних ветвей дуба. Из ее клюва едва успевает вырваться удивленное: «КА-А-А...», — как пули разносят ее в клочья. Кровавые мухи летят по синему небу. Перья планируют вниз, черные, как полночные тени. И тушка. Она с глухим стуком падает на обочину. В черном глазу, который смотрит на Джека, застыло изумление.

— Ты выстрелил пять или шесть раз? — В голосе Нюхача слышится благоговейный трепет. — Ты так быстро стрелял, что я не успел сосчитать.

— Всю обойму, — отвечает Джек. И думает, что стреляет он ничуть не хуже, чем прежде.

— Это же большая гребаная ворона! — восклицает Док.

— Не просто ворона, — уточняет Джек. — Это Горг. — Он подходит к лежащей в пыли тушке. — Как дела, приятель? Как самочувствие? — Плюет на ворона. — Это тебе за то, что приманивал детей. — Пинком отправляет тушку в кусты. Она летит по дуге, крылья прикрывают тушку, как саван. — А это за мать Ирмы.

Они смотрят на него, все трое, на лицах все тот же благоговейный трепет. Почти страх. От этого взгляда наваливается усталость, хотя он понимает, что по-другому, наверное, и быть не может. В свое время точно так же смотрел на него и его давний друг Ричард Слоут.

— Пошли, — говорит Джек. — Все в машину. Доведем дело до конца. — Да, они должны поторопиться, потому что некий одноглазый господин тоже стремится добраться до Тая. Мистер Маншан. «Глаз короля, — думает Джек. —

Глаз аббала. Вот что имела в виду Джуди... Мистер Маншан. Кем бы или чем бы он в действительности ни был».

— Не хотелось бы оставлять байки на обочине, — говорит Нюхач. — Кто-нибудь может подойти и...

— Никто их не увидит, — заверяет его Джек. — Три или четыре автомобиля проехали мимо, пока мы стоим на обочине, но ни один человек даже не взглянул в нашу сторону. И вы знаете почему.

— Мы уже начали переход, не так ли? — спрашивает Док. — Это рубеж. Граница.

— Опопанакс, — отвечает Джек. Слово самопроизвольно слетает с губ.

— Что?

Джек берет биту, присланную Таю Ричи Секссоном, и садится на пассажирское сиденье патрульной машины.

— Это значит пора. Давайте поскорее покончим с этим делом.

И вот банда Сойера выступает в последний поход — по проложенному в лесу проселку-просеке, ведущему к «Черному дому». Яркий полуденный солнечный свет быстро тускнеет до сумрака ноябрьского вечера. Среди подступающих к проселку деревьев ползают, бегают и даже летают черные тени. Джек полагает, что бояться их нечего. Это всего лишь фантомы.

— Ты собираешься перезарядить «ругер»? — спрашивает с заднего сиденья Нюхач.

— Нет. — Джек смотрит на револьвер безо всякого интереса. — Думаю, больше он мне не потребуется.

— А к чему нам готовиться? — нервно спрашивает Дейл.

— Ко всему, — отвечает Джек. Одаривает Дейла безрадостной улыбкой. Появившийся перед ними дом не обретает форму, а, наоборот, расплывается, колеблется перед глазами, что не радует. Размерами он то не превышает обычный фермерский дом, то становится необъятным, как небоскреб. Еще кажется, что он уходит в лес на многие мили. И он издает низкий гул, похожий на голоса.

— Будьте готовы ко всему.

Глава 28

Поначалу ничего не происходит.

Вчетвером они вылезают из патрульной машины Дейла и встают перед ней, словно позируя для групповой фотографии, призванной украсить чей-то кабинет. Только фотограф должен стоять на крыльце «Черного дома», потому что они смотрят на него, а оно пустует, если не считать привалившегося столба со щитом, на котором вновь написано: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». На этом щите кто-то нарисовал череп маркером «Мэджик». А может, фломастером. Берни? Какой-то подросток, решившийся подойти к дому? Дейл много чего творил в семнадцать лет, не раз рисковал жизнью, сжимая в руке баллончик с краской, но он сомневается, что череп — произведение подростка.

Воздух тяжелый, застывший, как перед грозой. И дурно пахнет. Но мед, похоже, отсекает основную вонь. Из леса доносится утробный звук, каких Дейлу слышать не доводилось. «Гроо-о-о-о».

— Что это? — спрашивает он Джека.

— Не знаю, — отвечает Джек.

— Я слышал лягушек-быков, — говорит Док. — Они издают такие звуки, когда хотят спариваться.

— Здесь не Эверглейдс[1].

Док сухо улыбается:

— Но и не Висконсин, Тото. Если вы этого еще не заметили.

Дейл заметил многое. И что дом не удерживается в фокусе и что иногда кажется огромным, словно слившимся из множества домов. Город, размером с Лондон, под единой крышей. А ведь есть еще деревья. Старые дубы и сосны, березы, напоминающие костлявых призраков, кле-

---

[1] Эверглейдс — обширный заболоченный район на юге Флориды. Длина 160 км, ширина — 80—120. Общая площадь порядка 13 000 кв. км. Южную часть занимает одноименный заповедник.

ны, все они — не редкость в здешних местах, но ими список не ограничивается. Между ними встречаются какие-то диковины, отдаленно напоминающие баньяны. Они способны перемещаться? Господи, Дейл надеется, что нет. Но в любом случае они что-то шепчут. Он в этом уверен. Слышит, как слова пробиваются сквозь гудение в голове, и это неприятные слова. Слова, от которых мурашки бегут по коже.

Убей их... съешь их... ненавидь их...

— Где собака? — спрашивает Нюхач. В руке он уже держит «кольт». — Эй, песик! У меня есть кое-что для тебя! Иди сюда, получи!

Пес не приходит, а вот из леса доносится рычание, и рычащий зверь уже ближе: «ГРО-О-О-О-О-О». Деревья продолжают шептать. Дейл смотрит на дом, который вдруг выбросил этажи в небо, ставшее белым и холодным, и голова у него идет кругом. Вроде бы Джек хватает его за локоть, чтобы поддержать. Но этой помощи недостаточно. Начальник полиции Френч-Лэндинга отворачивается от Джека, сгибается пополам и блюет.

— Хорошо, — слышит он голос Джека. — Все правильно. Избавься от лишнего. Как ты, Док? Нюхач?

Громобойная двойка заверяет его, что они в порядке. Пока это правда, но Нюхач не знает, сколь долго его слова будут соответствовать действительности. Желудок все сильнее дает о себе знать. «Ну похвалюсь я харчишками, что с того? — думает он. — Если верить Джеку, Бернсайд мертв, следовательно, возражать не будет».

Джек ведет их к крыльцу, ногой отбрасывает щит с надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Щит падает в сорняки, надписью и черепом вниз. Дейл вспоминает, как Джек плюнул в ворона. Его друг изменился, помолодел, у него явно прибавилось сил.

— А вот мы собираемся войти, — говорит Джек. — И войдем всем чертям назло.

Поначалу, однако, кажется, что ничего у них не выйдет. Дверь в «Черный дом» не просто закрыта. Между нею

и дверной коробкой нет и щелочки. Более того, вблизи создается впечатление, что дверь просто нарисована.

За их спинами, в лесу, зарождается крик. Дейл подпрыгивает. Крик становится все пронзительнее, рассыпается маниакальным хохотом. И вновь воцаряется тишина.

— Туземцы нервничают, — комментирует Док.

— Может, через окно? — предлагает Джеку Нюхач.

— Нет. Мы войдем через дверь.

Произнося эти слова, Джек уже поднял биту Ричи Секссона. Теперь опускает ее. Издалека доносится жужжание, которое усиливается с каждой секундой. Дневной свет, и без того слабый в этом странном лесу, меркнет еще больше.

— Что теперь? — Нюхач поворачивается к проселку и припаркованной у крыльца патрульной машине. Он поднял «кольт», держит его на уровне правого уха. — Что... — Замолкает. Рука падает вниз. Рот открывается.

— Срань господня, — вырывается у Дока.

— Это твоя работа, Джек? — спрашивает Дейл. — Если да, то ты действительно очень тщательно скрывал свои таланты.

Свет померк, потому что вырубку перед «Черным домом» накрыл полог из пчел. Все новые и новые пчелы вылетают с просеки. Их мерное жужжание полностью нейтрализует гудение, которое издает дом. Рычание в лесу смолкает, исчезают и тени, мелькавшие между деревьями.

Голова Джека внезапно заполняется мыслями о матери и ее образами: Лили танцует, Лили с сигаретой в зубах ходит за камерой перед съемкой ключевой сцены, Лили сидит на подоконнике в гостиной, слушает, как Пэтси Клайн поет «Крейзи армз», и смотрит в окно.

В другом мире она, разумеется, тоже была королевой, пусть и другой, а королеве по определению полагалась свита.

Джек Сойер смотрит на облако пчел, их миллионы, может, миллиарды, должно быть, в этот день опустели все улья Среднего Запада, и улыбается. Улыбка приводит в движение мышцы глаз, и скопившиеся слезы текут по щекам. «Привет, — думает он. — Привет, родные мои».

Низкое, приятное на слух жужжание чуть меняет тон, словно отвечая ему. Возможно, это лишь игра воображения.

— Зачем они здесь, Джек? — с замиранием в голосе спрашивает Нюхач.

— Точно не знаю. — Джек поворачивается к двери, поднимает биту, ударяет один раз, но сильно. — Открывайся! — кричит он. — Приказываю тебе именем королевы Лауры Делессиан. И именем моей матери.

Слышится треск, столь громкий и резкий, что Дейл и Нюхач, морщась, как от боли, подаются назад. В верхнем правом углу появляется щель и стремительно спускается вниз. Из щели вырывается неприятный, но знакомый Джеку запах: запах смерти, который встретил их в развалинах «Закусим у Эда».

Джек берется за ручку. Она легко поворачивается в его руке. Он открывает дверь в «Черный дом».

Но прежде чем успевает пригласить всех войти, Док Амберсон начинает кричать.

Кто-то, возможно Эбби, возможно Ти-Джи, а может, туповатый Ронни Мешгер, дергает его за руку. Она чертовски болит, но это не самое худшее. Тот, что дергает его за руку, еще и издает какие-то странные звуки, какое-то гудение, и от него в голове все вибрирует. К тому же неподалеку что-то грохочет.

(Большая Комбинация — это Большая Комбинация), но это гудение!.. Какую же оно вызывает боль!

— Прекрати, — бормочет Тай. — Прекрати, Эбби, а не то я...

Слабые крики просачиваются сквозь электрическое гудение, и Тай Маршалл открывает глаза. К сожалению, ему не нужно время, чтобы понять, где он находится и что с ним произошло. Он разом вспоминает все.

Тай держался, пока старик не умер, повиновался звучащему в голове голосу матери и сохранял хладнокровие. Но стоило ему начать звать на помощь, как паника вернулась и захлестнула его. А может, то был шок. Или паника на пару с шоком. В любом случае он потерял сознание, зовя на помощь. И как долго провисел, подвешенный за закованную руку? По свету, проникающему в дверь лачуги, сказать невозможно, его яркость не изменилась. И от грохота и стонов огромной машины тоже толку нет, Тай понимает, что они не замолкают ни на секунду. Как крики детей и посвисты кнутов, которыми надсмотрщики поддерживают энтузиазм работников. Большая Комбинация никогда не останавливается. Она работает на крови и ужасе двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю.

Но гудение, это чертово электрическое гудение, эта самая большая в мире электробритва «Норелко»[1]... откуда оно? Что означает?

«Мистер Маншан поехал за моно, — раздается в голове голос Берни. Злобный шепот. — Монопоездом Конечного мира».

Страх холодной змеей вползает в сердце Тая. У него нет ни малейших сомнений, что он слышит, как этот монопоезд в этот самый момент вползает под навес, построенный у дальнего конца Стейшн-хауз-роуд. Мистер Маншан оглянется, ища взглядом своего мальчика, своего особенного мальчика и, не увидев его (и Берн-Берна тоже), отправится на поиски?

---

[1] «Норелко» — товарный знак электробытовых изделий и электроники, выпускаемых корпорацией «Норт американ Филипс», американским филиалом голландской компании «Филипс».

— Естественно, отправится, — бормочет Тай. — Это же ясно как божий день.

Он смотрит на свою левую руку. Если бы не наручник, она сама бы выскользнула из металлического кольца. Он тем не менее несколько раз дергает рукой, но наручник только со звоном ударяется о кольцо. Второй наручник, который пытался достать Берни, когда Тай ухватил его за яйца, болтается на цепочке, наводя мальчика на мысли о виселице, которая высится у съезда на Стейшн-хауз-роуд.

И тут гудение, от которого слезятся глаза и ноют зубы, разом сходит на нет.

«Он выключил двигатели. Теперь ищет меня на станции, чтобы убедиться, что меня там нет. Убедится, и что потом? Знает ли он это место? Конечно же, знает».

Страх превращается в ужас. Берни бы все отрицал. Берни бы сказал, что лачуга — его маленький секрет, его особое место, о котором никто не имеет ни малейшего понятия. В своей самоуверенности ему даже не приходила мысль о том, что его так называемый друг мог использовать лачугу и в собственных целях.

В голове вновь звучит голос матери, и на этот раз Тай действительно уверен, что слышит мать. «Ты не можешь полагаться на кого-то еще. Они могут прийти вовремя, а могут и не успеть. Ты должен исходить из того, что они не успеют. Ты должен выбраться отсюда сам».

Но как?

Тай смотрит на старика, лежащего на пропитанном кровью земляном полу, головой к двери. Мысль о мистере Маншане пытается отвлечь его: друг Берни спешит по Стейшн-хауз-роуд (или едет на своей тележке для гольфа), чтобы поскорее добраться до него и отвезти к аббала. Тайлер отгоняет эту мысль. Она — шаг навстречу панике, а паниковать он больше не может. Нет времени.

— Я не могу подтащить его, — говорит Тай. — Если ключ в кармане, я погиб. Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ши...

Глаз цепляется за лежащий на полу предмет. Это мешок старика, из которого он доставал шапку. И наручники.

«Если наручники лежали в мешке, ключ, возможно, тоже там».

Тай, насколько можно, вытягивает левую ногу. Результат нулевой. До мешка он не достает. Как минимум четыре дюйма. До мешка четыре дюйма, а мистер Маншан приближается и приближается.

Тай буквально чует его.

Док кричит и кричит, отдавая себе отчет, что кричат и другие, требуя, чтобы он замолчал. Но ведь все нормально, бояться нечего, разве что у него горлом пойдет кровь. Это же пустяк. Важно другое: Голливуд открыл дверь в «Черный дом» и перед ними предстал его официальный представитель.

Представитель этот — Дейзи Темперли, кареглазая девушка Дока. На ней красивое розовое платье. Кожа бледная, как бумага, за исключением правой части лба, где кусок кожи отвалился, обнажив красный череп.

— Заходи, Док, — говорит Дейзи. — Поговорим, как ты меня убил. А потом ты сможешь спеть. Споешь мне? — Она улыбается. Улыбка переходит в ухмылку. Ухмылка обнажает полный рот вампирских зубов. — Ты будешь петь мне вечно.

Док пятится, поворачивается, чтобы сбежать с крыльца, и вот тут Джек хватает его и трясет. Док Амберсон — здоровяк, двести шестьдесят фунтов на выходе из душа, двести восемьдесят пять в полном дорожном прикиде, как сейчас, но Джек трясет его без труда, только голова мотается из стороны в сторону. Вместе с волосами.

— Это галлюцинации, — говорит Джек. — Используемые для того, чтобы не пустить нас туда. Я не знаю, что ты видел, Док, но этого нет.

Док осторожно смотрит через плечо Джека. На мгновение видит стремительно удаляющееся розовое пятно, прямо-таки атака адского пса, только в обратную сторону,

а потом исчезает и оно. Он поворачивает голову к Джеку. По загорелому, обветренному лицу текут слезы.

— Я не хотел ее убивать, — говорит он. — Я ее любил. Но в тот вечер я устал. Очень устал. Вы когда-нибудь уставали, Голливуд?

— Да, — кивает Джек. — И если мы выберемся отсюда, я буду спать целую неделю. Но сейчас... — Он переводит взгляд с Дока на Нюхача. С Нюхача — на Дейла. — Мы еще много чего увидим. Дом использует против нас наши же самые ужасные воспоминания: неправильные поступки, незаслуженные обиды, которые мы нанесли людям. Но в целом ситуация изменилась в нашу пользу. Думаю, со смертью Берни дом лишился большей части своих ядовитых клыков. И теперь нам остается только найти дорогу, по которой прошел Тай, на ту сторону.

— Джек. — Дейл стоит на пороге, на том самом месте, откуда Дейзи приветствовала своего лечащего врача. Глаза у него что плошки.

— Что?

— Найти дорогу... проще сказать, чем сделать.

Они подходят к Дейлу. За дверь. Огромный круглый холл, такой большой, что Джеку сразу вспоминается базилика Святого Петра. На полу — акр ядовито-зеленого ковра, расписанного сценами пыток и богохульства. Отовсюду в холл открываются двери. Кроме того, Джек видит четыре лестницы. Моргает, и лестниц уже шесть. Еще моргает, и их двенадцать. Уводящих неведомо куда.

Он слышит гудение — голос «Черного дома». Он слышит и что-то другое: смех.

«Заходите, — говорит им «Черный дом». — Заходите и бродите по этим комнатам до скончания веков».

Джек моргает, и перед ним тысяча лестниц, некоторые движутся, одни появляются, другие исчезают. За дверьми — галереи с картинами, галереи со скульптурами, галереи с фонтанами и совершенно пустые.

— Что же нам делать? — спрашивает Дейл. — Что же нам теперь делать?

* * *

Тай никогда не видел приятеля Берни, но, прикованный за руку, он, как выясняется, без труда может его себе представить. В этом мире мистер Маншан — реальное существо... но не человек. Тай видит, как он в черном костюме и красном галстуке торопливо идет по Стейшн-хауз-роуд. У мистера Маншана большущее лицо, на котором доминируют красный рот и один глаз. Эмиссар и правая рука аббала, как рисует его воображение Тая, отдаленно напоминает Шалтай-Болтая. На нем жилетка, пуговицы которой — человеческие кости.

«Должен вырваться отсюда. Должен добраться до мешка... но как?»

Он вновь смотрит на Берни. На торчащие из живота кишки. Вытягивает ногу, на этот раз не к мешку. Мыском кроссовки подцепляет вымаранную в земле петлю кишок Берни. Поднимает, подкидывает. Петля кишок отцепляется от мыска.

Падает за мешок.

Отлично. Теперь только бы подтащить мешок. Только бы он не выскользнул из петли.

Стараясь не думать о приземистой, спешащей фигуре с длиннющим лицом, Тай опять вытягивает ногу. Подсовывает под торчащий из живота конец кишечной петли и тянет на себя. Очень осторожно, очень плавно.

— Это невозможно, — вырывается у Нюхача. — Не может этот дом быть таким большим. Ты это знаешь, правда?

Джек набирает полную грудь воздуха, выдыхает его, набирает вновь и произносит одно слово, решительно и отчетливо.

— Ди-ямбер? — переспрашивает Нюхач. — Что такое ди-ямбер?

Джеку нет нужды отвечать. Из огромного темного облака жужжащих пчел, заполнивших вырубку перед домом (патрульная машина Дейла плотно укрыта желто-черным тентом), вылетает одна-единственная пчела.

Она (в том, что это Королева би-фильмов, сомнений ни у кого нет) проскальзывает между Дейлом и Доком, на мгновение замирает перед Нюхачом, оценивая то ли байкера, то ли мед под его носом, потом зависает перед Джеком. Она очень пухлая и удивительно красивая. Непонятно только, как с такими маленькими крылышками и большим телом ей удается держаться в воздухе. Джек поднимает палец, словно профессор на лекции, перед тем как огласить важный постулат. Пчела приземляется на его подушечку.

— Ты от нее? — Вопрос Джек задает тихим голосом, таким тихим, что его никто не слышит, даже Нюхач, который стоит рядом. Джек не уверен, о ком он ведет речь. О своей матери? О Лауре Делессиан? Джуди? Софи? А может, есть другая сила, противостоящая Алому Королю? Скорее всего такая сила есть, но Джек полагает, что ему никогда об этом не узнать.

В любом случае пчела только смотрит на него широко расставленными черными глазками, крылышки пребывают в непрерывном движении. А Джек понимает, что на эти вопросы ответы ему не нужны. Он вел себя как дурья башка, но теперь проснулся, вылез из кровати. Дом огромен, пропитан злобой и полон секретов, но что с того? У него призовая бита Тая, у него друзья, у него д'ямба, а теперь вот еще и королева би-фильмов. Этого более чем достаточно. Ему есть с чем идти в глубины «Черного дома». Более того, и это самое приятное, он готов идти туда с радостью.

Джек подносит палец ко рту и мягко сдувает пчелу в холл «Черного дома». Какие-то мгновения она бесцельно кружит, а потом подается налево, в бесформенный дверной проем.

— Пошли, — говорит Джек. — Теперь у нас есть проводник.

Остальные трое переглядываются, потом следуют за Джеком навстречу, как уже все понимают, своей общей судьбе.

Невозможно сказать, сколько времени банда Сойера проводит в «Черном доме», дыре, которая затягивала в себя Френч-Лэндинг и окрестные города. Столь же невозможно описать, что они там видят. В определенном смысле прогулка по «Черному дому» равносильна путешествию по мозгу психически больного, и в такой структуре нам не найти ни планов на будущее, ни воспоминаний о прошлом. В мозгу сумасшедшего существует только бурлящее настоящее, с дикими желаниями, параноидальными мыслями, фантастическими допущениями. Поэтому неудивительно, что увиденное в «Черном доме» должно стираться из памяти практически сразу после того, как взгляд перемещается на другое, оставляя только смутную тревогу, какую мог бы вызвать далекий крик опопанакса. Это милосердная амнезия.

Королева ведет их, пчелиный рой летит следом, нарушая жужжанием тишину, столетиями царившую в огромных комнатах (конечно же, мы понимаем, интуитивно, не руководствуясь здравым смыслом, что «Черный дом» существовал задолго до того, как Берни построил его наземную часть во Френч-Лэндинге). В какой-то момент четверка спускается по лестнице из зеленого стекла. Сквозь ступени они видят птиц, парящих, как стервятники, потерявшихся детей, с бледными лицами, которые вопят от страха. В длинной комнате, схожей с пульмановским вагоном, ожившие персонажи мультфильмов: два кролика, лиса, лягушка в белых перчатках сидят за столом и едят вроде бы блох. Это действительно герои мультиков, черно-белых мультиков сороковых годов прошлого века, и у Джека при взгляде на них режет глаза, потому что они — как бы реальные. Кролик подмигивает Джеку, когда банда Сойера проходит мимо, и в глазу, который остается открытым, читается жажда убивать. Они проходят пустой зал, в котором звучат голоса, говорящие на иностранном языке. Вроде бы на французском, но слова совершенно незнакомые. Им встречается комната, заполненная буйной тропической растительностью,

освещенная ярким солнцем. На одном из деревьев кокон, в котором маленький дракончик, завернутый в собственные крылья. «Не может он быть драконом, — ну очень серьезно, словно по ходу научной дискуссии, говорит Док Амберсон. — Драконы рождаются из яиц или зубов взрослых драконов. А может, и так, и этак». Они идут длинным коридором, который, закругляясь, превращается в тоннель, а потом сбрасывает их вниз по длинному скату, под грохочущую музыку, доносящуюся из невидимых динамиков. Джеку кажется, что играют «Коузи Коул», а может, «Джин Крупа». Стены расходятся, и какие-то мгновения они скользят над пропастью, у которой в прямом смысле нет дна. «Рулите руками и ногами! — кричит Нюхач. — Если не хотите свалиться через край, РУЛИТЕ!» Наконец скат сбрасывает их в, как выразился Дейл, Земляную комнату. Они идут среди куч дурно пахнущей земли под яркими лампами, свисающими с потолка из ржавой жести. По земле ползают полчища зеленовато-белых паучков. К тому времени, когда комната остается позади, все тяжело дышат. Земля набилась в обувь, одежда перепачкана. На выходе из комнаты — три двери. Их проводница жужжит и вычерчивает иммельман перед средней. «Да нет же, — возражает Дейл. — Я уверен, что нам нужна та дверь, что за портьерой».

Джек говорит ему, что с такими шутками надо подаваться в комики, и открывает дверь, на которую указала пчела. За ней огромная автоматическая прачечная, которую Нюхач тут же нарекает Холлом чистоты. Сгрудившись, они следуют за пчелой по жаркому, влажному коридору меж гудящих стиральных машин и сушилок. Пахнет печеным хлебом. Стиральные машины, каждая с окошком, стоят на стеллажах, верхний из которых находится на высоте пятидесяти футов. Над ними, в дымке тумана, летают воробьи. То и дело они натыкаются на горки из костей или иные свидетельства того, что люди сюда забредали (или их приводили). В коридоре они находят мотороллер, заросший сорняками. Далее видят заржавевшие

коньки для фигурного катания. В библиотеке на столе красного дерева человеческими костями выложено слово «СМЕХ». В богато обставленной (но давно уже забытой хозяевами) гостиной, куда приводит их пчела, Дейл и Док видят, что одна стена украшена человеческими лицами, которые срезали, высушили и растянули и укрепили на деревянных подставках. В пустых глазницах нарисовали огромные, удивленные глаза. Дейл думает, что одно лицо он точно узнал: Милтона Вандерли, школьного учителя, который как сквозь землю провалился три или четыре года назад. Все полагали, что младший брат Дона Вандерли просто уехал из города. «Да, — думает Дейл, — он уехал, только не в другой город, а в другой мир». В каменном коридоре пчела залетает в одну из маленьких грязных камер и описывает круги над рваным матрацем. Сначала члены банды Сойера молчат. Все ясно без слов. Тай был здесь, и не так уж давно. Они улавливают его запах... его страх. Потом Нюхач поворачивается к Джеку. Синие глаза яростно сверкают.

— Старый козел чем-то обжег его. Или ударил электроразрядом.

Джек кивает. Он тоже учуял этот запах, только не знает, носом или головой. Впрочем, разницы никакой.

— Бернсайд больше никого не обожжет и не ударит, — говорит он.

Королева би-фильмов проскальзывает мимо них и вылетает в коридор.

Левая его часть, откуда они пришли, заполнена жужжащим роем. Они поворачивают направо, и пчела уже ведет их вниз по бесконечно длинной лестнице. В какой-то момент они попадают под капель: в «Черном доме» где-то прохудилась труба. Пять или шесть ступенек мокрые — и они видят следы. Слишком размытые, чтобы эксперты могли распознать их (эта мысль одновременно приходит в голову и Джеку, и Дейлу), но обнадеживающие: следы двух человек, взрослого и ребенка, и совсем свежие. Сле-

довательно, направление выбрано правильное! Они прибавляют шагу, а следом спускается и жужжащее облако, совсем как саранча из Ветхого Завета.

Время, возможно, перестало существовать для банды Сойера, но для Тая Маршалла оно несется со все увеличивающейся скоростью. Он не знает, действительно ли мистер Маншан направляется к лачуге или в этом уверено только его воображение, но чертов мешок никак не дается в руки. Ему удалось подтащить его ближе с помощью петли из кишок, но оказалось, что это самая легкая часть. А самая трудная — ухватиться за него.

Ничего не выходит. Как бы он ни вытягивал левую руку, как бы ни изгибался, двух футов не хватает. Слезы боли катятся по щекам. И смешиваются с потом, стекающим со лба.

— Поддай его ногой, — говорит он. — Как футбольный мяч. — И смотрит на мучителя, распростертого на полу. — Как футбольный мяч, так, Берн-Берн?

Ребром стопы подталкивает мешок к стене, начинает поднимать его по запятнанному кровью дереву. Одновременно тянет к нему руку... уже четырнадцать дюймов... один фут... уже...

...и кожаный мешок срывается с ноги и падает на земляной пол. Увы.

— Ты приглядываешь за ним, не так ли, Берни? — Тай тяжело дышит. — Ты должен, знаешь ли, я-то стою к двери спиной. Ты — дозорный, да? Ты... Блин! — На этот раз мешок свалился с ноги, едва Тай начал его поднимать. Свободной рукой он лупит по стене.

«Зачем ты это делаешь? — любопытствует хладнокровный голос. Вроде бы его матери, но не совсем. — Тебе это поможет?»

— Нет, — негодует Тай, — но мне становится легче.

«Тебе станет легче, когда ты освободишься. А теперь попробуй еще раз».

Тай вновь прижимает кожаный мешок к стене. Начинает поднимать, чувствует, внутри что-то есть (может, и ключ), но как знать, что именно? Через кроссовку какая чувствительность? Мешок начинает скользить вверх. Осторожно... не слишком быстро... главное, не потерять мяч...

— Не впускай его, Берни, — шепчет он мертвецу за спиной. — За тобой должок, так что ты должен мне в этом помочь. Я не хочу ехать на моно. Не хочу в Конечный мир. И не хочу становиться Разрушителем. Не знаю, кто они, но не хочу становиться одним из них. Мне бы стать исследователем... может, подводного мира, как Жак Кусто... или военным летчиком... или... БЛИН! — В последнем слове уже не раздражение из-за того, что мешок опять свалился с ноги, а ярость и паника.

Мистер Маншан, он очень спешит. Подходит все ближе. Чтобы увезти его с собой. Дин-та. Аббала-дун. Оттуда ему уже не выбраться.

— Чертова ключа, может, там и нет. — В голосе слышны близкие рыдания. — Или есть, Берни?

Чамми Бернсайд предпочитает не отвечать на вопрос.

— Готов спорить, в мешке ничего нет. Может, только... ну, не знаю... таблетки «Тамс»[1]. Человеческое мясо наверняка вызывало у тебя изжогу.

Тем не менее Тай вновь прижимает мешок к стене и начинает поднимать его навстречу протянутым пальцам.

Дейл Гилбертсон прожил в округе Каули всю жизнь, и дикая природа ему не в диковинку. Наоборот, леса, поля и луга, уходящие к горизонту, он воспринимает как норму. Возможно, поэтому выжженные и подернутые дымом земли вокруг Конджер-роуд вызывают у него столь сильное отвращение.

---

[1] «Тамс» — нейтрализатор кислотности, выпускаемые фирмами «Норклифф-Тейер» и «Смитклайн».

— Куда нас занесло? — спрашивает он Джека. Слова перемежаются вдохами. У банды Сойера тележки для гольфа нет, поэтому они идут пешком. Более того, идут быстрее, чем Тай ехал на «E-Z-Go».

— Точно не знаю, — отвечает Джек. — Я видел похожие места много лет назад. Они назывались Проклятыми землями. Там...

Человек с зеленоватой чешуйчатой кожей бросается на них из-за огромных валунов. В руке он держит кнут. Джек почему-то знает, что это не просто кнут, а арапник. «Бар-р-р!» — кричит страшилище, голосом напоминая Ричарда Слоута.

Джек поднимает биту Тая и вопросительно смотрит на зелененького: «Хочешь получить этим?» Получить битой зелененький определенно не хочет. Несколько секунд смотрит на них, потом поворачивается и убегает. Исчезает за валунами, из-за которых и появился.

— Не нравится им Уандербой. — Нюхач с уважением смотрит на биту. Она так и осталась битой, то же самое можно сказать о «кольтах» и «ругерах» и о членах банды Сойера: Джеке, Дейле, Нюхаче, Доке. И Джек приходит к выводу, что не очень-то этим и удивлен. Паркус сказал ему, что дело тут не в двойниках, сказал во время их совещания неподалеку от госпитального шатра. Этот мир, возможно, расположен по соседству с Долинами, но это не Долины. Джек как-то об этом забыл.

«Да, забыл... потому что слишком многое приходилось держать в голове».

— Не знаю, парни, пригляделись ли вы к стене по ту сторону этой очаровательной сельской дороги, — говорит Док, — но большие белые булыжники, судя по всему, черепа.

Нюхач пристально оглядывает стену, потом вновь смотрит вперед.

— Меня больше волнует вот та штуковина. — Над холмами поднимается гигантское сооружение из металла и стекла, набитое какими-то механизмами. Верхняя часть

сооружения исчезает в облаках. Они видят маленькие фигурки, слышат удары кнутов. С такого расстояния удары эти напоминают выстрелы из мелкокалиберных винтовок. — Что это, Джек?

Первая мысль Джека — перед ним Разрушители Алого Короля. Но нет, их слишком много. Сооружение похоже на какой-то завод или энергетическую станцию, приводимую в движение рабами. Детьми, недостаточно талантливыми для того, чтобы стать Разрушителями. В его сердце закипает ярость. Похоже, пчелы это чувствуют, потому что их жужжание усиливается.

И тут же в голове Джека слышится голос Спиди: «Остынь, Джек, твоя первейшая задача — спасение одного маленького мальчика. И времени у тебя очень, очень мало».

— Господи, — Дейл поднимает руку, — глаза меня не обманывают?

Он указывает на виселицу.

— Если вы видите виселицу, — отвечает ему Док, — то к окулисту вам обращаться незачем.

— Посмотрите на все эти ботинки, — продолжает Дейл. — Чего они навалили такую кучу обуви?

— Бог знает, — пожимает плечами Нюхач. — Полагаю, таков местный обычай. Мы близко, Джек? Сколько нам еще идти?

Джек смотрит на дорогу, ведущую к громадной постройке, потом на другую, отходящую от нее, в начале которой стоит виселица.

— Близко, — отвечает он. — Я думаю...

И тут впереди слышатся крики. Крики ребенка, стоящего на грани безумия. А может, перешагнувшего эту грань.

Тай Маршалл слышит приближающееся жужжание пчел, но думает, что жужжат они только у него в голове, что звук этот — производная его растущей тревоги. Он не знает, сколько раз пытался поднять кожаный мешок Берни

по стене: сбился со счета. У него нет и мысли, что координация движений улучшится, если снять шапку, которая выглядит как матерчатая, а сработана из металла. Он забыл о ее существовании. Знает только одно: он устал, вспотел, его трясет, но, если он не успеет вовремя добраться до мешка, для него все будет кончено.

«Я, наверное, пойду с мистером Маншаном, если он пообещает мне стакан воды», — думает Тай. Но у него железная воля Джуди, да и Софи настаивает на том, чтобы он не сдавался. Поэтому, игнорируя боль в бедре, он вновь начинает поднимать мешок, на этот раз поддерживая ногу правой рукой.

Десять дюймов... восемь... ближе, чем когда-либо...

Мешок начинает скользить влево. Вот-вот упадет с ноги. Опять.

— Нет, — шепчет Тай. — На этот раз нет.

Он сильнее прижимает кроссовку к дереву, продолжает поднимать мешок.

Шесть дюймов... четыре... три... мешок все сильнее заваливается влево, сейчас окончательно соскользнет...

— Нет! — кричит Тай, наклоняется вперед. В спине что-то трещит. В левом плече — тоже. Но его пальцы скользят по коже... потом хватают ее. Он тянет мешок к себе... едва не роняет. — Ни в коем разе, Берни. — Он трясет мешок, потом прижимает к груди. — Никуда ему теперь от меня не деться, никуда! — Он ухватывает мешок зубами. Какая же от него идет вонь — одеколон Бернсайда. Но он вонь игнорирует, лихорадочно шарит в мешке правой рукой. Поначалу *ничего не находит*, потом его пальцы нащупывают какой-то маленький металлический предмет. Он вытаскивает руку из мешка. В ней — ключ.

«Только бы не уронить его, — думает Тай. — Если уроню, сойду с ума. Точно сойду».

Ключ он не роняет. Поднимает над головой, вставляет в маленькое отверстие в наручнике, который сжимает его левое запястье, поворачивает. Наручник раскрывается.

Медленно, очень медленно Тай высвобождает руку из железного кольца. Наручники падают на земляной пол. Он опускает левую руку, и тут ему в голову приходит дикая мысль: на самом-то деле он в камере в «Черном доме», спит на рваном матраце, в одном углу — ведро для физиологических отправлений, в другом — миска с разогретыми мясными консервами. И обретенная свобода — плод воображения, лучик надежды, подаренный ему перед тем, как его самого отправят в котел.

Снаружи доносится грохот Большой Комбинации и крики детей, которые бредут, бредут, бредут на окровавленных ножках, приводя ее в движение. И где-то рядом мистер Маншан, жаждущий увезти его куда-то далеко-далеко, где будет хуже, чем здесь.

И все же это не сон. Тай не знает, куда он пойдет и сумеет ли вернуться в свой мир, но первый шаг — выбраться из этой лачуги и из этого места. Ноги у него подгибаются, как у человека, впервые поднявшегося с постели после долгой болезни или несчастного случая, но Тай Маршалл переступает через тело Бернсайда и выходит из лачуги. Небо затянуто облаками, земля голая, небоскреб боли и грохота страшит, но Тай испытывает безмерную радость. Потому что наконец-то обрел свободу. Только выйдя из лачуги, он понимает, что, входя в нее, практически попрощался с жизнью. На мгновение Тай закрывает глаза, поднимает лицо к серому небу. Поэтому не видит фигуру, что скромно стоит у угла, ожидая появления Тая. Для этого господина важно, чтобы мальчик вышел в шапке. Убедившись, что она на голове Тая, лорд Малшан — более точно на земных языках его имя не произнести — выступает вперед. Его огромное лицо похоже на половник, обтянутый кожей. Единственный глаз выпучен. Красные губы растянуты в улыбке. Когда он обнимает мальчика, Тай начинает кричать, не столько от страха и удивления, как от ярости. Он же приложил столько усилий, чтобы освободиться, столько усилий!

— Тихо! — шепчет лорд Малшан, но, поскольку из груди Тая продолжают исторгаться дикие крики (на верхних ярусах Большой Комбинации некоторые дети прекращают работу и поворачиваются на эти крики, однако удары кнутов жестоких надсмотрщиков тут же напоминают им, что отвлекаться от работы не положено), лорд аббала произносит еще одно слово, уже на Черном наречии: — Пнанг.

Тай обмякает. Если бы лорд Малшан не поддерживал его, свалился бы на землю. Стоны протеста продолжают вырываться из полуоткрытого рта мальчика, но он больше не кричит. Лорд Малшан поворачивает длинное, похожее на половник лицо к Большой Комбинации и улыбается. Жизнь хороша! Потом заглядывает в лачугу... На мгновение, но не без интереса.

— Убил его, — говорит лорд Малшан. — С шапкой на голове. Потрясающий мальчишка! Король захочет встретиться с тобой лично. Прежде чем ты отправишься в Динта, знаешь ли. Возможно, угостит тебя пирогом и кофе. Ты только представь себе, юный Тайлер! Пирог и кофе в компании аббала! Пирог и кофе за одним столом с королем!

— ...не хочу идти... хочу домой... к ма-а-а-а... — Слова выплескиваются, как кровь из смертельной раны.

Лорд Малшан проводит пальцем по губам Тая, и под его прикосновением они смыкаются.

— Тихо, — повторяет скаут аббала. — Если кто меня и раздражает, это болтливый попутчик. Путешествие нам предстоит долгое. Края эти находятся далеко от твоего дома, друзей, семьи... да не плачь ты. — Лорд Малшан замечает слезы, катящиеся по щекам мальчика. — Не плачь, маленький Тай. У тебя появятся новые друзья. Например, Старший Разрушитель. Все мальчики любят Старшего Разрушителя. Его зовут мистер Братигэн. Может, он расскажет тебе истории своих побегов. Они такие забавные! Просто потрясающие! А теперь мы должны идти! Тебя ждут пирог и кофе у короля! Помни об этом!

Лорд Малшан полный, ноги у него колесом (причем ноги эти заметно короче огромного лица), но силы ему не занимать. Он засовывает Тая под мышку, словно весит мальчик не больше газеты. В последний раз смотрит на Берни, без всякого сожаления: в штате Нью-Йорк уже появился многообещающий молодой человек, а Берни свое отслужил.

Лорд Малшан склоняет голову набок, с губ слетает смешок. А потом отправляется в обратный путь, не забыв поглубже надвинуть шапку на голову мальчика. Тай — не просто Разрушитель, он, возможно, самый могущественный Разрушитель из всех живших и живущих. К счастью, он еще не подозревает о своих способностях. Возможно, ничего не случится, если шапка и свалится с его головы, но лучше не рисковать.

Упругим шагом, даже напевая что-то себе под нос, лорд Малшан выходит на Конджер-роуд, поворачивает налево, чтобы через полмили свернуть на Стейшн-хаузроуд, и замирает. Дорогу ему загораживают четверо мужчин, которых лорд Малшан называет Тер-та. Это сленговое прозвище и не слишком лестное. В Книге правильного земледелия Тером называется период Полной Земли, когда проводится спаривание домашней скотины. Лорд Малшан воспринимает мир, расположенный за парадной дверью «Черного дома», как огромный аквариум с самыми разными рыбками, куда он может залезать сачком и отлавливать, разумеется на благо аббала, тех, кого пожелает.

Четверо мужчин с Тера? Губы Малшана пренебрежительно кривятся, отчего лицо еще больше удлиняется. Что они здесь делают? Как им вообще удалось сюда попасть? На что они сейчас надеются?

Улыбка начинает вянуть, когда он видит палку у одного из них. Она светится многоцветьем, но цвета эти то и дело сливаются в один — белый. Ослепляющий свет. Лорд Малшан знает только одну вещь, так же светящуюся, и вещь эта — Сфера Вечности, которую некий маленький

мальчик-бродяжка воспринимал как Талисман. Мальчик лишь однажды коснулся его, но, как могла сказать ему Лаура Делессиан, как Джек уже знает сам, прикосновение к Талисману остается навеки.

Улыбка исчезает полностью, когда лорд Малшан понимает, что мужчина с палкой и есть тот самый мальчик. Он снова пришел, чтобы помешать их планам, но если он думает, что вернет себе главный приз, то сильно ошибается. В конце концов, это палка, а не Сфера, и если часть силы Сферы по-прежнему живет в этом человеке, то она крайне невелика. По прошествии стольких лет она не могла не обратиться в пыль.

«А вдруг не обратилась? Тогда в пыль превратят меня, в случае, если мальчик достанется им, — думает лорд Малшан. — Я должен...»

Его единственный глаз так и притягивает темное облако, висящее за людьми из Тера. Оно мерно, сонно жужжит. Пчелы? Пчелы с жалами? Пчелы с жалами между ним и Стейшн-хауз-роуд?

Ладно, он ими займется позже. После того, как разберется с этими назойливыми людьми.

— Добрый день, господа, — здоровается лорд Малшан наиприятнейшим голосом. Немецкий акцент исчезает бесследно. Говорит английский аристократ из комедии, поставленной в одном из театров Вест-Энда в середине пятидесятых годов прошлого столетия. — Как прекрасно, что вы решили нанести мне визит, забравшись в такую даль, действительно прекрасно, учитывая, что день выдался таким пасмурным. Однако, боюсь, здесь все дни такие пасмурные, в Динах Конечного мира солнца практически не бывает, так уж исторически сложилось, знаете ли, но, самое ужасное, я не могу остаться с вами, должен бежать. К сожалению, меня ждут в другом месте. Вместе с ним.

Лорд Малшан поднимает Тая и трясет. Хотя глаза мальчика открыты и он, безусловно, воспринимает происходящее, его руки и ноги болтаются, как у тряпичной куклы.

— Поставь его на землю, Маншан, — говорит тот, что с палкой, и лорд Малшан вдруг понимает, что у него могут возникнуть проблемы. Действительно могут. Но улыбка его становится шире, обнажая большие острые, чуть загнутые внутрь зубы. Если они во что-то вцепятся, кусок обязательно останется в костяной ловушке.

— Маншан? Маншан? Здесь таких нет. И Мистера Понедельника, между прочим, тоже. Все ушли, аля-улю. А насчет того, чтобы поставить мальчика на землю, не могу, дорогой мой, просто не могу. Я дал слово, знаете ли. И потом, вы должны почитать себя счастливчиками. В вашем городе больше не правит ужас! Ура! Рыбак мертв... этот мальчик лично с ним разделался, этот удивительный мальчик. — Он вновь трясет Тая, следя за тем, чтобы голова находилась выше тела. Нельзя допустить, чтобы шапка свалилась с головы.

Пчелы его тревожат.

«Кто послал пчел?»

— Мать мальчика в сумасшедшем доме, — говорит мужчина с палкой. Палка светится все ярче, с нарастающим страхом осознает лорд Малшан. Сейчас он очень боится, но вместе со страхом приходит и злость. Неужели они действительно могут отнять его? Действительно могут отнять мальчика? — Она в сумасшедшем доме и хочет, чтобы сын вернулся к ней.

Если так, то их старания будут вознаграждены трупом.

Но свой страх лорд Малшан скрывает за широкой улыбкой. Поднимает обмякшее тело Тая ко рту, щелкает зубами менее чем в дюйме от его шеи.

— Предложите ее мужу вставить в нее свою палку и сделать еще одного мальчика. Я уверен, что ему это по силам. В конце концов, они живут в Тер-та. В Тер-та женщине, чтобы забеременеть, иной раз достаточно перейти улицу.

— Ей нужен этот, — возражает один из бородачей.

— Но мне он тоже нужен, дорогой мой, тоже нужен. — На этот раз лорд Малшан легонько кусает шею Тая, по-

казывается кровь, как при порезе при бритье. За спиной Малшана Большая Комбинация гремит по-прежнему, но крики прекратились. Словно дети, которые приводили в движение все сооружение, поняли: что-то изменилось или может измениться, мир пришел в состояние неустойчивого равновесия.

Мужчина со светящейся палкой делает шаг вперед. Лорд Малшан против воли отступает на шаг. Выказывать слабость и страх — ошибка, он это знает, но ничего не может с собой поделать. Ибо перед ним не обычный та. Он из породы стрелков, воинов Верхнего мира.

— Еще шаг, и я разорву ему горло, дорогой мой. Мне не хочется этого делать, очень не хочется, но, можете не сомневаться, я это сделаю.

— Ты умрешь двумя секундами позже, — отвечает мужчина с палкой. Страха в нем нет совершенно, ни за себя, ни за Тая. — Ты этого хочешь?

На самом деле, выбирая между смертью и возвращением к Алому Королю с пустыми руками, лорд Малшан выбрал бы смерть. Но возможно, до этого не дойдет. Успокаивающее слово сработало с мальчиком и сработает как минимум с остальной троицей, обыкновенными людьми. А когда они будут стоять как истуканы с открытыми глазами, не чувствуя ни рук ни ног, лорд Малшан сможет заняться четвертым. Это, разумеется, Сойер. Такая у него фамилия. Что же касается пчел, то у него достаточно защитных слов, чтобы целым и невредимым добраться по Стейшн-хауз-роуд до моно. А если его и ужалят несколько раз, что с того?

— Ты этого хочешь? — повторяет вопрос Сойер.

Лорд Малшан улыбается.

— Пнанг! — восклицает он, и за спиной Джека Сойера Дейл, Нюхач и Док застывают.

Лорд Малшан улыбается во весь рот.

— И что вы теперь будете делать, мой дорогой друг? Что вам теперь делать, когда ваши друзья более ничем не могут вам...

Но Арманд «Нюхач» Сен-Пьер направляется к Джеку. Первый шаг дается ему с огромным трудом, каждый последующий — гораздо легче. Теперь уже его улыбка обнажает зубы.

— Вина за смерть моей дочери лежит на тебе, — говорит он. — Может, ты сам ее не убивал, но Бернсайд действовал по твоей указке. Так? Я — ее отец, говнюк. Ты думаешь, меня можно остановить одним сраным словом?

Док присоединяется к своему другу.

— Ты испоганил мой город, — рычит Дейл Гилбертсон. И идет за остальными.

Лорд Малшан не верит своим глазам. Черное наречие их не остановило. Ни одного. Они загораживают ему дорогу! Они посмели загородить ему дорогу к прогрессу!

— Я его убью! — рычит лорд Малшан. — Я его убью. И что ты на это скажешь, Солнечный мальчик? Как сможешь мне помешать?

Вопрос поставлен ребром: кто кого? Мы не можем наблюдать за схваткой сверху, увы, поскольку ворона, которую мы использовали для передвижения (заверяем вас, Горг не имел об этом ни малейшего представления), мертва, но даже со стороны видно, что это типичная сцена десяти тысяч фильмов, как минимум в дюжине из которых снялась Лили Кавано.

Джек наклоняет биту, в которой даже Нюхач узнал Уандербоя. Рукояткой упирается в плечо, нацеливает в голову лорда Малшана.

— Опусти его на землю, — говорит он. — Даю тебе последний шанс.

Лорд Малшан поднимает мальчика выше.

— Давай! — кричит он. — Стрельни в меня энергетическим разрядом! Я знаю, ты это можешь! Ты попадешь и в мальчика! Ты попадешь в мальчика и...

Из оконечности биты Ричи Секссона вырывается ослепительно-яркий луч, тонкий, как острие карандаша. Он попадает в единственный глаз лорда Малшана и выжигает

его. Демон вопит, наклоняется вперед, раскрывает челюсти, чтобы укусить и в смерти.

Но не успевает, потому что второй луч из серебряного перстня на левой руке Нюхача Сен-Пьера попадает эмиссару аббала в рот. Красные губы лорда Малшана охватывает пламя... но он удерживается на ногах, стоит на дороге спиной к Большой Комбинации, пытается укусить, оборвать жизнь талантливого сына Джуди Маршалл.

Дейл бросается вперед, хватает мальчика за талию и плечи, выдергивает из рук Малшана, отскакивает к обочине. Его бледное лицо сурово и решительно.

— Прикончи его, Джек! — орет Дейл. — Прикончи этого сукина сына!

Джек приближается к ослепленному, вопящему, обожженному демону, который размахивает руками посреди Конджер-роуд. Кладет биту на правое плечо, обеими руками берется за рукоятку. Лучами бита отстрелялась, теперь самое время использовать ее по прямому назначению.

— Получи, дорогой. — И Джек наносит удар, который сделал бы честь и Ричи Секссону. Даже Большому Маку. Бита врезается в висок огромной головы лорда Малшана. Разбивает ее, как гнилой арбуз. Летят ярко-алые брызги. А мгновением позже голова взрывается, забрызгивая всех своим содержимым.

— Похоже, Королю придется искать нового мальчика на побегушках. — Нюхач стирает с лица кровь и мозги, рассеянно вытирает руки о потертые джинсы. — Победа, Джек. Даже слепой это видит.

Дейл, качая на *руках Тайлера, добавляет:*

— Игра закончена, *дело закрыто, застегивай молнию* ширинки.

Начальник полиции Френч-Лэндинга осторожно ставит Тая на ноги. Мальчик смотрит на него, потом на Джека. В глазах загорается огонек. Возможно, облегчения, возможно, осознания случившегося.

— Бита, — говорит он. Голос сиплый, они едва его понимают. Тай откашливается, повторяет попытку: — Бита. Мечтал о ней.

— Правда? — Джек опускается перед мальчиком на колени, протягивает ему биту. Тай не выказывает желания взять биту, но касается ее рукой. Потом гладит забрызганную мозгами поверхность. Глаза его не отрываются от Джека. Словно пытается понять, с кем имеет дело. Понять, что происходит. Осознать, что его в конце концов действительно спасли.

— Джордж, — говорит мальчик. — Джордж. Рэтбан. Действительно слепой.

— Да, — кивает Джек. — Но иногда слепой не слеп. Ты это знаешь, Тайлер?

Мальчик кивает. Джек никогда в жизни не видел такого уставшего человека, вымотавшегося донельзя.

— Хочу. — Тай облизывает губы, откашливается. — Хочу... пить. Воды. Хочу к маме. Увидеть маму.

— Мне представляется, неплохой план, — замечает Док. Смотрит на останки существа, которого они полагают мистером Маншаном. — Давайте отвезем мальчика в Висконсин до того, как здесь появятся приятели Одноглазого.

— Точно, — кивает Нюхач. — Сжечь «Черный дом» дотла — моя первостепенная задача. Лично брошу первую спичку. А может, мне вновь удастся высечь огонь из перстня. Я бы с удовольствием. Но сначала, конечно, надо вернуться.

— Полностью с вами согласен, — поддерживает байкеров Дейл. — Не думаю, что Тай сможет идти сам, но мы можем по очереди его не...

— Нет, — отрезает Джек.

Они в удивлении смотрят на него.

— Джек, — Нюхач говорит с удивительной для него мягкостью, — мне представляется, что мы здесь загостились.

— Мы еще не закончили, — объясняет ему Джек. Потом качает головой и поправляет себя: — Тай еще не закончил.

Джек Сойер стоит на коленях на Конджер-роуд, думая: «Я был ненамного старше этого мальчика, когда пересек Америку и Долины, чтобы спасти жизнь своей матери». Он знает, что это правда, и при этом сам себе не верит. Но помнит, каково это, быть двенадцатилетним, маленьким, испуганным, беззащитным, бежать, не привлекая к себе внимания, на шаг впереди теней, грозящих накрыть и поглотить. Все должно закончиться. Тай прошел через девять кругов ада, он имеет полное право вернуться домой.

К сожалению, последняя точка еще не поставлена. Осталось одно дельце.

— Тай.

— Хочу. Домой.

Если в глазах мальчика и затепливался свет, сейчас он потух. У него лицо беженца на контрольно-пропускном пограничном пункте или человека у ворот концлагеря. Он провел слишком много времени в земле опопанакса. И он же ребенок, черт побери, еще ребенок. Он не заслуживает того, что собирается сделать с ним Джек Сойер. Но с другой стороны, и Джек Сойер не заслуживал тех страданий, которые ему пришлось пережить. Сие ничего не доказывает, но придает ему мужества реализовать намеченное.

— Тай. — Он ухватывает мальчика за плечо.

— Вода. Мама. Домой.

— Нет, — качает головой Джек. — Еще нет. — Разворачивает мальчика. На его лице ярко блестят капли крови лорда Малшана. Джек чувствует, что люди, которые пришли с ним, которые ради него рисковали жизнью и психикой, начинают хмуриться. Не важно. Он должен выполнить свою работу. Он — копписмен, а здесь совершаются противозаконные деяния.

— Тай.

Молчание. Мальчик стоит понурив голову. Старается превратиться в растение, которое может только дышать.

Джек указывает на уродливое сооружение из балок, транспортеров, ферм, дымящихся труб. Указывает на детей-муравьев. Вершина Большой Комбинации прячется в облаках, основание уходит в землю. Как далеко в каждом направлении? На милю? Две? Есть ли дети выше облаков, в кислородных масках, поворачивающие рычаги, вертящие шестерни, перемещающие транспортеры? Есть ли дети внизу, изнывающие от жара подземного огня? Внизу, в лисьих норах и крысиных норах, куда никогда не заглядывает солнце.

— Что это? — спрашивает мальчика Джек. — Как ты это называешь? Как называл Берни?

Тай молчит.

Джек встряхивает мальчика за плечо. Не так уж и нежно.

— Как ты это называешь?

— Эй. — В голосе Дока слышится возмущение. — Вот это уже лишнее.

— Заткнись. — Джек на него не смотрит. Он смотрит на Тая, пытаясь разглядеть в синих глазах что-либо, помимо пустоты. Ему нужно, чтобы мальчик увидел эту гигантскую, стонущую махину. Действительно увидел. Потому что, не увидев, как он может ужаснуться? — Что это?

Тай отвечает после долгой, долгой паузы:

— Большая. Большая. Большая Комбинация. — Слова медленно сползают с губ, словно он говорит во сне.

— Большая Комбинация, да, — кивает Джек. — А теперь останови ее.

У Нюхача отваливается челюсть.

— Джек, ты сошел... — начинает Дейл, замолкает.

— Я. Не. Могу. — Тай с обидой смотрит на Джека, словно тот и так должен это знать.

— Ты можешь, — настаивает Джек. — Можешь и остановишь. А как может быть иначе, Тай? Или ты думаешь,

что нас не замучаст совесть, если мы повернемся к ним спиной и отведем тебя к матери, чтобы она напоила тебя горячим шоколадом и уложила в постель? — Он повышает голос и не думает замолкать, хотя видит, что мальчик плачет. Снова трясет Тая. Тот сжимается в комок, но не пытается вырваться. — Ты думаешь, кто-нибудь будет счастлив, зная, как надрываются эти дети, как работают из последних сил, пока не упадут, после чего их заменяют другие? Ты будешь видеть их лица в своих снах, Тайлер. Ты будешь видеть их лица, и их маленькие грязные ручки, и их окровавленные ножки в своих гребаных снах.

— Прекрати! — вмешивается Нюхач. — Прекрати, а не то я тебе врежу.

Джек поворачивается, и Нюхач отступает под его яростным взглядом. Смотреть на Джека Сойера в таком состоянии все равно что смотреть в дин-та.

— Тайлер.

Губы Тайлера дрожат. Слезы текут по грязным щекам.

— Хватит. Я хочу домой!

— Как только ты остановишь Большую Комбинацию. Потом пойдешь домой. Не раньше.

— Я не могу!

— Можешь, Тайлер. Можешь.

Тайлер смотрит на Большую Комбинацию, и Джек чувствует, что мальчик пытается что-то сделать. Ничего не меняется. Конвейеры движутся, кнуты свистят, иногда кричащая точка валится (или прыгает) с тронутой ржавчиной южной стороны сооружения.

Тайлер переводит взгляд на Джека, и пустота в его взгляде вызывает у последнего жуткую ненависть. «Я не мо-о-о-гу!» — верещит Тайлер, и Джеку остается только удивляться, как такой неделух сумел остаться в живых. Неужели он растратил весь свой потенциал на то, чтобы выжить? Неужели? Джек не может с этим смириться. Злость захлестывает его, и он отвешивает Тайлеру оплеуху. Крепкую оплеуху. Дейл ахает. Голову Тая отбрасывает в сторону, его глаза изумленно раскрываются.

И тут шапка слетает с его головы.

Джек стоял на коленях перед мальчиком. Его отбрасывает назад, он приземляется на задницу посреди Конджер-роуд. Мальчик... что?

«Оттолкнул меня. Оттолкнул меня силой мысли».

Да. Джек разом ощущает появление новой силы, сверкающей силы, яркостью готовой соперничать с лучом, который вырывался из биты Ричи Секссона.

— Что, что случилось? — кричит Док.

Пчелы тоже почувствовали эту силу, может, даже острее, чем люди. Их сонное жужжание разом усиливается, облако темнеет. Словно они сбились в кучу. Теперь они напоминают кулак, занесенный для удара под серым небом.

— Почему вы ударили меня? — кричит Тай на Джека, и тот вдруг понимает, что мальчик мог убить его, если бы захотел. В Висконсине его сила была сокрыта от всех (за исключением тех, кто обладал особым даром и чувствовал ее). Здесь же... здесь...

— Чтобы разбудить тебя! — кричит Джек. Встает. — Причина в этом? — Он указывает на шапку.

Тай смотрит на нее, потом кивает. «Да. Шапка. Но ты не знал, не мог знать, как сильно уменьшает шапка твой потенциал, пока не снял бы ее с головы. Или кто-то не сшиб бы ее». Он смотрит на Джека. В глазах ум и решительность. Пустоту, туман сняло как рукой. И сам Тай лучится внутренним светом, который чувствуют все... и силой, которую так хотелось использовать в своих целях лорду Малшану.

— Что я должен сделать? — спрашивает он, Тайлер Маршалл, сын львицы.

Вновь Джек указывает на Большую Комбинацию:

— То, что ты должен, Тайлер. Ты — Разрушитель. — Он глубоко вдыхает, наклоняется к розовому ушку мальчика, шепчет: — Разрушь ее.

Тайлер Маршалл поворачивает голову, встречается с Джеком взглядом:

— Разрушить?

Джек кивает, и Тайлер вновь смотрит на Большую Комбинацию.

— Хорошо. — Говорит он это скорее не Джеку, а себе. Моргает, широко расставляет ноги, сцепляет руки перед грудью. Меж бровей появляется маленькая вертикальная морщинка, уголки рта поднимаются, как при улыбке. — Хорошо, — шепчет Тай.

Секунду-другую ничего не меняется.

Потом в недрах Большой Комбинации возникает гул. Ее верхняя часть колеблется, как мираж в жаркий день. Надсмотрщики не знают, как реагировать, воздух наполняет скрежет ломающегося металла. Дети в замешательстве смотрят вверх, по сторонам. Скрежет усиливается, дробится на сотни разноголосых скрежетов. Шестерни начинают вращаться в обратную сторону, шарниры заклинивает, кулачки вырывает из гнезд. Вся Большая Комбинация качается и вибрирует. Под землей взрываются паровые котлы, на поверхность вырываются столбы пламени и пара. Останавливаются где-то и рвутся транспортеры, которые бежали тысячи лет, подгоняемые миллиардами окровавленных ножек.

Ощущение такое, будто огромный металлический сосуд дал течь сразу в сотнях мест. Джек наблюдает, как дети с нижних уровней спускаются вниз по фермам. Разбегаются во все стороны.

Прежде чем зеленокожие предпринимают попытку остановить массовый побег, пчелы уже окружают огромное сооружение. И когда надсмотрщики пускают в ход кнуты, атакуют их со всех сторон и жалят, жалят, жалят. Одни надсмотрщики падают с транспортеров, другие, обезумев, хлещут кнутами своих же, пока кто-то не сбрасывает их вниз.

Банда Сойера не ждет окончания этого побоища. Королева би-фильмов подлетает к ним, вырвавшись из жужжащего хаоса, делает круг над их поднятыми головами и ведет их назад, к «Черному дому».

Во всех мирах, примыкающих к друг другу в бесконечности многомерного пространства, для зла наступают тяжелые времена: деспоты умирают, подавившись куриными косточками, тираны гибнут под пулями убийц, отправляются на тот свет, отравленные сладким вином, поднесенным любовницами, пыточных дел мастера падают замертво на залитые кровью полы. Деяние Тая отдается во всех без исключения мирах, и везде зло терпит пусть временное, но поражение. В трех мирах от нашего, в большом городе, известном как Лондинорий, Тернер Тофэм, член парламента в течение двадцати лет и педофил с тридцатилетним стажем, гуляя по авеню Пик-а-Дерри, внезапно превращается в факел. Двумя мирами дальше симпатичный молодой сварщик по имени Фредди Карвер с Айлс-Ирза, менее известный член клана Тофэма, направляет факел горелки на свою левую руку и сжигает ее до костей.

Высоко, высоко, на самой вершине Темной Башни, Алый Король чувствует боль в животе и, морщась, садится в кресло. Где-то, он знает, случилось что-то очень серьезное и ситуация в его ужасном королевстве кардинальным образом изменилась.

Следуя за королевой би-фильмов, Тайлер Маршалл, сверкая глазами, с бесстрашным лицом, едет на плечах Джека, словно мальчик-король. За Джеком и его друзьями следуют сотни и сотни детей, убежавших из-под развалин Большой Комбинации. Они идут как по Конджер-роуд, так и по примыкающим к ней полям. Некоторые дети из нашего мира, многие — из других. Дети пересекают голую равнину, как оборванные армии, продвигаясь к «дверям» в свои миры. Хромающие батальоны детей напоминают колонны пьяных муравьев.

Дети, следующие за бандой Сойера, такие же оборванцы, как и остальные. Половина из них просто голые. Их фотографии мы могли видеть в газетах и на сайтах поиска пропавших детей под заголовком «РАЗЫСКИВАЕТСЯ». Эти лица преследуют во снах безутешных родителей. Не-

которые из детей смеются, другие плачут, есть и такие, кто смеется и плачет одновременно. Они не знают, куда идут, но им все равно. Они довольны тем, что Большая Комбинация больше их не держит. Они знают, что обрели свободу. Огромная машина, которая отнимала у них все силы, радость жизни и надежду, превратилась в руины, их же охраняет полог из пчел. Они свободны!

В четыре часа шестнадцать минут пополудни банда Сойера выходит на крыльцо «Черного дома». Тайлер уже едет на мощных плечах Нюхача. Они спускаются по ступеням, останавливаются перед патрульной машиной Дейла Гилбертсона (мертвые пчелы лежат на капоте и в углублениях под «дворниками»).

— Посмотрите на дом, Голливуд, — бормочет Док.

Джек смотрит. Теперь это всего лишь дом, трехэтажный, когда-то, возможно, очень неплохой, но без должного ухода давно уже обветшавший. Более того, кто-то выкрасил его черной краской, от фундамента до конька, даже рамы и стекла. Зрелище грустное, но никак не нагоняющее страх. И он более не меняется на глазах, не пребывает в непрерывном движении, застыл, как и положено дому. Заброшенное жилище старика, безумного, но крайне опасного. Этот старик дал сто очков форы таким монстрам, как Дамер, Хаарман, Альберт Фиш. Теперь зло, когда-то обитавшее в этом доме, покинуло его, рассеялось, его выдуло свежим ветром. Джек должен что-то сделать с этим гиблым местом, он дал слово умирающему Мышонку.

— Док, — говорит Нюхач, — ты только посмотри.

Большая собака, большая, но никак не чудовище, ковыляет по проселку, который ведет к шоссе номер 35. Похоже, помесь боксера и дога. Половина головы и одна из задних лап отстрелены.

— Это твой адский пес, — добавляет Нюхач.

Док таращится на собаку:

— Что, что?

— Он самый, — кивает Нюхач, достает «кольт», чтобы положить конец страданиям псины, но, прежде чем успевает прицелиться, собака ложится на бок и испускает дух. Нюхач поворачивается к Джеку и Дейлу: — Она заметно уменьшилась в размерах после того, как выключили эту чертову машину, да?

— Я хочу увидеться с мамой, — подает голос Тай. — Можно?

— Да, — кивает Джек. — Ты не будешь возражать, если по пути мы заедем за твоим отцом? Думаю, он с радостью поедет с нами.

Тайлер устало улыбается:

— Да, заедем за ним.

— Отлично.

Дейл осторожно разворачивается на вырубке и уже подъезжает к проселку, когда Тай восклицает:

— Смотрите! Смотрите! Они идут!

Дейл давит на педаль тормоза, смотрит в зеркало заднего обзора, шепчет:

— О Джек. Святая Мария, Матерь Божия.

Ставит ручку переключения скоростей в нейтральное положение, вылезает из кабины. Остальные следуют его примеру. Все смотрят на «Черный дом». Выглядит он как обычный дом, но, похоже, еще не потерял всю магическую силу. Где-то остаются открытыми двери: в подвале, в спальне, на грязной кухне. По эту сторону двери — округ Каули, по другую — Конджер-роуд, дымящиеся развалины Большой Комбинации и Дин-та.

Пчелы вылетают на крыльцо «Черного дома». Вместе с ними выходят дети, которых ведут пчелы. Дети смеются, плачут, держатся за руки. Джеку представляется, что вот так люди и животные выходили из Ноева ковчега.

— Святая Мария, Матерь Божия, — вновь шепчет Дейл. Вырубка перед «Черным домом» заполняется смеющимися, плачущими, бормочущими детьми.

Джек подходит к Нюхачу, который встречает его широкой улыбкой.

— После того как все дети выйдут, мы должны закрыть дверь, — говорит Джек. — Навсегда.

— Я знаю, — кивает Нюхач.

— Есть идеи?

— Скажем так, если ты пообещаешь мне, действительно пообещаешь не задавать лишних вопросов и больше об этом не вспоминать, я еще до полуночи разыщу кое-что эффективное и в достаточном количестве.

— Что? Динамит?

— Пожалуйста. Разве я не сказал — эффективное?

— Ты собираешься...

Нюхач улыбается, глаза превращаются в щелочки.

— Я рад, что ты на моей стороне. Увидимся на дороге около полуночи. Постараемся не привлекать внимания, но не думаю, что нам может кто-то помешать.

— На обратном пути нам точно не мешали.

Док хлопает Дейла по плечу:

— Надеюсь, в этой части света есть организации, заботящиеся о беспризорных детях, чиф. Думаю, вам понадобится их помощь.

— Святая... — Дейл умоляюще смотрит на Джека. — Что же мне делать?

Джек улыбается:

— Полагаю, тебе самое время позвонить... как там называет их Сара? Цветной отряд?

В глазах Дейла Гилбертсона вспыхивает огонек надежды. А может, предвкушение триумфа. Джон Реддинг из ФБР, детективы Перри Браун и Джеффри Блэк из управления полиции Висконсина. Он представляет себе, как эта троица вдруг сталкивается со средневековым Крестовым походом детей в Западном Висконсине. Представляет себе, сколько бумаг придется им написать в связи со столь неординарным событием. На это у них уйдут месяцы, а то и годы. Возможно, не обойдется без нервных срывов. И уж конечно, им будет не до Дейла Гилбертсона, начальника полиции Френч-Лэндинга.

— Джек, что именно ты предлагаешь?

— Если не вдаваться в подробности, я предлагаю, чтобы ты переложил всю черновую работу на них, а лавры оставил себе. Как ты на это смотришь?

Дейл обдумывает его слова:

— Это справедливо. Так мы везем парнишку к отцу, а потом их обоих в Арден, к его матери?

— Отлично, — кивает Джек. — Жаль только, что с нами нет Генри.

— Полностью с тобой согласен. — Дейл садится за руль. Через мгновение они уже едут по проселку.

— А как же дети? — спрашивает Тай, глядя в заднее стекло. — Вы собираетесь оставить их здесь?

— Я позвоню в управление полиции Висконсина, как только мы выедем на шоссе, — отвечает Дейл. — Я думаю, они должны незамедлительно включиться в операцию. Как, разумеется, и ФБР.

— Все так, — кивает Нюхач.

— Абсолютно, — соглашается Док.

— Блестящее административное решение. — Джек вновь усаживает Тая себе на колени. — С ними ничего не случится, — шепчет он на ухо мальчику. — Висконсин куда лучше того места, откуда они пришли.

Давайте выскользнем из водительского окна вместе с ветерком и проводим взглядом четверых отчаянно храбрых мужчин и мальчика, который уже никогда не будет таким юным и наивным. Вырубка перед «Черным домом», уже безопасная, лишенная магической защиты, заполнена детьми с грязными лицами, широко раскрытыми от изумления глазами. Английский здесь далеко не самый распространенный язык, некоторые дети говорят на языках, которые могут поставить в тупик самых блестящих лингвистов. Здесь зарождается мировая сенсация (на следующей неделе «Тайм» откроется статьей «Чудо-дети из ниоткуда») и, как и предугадал Дейл, большой бюрократический кошмар.

Однако они живы, и это главное. Живы и наши парни. Все они вернулись из другого мира целыми и невредимыми, чего мы никак не ожидали. Обычно такие авантюрные сюжеты не обходятся как минимум без одной жертвы, пусть и второстепенного персонажа, скажем Дока. Но хорошо то, что хорошо кончается. И это может быть конец, если вы того хотите. Ни один из бумагомарак, которые привели вас сюда, не в силах вам в этом отказать. Если же вы хотите продолжить чтение, не говорите, что вас не предупреждали: вам, возможно, не понравится то, что произойдет дальше.

«Драдж рипорт» сообщает:

Начальник полиции Френч-Лэндинга отказывается отменить пресс-конференцию. Городские чиновники его поддерживают. Источники подтверждают присутствие на пресс-конференции знаменитого лос-анджелесского копа; ФБР, Управление полиции Висконсина категорически против ее проведения.

Эксклюзив

Один из них, Тайлер Маршалл, родом из Френч-Лэндинга. Одна девочка, Джозелла Рейкин, из Бейтинга, деревушки на юге Англии. Еще один мальчик из Багдада. За неделю, прошедшую с того момента, когда так называемых чудо-детей нашли шагающими по сельскому шоссе номер 35, опознано семнадцать человек.

Однако эти семнадцать — только вершина айсберга.

Источники, близкие к расследованию, которое проводят ФБР и УПВ (а теперь и ЦРУ), сообщили «Драдж рипорт», что всего детей как минимум 750, то есть значительно больше, чем указано в официальном пресс-релизе. Кто они? Кто забирал их и откуда? Как им удалось попасть в маленький городок Френч-Лэндинг, который в

последние несколько недель затерроризировал серийный убийца (теперь вроде бы умерший)? Какую роль в этой истории сыграл Джек Сойер, детектив из Лос-Анджелеса, ушедший в отставку в тридцать один год, когда находился в зените славы? И кто несет ответственность за мощный взрыв, уничтоживший загадочное здание в лесу, по многим признакам, жилище Рыбака?

На некоторые из этих вопросов ответы будут получены завтра, в парке Ла Фолетт Френч-Лэндинга, где начальник полиции намерен дать пресс-конференцию. Его давний друг Джек Сойер, который, по слухам, вычислил Рыбака, также примет в ней участие. Ожидается и присутствие двух полицейских, Армана Сен-Пьера и Реджинальда Амберсона, которые на прошлой неделе принимали участие в спасательной экспедиции.

Пресс-конференция состоится, несмотря на сильнейшее противодействие специальной следственной бригады, созданной ФБР и УПВ и возглавляемой агентом ФБР Джоном Реддингом и детективом управления полиции Висконсина Джеффри Блэком. «Они (руководители следственной бригады) считают, пресс-конференция — последняя попытка Гилбертсона зацепиться за должность, — сообщает наш источник. — Он все испортил, но, к счастью, у него нашелся приятель, который блестяще владеет пиаром».

Официальные лица Френч-Лэндинга придерживаются прямо противоположного мнения. «Это лето стало кошмаром для населения Френч-Лэндинга, — говорит городской казначей Бет Уэррен. — Чиф Гилбертсон хочет убедить людей, что с кошмаром покончено. И чем больше он сможет дать нам ответов насчет детей, тем будет лучше».

Наибольший интерес, естественно, вызывает Джек «Голливуд» Сойер, который познакомился с чифом Гил-

бертсоном и городом Френч-Лэндинг во время расследования дела Торнберга Киндерлинга, так называемого Убийцы проституток. Гилбертсон убедил Сойера принять активное участие в розыске Рыбака, и он, похоже, сыграл ведущую роль в последних событиях.

А вот что это, собственно, за события? Именно это хочет знать весь мир. Первые ответы могут появиться завтра, в парке Ла Фолетт, на берегу великой Миссисипи.

Ожидается...

Глава 29

— Ну что, парни, готовы? — спрашивает Дейл.

— Ох не знаю, — отвечает Док. В пятый раз, а может, и в пятнадцатый. Он бледен, тяжело дышит. Все четверо в «уиннибаго»[1], стоящем на границе парка Ла Фолетт. Рядом платформа, на которую они должны подняться (при условии, что Дока не подведут ноги) и ответить на массу вопросов. Все ответы уже тщательно выверены: лишнее слово может дорогого стоить. На склоне, сбегающем к воде, собрались почти четыреста репортеров, телевизионные команды шести американских и бог знает скольких зарубежных компаний. Представители прессы не в радужном настроении, потому что лучшие места, перед платформой, зарезервированы для жителей Френч-Лэндинга (они разыгрывали их в лотерее). От этого условия Дейл Гилбертсон не отступился.

Идея провести пресс-конференцию принадлежала Джеку Сойеру.

— Возьми себя в руки, Док, — рычит Нюхач. В серых брюках и белой рубашке с отложным воротником он кажется еще больше: прямо-таки медведь в смокинге. Он

[1] «Уиннибаго» — дом на колесах, производства одноименной компании.

даже пошел на то, чтобы причесать гектары своих волос. — И если ты действительно думаешь, что перднешь, обдуешься или отключишься, тогда тебе лучше остаться здесь.

— Нет, — тяжело вздыхает Док. — Я с вами. Если вы идете, я тоже.

Дейл, который великолепно выглядит в парадной форме, смотрит на Джека. Последний в сером костюме из тонкой шерсти и темно-синем галстуке. Из нагрудного кармана пиджака торчит уголок носового платка в тон галстуку.

— Ты уверен, что мы поступаем правильно?

Джек абсолютно уверен. Причина не в том, чтобы не дать Цветному отряду Сары Гилбертсон присвоить себе плоды победы. Главное — обеспечить давнему другу возможность спокойно работать в прежней должности. Он сможет этого добиться, рассказав очень простую историю, которую подтвердят остальные трое. И Тай подтвердит, тут у Джека сомнений нет. История такова: другой давний друг Джека, безвременно погибший Генри Лайден, установил личность Рыбака по магнитофонной записи телефонного разговора по линии 911. Пленку с записью предоставил Дейл, его племянник. Генри геройски погиб от рук Рыбака, но сумел смертельно ранить преступника и сообщить его имя полиции (помимо того, чтобы поддержать Дейла, цель пресс-конференции — донести до всех заслуги Генри). Проверка списков владельцев недвижимости Френч-Лэндинга показала, что Чарльзу Бернсайду принадлежит дом в лесу, рядом с шоссе номер 35. Дейл произвел в полицейские Джека и двоих мужчин, которые случайно оказались рядом (речь идет о господах Амберсоне и Сен-Пьере), и они вместе отправились к дому Рыбака.

— А потом вы должны говорить только три коротких слова, которые чаще всего приводят к оправданию обвиняемых, — многократно повторял Джек своим друзьям в конце пресс-конференции. — И что это за слова?

— Я не помню, — ответил за всех Дейл.

Джек кивнул:

— Именно так. Если ничего не помните, эти мерзавцы не поймают вас на какой-нибудь нестыковке. В этом доме была какая-то странная атмосфера...

— Чистая правда, — буркнул Нюхач и поморщился.

— ...и у нас отшибло память. Помним мы только одно: Тай Маршалл был в заднем дворе, прикованный к стойке сушилки для белья, — до того, как Нюхач Сен-Пьер и Джек Сойер проскользнули мимо полицейских кордонов и разрушили «Черный дом» пластиковой взрывчаткой, некий репортер там уже побывал и сделал множество фотографий. Мы, разумеется, знаем, что это за репортер. Уэнделл Грин наконец-то реализовал свои мечты о славе и деньгах.

— И Бернсайд лежал мертвый у его ног, — добавил Нюхач.

— Да. С ключом от наручников в кармане. Дейл, ты нашел ключ и освободил мальчика. Во дворе были и другие дети, но как много...

— ...мы не помним, — заканчивает за него Док.

— Что же касается их пола...

— ...несколько мальчиков, несколько девочек, — вставляет Дейл. — Сколько кого, мы не помним.

— Что же касается Тая, как его похитили, что с ним случилось...

— ...он сказал, что ничего не помнит. — Дейл широко улыбнулся.

— Мы уехали. Вроде бы разговаривали с другими детьми...

— ...но точно не помним, — добавил Нюхач.

— Правильно. Так или иначе, мы решили, что пока они в относительной безопасности. А вот когда сажали Тайлера в патрульную машину, увидели, что они направляются к шоссе.

— И обратились в управление полиции Висконсина за поддержкой, — кивнул Дейл. — Это я помню.

— Естественно, помнишь, — милостиво согласился Джек.

— Но мы понятия не имеем, как вышло, что этот чертов дом взорвали, и не знаем, кто мог это сделать.

— Некоторым людям просто не терпится самолично воздать преступникам по заслугам, не дожидаясь решения суда. — В голосе Джека слышались осуждающие нотки.

— Просто счастье, что при взрыве им не оторвало головы, — вздохнул Дейл.

— Ладно, — говорит им Джек. Они стоят у двери. Док выудил из кармана косячок, и четыре быстрые затяжки заметно его успокоили. — Главное, помните, почему мы это делаем. Итак, мы действительно прибыли туда первыми, нашли Тая, увидели лишь нескольких детей, решили, что со смертью Чарльза Бернсайда, он же Карл Бирстоун, он же Монстр Южного Чикаго, он же Рыбак, им ничего не грозит. Но Дейл сразу же связался с управлением полиции Висконсина и ФБР, которые и ведут расследование. Так что дети — их забота. А вот во Френч-Лэндинге все спокойно. В немалой степени благодаря заслугам Генри Лайдена, который и установил личность преступника. Но этим его вклад в расследование не ограничился. Наш героический слепой не только известил полицию о том, кто терроризирует Френч-Лэндинг, но и смертельно ранил маньяка, заплатив за это собственной жизнью.

— Аминь, — выдыхает Дейл. — Для дяди Генри никаких похвал не жалко.

Из-за закрытой двери «уиннибаго» доносится шум. Там собрались сотни людей. Может, больше тысячи. Он думает: «Наверное, то же самое испытывают рок-звезды перед выходом на сцену». К горлу подкатывается комок, но Дейл загоняет его назад. Он уверен, ничего плохого с ним случиться не может, если он будет думать о дяде Генри.

— Вот что еще, — нарушает паузу Джек. — Вопросы могут задавать очень уж специфические...

— Мы ничего не помним, — чеканит Нюхач.

— Потому что там был ужасный воздух, — соглашается Док. — С избытком то ли эфира, то ли хлора, то ли еще какой-то дряни.

Джек оглядывает их, кивает, улыбается. «Это же счастье — иметь таких друзей», — думает он. И уж конечно, в голову не приходит мысль о том, что жить ему осталось лишь несколько минут.

— Тогда вперед. Сегодня мы — политики, политики на пресс-конференции, а избирают только тех, кто не болтает лишнего и говорит лишь то, что хотят услышать люди.

Он открывает дверь дома на колесах. Шум толпы многократно усиливается.

К платформе они идут колонной по одному: Нюхач, Дейл, Джек и наш добрый Доктор. Идут под непрерывные фотовспышки, залитые светом ярких юпитеров. Джек не понимает, зачем фотокорам и телевизионщикам нужно столько света: день ясный и теплый, но, должно быть, без этого они обойтись не могут. «Повернитесь сюда! Повернитесь сюда!» — доносится со всех сторон. В них выстреливают вопросами, которые они, естественно, игнорируют. Когда придет время отвечать на них, конечно, ответят, насколько смогут, но сейчас они просто потрясены тем, что оказались в центре внимания.

Но настоящий шум начинается, когда их видят двести, или около того, жителей Френч-Лэндинга, которые сидят перед платформой на складных стульях на огороженной канатами территории. Все вскакивают, кто-то хлопает в ладоши, кто-то поднимает кулак, приветствуя их, как боксера-победителя. Не отстают и репортеры, так что, когда они поднимаются на платформу, шум переходит в грохот. Мы рядом с нашими героями, на платформе, и, Господи, как много мы видим знакомых лиц. Тут и Моррис Розен, который сунул Генри диск с записями «Грязной спермы» в наш первый день пребывания в городе. Тут и несколько человек из закрывшегося сейчас «Центра Макстона по уходу за престарелыми»: Элис Уитерс, Эл-

мер Джесперсон, Ада Мейерхофф (в инвалидном кресле), Флора Фростад, братья Ботчер, Херми и Том-Том. Тэнзи Френо (еще не в себе, но уже не совсем безумная) стоит рядом с Лестером Муном, который обнимает ее одной рукой. Арнольд «Ручной Фонарь» Храбовски, Том Лунд, Бобби Дюлак и другие подчиненные Дейла хлопают в ладоши и приветственно вопят. Здесь же и Энид Первис, соседка, которая позвонила Фреду на работу в тот день, когда Джуди устроила в доме форменный погром. И Ребекка Вайлес, которая выглядит скромницей в платье с воротником-стойкой (но жалеть ее не надо: работая у Шустрика, она не забывала и себя, запасла кое-чего на черный день). Компанию ей составляет Батч Йеркса. В глубине толпы, стыдясь собственной трусости, но не в силах пропустить триумф друзей, Уильям Стресснер и Губерт Кантинаро, более известные нам как Кайзер Билл и Сонни. А посмотрите сюда! Херб Роупер, который стрижет Джека. Стоит рядом с Баком Эвицем, что доставляет ему почту. Присутствуют и многие другие наши знакомые. В первом ряду не стоится на месте Уэнделлу Грину (одному Богу известно, как он попал на огороженную канатами площадку: все-таки живет он в Ла Ривьере, а не во Френч-Лэндинге), он то и дело поднимает к лицу фотоаппарат и щелкает затвором. Дважды толкает Элвену Мортон, домоправительницу Генри. После третьего толчка она стукает его по затылку. Уэнделл не замечает удара. Его голове во время поисков Рыбака доставалось куда сильнее. Чуть в стороне стоит господин, которого мы тоже можем узнать. А можем и не узнать. Пожилой, темнокожий, в солнцезащитных очках. Чем-то он похож на голливудского актера Вуди Строуда.

Аплодисменты усиливаются. Люди радостно кричат. Шляпы взлетают в воздух и дрейфуют под легким ветерком. Их столь теплый прием — само по себе чудо, учитывая грустные события последних недель и появление детей, которых держали в сексуальном рабстве, каким-то боком связанном с Интернетом (все странное

нынче связано с Интернетом, не так ли?). Но прежде всего они аплодируют потому, что кошмар закончился. Злодей умер, умер у себя во дворе, у прозаической стойки, к которой крепятся бельевые веревки, и они вновь в безопасности.

Как же рады эти люди, окружающие Джека Сойера в его последние минуты на планете Земля! Сколько от них шума! Птицы поднялись с берегов реки и отправились в более тихие места. Плывущий по реке сухогруз откликается на крики, а может, присоединяется к ним: гудит и гудит. Другие корабли подхватывают, вносят свою лепту в общую какофонию.

Не думая о том, что делает, интуитивно, Джек берется левой за правую руку Дока, а правой — за левую Дейла. Дейл берет за руку Нюхача, и банда Сойера вскидывает руки, стоя лицом к толпе.

Которая, разумеется, приходит в экстаз. Если бы не случившееся через несколько мгновений, это зрелище стало бы хитом десятилетия, а то и всего века. Они гордо стоят на платформе, живые символы победы, вскинув сцепленные руки к небу, толпа ликует, видеокамеры жужжат, «никоны» щелкают. Именно в эту минуту женщина из третьего ряда начинает проталкиваться к платформе. Она тоже нам знакома, но требуется секунда или две, чтобы узнать ее, потому что она не имеет никакого отношения к событиям, столь подробно нами описанным. Она просто... присутствовала в них. Две сотни мест перед платформой разыгрывались в лотерее, в которой принимало участие все взрослое население Френч-Лэндинга, и листочки с фамилиями счастливых победителей вытаскивали из большой чаши Дебби Андерсон, Пэм Стивенс и Дит Джесперсон. Этой женщине достался номер 199. Люди подаются в стороны, давая ей пройти, автоматически, не замечая, что делают, потому что все их внимание приковано к стоящим на платформе. Женщина очень бледная, светловолосая, от нее пахнет потом, бессонницей и водкой. В руках у нее сумочка. Сумочка открыта.

Она сует в сумочку руку. И мы, прожившие всю вторую половину двадцатого века и ставшие свидетелями десятка убийств и покушений на убийство видных политиков, понимаем, что она хочет достать из сумочки. Мы хотим закричать, предупредить четверых мужчин, которые стоят на платформе, сцепив вскинутые руки, но мы ведь можем только наблюдать.

Только чернокожий мужчина в солнцезащитных очках видит, что происходит. Он поворачивается, пытается пробраться к платформе, но чувствует, что она опередит его, что он опоздает.

«Нет, — думает Спиди Паркер, — не может все так закончиться. Не может».

— Джек, ложись! — кричит он, но никто не слышит его за аплодисментами, приветствиями, пароходными гудками. Толпа будто специально блокирует его, отталкивает, не пропускает к платформе. В какой-то момент Уэнделл Грин — его голова мотается из стороны в сторону, как у эпилептика во время припадка, — оказывается на пути убийцы. Она отшвыривает его с пути с сумасшедшей силой. Почему бы и нет? Она и есть сумасшедшая.

— Друзья... — говорит Дейл практически в микрофон, и динамики, установленные на деревьях, воют от акустической обратной связи. Он все еще держит левой руку Джека, а правой — Нюхача. На его лице играет улыбка. — Благодарю вас, друзья, мы, безусловно, ценим вашу поддержку, но если бы вы могли успокоиться...

Вот тут Джек и видит ее.

Минуло много времени, годы, но он узнает ее сразу. Не может не узнать: она плюнула ему в лицо в один из дней, когда он выходил из здания лос-анджелесского суда. Плюнула в лицо и назвала мерзавцем. «С тех пор она похудела на пятьдесят фунтов, — думает Джек. — Может, и больше». Тут он замечает, что ее рука в сумочке, и еще до того, как она вынимает руку, знает, что сейчас произойдет.

Самое ужасное, что он ничего не может с этим поделать. Док и Дейл крепко держат его за руки. Он набирает полную грудь воздуха и кричит, как положено копам по инструкции: «Оружие!» Но Дейлу, должно быть, слышится совсем другое, потому что он довольно кивает, как бы говоря: «Ну до чего здорово все идет!» Джек видит, как сквозь кричащую, хлопающую толпу к женщине пробивается Спиди Паркер, но если в рукаве у Спиди нет магического заклинания...

Заклинания нет. Спиди Паркер, известный в Долинах как Паркус, только вываливается из толпы в проход, когда женщина, стоящая у платформы, достает оружие. Оружие серьезное, «бульдог»[1] тридцать второго калибра, его рукоятка обмотана черной изолентой, и Джек какие-то полсекунды надеется, что пистолет выскользнет у нее из рук.

— Оружие! — вновь кричит он, слышит его Док Амберсон, видит женщину у платформы.

— Твою мать, — вырывается у него.

— Ванда, нет! — кричит Джек. Док отпускает его руку (Дейл по-прежнему крепко держит), и Джек протягивает ее к женщине, как транспортный коп. Первая пуля Ванды Киндерлинг пробивает ладонь, чуть отклоняется и попадает Джеку в левое плечо.

Ванда что-то ему говорит. За шумом Джек слов не слышит, но и так знает: «Получай, сукин сын. Торни передает тебе привет».

Оставшиеся пять пуль она всаживает в грудь и шею Джека.

За криками и аплодисментами никто не слышит выстрелов пистолета Ванды, но у Уэнделла Грина фотоаппарат наготове. И когда детектива отбрасывает назад, палец нашего любимого репортера рефлекторно нажимает кнопку спуска «никона». Он отщелкивает восемь кадров.

[1] «Бульдог» — крупнокалиберный пистолет.

Третий — самый удачный, который скоро встанет в один ряд с фотографией морских пехотинцев, поднимающих флаг над Иводзимой[1], или Ли Харви Освальда, хватающегося за живот на автостоянке полицейского участка в Далласе. На снимке Уэнделла Джек Сойер спокойно смотрит вниз на стреляющего (его едва видно в самом низу). Выражение лица можно истолковать как прощение. Свет четко виден сквозь дыру в ладони. Капли крови, красные, как рубины, висят в воздухе рядом с шеей, вспоротой пулей.

Крики и аплодисменты как отрезает. Над толпой повисает тишина. Джек Сойер, с двумя пулями в легких и одной в сердце, с пробитыми рукой и шеей, стоит на краю платформы и смотрит на дыру между растопыренными пальцами и запястьем. Ванда Киндерлинг, ощерившись, не сводит глаз с Джека. В глазах Спиди Паркера застыл ужас, который не могут скрыть даже солнцезащитные очки. Слева от него, на одной из четырех вышек телевизионщиков, молодой оператор теряет сознание и падает на землю.

А затем застывший мир, который Уэнделл, сам того не зная, запечатлел на фотопленке, приходит в движение.

Ванда Киндерлинг кричит: «Увидимся в аду, Голливуд», — потом это подтвердили несколько человек, и приставляет дуло пистолета тридцать второго калибра к виску. Выражение глубокой удовлетворенности сменяет недоумение, когда вместо выстрела раздается сухой щелчок: обойма пуста.

Мгновением позже она уже потеряна для этого мира: сломанная шея, сломанное левое плечо, четыре сломан-

[1] Речь идет о крупной операции вооруженных сил США против Японии по овладению островом Иводзима в Тихом океане, проведенной в феврале — марте 1945 г. При взятии этого острова площадью 8 кв. миль погибло более пяти тысяч морских пехотинцев. По знаменитой фотографии пехотинцев, водружающих флаг над горой Сирубачи, создан памятник на Арлингтонском мемориальном кладбище.

ных ребра. Это Док прыгает на Ванду с платформы, сшибает с ног и приземляется на нее. По пути его левая нога задевает голову Уэнделла Грина, но тот отделывается лишь царапиной на ухе. Должно же и ему когда-то повезти, не так ли?

На платформе Джек Сойер в изумлении смотрит на Дейла, пытается что-то сказать, но не может. Его шатает, еще секунду-другую он остается на ногах, потом падает.

На лице Дейла, только что таком радостном, отражается ужас. Он хватает микрофон и кричит: «В НЕГО СТРЕЛЯЛИ! НАМ НУЖЕН ВРАЧ!» Динамики отвечают воем акустической обратной связи. Ни один врач не поднимается на платформу. Многих в толпе охватывает паника, и они бегут куда глаза глядят. Паника нарастает.

Нюхач, опустившись на одно колено, переворачивает Джека. Джек смотрит на него, силясь что-то сказать. Кровь пузырится в уголках рта.

— А, черт, Дейл, это плохо, очень плохо, — кричит Нюхач, и тут его сшибают с ног. Никто и представить себе не мог, что сухощавый, старый негр, одним прыжком вскочивший на платформу, как пушинку, отбросит такого здоровяка, как Нюхач. Но это не обычный старик. (О чем нам доподлинно известно.) Его окружает белое сияние. Нюхач это видит. И его глаза широко раскрываются.

Толпа тем временем разбегается. Паника заражает и некоторых представителей прессы, как женщин, так и мужчин. Только не Уэнделла Грина. Он стоит как скала, щелкая кадр за кадром, пока пленка не заканчивается, как патроны в пистолете Ванды Киндерлинг. Он снимает негра, стоящего с Джеком Сойером на руках. Снимает Дейла Гилбертсона, кладущего руку на плечо негру. Снимает негра, который поворачивает голову и что-то говорит Дейлу. Когда потом Уэнделл спросит начальника полиции Френч-Лэндинга, что сказал ему старый негр, Дейл ответит, что ничего не помнит... а кроме того, в царящем тогда шуме он просто ничего не расслышал. Все это, разумеется,

чушь собачья, но мы уверены, что Джек Сойер порадовался бы, услышав ответ Дейла. Если сомневаешься, говори, что не помнишь.

На последнем снимке Уэнделла Дейл и Нюхач, как зачарованные, провожают взглядом старика, с Джеком Сойером на руках поднимающегося по ступенькам в «уиннибаго». Уэнделл не понимает, как старик может нести такого крупного мужчину, рост у Джека шесть футов два дюйма, вес никак не меньше ста девяноста фунтов, но он полагает, что ситуация сродни той, когда потерявшая от горя голову мать поднимает автомобиль, под которым лежит ее ребенок. Да и не важно все это. По сравнению с тем, что происходит потом. Потому что, когда группа мужчин, возглавляемая Дейлом, Нюхачом и Доком, врывается в «уиннибаго» (Уэнделл Грин наступает им на пятки), они находят лишь перевернутый стул да несколько капель крови Джека на кухне, где он давал своей маленькой банде последние указания. Кровавый след ведет в глубь дома на колесах, где находятся складная кровать и туалетная кабинка. Там он и обрывается.

Джек и старик, который занес его в дом на колесах, исчезли.

Док и Нюхач что-то бессвязно бормочут, чуть не бьются в истерике. Спрашивают друг друга, где сейчас Джек, вспоминают, что происходило перед тем, как началась стрельба. Они не могут переключиться, и Дейл знает, что пройдет немало времени, прежде чем он сам отойдет от шока. Теперь он понимает, что Джек увидел женщину, приближающуюся к платформе, и пытался вырвать руку из руки Дейла, чтобы адекватно отреагировать.

Дейл думает, что, возможно, ему пора уходить из полиции и искать себе другую работу. Не сейчас, конечно. Сейчас его задача — оберегать Нюхача и Дока от Цветного отряда, дать им время успокоиться. Он должен им кое-что сказать, и скорее всего его слова благотворно на них подействуют.

Том Лунд и Бобби Дюлак присоединяются к нему, втроем они уводят Нюхача и Дока от «уиннибаго», который, по указанию агента ФБР Реддинга и детектива управления полиции Висконсина Блэка, огораживают желтой лентой. Как только они заходят за платформу, Дейл смотрит в перекошенные от горя лица байкеров.

— Слушайте сюда.

— Мне следовало загородить его, — говорит Док. — Я видел, как она подходила, почему я не...

— Заткнись и слушай!

Док затыкается. Том и Бобби тоже слушают, их глаза широко раскрыты.

— Этот черный мне кое-что сказал.

— Что? — спрашивает Нюхач.

— Он сказал: «Позвольте мне взять его... возможно, еще есть шанс».

С губ Дока, который навидался огнестрельных ран, срывается невеселый смешок.

— И ты ему поверил?

— Тогда нет, не совсем, — отвечает Дейл. — А вот когда мы вошли в трейлер и обнаружили, что он пуст...

— И двери черного хода там нет, — добавляет Нюхач.

Скептицизма у Дока сразу убавляется.

— Так ты действительно думаешь?..

— Да, — кивает Дейл Гилбертсон и вытирает глаза. — Я должен надеяться. А вы, парни, должны мне в этом помочь.

— Хорошо, — кивает Нюхач. — Мы поможем. Как тебе, так и себе.

И тут, нам представляется, мы должны с ними расстаться, оставить их под синим небом на берегу Отца воды, рядом с платформой с кровью на досках. Скоро жизнь вновь закружит их в своем водовороте, разнесет по разным сторонам, но в эти мгновения они вместе, объединенные надеждой, что у нашего общего друга остался шанс на спасение.

Так давайте оставим их.

Оставим их с надеждой.

Давным-давно в Долинах

Давным-давно (как начинались лучшие сказки во времена, когда мы все жили в лесу, а не где-нибудь еще) покрытый шрамами капитан Фаррен вел испуганного мальчика по имени Джек Сойер по шатру-дворцу Королевы. Самого дворца маленький мальчик не видел: они шли потайными ходами и коридорами, о существовании которых мало кто знал, где в углах обосновались пауки и пахло то жареным мясом, то зловонием сточных вод.

Наконец, Фаррен подхватил его под мышки и поднял. «Там должен быть щиток, прямо перед тобой, — прошептал он. (Вы помните? Я думаю, вы там были. Я думаю, мы оба были, только тогда мы были моложе, не так ли?) — Отодвинь-ка его влево».

Джек так и сделал и увидел перед собой комнату Королевы, где все ожидали ее смерти... точно так же, как Джек ожидал, что его мать умрет в номере отеля «Альгамбра» в Нью-Хэмпшире. В ярко освещенной комнате толпились медицинские сестры, которые стремились себя чем-то занять, потому что явно не знали, как помочь своей пациентке. Мальчик, узревший, как ему поначалу показалось, свою мать, которая магическим образом перенеслась в Долины. Мы, смотревшие вместе с ним, конечно же, не подозревали, что много лет спустя, уже став мужчиной, Джек Сойер будет лежать на той же самой кровати, где впервые увидел Двойника своей матери.

Паркус, перенесший его из Френч-Лэндинга во Внутренние Баронства, теперь стоит у лючка, через который когда-то смотрел Джек, поднятый капитаном Фарреном. Рядом с ним Софи Каннаская, которую в Долинах называют также Молодой королевой и Софи Доброй. Медицинских сестер около кровати нет. Джек лежит под медленно вращающимися лопастями вентилятора. Лицо бледное, веки синюшные. Льняная простыня, которой он укрыт до подбородка, едва заметно, но поднимается и опускается. Он дышит.

Он жив, во всяком случае пока.

— Если бы он не прикасался к Талисману... — шепчет Софи.

— Если бы он не прикасался к Талисману, не держал его в руках, он бы умер на платформе, до того, как я добрался до него, — отвечает Паркус. — Но, если б не Талисман, он бы просто не попал сюда.

— Каковы его шансы? — Софи смотрит на Паркуса. Где-то, в другом мире, Джуди Маршалл постепенно возвращается к нормальной жизни. Ее Двойнику такое, к сожалению, заказано: тяжелые времена наступают для той части вселенной, где она живет, и ее глаза горят мрачным огнем. — Я хочу знать правду, сэр. Лжи не потерплю.

— Я и не собираюсь лгать, моя госпожа, — отвечает он. — Я верю, что он поправится, защищенный Талисманом. И в один прекрасный миг, утром или вечером, когда ты будешь сидеть рядом, откроет глаза. Не сегодня, может, не на этой неделе, но скоро.

— И вернется в свой мир? Мир его друзей?

Паркус перенес его в это место, потому здесь еще жила душа мальчика Джека. Он побывал здесь до того, как ступил на путь испытаний, в определенной степени и закаливших его. Он побывал здесь еще совсем наивным. Большая часть этой детской наивности осталась в Джеке и когда он вырос, что удивило Паркуса и тронуло до глубины души, чего он никак не ожидал.

Наверное, и в этом сказалось воздействие Талисмана.

— Паркус. У тебя разбегаются мысли.

— Если и убегают, то недалеко, моя госпожа. Недалеко. Ты спрашиваешь, сможет ли он вернуться в мир, где получил три, возможно, даже четыре смертельных ранения, где пуля практически разорвала ему сердце. Я перенес Джека сюда, потому что магия, изменившая его жизнь, здесь сильнее. Хорошо это или плохо, но для Джека Долины с самого детства являются живительным источником. И мои старания не пропали даром. Он будет жить. Но проснется другим. Станет как...

Паркус замолкает, глубоко задумавшись. Софи тихо стоит рядом. Издалека, с кухни, доносятся вопли повара, учиняющего разнос поваренку.

— Животные, обитающие в море, дышат жабрами, — наконец нарушает паузу Паркус. — Но со временем у некоторых из них появляются легкие. Такие существа могут жить и под водой, и на суше. Да?

— Так меня учили в детстве, — соглашается Софи.

— Но у части этих существ жабры отмирают, и тогда они могут жить только на суше. Думаю, Джек Сойер теперь — одно из таких существ. Ты или я можем нырнуть в воду и какое-то время находиться под ее поверхностью. И он, возможно, сможет на короткие периоды возвращаться в свой мир... разумеется, не сейчас, позже. Но если бы ты или я попытались постоянно жить под водой...

— Мы бы утонули.

— Именно так. Вот и у Джека, попытайся он вновь жить в своем мире, к примеру вернувшись в дом в Норвэй-Вэлли, через несколько дней или недель откроются раны. Возможно, в измененном виде, я думаю, в свидетельстве о смерти причиной будет названа сердечная недостаточность, но все равно убьет его пуля Ванды Киндерлинг. — Паркус ощеривается. — Мерзкая женщина! Я уверен, аббала, как и я, понятия не имел о ее существовании, но сколько она причинила вреда!

Софи не реагирует. Смотрит на спящего мужчину в другой комнате.

— Приговоренный к жизни в этом прекрасном мире... — Она поворачивается к Паркусу. — Это прекрасный мир, не так ли, сэр? Прекрасный, несмотря ни на что?

Паркус улыбается и кланяется. На его шее позвякивают зубы акулы, нанизанные на золотую цепочку.

— Безусловно.

Софи кивает.

— Так жизнь его будет здесь не такой уж ужасной.

Он молчит. Через несколько мгновений она тяжело вздыхает:

— Я бы не хотела, чтобы меня отрезало от собственного мира... чтобы я могла возвращаться туда лишь на чуть-чуть... до появления болей в груди... Это кошмар.

Паркус пожимает плечами:

— Ему придется с этим смириться. Хочет он того или нет, жабры у него отмерли. Теперь он обитатель Долин. И Бог-плотник знает, что и здесь ему найдется работа. Борьба за Башню близится к решающей схватке. Думаю, что Джеку Сойеру предстоит принять участие в этой борьбе, хотя полной уверенности у меня нет. В любом случае, как только он поправится, искать работу ему не придется. Он — копписмен, так что дело ему обязательно найдется.

Она смотрит в лючок в стене, на прекрасном лице написана тревога.

— Ты должна ему помочь, дорогая, — говорит Паркус.

— Я его люблю, — едва слышно отвечает она.

— И он любит тебя. Но все будет непросто.

— Почему так устроена жизнь, Паркус? Почему она требует так много отдавать, а взамен предлагает самую малость?

Он раскрывает ей объятия, и она с готовностью приходит в них, прижимается к его груди.

В темноте потайного хода, за стеной комнаты, где спит Джек Сойер, Паркус отвечает на ее вопрос одним словом:

— Ка.

Эпилог

Она сидит у кровати в первую ночь Полной Луны, через десять дней после разговора с Паркусом в потайном ходе. Слышит, как неподалеку от шатра-дворца поют дети. На ее коленях вышивание. На дворе по-прежнему лето, и воздух напоен его ароматами.

И в комнате, где когда-то лежала Двойник его матери, Джек Сойер открывает глаза.

Софи откладывает вышивание, наклоняется, прижимается губами к его уху.

— С возвращением, — шепчет она. — Мое сердце, моя жизнь, моя любовь, — с возвращением.

14 апреля 2001 г.

Содержание

Часть первая.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ КАУЛИ 7

Часть вторая.
ПОХИЩЕНИЕ ТАЙЛЕРА МАРШАЛЛА 140

Часть третья.
ТАМ, ГДЕ НОЧЬ ЦАРИТ ВСЕГДА 367

Часть четвертая.
«ЧЕРНЫЙ ДОМ» И ЗА НИМ 661

Давным-давно в Долинах 762

Эпилог 766

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
Страуб Питер

ЧЕРНЫЙ ДОМ

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Художественный редактор Е. Фрей
Технический редактор Г. Этманова
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректоры *Л. Китс, Г. Москаленко*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

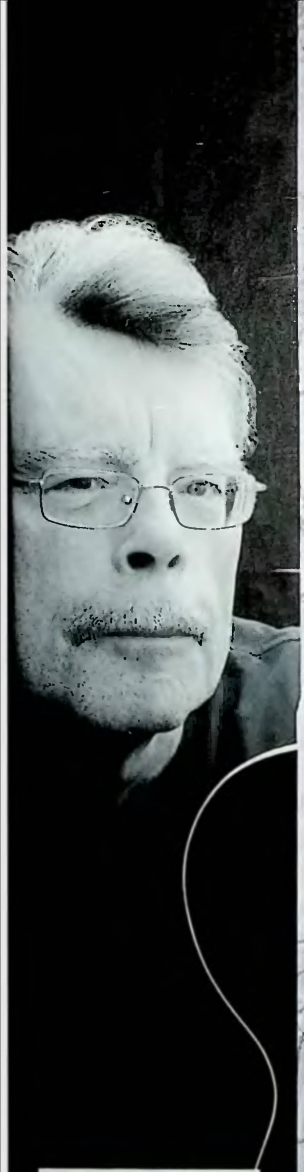
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.10.2017.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
Доп. тираж 2500 экз. Заказ №1039.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ISBN 978-5-17-094135-3

16+

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

«Черный дом» — уникальный роман в творчестве Стивена Кинга.
Это продолжение любимого миллионами фанатов во всем мире «Талисмана» и *в то же время* — связующее звено между «Талисманом» и opus magnum Кинга, циклом «Темная Башня».
И еще это редкий пример сотрудничества Кинга с другим писателем...

Серия чудовищных убийств потрясла городок Френч-Лэндинг. Начальник местной полиции просит Джека Сойера, детектива в отставке, помочь в расследовании этого дела.
Кто совершил ужасные преступления? Имитатор, подражающий известному серийному убийце? Или на тихий город обрушились неведомые темные силы?
Чтобы найти ответ, Джеку Сойеру предстоит воскресить свое прошлое и вновь отправиться в путешествие в Долины...

www.ast.ru
ISBN: 978-5-17-094135-3
9 785170 941353